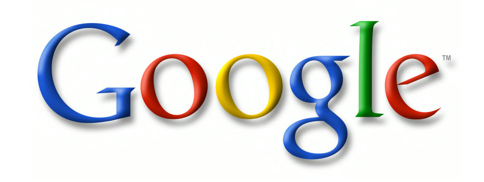
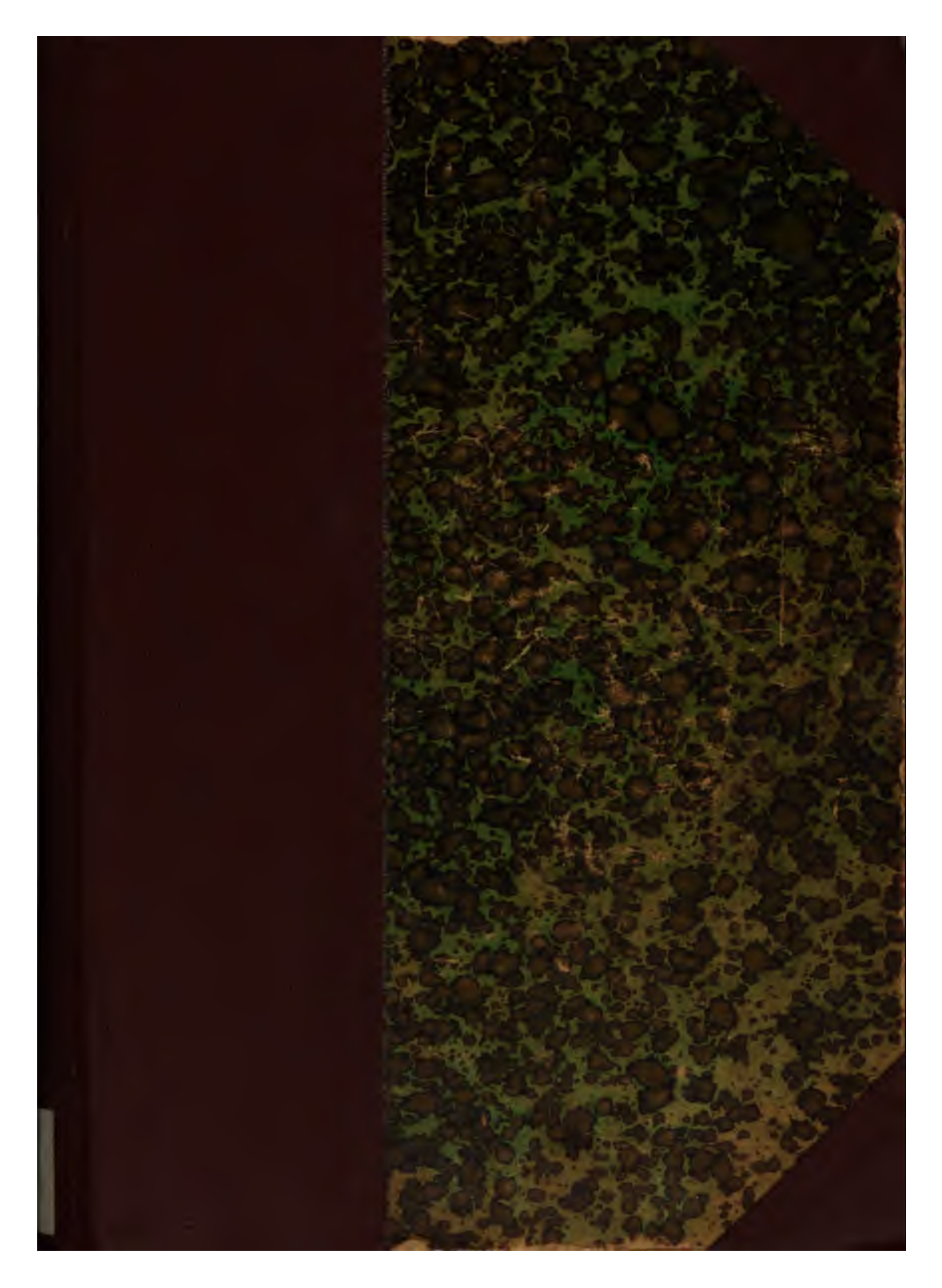

Google



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Ex.
A-10

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

РОМАНЪ-ХРОНИКА XVIII ВѢКА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. Ѳ. МЕРТЦА.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1903 года

Типографія «В. С. Балашевъ и К°». Спб., Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По берегамъ рѣчекъ Мьи и Фонтанной расположены широкія аллеи густо разросшагося Лѣтняго сада. Этотъ садъ разбитъ при Петрѣ въ паркѣ, прежде принадлежавшемъ маіору шведской службы Конау.

Тутъ, окруженный цвѣтниками, возвышается дворецъ Лѣтній, во времена Петра—небольшой деревянный домикъ, но теперь превратившійся въ настоящій дворецъ, роскошно отдѣланный и назначенный, при императрицѣ Аннѣ, для помѣщенія принцессы Анны Леопольдовны. Принцесса жила въ немъ не долго и въ послѣднее время здѣсь помѣстилась сама императрица, вмѣстѣ съ семействомъ герцога Курляндскаго. Здѣсь она и скончалась, и всего нѣсколько дней, какъ вынесли ея тѣло. Старыя, вѣковыя деревья сада, еще недавно зеленыя, быстро осыпались отъ вѣтровъ и непогоды, и стоятъ, по временамъ стуча холодными голыми сучьями. Ни одного цвѣтка не осталось въ клумбахъ. Не то дымъ, не то туманъ, да мелкій частый дождикъ закутываютъ все своей дымкой. У главнаго дворцоваго подъѣзда расположенъ караулъ Преображенскаго полка. Солдаты стоятъ на вытяжку, какъ истуканы, не смѣютъ даже носа почесать, какъ ни щекс-четъ лицо дождикъ. И солдаты и офицеры знаютъ, что здѣсь, въ Лѣтнемъ дворцѣ, невѣдомо откуда слѣдятъ за ними чьи-то глаза зоркіе и что имъ надо держать ухо востро, не то, какъ разъ, какая ни на есть бѣда стрясется. Знаютъ они также, что теперь, вотъ въ эти послѣдніе дни, съ самой смерти императрицы, особенно зорко слѣдятъ за ними глаза эти невидимые, и что государь регентъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свирѣпѣетъ.

Не мало думъ да заботъ неотложныхъ теперь у преображенцевъ, но на караулѣ они молчатъ, только иной разъ переглянутся другъ съ другомъ выразительно: «молъ, постой, погоди, теперь ни гугу, а вотъ ужо потолкуемъ!»

Ко дворцу то и дѣло подъѣзжаютъ кареты сановниковъ. На всѣхъ лицахъ выражается, по большей части, плохо скрываемая робость.

Въ первыхъ пріемныхъ комнатахъ всѣ вопросительно посматриваютъ другъ на друга, всѣмъ неловко. У каждаго въ головѣ одна мысль: «вотъ какихъ дѣлъ мы понадѣлали, сотворили его регентомъ, а теперь оказывается ухъ какъ плохо! Что ни день, труднѣе съ нимъ справляться». Но никто не выражаетъ этихъ мыслей другъ другу, всѣ больше молчатъ, дожидаются выхода герцога.

А тотъ и не думаетъ выходить.

Въ обширной комнатѣ, устланной мягкими, пушистыми коврами, заставленной всевозможными роскошными бездѣлушками, передъ огромнымъ письменнымъ столомъ сидитъ регентъ Россійской Имперіи. Передъ нимъ на другомъ креслѣ—кабинетъ-министръ, князь Черкаскій.

Когда-то красивое и тонкое, но теперь уже обрюзгшее, покрытое мелкими морщинами лицо Бирона нервно подергивается, его ноздри раздуваются, онъ судорожно сжимаетъ кулаки и очевидно едва себя сдерживаетъ.

Нѣсколько минутъ продолжается тяжелое молчаніе; наконецъ, регентъ подымается съ кресла и останавливается передъ Черкаскимъ.

— Что-же такое?—говоритъ онъ сначала рѣзкимъ шопотомъ, но постепенно возвышая голосъ:—что-же это такое? Ты думаешь, ты первый приходишь мнѣ говорить о такомъ скверномъ дѣлѣ? Ужъ много слышалъ! Вотъ тутъ,—онъ указываетъ на столъ, гдѣ разложена кипа бумагъ:—вотъ тутъ не одно признаніе. Бестужевъ былъ... его племянникъ Камынинъ тоже раскрылъ замыселъ гвардейцевъ...

— Слышалъ я объ этомъ, знаю,—проговорилъ Черкаскій.

— А! знаешь!—съ пѣной у рта повторилъ Биронъ и взглянулъ на Черкаскаго такъ, какъ будто тотъ былъ виноватъ въ чемъ-нибудь:—знаешь! То-то и есть, что раньше нужно-бы все это знать, мѣшкать нечего!.. Нельзя такъ вотъ сидѣть здѣсь, сложа руки. Пойди, князь, распоряжайся схватить этихъ негодяевъ, этого Пустошкина, Ханыкова и Яковлева и всѣхъ къ дѣлу причастныхъ, а съ Головкинымъ я самъ ужъ буду потомъ раздѣлываться, не уйдетъ онъ у меня изъ рукъ!

И Биронъ въ ярости такъ стиснулъ себѣ руки, что онѣ даже хрустнули.

Черкаскій поднялся.

— Да если что-нибудь, пусть сейчасъ-же мнѣ доносятъ, не опаздываютъ...

— Кажется, и такъ все быстро дѣлается,—проговорилъ Черкаскій.

— То-то быстро... да не на кого положиться!

Въ злобѣ и тревогѣ регентъ самъ ужъ не зналъ, что говоритъ и все больше и больше картавилъ русскія слова, такъ что Черкаскій едва удержалъ невольную улыбку и спѣшно вышелъ изъ кабинета.

Биронъ остался одинъ. Онъ долго ходилъ по мягкимъ коврамъ или, вѣрнѣе, метался по комнатѣ, отбрасывая руками и ногами всѣ попадавшіеся ему предметы и не замѣчая этого. Глаза его наливались кровью, ротъ кривился.

— Такъ вотъ какъ, вотъ какъ!—думалъ онъ:—съ перваго-же дня началъ милостями, а они и этимъ недовольны. Они погибель мою замышляютъ, вотъ какъ!

Онъ совсѣмъ терялся въ своихъ мысляхъ, въ своей тревогѣ и бѣшенствѣ. Онъ не умѣлъ владѣть собою, не умѣлъ быть хладнокровнымъ, благоразумнымъ, когда нужно. Голова его отказывалась работать именно тогда, когда настоятельно требовалась эта работа. Къ тому-же, всѣ нахлынувшіе въ послѣдніе дни доносы были для него совершенною неожиданностью. Онъ думалъ, что пришло время исполненія всѣхъ его завѣтныхъ мечтаній. Ему казалось, что теперь такъ легко это исполненіе, а между тѣмъ, вотъ являются препятствія... Надо перехватать этихъ людей, запытать ихъ, убить, уничтожить...

«Но кто знаетъ, что будетъ дальше? Много кругомъ шпіоновъ, но развѣ можно на людишекъ здѣшнихъ полагаться? Того и жди: найдется злоумышленникъ, проберется тайно, убьетъ, пожалуй...»

На мгновеніе паническій страхъ даже охватилъ Бирона; онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. И въ эту минуту мелькнула у него мысль, что, можетъ быть, лучше было-бы не заноситься такъ высоко, а приготовить себѣ мирное, спокойное существованіе. Но мысль эта только мелькнула и сейчасъ-же исчезла, потому что онъ ушелъ слишкомъ далеко отъ возможности подобныхъ мыслей давно успѣлъ онъ позабыть свою прежнюю жизнь.

Онъ не имѣлъ ужъ ничего общаго съ курляндцемъ Эрнстомъ Іоганномъ Бирономъ, мелкимъ служителемъ при маленькомъ дворѣ герцогини Анны Ивановны. Онъ забылъ, что еще не очень давно курляндцы отказывались признать его дворяниномъ; теперь онъ считалъ себя самымъ законнымъ курляндскимъ герцогомъ и правителемъ Россійской Имперіи. Жизнь его удалась невѣроятно. Онъ никогда не работалъ надъ собою; природа дала ему только красивую наружность, и одна эта наружность привела его къ тому положенію, въ которомъ онъ, наконецъ, очутился.

Давно, давно, въ первые годы молодости, по пріѣздѣ въ Митаву молодой вдовы Анны Ивановны, какъ-то случайно его глаза встрѣтились съ ея глазами. Ни о чемъ онъ тогда не думалъ, ничего не замышлялъ и даже не замѣтилъ, что герцогиня внимательно на него смотритъ. Однако скоро этого не замѣчать стало невозможно, герцогиня съ каждымъ днемъ смотрѣла все внимательнѣе и, въ свою очередь, внимательнѣе и смѣлѣе сталъ глядѣть на нее Биронъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и изъ мелкаго служителя, умѣвшаго возиться только съ лошадьми, онъ превратился въ самаго близкаго друга герцогини Курляндской.

Скучавшая, запуганная, многими тѣснимая Анна, чувствовавшая себя одинокою и беззащитною, привязалась къ нему всей душой, полюбила его на всю жизнь, безповоротно, совсѣмъ отдалась ему въ руки. И онъ, въ свою очередь, къ ней привязался. Можетъ быть, искренность этой привязанности во всю жизнь была единственнымъ добрымъ его чувствомъ.

Съ тѣхъ поръ онъ не разлучался съ герцогиней, а она думала его мыслями, и говорила его словами. Вмѣстѣ пріѣзжали они въ Москву на коронацію маленькаго императора Петра II-го, вмѣстѣ плакались на то, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Биронъ изъ кожи лѣзъ, обдѣлывая маленькія дѣлишки герцогини, заручаясь добрымъ расположеніемъ нужныхъ людей, обѣщаясь найти въ Курляндіи для императора и фаворита его, Ивана Долгорукаго, хорошихъ собачекъ. О, какъ онъ бился тогда, вернувшись въ Митаву, разыскивая этихъ собакъ. Всю Курляндію изъѣздилъ, но собаки оказались не нужны.

Собаки имъ не помогли — помогла судьба нежданная, негаданная, которая чрезъ годъ возвела герцогиню Анну на престолъ россійскій. И твердо оперся о престолъ этотъ Эрнстъ Іоганнъ Биронъ. Теперь ему приходилось распоряжаться и властвовать не въ маленькомъ митавскомъ дворѣ, теперь въ его рукахъ оказалась вся огромная и совсѣмъ неизвѣстная, даже непонятная для него, Россія. Но такая громадная задача его нисколько не смутила, онъ даже и не постарался приготовиться къ своей новой роли. Онъ пріѣхалъ изъ Курляндіи со старою и безпричинною ненавистью ко всѣмъ русскимъ и ко всему русскому, не хотѣлъ по-русски учиться, зналъ только одинъ нѣмецкій языкъ, да и то лишь свое родное курляндское нарѣчіе; не имѣлъ никакого понятія о политикѣ.

Онъ попрежнему умѣлъ только къ лицу принарядиться, ловко вскочить на коня, сыграть партію въ карты. Съ такою-то подготовкой, съ такими талантами и качествами началъ онъ вмѣшиваться въ правленіе Россіей, началъ все дѣлать по своему и, можетъ быть, ни разу ни надъ чѣмъ не задумался. Онъ зналъ,

что кругомъ многіе его ненавидятъ, что народъ смотритъ на него какъ на злодѣя, но ему до этого не было никакого дѣла. Онъ зналъ, напримѣръ, что австрійскій посолъ, графъ Остенъ, выразился про него, что онъ говоритъ о лошадяхъ и съ лошадьми какъ человѣкъ, а съ людьми какъ лошадь; и онъ смѣялся надъ этимъ. Онъ зналъ, что не мало людей изъ-за него обливаются слезами и кровью—и смѣялся. Ему ничего не стоило подписать кому угодно смертный приговоръ, и онъ его подписывалъ рукою беззащитной отъ него Анны.

Такъ какъ-же могъ онъ теперь остановиться на какой-нибудь благоразумной мысли? Теперь онъ потерялъ своего единственнаго друга, добрую императрицу. Онъ искренно всплакнулъ надъ ея гробомъ и, конечно, разсуждалъ такъ, что нужно-же чѣмъ-нибудь вознаградить себя за эту потерю. Онъ нашелъ, что такой наградой можетъ быть только безконтрольное управленіе Россійской Имперіей... А тутъ: какіе-то солдаты, какіе-то офицеры, народъ какой-то, котораго онъ знать не знаетъ и знать не хочетъ, силятся вырвать у него эту награду, это наслѣдіе, оставшееся отъ стараго друга!..

«О негодяи, негодяи!»—бѣшено шепчетъ онъ, переставая метаться по комнатѣ, присаживаясь къ столу и разбирая лежащія на немъ бумаги: — «всѣхъ запытаю, всѣхъ уничтожу;—другіе не посмѣютъ!»

Онъ снова начинаетъ перечитывать доносы. Вотъ подробный доносъ Камынина, вотъ тутъ и другой; вотъ еще одинъ доносъ, гдѣ говорится о томъ, что въ войскахъ есть движеніе въ пользу принцессы Елизаветы.

Биронъ медленно, строчка за строчкой, очевидно, плохо разбирая, прочелъ эту бумагу и отложилъ ее въ сторону. На его лицѣ не обнаружилось новой досады: къ этому доносу почему-то онъ отнесся хладнокровно.

Вотъ еще одна бумага: это что такое? «А!»—снова яркая краска вспыхнула на лицѣ регента и онъ быстро и громко зазвонилъ въ стоявшій на столѣ колокольчикъ.

Черезъ нѣсколько секундъ почти неслышно пріотворилась маленькая замаскированная дверца и изъ нея выглянула большая, заплывшая жиромъ голова любимаго камердинера Бирона.

— Что, того адъютанта стерегутъ? — спросилъ регентъ по-нѣмецки.

— Стерегутъ, молчитъ!—отвѣтилъ камердинеръ.

— А въ пріемныхъ много лицъ?

— Много, ваша свѣтлость...

— Ну и пускай дожидаются; въ кабинетъ никого не пускать— я ухожу.

Камердинеръ исчезъ, а Биронъ еще минуту простоялъ посрединѣ комнаты.

«Что офицеры и солдаты!—бѣшено думалъ онъ: — ничего-бы сами собою не задумали, все это оттуда, отъ брауншвейгскихъ происходитъ. Ну, да отъ меня не увернетесь!»

Онъ вышелъ изъ кабинета маленькой дверцей, пошелъ по корридорамъ, спустился въ нижній этажъ и вошелъ, наконецъ, въ довольно темную, просторную комнату подъ сводами. Двери въ эту комнату охранялись четырьмя вооруженными людьми.

У сыроватой стѣны, на деревянной лавкѣ сидѣлъ высокаго роста и плотнаго сложенія довольно еще молодой человѣкъ, адъютантъ принца брауншвейгскаго—Граматинъ. Онъ сидѣлъ здѣсь съ утра.

Его арестовали, какъ потомъ говорилъ Биронъ, по одному «сумнѣнію», для того, чтобы черезъ него вывѣдать обо всемъ, творящемся у принца.

Граматина подняли рано утромъ съ постели, едва дали время ему одѣться, въ наглухо закрытой каретѣ привезли въ Лѣтній дворецъ и провели въ эту комнату. Сейчасъ пришелъ туда самъ Биронъ и началъ кричать на него. Въ первыя минуты Граматинъ не особенно смутился, показалъ только на секретаря Семенова, адъютанта князя Путята и нѣсколькихъ другихъ семеновскихъ офицеровъ, что они къ присягѣ Бирону не склонны, а желаютъ держать сторону принца брауншвейгскаго; про принца-же объявилъ, что тотъ запретилъ допускать къ себѣ Семенова.

Услышавъ это, Биронъ сталъ кричать еще пуще.

— Нѣтъ, ты отъ меня не утаишь!—наступалъ онъ на Граматина:—теперь не хочешь сказать всю правду, такъ послѣ скажешь въ пыткѣ! Или ты думаешь, что твой принцъ отстоитъ тебя? Вотъ увидишь! Не принцу твоему со мной тягаться. Сиди здѣсь, да одумайся лучше...

И регентъ ушелъ отъ него, а вотъ теперь опять не стерпѣлъ, вернулся: такъ ему хотѣлось поскорѣй узнать о замыслахъ принца брауншвейгскаго.

Сразу, входя въ комнату, Биронъ замѣтилъ необыкновенную перемѣну, происшедшую за эти нѣсколько часовъ въ Граматинѣ. Рослый и плотный, мужественнаго вида адъютантъ, несмотря на свою внѣшность, не былъ героемъ. Сидя взаперти въ этой мрачной комнатѣ, совсѣмъ нетопленной, да вдобавокъ еще и на тощій желудокъ (онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ), бѣдный Граматинъ сообразилъ, что дѣло его плохо,—принцъ Брауншвейгскій ему не защита: самъ дрожитъ передъ Бирономъ. Захочетъ регентъ, такъ все теперь сдѣлаетъ; пожалуй, этакъ и дѣйствительно пытать станутъ, а потомъ и голову отрубятъ. Невеселыя картины, одна за другой, все ярче рисовались въ вообра-

женіи Граматина и къ тому времени, когда вошелъ къ нему вторично Биронъ, онъ ужъ былъ окончательно запуганъ, и готовъ на что угодно.

— Ну, что-жъ, одумался?—началъ регентъ, свирѣпо взглянувъ на несчастнаго адъютанта.

Тотъ всталъ съ лавки, вытянулся во весь ростъ и заикаясь, обливаясь холоднымъ потомъ, и не смѣя взглянуть на своего мучителя, охрипшимъ отъ страха голосомъ прошепталъ:

— Одумался.

— Такъ разсказывай все подробно, что знаешь...

Но исполнить это было чрезвычайно трудно. Граматинъ разинулъ ротъ, что-то такое началъ и заикнулся.

— Да говори же, говори такъ, чтобы я слышалъ и понималъ! —нетерпѣливо повторялъ Биронъ:—говори, вѣдь, я тебя не ѣмъ, я требую только знать правду.

Граматинъ собралъ всѣ свои силы, откашлялся и началъ:

— Во... во.. во второе же сего октября же, когда всемилостивѣйшая государыня тяжко заболѣзновала, то доносилось его свѣтлости, принцу...

— Безъ свѣтлостей!—вдругъ почему-то окончательно выходя изъ себя, закричалъ регентъ:—къ дѣлу!

Этотъ окрикъ совсѣмъ смутилъ Граматина; у него дрожали руки и ноги. Онъ началъ что-то такое шептать неясное, въ которомъ слышалось только: «я говорю, онъ мнѣ говоритъ».

Биронъ терялъ всякое терпѣніе.

— Ничего не понимаю!—кричалъ онъ:—Говори яснѣе, отставляй слово отъ слова!

Граматинъ снова откашлянулся и началъ, дѣйствительно отставляя слово отъ слова!

— И тогда-же пришелъ я въ покои ея высочества, государыни, принцессы Анны, гдѣ увидѣлъ секретаря Семенова и онъ мнѣ сказалъ: «что-де, братецъ, вѣдь-де наши господа деньги-то приняли, да и замолчали». А я на это ему сказалъ, что какъ соизволятъ, намъ что за дѣло. Что еще попадешь напрасно въ бѣду. И онъ, Семеновъ, мнѣ сказалъ, инде перестань говорить, и я ему сказалъ: что перестать! Да у насъ ужъ и запрещено. И онъ мнѣ сказалъ...

— Чортъ,—завопилъ Биронъ, накидываясь съ кулаками на Граматина:—молчи!.. «Онъ мнѣ сказалъ, я ему сказалъ!»... Сейчасъ тебѣ принесутъ бумагу и чернила, пиши все, а я тебя не понимаю. Да смотри, все напиши подробно, не то берегись у меня, запытаю; вижу, вѣдь, тебя, ничего не скроешь!

Онъ вышелъ изъ комнаты, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, распорядился, чтобы Граматину дали бумаги и заставили его писать подробную повинную.

Черезъ полчаса герцогъ вышелъ въ пріемную, сухо раскланялся съ давно дожидавшимися его сановниками и, почти не сказавъ никому слова, велѣлъ подавать себѣ карету.

— Въ Зимній дворецъ!—раздражительно крикнулъ онъ, когда лакеи суетились вокругъ кареты и захлопывали дверцы.

II.

Молодая принцесса Анна Леопольдовна только что вышла изъ спальни своего сына, трехнедѣльнаго императора. Она попробовала было съ нимъ возиться, но онъ скоро надоѣлъ ей и вотъ она оставила его на попеченіе нѣсколькихъ женщинъ, приставленныхъ къ нему, а сама спѣшила въ свои аппартаменты, гдѣ, какъ она знала, ее поджидаетъ неизмѣнный другъ, безъ котораго она не могла, кажется, прожить минуты, фрейлина ея Юліана Менгденъ.

Анна Леопольдовна довольно рано проснулась въ это утро, но до сихъ поръ еще и не думала одѣваться. Волосы ея были распущены, голова повязана бѣлымъ платкомъ, на плечи накинутъ утренній капотъ. Это была ея любимая одежда, въ которой она, если только было возможно, оставалась даже иной разъ весь день.

— Юля, Юля! гдѣ ты?—кричала принцесса, проходя по комнатамъ и не видя своего друга.

— Здѣсь, иду сейчасъ! — откуда-то издали, наконецъ, раздался звонкій, свѣжій голосъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній передъ Анной Леопольдовной появилась запыхавшаяся молодая дѣвушка.

— Гдѣ ты пропадаешь, Юля? Я ждала тебя, думала ты зайдешь туда, въ спальню.

Она нѣжно обняла и поцѣловала свою подругу.

Большая разница замѣчалась между ними. Анна Леопольдовна была не высока, нѣжнаго сложенія, съ чертами неправильными, но пріятными и не то утомленными, не то просто сонливыми глазами. На ея блѣдномъ и только изрѣдка и на мгновеніе лишь вспыхивавшемъ молодомъ лицѣ постоянно лежало какое-то наивное, почти дѣтское выраженіе.

Фрейлина Менгденъ была высокаго роста, статная и крѣпкая дѣвушка, съ быстрыми огненными глазами, маленькимъ вздернутымъ носомъ и рѣзко очерченнымъ характернымъ ртомъ. На ея щекахъ постоянно горѣлъ густой, здоровый румянецъ. Она говорила громкимъ, немного рѣзкимъ, но нелишеннымъ пріятности голосомъ. Въ каждомъ ея движеніи проглядывала смѣлость, рѣшительность и энергія.

— Какая ты хорошенькая, Юля! — говорила Анна Леопольдовна, продолжая обнимать молодую дѣвушку и съ любовью въ нее вглядываясь.—Какъ ты хорошо причесалась сегодня, только для кого-же? Не такое теперь время: никого не видишь, только одинъ супругъ мой,—она презрительно подчеркнула это слово:— на глаза попадается, для него не стоитъ рядиться. Видишь, я какъ! Съ утра вотъ не одѣваюсь...

— Ахъ, это не хорошо, Анна! — отвѣтила Менгденъ:—пойдемъ, дай я тебя одѣну.

Она говорила принцессѣ «ты» и даже при постороннихъ съ трудомъ преодолѣвала эту привычку.

— Одѣваться? Ни за что! — замахала на нее руками принцесса.— Съ какой стати я буду одѣваться? Такъ гораздо лучше, удобнѣе. Развѣ ты не знаешь, что для меня наказаніе быть одѣтой? Тутъ жметъ, тамъ жметъ, держись прямо, сиди точно аршинъ проглотила... Нѣтъ, спасибо!.. А что, скажи мнѣ, пожалуйста, написала ты то письмо?

Блѣдное лицо принцессы при этомъ вопросѣ покрылось румянцемъ.

— Написала, вотъ, прочти...

Юліана Менгденъ осторожно вынула изъ кармана сложенный листъ бумаги и подала его принцессѣ.

Та съ живостью, такъ мало ей свойственною, схватила эту бумагу, развернула и принялась жадно читать.

По мѣрѣ того, какъ она читала, румянецъ все больше и больше разгорался на щекахъ ея. Наконецъ, она окончила чтеніе, подняла глаза на Юліану и проговорила:

— Хорошо, хорошо, очень хорошо, это самое я и хотѣла сказать ему!

— Все-же бы лучше сама написала, - съ маленькой усмѣшкой и пожимая плечами, замѣтила Менгденъ. — Вотъ ужъ я бы ни за что никому не поручила писать такія письма!

— Да, вѣдь, ты все равно знаешь всѣ мои мысли,—оправдывалась принцесса:—такъ это одно, что я пишу сама, что ты. А ты знаешь, что для меня придумывать письмо, это такое наказаніе! Гораздо лучше и скорѣе, вотъ, я возьму и перепишу его. Посмотри, нѣтъ-ли кого тутъ и дай мнѣ самой лучшей бумаги и чернильницу. Сейчасъ вотъ сяду и перепишу, а потомъ ты ужъ, пожалуйста, поторопись и распорядись хорошенько, чтобы скорѣе оно было отправлено въ Саксонію, да такъ, чтобы никто и не узналъ объ этомъ.

Юліана опять пожала плечами, опять усмѣхнулась.

— Нѣтъ, видно, возьму твое письмо, да и понесу показывать его принцу!

Она пошла за бумагой и чернильницей.

Анна Леопольдовна снова развернула написанную другомъ черновую и принялась ее перечитывать. И еслибъ кто посмотрѣлъ на нее въ эти минуты, то очень бы изумился: такъ измѣнилось лицо ея, такъ оно оживилось, такъ похорошѣло.

Но для того, чтобы понять оживленіе принцессы, нужно заглянуть въ ея прошлое.

Анна Мекленбургская была любимой племянницей императрицы, которая съ тринадцатилѣтняго возраста взяла ее къ себѣ во дворецъ и *удочерила*, какъ тогда выражались.

Къ маленькой Аннѣ была приставлена гувернантка, госпожа Адеркасъ, сумѣвшая обворожить императрицу и почти всѣхъ придворныхъ своими манерами, прекрасной наружностью, любезностью и вообще всякими пріятными качествами. Со своей воспитанницей госпожа Адеркасъ тоже очень сдружилась. Она не слишкомъ мучила ее занятіями, дѣлала ей мало замѣчаній, сквозь пальцы смотрѣла на ея лѣнь и нѣкоторыя причуды.

Скоро, благодаря стараніямъ вѣнскаго двора и уговариваньямъ Левенвольда, подкупленнаго Карломъ VI, былъ приглашенъ въ Россію принцъ Антонъ Брауншвейгскій. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и оказался девятнадцатилѣтнимъ юношей, худенькимъ, маленькимъ, неловкимъ и застѣнчивымъ. Цѣль его пріѣзда была извѣстна всѣмъ, въ томъ числѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ: онъ переселился въ Россію для того, чтобы сдѣлаться супругомъ молодой принцессы. Она, даже несмотря на свой возрастъ, очень заинтересовалась такимъ открытіемъ и съ нетерпѣніемъ ждала принца. Но, увидавъ его, сдѣлала гримаску: онъ ей очень не понравился. Не понравился онъ также императрицѣ, но Анна Іоанновна все-же рѣшила, что дѣло ужъ сдѣлано, не гнать-же его обратно. Она говорила приближеннымъ: «принцъ мнѣ нравится такъ-же мало, какъ и принцессѣ, но высокія особы не всегда соединяются по склонности. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, онъ человѣкъ миролюбивый и уступчивый, и я, во всякомъ случаѣ, не удалю его отъ двора, не хочу обижать австрійскаго императора.»

И вотъ, юному брауншвейгскому принцу было оказано всякое вниманіе. Его сдѣлали подполковникомъ кирасирскаго полка, который и назвали, въ его честь, бевернскимъ. Онъ остался жить при русскомъ дворѣ и ожидать совершеннолѣтія своей невѣсты.

Всѣ силы употреблялъ онъ для того, чтобы съ ней сблизиться, чтобы ей понравиться, но не сумѣлъ ничего достигнуть. Она высказывала ему явное нерасположеніе, холодность, даже часто въ глаза смѣялась надъ нимъ.—«Ну что-жъ, еще дѣвочка совсѣмъ, а вотъ скоро выростетъ, тогда перемѣнится», — думалъ бѣдный принцъ.

Но время шло. Анна Леопольдовна изъ дѣвочки превратилась въ дѣвушку, и не измѣнилась. Напротивъ, ея нерасположеніе къ принцу, ея насмѣшки надъ нимъ, стали доходить до самыхъ непріятныхъ размѣровъ. Наконецъ, она начала просто раздражаться и совсѣмъ уже не сдерживала себя въ его присутствіи. И все это дѣлала она особенно явно съ тѣхъ поръ, какъ при дворѣ появился молодой, красивый Саксонскій посланникъ, графъ Линаръ.

Этотъ молодой человѣкъ сразу произвелъ неотразимое впечатлѣніе на Анну Леопольдовну и скоро во дворцѣ разыгралась исторія. Оказалось, что молоденькая принцесса призналась въ своей страсти госпожѣ Адеркасъ и та, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать ей строгое внушеніе и донести обо всемъ императрицѣ, сразу вошла въ ея интересы и стала покровительствовать ея страсти. Она устроила два-три, хотя и невинныхъ, но тѣмъ не менѣе опасныхъ свиданія между Линаромъ и принцессой. Все это подсмотрѣли любопытные люди и донесли государынѣ.

Госпожу Адеркасъ, вмѣстѣ съ ея горбатенькой, некрасивой, но умненькой дочерью, бывшей подругой Анны Леопольдовны, выслали изъ Петербурга; а вслѣдъ за ними и Линаръ, по просьбѣ императрицы, былъ отозванъ своимъ дворомъ.

Бѣдная Анна Леопольдовна, послѣ неоднократныхъ и грозныхъ разговоровъ съ императрицей, послѣ удаленія Адеркасъ и Линара, почувствовала себя совершенно несчастной, долго мучилась, плакала, не выходила изъ своихъ комнатъ; а когда, наконецъ, вышла, то оказалась уже совсѣмъ непримиримымъ врагомъ принца Антона Брауншвейгскаго.

Биронъ, конечно, все это зналъ въ подробности и рѣшился воспользоваться ненавистью принцессы къ жениху для того, чтобъ женить на ней своего старшаго сына Петра.

Онъ ничего объ этомъ не сказалъ императрицѣ и началъ съ того, что подъ предлогомъ военнаго образованія принца Антона, отправилъ его воевать съ турками въ армію Миниха.

Долго воевалъ принцъ, почти цѣлыхъ два года, нѣсколько разъ отличался,—хотя Минихъ потомъ и увѣрялъ, что никакъ не могъ узнать, что такое принцъ Антонъ: рыба или мясо. Наконецъ, вернулся въ Петербургъ, получилъ за храбрость чинъ генералъ-маіора, ордена Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго.

Въ его отсутствіе не произошло никакихъ перемѣнъ. Биронъ ничего не добился, Анна Леопольдовна, попрежнему, была невѣстой, и даже встрѣтила новаго андреевскаго кавалера нѣсколько любезнѣе. Онъ несказанно этому обрадовался и возобновилъ свои ухаживанья. Тогда Биронъ рѣшился дѣйствовать прямо:

объяснился съ императрицей и предложилъ своего сына Петра въ женихи принцессѣ.

Этотъ планъ былъ вовсе не по вкусу государынѣ и она оказалась поставленной въ самое тяжелое положеніе. Она совершенно отвыкла отказывать въ чемъ-либо своему любимцу,— онъ давно ужъ дѣлалъ изъ нея все, что хотѣлъ, но несмотря на свое ослѣпленіе, на свою беззавѣтную любовь къ Бирону, соединенную даже съ какимъ-то страхомъ, Анна Ивановна все-же, въ извѣстныя минуты, находила въ себѣ силу воли. Она не отказала Бирону, сказала только, что поговоритъ съ племянницей и пускай та сама рѣшитъ, неволить ее она не станетъ.

И точно, она предложила Аннѣ Леопольдовнѣ сдѣлать окончательный выборъ между сыномъ герцога курляндскаго и принцемъ Антономъ.

Къ этому времени молодая принцесса ужъ давно успокоилась, примирилась со своей разлукой съ Линаромъ. Она не любила принца Антона, не находила въ немъ ровно ничего для себя привлекательнаго, но дѣло въ томъ, что Бирона и все его семейство она не только что не любила, но даже ненавидѣла. Передъ ней было два зла, конечно, надо было выбрать меньшее — и она выбрала принца Антона. Вообще все это время она находилась въ какомъ-то странномъ состояніи, дремота одолѣвала ее, мысли въ головѣ совсѣмъ не работали, и ко всѣмъ она была равнодушна, пуще всего не любила общества. Когда по необходимости показывалась, то терялась, скучала и, при первой возможности, уходила въ свои комнаты и шушукалась тамъ съ другомъ своимъ, Юліаной Менгденъ.

Равнодушно приняла она предложеніе принца Антона, равнодушно принимала поздравленія окружавшихъ, а когда ея свадьба была совершена съ большимъ великолѣпіемъ и торжественностью, такъ-же равнодушно отнеслась къ новому своему положенію.

Прошелъ годъ—родился у нея сынъ, а чрезъ нѣсколько дней скончалась императрица.

Анна Леопольдовна поплакала искренно. Но много ей плакать не давали, говорили что это вредно для ея здоровья въ ея теперешнемъ положеніи; она слушалась этихъ совѣтовъ и переставала плакать.

Теперь она родительница царствующаго государя, Іоанна VI-го. Жизнь невеселая попрежнему, попрежнему вмѣстѣ съ нею мужъ нелюбимый, который теперь ей просто смѣшнымъ кажется. Надъ ними обоими владычествуетъ тотъ-же ненавистный Биронъ. Плохо, совсѣмъ плохо живется, и отрада одна только въ вѣчномъ неизмѣнномъ спасителѣ снѣ глубокомъ, снѣ безъ сновидѣній.

Но не далѣе какъ вчера былъ у нея съ Юліаной разговоръ о графѣ Линарѣ. И вдругъ оживилась Анна Леопольдовна, и вдругъ ей показалось, что теперь возможно стало снова увидѣться съ этимъ милымъ, не забытымъ ею человѣкомъ.

Рѣшились онѣ послать ему тайно письмо, чтобы онъ просился снова въ Россію. Это-то письмо, составленное Юліаной, жадно такъ читала и перечитывала Анна Леопольдовна...

Передъ нею, наконецъ, бумага и чернила, она осмотрѣла перо и опять, наказавъ Юліанѣ прислушиваться въ сосѣдней комнатѣ, чтобы кто не пришелъ, принялась переписывать.

Письмо уже было почти готово, когда вбѣжала Юліана и сказала, что идетъ принцъ.

— Вотъ еще нашелъ время!—съ досадой проговорила Анна Леопольдовна:—особенно его то теперь недоставало!

— Да я удержу его, а ты скорѣй дописывай.

И она побѣжала навстрѣчу принца Антона.

Онъ шелъ къ женѣ озабоченный и растерянный. Его маленькая, худенькая фигурка, блѣдное лицо съ застывшимъ выраженіемъ наивнаго испуга, дѣйствительно производили несовсѣмъ выгодное для него впечатлѣніе.

— Гдѣ принцесса?—спросилъ онъ Юліану.

— Здѣсь, у себя, читаетъ что-то,—отвѣчала молодая дѣвушка.

Онъ хотѣлъ пройти мимо, но она его остановила.

— Принцъ, что съ вами, отчего вы такъ разстроены?—спросила она и постаралась выразить на своемъ лицѣ большое участіе.

Онъ взглянулъ на нее, остановился и протянулъ ей руку.

— Да что, Юліана, совсѣмъ плохо,—сказалъ онъ:—вотъ иду все объяснить женѣ, услышите.

— А вы мнѣ-то, мнѣ-то скажите, что съ вами, не пугайте!—говорила она, лаская его своимъ взглядомъ и не выпуская его руку.

Онъ слабо ей улыбнулся, даже на глазахъ его показались слезы. Онъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и крѣпко поцѣловалъ.

— Ахъ, Юліана, вы не повѣрите, какъ мнѣ дорого ваше участіе!

Она ничего не говорила, только продолжала ласкать его взглядомъ и чутко прислушивалась, когда можно будетъ выпустить его руку.

Но онъ, конечно, не могъ и вообразить объ ея хитрости, онъ видѣлъ только ея нѣжный взглядъ и даже на мгновеніе позабылъ о своемъ горѣ.

Онъ уже давно рѣшилъ, что жена для него безнадежна, что она его не любитъ и никогда любить не будетъ. Да и въ себѣ самомъ не замѣчалъ онъ къ ней особенной страсти.

Ему гораздо больше нравилась Юліана Менгденъ, и магическіе взгляды этой красивой и смѣлой дѣвушки не въ первый разъ трогали его чувствительное сердце.

Теперь, можетъ быть, онъ не ограничился бы даже поцѣлуемъ ея руки и пошелъ бы дальше, несмотря на всю свою природную скромность и застѣнчивость, но въ это время Юліана разслышала черезъ комнату шаги Анны Леопольдовны и выпустила руку принца Антона.

— Принцесса идетъ,—сказала она.

Молодой человѣкъ неловко отскочилъ отъ фрейлины и пошелъ навстрѣчу женѣ.

— Что это у васъ такое странное лицо?—спросила Анна Леопольдовна, не обращая никакого вниманія на супружескій поцѣлуй принца Антона (она не видала его со вчерашняго вечера и жили они на разныхъ половинахъ).

— Случилось что-нибудь? Вѣрно опять Биронъ?

— Конечно, онъ!—отвѣчалъ плаксивымъ голосомъ принцъ.— Всѣхъ забираетъ. Представьте себѣ, сегодня чуть свѣтъ арестовалъ Граматина, до насъ добирается. Вѣдь, это что-жъ такое? Вѣдь, дня спокойно прожить невозможно. Я знаю, чего онъ хочетъ: ему мало того, что онъ сдѣлалъ себя регентомъ, ему хочется совсѣмъ насъ уничтожить. Вотъ посмотрите, не сегоднязавтра онъ станетъ добиваться, чтобы насъ вонъ выслать изъ Россіи. Что-же это такое?

Въ голосѣ его уже совсѣмъ слышались слезы.

— Такъ надо дѣйствовать!—вмѣшалась Юліана:—Какъ будто у васъ мало сторонниковъ!?

— Конечно, надо дѣйствовать,—снова заговорилъ принцъ:— да какъ? Вотъ только-что начнешь, а онъ ужъ и похваталъ всѣхъ!...

Не успѣлъ онъ договорить, какъ въ комнату, безъ всякихъ необходимыхъ церемоній, вбѣжалъ одинъ изъ его камеръ-юнкеровъ и спѣшно доложилъ, что государь-регентъ пріѣхалъ и идетъ прямо сюда.

— Какъ? сюда, безъ доклада?—проговорили разомъ принцъ и принцесса.

Они возмутились, но въ то же время оба страшно перепугались и стояли неподвижно, съ блѣдными, вытянутыми лицами.

Въ сосѣдней комнатѣ, дѣйствительно, раздавались быстрые, неровные шаги, и черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показался Биронъ.

По всѣмъ его движеніямъ и по лицу было замѣтно волненіе и бѣшенство.

Онъ вовсе непочтительно поклонился принцу и принцессѣ,

обошелся на этотъ разъ безъ всякихъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ вѣжливостей и уже хотѣлъ было говорить что-то, но принцъ Антонъ нашелъ въ себѣ мужество перебить его.

— Что вамъ угодно, герцогъ?—сказалъ онъ, стараясь по возможности придать храбрый видъ своей маленькой фигуркѣ.— Что это вы такъ прибѣжали, и прямо сюда, и безъ доклада? Видите, принцесса не одѣта.

— Ахъ, извините, принцесса, — раздражительно выговорилъ Биронъ:—я не разсчитывалъ, что у вась все еще раннее утро продолжается. Впрочемъ, теперь право не до церемоній... Что-жъ это вы, ваше высочество!—еще насмѣшливѣе обратился онъ къ принцу:—что это вы такое затѣваете, скажите на милость?!

— Что я такое затѣваю?!.—съ явной дрожью въ голосѣ и во всѣхъ членахъ, но съ тѣмъ-же стараніемъ казаться бодрымъ, прошепталъ принцъ:—ничего не затѣваю!

— Нѣтъ-съ, вы затѣваете и затѣваете скверныя вещи, вы хотите учинить массакръ, рубку людей устраиваете! Такъ что-жъ, вы думаете, что я такъ вамъ это и позволю? Что-жъ, вы думаете, очень я боюсь васъ!?.

Принцъ и принцесса испуганно, съ пересохшимъ горломъ и остановившимися глазами, глядѣли на этого бѣшенаго человѣка, забывающаго всякія приличія, и даже позабыли внутренно возмущаться его поведеніемъ.

Но Юліана Менгденъ, болѣе хладнокровная и внимательная, стоя въ сторонкѣ, наблюдала за Бирономъ. Ей ясно было, что если принцъ и принцесса такъ трусятъ и трепещутъ, то и Биронъ, въ свою очередь, несмотря на всю дерзость и бѣшенство, труситъ и трепещетъ, можетъ быть, не меньше ихъ. Вотъ онъ, чуть не въ третій разъ повторяетъ:—«вы думаете, я боюсь васъ!?» и одной этой фразой показываетъ, что точно боится. Не ихъ онъ боится, а знаетъ, что за ними стоитъ огромная сила—милліоны: войско и народъ. И этотъ громадный призракъ такъ для него страшенъ, что за нимъ онъ даже не различаетъ испуганныхъ фигуръ принца Антона и Анны Леопольдовны.

— Что-же это вы на свой семеновскій полкъ надѣетесь!?— продолжалъ кричать Биронъ. —Такъ не бойтесь, и на него надежда плохая. Вы думаете, у меня глазъ нѣтъ, ушей нѣтъ? Напрасно такъ думаете. Вотъ сегодня вашъ Граматинъ все разсказалъ; такъ знаете-ли, что за такія дѣла, хоть вы и родители государя, а можете очень поплатиться? Вы не забывайте, что, будучи родителями государя, вы въ то же время и его подданные. А какъ съ подданными, умышляющими государственныя смуты, съ вами легко справиться. Совѣтую образумиться,—затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ это,—совѣтую во время

образумиться и не учинять массакра, не то сильно раскаетесь...

И онъ, не давши даже времени проговорить хоть что-нибудь остолбенѣвшему принцу Антону, круто повернулся и, едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты.

III.

Въ то время какъ лихорадочная, исполненная всякихъ тревогъ и волненій жизнь шла въ Зимнемъ и Лѣтнемъ дворцахъ, третій небольшой дворецъ, помѣщавшійся близъ Царицына луга, тамъ, гдѣ теперь казармы павловскаго полка, поражалъ своею тишиною. Не было здѣсь никакого съѣзда, не было парадныхъ карауловъ; хоть и часто заглядывали сюда гвардейскіе солдатики, но все больше съ задняго крыльца, да тихомолкомъ. Въ этомъ дворцѣ жила цесаревна Елизавета.

Не мало русскихъ людей, задумывавшихся надъ судьбою отечества, обращались мысленно къ этому дворцу и все ждали: не будетъ-ли оттуда какой новости.

Многіе предсказывали, что скоро цесаревна дастъ о себѣ знать, потребуетъ признанія своихъ законныхъ правъ и права эти, конечно, будутъ признаны.

Въ смутное время, когда съ такимъ трудомъ и съ такими хитросплетеніями рѣшается вопросъ о престолонаслѣдіи, пора явиться передъ народомъ дочери Петра Великаго. Многіе русскіе люди не только что думали объ этомъ, но и ждали этого съ сердечнымъ замираніемъ, съ горячей надеждой. Тяжело имъ было молчать и ждать, но они молчали и только всѣми силами старались что-нибудь провѣдать про царевну, узнать ея мысли, допытаться почему она медлитъ. А узнать о ней былъ одинъ только путь, черезъ тѣхъ-же солдатъ-гвардейцевъ, которые давно называли ее своей матушкой и любили ее безъ памяти. Да какъ было и не любить ее и солдатамъ, и русскому народу? Эта любовь соединялась въ нихъ съ чувствомъ жалости, а народная жалость—великое дѣло. Жалѣли цесаревну за долгіе годы ея печальной жизни, жалѣли за то, что она, матушка, все терпѣла, ни на что не жаловалась, никого не обидѣла дурнымъ словомъ, встрѣчала всѣхъ привѣтомъ да лаской.

Знали про нее также, что еще во дни первой молодости многимъ иноземнымъ принцамъ-женихамъ она отказала для того, чтобы только остаться въ Россіи, жить со своимъ народомъ.

Всякіе разсказы про нее ходили. Вспоминалось о томъ, какъ жила она, забытая и обойденная, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Всякую нужду тогда терпѣла, да мало тужила о нуждѣ

этой; забыла пиры да банкеты, отказалась она отъ всякаго блеска. Только принарядиться любила попрежнему и не разъ выходила, особенно въ праздники, на широкую деревенскую улицу, свѣтлая да прекрасная, какъ солнце небесное, нарядная и привѣтливая, улыбалась народу, заводила хороводы съ деревенскими дѣвками, пѣла съ ними пѣсни, да не то что пѣла, а и сама имъ пѣсни складывала.

Всѣ знали, что стоитъ заглянуть теперь въ Покровское въ день праздничный и поютъ тамъ—заливаются:

«Во селѣ. селѣ Покровскомъ,
Середь улицы большой
Расплясались. разыгрались
Красны дѣвки межъ собой».

Эту пѣсню сложила цесаревна, и всякій малый ребенокъ ее зналъ и всѣ поютъ ее, припоминая чудный свѣжій голосъ матушки Елизаветы, и будутъ пѣть еще долгіе годы, и не умретъ о ней никогда память въ селѣ подмосковномъ.

Но непродолжительна была веселая жизнь деревенская, закатилось красное солнышко Покровскаго. Переѣхала цесаревна въ Петербургъ, по зову императрицы Анны. Появилась она при дворѣ, сіяя своей красотою и своими нарядами, но что-же увидѣла? Императрица встрѣчала ее неласково, хоть и вѣжливо: чувствовалась затаенная зависть въ каждомъ словѣ. Старые друзья всѣ отвернулись, да мало друзей и прежде было. Всѣ, какъ есть, будто позабыли чья она дочь, никому до нея дѣла не было. Одна только императрица не забывала чья дочь цесаревна и жадно въ нее всматривалась: все боялась: «а, вдругъ, какъ она права свои заявлять станетъ, вдругъ наберетъ себѣ партію большую, какъ бы бѣды не случилось».

И вотъ были вѣчно приставляемы къ цесаревнѣ всякіе шпіоны, доносилось о каждомъ ея словѣ и каждомъ движеніи, вся ея подноготная расписывалась. Долго не могла успокоиться Анна Ивановна, не видѣла она, не замѣчала, что ни о какихъ заговорахъ и не думаетъ цесаревна.

А время шло и мало по малу ложились его темные слѣды на свѣтлое лицо Елизаветы: проходила ея первая молодость. Измѣнилась она и видомъ и характеромъ. Кто зналъ ее во дни Екатерины и потомъ, въ краткое царствованіе Петра II, кто помнилъ ее беззаботную, вѣчно веселую, вѣчно смѣявшеюся и шутившею дѣвушкой, теперь съ трудомъ узналъ-бы ее. Все рѣже и рѣже озарялась она улыбкой, рѣже смѣялась и шутила, никого теперь она не передразнивала, ни на кого каррикатуръ не рисовала, никого не поднимала на смѣхъ, какъ бывало дѣлала это съ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ и многими другими высокими особами.

Напротивъ, теперь ея разговоръ сдѣлался серьезнѣй и осторожнѣй. Она взвѣшивала каждое слово; на всемъ лицѣ ея лежала печать тайной, давнишней печали. Сама чудная красота ея, о которой издавна не мало толковъ шло по всей русской землѣ, о которой прокричали на весь міръ иностранные резиденты, приняла совсѣмъ другой характеръ. Она не уничтожилась, не потемнѣла, даже распустилась еще пышнѣе. Но только это была красота уже не юная, это была красота узнавшей жизнь и цѣну жизни, много пережившей и перестрадавшей женщины.

Все близкое, все дорогое и любимое давно ушло и погибло. Счастливое дѣтство вспоминалось, какъ сонъ далекій и свѣтлый, ничего отъ него не осталось. Не такую долю отецъ съ матерью ей готовили; да гдѣ эти отецъ и мать? Раньше всѣхъ покинули. Ну, а послѣ нихъ что было? Сестра дорогая осталась, любимая, и та умерла безвременно, далеко—не удалось съ ней и проститься.

Потомъ былъ добрый и милый мальчикъ, страстно привязанный къ цесаревнѣ: его сначала отвратили отъ нея, а потомъ погубили злые люди.

Была у цесаревны и другая дорогая ей, далеко не всѣмъ вѣдомая привязанность.

Не на радость любило ея сердце: всѣ тѣ, кого она любила, такъ или иначе были у нея отнимаемы и, въ концѣ концовъ, осталась она одна, и видѣла вокругъ себя только недружелюбные взоры, и некому было ей сказать задушевное слово, не съ кѣмъ было поплакать, не съ кѣмъ было подѣлиться и своимъ горемъ, и своими надеждами.

Но безъ теплой привязанности, безъ ласки не могла жить Елизавета. Много сокровищъ таило въ себѣ ея горячее сердце, и непремѣнно надо было, чтобы кто-нибудь пользовался этими сокровищами.

Другая бы на ея мѣстѣ возненавидѣла всѣхъ, кипѣла бы только злобой да жаждой мести, строила бы свои ковы. Но цесаревна не была на это способна. Она только плакала временами, да такъ тихо, такъ сокровенно, что никто и не зналъ о слезахъ этихъ. Она махнула рукой на враговъ своихъ и въ душѣ себѣ сказала: «Богъ съ ними». Она рѣшилась уйти отъ нихъ, видя, что между ею и ими, и той жизнью, которая окружаетъ ихъ, нѣтъ теперь ничего общаго. Но что-жъ ей было дѣлать съ собою? Чѣмъ наполнить жизнь свою —учиться? Она и такъ всегда много училась и легко ей все давалось; къ тому-же ей хотѣлось живой дѣятельности, общенія съ живыми людьми. И вотъ она выходила на широкую Покровскую улицу и пѣла съ деревенскими дѣвками свои пѣсни, и няньчила, и крестила дѣтей деревенскихъ, и по

временамъ забывалась. Забывала все свое прошлое, все будущее, жила душою съ народомъ. Изъ дочери Петра Великаго, изъ царевны русской, превратилась въ покровкую красавицу.

А потомъ и въ Петербургѣ, когда появленіе при дворѣ сдѣлалось по-неволѣ для нея пыткой, она снова старалась у себя найти свою прежнюю жизнь, найти новую связь съ народомъ.

Ее подозрѣвали въ честолюбивыхъ планахъ. Но долго, долго честолюбіе не закрадывалось въ ея сердце: она сходилась съ гвардіей не ради какихъ-либо плановъ, а просто ради собственнаго удовольствія.

Она и въ дѣтствѣ, еще при жизни Петра, всегда была окружена офицерами и гвардейскими солдатами и теперь, по возвращеніи въ Петербургъ, тѣ-же офицеры и солдаты составили ея любимое и почти единственное общество. Не проходило ни одного дня, чтобъ она не крестила ребенка, родившагося въ какомъ-нибудь изъ гвардейскихъ полковъ, и не угощала изобильно отцовъ и матерей.

Съ самаго ранняго утра, обыкновенно, дожидались ея выхода нѣсколько солдатокъ. Онѣ приносили ей своихъ ребятишекъ и она ласкала этихъ ребятишекъ, дарила имъ всякія обновки, сама наблюдала за шитьемъ и сама шила для нихъ всякую одежду. А разболѣется кто,—тоже ея дѣло,—сейчасъ совѣтуется она со своимъ медикомъ, Лестокомъ, и заставляетъ его лѣчить. Нужда-ли въ чемъ встрѣтится солдатамъ, цесаревна всегда готова помочь всѣми зависящими отъ нея мѣрами, готова отдать послѣднюю копѣйку, а денегъ у нея немного, такъ немного, что часто даже долги дѣлать приходится.

Скучно станетъ цесаревнѣ, повеселиться немного захочется, опять кто-же и развеселитъ ее, какъ не тѣ-же гвардейцы.

Есть у нея домъ, извѣстный подъ именемъ Смольнаго; онъ стоитъ неподалеку отъ преображенскихъ казармъ. Такъ вотъ она ѣдетъ туда и часто тамъ ночуетъ. Тамъ собираются у нея преображенскіе солдаты и офицеры, она устроиваетъ вечеринку, подчуетъ ихъ, и всѣмъ привольно и весело, никто не стѣсняется, время незамѣтно проходитъ.

«У принцессы Елизаветы ассамблеи для преображенскихъ солдатъ»—подсмѣиваются во дворцѣ. Но цесаревна не обращаетъ никакого вниманія на эти подсмѣиванья. И моложе была, такъ не заботилась о томъ, что скажутъ люди, не боялась толковъ да пересудовъ, а теперъ старше стала, такъ чего ужъ бояться! за всякимъ мнѣніемъ, за всякой сплетней и насмѣшкой не угоняешься.

Въ послѣднее время, а особенно съ того дня, какъ стали ходить слухи о серьезной болѣзни императрицы Анны, друзья це-

саревны—солдаты и офицеры, не разъ намекали ей, что «скажи, молъ, матушка, слово и всѣ за тебя, какъ одинъ человѣкъ, встанемъ, отстоимъ твое законное наслѣдіе!»

Но цесаревна съ милой, ласковой улыбкой прикладывала палецъ къ губамъ и шептала имъ:

— Тише, тише... Если Богу угодно, все придетъ въ свое время, а теперь еще рано. Не хочу я подвергать васъ опасности, потерпите...

И солдаты, и офицеры, и весь народъ русскій терпѣли и ждали, затаивая въ себѣ убѣжденіе, что рано или поздно, а орлиная дочка будетъ на престолѣ.

Что-же она медлила? Теперь давно ужъ не было въ ней легкомыслія, теперь она ужъ вступила въ зрѣлый возрастъ и много думала наединѣ сама съ собой. Вотъ ужъ она, дѣйствительно, начинала видѣть, что скоро можетъ произойти съ ней большая перемѣна, и было ей страшно подумать объ этой перемѣнѣ. Она такъ отъ всего отстала, о чемъ когда-то хоть и рѣдко, но все-же иногда думала. Она ужъ сжилась со своей незавидной долей. Ей не нужно престола, ей не нужно блеска не въ немъ счастье. Но если это необходимо для блага Россіи, она, конечно, не задумается. Только, въ такомъ случаѣ, дѣло это надо дѣлать осторожно. Дѣйствительно, надо позаботиться объ участи тѣхъ, кто готовъ за нее и въ огонь и въ воду, дѣйствительно, все необходимо сдѣлать такъ, чтобъ невозможна была неудача, чтобъ никто ради нея не поплатился жизнью. И еще нужно сдѣлать такъ, чтобы не быть ничѣмъ обязанной постороннимъ: чтобъ никакой шведъ не могъ требовать себѣ награды. Если это неизбѣжно, она дойдетъ до престола, но съ помощью одной только своей любимой гвардіи. Ни одной пяди земли русской, ни одной пяди земли, добытой и завоеванной отцомъ ея, она не уступитъ. И для всего этого слѣдуетъ ждать, и теперь только внимательно во все вглядываться, чутко ко всему прислушиваться. И она вглядывается и прислушивается. Она знаетъ обо всемъ, хоть и нѣтъ у нея шпіоновъ на жалованьи: просто къ ней приходятъ ея солдатки и разсказываютъ все, что слышатъ.

Она знаетъ, что вотъ уже началось движеніе въ войскѣ, но что войско еще само хорошенько не понимаетъ, чего ему нужно. Есть голоса за нее, а все таки больше теперь голосовъ за принца и принцессу брауншвейгскихъ.

«Ну и пусть дѣлаютъ, что хотятъ!—думаетъ Елизавета:—пусть добиваются своихъ принца и принцессу. Добьются ихъ и увидятъ, что обманулись, что не то совсѣмъ надо, и опять захотятъ новаго и ужъ настоящаго. Захотятъ навсегда вырваться изъ рукъ нѣмцевъ, и вотъ тогда я одна только у нихъ буду, тогда ужъ

не явится разногласій: не за кого будетъ со мной спорить. Тогда, если будетъ сдѣлано мое дѣло, некого мнѣ будетъ бояться, а теперь... Нѣтъ теперь рано: поспѣшишь, людей насмѣшишь, а ужъ я не хочу никого смѣшить собою... пусть теперь брауншвейгскіе!..»

IV.

Домъ цесаревны Елизаветы не по одной только тишинѣ, бывшей вокругъ него, составлялъ противоположность Зимнему и Лѣтнему дворцамъ: онъ и внутри былъ мало похожъ на нихъ. Тамъ царствовала необыкновенная роскошь, заставлявшая изумляться иностранныхъ резидентовъ, здѣсь убранство было довольно просто, а въ иныхъ покояхъ такъ даже замѣчалась нѣкоторая неряшливость. Штатъ прислуги у цесаревны былъ незначителенъ, да къ тому-же, хоть она въ послѣднее время и получала со своихъ имѣній около сорока тысячъ рублей ежегодно, но не могла на эти средства заботиться объ отдѣлкѣ своего дома и подновлять его. Всѣ ея деньги шли на подарки окружавшимъ и солдатскимъ семействамъ. И когда ей хотѣлось купить себѣ самой какую-нибудь обновку, часто приходилось занимать на это гдѣ только возможно.

Весь этотъ день Елизавета не выѣзжала, ссылаясь на нездоровье и дурную погоду; въ сущности, она просто не хотѣла никому на глаза теперь показываться. Она знала, что въ городѣ идетъ сильное движеніе, что гвардія волнуется и боялась, какъбы при ней нѣкоторые солдаты не произвели чего-нибудь несвоевременнаго.

Утромъ, по обычаю, въ заднихъ своихъ комнатахъ принимала она солдатокъ, освѣдомлялась о здоровьи своихъ крестниковъ, раздавала обновки и лѣкарства. Никто изъ сановниковъ не посѣтилъ ее. Обѣдала она со своей всегдашней компаніей и вотъ теперь, послѣ обѣда, сидитъ въ теплой, слабо освѣщенной комнатѣ и играетъ въ шашки съ камеръ-юнкеромъ своимъ, Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.

Рядомъ съ ними помѣщается старый закадычный другъ цесаревны, Мавра Шепелева, а взадъ и впередъ по комнатѣ шагаетъ, думая какія-то тайныя думы, хирургъ Лестокъ.

Ни малѣйшей принужденности не чувствуется въ отношеніяхъ этихъ трехъ лицъ къ цесаревнѣ. Шуваловъ серьезно обдумываетъ свои ходы въ шашкахъ и всѣми силами старается выиграть партію.

Лестокъ, прохаживаясь по комнатѣ, по временамъ что-то мур-

лычетъ себѣ подъ носъ и пощелкиваетъ пальцами о попадающуюся мебель.

Мавра Ивановна погружена въ работу: шьетъ что-то, и только изрѣдка взглядывая на играющихъ, произноситъ односложныя фразы, относящіяся къ неудачному ходу то того, то другой. Глядя на нихъ со стороны, можно подумать, что они просто убиваютъ время, какъ много лѣтъ и дѣлали это.

Но теперь не то, теперь осталась только внѣшняя сторона прежней этой жизни, а между тѣмъ у каждаго на душѣ лежитъ большая забота. Каждый сознаетъ, что приходитъ *наше время*, что скоро начнется новая жизнь, и каждый невольно мечтаетъ объ этой жизни, старается заглянуть въ близкое будущее.

Мавра Шепелева ждетъ не дождется дня, когда увидитъ на престолѣ своего стараго друга. О себѣ она не думаетъ, ей всегда хорошо, лишь-бы только улыбнулось полное счастье цесаревнѣ. Съ дѣтства знаетъ она ее, одиннадцати лѣтъ еще назначена была къ ней камеръ-юнгферой, а потомъ сдѣлалась ея фрейлиной и другомъ.

Только разъ пришлось имъ разлучиться, когда Елизавета уступила ее своей любимой сестрѣ Аннѣ Петровнѣ и снарядила ее въ Киль, откуда она должна была, какъ можно чаще, подробнѣе извѣщать обо всемъ, что тамъ творится.

Послѣ ранней и неожиданной смерти Анны Петровны вернулась Шепелева снова къ Елизаветѣ и уже не разставалась съ нею. Знаетъ она каждый день ея жизни, каждую думу. Каждую радость и бѣду переживали онѣ вмѣстѣ. Издавна она привыкла въ мысляхъ своихъ не отдѣлять себя отъ Елизаветы, и теперь, помышляя о томъ, что можетъ совершиться, часто разсуждаетъ сама съ собой: «что будетъ, когда *мы* достигнемъ престола?!»

Петръ Ивановичъ Шуваловъ тоже ждетъ не дождется грядущихъ радостныхъ дней. Много плановъ и много надеждъ честолюбивыхъ копошится въ его молодой головѣ и онъ бы всѣми силами поторопилъ день этотъ. Онъ находитъ, что время давно уже пришло, и не разъ въ жаркихъ разговорахъ толкуетъ объ этомъ; но его мнѣніямъ еще не придаютъ особенную силу, еще живутъ умомъ *гановерца* Лестока, хирурга, а хирургъ объявляетъ, что ждать нужно.

Партія окончена, цесаревна проиграла. Мавра Шепелева безъ церемоніи хлопнула ее по плечу.

— Ну что, матушка, опростоволосилась? А ужъ какъ шашки-то подошли, ни за что бы не уступила Петру Иванычу.

— Ничего, Мавруша, ничего,—отвѣчала засмѣявшись Елизавета и все прекрасное лицо ея на мгновеніе озарилось:—ничего, если шашечную игру проиграла, шашки уступлю кому угодно, вотъ бы другую игру не проиграть только!

Елизавета сидѣла совсѣмъ больная.

— Знаю, знаю,—проговорила она:—но, по крайней мѣрѣ, я здѣсь не виновата, я ничего не поручала ему, я о немъ не имѣла никакого понятія.

— Я могу только преклониться передъ вашимъ человѣколюбіемъ и добротой вашего сердца, которая мнѣ хорошо извѣстна,—заговорилъ снова маркизъ:—но мнѣ кажется, что вамъ слѣдуетъ торопиться и именно для того, чтобы прекратить эти пытки и казни. Видѣлся я сегодня со шведскимъ министромъ и много мы съ нимъ о васъ говорили. Онъ тоже того мнѣнія, что наступаетъ для васъ самое благопріятное время. Мы оба всѣми силами готовы способствовать вамъ, принцесса. Дѣло можно обдѣлать такъ, что неуспѣхъ окажется невозможнымъ. Шведскій министръ гарантируетъ вамъ помощь со стороны Швеціи, а я буду служить вамъ деньгами.

«Отъ французскихъ денегъ я не откажусь,—придется, конечно, къ нимъ обратиться,—подумала Елизавета:—но что касается до шведской помощи—нѣтъ, на это не согласна! Ничѣмъ я не буду обязана шведамъ, чтобы потомъ ничего не смѣли они отъ меня требовать». Но, конечно, этой своей мысли она не высказала. Шетарди и онъ рѣшился, наконецъ, проститься съ нею, опять-таки не добившись отъ нея никакого рѣшительнаго отвѣта.

Выйдя изъ комнаты цесаревны, онъ встрѣтился съ Лестокомъ, остановилъ его и началъ доказывать выгодность своихъ предложеній и предложеній Швеціи, необходимость торопиться.

— Я съ вами совершенно согласенъ, маркизъ,—отвѣтилъ Лестокъ:—но вы напрасно думаете, что отъ меня зависитъ многое.

— Ахъ, не говорите, не говорите, mon cher—знаю какое вліяніе вы имѣете на принцессу!

— Вы ошибаетесь,—снова сказалъ Лестокъ:—у нея своя воля. Она говоритъ, что не время и я ровно ничего не могу сдѣлать.

— Но однако-жъ постарайтесь, mon cher,—протянулъ ему руку маркизъ.—Заѣзжайте ко мнѣ—мы потолкуемъ.

Лестокъ любезно расшаркался и обѣщалъ непремѣнно пріѣхать въ первую свободную минуту.

Цесаревна, оставшись одна, долго сидѣла въ задумчивости и даже не замѣтила, какъ къ ней подошелъ кто-то. Наконецъ, она очнулась и увидѣла предъ собою высокаго, стройнаго молодого человѣка.

Онъ былъ одѣтъ очень просто: въ темный суконный казакинъ. Но эта простота одежды еще болѣе выставляла необыкновенную красоту его.

Онъ глядѣлъ на цесаревну ясными свѣтлыми глазами и она невольно забыла всѣ свои думы отъ этого взгляда.

— Гдѣ это ты пропадалъ весь вечеръ, Алеша?—обратилась она къ нему.

— Да вышелъ послѣ обѣда немножко прогуляться и встрѣтился съ знакомымъ офицеромъ,—отвѣчалъ улыбаясь молодой человѣкъ.

Въ его выговорѣ слышалось малороссійское произношеніе. Елизавета пристально взглянула на лицо его, на его румяныя щеки и укоризненно покачала головой.

— Знаю тебя, Алеша, встрѣтился съ знакомымъ офицеромъ, ну и зашелъ, конечно, къ нему, ну и выпили изрядно. Эхъ, какъ тебѣ, право, не стыдно!..

— Нѣтъ, цесаревна золотая, коли-бъ я изрядно выпилъ, такъ не смѣлъ-бы явиться передъ твои ясныя очи, а вотъ, видишь: стою, какъ ни въ чемъ не бывало, значитъ, не изрядно выпилъ.

— Ну, да, да, разсказывай! Вотъ лучше скажи, не слышалъ-ли чего новаго?

— Разскажу, разскажу, только позволь сѣсть, усталъ я.

— Садись, кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

И Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій съ видимымъ удовольствіемъ опустился въ мягкое кресло.

— Страшныя дѣла дѣлаются: Биронъ теперь, что звѣрь лютый—всѣхъ пытаетъ.

— Да, слышала я ужъ это, сейчасъ маркизъ сказывалъ. Только именъ онъ, конечно, назвать не могъ. Кого-же пытали, знаешь? Хоть страшно и разспрашивать объ этомъ, да все-таки знать нужно, говори.

— Пытали рано утромъ Ханыкова, Аргамакова и Алфимова, поднимали ихъ на дыбу. Ханыкову дали шестнадцать ударовъ, а Аргамакову и Алфимову по четырнадцати ударовъ, все это доподлинно извѣстно, а послѣ нихъ, слышалъ я тоже, приводили въ застѣнокъ и на дыбу поднимали Яковлева, Пустошкина, Семенова и Граматина. Самъ генералъ Ушаковъ присутствовалъ, только вотъ къ вечеру уѣхалъ.

Цесаревна грустно и внимательно слушала Разумовскаго, а онъ продолжалъ передавать ей все, о чемъ слышалъ, о чемъ говорилъ въ этотъ день со своими знакомыми.

Онъ постоянно приносилъ ей городскія новости. Изъ его разсказовъ она могла составить вѣрное понятіе о томъ движеніи, которое начинается въ ея пользу въ гвардіи. И она очень любила эти разсказы, потому что Разумовскій передавалъ все точно и подробно и въ то же время не вставлялъ своихъ замѣчаній, не давалъ совѣтовъ. не лѣзъ съ своими убѣжденіями и уговариваніями.

Долго такъ бесѣдовали они, и никто не нарушалъ ихъ разговора. Лестокъ зашелъ было на минуту въ комнату, да и опять вышелъ. Но вотъ и говорить не о чемъ, все переговорено и передано.

— Спой мнѣ что-нибудь, Алеша!—обратилась Елизавета къ Разумовскому:—да только тише, теперь громко пѣть не годится.

Разумовскій не сталъ долго задумываться. Онъ закинулъ голову и въ тихой комнатѣ раздались нѣжные звуки чистаго прекраснаго тенора.

Онъ запѣлъ старую казацкую пѣсню и съ первыхъ-же словъ забылъ все окружающее, ушелъ всею душою въ звуки.

Цесаревна оперлась головою на руки, не отрываясь смотрѣла на пѣвца и жадно слушала. Пѣсня кончена, а слушать все хочется.

— Спой еще что-нибудь, да только русское!

Разумовскій на мгновеніе задумался и вдругъ на лицѣ его мелькнула хитрая улыбка.

— Придумалъ!—сказалъ онъ. И запѣлъ:

«Я не въ своей мочи огнь утушить,
«Сердцемъ болѣю. да чѣмъ пособить?
«Что всегда разлучно. и безъ тебя скучно,
«Легче-бъ тя не знати. нежель такъ страдати
«Всегда по тебѣ».

Цесаревна все такъ-же жадно слушала, но съ каждымъ новымъ звукомъ лицо ея принимало все болѣе и болѣе грустное выраженіе. Вотъ и слезы затемнили свѣтлые глаза ея и скатились по полнымъ румянымъ щекамъ. Слишкомъ знакома была ей эта пѣсня: она сама сочинила ее въ прошедшіе юные годы, въ минуты глубокой, теперь ужъ позабытой, тоски и горячаго молодого чувства.«Зачѣмъ все это снова напомнилъ неразумный Алеша?»

— Замолчи, замолчи! —наконецъ, не выдержала цесаревна и поднялась со своего мѣста. Она подошла къ Разумовскому, спутала своей нѣжной бѣлой рукой его кудри.

— Ахъ ты голова безтолковая,—печально и ласково сказала она:—какую пѣсню пѣть выдумалъ!..

— А что-жъ, развѣ дурна моя пѣсня?—наивно и изумленно спросилъ Разумовскій. — Никогда не пѣвалъ я еще при тебѣ, государыня, эту твою пѣсеньку, думалъ поблагодарствуешь, что ее выучилъ.

— Эхъ ты Алеша, Алеша!—повторила цесаревна:—прежде-бы спросилъ, допытался, когда та пѣсенька мною сложена, да про кого сложена, а потомъ-бы ужъ пѣлъ мнѣ. Оставь меня, уйди теперь, вели собирать ужинъ.

Онъ взглянулъ на нее и, съ почтеніемъ и любовью прижавшись губами къ протянутой ему рукѣ, вышелъ исполнять ея приказаніе.

А у нея снова показались на глазахъ слезы.

«Глупый Алеша! зачѣмъ онъ все это напомнилъ!?» — почти громко шепнула она.

Ей вспомнилось все прошлое, связанное съ этой пѣсней. Въ теплой тишинѣ ея комнаты всталъ передъ нею позабытый, когда-то горячо любимый образъ молодого красавца Шубина.

Этотъ Шубинъ былъ гвардейскій прапорщикъ. Его красота, ловкость и рѣшительность обращали на него всеобщее вниманіе.

Молодая принцесса тоже любовалась имъ, какъ и всѣ другіе, и сама не замѣтила, какъ зародилось въ ней къ нему глубокое, страстное чувство. Она приблизила его къ себѣ; сдѣлала своимъ ѣздовымъ. Она даже мечтала навсегда соединить его судьбу со своею: мечтала выйти за него замужъ.

А онъ съ своей стороны употреблялъ всю энергію для того, чтобы принести ей пользу. Онъ былъ любимъ всѣми товарищами-гвардейцами. Онъ сблизилъ ее съ гвардіей, сдѣлалъ ее популярной въ войскѣ. Если теперь случится то, о чемъ они всѣ думаютъ, если и взойдетъ она благополучно на престолъ отцовскій, то началомъ всего этого она обязана Шубину. Онъ для нея работалъ первый и первый-же за нее поплатился страшно. Движеніе въ гвардіи было замѣчено. Шубина схватили; свѣтлыя мечты разлетѣлись прахомъ. Никогда ужъ болѣе не видала цесаревна своего друга. Его засадили въ каменный мѣшокъ, въ нору каменную, гдѣ нельзя было ни лечь, ни сѣсть.

Всячески освѣдомлялась она о судьбѣ его, наконецъ, узнала, что услали его въ Камчатку. И еще пуще насмѣялись надъ нимъ и надъ нею: насильно женили его на камчадалкѣ, и сдѣлали все это тайно. Сослали его подъ чужимъ именемъ и запрещено съ тѣхъ поръ упоминать его имя.

Страшные, тяжкіе дни переживала тогда бѣдная цесаревна.

Ея чувство къ Шубину было не простымъ мимолетнымъ чувствомъ: она любила его искренно и долго, долго плакала по немъ, и долго не могла примириться со своей судьбой. Одно только время, мало-по-малу, залечило ея раны. Сердце просило жизни, искало любви и ласки. Прекрасный образъ несчастнаго Шубина поблѣднѣлъ и расплылся въ туманѣ воспоминаній; въ сердцѣ Елизаветы появился новый, не менѣе прекрасный, живой, веселый и беззаботный образъ молодого казака и пѣвца Алеши Разума.

«Глупый Алеша! зачѣмъ онъ это все напомнилъ?!» — повторяла цесаревна, и долго не могла остановить своей тоски, все мерещились ей прежнія картины.

Такъ печальной, задумчивой и вышла она къ ужину, и наказала Алексѣя Разумовскаго за его недогадливость тѣмъ, что почти и не замѣчала его присутствія въ этотъ вечеръ.

V.

На слѣдующее утро цесаревна едва успѣла одѣться, какъ ей доложили, что пріѣхалъ герцогъ. Она удивилась несказанно и даже не могла побѣдить въ себѣ невольнаго волненія.

Всѣ эти послѣдніе дни она не видала Бирона. Она знала, какое тревожное это для него время, знала, что онъ всюду теперь раскрываетъ заговоры, пытаетъ людей. Она слышала, что вчера ѣздилъ онъ въ Зимній дворецъ, и тамъ кричалъ на принца и принцессу.

Мавра Шепелева узнала все это изъ вѣрнаго источника и сейчасъ-же, конечно, подробно разсказала царевнѣ.

Зачѣмъ-же онъ пріѣхалъ? Какое это будетъ свиданіе, и чѣмъ оно кончится? Навѣрно, и тутъ все дѣло заключается въ открытіи какого-нибудь заговора: опять кто-нибудь изъ офицеровъ попался... Что если онъ вздумаетъ и на нее кричать? Она не потерпитъ этого! Чѣмъ-же тогда кончится!? Конечно, ей съ нимъ еще можно побороться, конечно, она тогда будетъ вынуждена поторопиться исполненіемъ своего плана... Но идти наобумъ, когда еще ничего не созрѣло, очень можетъ быть—потерпѣть неудачу и погибнуть!.. Лучше ужъ заранѣе приготовиться ко всему, заранѣе заставить себя быть хладнокровной, ничѣмъ не возмущаться, вынести его дерзости, его крикъ... Да, это нужно, это необходимо ради дѣла, ради всей будущности...

Но вытерпитъ-ли она, вынесетъ-ли? Нѣтъ, ни за что! При одной мысли о томъ, что Биронъ будетъ кричать на нее и она станетъ это равнодушно, молчаливо слушать и склоняться передъ нимъ, краска стыда и негодованія бросилась въ лицо Елизаветы.

— Нѣтъ, я не потерплю этого. Я не позволю, чтобъ этотъ холопъ кричалъ на меня!—сверкнувъ глазами, сказала она Маврѣ Шепелевой.

Ея сердце быстро стучало.

На добромъ и, по обыкновенію, спокойномъ лицѣ ея выражалось горделивое чувство и негодованіе. Вся обида, все смущеніе, вызванныя этимъ непріятнымъ, ожидаемымъ свиданіемъ, какъ не бывали. Она вышла въ свою пріемную къ Бирону, высоко держа голову. Холодная и величественная, она точно была въ эти минуты орлиною дочерью.

Биронъ, безцеремонно сидѣвшій въ креслѣ, ожидая ея появленія, быстро всталъ къ ней навстрѣчу и протянулъ ей руку.

Было мгновеніе, когда ей захотѣлось не дать ему своей руки. Она взглянула на него и, еслибъ увидѣла въ немъ какіе нибудь признаки раздраженія, еслибъ увидѣла что нибудь дерзкое, или даже непочтительное въ его обращеніи къ ней, она-бы и не дала ему руки.

Но онъ стоялъ передъ нею въ довольно почтительной позѣ, любезно и ласково улыбался. Онъ протянулъ ей руку первый, безъ всякой мысли о томъ, что это не совсѣмъ прилично, по простой, издавна пріобрѣтенной привычкѣ думать, что его рукопожатіе должно приносить честь даже принцессѣ.

И она не начала первая ссоры. Она любезно ему улыбнулась, помѣстилась на маленькій диванчикъ и граціозно указала ему кресло возлѣ себя.

— Извините, ваше высочество,—началъ Биронъ:—я слишкомъ рано къ вамъ сегодня. Но, вѣдь, день столько же часовъ имѣетъ теперь, какъ и всегда, а дѣлъ у меня съ каждымъ днемъ прибываетъ. Черезъ часъ я долженъ быть въ чрезвычайномъ собраніи кабинетъ-министровъ. Затѣмъ до поздняго вечера каждая минута у меня разобрана... только поэтому и рѣшился къ вамъ заѣхать такъ рано.

Она съ изумленіемъ его слушала и глядѣла на него. Совсѣмъ не такого приступа къ разговору ожидала она.

— Какое дѣло привело васъ ко мнѣ, герцогъ?—спросила, наконецъ, цесаревна, слабо и неопредѣленно улыбнувшись.

— Не дѣло,—отвѣтилъ Биронъ:—и если въ этомъ вопросѣ вашемъ—упрекъ мнѣ, что не посѣтилъ васъ до сихъ поръ, то сознаю себя заслуживающимъ этотъ упрекъ и прошу у васъ прощенія. Я не по дѣлу, а именно потому, что давно ужъ собирался...

Елизавета удивлялась все больше и больше.

— Но, если вы непремѣнно хотите дѣла, — продолжалъ Биронъ: – то, пожалуй, вотъ и дѣло есть. Знаете, ваше высочество, что, вѣдь, я, по-настоящему, долженъ считать васъ своимъ врагомъ. Скажите мнѣ: вы недовольны тѣмъ, что я выбранъ регентомъ? Вы недовольны завѣщаніемъ императрицы? Вы находите что императоръ Іоаннъ III имѣетъ меньше права на престолъ Россійскій, чѣмъ вы?

Онъ говорилъ это тихо, не раздражаясь, и внимательно смотрѣлъ на Елизавету.

«А! вотъ и начало» — подумала она. У нея шибко забилось сердце, кровь бросилась въ лицо, потомъ отхлынула.

Она поблѣднѣла, но сдѣлала надъ собой усиліе и заговорила спокойнымъ голосомъ:

— Что за вопросы? Неужли во всѣ эти 10 лѣтъ вы не могли узнать меня? Неужли вы до сихъ поръ думаете, что я мечтаю о престолѣ, и что онъ мнѣ нуженъ? Кажется, я все дѣлала, чтобы разубѣдить васъ. Неужли нельзя жить спокойно? Неужли такая ужъ приманка для меня престолъ этотъ?! Вѣдь, вотъ вы теперь управляете государствомъ и жалуетесь мнѣ, что дни коротки... А я лѣнива, герцогъ, и ужъ не такъ молода, чтобы отвыкать отъ своей простой и спокойной жизни...

— Однако, вы въ самомъ дѣлѣ, кажется, за серьезное приняли мои вопросы!—улыбнулся Биронъ.—Не безпокойтесь. ваше высочество, я васъ знаю и именно хочу доказать, что не обращаю ни малѣйшаго вниманія на то, въ чемъ меня иногда хотятъ увѣрить. Я не подозрѣваю васъ, смотрите...

Онъ вынулъ изъ кармана пакетъ съ бумагами.

— Проглядите это,—продолжая улыбаться, сказалъ онъ и протянулъ пакетъ Елизаветѣ.

Она взяла, развернула бумаги и увидѣла, что это копіи съ показаній капрала Хлопова, Толстого и другихъ, схваченныхъ по обвиненію въ желаніи возвести на престолъ цесаревну. У нея невольно дрогнули руки, когда она проглядывала эти бумаги.

Она знала, что эти признанія даны подъ страхомъ смерти, даны во время истязаній въ тайной канцеляріи.

— Я не знаю этихъ людей, я никогда ихъ не видала!—окончивъ чтеніе, сказала цесаревна и слезы слышались въ ея голосѣ.

— Увѣренъ, что вы ихъ не знаете, — медленно произнесъ Биронъ.—Чего-же вы такъ волнуетесь?

— А вы-бы хотѣли, чтобъ я не волновалась, узнавая о мученіяхъ людей, которые, не зная меня, мнѣ преданы и изъ-за меня подвергаются этимъ мученіямъ? Послушайте, герцогъ, если вы увѣрены во мнѣ, какъ говорите это, то должны понимать, что эти люди не могутъ быть никому опасны. Что-же видно изо всѣхъ ихъ признаній, и навѣрное здѣсь еще сказано даже больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, что-же видно? Одни только слова. Эти люди не опасны, пожалѣйте ихъ...

Она взглянула на него умоляющими глазами, она говорила волнуясь, тяжело дыша, и совершенно забывая, что это волненіе можетъ показаться подозрительнымъ Бирону, что, глядя на нее, онъ можетъ заподозрить ея участіе въ заговорѣ.

Онъ внимательно смотрѣлъ на нее и вдругъ улыбнулся.

— Я и такъ пожалѣлъ ихъ ради васъ.

— Вы не казните ихъ, нѣтъ? Что вы съ ними сдѣлаете? Скажите ради Бога!—даже поднялась она съ своего мѣста.

— Я не казню ихъ,—опять медленно и продолжая улыбаться, сказалъ регентъ:—я только удалю ихъ отсюда.

— Правда? Вы мнѣ обѣщаетесь, какъ предъ Богомъ?

— Обѣщаюсь.

Елизавета протянула ему руку, которую онъ почтительно и нѣжно поцѣловалъ.

Наконецъ, цесаревна нѣсколько поуспокоилась и могла снова разсуждать хладнокровно.

Первая пришедшая ей мысль была: что-жъ все это значитъ? Съ чего такая любезность? Нѣтъ-ли тутъ какой ловушки? Она и прежде, давно, особенно въ послѣдніе годы царствованія Анны Ивановны, ничего не видала отъ Бирона, кромѣ любезностей. Одно время при дворѣ даже замѣчали, что онъ просто на просто ухаживаетъ за ней. Толковали о томъ, что онъ въ нее влюбился.

Отчасти это была правда: цесаревна, дѣйствительно, производила на него сильное впечатлѣніе! Онъ раздѣлялъ общую участь всѣхъ людей, знавшихъ ее.

Появляясь на придворныхъ балахъ, она всегда была тамъ первою красавицей. Кому она разъ ласково улыбнулась, кому сказала привѣтливое слово, тотъ ужъ никогда не могъ забыть этой минуты.

А ласковыхъ улыбокъ и привѣтливыхъ словъ выпало не мало на долю Бирона.

Елизавета, поставленная въ необходимость хитрить и лукавить, поневолѣ чувствовала себя обязанной быть какъ можно болѣе любезной съ такимъ всесильнымъ человѣкомъ, какъ Биронъ. Она знала, что захочетъ онъ, и настанетъ конецъ ея тихой жизни. Она знала, что ему ничего не будетъ стоить уговорить императрицу, и тогда съ ней не поцеремонятся. И вотъ она только всѣми силами старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ, но, когда встрѣчалась, не отказывала ему въ своей улыбкѣ и любезномъ словѣ.

«Что-жъ это онъ въ самомъ дѣлѣ?—думала она теперь:—неужели точно за мной ухаживать пріѣхалъ? Неужели дошелъ до того, что станетъ изъясняться въ любви своей... онъ—Биронъ!»

Снова краска негодованія залила ея щеки. И она въ этомъ негодованіи и въ своихъ мысляхъ даже не слышала, что говоритъ онъ. А онъ говорилъ, на что-то жаловался...

Наконецъ, она вслушивается, онъ дѣйствительно жалуется, плачется на свое положеніе, на то, что никто не хочетъ понять его, что всѣ замышляютъ теперь какъ бы его погубить, что у него враги есть лютые, принцъ и принцесса брауншвейгскіе...

— Часу спокойно не дадутъ вздохнуть, принцесса!—грустнымъ голосомъ говоритъ Биронъ: - и не на кого положиться, не съ кѣмъ отвести душу. Оттого вотъ къ вамъ и пріѣхалъ, откровенно поговорить захотѣлось. Можетъ быть, хоть вы то меня немножко пожалѣете ..

«Такъ и есть!—мелькнуло въ головѣ Елизаветы:—вотъ сейчасъ начнется въ любви признаніе!»

— И что-жъ они воображаютъ, что такъ ужъ сладко мнѣ мое регентство!—какимъ-то даже патетическимъ голосомъ, и ударивъ себя рукою въ грудь, говорилъ Биронъ.—Они ошибаются. Что, кромѣ мученій, всякихъ заботъ, опасностей приноситъ мнѣ оно? Если я его принялъ, то никакъ не для себя, а для государства. Ну что-жъ, ну я откажусь, кто-жъ тогда всѣмъ управлять будетъ? Принцъ Антонъ, принцесса Анна? Хороши правители!.. Да и самъ императоръ, мало того, что новорожденный, мало того, что можно двадцать разъ погубить все государство, пока онъ выростетъ, вѣдь, ко всему и надежда на него плохая, можетъ слышали, какой ребенокъ? Совсѣмъ нездоровый ребенокъ, того и жди скончается. Вотъ вы говорите, что никогда у васъ мысли не было о престолѣ, жизнь свою покойную больше любите, а напрасно это. Я былъ бы очень счастливъ видѣть васъ на престолѣ.

«Вотъ она и ловушка!»—подумала Елизавета.

— Мнѣ кажется, — твердо и рѣшительно сказала она, глядя прямо въ глаза Бирону:—мнѣ кажется, еслибъ вся Россія просила меня, я и тогда бы отказалась.

Ей почудилось будто въ это мгновеніе улыбка скользнула на губахъ Бирона, но, во всякомъ случаѣ, тотчасъ-же отъ этой улыбки и слѣда не осталось. Онъ заговорилъ опять самымъ горячимъ и искреннимъ, повидимому, тономъ.

— Да, я васъ понимаю, принцесса, вы совершенно правы, но надо-же вамъ подумать о будущемъ государства, надо-же добиться того, чтобъ престолъ Россійскій перешелъ къ достойному избраннику. Развѣ только одинъ и есть новорожденный Іоаннъ Антоновичъ? Что-жъ они думаютъ, брауншвейгскіе, что всѣ мы позабыли о голштинскомъ принцѣ Петрѣ, вашемъ племянникѣ? Онъ ужъ выросъ и, какъ слышалъ я и знаю изъ вѣрнаго источника, юноша здоровый и достойный.

«Вторая ловушка!»—подумала Елизавета, но ничего не отвѣтила Бирону и слушала, что дальше говорить онъ будетъ.

— Что-жъ они думаютъ,—продолжалъ регентъ:—у нихъ что-ли я буду спрашиваться? Вотъ посовѣтуемся съ вами да и пошлемъ письмецо принцу Петру. Думаю, что и вы будете рады видѣть племянника, ваше высочество?!

Онъ улыбаясь глядѣлъ на нее. Она хорошо знала, что этотъ племянникъ—сынъ дорогой, любимой сестры ея, Анны Петровны, былъ привидѣніемъ во все время царствованія покойной императрицы, что Анна Ивановна и Биронъ не иначе называли его, какъ «голштинскимъ чортушкой». А теперь, къ этому чортушкѣ Биронъ вдругъ письмецо задумываетъ!

«Ну, что-жъ теперь дѣлать? какъ отвѣчать ему? Сказать, что не хочетъ видѣть племянника—это будетъ неестественно, да и онъ этому, все равно, не повѣритъ. Согласиться на это письмецо—выйдетъ оно уликой противъ нея»... Она молчала.

— Что-жъ, принцесса,—опять ласково взглянулъ на нее регентъ:—не хотите развѣ пріѣзда племянника?

— Пріѣзда племянника, конечно, хочу,—отвѣтила Елизавета:—и если вы заставите его пріѣхать, онъ можетъ быть увѣренъ, что я порадуюсь встрѣчѣ съ нимъ; но сама я писать не стану—я, герцогъ, ни въ какія дѣла не вмѣшиваюсь.

— О, какъ вы недовѣрчивы! — покачалъ головою Биронъ.— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я недругомъ къ вамъ явился, напрасно! Искренно я говорю съ вами. Право, намъ нужно теперь быть ближе другъ къ другу—и мы будемъ близко, потому что оба заботимся о благѣ Россіи...

«Боже мой! это онъ-то заботится о благѣ Россіи»—въ негодованіи думала она, но молчала.

— Да, намъ нужно быть вмѣстѣ,—повторилъ онъ.—Я серьезно помышляю о принцѣ Петрѣ, я знаю, что, утвердивъ его здѣсь, спокойно могу отказаться отъ этого тяжелаго бремени регентства. Но тутъ вопросъ еще и другой, слѣдуетъ и о васъ подумать.

— Что-жъ обо мнѣ-то думать?—пожала плечами Елизавета.— Только оставьте меня жить такъ, какъ я живу: я ничего не прошу, ничего не добиваюсь...

— Вы хотите сказать, что совершенно довольны своей жизнью, но позвольте мнѣ не совсѣмъ повѣрить вамъ, принцесса. Я не могу представить себѣ васъ всегда одинокою. Вы еще такъ молоды...

— Я не молода,—перебила она тихо.

— Вы такъ прекрасны. Я знаю, какъ упорно всегда вы отказывали женихамъ, но я осмѣливаюсь все-же явиться къ вамъ сватомъ.

Елизавета широко открыла на него глаза.

«Это еще что такое? Кого-жъ онъ мнѣ будетъ сватать, себя, что-ли, отъ живой жены? Или, можетъ быть, дошелъ до того, что разводъ задумалъ со старухой?!»

— Не сватайте мнѣ никого, герцогъ. Кажется, я ужъ говорила вамъ, что рѣшилась никогда не выходить замужъ, да теперь, пожалуй, что и поздно, не для чего... проживу и такъ.

— Рѣшайте, какъ знаете, а я долженъ исполнить свою обязанность.

— Кто-жъ этотъ новый женихъ мой?

— Видите-ли, есть одинъ молодой человѣкъ, — шутливымъ

тономъ, но все-же съ нѣкоторымъ смущеньемъ заговорилъ Биронъ:—и этотъ молодой человѣкъ давно ужъ страдаетъ по васъ. Онъ искренно любитъ васъ, принцесса, и былъ-бы безконечно счастливъ, еслибъ вы благосклонно приняли любовь его, сдѣлали бы честь, отдавъ ему свою руку.

Биронъ всталъ и низко поклонился Елизаветѣ.

— Не откажите, прошу за своего сына Петра!

Елизавета поблѣднѣла. Она хотѣла говорить, но языкъ ее не слушался. Она до глубины души была возмущена этимъ предложеніемъ. Сынъ Бирона, шестнадцатилѣтній мальчикъ—ея мужъ, сынъ Бирона, тотъ самый, котораго чуть-ли не съ колыбели отецъ безуспѣшно сваталъ за Анну Леопольдовну!

Такъ вотъ чѣмъ все разрѣшилось! Вотъ объясненіе этого визита. Что теперь дѣлать? Сейчасъ отказать, онъ никогда не проститъ этого и все сдѣлаетъ, чтобъ погубить ее. А между тѣмъ онъ стоитъ и ждетъ отвѣта, онъ стоитъ съ наклоненной головою и ждетъ.

— Герцогъ,—наконецъ начала она:—я такъ изумлена вашимъ предложеніемъ, оно такъ неожиданно, что я ровно ничего не могу сказать.

— Развѣ вы никогда не замѣчали чувства моего сына?—спросилъ вдругъ Биронъ.

Она едва совладѣла съ собой.

«Какой глупый, какой низкій вопросъ!»

— Я никогда ничего не замѣчала... я не могла даже себѣ представить, чтобъ такой юноша, какъ вашъ сынъ, могъ обращать вниманіе на какую-либо женщину...

— Правда... мой сынъ еще юноша, но это ровно ничего не значитъ, его чувство къ вамъ глубоко, искренно... да и наконецъ, развѣ въ нашемъ положеніи можно заботиться о разницѣ лѣтъ?.. Я знаю и цѣню вашъ умъ, принцесса, я знаю, увѣренъ, что вы на все взглянете настоящими глазами... Что-же, позволите надѣяться?...

— Ради Бога, не спрашивайте меня, я вамъ говорю, вы такъ меня поразили, я никакъ не ожидала ничего подобнаго...

Она взглянула на него и ясно увидѣла, что съ нимъ шутить невозможно, что откажи она ему теперь, когда у него въ рукахъ такая сила, онъ не задумается такъ или иначе погубить ее. И ей безумно, страстно захотѣлось отказать ему, посмѣяться надъ нимъ, показать ему, наконецъ, какъ низко она его ставитъ, выразить, что она оскорблена этимъ предложеніемъ, что сынъ его, этого вчерашняго герцога курляндскаго, этого конюшаго изъ Митавы, ей не пара. Но не потому, не пара, что онъ сынъ бывшаго конюшаго, объ этомъ она никогда не думала, даже не по

тому, пожалуй, что онъ совсѣмъ почти ребенокъ, а потому, что онъ сынъ Бирона, врага Россіи, врага всего, что ей дорого.

Но благоразуміе заставило ее снова совладать съ собою.

Она вспомнила, что должна удержаться именно ради всего, что ей дорого, должна побороть свои чувства не для себя. И она, опустивъ глаза, прошептала:

— Я ничего не имѣю противъ вашего сына; онъ хорошій юноша. Но, вѣдь, я ужъ не молоденькая дѣвочка, чтобъ такъ скоро рѣшиться, и тѣмъ болѣе, вы знаете мое отвращеніе отъ мысли о замужествѣ. Я вамъ не отказываю, но прошу только: дайте мнѣ время хорошенько подумать.

— Подумайте, принцесса,—сказалъ Биронъ:—да, дѣйствительно, тутъ нужно хорошенько подумать. И, я надѣюсь, что при умѣ вашемъ и при вашемъ благоразуміи, вы дѣйствительно хорошо подумаете. Вы увидите тогда, что намъ очень надо быть вмѣстѣ и что мы отлично можемъ уничтожить всѣхъ нашихъ злодѣевъ, если будемъ дѣйствовать дружно. Вы видите теперь, что я не врагъ вамъ, что я пришелъ говорить по душѣ, искренно. Вы видите, что я ничего дурного не замышляю противъ васъ. Я пришелъ звать васъ въ союзницы для общаго блага... И вотъ, когда хорошо вы подумаете, то поймете, какая сила мы будемъ, если вы не откажете моему сыну, если принцъ Петръ голштинскій сюда явится и, кто знаетъ, можетъ быть ему приглянется моя дочь...

«Вотъ, что онъ задумалъ! Ловко! Да, видно, точно нужно дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе. Ждать опасно!»—думала Елизавета.

А герцогъ ужъ прощался.

— Мнѣ пора въ собраніе, давно пора. Такъ я могу уѣхать отъ васъ съ надеждою?

— Да, я очень благодарна вамъ,—проговорила цесаревна, протягивая ему на прощанье руку.

Еще ни разу въ жизни не приходилось ей такъ солгать, какъ теперь, еще никогда не видала ее въ такомъ раздраженномъ состояніи Мавра Шепелева, какъ по отъѣздѣ герцога курляндскаго.

VI.

Отъ Елизаветы Биронъ, дѣйствительно, отправился въ чрезвычайное собраніе кабинетъ-министровъ, сенаторовъ и генералитета.

Тамъ всѣ были ужъ въ сборѣ, хотя многіе не знали еще, зачѣмъ, собственно, призваны на этотъ день герцогомъ.

«Что онъ будетъ дѣлать? Каковъ-то войдетъ?»—думали иные.

Еще вчера видѣли его въ самомъ раздраженномъ состоянiи. Онъ ни отъ кого не скрывалъ своего бѣшенства. Но теперь онъ вошелъ съ спокойнымъ лицомъ, любезно раскланялся на всѣ стороны, перекинулся дружескими фразами съ нѣкоторыми сановниками и спокойно усѣлся въ свое высокое кресло.

По обѣимъ сторонамъ его помѣстились: Остерманъ, Минихъ, Черкаскiй и Бестужевъ. Нѣсколько поодаль сидѣлъ генералъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцелярiи.

— А его высочества еще нѣтъ?—спросилъ Биронъ.

Но ему не успѣли отвѣтить, какъ дверь растворилась и на порогѣ залы показалась маленькая, худенькая фигура принца Антона. Онъ входилъ съ блѣднымъ, перепуганнымъ лицомъ и робко озирался во всѣ стороны.

Когда онъ получилъ рано утромъ приказанiе явиться въ это засѣданiе, то съ нимъ чуть дурно не сдѣлалось. Онъ зналъ, что долженъ будетъ разыграть здѣсь роль подсудимаго, что будетъ окруженъ врагами.

Онъ такъ трусилъ, что даже рѣшился было вовсе не отправиться, остаться и лучше ужъ у себя выслушать приговоръ.

Анна Леопольдовна едва уговорила его не дѣлать этого: не срамить себя такимъ малодушiемъ.

Онъ неловко, то краснѣя, то блѣднѣя, поклонился собранiю, какъ-то бокомъ сѣлъ на оставленное для него мѣсто и опустилъ глаза, не смѣя ни на кого поднять ихъ, и пуще всего боясь встрѣтиться со взглядомъ Бирона.

Онъ чувствовалъ, что всѣ на него пристально смотрятъ и еще больше терялся, блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ этого сознанiя.

На него, дѣйствительно, всѣ смотрѣли, и отъ него переводили взгляды на лицо регента.

Биронъ молчалъ. Онъ, очевидно, наслаждался смущенiемъ своего противника, и хотѣлъ подольше потомить его, помучить.

Такъ прошло около четверти часа. Всѣ молчали, ожидая перваго слова регента, и только нѣкоторые что-то передавали другъ другу шопотомъ и сейчасъ-же принимали опять строгiй видъ и внушительно откашливались.

Среди царствовавшаго въ залѣ молчанiя можно было, однако, разслышать странные, совсѣмъ не подходящiе къ этой минутѣ звуки. Кто-то по временамъ стоналъ, тяжко охалъ и даже слегка вскрикивалъ.

Этотъ кто-то былъ графъ Остерманъ.

Онъ весь ушелъ въ свое кресло, такъ что изъ-за стола было видно одно только его блѣдное, толстое лицо, да и то нижняя часть этого лица, такъ какъ верхнюю прикрывалъ зеленый зонтикъ.

Великій Остерманъ,—неизмѣнная, живая душа государственнаго управленія, въ послѣдніе годы объявилъ себя безнадежно и тяжко больнымъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и когда ему необходимо было появиться на какомъ-нибудь чрезвычайномъ и важномъ засѣданіи, то его туда переносили, и онъ, съ первой до послѣдней минуты, обыкновенно, стоналъ и охалъ, не снималъ со своихъ глазъ зеленаго зонтика.

Многіе внимательные и насмѣшливые люди того времени говорили, что этотъ зонтикъ очень удобная штука. Изъ подъ него можно гораздо лучше и безопаснѣе наблюдать окружающихъ, а самому не поддаваться никакимъ наблюденіямъ.

Этотъ таинственный зонтикъ, эта вѣчная агонія, издавна служили Остерману вѣрную службу.

Стеная и охая, и представляя изъ себя жалкую карикатуру, онъ обдѣлывалъ смѣлыя, большія дѣла, достигалъ своихъ хитро задуманныхъ цѣлей, а въ опасныя минуты стушевывался и скрывался, и никто ничего не спрашивалъ съ больного, умирающаго человѣка.

Теперь онъ стоналъ и кряхтѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и даже не замѣчалъ дѣйствительной мучительной ломоты въ ногахъ. Онъ зналъ, что засѣданіе будетъ интересно, что принцъ Антонъ долженъ сыграть комическую сцену, а Андрей Иванычъ очень любилъ комическія сцены, если самъ онъ могъ быть въ нихъ безопаснымъ зрителемъ.

— Охъ,—простоналъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ фельдмаршалу Миниху:—плохо я вижу, но, мнѣ кажется, что его высочество принцъ сегодня дурно себя чувствуетъ. У него такое слабое здоровье, вы, графъ, плохо укрѣпили его въ вашихъ походахъ.

Минихъ ничего не отвѣтилъ. Онъ давно ужъ пристально глядѣлъ на принца Антона и думалъ.

Онъ думалъ о томъ, что еслибъ бѣдный принцъ зналъ его теперешнія мысли, то, можетъ быть, нѣсколько-бы ободрился и не глядѣлъ такимъ испуганнымъ, загнаннымъ звѣркомъ, не дрожалъ-бы такъ подъ взглядомъ Бирона. Но онъ ни звукомъ, ни взглядомъ не ободрилъ принца.

На его старомъ, сухомъ, красивомъ лицѣ никто не могъ прочесть его мыслей.

Наконецъ, Биронъ прервалъ тяжелое, долгое молчаніе

— Господа кабинетъ-министры, сенаторы, генералы,—обратился онъ къ собранію на своемъ ломаномъ невозможномъ русскомъ языкѣ:—мы просили васъ собраться для того, чтобъ выяснить одно очень важное дѣло. Но, прежде всего, нужно кое съ

чѣмъ васъ познакомить. Генералъ,—обратился онъ къ Ушакову:— прочтите показанія, сдѣланныя въ тайной канцеляріи.

Страшный генералъ Ушаковъ, сидѣвшій до тѣхъ поръ неподвижно, пошевелился на своемъ мѣстѣ, откашлянулся и развернулъ лежавшія передъ нимъ бумаги.

Теперь взоры всѣхъ обратились ужъ окончательно въ сторону принца.

Антонъ брауншвейгскій поблѣднѣлъ еще больше, его губы тряслись, зубы стучали. Онъ зналъ, какія бумаги разбираетъ и приготовляется читать Ушаковъ.

Ушаковъ началъ.

Это были признанія приверженцевъ брауншвейгской фамиліи, это было показаніе Граматина.

Ушаковъ читалъ медленно, слово за словомъ, и всѣ внимательно слушали, и никто даже не нашелъ комичнымъ слогъ Граматина, гдѣ на каждомъ шагу безсмысленно повторялъ: «онъ мнѣ сказалъ, я ему сказалъ».

У принца Антона ужъ голова кружилась. Онъ не слышалъ ни одного слова. Ему казалось, что все это собраніе, всѣ эти обращенныя къ нему лица качаются изъ стороны въ сторону, начинаютъ какую-то страшную, дикую пляску.

Лицо Ушакова, съ длинными сѣдыми усами, изсиня красноватымъ носомъ и опущенными теперь на бумагу глазами, казалось ему такимъ огромнымъ, ужаснымъ; это было лицо карающей Немезиды.

На Бирона принцъ ни разу не рѣшался даже и взглянуть. Онъ зналъ, что если взглянетъ, такъ ужъ ни за что не вытерпитъ.

Ему хотѣлось убѣжать отсюда, или скрыться куда-нибудь подъ столъ, но онъ не могъ даже шевельнуться.

Наконецъ, всѣ мысли остановились въ головѣ его. Онъ продолжалъ слушать, ничего не понимая, только каждое слово, произносимое густымъ басомъ Ушакова, больно отдавалось въ головѣ.

Но вотъ чтеніе окончено.

— Ваше высочество,—обратился къ принцу регентъ:—вы слышали? Потрудитесь-же сказать намъ: правда-ли все это или здѣсь клевета? И если клевета, то опровергните ее.

Принцъ Антонъ молчалъ.

— Ваше высочество, я не знаю чѣмъ вы недовольны. Я, кажется, дѣлаю все, что могу; вотъ вамъ назначено двѣсти тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ цесаревна будетъ получать всего только пятьдесятъ тысячъ. Мы всегда, кромѣ того, были готовы исполнить всякое ваше желаніе, а вы недовольны. Ска-

жите мнѣ, наконецъ,—тутъ голосъ регента, сначала тихій и даже довольно мягкій, зазвучалъ сильнѣйшимъ раздраженіемъ:—скажите мнѣ: чего-бы вы хотѣли? Что вамъ угодно?

Принцъ продолжалъ молчать.

— Прошу васъ, говорите, молчать невозможно теперь: мы всѣ ожидаемъ отъ васъ отвѣта!

Принцъ Антонъ хотѣлъ было подняться со своего мѣста, но сейчасъ-же опять и упалъ въ кресло и, совершенно безсильный, помимо своей воли и неожиданно для себя самого, произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Я хотѣлъ произвести бунтъ и завладѣть регентствомъ.

Крупныя слезы показались на глазахъ его и онъ еще ниже опустилъ голову.

Тогда генералъ Ушаковъ обратился къ нему и началъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Если вы, ваше высочество, будете вести себя какъ слѣдуетъ, то всѣ станутъ почитать васъ отцомъ императора; въ противномъ-же случаѣ будутъ считать васъ подданнымъ вашего и нашего государя. Конечно, вы были обмануты по вашей молодости и неопытности, но если бы точно вамъ удалось исполнить свое намѣреніе и нарушить спокойствіе имперіи, то я хоть и съ крайнимъ прискорбіемъ, а обошелся бы съ вами такъ-же строго, какъ и съ послѣднимъ подданнымъ его величества.

Если бы несчастнаго принца Антона можно было теперь испугать, то, навѣрное, эта неожиданная и рѣзкая выходка Ушакова заставила бы его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ. Но онъ былъ такъ ужъ смущенъ и перепуганъ, что ничто больше не могло производить на него впечатлѣнія. Онъ даже почти не обратилъ вниманія на слова Ушакова и ничего ему не отвѣтилъ.

Тогда заговорилъ Биронъ въ сильномъ волненіи, но тщательно скрывая свое раздраженіе.

— Да и на какомъ основаніи низвергать вы меня вздумали? Что-жъ я самовольно развѣ похитилъ власть? Если я регентъ, то по распоряженію покойной императрицы, по согласію всѣхъ здѣсь присутствующихъ. Я не воровски занимаю свое мѣсто. Но что-жъ, я имѣю, конечно, право отказаться отъ регентства, какъ то и значится въ уставѣ, и если это собраніе сочтетъ ваше высочество больше меня способнымъ къ управленію имперіей, я сейчасъ-же передамъ вамъ правленіе.

Онъ замолчалъ и обвелъ всѣхъ быстрымъ взоромъ. Его щеки нѣсколько поблѣднѣли: «а, вдругъ!..» мелькнуло въ головѣ его. «но, нѣтъ, не посмѣютъ», сейчасъ-же онъ себя успокоилъ. И точно, не посмѣли.

Раздался голосъ Бестужева.

Этотъ голосъ подхватили многіе.

— Нѣтъ. какъ можно! Вы вполнѣ достойны. Мы просимъ васъ оставаться регентомъ для блага земли русской.

Биронъ съ нескрываемымъ самодовольствомъ взглянулъ на принца Антона, а затѣмъ приподнялъ со стола лежавшее передъ нимъ распоряженіе императрицы Анны о регенствѣ и, указывая на него Остерману, сказалъ:

— Та-ли это бумага, которую вы сами отнесли къ императрицѣ для подписи?

— Да, та самая,—съ легкимъ стономъ отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не желаю, чтобъ могла повториться подобная сцена. Если вы всѣ дѣйствительно признаете законность этого документа, если вы дѣйствительно желаете видѣть меня во главѣ правленія, то я прошу васъ, всѣхъ здѣсь присутствующихъ, подписать эту бумагу и приложить свои печати.

Невольно какъ-бы электрическое движеніе пробѣжало по собранію.

Много здѣсь было людей, которые Богъ знаетъ что дали-бы, чтобъ имѣть возможность не подписывать.

Но подписалъ Остерманъ, подписалъ Минихъ, подписалъ Бестужевъ, Черкаскій, Ушаковъ: не подписать невозможно. И бумага переходила изъ рукъ въ руки, и всѣ ее подписывали. Дошла очередь и до принца Антона.

Дрожащей рукой окунулъ онъ перо въ чернильцу и начертилъ на бумагѣ свое имя.

Биронъ вздохнулъ полной грудью. Еще собирая это засѣданіе, еще въ первыя его минуты, онъ въ глубинѣ души своей трепеталъ за исполненіе своего плана. Несмотря на все свое легкомысліе и близорукость, онъ очень хорошо зналъ, какъ мало можно надѣяться на людей. Онъ зналъ, что эти люди, за минуту передъ тѣмъ до земли ему кланявшіеся, могли вдругъ возстать противъ него и погубить. Онъ зналъ, что, можетъ быть, стоило только раздаться двумъ-тремъ вліятельнымъ голосамъ, и всѣ безъ исключенія подхватятъ эти голоса, и онъ погибнетъ. Но смѣлыхъ голосовъ не нашлось. Кабинетъ-министры сочли для себя выгоднымъ не измѣнять ему, и все остальное стадо, конечно, пошло за своими пастырями.

И вотъ вчерашнихъ тревогъ и волненій какъ не бывало.

Герцогъ курляндскій, снова почувствовавъ подъ собою твердую почву, мгновенно преобразился. Онъ уже сидѣлъ въ своемъ креслѣ гордый и надменный, съ презрительно сжатыми губами.

— Теперь, ваше высочество,—обратился онъ къ принцу Антону:—мы васъ не задерживаемъ, вы свободны. А такъ какъ

мнѣ кажется по вашему виду, что вамъ нынче нездоровится, то можете оставить залу и вернуться домой. Совѣтую вамъ обратиться къ доктору и полѣчиться.

Бѣдный принцъ медленно поднялся со своего мѣста, неловко откланялся собранію и поспѣшилъ удалиться.

Выйдя изъ залы и видя, что никто его не арестуетъ, что лакеи почтительно отворяютъ ему двери, онъ тоже вздохнулъ свободнѣе. Онъ ожидалъ гораздо худшаго.

«Авось, теперь ужъ не будутъ больше мучить, авось, теперь отдѣлался?!»—думалъ онъ... и ошибался.

Бирону было мало—заручиться подписями сановниковъ, ему нужно было добить врага окончательно: отрѣзать ему путь сообщенія съ гвардіей. Недаромъ, при послѣднемъ своемъ посѣщеніи Зимняго дворца, онъ кричалъ: «вы на вашъ семеновскій полкъ разсчитываете!» Онъ теперь порѣшилъ, что отъ принца Антона должно отобрать его званія, его военные чины: подполковника семеновскаго полка и полковника кирасирскаго брауншвейгскаго полка. Нельзя успокоиться, покуда въ его рукахъ эти должности, покуда онъ, въ качествѣ начальника, можетъ дѣйствовать на войско.

Отпустивъ членовъ засѣданія, Биронъ удержалъ Миниха и сказалъ ему, что слѣдуетъ написать отъ имени принца Антона просьбу объ увольненіи его отъ всѣхъ военныхъ должностей.

Фельдмаршалъ Минихъ, хоть и очень задумывался въ послѣдніе дни насчетъ брауншвейгскихъ, хоть тайная его мысль и могла успокоить принца Антона, все-же согласился подслужиться регенту. Унизить принца даже было въ его видахъ, лишь-бы только не унизить принцессу. Она ему нужна, а самъ принцъ Антонъ только мѣшаетъ. Его можно терпѣть единственно въ качествѣ неизбѣжнаго зла и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ нужно, по возможности, уменьшить это зло.

Такимъ образомъ, въ тотъ-же день просьба была готова. Написалъ ее не самъ фельдмаршалъ, а поручилъ это дѣло своему сыну, и немедленно-же доставилъ ее Бирону.

— Только если отошлете вы эту просьбу графу Остерману, то прошу васъ, ваша свѣтлость, велѣть переписать ее: я не хочу, чтобъ Остерманъ видѣлъ почеркъ моего сына. Онъ догадается, что все это дѣло идетъ черезъ меня, а это не только безполезно, но и вредно можетъ быть.

— Хорошо, хорошо, велю переписать,—отвѣтилъ Биронъ.

Въ просьбѣ принца Антона, якобы обращаемой имъ къ своему сыну, новорожденному императору, говорилось:

«Я нынѣ, по вступленіи Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Престолъ, желаніе имѣю мои военные чины

низложить для того, чтобы при Вашемъ Императорскомъ Величествѣ всегда неотлучно быть».

Бѣдный принцъ Антонъ очень изумился, когда ему принесли для подписанія эту бумагу и онъ прочелъ ее. Онъ въ первый разъ узналъ себя такимъ нѣжнымъ, заботливымъ отцомъ.

Ему было чрезвычайно жалко отказаться отъ семеновскаго и кирасирскаго полковъ, но Анна Леопольдовна вышла изъ себя, узнавъ, что онъ не хочетъ подписывать бумагу.

— Что-жъ это вы, въ самомъ дѣлѣ, погубить насъ думаете?!— кричала она. Неужели еще надо вамъ растолковывать, что если вы не подпишете, такъ тутъ намъ и конецъ, васъ непремѣнно вышлютъ изъ Россіи: или хуже, засадятъ въ какую-нибудь крѣпость? Да это еще ничего: можетъ быть тамъ вы бы одумались, а, вѣдь, на васъ-то не остановятся, вѣдь, и меня погубятъ, и сына нашего погубятъ. Сейчасъ подписывать, сейчасъ!

Она вложила ему въ руку перо и онъ подписалъ это заявленіе о своихъ нѣжныхъ родительскихъ чувствахъ.

Черезъ нѣсколько дней военной коллегіи данъ былъ указъ, въ которомъ говорилось:

«Понеже его высочество, любезнѣйшій нашъ родитель желаніе свое объявилъ имѣвшіеся у него военные чины снизложить, а мы ему въ томъ отказать не могли, того ради, чрезъ сіе военной коллегіи объявляемъ для извѣстія. Именемъ Его Императорскаго Величества, Іоганъ, регентъ и герцогъ».

При дворѣ разсказывали, что принцесса Анна Леопольдовна, заставивъ мужа подписать прошеніе, сейчасъ-же отправилась къ Бирону, объявила о своемъ поступкѣ, увѣрила его, что отлично понимаетъ свое положеніе и всѣми силами негодуетъ на дѣйствія мужа. Она даже бросилась на шею герцогу. Умоляла его не давать гласности неразумнымъ дѣламъ принца Антона, и обѣщала сама неотступно присматривать за нимъ. И она, стала присматривать.

Принцъ Антонъ очутился какъ-бы подъ домашнимъ арестомъ.

Онъ не могъ никуда выходить, его вѣчно стерегли то жена, то Юліана Менгденъ.

Противъ такого стража, какъ Юліана, сначала онъ ничего не имѣлъ, даже радъ былъ раскрывать ей свою душу и плакаться на свои несчастія. Она внимательно и участливо его слушала, но все-же онъ, наконецъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ, долженъ былъ сознаться самому себѣ, что она больше стражъ, нежели другъ его.

VII.

Биронъ торжествовалъ. Какъ еще нѣсколько дней тому назадъ онъ упалъ духомъ и считалъ себя чуть не на краю гибели, такъ теперь онъ совершенно убѣдился, что эта гибель миновала, что для него нѣтъ ровно никакой опасности, что стоитъ онъ твердо и можетъ снова дѣлать все, что угодно.

Въ этой увѣренности его поддерживалъ и Бестужевъ.

— Ну, такъ внушайте-же все это кому слѣдуетъ,—сказалъ Биронъ Бестужеву, послѣ долгаго съ нимъ разговора:—въ особенности иностраннымъ резидентамъ внушайте, что никакого волненія больше нѣтъ, что мнѣ некого опасаться, что никто не стоитъ у меня поперекъ дороги.

Бестужевъ поспѣшилъ исполнить это. Онъ говорилъ многимъ, что еслибъ захотѣли, могли-бы поступить съ принцемъ вовсе не такъ милосердно; хоть онъ и отецъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его подданный. «Петръ I,—говорилъ онъ:—подалъ примѣръ, что имѣетъ право сдѣлать отецъ съ бунтующимся сыномъ. Тоже самое, наоборотъ, можетъ сдѣлать и сынъ съ бунтующимся отцомъ, своимъ подданнымъ. Принцъ Антонъ до сихъ поръ разсчитывалъ на вѣнскій дворъ, но теперь онъ увидѣлъ, что этой опоры для него не существуетъ. Мы не только совершенно отстранили партію, преданную ему или его женѣ, но, вообще, можемъ сказать, что дѣло наше выиграно».

Съ нѣкоторыми нужными людьми Бестужевъ пускался и въ дальнѣйшія откровенности. Онъ говорилъ, что рисковалъ своей головой и не имѣлъ ни одной минуты спокойной въ первые три дня послѣ кончины императрицы, такъ какъ зналъ свойства русскаго народа. По первому толчку этотъ народъ въ состояніи принять что-нибудь рѣшительное, но потомъ, только прошла первая минута, дѣлается совершенно апатичнымъ и послушнымъ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ признанія Бирона регентомъ нужно было пустить въ ходъ необыкновенную быстроту. Для этого, еще при жизни императрицы, Бестужевъ и изготовилъ манифестъ о регенствѣ, его напечатали въ ночь смерти императрицы, вмѣстѣ съ присяжною формою. Приводить къ присягѣ должно было тотчасъ-же, не дожидаясь того, чтобы какія-нибудь безпутныя головы успѣли что-либо затѣять. Важныя и страшныя были минуты, событіе великое. Петербургъ населенъ обильно, такъ что нечего удивляться, если нашлось нѣсколько недовольныхъ, странно только, что не оказалось ихъ гораздо больше. Но вотъ теперь

все успокоено. цѣль достигнута, будущее обезпечено. «Теперь,— заканчивалъ Бестужевъ свою исповѣдь:—остается дѣлать одно, щедро награждать благонамѣренныхъ и строго наказывать тѣхъ, въ комъ будетъ замѣчено дурное направленіе».

Бестужевъ могъ говорить все, что ему угодно, могъ успокоивать и себя, и Бирона, и всѣхъ, кого ему нужно было успокоить, но все-же всякій разумный и наблюдательный человѣкъ хорошо видѣлъ и понималъ, что положеніе регента далеко не прочно.

Что такое было открыто? Вовсе не серьезный заговоръ, а просто неосторожныя слова нѣкоторыхъ молодыхъ солдатъ и офицеровъ, которые въ первомъ пылу негодованія не удержались, не дождались удобнаго случая, не высмотрѣли себѣ надежнаго вожака.

Но наблюдательные люди, прислушивавшіеся къ общественному настроенію, ясно видѣли, что пройдетъ еще немного времени, соберется серьезная и осторожная партія, найдется ей способный и рѣшительный вожакъ и—слѣдуетъ ожидать очень важныхъ событій.

Конечно, изъ лицъ, близко стоявшихъ къ герцогу курляндскому, были такіе, которые это понимали, но ни одинъ человѣкъ не нашелъ нужнымъ предостеречь регента, обратить его вниманіе на нѣкоторые знаменательные факты, и онъ оставался въ сладкой увѣренности, что побѣдилъ своихъ враговъ и очистилъ себѣ широкую дорогу. Давно ужъ онъ не былъ въ такомъ счастливомъ настроеніи духа. Онъ только негодовалъ на себя за то, какъ могъ онъ допустить въ себѣ такую слабость, смутиться, испугаться. Ему хотѣлось окончательно позабыть о дняхъ этой слабости, наглядно доказать самому себѣ на какой недостижимой высотѣ стоитъ онъ и какъ твердо его положеніе. Онъ хотѣлъ показать это, конечно, и иностраннымъ резидентамъ для того, чтобы при дворахъ Европы утвердилось настоящее и должное о немъ мнѣніе.

Какъ-же это сдѣлать? Есть одинъ способъ показать себя въ полномъ блескѣ, это собрать у себя во дворцѣ всѣхъ сановниковъ, принца и принцессу брауншвейгскихъ, цесаревну Елизавету, унизить брауншвейгскихъ публично.

Но теперь сдѣлать это было трудно; нельзя же давать балъ, когда чуть ли что не вчера предана землѣ императрица.

«Ну, балъ, не балъ, а собрать всѣхъ все же можно!»—рѣшилъ, наконецъ, Биронъ и сталъ разсылать всѣмъ приглашенія въ такой формѣ, что каждый не зналъ, зачѣмъ его приглашаютъ, и во всякомъ случаѣ, не ожидалъ найти во дворцѣ регента большого собранія.

Вечеромъ 5 ноября всѣ покои Лѣтняго дворца освѣтились. Впрочемъ, освѣщеніе было не яркое, да и вообще все было такъ устроено, что дворецъ вовсе не имѣлъ праздничнаго вида. Многочисленная прислуга была въ глубочайшемъ траурѣ. Всѣмъ было приказано говорить какъ можно тише и шумѣть какъ можно меньше.

Скоро стали съѣзжаться приглашенные. Пріѣхалъ и принцъ Антонъ съ Анной Леопольдовной, и Юліана Менгденъ, и цесаревна, пріѣхали кабинетъ-министры, за исключеніемъ Остермана (онъ лежалъ запершись въ своей комнатѣ); пріѣхали посланники.

Нѣкоторые гости съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга, не понимая что такое затѣялъ Биронъ и ожидая, что въ этотъ вечеръ должно, во всякомъ случаѣ, произойти нѣчто особенное. Другіе же сразу догадались о желаніи Бирона, просто на просто поломаться и похвастаться.

Гости проходили цѣлымъ рядомъ комнатъ, не встрѣчая хозяина и хозяйки.

Въ эти послѣдніе тревожные дни всѣхъ захватила какъ бы новая жизнь, всѣмъ казалось, что прежняя жизнь прошла безвозвратно, что со смертью императрицы Анны окончилось все старое.

Но этотъ Лѣтній дворецъ, эти комнаты и вся обстановка разомъ вернули всѣхъ въ прежнюю атмосферу. Здѣсь, во дворцѣ герцога курляндскаго, только императрицы Анны не было, а все, что ее окружало въ послѣдніе годы, осталось неизмѣнно..Тѣ же шуты и шутихи, карлы и карлицы встрѣчали гостей и чопорно имъ раскланивались, та же «дѣвка Софія» и «дѣвка турчанка Катерина» въ своихъ фантастическихъ, но теперь траурныхъ костюмахъ, шмыгали по комнатамъ и куда-то исчезали.

Наконецъ и въ пріемной герцогини не было ни малѣйшей перемѣны.

Она, какъ во всѣ торжественные дни, съ тѣхъ поръ какъ Биронъ былъ провозглашенъ герцогомъ курляндскимъ, сидѣла на своемъ высокомъ креслѣ или, вѣрнѣе, тронѣ.

Это была далеко ужъ не молодая, некрасивая и болѣзненная женщина съ желтымъ осунувшимся лицомъ и блѣдными глазами безъ всякаго выраженія. Если про Бирона толковали, что онъ съ лошадьми обращается какъ человѣкъ, а съ людьми какъ лошадь, то про жену его, Бенигну Готлибъ, урожденную фонъ-Тротта-Трейденъ, можно было придумать многое и болѣе обидное.

Императрица Анна полюбила ее единственно за преданность и глупость.

Бенигна рабски подчинялась всѣмъ требованіямъ и капризамъ герцогини курляндской и въ 1723 г. вышла замужъ за Би-

рона для того, чтобы прикрыть собою его отношенія къ герцогинѣ. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась неразлучной спутницей Анны Ивановны, при восшествіи на престолъ которой была пожалована статсъ-дамой.

Анна Ивановна все свое время обыкновенно проводила въ семействѣ Бирона, вмѣстѣ съ ними обѣдала.

Вслѣдствіе такой близости къ царствующей государынѣ, Бенигна Готлибъ давно ужъ считала себя владѣтельной особой, а когда наконецъ превратилась въ герцогиню курляндскую, то ея тщеславію и гордости и границъ не было. Она поражала всѣхъ своею роскошью, безтактностью и дурными манерами.

Много всякихъ анекдотовъ ходило на ея счетъ при дворѣ, но, конечно, эти анекдоты скрывались со всевозможною тщательностью и люди, тихомолкомъ смѣявшіеся надъ герцогиней, въ ея присутствіи падали ницъ передъ нею.

Теперь герцогиня, супруга регента, конечно, считала себя ужъ окончательно превыше всѣхъ смертныхъ. Она величественно возсѣдала на своемъ тронѣ и хотя была одѣта въ черное траурное платье, все же не могла отказать себѣ въ удовольствіи блеснуть брилліантами. Ея голова, шея и руки такъ и блестѣли, такъ и переливались всевозможными огнями. Каждый изъ входившихъ гостей почтительно подходилъ къ ея трону. Она не шевелилась, а гости должны были, осторожно склоняясь, цѣловать ея руки,—да, руки, а не руку, потому что если кто вздумалъ бы поцѣловать одну только руку, то этимъ оскорбилъ бы ее смертельно. У нея цѣловали руку и прежде, а съ тѣхъ поръ какъ она стала герцогиней—должна же быть какая-нибудь разница—и вотъ уже нѣсколько лѣтъ происходило это цѣлованіе обѣихъ рукъ и всѣ подчинялись такому неожиданному нововведенію, боясь весьма важныхъ и непріятныхъ послѣдствій.

Теперь, навѣрное, Бенигна Готлибъ, подставляя свои руки гостямъ, думала о томъ, что какъ-же это, вѣдь, вотъ она въ новомъ званіи супруги регента, значитъ, цѣлованія двухъ рукъ мало. Очень можетъ быть, что она мечтала о томъ времени (а время это должно наступить очень скоро, вотъ только кончится срокъ траура), когда передъ нею будутъ склоняться до земли, когда станутъ прикладываться къ башмаку ея.

Рядомъ съ герцогиней, тоже на какомъ-то особенномъ, подобающемъ царственной принцессѣ сѣдалищѣ, помѣщалась ея дочь Гедвига: маленькая, худенькая, четырнадцатилѣтняя дѣвочка.

Гедвига не наслѣдовала отъ отца своего его физической красоты, не наслѣдовала и отъ матери ея глупости.

Дѣвочка эта была немного горбата и вообще плохо сложена.

Лицо съ чертами неправильными, за то глаза необыкновенно живые и умные.

Несмотря на всю ея некрасивость, она обращала на себя невольное вниманіе придворныхъ; ее давно ужъ знали. Ея первое появленіе въ обществѣ, при дворѣ, произошло во время празднованія свадьбы принцессы Анны Леопольдовны. Тогда двѣнадцати лѣтняя Гедвига отправлялась въ придворную церковь въ роскошной золоченой каретѣ, окруженная цѣлой свитой. При свадебной церемоніи она стояла рядомъ съ императрицей, во время оффиціальнаго придворнаго обѣда сидѣла рядомъ съ новобрачною, а вечеромъ на балѣ управляла танцами.

Съ первыхъ лѣтъ дѣтства къ ней были приставлены всевозможные учителя и учительницы, а природныя способности дали ей возможность многому научиться. Она знала нѣсколько языковъ и вообще обладала многими научными свѣдѣніями, что было большою рѣдкостью въ то время. Манерамъ и обращенію она училась не у матери, и съ перваго же своего появленія обратила на себя всеобщее вниманіе умѣньемъ держать себя, своей живостью и остроуміемъ; объ ея находчивости, объ ея милыхъ отвѣтахъ и сужденіяхъ много говорилось.

Въ послѣднее время, несмотря на то, что она была маленькой горбуньей, вокругъ нея постоянно вертѣлась цѣлая толпа поклонниковъ. Ей вѣчно твердили объ ея умѣ, талантахъ, о красотѣ даже. Оригинальная дѣвочка поневолѣ часто задумывалась и жила какою-то двойною жизнью—двойною потому, что послѣ льстивыхъ рѣчей, всеобщаго почтенія и благоговѣнія она уходила въ семейную обстановку, гдѣ къ ней совсѣмъ иначе относились.

Отецъ не любилъ ее: ему нужна была не такая дочь, ему нужна была дочь дѣйствительно красавица, которая своей красотой могла бы способствовать упроченію его положенія, которая могла бы стать невѣстою одного изъ европейскихъ принцевъ крови.

Биронъ не могъ выносить блѣднаго, умнаго лица Гедвиги, ея горба, и очень часто безъ всякой видимой причины раздражался на нее, бранилъ ее, не стѣсняясь выраженіями. Впрочемъ, теперь и на ея счетъ онъ успокоился. Онъ поставилъ себя въ такое положеніе, когда можно было обойтись и безъ красоты Гедвиги. Будь она въ двадцать разъ безобразнѣе, это не помѣшаетъ ей сдѣлать самую блестящую партію: мы ужъ видѣли, что теперь онъ прочилъ ее въ жены голштинскому принцу Петру.

Въ этой же парадной пріемной комнатѣ находился и сынъ регента, Петръ, наслѣдный принцъ курляндскій, подполковникъ конногвардіи, кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Андрея съ брилліантовой звѣздой. Ему было всего шестнадцать

лѣтъ, но онъ уже умѣлъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства носить эту брилліантовую звѣзду и важно раскланиваться входившимъ сановникамъ.

Это и былъ тотъ самый вздыхатель-претендентъ, отъ имени котораго Биронъ явился сватомъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ.

Глядя на его важную фигуру и совершенно еще ребяческое лицо, яснымъ становилось негодованіе, вызванное въ Елизаветѣ предложеніемъ Бирона.

Дѣйствительно, подобный бракъ былъ только смѣшнымъ безумствомъ, только одинъ Биронъ могъ этого не замѣтить. И только одинъ Биронъ съ его постоянной легкомысленною близорукостью и дикимъ чванствомъ могъ повѣрить тому серьезному тону, которымъ цесаревна ему отвѣтила.

Наконецъ, всѣ гости были въ сборѣ; позже всѣхъ явились принцъ Антонъ и Анна Леопольдовна.

Герцогиня курляндская едва кивнула головой принцессѣ, а принцъ долженъ былъ, по примѣру прочихъ, поцѣловать ея руки.

Вообще всѣ присутствовавшіе замѣтили, что только къ одной цесаревнѣ герцогиня отнеслась благосклонно. Величественнымъ и комичнымъ жестомъ указала ей на кресло возлѣ себя и даже процѣдила сквозь зубы какую-то незначительную, но любезную фразу.

Вотъ дамы размѣстились на почтительномъ отъ хозяйки разстояніи; мужчины стояли, переминаясь съ ноги на ногу. Въ пріемной царствовало почти полное, натянутое молчаніе.

Всѣ ждали герцога, и герцогъ, наконецъ, вышелъ. Что за торжественный былъ его выходъ!

Еще за нѣсколько минутъ распахнулись двери, цѣлая фаланга камеръ-юнкеровъ и разныхъ чиновъ двора выстроилась на подобіе военнаго караула.

Войдя въ пріемную, Биронъ сдѣлалъ общій поклонъ и въ этомъ поклонѣ выразилась вся его смѣшная гордость и напыщенность. Это былъ такой поклонъ, котораго онъ даже не позволялъ себѣ при императрицѣ Аннѣ.

Его надменное лицо на мгновеніе озарилось улыбкой только тогда, когда онъ подошелъ къ Елизаветѣ и протянулъ ей руку, затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько словъ фельдмаршалу Миниху, Бестужеву, а на принца Антона и Анну Леопольдовну не обратилъ ровно никакого вниманія, какъ будто-бы ихъ и совсѣмъ тутъ не было.

Анна Леопольдовна сидѣла какъ на угольяхъ. Теперь она ясно понимала, что и весь-то этотъ вечеръ былъ задуманъ только для того, чтобы оскорбить ее и ея мужа.

Она обращала безнадежные взоры на своего друга Юліану.

Но Юліана была далеко отъ нея и вообще ни въ чемъ не могла помочь ей.

Принцъ Антонъ тоже сознавалъ себя до конца оскорбленнымъ. Онъ даже забылъ о своей робости. Онъ былъ возмущенъ. Онъ чувствовалъ находившее на него бѣшенство. Ему хотѣлось броситься къ Бирону и, просто на просто, его ударить.

Анна Леопольдовна замѣтила и поняла его состояніе. Она знала, что несмотря на всю свою робость и безхарактерность, на него находили иногда минуты, когда онъ дѣлался смѣлымъ. Она видѣла, что пришла теперь именно такая минута и что вотъ, того гляди, онъ позволитъ себѣ что-нибудь невозможное и вечеръ кончится ужаснымъ скандаломъ, можетъ быть, окончательною ихъ гибелью.

Отъ всѣхъ этихъ мыслей бѣдной принцессѣ чуть не сдѣлалось дурно.

VIII.

Герцогиня курляндская, наконецъ, вполнѣ насладилась своимъ величіемъ; всѣ приглашенные были ужъ въ сборѣ и перецѣловали у нея руки. Такъ какъ она ужъ успѣла *показать себя* принцессѣ брауншвейгской, то и рѣшилась покинуть свой тронъ.

Она медленно приподнялась и поплыла черезъ пріемную въ другія комнаты.

Гости вышли изъ неподвижности. Раздались, наконецъ, громкія фразы; общество нѣсколько оживилось.

Биронъ дружелюбно взялъ подъ руку Бестужева и прошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Ну что, вотъ видите, какъ я ихъ сегодня отдѣлалъ? Не могли-же иностранцы этого не замѣтить! — шепнулъ онъ ему дорогой.

Бестужеву хотѣлось сказать, что очень-то пересаливать все-же не слѣдуетъ: неравенъ часъ опять, пожалуй, что-нибудь можетъ зацѣпиться, но онъ взглянулъ на самодовольное, такъ и сіявшее чванствомъ, лицо регента и не сказалъ ничего.

Былъ еще одинъ человѣкъ, который внимательно наблюдалъ теперь за регентомъ. Этотъ человѣкъ былъ фельдмаршалъ Минихъ.

Онъ поглядѣлъ вслѣдъ удалявшимся регенту и Бестужеву и подошелъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Теперь она одна оставалась въ пріемной вмѣстѣ съ Юліаной.

Она была такъ взволнована и такъ слаба, что даже не

могла подняться съ мѣста. Она съ большимъ трудомъ удерживала слезы.

— Что съ вами, принцесса?—спросилъ Минихъ:—Вы, кажется, нездоровы сегодня?!

— Нѣтъ, я здорова! — подняла она на него свои глаза, наполненные слезами:—я здорова, но развѣ вы не видѣли до чего ужъ здѣсь доходятъ? За что меня оскорбляютъ? Что я имъ сдѣлала?

Въ дверяхъ показалась маленькая Гедвига Биронъ. За нею слѣдовали маркизъ де-ла-Шетарди, шведскій посланникъ Нолькенъ, князь Черкаскій.

Маркизъ что-то, вѣрно, очень любезное и веселое, говорилъ Гедвигѣ. Она улыбалась и отшучивалась.

Минихъ быстро взглянулъ на Юліану, показалъ ей глазами по направленію вошедшихъ, шепнулъ: «теперь нельзя», и быстро вышелъ изъ комнаты.

Онъ пошелъ по заламъ съ видомъ разсѣяннаго и скучающаго человѣка, но въ то же время внимательно прислушивался ко всякому разговору.

Фельдмаршалъ Минихъ теперь ужъ былъ совсѣмъ старикъ, но его высокая, стройная фигура была крѣпка по-прежнему. Онъ, очевидно, не мало времени проводилъ передъ зеркаломъ и желалъ такъ-же удачно воевать съ временемъ, какъ воевалъ съ врагами Россіи.

Издавна, возвращаясь ко двору послѣ удачныхъ походовъ, онъ любилъ, чтобъ къ его репутаціи храбраго воина и знаменитаго полководца присоединялась и репутація свѣтскаго, привлекательнаго человѣка.

На придворныхъ балахъ онъ постоянно являлся разряженнымъ и раздушеннымъ, приглашалъ на танцы самыхъ красивыхъ дамъ, ухаживалъ, любилъ цѣловать хорошенькія ручки и говорить комплименты. Его лицо при этомъ расплывалось въ сладкихъ улыбкахъ и, глядя на него, трудно было себѣ представить, что это тотъ самый человѣкъ, который на войнѣ отличался и смѣлостью и жестокостью.

Но кромѣ грома сраженій, кромѣ цѣлованія хорошенькихъ ручекъ, у фельдмаршала была еще одна страсть: непомѣрное честолюбіе. Ему мало было заслуженной славы героя и полководца, ему нужна была слава государственнаго человѣка, первое мѣсто въ Россіи.

Если онъ способствовалъ Бирону въ доставленіи ему регентства, то именно потому, что надѣялся играть при такомъ неспособномъ правителѣ первенствующую роль. Онъ думалъ, что Биронъ сейчасъ-же предоставитъ ему званіе генералиссимуса всѣхъ

военныхъ силъ имперіи, сухопутныхъ и морскихъ, но Биронъ и не подумалъ это сдѣлать.

Биронъ давно ужъ боялся Миниха и ясно соображалъ, что нужно, по возможности, оттѣснять такого опаснаго соперника. Смѣлые. энергическіе, талантливые люди ему были не нужны.

Ко всему этому присоединилась еще ссора Миниха съ братомъ регента и, наконецъ, въ послѣдніе дни фельдмаршалъ ясно понялъ, что ждать ему теперь нечего и что, слѣдовательно, ему необходимо все передѣлать. И онъ уже не задумывался надъ тѣмъ, какъ онъ все передѣлаетъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны нѣсколько разъ рѣшаться и отказываться отъ своихъ плановъ. Пришла благая мысль, сознана необходимость дѣйствовать—нельзя терять ни минуты.

«Я не буду такъ глупъ, какъ ты,—мысленно обращался Минихъ къ Бирону:—не стану, какъ ты, добиваться для себя регентства. Ты подумалъ, что можно забрать власть въ руки и удерживать ее безъ всякой поддержки, что можно распоряжаться въ странѣ, гдѣ тебя ненавидитъ народъ и всѣ окружающіе безъ исключенія. Нѣтъ, я буду управлять страною, но поддерживаемый благодарностью тѣхъ, кого освобожу отъ тебя. Ты, вотъ, собралъ насъ всѣхъ для того, чтобъ поломаться передъ нами, чтобъ публично втоптать въ грязь отца и мать того ребенка, котораго ты называешь своимъ императоромъ. Ты и ломаешься! Ты и безчинствуешь! И гдѣ-жъ тебѣ видѣть, что ни одного нѣтъ человѣка въ этихъ залахъ, кто-бы заступился за тебя, хоть однимъ словомъ, когда придетъ твоя трудная минута? Что-же, торжествуй, слѣпой кротъ! Гляди на меня и думай, что я другъ твой! Нѣтъ, другомъ-то ты меня не считаешь, такъ думай, что я безсильный старикъ и что тебѣ меня нечего бояться».

И точно, Биронъ въ эту минуту глядѣлъ на Миниха, но, конечно, не могъ прочитать его мыслей.

Однако, какое-то неуловимое, неожиданное чувство мелькнуло въ душѣ регента. Онъ проходилъ изъ залы въ залу. Всѣ, передъ кѣмъ онъ ни останавливался, невольно какъ то вытягивались, обдергивались и склонялись передъ нимъ. Но это его не удовлетворяло.

Ему казалось, что все-же чего-то недостаетъ въ этомъ всеобщемъ почтеніи, и опять неясное опасеніе шевельнулось въ немъ. Точно-ли все улажено? Точно-ли навсегда почва тверда подъ ногами? Ему на глаза попалась фигура принца Антона.

Вотъ принцъ подходитъ къ одному посланнику, потомъ къ другому. Что-то оживленно говоритъ имъ. «Это онъ на меня жалуется!»—въ бѣшенствѣ подумалъ Биронъ.

«Вотъ, вотъ, такъ и есть! Онъ сегодня что-то смотритъ совсѣмъ не такъ робко и растерянно, какъ тогда, въ чрезвычайномъ засѣданіи. Онъ ободрился, значитъ, есть же кто-нибудь, кто его ободряетъ! Значитъ, есть-же что-нибудь, на что онъ надѣется!»

Снова ярость и бѣшенство затуманили голову Бирона.

На него находилъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ, которымъ онъ все чаще и чаще сталъ предаваться въ послѣднее время, и съ которыми никогда не боролся. Онъ терялъ всякое соображеніе.

Ему вовсе не нужна была и не входила въ его разсчеты публичная ссора съ принцемъ брауншвейгскимъ, но онъ теперь почему-то прямо пошелъ на него, нарочно зацѣпилъ его и не извинился.

Принцъ невольнымъ движеніемъ отшатнулся и нервно схватился за эфесъ своей шпаги.

Багровая краска ударила въ лицо Бирона. Онъ повернулся къ принцу, остановился передъ нимъ со всѣми признаками сильнаго бѣшенства и громко, на всю залу крикнулъ:

— А! такъ вы ужъ и за шпагу хватаетесь! Что-жъ, я готовъ и этимъ путемъ съ вами раздѣлаться, если вы хотите!

Всѣ онѣмѣли отъ неожиданности этой сцены. Анна Леопольдовна, вошедшая въ эту минуту въ залу, слабо крикнула и съ ужасомъ глядѣла на Бирона.

— Я вовсе не угрожалъ вамъ шпагой,—отвѣчалъ принцъ Антонъ, позабывшій всю свою робость отъ этого новаго оскорбленія:—но вы сдѣлали мнѣ дерзость, вы толкнули меня и не извинились.

— И не думалъ толкать васъ, даже и не видалъ, что вы тутъ,—кричалъ Биронъ:—и извиняться мнѣ передъ вами нечего! А! вотъ какъ вы теперь! Я думалъ вы раскаялись, я думалъ вы оставили ваши преступныя замыслы, но, видно, на васъ ничего не дѣйствуетъ. Видно, мѣры кротости не для васъ! Такъ не безпокойтесь, вы не найдете себѣ защитниковъ. Всѣ знаютъ, что вы и ваша супруга называете русскихъ канальями, что вы хотѣли всѣхъ генераловъ и министровъ арестовать и побросать въ воду. Никто не позволитъ вамъ безчинствовать въ Россіи, и если вы думаете, что насъ мало, чтобъ заступиться за честь русскаго народа, такъ погодите, скоро пріѣдетъ еще новый заступникъ, родной внукъ Петра Великаго, принцъ голштинскій. Онъ отучитъ васъ называть русскихъ канальями!

Еще съ первыхъ же бѣшеныхъ словъ Бирона всѣ поспѣшили незамѣтно выйти изъ залы, чтобъ потомъ не попасться ему на глаза, чтобъ не оказаться во что нибудь замѣшанными.

Одна принцесса Анна упала безсильно въ кресло, да такъ и осталась, заливаясь слезами.

Принцъ Антонъ, блѣдный и снова трепетавшій, стоялъ передъ Бирономъ. Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ возражать, защищаться, возмущаться этому новому, ничѣмъ не вызванному, оскорбленію, но при бѣшеной фразѣ Бирона о принцѣ голштинскомъ снова растерялся и не могъ ужъ говорить ничего. Биронъ, наконецъ, излилъ всю свою злобу. Онъ вдругъ замолчалъ и почти выбѣжалъ изъ залы.

Онъ кинулся къ себѣ въ кабинетъ, заперся и велѣлъ никого не впускать.

Теперь онъ ужъ сознавалъ какую глупость сдѣлалъ, сознавалъ, что все это было не нужно, что все это можетъ быть только для него вредно, а это еще больше его раздражало и выводило изъ терпѣнья.

Ему захотѣлось теперь выбѣжать опять туда, въ пріемныя комнаты, разбранить всѣхъ, безъ исключенія, и всѣхъ выгнать. Онъ едва удержался отъ этого.

Какая-то тоска непонятная, тоска дурного предчувствія захватила его. Неясныя, неопредѣленныя, но страшныя мысли стучались въ голову, такъ что, наконецъ, стала кружиться голова. Ему мерещилось что-то длинное, безформенное, наплывающее на него со всѣхъ сторонъ. Ему казалось, что враги его ужъ торжествуютъ, что онъ палъ, и надъ нимъ издѣваются, его съ презрѣніемъ топчутъ тѣ самые люди, надъ которыми, нѣсколько минутъ передъ этимъ, онъ такъ издѣвался, которые казались ему такими ничтожными, такими безвредными. И это сознаніе, это ощущеніе было такъ мучительно, что онъ все блѣднѣлъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и очнулся.

«Что-же это я, съ ума схожу?—подумалъ онъ.—Къ чему все это? Что это мнѣ показалось? Какой вздоръ! Какая безсмыслица! Вѣдь, ничего такого нѣтъ, и быть не можетъ, и именно теперь быть не можетъ! Я все распуталъ! Я сильнѣе, чѣмъ когда-либо! Никто со мной не справится: некому!»

Онъ успокоивалъ себя, онъ смѣялся надъ своими больными грезами, а, между тѣмъ, все та-же безпричинная тоска, то-же тяжелое предчувствіе давили его: онѣ оказывались сильнѣе дѣйствительности, бывшей передъ его глазами.

Когда Биронъ выбѣжалъ въ бѣшенствѣ изъ залы, принцъ Антонъ подошелъ къ женѣ.

Она остановила свои слезы и взглянула на него страшнымъ взглядомъ, въ которомъ почудилось ему просто отвращеніе.

— Что вы опять надѣлали?—сказала она.—Развѣ вы не давали мнѣ слова, что будете вести себя какъ слѣдуетъ? Что это за наказанье!..

Бѣдный принцъ заломилъ въ отчаяніи руки.

— Ach! mein Gott! mein Gott!—глухимъ голосомъ прошепталъ онъ.—Это такая жизнь, что остается только покончить какъ-нибудь съ собою! Вы-то чего на меня? Вы думаете, что я что нибудь сдѣлалъ, что я сказалъ ему хоть одно слово? Ровно ничего. Онъ-же толкнулъ меня. Я даже и за шпагу-то схватился вовсе не для того, чтобъ пригрозить ему: такъ схватился. Да и, наконецъ, развѣ возможно выносить подобныя оскорбленія? Я не могу! я не могу!..

Невольныя, мучительныя слезы показались на глазахъ принца. Онъ былъ, дѣйствительно, жалокъ въ эту минуту.

— Успокойтесь, принцъ!—раздался надъ ними тихій голосъ.

Они взглянули. Возлѣ нихъ стояла высокая фигура фельдмаршала Миниха.

— Ахъ! теперь вовсе не до утѣшеній!—раздражительно махнулъ рукою принцъ Антонъ.—Хорошо вамъ говорить «успокойтесь» – васъ никто не оскорбляетъ! Да и съ чего вы насъ утѣшать вздумали? Сами дѣлали его регентомъ, сами хотѣли нашего униженія! Принцесса!—обратился онъ къ женѣ:—я не могу здѣсь больше оставаться, я уѣзжаю.

— И я тоже!—прошептала она.

Но онъ ее не слушалъ, онъ быстро уходилъ.

Она поднялась, чтобъ идти за нимъ.

— Погодите!—сказалъ ей Минихъ.—Принцъ раздраженъ, принцъ ничего понять не хочетъ: я не могу говорить съ нимъ. Къ тому же, я хочу именно говорить съ вами. Я понимаю, что дѣла не могутъ оставаться въ такомъ видѣ. Нужно предпринять что нибудь рѣшительное. Положитесь на меня! Теперь, конечно, здѣсь разсуждать невозможно: могутъ услышать, помѣшать намъ. Вообще, не надо показывать вида, что между нами есть что нибудь общее. Завтра я буду у васъ, принцесса. Потерпите нѣсколько часовъ, успокойтесь! Я вамъ ручаюсь, что у меня есть средство помочь вамъ, и я помогу! Вотъ вамъ мое слово—слово солдата, на которое вы можете положиться.

Анна Леопольдовна взглянула на фельдмаршала.

Онъ говорилъ такъ серьезно. Въ его лицѣ выражалось столько искренности! Она была такъ несчастна, ей такъ нужно было получить хоть какую-нибудь надежду, хоть кому-нибудь довѣриться, и она довѣрилась Миниху. Крѣпко сжала она его руку и поспѣшила вслѣдъ за мужемъ.

Минихъ оглядѣлся: никого нѣтъ.

Но онъ не замѣтилъ, что въ то время, какъ онъ доканчивалъ свою фразу и какъ Анна Леопольдовна жала его руку, на порогѣ залы показалась цесаревна Елизавета.

Она остановилась въ дверяхъ, постояла нѣсколько секундъ и скрылась.

«А!—подумала она:—значитъ, дѣло ужъ началось. Такъ вотъ кто дѣльцомъ оказывается: старый фельдмаршалъ! Что-жъ, онъ хорошо все обдѣлаетъ: онъ на это мастеръ! Пожалуй, что онъ единственный человѣкъ, которому бы я довѣрилась, еслибъ онъ пришелъ ко мнѣ. Но не ко мнѣ онъ пришелъ! Онъ забылъ о моемъ существованіи даже! Онъ забылъ... но я этого не забуду! Когда-нибудь онъ, можетъ быть, раскается, что позабылъ обо мнѣ, а теперь пусть возводитъ брауншвейгскихъ, хорошо, такъ лучше! Все дѣлается къ лучшему! Да, къ лучшему! Значитъ, вотъ, я теперь скоро освобожусь и отъ этого!..»

Она взглянула на входившаго и, очевидно, направлявшагося къ ней принца курляндскаго, Петра.

«Невыносимо, да и опасно было бы долго тянуть эту комедію. Фельдмаршалъ, хоть вы и позабыли обо мнѣ, но все же огромную услугу мнѣ оказываете!»

Петръ Биронъ былъ уже возлѣ нея.

Онъ весь вечеръ этотъ, по приказанію отца, ухаживалъ за нею.

Она дѣлала все, чтобъ быть съ нимъ любезной, но многаго это ей стоило.

Она знала, сколько пристальныхъ и насмѣшливыхъ глазъ глядятъ на нее. Она знала, что многіе отлично понимаютъ истинный смыслъ этихъ любезныхъ разговоровъ позабытой, приниженной цесаревны съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ регента и и, навѣрное, многіе воображаютъ, что это она сама задумала такое дѣло, и, во всякомъ случаѣ, рада этому.

Дѣйствительно, всѣ замѣтили ухаживанія принца Петра.

Маркизъ де-ла-Шетарди многозначительно шепнулъ Нолькену:

— Посмотрите, кажется, принцесса Елизавета насъ съ вами ужъ находитъ слишкомъ старыми людьми: она отдаетъ предпочтеніе этому юношѣ.

— Нѣтъ, она слишкомъ умна для этого, - отвѣтилъ Нолькенъ:—она очень умна, и гораздо хитрѣе, чѣмъ я думалъ сначала! Навѣрно, она ведетъ ловкую игру, только жаль, что насъ не принимаетъ въ игру эту!

Безсмысленный вечеръ Бирона совершенно разстроился.

Самъ онъ не выходилъ больше изъ кабинета, да и герцогиня курляндская громко сказала, что у нея очень болитъ голова сегодня.

Черезъ полчаса всѣ гости уже разъѣхались съ темнымъ сознаніемъ какой-то приближающейся катастрофы. Кто былъ повнимательнѣе и ясно видѣлъ, тѣ думали:

«Если онъ самъ не знаетъ что дѣлаетъ, если его поступками

начинаетъ руководить одно какое-то безуміе, значитъ, скоро конецъ ему!» И всѣ радовались этому скорому концу, и только разсчитывали теперь свои собственные шансы.

Мало-по-малу Лѣтній дворецъ погрузился въ тишину. По опустѣвшимъ темнымъ заламъ бродила только какая-то тѣнь. Эта тѣнь была «дѣвка дура арапка», которой не спалось.

Она переходила изъ комнаты въ комнату, останавливалась передъ зеркалами, всматривалась въ свое черное, едва освѣщенное луннымъ свѣтомъ лицо, дѣлала себѣ самой ужасныя гримасы и по временамъ хохотала. И ей что-то не по себѣ было весь этотъ вечеръ,—можетъ, быть и она предчувствовала близкую бурю.

IX.

На слѣдующее утро Анна Леопольдовна проснулась довольно рано и даже рѣшилась одѣться. Она съ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца ждала Миниха.

Чѣмъ больше думала она о своемъ положеніи, тѣмъ оно представлялось ей безнадежнѣе и, кажется, не будь съ ней Юліаны, всегда умѣвшей во время поддержать ее, она дошла бы до отчаянія.

Принцъ, не спавшій всю ночь и не имѣвшій никакой поддержки, уже давно дошелъ до отчаянія.

Онъ рано утромъ хотѣлъ было съѣздить къ Остерману, посовѣтоваться съ нимъ, даже велѣлъ заложить себѣ экипажъ, но сейчасъ же и раздумалъ. Ему страшно было теперь выѣхать изъ дворца—все казалось: вотъ, вотъ возьмутъ да арестуютъ, и при всемъ народѣ!

Онъ направился было въ комнаты жены потолковать съ нею, но она его не впустила. Тогда онъ снова вернулся въ свой кабинетъ, заперся, сталъ думать, думать—и мысли приходили ему все такія страшныя, такія печальныя, что, наконецъ, онъ не выдержалъ и всплакнулъ.

Онъ ужъ не думалъ о сверженіи Бирона, не желалъ для себя ничего, ему хотѣлось только, какъ бы нибудь, вырваться отсюда, уѣхать обратно къ себѣ домой и вздохнуть на свободѣ.

И еслибъ ему сказали теперь, что его ожидаетъ только одно изгнаніе, онъ бы положительно обрадовался. «Но нѣтъ! нѣтъ, не выпуститъ онъ меня! — отчаянно думалъ бѣдный принцъ.—Что-жъ онъ выдумаетъ? Что онъ съ нами сдѣлаетъ?»

А въ это время у подъѣзда Зимняго дворца остановилась карета фельдмаршала. За этой каретой была и другая: въ ней сидѣло нѣсколько человѣкъ кадетъ.

Минихъ и кадеты были немедленно допущены къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Минихъ представилъ кадетъ принцессѣ.

— Вы хотѣли выбрать себѣ пажей, ваше высочество,—сказалъ онъ:—такъ вотъ соблаговолите взглянуть на этихъ юношей; можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ и удостоится чести служить вамъ.

Принцесса подняла глаза на мальчиковъ.

Всѣ они были, какъ на подборъ, красивые, прекрасно сложенные, съ живыми глазами и здоровымъ румянцемъ на щекахъ.

Анна Леопольдовна на мгновеніе задумалась.

«Но развѣ не насмѣшка это? Ей приводятъ выбирать пажей а завтра, быть можетъ, ее самое съ позоромъ выгонятъ изъ дворца этого!»

И болѣе, чѣмъ когда-либо, ей показалась страшною мысль удалиться отсюда, отъ всего блеска, который ее окружаетъ.

Вдругъ ей, постоянно убѣгавшей отъ блеска и общества, страстно захотѣлось видѣть себя на первомъ мѣстѣ, окруженною блестящей свитой. Вѣдь, она имѣетъ на это право!

Все такъ и должно быть! Неужели нѣтъ никакой возможности уничтожить ея злодѣевъ? Вчера Минихъ говорилъ съ такимъ участіемъ и прямо выразилъ, что можетъ помочь ей. А если въ самомъ дѣлѣ поможетъ? Что-то онъ будетъ ей говорить? Чѣмъ кончится это свиданіе? Вотъ онъ теперь воспользовался предлогомъ представленія этихъ кадетъ, чтобъ быть у ней, чтобъ говорить съ ней! О! дай Богъ, чтобъ все хорошо кончилось! Надо спасти себя, надо непремѣнно, тѣмъ болѣе, что еще сегодня утромъ Юліана Менгденъ принесла ей извѣстіе о томъ, что письмо ея къ Линару вручено надежному человѣку и навѣрное въ скоромъ времени будетъ доставлено по назначенію. Линаръ пріѣдетъ! Новая жизнь начнется... Да!.. она начнется—она должна начаться!..

И Анна Леопольдовна, за нѣсколько минутъ совсѣмъ убитая и растерянная, вдругъ вся, съ молодымъ порывомъ, отдалась надеждѣ. Она еще разъ и ужъ ясными, живыми глазами взглянула на кадетъ.

— Кого же мнѣ выбрать? Я не знаю! —любезно улыбнулась она, обращаясь къ Миниху.—Такія милыя дѣти—мнѣ ихъ всѣхъ хотѣлось бы при себѣ оставить. Но ихъ много, нельзя. Право, всѣ мнѣ нравятся. По моему, нѣтъ между ними худшихъ и лучшихъ, такъ что остается кинуть жребій. Юліана! — крикнула она въ сосѣднюю комнату.

Юліана сейчасъ же явилась.

— Принеси, пожалуйста, платокъ, моя милая,—сказала ей

принцесса:—да нарѣжь семь бумажекъ. На четырехъ изъ нихъ напиши: «пажъ», а три оставь пустыми.

Юліана вышла исполнить приказаніе принцессы.

Анна Леопольдовна любезно обратилась къ кадетамъ, стала ихъ разспрашивать о томъ, кто они? откуда? сколько имъ лѣтъ?

Кадеты, вытянувшись въ струнку, почтительно отвѣчали. Каждый изъ нихъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что вдругъ онъ вынетъ пустую бумажку, каждому такъ хотѣлось быть пажемъ у этой милой, молодой принцессы.

Но вотъ и бумажки готовы. Онѣ скручены въ трубочки, положены въ платокъ, перемѣшаны.

Принцесса взяла своей маленькой бѣлой рукой платокъ за четыре уголка, встряхнула его и приказала кадетамъ подходить одному за другимъ.

Подошелъ первый кадетъ, вынулъ бумажку, дрожащими руками развернулъ ее. Она была пустая.

Неудержимыя слезы показались на глазахъ бѣднаго мальчика.

Принцесса ласково потрепала его по плечу и сказала:

— Очень жалѣю, мой милый, но такова судьба! Больше четырехъ пажей мнѣ теперь выбрать невозможно. Еслибъ могла, конечно всѣхъ васъ при себѣ бы оставила.

Мальчикъ, едва удерживая рыданія, отошелъ въ сторону. За нимъ еще болѣе трепетно подошелъ другой. Этотъ вынулъ бумажку со словомъ «пажъ» и весь расцвѣлъ.

Принцесса протянула ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

Затѣмъ сразу вышли двѣ пустыхъ бумажки; остальныя ужъ и брать не приходилось.

Анна Леопольдовна всѣмъ протягивала руку; новые пажи ее цѣловали.

— Фельдмаршалъ,—обратилась она къ Миниху:—будьте такъ добры, распорядитесь, чтобъ этихъ милыхъ дѣтей хорошенько угостили прежде, чѣмъ они отправятся обратно. А сами ко мнѣ вернитесь.

Минихъ увелъ мальчиковъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Теперь, ваше высочество,—прямо началъ онъ:—мы можемъ безъ помѣхи поговорить съ вами и я очень радъ, что вы однѣ. Я хорошо понимаю ваше положеніе. Я вижу, какъ вы страдаете и нахожу, что теперь именно пришло время приступить къ чему нибудь рѣшительному.

Надежда, мелькнувшая было передъ Анной Леопольдовной, снова исчезла.

«Приступить къ чему нибудь рѣшительному! Что это значитъ?»—подумала она.

— То-есть, на что же мнѣ нужно рѣшиться, графъ?—вопросительно взглянула она на Миниха.—Рѣшаться не на что! Мы до такой степени окружены шпіонами, каждый шагъ нашъ извѣстенъ! Всѣ намъ преданные люди уже схвачены!..

Минихъ улыбнулся.

— Это показываетъ только, что слѣдуетъ дѣйствовать осторожно, а не такъ, какъ до сихъ поръ дѣйствовалъ принцъ. Да! нужно дѣйствовать осторожно и рѣшительно.

Анна Леопольдовна вздрогнула. Ей ужъ представилось, что Минихъ вовлекъ ее въ новый заговоръ, что этотъ заговоръ, конечно, сейчасъ же будетъ открытъ Бирономъ. Ей мерещилась ужъ даже не просто ссылка. а пытки и Богъ знаетъ что!

— Нѣтъ, нѣтъ, графъ!—торопливо перебила она:—я не хочу ничего. Я ни о чемъ не мечтаю. Я знаю, регентъ желаетъ насъ уничтожить, удалить отсюда, ну что-жъ! я согласна. Я уѣду, и отъ всего откажусь... Но мнѣ только одно нужно, чтобъ меня не разлучали съ сыномъ, чтобъ мнѣ позволили увезти его съ собой. Больше мнѣ, право, ничего не нужно!..

Минихъ продолжалъ чуть замѣтно улыбаться.

— Графъ, вы имѣете вліяніе на регента, ради Бога уговорите его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ взять съ собою сына...

— Не стану я его уговаривать, принцесса, — отвѣчалъ Минихъ:—и я вовсе не затѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобъ слышать отъ васъ такія слова. Какъ! вы хотите всѣмъ пожертвовать? Хотите пожертвовать собою и даже вашимъ сыномъ, императоромъ? Богъ съ вами, принцесса, развѣ это возможно? Нѣтъ! передъ вами открывается самая лучшая будущность! Я явился къ вамъ для того, чтобъ сказать вамъ, что пришло время дѣйствовать и что я готовъ служить вамъ всѣми моими силами. Вы говорите, что Биронъ хочетъ васъ уничтожить; можетъ быть, это и правда! даже больше—я долженъ вамъ прямо сказать, что это правда! Я знаю, что онъ очень желаетъ вашего удаленія, ну такъ и съ нимъ нечего церемониться. Мы его уничтожимъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ оглянуться; скажите мнѣ только слово, разрѣшите дѣйствовать, и, я надѣюсь, все будетъ хорошо кончено!

Принцесса, услышавъ эти слова, такъ испугалась, какъ будто бы Минихъ объявилъ ей о томъ, что вотъ сейчасъ должны явиться и схватить ее. и запереть въ крѣпость. Она была въ эти послѣдніе дни такъ напугана Бирономъ, она такъ привыкла вѣрить въ его всемогущество. Она не могла представить себѣ, что этотъ человѣкъ можетъ быть уничтоженъ и кѣмъ же? ею!

Еще сейчасъ она себѣ повторяла, что нужно освободиться, она мечтала о новой жизни, и вотъ, когда ей предлагаютъ эту жизнь, она вся трясется отъ страха.

Потомъ еще одна страшная мысль приходитъ ей въ голову: а ну, какъ Минихъ только играетъ роль преданнаго ей человѣка! Ну, какъ онъ, просто-на-просто, подосланъ самимъ Бирономъ и теперь вотъ пойдетъ и донесетъ ему, что она задумываетъ новый заговоръ, что она желаетъ его свергнуть?!

— Нѣтъ! нѣтъ, графъ!—отчаянно повторила она: - я ни о чемъ не думаю, я ничего не желаю замышлять, я просто страдаю отъ оскорбленій, которыя меня заставляютъ выносить. Я просто хочу уйти отъ этой невыносимой жизни, вздохнуть спокойно. Мнѣ ничего не нужно, только бы мнѣ оставили сына и позволили съ нимъ уѣхать куда-нибудь подальше.

Минихъ пожалъ плечами.

— Вы не можете желать только этого! Вы не имѣете, наконецъ, права передъ всей Россіей! Отъ Бирона страдаете не вы однѣ: всѣ отъ него страдаютъ! Нужно же съ этимъ покончить! Нужно отъ него избавиться.

— Я не знаю,—прошептала принцесса:—регентъ насъ ненавидитъ, но, можетъ быть, онъ незамѣнимый человѣкъ для государства! И, должно быть, такъ! Вы же, графъ, и способствовали его утвержденію регентомъ.

Лицо Миниха оживилось

Онъ, наконецъ, понялъ въ чемъ дѣло.

— А! вы не вѣрите моей искренности, ваше высочество! Вы меня сейчасъ упрекнули въ томъ, что я способствовалъ утвержденію Бирона регентомъ, да, я этому способствовалъ! Я не скрываюсь, да и нельзя мнѣ скрываться, но не стану я скрывать и причину, заставившую меня это сдѣлать. Если я старался о регентствѣ Бирона, то только для того, чтобы побудить покойную императрицу назначить себѣ преемника. Иначе же, повѣрьте, преемникъ престола не былъ бы назначенъ, Биронъ не допустилъ бы этого. Императрица умерла бы безъ завѣщанія, и, представьте себѣ, въ какое ужасное положеніе была бы поставлена Россія? Были бы страшныя бѣды, да и вы страдали бы не меньше, а, навѣрно, больше, чѣмъ теперь, и не было бы исхода изъ этого положенія.

Анна Леопольдовна внимательно слушала.

Минихъ говорилъ все съ возраставшимъ жаромъ и, наконецъ, добился того, что совершенно убѣдилъ ее. Она повѣрила его искренности.

— Я вѣрю вамъ, вѣрю, графъ,—сказала она, протягивая ему руку: — и надѣюсь, вы мнѣ простите мое сомнѣніе. Войдите и въ мое положеніе: вѣдь, просто не знаешь кому вѣрить, кого бояться. Со всѣхъ сторонъ враги, недоброжелатели! Но теперь я вамъ вѣрю и знаю, что только на одного васъ я и могу по-

ложиться. Вы только одинъ и въ состояніи спасти меня! Но я не могу, я не смѣю требовать отъ васъ этого спасенія: спасая меня, вы слишкомъ многимъ сами рискуете. Мнѣ за васъ страшно.

— За меня не бойтесь,—возразилъ Минихъ: — я знаю, что дѣлаю. Я пріѣхалъ только за вашимъ согласіемъ и если вы мнѣ его даете, то я прошу васъ успокоиться. Мнѣ надо только нѣсколько часовъ все получше обдумать. Я надѣюсь одержать новую побѣду, и на этотъ разъ безъ всякой крови! Только прошу я васъ: не говорите ничего принцу. Я очень радъ, что не засталъ его здѣсь; принцъ слишкомъ неостороженъ, и я боюсь, что онъ, пожалуй, замѣшаетъ въ это дѣло Остермана. А теперь вся остермановская хитрость намъ ничего не поможетъ, только повредитъ. Онъ будетъ медлить, онъ будетъ раздумывать, тогда какъ медлить и раздумывать невозможно. Да и, наконецъ... наконецъ, я за Остермана не отвѣчаю и я сомнѣваюсь даже, чтобъ этотъ человѣкъ былъ искренно расположенъ къ вамъ, принцесса! Если его руками будетъ сверженъ Биронъ, то правителемъ окажется принцъ, а я, говоря откровенно, желаю одного: я желаю сдѣлать васъ правительницей, принцесса!..

Снова свѣтлая надежда охватила Анну Леопольдовну. Она восторженно глядѣла на Миниха. Этотъ рѣшительный, самоувѣренный человѣкъ теперь казался ей дѣйствительно всемогущимъ.

Онъ такъ говорилъ, что, слушая его, нельзя было ему не вѣрить. Онъ, очевидно, знаетъ что дѣлаетъ и все, что говоритъ онъ про Остермана, про принца, совершенно справедливо. Еслибъ точно былъ уничтоженъ Биронъ и правителемъ объявленъ принцъ Антонъ, то принцессѣ тоже хорошаго ожидать нечего: въ послѣднее время ея отношенія къ мужу совершенно испортились. Нѣтъ! ужъ если будетъ такое счастье, что избавятся они отъ лютаго своего врага, то нужно о себѣ думать и себѣ все устроить!

— Благодарю васъ!—со слезами на глазахъ, прошептала Анна Леопольдовна, крѣпко сжимая руку Миниха: — благодарю васъ! Я ни слова не скажу мужу. Я полагаюсь только на васъ одного. Но, Боже мой! если вамъ предстоитъ опасность, если вы не совсѣмъ увѣрены въ успѣхѣ, оставьте это дѣло!

— Завтра утромъ я скажу вамъ мое послѣднее рѣшеніе,—отвѣчалъ Минихъ, вставая:—а теперь до свиданья, принцесса, прошу, успокойтесь и ободритесь—только съ бодрымъ духомъ и можно что-нибудь сдѣлать, а страхъ только погубитъ!

Минихъ вышелъ, и вслѣдъ за нимъ появилась Юліана Менгденъ. Она все время стояла тутъ, въ двухъ шагахъ, за портьерой и слышала весь разговоръ. И Анна Леопольдовна знала, что она его слышитъ, и ничего противъ этого не имѣла: все равно она не могла бы скрываться отъ Юліаны.

Она бросилась на шею своему другу и зарыдала. Это былъ даже какой-то истерическій припадокъ, такъ что Юліана долго не могла ее успокоить. Но вотъ, наконецъ, слезы остановились. Принцесса откинулась головою на спинку кресла и обратилась къ Юліанѣ, не выпуская руки ея:

— Ну, скажи мнѣ, что ты объ этомъ думаешь? Должна ли я на него положиться? Сдѣлаетъ-ли онъ то, что обѣщаетъ.

— Я думаю,—сказала Юліана:—что если на кого нибудь полагаться, то именно на него. И у меня еще сегодня съ утра какое-то хорошее предчувствіе; я увѣрена, что все устроится самымъ лучшимъ образомъ.

— Да? ты увѣрена? у тебя предчувствіе?—радовалась принцесса.

И это хорошее предчувствіе Юліаны ее ободряло даже гораздо больше, чѣмъ всѣ слова Миниха.

Онѣ стали разсуждать о томъ: что будетъ, когда онѣ свергнутъ Бирона и когда пріѣдетъ Линаръ.

Но долго говорить о Линарѣ имъ не удалось: принцъ Антонъ не вынесъ, наконецъ, своего одиночества и почти вбѣжалъ въ комнату. Онъ очень изумился, заставъ жену и Юліану съ радостными, оживленными лицами: онѣ, очевидно, даже только что смѣялась.

— Есть время смѣяться и радоваться!—мрачно сказалъ принцъ:— тутъ вотъ того и жди насъ всѣхъ арестуютъ, а вы смѣетесь!

— Конечно, вы дѣлаете все возможное для того, чтобъ насъ арестовали, – замѣтила ему принцесса:—но Богъ дастъ и не арестуютъ. Да и еслибъ даже арестовали, такъ неужели такъ-же трусить, какъ вы трусите? Знаете-ли, что я еще никогда въ жизни не встрѣчала такого труса!

Лицо принца вспыхнуло, но онъ тщетно искалъ словъ, чтобы отвѣтить на эту обиду. Онъ самъ въ послѣднее время сознавалъ себя ужаснымъ трусомъ. Онъ только недружелюбно взглянулъ на жену и опять вышелъ изъ комнаты.

Вослѣдъ ему раздался смѣхъ Анны Леопольдовны.

— Видишь,—сказала она обращаясь къ Юліанѣ:—и я умѣю коечто устроивать, когда надо. Ты-то пока еще думала, какъ намъ отъ него отдѣлаться, а я сказала одно слово и онъ выбѣжалъ, какъ ужаленный. Ну, теперь не вернется, мы можемъ говорить безъ помѣхи.

И онѣ снова начали передавать другъ другу всѣ свои планы и надежды, и снова имя Линара постоянно повторялось въ ихъ рѣчи.

X.

На безоблачномъ, блѣдно голубомъ, съ легкимъ розоватымъ оттѣнкомъ небѣ, въ слабомъ морозномъ туманѣ вышло солнце и оживились петербургскія улицы. Недавно выпавшій снѣгъ, скрѣпленный первымъ морозомъ, ярко блестѣлъ и переливался радужными цвѣтами. Въ почти безвѣтрянномъ воздухѣ прямыми бѣлыми столбами поднимался дымъ изъ трубъ. Петербургскій людъ весело привѣтствовалъ ясный зимній денекъ и какъ-то оживленнѣе спѣшилъ по улицамъ.

И никто не зналъ и не догадывался, что этотъ ясный денекъ задался недаромъ, что онъ готовитъ большое событіе. Не догадывались объ этомъ даже и тѣ, кто давно ужъ ожидалъ этого событія...

Регентъ Россійской имперіи, герцогъ курляндскій, Биронъ. вышелъ въ дорогой собольей шубѣ на крыльцо Лѣтняго дворца, вдохнулъ полной грудью свѣжій, чистый воздухъ и весело оглядѣлся.

Передъ нимъ въ почтительной неподвижности стоялъ караулъ гвардейскій; его окружала многочисленная свита, ловящая каждое его слово, каждое движеніе. Прямо въ его глаза заглядывало зимнее солнце и смѣялось, и искрилось.

Герцогъ обернулся.

За нимъ стоялъ принцъ Антонъ брауншвейгскій.

Еслибъ принцъ Антонъ зналъ, о чемъ въ эту минуту идетъ разговоръ между его женою и фельдмаршаломъ Минихомъ въ Зимнемъ дворцѣ, онъ не отвѣтилъ бы, конечно, такой почтительной улыбкой на взглядъ регента. Но онъ ничего не зналъ: принцесса ничего ему не сказала, и только какъ-то странно улыбнулась, когда онъ объявилъ ей, что отправляется къ регенту и намѣренъ всячески постараться сойтись съ нимъ снова.

— Не уѣзжайте, принцъ, зайдемте въ манежъ, я вамъ покажу моего новаго жеребца, удивительное животное! — сказалъ довольно любезно Биронъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ принцъ Антонъ.— Вы знаете, что лошади, особенно такія лошади, какихъ вы умѣете выбирать себѣ, это моя слабость.

Бѣдный принцъ ужъ окончательно начиналъ льстить регенту. Онъ зналъ, что только этимъ способомъ и можно смирить его.

И дѣйствительно Биронъ еще любезнѣе улыбнулся.

— Да, лошади... лошади,—проговорилъ онъ:—это благородная слабость.

И онъ, весело жмурясь отъ яркаго солнца, поспѣшилъ въ манежъ, взявъ подъ руку принца Антона.

Вся свита почтительно за ними послѣдовала.

Знаменитый жеребецъ былъ выведенъ и подробно осмотрѣнъ.

Регентъ снялъ съ себя шубу, привычнымъ легкимъ движеніемъ вскочилъ на нервно дрожащаго коня и проѣхался по манежу.

На него, дѣйствительно, можно было полюбоваться въ эти минуты: такъ онъ держался на лошади. Всѣ присутствовавшіе усиленно громко восхищались и конемъ и наѣздникомъ.

Биронъ начиналъ увлекаться своей любимой забавой. Онъ пускалъ лошадь галопомъ и вдругъ осаживалъ ее на всемъ скаку, заставлялъ ее ходить мѣрнымъ шагомъ, описывалъ по манежу удивительные круги, грандіозно выдѣлывалъ цифры и буквы, какъ конькобѣжецъ на льду. Его глаза разгорѣлись, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ, онъ радостно кивалъ головою на шумныя фразы восхищенія, раздававшіяся послѣ каждаго удачнаго его фокуса. Ему было хорошо, весело, привольно.

Но вдругъ глаза его потухли, со щекъ исчезъ румянецъ. Что-жъ такое случилось? Или конь неловко оступился? Или въ великолѣпномъ конѣ этомъ герцогъ замѣтилъ какой-нибудь недостатокъ? Нѣтъ! конь держалъ себя безукоризненно и чистота его породы была внѣ всякаго сомнѣнія. Что-жъ? Или между окружающими, между этими восхищающимися зрителями герцогъ замѣтилъ какое-нибудь подозрительное лицо, уловилъ чей-нибудь недружелюбный взглядъ, чье-нибудь непочтительное слово? Нѣтъ! зрители всѣ до одного были прекрасными актерами, всѣ до одного изображали собою воплощеніе восторга и благоговѣнія.

Просто какая-то неясная мысль мелькнула въ головѣ регента и даже не мысль, а что то совсѣмъ неуловимое, какое-то странное, непонятное ощущеніе. Это ощущеніе въ послѣдніе дни все чаще и чаще начинало преслѣдовать Бирона. Оно являлось внезапно, среди самыхъ веселыхъ мыслей и, мигомъ разгоняло эти мысли, мигомъ наполняло всю душу какимъ-то мучительнымъ страхомъ ожиданія чего-то ужаснаго и неминуемаго.

Биронъ остановилъ коня и спрыгнулъ на землю.

Его встрѣтили самыя вычурныя фразы похвалъ и удивленія, но онъ ужъ слушалъ ихъ разсѣянно, и долго не могъ придти въ себя, долго не могъ избавиться отъ непонятнаго мучительнаго чувства.

Вотъ ужъ раздраженіе послышалось въ голосѣ: онъ всегда кончалъ раздраженіемъ въ подобныя минуты.

Принцъ Антонъ, видя, что регентъ снова въ дурномъ настроеніи духа, поспѣшилъ откланяться и уѣхалъ къ себѣ, боясь какой-нибудь новой непріятной сцены.

Изъ манежа Биронъ отправился прямо во дворецъ, и не выходилъ до обѣда.

Къ обѣду пріѣхали между прочими: Левенвольде и фельдмаршалъ Минихъ.

Минихъ, по своему обычаю, былъ любезенъ и веселъ, съ чувствомъ цѣловалъ руки у герцогини курляндской и говорилъ комплименты ея дочери Гедвигѣ.

Къ регенту онъ относился также съ необыкновенной почтительностью и, глядя на него, каждый, конечно, призналъ бы въ немъ самаго преданнаго, неизмѣннаго друга этого семейства. А, между тѣмъ, ловкій и смѣлый планъ ужъ окончательно созрѣлъ въ головѣ фельдмаршала.

Улыбаясь и любезничая, и почтительно дружескимъ тономъ бесѣдуя съ Бирономъ, онъ зналъ, что пройдетъ еще нѣсколько часовъ и этотъ самый Биронъ будетъ въ рукахъ его. Онъ еще утромъ окончательно приготовилъ принцессу Анну Леопольдовну: прямо объявилъ ей, что въ нынѣшнюю ночь намѣренъ схватить Бирона.

Сначала принцесса начала, какъ и вчера, отказываться, говорила, что не можетъ допустить, чтобъ Минихъ ради нея жертвовалъ своей жизнью и всѣмъ своимъ семействомъ. Совѣтовала ему, по крайней мѣрѣ, хоть сговориться съ другими, съ Левенвольдомъ, напримѣръ.

Но Минихъ отвѣчалъ ей, что она обѣщала положиться на него одного, что онъ никого не хочетъ вовлекать въ опасность и намѣренъ самъ, одинъ, сдѣлать все дѣло.

Аннѣ Леопольдовнѣ ужъ нечего было возражать ему и она со слезами на глазахъ стала восхищаться его великодушіемъ и смѣлостью.

— Ну, хорошо,—сказала она на прощанье:—только ради Бога дѣлайте поскорѣй! Еслибъ вы знали, какъ я волнуюсь!..

— Медлить не буду,—отвѣчалъ Минихъ:—да и нельзя мнѣ медлить.—Мой преображенскій полкъ завтра смѣнится по карауламъ, тогда будетъ труднѣе.

И вотъ онъ отправился обѣдать къ Бирону и теперь чувствовалъ даже какое-то раздражающее наслажденіе въ томъ, что вотъ онъ сидитъ посреди нихъ, со своей завѣтной тайной, которую не открылъ никому, даже родному сыну, что они всѣ смотрятъ на него, какъ на своего человѣка...

«Еслибъ онъ зналъ,—думалъ Минихъ, поглядывая на регента.—еслибъ онъ зналъ, что у меня въ мысляхъ и что должно совершиться сегодня, онъ немедленно бы велѣлъ схватить меня и я бы тогда не вырвался изъ когтей его. Но онъ не знаетъ и не узнаетъ.»

И фельдмаршалъ наслаждался все больше и больше.

Обѣдъ шелъ довольно вяло. Хозяинъ былъ все сумраченъ, а хозяйка и никогда не отличалась разговорчивостью и любезностью. Бесѣду поддерживалъ опять-таки только Минихъ, постоянно шутившій съ Гедвигой.

Но вотъ одна фраза нежданно поразила Миниха и заставила его вздрогнуть.

Левенвольде вдругъ, ни съ того ни съ сего, обратился къ нему и сказалъ:

— А что, графъ, я давно хотѣлъ спросить васъ: во время вашихъ походовъ вы никогда ничего не предпринимали важнаго ночью?

«Что это такое?—быстро мелькнуло въ головѣ Миниха.—Что это значитъ? Неужли онъ знаетъ что-нибудь? Неужли подозрѣваетъ? Откуда же?.. Сегодня утромъ принцесса совѣтовала мнѣ обратиться къ нему, а теперь вотъ онъ задаетъ мнѣ такой вопросъ... Можетъ быть, она съ нимъ видѣлась! Можетъ быть, что-нибудь сказала! Но, въ такомъ случаѣ, вѣдь, это ужасно! Вѣдь, онъ все можетъ испортить!»

А, между тѣмъ, нужно было отвѣтить, нужно было совладать съ собой и успокоиться, иначе Биронъ замѣтитъ. Весь успѣхъ дѣла виситъ на волоскѣ.

Какое-нибудь неосторожное движеніе, ничтожное слово и все пропало!

Но Минихъ умѣлъ владѣть собой. Черезъ секунду его волненія какъ не бывало. Онъ спокойно взглянулъ на Левенвольде и отвѣчалъ:

— Не помню, чтобъ я когда-нибудь предпринималъ что-либо чрезвычайное ночью, но мое правило пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ.

Левенвольде замолчалъ и разговоръ на томъ кончился.

А мрачное настроеніе Бирона все продолжалось. Онъ всталъ изъ-за стола разсѣянный и молчаливый. Онъ нѣсколько разъ не отвѣтилъ на обращенные къ нему вопросы; очевидно, совсѣмъ ихъ не слышалъ!

Это замѣтили всѣ, даже его жена.

— Что съ вами?—обратилась она къ нему.

— Ничего! Мнѣ что-то не по себѣ,—разсѣянно отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣдь, нужно посовѣтоваться съ докторомъ,—замѣтилъ Минихъ.

— Нѣтъ, не нужно, я не боленъ, можетъ быть, усталъ сегодня въ манежѣ: много ѣздилъ!

Съ этими словами Биронъ направился въ свои покои.

Но онъ еще обернулся на порогѣ и сказалъ Миниху:

— Пріѣзжайте, графъ, вечеромъ: много дѣлъ скопляется, поговорить нужно.

Минихъ сказалъ, что пріѣдетъ, а самъ подумалъ, что въ такомъ случаѣ исполненіе его плана запоздаетъ часа на два.

«Но больше чѣмъ на два часа ты отъ меня не ускользнешь»,— закончилъ онъ свою мысль.

Скоро во дворцѣ стало темно: всѣ разъѣхались.

Биронъ не выходилъ изъ кабинета. Онъ то принимался читать лежащія на его письменномъ столѣ бумаги, то бросалъ ихъ и нервно ходилъ по комнатѣ. Тоска давила его все больше и больше и, наконецъ, дошла до того, что онъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ и не зналъ, отчего такъ несчастливъ, не зналъ, что такое творится съ нимъ. Что это: болѣзнь приближается страшная, или бѣда подходитъ?

Но онъ не въ силахъ былъ рѣшать эти вопросы, онъ просто, наконецъ, переставалъ думать. Мысли путались, находило полузабытье какое-то странное.

Въ этомъ полузабытьи онъ встрѣтилъ вернувшагося по его зову Миниха. Онъ пробовалъ говорить съ нимъ о дѣлахъ; но фельдмаршалъ съ изумленіемъ замѣчалъ въ немъ необыкновенную разсѣянность.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Миниха, Бирону подали какой-то пакетъ съ надписью по-нѣмецки. Онъ развернулъ его и прочелъ.

Это было письмо отъ Липмана, банкира-еврея, который когда-то ссужалъ Бирона деньгами и которому въ послѣдніе годы герцогъ курляндскій сильно протежировалъ.

Липманъ извѣщалъ его свѣтлость, что затѣвается нѣчто недоброе, что герцогу необходимо принять мѣры. Просилъ его назначить ему аудіенцію, говорилъ, что онъ явится съ другимъ своимъ товарищемъ, Биленбахомъ, и на словахъ передадутъ все, что знаютъ...

Биронъ прочелъ это письмо и даже его не понялъ. Перечелъ еще разъ.

«Что такое?—подумалъ онъ.—Нужно послать за ними сейчасъ-же! Нужно узнать!»

Рука его уже протянулась къ колокольчику, но онъ не позвонилъ. Письмо упало на коверъ. Герцогъ опустилъ голову на руки и забылся.

А въ это время Минихъ, вернувшись къ себѣ, велѣлъ позвать своего перваго адъютанта, подполковника Манштейна.

Манштейнъ засталъ фельдмаршала въ туфляхъ и халатѣ, совсѣмъ готовымъ идти въ спальню.

— Что прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ онъ.

— Вотъ что, мой милый, — отвѣтилъ Минихъ: — никуда не

уѣзжайте, останьтесь эту ночь у меня, вы мнѣ понадобитесь очень рано. Я велю вамъ приготовить постель, ложитесь сейчасъ и постарайтесь скорѣе заснуть; я васъ разбужу, когда надо будетъ.

Манштейнъ изумленно взглянулъ на фельдмаршала, но тотъ такъ ничего и не пояснилъ ему и пошелъ въ спальню...

Минихъ снялъ съ себя халатъ и туфли, легъ на постель, прикрылся одѣяломъ и сталъ думать.

Ему казалось, что онъ лежитъ въ походной палаткѣ, что черезъ нѣсколько часовъ ему предстоитъ генеральное сраженіе, что передъ нимъ непріятельская армія, которую побѣдить нужно.

И, дѣйствительно, онъ готовился къ генеральному сраженію, но ему предстояла битва, не похожая на тѣ, въ которыхъ онъ одерживалъ свои блестящія побѣды, ему предстояла битва одинъ на одинъ съ могущественнымъ непріятелемъ, битва не при громѣ пушекъ, а въ глубокой тишинѣ морозной зимней ночи. Отъ этой битвы зависѣла не только судьба его, но даже судьба цѣлаго русскаго государства.

Но мысли начинаютъ путаться, беретъ дремота, глаза сами собою смыкаются.

Минихъ вскочилъ съ постели, снова надѣлъ халатъ и туфли и началъ ходить по комнатѣ.

«Нѣтъ, этакъ заснешь!»—думалъ онъ. Взглянулъ на часы: ужъ скоро два часа. Онъ снова снялъ халатъ и началъ одѣваться. Вотъ онъ ужъ готовъ. Онъ кликнулъ своего камердинера, велѣлъ поскорѣе заложить карету, да тихо, не будить никого, и чтобъ кучеръ дожидался во дворѣ.

Камердинеръ вышелъ, а Минихъ отправился будить Манштейна.

Манштейнъ сладко спалъ, забывши все любопытство, возбужденное въ немъ непонятнымъ поступкомъ фельдмаршала. Но вотъ онъ проснулся, протеръ глаза и увидѣлъ передъ собою Миниха въ полной парадной преображенской формѣ.

— Одѣвайтесь скорѣе,—сказалъ Минихъ:—намъ пора ѣхать.

— Куда ѣхать?—спросилъ Манштейнъ.

— Въ Зимній дворецъ, а оттуда въ Лѣтній!

Глаза Манштейна широко раскрылись: онъ начиналъ понимать въ чемъ дѣло.

— Я думаю, что могу на васъ положиться, — проговорилъ фельдмаршалъ, протягивая ему руку.—Вѣдь, вы готовы идти со мною?

— Еще-бы!—съ нервной дрожью сказалъ Манштейнъ:—куда угодно, на какія угодно опасности.

— Вы понимаете, въ чемъ дѣло?

— Понимаю, ваше сіятельство! Вы можете на меня положиться.

— Благодарю васъ. Впрочемъ, я и такъ былъ въ васъ увѣренъ.

Черезъ нѣсколько минутъ съ задняго двора дома Миниха, выѣхала карета и быстро помчалась по направленію къ Зимнему дворцу.

На петербургскихъ улицахъ стояла глубокая тишина: все спало мертвымъ сномъ, только кое-гдѣ за воротами лаяли собаки, только, покачиваясь со стороны на сторону, разводя руками и о чемъ-то разсуждая сама съ собою, черезъ улицу плелась жалкая, отрепанная фигура пьянаго мастерового.

Быстро мчавшаяся карета чуть было не наѣхала на эту фигуру. Пьяный мастеровой, однако, во-время отшатнулся, повалился на снѣгъ и долго безсмысленно глядѣлъ на удалявшуюся карету. Онъ не понималъ, что это такое промчалось, да и гдѣ-же ему было понять? Еслибъ не только пьяный мастеровой, но и весь Петербургъ проснулся и увидѣлъ эту карету, то и тогда-бы никто не понялъ, какъ много она значитъ.

Эта карета приснилась только метавшемуся въ тревожномъ снѣ регенту Россійской Имперіи, да и то приснилась въ видѣ чего-то огромнаго, безформеннаго, ужаснаго, несущагося на него съ сверхъестественной силой и готоваго раздавить его.

XI.

Карета объѣхала Зимній дворецъ кругомъ и остановилась у задняго подъѣзда. Здѣсь было все пусто; только сторожъ дремалъ, закутавшись въ тулупъ. Онъ даже не слыхалъ, какъ подъѣхала карета и не окликнулъ входившихъ на крыльцо Миниха и Манштейна.

Они поднялись по темной лѣстницѣ, отворили какую то дверь.

— Кто тамъ?--услышали они изъ сосѣдней комнаты, но ничего не отвѣчали. Къ нимъ вышла заспанная служанка и, увидя ихъ, вскрикнула.

— Не кричи! не кричи!—сказалъ Минихъ:—ничего не случилось! Поди поскорѣй и разбуди фрейлину, госпожу Менгденъ.

— Да какъ-же вы прошли? Вѣдь, здѣсь... здѣсь гардеробная принцессы!—шептала изумленнная и испуганная служанка.

— Поди и разбуди госпожу Менгденъ! — строго повторилъ Минихъ.

Служанка удалилась, не смѣя ослушаться генерала.

Юліана не заставила себя долго ждать.

Она появилась въ пеньюарѣ, не причесанная, но съ блестящими, вовсе не заспанными глазами.

Она очевидно, еще не ложилась и дожидалась.

— Ну что... что?—обратилась она къ Миниху:—вѣдь, ничего дурного? Нѣтъ?

— Ничего дурного. Надо разбудить принцессу, мнѣ необходимо увидѣться съ нею, я буду дожидаться здѣсь...

— Хорошо, сейчасъ!

Юліана быстро скрылась.

Не прошло и пяти минутъ, какъ она вернулась снова и пригласила Миниха слѣдовать за нею.

Манштейнъ остался въ гардеробной.

Минихъ прошелъ двѣ комнаты и увидѣлъ передъ собою принцессу.

Маленькая лампочка тускло освѣщала большую комнату; но все же и въ этомъ полумракѣ можно было замѣтить, какъ блѣдна и какъ трепещетъ Анна Леопольдовна.

— Неужли вы рѣшились? Неужли сейчасъ все должно быть?—дрожащимъ голосомъ спросила она, подавая руку Миниху.

— Да, сейчасъ, сейчасъ, или никогда!—твердо проговорилъ онъ.—Теперь отступать невозможно. Вы должны рѣшиться, перестать колебаться, перестать бояться: все благополучно кончится, даю вамъ въ этомъ слово.

— Я рѣшилась,—прошептала принцесса.—Чего же вы отъ меня требуете?

— Надо объявить офицерамъ и солдатамъ, а затѣмъ необходимо, чтобы вы ѣхали со мною въ Лѣтній дворецъ. Моя карета здѣсь дожидается.

— Мнѣ... съ вами ѣхать?—въ ужасѣ всплеснула руками Анна Леопольдовна.—Нѣтъ, графъ, ни за что! Дѣлайте, что хотите, но я... я не поѣду! Это свыше силъ моихъ!

Краска раздраженія вспыхнула на щекахъ Миниха, но онъ удержался.

— Хорошо... пожалуй... и безъ этого обойтись можно. Только здѣсь-то, передъ офицерами, вы должны выказать твердость. Обѣщаетесь ли вы мнѣ въ этомъ?

— Да, обѣщаюсь!—сказала Анна Леопольдовна, прислонившись къ спинкѣ высокаго кресла. Ея ноги дрожали.

Минихъ вышелъ къ Манштейну и приказалъ ему позвать къ принцессѣ, этимъ-же заднимъ ходомъ, всѣхъ караульныхъ офицеровъ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ снова вернулся къ Аннѣ Леопольдовнѣ и всячески старался ободрить ее.

Когда офицеры, изумленные и еще не понимавшіе въ чемъ

дѣло, показались на порогѣ комнаты, принцесса ужъ совершенно владѣла собой.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и граціозно поклонилась вошедшимъ.

— Я призвала васъ, господа,—обратилась она къ нимъ дрогнувшимъ, но громкимъ голосомъ:—чтобы просить вашей помощи. Вы знаете мое расположеніе ко всѣмъ вамъ, ко всему войску. Я, кажется, никогда не подавала вамъ повода быть недовольными мною?

— Конечно, ваше высочество,—разомъ сказали офицеры:—и ради васъ мы всегда готовы жертвовать нашей жизнью.

— Благодарю васъ!—продолжала принцесса.—Такъ вотъ, видите, я и рѣшаюсь требовать отъ васъ жертвы! Съ самой минуты кончины императрицы я не знаю покоя. Меня, моего мужа и моего сына—императора преслѣдуетъ регентъ. Онъ хочетъ удалить насъ изъ Россіи. Онъ хочетъ совершенно завладѣть всѣмъ. Онъ осыпаетъ насъ обидами и оскорбленіями, онъ обращается со мною не какъ съ матерью императора. Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно даже сносить эти обиды. Я долго терпѣла, но, наконецъ, рѣшилась его арестовать и поручила это фельдмаршалу Миниху. Надѣюсь, что вы будете повиноваться своему генералу и помогать ему исполнить мое порученіе.

Офицеры выслушали эти слова съ очевидною радостью.

— Матушка! ваше высочество! давно мы всѣ этого желаемъ и вы несказанно обрадовали насъ вашими словами. Исполнимъ вашу волю, хотя бы пришлось положить жизнь свою!

— Благодарю васъ!—прошептала разстроганная принцесса и протянула къ нимъ руки...

Они кинулись цѣловать эти протянутыя руки, а Анна Леопольдовна каждаго изъ нихъ цѣловала въ лобъ.

Но тутъ твердость ей измѣнила. Она безсознательно опустилась въ кресло и едва слышно сказала Миниху:

— Ступайте! да хранитъ васъ Богъ!

Минихъ подалъ знакъ офицерамъ и они всѣ вышли.

Сошедши съ фельдмаршаломъ внизъ, офицеры тотчасъ же кинулись къ караульнымъ солдатамъ, поставили ихъ подъ ружье.

Передъ солдатами показался Минихъ и, прежде, чѣмъ они его узнали въ ночномъ сумракѣ, онъ заговорилъ имъ:

— Ребята!—сказалъ онъ:—нужно спасать императора и его родителей отъ человѣка, присвоившаго себѣ власть и творящаго всякія беззаконія: готовы-ли вы идти за мною?

— Рады стараться! Хоть въ огонь пойдемъ за тобою!—весело крикнули солдаты, наконецъ, дождавшіеся минуты, которой они давно и страстно ожидали.

Тогда Минихъ началъ распоряжаться. Онъ оставилъ сорокъ человѣкъ здѣсь, при знамени, а съ восемьюдесятью, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и Манштейна, отправился къ Лѣтнему дворцу.

Тихо по пустой темной улицѣ подвигалось это шествіе.

Вотъ и Лѣтній дворецъ; передъ входомъ караулы.

Минихъ остановился со своимъ отрядомъ и послалъ Манштейна объявить дворцовымъ карауламъ о намѣреніи Анны Леопольдовны.

Всѣ чутко прислушивались и приглядывались. Ничего не слышно, только замѣтно движеніе въ караулѣ.

Манштейнъ бѣгомъ возвращается и объявляетъ, что тамъ съ радостью его выслушали и даже предложили свою помощь при арестованіи герцога.

— Такъ возьмите съ собой одного офицера и двадцать солдатъ,—обратился Минихъ къ Манштейну:—и ступайте, арестуйте Бирона, а если онъ станетъ сопротивляться, такъ и убейте его. Мы будемъ васъ ждать.

Манштейнъ съ двадцатью солдатами направился ко дворцу; наружный караулъ сейчасъ же пропустилъ его. Уже: входя на крыльцо, онъ велѣлъ солдатамъ слѣдовать за собою издали, и какъ можно тише. А самъ пошелъ дальше.

Онъ одинъ—караульные во внутреннихъ комнатахъ ничего не знаютъ: пропустятъ-ли они его? Можетъ быть, задержатъ? Можетъ быть, вмѣсто благополучнаго и блестящаго исполненія этого неожиданнаго, смѣлаго плана, Манштейну предстоитъ арестъ и затѣмъ казнь? Но смѣлый подполковникъ быстро отогналъ отъ себя эти мысли и твердою поступью пошелъ дальше.

Караулы всюду пропускали, они знали, что это старшій адъютантъ фельдмаршала и, конечно, думали, что онъ явился къ регенту съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ.

Манштейнъ прошелъ цѣлую анфиладу комнатъ и остановился. Онъ не зналъ куда ему идти дальше: не зналъ, гдѣ спальня регента. Спросить у лакеевъ нельзя, поднимется шумъ.

Онъ рѣшился идти все впередъ и впередъ, авось, выйдетъ именно туда, куда ему нужно.

Онъ прошелъ еще двѣ комнаты, очутился передъ запертыми на ключъ дверьми, сильно рванулъ двери и онѣ отворились, потому что не были приперты задвижками внизу и вверху.

Манштейнъ вошелъ въ большую комнату. Въ углу, на высокой мраморной подставкѣ, горѣла лампа, заслоненная рѣзнымъ абажуромъ.

Прямо передъ собою, въ глубинѣ комнаты, Манштейнъ замѣтилъ огромную, роскошную кровать подъ балдахиномъ.

Онъ на цыпочкахъ подошелъ по мягкому ковру къ кровати, откинулъ штофную занавѣску и разглядѣлъ Бирона и его жену. Оба они спали крѣпкимъ сномъ.

Биронъ, почти всю эту ночь метавшійся и ежеминутно вскакивавшій съ постели, наконецъ, утомился и заснулъ. И ужъ ничего ему не грезилось. Его не возмущали больше страшныя сновидѣнія, призраки. Онъ дышалъ мѣрно. Лицо его было спокойно.

Манштейнъ стоялъ у кровати съ той стороны, гдѣ лежала герцогиня.

— Проснитесь!—громко сказалъ онъ.

Но они не просыпались.

Тогда онъ наклонился еще ближе къ кровати и сказалъ еще громче: «проснитесь!»

Биронъ и его жена разомъ открыли глаза, испуганно взглянули на Манштейна и приподнялись съ подушекъ.

— Что это? что?—съ ужасомъ выговорилъ регентъ.

Герцогиня взвизгнула и закрылась одѣяломъ.

— Арестую васъ именемъ его императорскаго величества!—громко произнесъ Манштейнъ, обнажая шпагу.

— Караулъ!—отчаяннымъ голосомъ крикнулъ Биронъ.

— Караулъ!—взвизгнула подъ одѣяломъ герцогиня.

При этомъ Биронъ вскочилъ, и Манштейну показалось, что онъ хотѣлъ спрятаться отъ него подъ кровать. Дѣйствительно, онъ прятался; но въ то же время продолжалъ кричать: «караулъ!»

— Молчите!—грозно выговорилъ Манштейнъ, быстро обѣжалъ кругомъ кровати и старался схватить регента.

Тотъ началъ обороняться и кричать еще громче.

— Молчите! Васъ все равно никто не услышитъ. Я привелъ съ собой много солдатъ и если вы будете сопротивляться, то я убью васъ.

Биронъ вздрогнулъ.

Манштейнъ схватилъ его и крѣпко держалъ до тѣхъ поръ, пока не явились солдаты.

Между тѣмъ, вся ужъ комната наполнена народомъ.

Герцогиня все лежитъ, закутанная одѣяломъ, и визжитъ.

Манштейнъ передалъ Бирона солдатамъ. Но когда они подошли, чтобъ взять его, онъ вдругъ собралъ всѣ свои силы, сжалъ кулаки и сталъ отмахиваться направо и налѣво. Солдаты кинулись на него, но долго не могли совладать съ нимъ.

Завязалась отчаянная борьба. Рубашка регента разорвана, его колотятъ по чему попало сильныя, мозолистыя руки. Онъ все еще отмахивается; но, наконецъ, силъ больше нѣтъ. Его повалили на коверъ, засунули носовой платокъ ему въ ротъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, закутали въ одѣяло и вынесли изъ спальни.

Несчастный Биронъ былъ въ забытьи, не шевелился и со стороны можно было подумать, что это несутъ безжизненное тѣло.

Въ первую секунду, когда голосъ Манштейна разбудилъ его, онъ подумалъ, что случилось что-нубудь очень важное и что Манштейнъ прибѣжалъ предупредить его. Ему и въ голову не могла придти мысль относительно фельдмаршала Миниха; онъ даже сразу не повѣрилъ ушамъ своимъ, когда услыхалъ слова Манштейна:«арестую васъ».

Но Манштейнъ повторилъ эту ужасную фразу.

Неужели дѣйствительно это арестъ и паденіе? Неужели его могутъ арестовать... здѣсь, въ его Лѣтнемъ дворцѣ, въ его спальнѣ? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ считалъ себя въ безопасности; вѣдь, кругомъ народъ, бездна прислуги, караулы! Значитъ, что-жъ?.. значитъ, всѣ въ заговорѣ... всѣ?! Но это, вѣдь, не можетъ быть! Этотъ негодный Манштейнъ прокрался, какъ воръ... Стоитъ только крикнуть и сбѣгутся люди, схватятъ этого Манштейна, весь этотъ низкій заговоръ рушится! И онъ, еще разъ, посмѣется надъ своими врагами, да такъ посмѣется, что потомъ, ни у кого ужъ не поднимутся руки на него, никто не рѣшится выдумывать заговоръ...

«Караулъ! караулъ!»—повторяетъ Биронъ, а, между тѣмъ, никто не является ему на помощь.

Вотъ и солдаты! Его хватаютъ. Мысли его остановились; онъ совершенно машинально отбивался отъ солдатъ. Но его схватили, связали и онъ ужъ ни о чемъ не думаетъ. Онъ все забылъ. Ни страха, ни ужаса, ни отчаянія, ни злобы нѣтъ въ немъ. Онъ только чувствуетъ, какъ мало по малу начинаетъ разбаливаться его тѣло, какъ крѣпко скручены руки, какъ неловко солдаты несутъ его. Ему трудно дышать; у него болятъ челюсти; у него противно во рту отъ всунутаго платка. И онъ старается дѣлать языкомъ и зубами осторожныя движенія, чтобъ какъ-нибудь освободиться отъ этого платка. Но нѣтъ, видно ничего не подѣлаешь!

Онъ начинаетъ сердиться на то, что никакъ не можетъ помочь себѣ. Онъ сердится на этотъ несносный платокъ и снова придумываетъ всякія хитрости, какъ-бы какимъ-нибудь образомъ освободиться отъ платка. Всѣ его мысли и всѣ его чувства поглощены этой работой.

Ему ужъ начинаетъ казаться, что и дѣло-то все въ одномъ только платкѣ, что стоитъ отъ него освободиться и тогда все кончено, тогда не останется ничего больше страшнаго и дурного. Потомъ онъ вдругъ начинаетъ думать о томъ: что-жъ дальше будетъ? Но онъ не думаетъ о своей будущности, а думаетъ только о томъ, что будетъ черезъ минуту, черезъ пять минутъ,

черезъ часъ. Куда его повезутъ и какъ повезутъ? Неужели въ одѣялѣ? Вѣдь, холодно, морозъ, да и неприлично. «Нѣтъ! что-нибудь да сдѣлаютъ, непремѣнно сдѣлаютъ!»—успокоительно заканчиваетъ онъ и только ждетъ съ любопытствомъ.

Онъ ужъ о платкѣ позабылъ, какъ-то привыкъ къ этому непріятному ощущенію во рту...

Его снесли внизъ, въ караульную. Сняли съ него одѣяло и закутали солдатской шинелью.

«А! солдатская шинель,—подумулъ онъ.—Какъ-же это я не догадался? Конечно, въ солдатскую шинель должны закутать, во что-жъ больше? Такъ будетъ теплѣе! Только вотъ какъ ноги?»

Но о ногахъ регента никто не подумалъ: онъ такъ и остался босикомъ. Солдаты вынесли его на улицу, тутъ дожидалась подъѣхавшая карета Миниха, его посадили въ карету. Съ нимъ сѣлъ офицеръ.

— Куда?—спросилъ кучеръ.

— Въ Зимній дворецъ!—отвѣчалъ офицеръ, захлопывая дверцу.

Карета уѣхала, и даже пьяный мастеровой не встрѣтился ей на дорогѣ.

Никто не зналъ и не подозрѣвалъ, въ какомъ странномъ маскарадномъ костюмѣ проѣхался этой морозной ночью регентъ Россійской Имперіи. Только солдаты, стоявшіе группами около Лѣтняго дворца, тихомолкомъ послали ему свои неособенно любезныя привѣтствія...

Герцогиня курляндская, закрывшись съ головой въ одѣяло, продолжала визжать все время, пока происходила борьба въ спальнѣ. Она перепугалась до того, что почти обезумѣла. Она слышала бряцанье оружія, слышала крики своего мужа, понимала, что его хватаютъ, разслышала или, вѣрнѣе, почувствовала, какъ онъ упалъ, какъ замолкъ, но она не рѣшилась выглянуть изъ подъ своего одѣяла.

«Онъ молчитъ, не кричитъ больше, должно быть, его убили!» И она сама перестала визжать, и лежала неподвижно, ожидая, что вотъ, вотъ, сейчасъ, и ее убьютъ. Но, можетъ быть, ее не замѣтятъ! Надо лежать тише! И она совсѣмъ притаила дыханіе.

«Уходятъ изъ комнаты! Все тихо». Она выглянула: «никого нѣтъ!» На полу, у постели, оторванный кусокъ рубашки герцога: «что-жъ это такое?»

Сама себя не помня, съ выкатившимися страшно глазами, она кинулась изъ спальни, бѣжала по комнатамъ въ одной рубашкѣ и босикомъ, выбѣжала изъ дворца.

Солдаты, толпа... но она ихъ не боится, она ничего не помнитъ; она забыла въ какомъ она видѣ, не чувствуетъ холода.

Подъѣзжаетъ карета, въ карету сажаютъ кого-то. Она уга-

дала, что это мужъ ея, и она бѣжитъ по двору, по снѣгу босыми ногами за ворота. Хочетъ кинуться къ каретѣ. Но какой-то солдатъ бросается и схватываетъ ее.

Она опять кричитъ и отбивается. Она вцѣпилась зубами въ руку солдата, но солдатъ ни на что не обращаетъ вниманія и тащитъ ее.

– Что прикажете съ нею дѣлать?—спрашиваетъ онъ, подтаскивая герцогиню къ Манштейну.

— Отвести во дворецъ, — отвѣчаетъ Манштейнъ и спѣшитъ скорѣй къ Миниху за приказаніями.

Герцогиня продолжаетъ кричать и кусаться.

– Отвести во дворецъ!—ворчитъ солдатъ:—легко сказать, да какъ это я сдѣлаю? И въ какой дворецъ? Назадъ, что-ли, али туда, въ Зимній?.. Карета-то вонъ, вишь, уѣхала, а другую гдѣ теперь взять? Что-жъ, это, значитъ, на своей спинѣ везти? Ишь, злющая, какъ вцѣпилась! Зубы-то! зубы-то... вонъ до крови прохватила. Э, да гдѣ-жъ съ ней тутъ возиться!

Не долго думая, онъ отшвырнулъ ее отъ себя и быстро скрылся.

Несчастная герцогиня упала на кучу снѣга. Она ужъ перестала кричать. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и, наконецъ, потеряла сознаніе. Долго такъ лежала она, раздѣтая, на снѣгу, пока, наконецъ, одинъ изъ офицеровъ не подошелъ къ ней. Онъ ужаснулся, увидя ее въ такомъ положеніи, и крикнулъ солдатамъ.

Солдаты сошлись и окружили ее. Она не шевелится. Что-жъ, сейчасъ, пожалуй, станутъ издѣваться надъ нею? Да и какъ не издѣваться! Теперь она безсильна. Еще, нѣсколько часовъ тому назадъ, она мнила себя чуть что не императрицей; она протягивала свои руки для поцѣлуевъ сановникамъ и принцамъ; она была олицетвореніемъ человѣческой гордости и тщеславія. По одному ея слову всѣхъ этихъ солдатъ и этого офицера разстрѣляли-бы. Но теперь она безсильна! Она лежитъ обнаженная на снѣгу и только слабая дрожь, по временамъ пробѣгающая по ея членамъ, показываетъ, что она еще не умерла, еще дышитъ.

Ее всѣ ненавидѣли, всѣ, кто зналъ и кто даже не зналъ ее. Никто не говорилъ о ней ни одного добраго слова, такъ какъ-же теперь не издѣваться надъ ней! Но, между тѣмъ, ни офицеръ, ни солдаты не стали издѣваться.

— Ахъ, Боже мой!—смущеннымъ голосомъ проговорилъ офицеръ:—посмотрите, ради Бога, жива-ли она? Вѣдь, какъ, бѣдная, выбѣжала! въ одной рубашкѣ! Этакъ схватитъ смертельную болѣзнь!

— Да! ночка-то морозная и замерзнуть недолго!—говоритъ одинъ солдатъ.

— Такъ возьмите ее скорѣй, разотрите, одѣньте, снесите во

дворецъ. Да бережнѣе поднимайте! Скорѣй, давайте шинели! Нельзя-же такъ! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ замерзнетъ!

Солдаты бережно подняли герцогиню, скинули съ себя шинели, закутали ее и понесли обратно во дворецъ растирать и одѣвать. И никто не встрѣтилъ ихъ въ пустыхъ комнатахъ. Фрейлины и камеристки герцогини, вся многочисленная прислуга, всѣ, даже «дуры» и карлицы, попрятались, кто куда могъ, и не подавали никакихъ признаковъ жизни.

XII.

— Юліана, куда-же ты ушла? Вернись, останься со мною! Не отходи отъ меня! — повторяла Анна Леопольдовна, слѣдуя за Менгденъ, которая вышла было, чтобъ причесаться и одѣться.

Юліана вернулась. Принцесса взяла ее за руку и крѣпко держала, не выпускала.

— Боже мой! что-то тамъ такое? Посмотри на часы! — шептала она.—Какъ долго идетъ время! Что тамъ дѣлается?

Юліана взглянула на часы—еще рано! Всего пятый часъ въ началѣ.

— Успокойся ради Бога!—сказала она принцессѣ. — Развѣ въ одинъ часъ можно повернуть все это дѣло?! Теперь, того и жди, вернется фельдмаршалъ и ужъ, конечно, навѣрное все благополучно: иначе онъ далъ бы знать.

— Ахъ, нѣтъ! Боюсь, Юля, боюсь ужасно! Вѣдь, Биронъ всегда былъ подозрительнымъ человѣкомъ, а ужъ теперь съ этими заговорами, конечно, принялъ всѣ мѣры. Схватили нашего фельдмаршала, адъютанта его и всѣхъ солдатъ перехватали... Что-жъ теперь будетъ?

Принцесса заплакала.

Менгденъ не знала, что и дѣлать съ нею.

Она стала всячески ее успокоивать, но ничто не помогало. Принцесса выпустила руку своего друга, бросилась на коверъ, закрыла лицо руками и стала молиться, но молитва не успокоивала. Каждая минута казалась ей чуть-ли не часомъ.

— Что это? что? Юля, поди посмотри!

Юліана выбѣжала изъ комнаты и черезъ нѣсколько секундъ вернулась съ радостнымъ лицомъ.

— Все, слава Богу, благополучно!—почти закричала она.—Регентъ здѣсь!.. схваченъ... Минихъ идетъ съ докладомъ... и ужъ не оттуда, не черезъ гардеробную, а парадным ходомъ.

Анна Леопольдовна схватилась за сердце, такъ оно вдругъ шибко забилось.

Неужели такое счастье? Или, можетъ быть, Юліана обманываетъ?! Но нѣтъ, вотъ и самъ фельдмаршалъ. На его сухомъ, красивомъ лицѣ изображается торжество. Онъ улыбаясь подходитъ къ принцессѣ. Она протягиваетъ ему руку, она его обнимаетъ и плачетъ.

— Поздравляю, ваше высочество, все благополучно!

— Другъ мой! голубчикъ! Я ужъ и не знаю, какъ благодарить васъ,—всхлипываетъ Анна Леопольдовна на плечѣ Миниха.— Какъ же это? что-жъ было? Скорѣй... скорѣй разсказывайте!

Минихъ подробно передалъ ей о случившемся.

— Такъ онъ здѣсь, здѣсь въ караульнѣ?—вдругъ забывая свои волненія и слезы, радостно всплеснула руками Анна Леопольдовна и даже подпрыгнула, какъ ребенокъ.—Здѣсь? и не вырвется?

— Гдѣ ужъ теперь вырваться!—улыбнулся Минихъ.

— Но постойте! погодите!—вдругъ опять тревожная мысль промелькнула въ головѣ принцессы:—вѣдь, солдатъ мало, вдругъ его вырвутъ его приверженцы?

— Какіе же приверженцы?—отвѣтилъ фельдмаршалъ.—Мало что-то онъ нажилъ себѣ приверженцевъ! Къ тому же, я обо всемъ подумалъ. Всѣ, кого можно опасаться, теперь, навѣрно, тоже ужъ арестованы. Я послалъ Манштейна къ Густаву Бирону, а другого своего адъютанта, Кенигфельса, къ Бестужеву. Не бойтесь, никто отъ насъ теперь не уйдетъ.

Анна Леопольдовна окончательно успокоилась и съ несвойственной ей живостью отдалась порыву вдругъ нахлынувшаго на нее счастья.

Она то пожимала руки Миниху, то бросалась на шею Юліанѣ.

— Боже мой! чѣмъ мнѣ заплатить вамъ за это? Какъ мнѣ отблагодарить васъ?

— Теперь объ этомъ нечего думать,—спокойно проговорилъ фельдмаршалъ.—Теперь слѣдуетъ заботиться только объ одномъ: получше, покрѣпче вамъ устроиться. Да еще нужно скорѣй объявить принцу, а то онъ до сихъ поръ, кажется, ничего и не знаетъ.

— Ахъ, объ немъ-то я совсѣмъ и позабыла!—самымъ наивнымъ тономъ сказала принцесса.—Да, конечно, нужно объявить ему. Поди, Юліана, заставь его подняться, приведи сюда.

Минихъ на мгновеніе задумался.

— Такъ вотъ что, принцесса,—наконецъ сказалъ онъ:—вы подождите здѣсь принца. Объявите ему сами, объявите, что по всеобщему желанію вы будете правительницей, а я сойду опять внизъ. Я не думаю, чтобы принцъ сталъ съ вами спорить... но если понадоблюсь вамъ, то вернусь.

— Оставайтесь, оставайтесь,—торопливо перебила Анна Леопольдовна:—лучше вы ему скажите, вы лучше скажете.

— Нѣтъ, мнѣ неловко,—рѣшительно возразилъ Минихъ:—я выйду.

И не слушая возраженій принцессы, онъ быстро скрылся изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ, показался принцъ Антонъ.

— Зачѣмъ вы меня подняли?—обратился онъ къ женѣ, изумленно посматривая на ея сіяющее, счастливое лицо своими заспанными, нѣсколько опухшими глазами.

— Кое что случилось... Вы себѣ спали, а, между тѣмъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ арестовалъ Бирона. Биронъ теперь внизу...

— Не можетъ быть!—даже попятился отъ изумленія и сталъ протирать себѣ глаза принцъ Антонъ.—Не можетъ быть! Что это за шутки неумѣстныя!

— Не шутки, а правда. Проснитесь!—сказала принцесса.

Принцъ Антонъ, наконецъ, понялъ, что его не обманываютъ, понялъ, что случилось то, о чемъ онъ не смѣлъ и грезить еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Онъ хотѣлъ кинуться внизъ въ караульню, чтобъ собственными глазами увидѣть сверженнаго регента, но жена его остановила.

— Зачѣмъ вы пойдете? Куда? Останьтесь лучше здѣсь—потолкуемте хорошенько.

Онъ покорно остановился и задумался.

— Какъ же теперь? Кто-жъ теперь всѣмъ управлять будетъ? И какимъ это образомъ такое дѣло сдѣлано безъ моего участія? Какимъ образомъ мнѣ даже никто и не заикнулся объ этомъ? Что-жъ я то такое тутъ?—начиналъ онъ разгорячаться.—Развѣ я не отецъ императора?!

— Конечно, отецъ,—отвѣчала принцесса:—но, вѣдь, и я тоже мать его и родная внучка царя Ивана Алексѣевича. Мои права были поруганы Бирономъ и вотъ я приказала арестовать его. За меня войско, за меня весь народъ русскій! Съ сегодняшняго дня я правительница Россіи до совершеннолѣтія моего сына.

Принцъ Антонъ окончательно ужъ проснулся.

— А, такъ вотъ какъ! Вы безъ меня обошлись! Можетъ быть, и меня прикажете арестовать, ваше высочество?

— Перестаньте говорить вздоръ,—очень серьезно замѣтила Анна Леопольдовна.—Я намѣрена предоставить вамъ всевозможный почетъ. однимъ словомъ сдѣлать все вамъ угодное, только надѣюсь, что вы не станете со мною бороться. Недоставало еще, чтобъ между нами начались ссоры! Успокойтесь лучше. Предоставьте мнѣ быть правительницею, а себѣ возьмите самую

спокойную жизнь, какую можно только предоставить—вамъ будетъ такъ гораздо лучше!

Принцъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, но въ тоже время всѣ мученія, которыя долженъ онъ былъ пережить до этого утра, совершенно его разстроили и сломали всю его небольшую энергію.

«Что-же,—подумалъ онъ:—дѣло ужъ сдѣлано, да, можетъ, такъ и лучше, меньше отвѣтственности, меньше опасности. Пускай ихъ управляются, какъ знаютъ».

Онъ снова взглянулъ на жену, подошелъ къ ней и протянулъ руку.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ поздравить, ваше высочество!—шутливымъ тономъ съ улыбкой сказалъ онъ, цѣлуя руки Анны Леопольдовны.—Препоручаю себя вашимъ милостямъ.

Она прикоснулась губами къ его лбу и шепнула:

— Да! такъ-то лучше!

Она стала ему разсказывать всѣ подробности этой ночи.

Юліана вышла объявить Миниху, что все сошло благополучно.

Фельдмаршалъ сейчасъ же явился, разсыпался въ любезностяхъ передъ принцемъ, былъ до такой степени почтителенъ и любезенъ, что бѣдный принцъ Антонъ окончательно примирился со своимъ второстепеннымъ положеніемъ и отъ всего сердца благодарилъ Миниха.

Долго они сидѣли и толковали.

Ужъ свѣтать начинаетъ, пора за работу—впереди еще много дѣла.

— Съ чего мы теперь начнемъ?—спросила принцесса.—Да, конечно!—сейчасъ же вспомнила она:—прежде всего нужно послать за Остерманомъ.

— Онъ боленъ,—проговорилъ Минихъ.

— Что-жъ такое что боленъ? Онъ всегда боленъ, но теперь нужно, чтобъ онъ немедленно сюда явился. Развѣ безъ него обойтись можно? Онъ сейчасъ все устроитъ. Онъ сейчасъ увидитъ, гдѣ есть опасность, которую мы въ нашей радости можемъ не замѣтить. Конечно, скорѣй... скорѣй за Остерманомъ!

— Пожалуй!—проговорилъ Минихъ.

Онъ сошелъ внизъ и послалъ сказать Остерману, что принцесса проситъ его немедленно явиться къ ней въ Зимній дворецъ...

XIII.

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ съ самого чрезвычайнаго засѣданія, созваннаго Бирономъ, того засѣданія, гдѣ такъ смутили и распекли бѣднаго принца браунשвейгскаго, не выходилъ изъ своей комнаты. Онъ уже тогда, вернувшись домой, сказалъ женѣ, что теперь ему придется быть долго больнымъ, потому что въ воздухѣ носится что то неладное. Регентъ торжествуетъ: браунשвейгскіе унижены, но это еще ровно ничего не значитъ.

И вотъ Андрей Ивановичъ, сидя запершись въ четырехъ стѣнахъ, пустилъ въ ходъ всѣ свои таинственныя средства для того, чтобъ хорошенько понять положеніе дѣла и узнать, что теперь ему предпринять слѣдуетъ.

По вечерамъ черезъ кухню въ его кабинетъ прокрадывались какія-то фигуры, то будто мужикъ, то будто баба. Но этотъ русскій мужикъ говорилъ съ нимъ на чисто нѣмецкомъ языкѣ; у бабы появлялся совершенно мужской голосъ.

Андрей Ивановичъ внимательно выслушивалъ своихъ тайныхъ посѣтителей и, мало-по-малу, начиналъ понимать въ чемъ дѣло. Онъ зналъ, что торжество Бирона минутно, что народъ и войско его ненавидятъ, понималъ, что скоро нужно его будетъ уничтожить. Кто-жъ его уничтожитъ? Конечно, онъ, Андрей Ивановичъ, и, конечно, такъ, что самъ будто въ сторонѣ останется. Ему ужъ не въ первый разъ рѣшать судьбу Россіи: много лѣтъ, съ самой смерти Петра Великаго, онъ привыкъ все дѣлать по своему, никому о томъ не говоря, ни съ кѣмъ не совѣтуясь.

Онъ въ эти послѣдніе дни рѣшалъ новую задачу. Онъ зналъ, что можно дѣйствовать и въ пользу браунשвейгскихъ, и въ пользу цесаревны Елизаветы, и аккуратно, во всѣхъ подробностяхъ, высчитывалъ всѣ выгоды того и другого рѣшенія.

Онъ весь былъ погруженъ въ эту работу, никого не принималъ. Жена его всѣмъ сказывала, что Андрею Ивановичу совсѣмъ теперь худо, что даже и ее къ себѣ не впускаетъ.

Теперь Андрей Ивановичъ мирно спалъ. Онъ всегда засыпалъ только подъ утро, такъ какъ съ вечера и большую часть ночи его мучила несносная подагра.

Но сквозь чуткій сонъ вдругъ слышитъ онъ, какъ скрипнула дверь его спальни: онъ открылъ глаза:—передъ нимъ жена.

— Матушка, что это ты?—недовольнымъ голосомъ заворчалъ онъ: — уснуть мнѣ ныньче не даешь? Сама спозаранку встала, выспалась, а, вѣдь, я только что задремалъ. Чего дверьми-то хлопаешь?

— Не хлопала бы безъ дѣла,—отвѣтила графиня.—Вставай,

Андрей Иванычъ, гонецъ изъ Зимняго, принцесса зоветъ тебя какъ можно скорѣе по очень важному дѣлу.

Андрей Ивановичъ поднялъ голову съ подушекъ.

— Ни за что не поѣду, матушка, ни за что! Богъ съ тобой! И будить меня не слѣдовало изъ-за этого. Сама знаешь, не поѣду. Какъ можно теперь ѣхать! Какъ можно во что-нибудь вмѣшиваться! Нѣтъ, нѣтъ, поди, сама выйди къ гонцу, скажи, что я боленъ, шевельнуться не могу, не только что ѣхать... Пусть извинятъ... Не могу! не могу!

Графиня вышла передать гонцу этотъ отвѣтъ, а Андрей Ивановичъ задумался.

«Это что еще такое? Что тамъ у нихъ? Набрали, видно, кой-кого, опять заговоръ дѣлаютъ. ну, такъ не мое это дѣло! Я чужихъ глупостей не участникъ! Какъ нужно будетъ, самъ съѣзжу, а теперь ни!.. Теперь я боленъ».

Онъ повернулся къ стѣнкѣ и снова задремалъ.

Но хорошенько выспаться не удалось ему въ это утро. Не прошло еще и часу, опять входитъ графиня и говоритъ, что снова присланъ изъ Зимняго, да ужъ не гонецъ простой, а генералъ Стрѣшневъ, ея братъ двоюродный.

— Что такое? Ну, позови его сюда.

Вошелъ Стрѣшневъ.

Андрей Ивановичъ со стономъ протянулъ ему руку.

— Батюшка, Андрей Иванычъ, — заговорилъ Стрѣшневъ: — вставай, одѣвайся, ѣдемъ во дворецъ!

— Ахъ! куда мнѣ! Вѣдь, ужъ сказалъ, что боленъ, не могу!

— Все это очень хорошо,—перебилъ его, улыбаясь, Стрѣшневъ:—но самъ знаешь, что есть такія обстоятельства, которыя заставляютъ даже всякую болѣзнь перемочь. Одѣвайся!

— Не могу! не могу!—повторялъ Остерманъ.

— Анъ можешь! Анъ поднимешься! — продолжалъ улыбаться Стрѣшневъ:—хочешь объ закладъ биться, что встанешь? Скажу одно словотакое и встанешь.

— Да что такое? Что ты?—ужъ оживленнѣе спросилъ Остерманъ.—Какое такое слово?

— А вотъ какое: въ караульнѣ Зимняго дворца сидитъ одинъ человѣкъ, и видѣлъ я того человѣка своими глазами, и человѣкъ тотъ... Биронъ. Регентъ сидитъ въ караульнѣ. Слышишь?

— Что ты!—вскочилъ съ кровати Остерманъ, даже совсѣмъ позабывъ про свои больныя ноги. — Что ты? Неужто? Ach, mein Gott!..

— Братецъ, пойдемъ, зайди ко мнѣ на минуточку, пока онъ будетъ одѣваться, — обратилась графиня къ Стрѣшневу и увела его изъ спальни мужа. Она знала, что теперь надо оставить

Андрея Ивановича одного, надо дать ему хорошенько подумать, не мѣшать.

Андрей Ивановичъ сидѣлъ на кровати.

Никогда еще въ жизни никакое извѣстіе такъ не поражало его, какъ то, какое привезъ сейчасъ Стрѣшневъ.

Онъ дни цѣлые и ночи, почти напролетъ, все обдумывалъ, все рѣшалъ, а тутъ хвать, безъ него сдѣлали! Его не спросились, да и сдѣлали-то удачно!

Горькое, обидное чувство шевельнулось въ Остерманѣ.

«Старъ, что-ли, я становлюсь?—съ ужасомъ подумалъ онъ:—другимъ уступаю дорогу. Стрѣшневъ сказалъ, что это все Минихъ! А вотъ Миниха-то я и проглядѣлъ, за нимъ-то и не слѣдилъ! Эхъ, я, старый дуракъ!—съ какимъ-то наслажденіемъ выбранилъ себя Андрей Ивановичъ.—Ну, что-жъ теперь... теперь не вернешь! Теперь нужно въ поясъ кланяться господину Миниху. Да, нужно, нужно туда поѣхать, нужно осмотрѣться. Да оно и ничего, пожалуй, иной разъ бываетъ удобнѣе загребать жаръ чужими руками, своихъ не обожжешь, а жару загрести надо!».

И съ этой успокоительной мыслью, представившей ему обширное поле для новой дѣятельности, Андрей Ивановичъ сталъ поспѣшно одѣваться.

Два лакея снесли его въ придворную карету, въ которой пріѣхалъ Стрѣшневъ. Лакеи снесли его и въ покои принцессы Анны Леопольдовны.

Она сама подставила ему кресло, а онъ съ жаромъ цѣловалъ ея руку и разсыпался въ поздравленіяхъ. Поздравлялъ онъ также и фельдмаршала Миниха, восхищался его смѣлостью и мужествомъ, и всѣми силами старался казаться самымъ довольнымъ человѣкомъ, осчастливленнымъ этимъ событіемъ. Одно только его раздражало: глядя на Миниха, онъ понималъ, что тотъ только дѣлаетъ видъ, что принимаетъ за чистую монету его любезности, а въ глубинѣ души своей жестоко теперь смѣется надъ нимъ и дразнитъ его.

«Ничего, торжествуй себѣ! торжествуй!—успокоивая себя, думалъ Остерманъ: — еще посмотримъ, чѣмъ все это кончится! Долго-ли ты продержишься? Можетъ быть, ты захочешь теперь совсѣмъ отъ меня отдѣлаться? Да нѣтъ! Я хоть и промахнулся, а все еще живъ и голова моя со мною...»

Анна Леопольдовна обратилась къ Андрею Ивановичу за совѣтомъ: что имъ теперь дѣлать?

Онъ началъ говорить, началъ высказывать свои предположенія, но каждый разъ обращался къ Миниху и спрашивалъ его, согласенъ-ли онъ съ нимъ.

Минихъ утвердительно кивалъ головою, а самъ думалъ: «вер-

тись, Андрей Иванычъ, вертись! А все же вотъ мы и безъ тебя обошлись. Не у одного тебя голова на плечахъ, нашлись и другіе...»

Вернувшись домой, Остерманъ снова легъ въ постель и весь тотъ день былъ ужасно не въ духѣ. Теперь ему даже было больно не за себя. Онъ зналъ, что себѣ-то онъ еще все устроитъ. Даже его оскорбленное самолюбіе смирилось передъ мыслью, что Анна Леопольдовна будетъ признавать своимъ благодѣтелемъ не его, а Миниха. Онъ зналъ, что, можетъ быть, сумѣетъ еще совсѣмъ измѣнить мысли принцессы относительно благодѣяній фельдмаршала. Его раздражало и мучило то, что того и жди теперь померкнетъ ореолъ, окружавшій его въ глазахъ всей Европы, до сихъ поръ думавшей, что ни одно великое событіе, ни одинъ переворотъ въ Россіи не можетъ устроиться помимо его, Остермана.

И въ Европѣ, дѣйствительно, такъ думали, а въ первые дни по сверженіи Бирона даже и весь Петербургъ считалъ Остермана хоть тайнымъ, но дѣйствительнымъ виновникомъ гибели регента. Маркизъ де-ла-Шетарди писалъ своему королю:

«Болѣзнь графа Остермана сильно, если не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайнъ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда. Вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана».

Но скоро Андрей Ивановичъ себя успокоилъ. Онъ весь отдался злобѣ дня, устроиванью своихъ дѣлъ, приготовленію отвѣтнаго удара Миниху. Одинъ только разъ еще его уязвленное самолюбіе сильно заныло. Это было тогда, когда онъ получилъ изъ Константинополя отъ Румянцева такое посланіе:

«Что касается до той, съ Богомъ начатой перемѣны, не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возымѣли и яко едиными усты Богу моленіе принесли съ прославленіемъ имени вашего сіятельства, яко перваго сына отечества россійской имперіи, вѣдая, что все то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено».

Андрей Ивановичъ порывисто скомкалъ это письмо, а когда его жена полюбопытствовала узнать, что пишетъ Румянцевъ, то онъ совсѣмъ не могъ сдержать себя и закричалъ на нее, чтобъ она не смѣла трогать и убиралась.

А онъ со своей графиней жилъ душа въ душу и даже въ самыя свои трудныя минуты относился къ ней съ нѣжностью, и не иначе называлъ ее какъ «mein Herzchen».

XIV.

Разставаясь съ фельдмаршаломъ, Анна Леопольдовна сказала ему, чтобъ онъ немедленно занялся спискомъ наградъ. Она была такъ взволнована всѣми событіями этой ночи, что сама отказалась распредѣлять награды и вполнѣ полагалась на фельдмаршала.

— Только, пожалуйста, чтобъ всѣ были довольны,—прибавила она:—я хочу, чтобъ первый день нашего торжества былъ радостнымъ днемъ и для всѣхъ, кто не врагъ нашъ.

Минихъ, вернувшись домой, призвалъ своего сына и барона Менгдена, предсѣдателя коммерцъ-коллегіи.

— Приготовь бумагу, я буду тебѣ диктовать,—сказалъ онъ сыну.

Затѣмъ было приступлено къ составленію списка.

— Пиши,—сказалъ Минихъ:—во-первыхъ, о томъ, что принцесса Анна Леопольдовна провозглашается правительницей вмѣсто Бирона и возлагаетъ на себя Андреевскій орденъ, а меня жалуетъ въ генералиссимусы.

— Батюшка,—замѣтилъ Миниху его сынъ,—о тебѣ я писать не стану.

— Это еще что такое?—даже вскочилъ фельдмаршалъ со своего кресла.

— А то, что званіе генералиссимуса, навѣрное, пожелаетъ принцъ Антонъ и, конечно, тебѣ не слѣдуетъ начинать непріятными отношеніями съ принцемъ.

Минихъ задумался на минуту и сообразилъ, что онъ, дѣйствительно, хватилъ черезъ край и что сынъ совершенно правъ.

— Да, спасибо, что остановилъ. Ты правду говоришь, но что-жъ мнѣ-то?

— А тебѣ самое лучшее просить званія перваго министра.

— Хорошо, помирюсь и на этомъ! Но, вѣдь, и тутъ есть возраженіе: намъ не слѣдуетъ обижать Остермана, а Остерманъ, навѣрное, обидится, онъ не захочетъ терпѣть надъ собою перваго министра.

— Такъ слѣдуетъ повысить и Остермана,—замѣтилъ Менгденъ.

— Но какъ-же? какъ?—задумался Минихъ.

И вотъ онъ вспомнилъ, что Остерманъ давно ужъ намекалъ о своемъ желаніи быть великимъ адмираломъ.

— Да, да!—оживленно обратился Минихъ къ сыну:—сдѣлаемъ Остермана великимъ адмираломъ. Званіе это почетное, но для меня не опасное, стѣснять меня не будетъ!

— Кто знаетъ, будетъ-ли доволенъ Остерманъ этимъ назна-

ченіемъ,—сказалъ Минихъ-сынъ, прерывая свою работу:—я такъ думаю, что ему больше захочется быть великимъ канцлеромъ.

— Мало-ли:—что захочется!—быстро отвѣчалъ фельдмаршалъ мало-ли что захочется! Конечно, мы должны постараться предоставить ему очень почетное званіе, должны избѣжать вражды съ нимъ, но слишкомъ далеко пускать его все же не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ забывать, что сегодняшняя ночь не его рукъ дѣло, а моихъ. Такъ неужели же мнѣ не воспользоваться этимъ? Пустить Остермана въ великіе канцлеры, да это совсѣмъ связать себѣ руки, отказаться отъ дѣлъ иностранныхъ, а я вовсе не намѣренъ отказываться отъ нихъ. Нѣтъ! по моему, великимъ канцлеромъ нужно назначить князя Черкаскаго.

— Князя Черкаскаго?—изумленно отозвался Менгденъ: да, вѣдь, его отношенія къ Бирону всѣмъ, кажется, намъ извѣстны и по этимъ отношеніямъ его наказать слѣдуетъ, сослать, а не награждать такимъ образомъ.

— Ну, съ этимъ то я не согласенъ!—сказалъ Минихъ.—Мало-ли кто былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бирономъ, потому что не быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ—значило губить себя. Нѣтъ, я стою на Черкаскомъ, онъ такой человѣкъ, который никому не будетъ мѣшать, онъ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Дальнѣйшая работа совершалась безъ перерыва, и скоро списокъ наградъ былъ готовъ.

Съ этимъ спискомъ сынъ Миниха отправился къ принцессѣ. Самъ же фельдмаршалъ поручилъ ему сказать, что будетъ во дворцѣ часа черезъ два, такъ какъ совсѣмъ выбился изъ силъ и долженъ вздремнуть немного.

Онъ, дѣйствительно, было заснулъ, но тотчасъ же и опять проснулся въ волненіи.

«Нѣтъ! теперь не до сна, мнѣ нужно быть тамъ, нельзя терять ни минуты. Нельзя допускать, чтобъ кто-нибудь воспользовался чѣмъ либо безъ моей воли, чтобъ кто-нибудь перебилъ или ослабилъ мое вліяніе на принцессу».

Онъ вмѣсто сна только освѣжилъ свою уставшую голову холодной водой, выпилъ рюмку вина и поѣхалъ вслѣдъ за сыномъ.

Было уже около полудня. На улицахъ много народу. Сразу замѣтно необычайное движеніе, вѣсть о ночномъ событіи ужъ облетѣла городъ. Шли толки, разспросы; многіе не вѣрили. Толпы народа стягивались къ дворцамъ, но ихъ разгоняли, объявляя имъ, что нечего глазѣть, что нѣтъ никакого парада, ни торжества. Многіе послушно удалялись и шептали другъ другу:

— И то, уйдемъ-ка по добру по здорову! Мало-ли что болтаютъ! Можетъ, и точно ничего нѣтъ; можетъ, сидитъ онъ тамъ спокойно въ усъ не дуетъ! Такъ, вѣдь, какъ-бы намъ застѣнка не понюхать.

Но находились и такіе, что удалиться не были въ силахъ; неудержимое любопытство, сознаніе чего-то важнаго, совершившагося, тянуло ихъ ко дворцамъ.

Они пристально всматривались въ каждую проѣзжающую карету. Скоро каретъ стало показываться довольно много и все по направленію къ Зимнему дворцу.

— Ну, какъ-же ничего нѣтъ, конечно, есть,—толковали люди:— кабы ничего не было, такъ къ Лѣтнему, а не къ Зимнему дворцу ѣхали-бы.

Въ одной изъ каретъ народъ замѣтилъ цесаревну Елизавету.

Она выглянула въ открытое окошко кареты; прекрасное, только немного какъ будто-бы блѣдное сегодня, лицо ея было спокойно.

Встрѣчные люди снимали шапки и она съ доброй улыбкой кивала всѣмъ головою.

Ея появленіе произвело не мало толковъ. Были люди, которые, глядя на нее, говорили и думали:

«Эхъ, матушка, царевна, чай, вѣдь, ты думала, что скоро къ тебѣ всѣ поѣдутъ на поклонъ, а сама на поклонъ опять ѣдешь!»

Но такихъ людей было очень мало. Многіе, напротивъ, и открыто выражали свою глубокую жалость къ положенію цесаревны.

«Не ей бы ѣхать,—говорили они:—а къ ней бы спѣшить всѣмъ, поздравлять ее со вступленіемъ на престолъ родительскій, цѣловать ея золотую, царскую ручку!»

Но она была спокойна.

Своей легкой, граціозной поступью вышла она изъ кареты у Зимняго дворца и прошла въ покои Анны Леопольдовны.

У принцессы было уже много народу, всѣ, кого она считала изъ своихъ: Минихи, Менгдены, Остерманъ, Левенвольде.

Были здѣсь и адъютанты фельдмаршала, Манштейнъ и Кенигфельсъ, оба дѣятельные участники ночного предпріятія.

Всѣ чувствовали себя очень хорошо. Всѣ были бодры, довольны, велись оживленные разговоры на нѣмецкомъ языкѣ.

Цесаревна на мгновеніе остановилась и невольно вздрогнула. Ни одного близкаго, ни одного дружескаго лица не видѣла она среди этого счастливаго общества. Все это были люди совершенно чуждые ей по всему; былъ тутъ и личный врагъ ея: старый хитрый Остерманъ, котораго когда-то, въ первые дни своей юности, она считала другомъ, и который всю жизнь только и дѣлалъ, что вредилъ ей, отстранялъ ее.

Но цесаревна сейчасъ же сдержала волненіе и снова вызвала на лицо свое любезную улыбку.

Она подошла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, поклонилась ей и даже совершенно свободно, ни на секунду не измѣнившись въ лицѣ, поцѣловала у нея руку какъ у правительницы.

— Отъ всего сердца радуюсь этому событію,—сказала она и прибавила вполголоса:—но только, сестрица, оно не было для меня новостью: въ послѣдній разъ вечеромъ у Бирона я слышала нѣсколько фразъ изъ вашего разговора съ фельдмаршаломъ.

Минихъ стоялъ за стуломъ Анны Леопольдовны. Онъ слышалъ, что говорила цесаревна и невольно взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

И у него, и у Анны Леопольдовны разомъ мелькнула мысль, что если она слышала этотъ разговоръ,—а что она слышала, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, иначе откуда-же бы она о немъ узнала,—то, вѣдь, она очень легко могла бы погубить ихъ. Она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бирономъ, она могла тутъ-же, сейчасъ разсказать ему объ этомъ разговорѣ и весь планъ Миниха былъ-бы разрушенъ. Но она никому ничего не сказала, она молчала и своимъ молчаніемъ помогла имъ.

Ни Минихъ, ни Анна Леопольдовна не могли считать ее искренно расположенною къ новой правительницѣ, слѣдовательно, ея поступками руководилъ разсчетъ. Но какой-бы ни былъ этотъ разсчетъ, она все-же оказала услугу, а сама теперь для нихъ совершенно безвредна.

Анна Леопольдовна крѣпко сжала руку Елизаветы и взглянула на нее ласково.

Цесаревна сказала еще нѣсколько любезныхъ, приличныхъ случаю фразъ и отошла къ принцу Антону.

Она сдѣлала свое дѣло.

Послѣ того, что она объявила, авось, посовѣстятся тѣснить ее, авось, дадутъ ей спокойно прожить хоть первое время и безъ помѣхи приготовить все, что нужно.

А, вѣдь, ей теперь это самое важное! Пусть-же смотрятъ на нее съ пренебреженіемъ, пусть она всѣмъ здѣсь чужая, ненужная; вѣдь, и ей здѣсь всѣ тоже чужды и ненужны, и никогда не понадобятся.

Вотъ она сѣла поодаль и наблюдала, какъ всѣ счастливы и довольны, какъ во всѣхъ говоритъ честолюбіе, какіе всѣ строятъ планы.

На нее никто не глядитъ, никто не считаетъ необходимымъ даже обратиться къ ней съ самой пустой любезной фразой. Ничего, пусть! Тяжелая жизнь, многія несносныя обиды, многія униженія могли-бы ожесточить сердце Елизаветы. Глядя на нее теперь, можно было-бы, пожалуй, подумать, что много злого чувства кипитъ въ ней, что съ полной ненавистью глядитъ она на Анну Леопольдовну, на Миниха, Остермана и всѣхъ этихъ Манштейновъ, что она мечтаетъ о мести, строитъ жестокіе планы, но ничего этого въ ней не было.

Конечно, она знала, что если удастся ей добиться своего за-

коннаго наслѣдія, она удалитъ отъ себя всѣхъ враговъ своихъ, но мучить и пытать ихъ не станетъ, ненависти ни къ кому нѣтъ въ ней. Ей только обидно и больно смотрѣть на двухъ главныхъ враговъ ея: на Остермана и Миниха, и больно ей только потому, что она дочь Петра, который былъ ихъ благодѣтелемъ и котораго они отблагодарили тѣмъ, что пренебрегли его родною, любимой дочерью. Но даже и эти горькія ощущенія скоро исчезли, и цесаревна отдалась своему живому характеру: вдругъ, всѣ присутствующіе начали казаться ей комичными. Она подмѣчала всѣ ихъ смѣшныя стороны, она думала о томъ, какъ, вернувшись къ себѣ, будетъ смѣяться съ Маврой Шепелевой, разсказывая ей обо всемъ, что видѣла здѣсь и слышала.

А, между тѣмъ, передъ неюсовершалось дѣло первой важности: распредѣлялись награды.

Списокъ Миниха былъ немедленно утвержденъ принцессой. Пожалованные подходили и цѣловали руку Анны Леопольдовны.

Затѣмъ началось совѣщаніе о томъ, что дѣлать съ Бирономъ и его семействомъ.

— Вѣдь, онъ все еще здѣсь, внизу,—сказалъ Минихъ:—а семейство его въ Лѣтнемъ подъ карауломъ. Я полагалъ-бы, что самое лучшее немедленно перевезти ихъ всѣхъ въ Александровскій монастырь, а потомъ отправить въ Шлиссельбургъ.

Принцесса согласилась съ этимъ.

Говорили о томъ, что нужно будетъ потребовать отъ Бирона всевозможныя разъясненія, нужно будетъ нарядить слѣдствіе и т. д.

Затѣмъ Минихъ объявилъ, что всѣ близкіе къ Бирону люди тоже ужъ схвачены: Бестужевъ-Рюминъ, братья Бирона, Карлъ и Густавъ, и генералъ Бисмаркъ.

— А что жена Бестужева?—спросила Анна Леопольдовна.

— О Бестужевыхъ пускай вамъ доложатъ мои адъютанты,—отвѣчалъ Минихъ.—Я посылалъ ихъ, по желанію вашего высочества, и господинъ Манштейнъ вотъ только что вернулся.

— Госпожа Бестужева,—сказалъ Кенигфельсъ:—была въ ужасномъ отчаяніи, когда я къ ней пріѣхалъ. Я спросилъ ее, хочетъ-ли она слѣдовать за своимъ мужемъ, она отвѣчала, что хочетъ, но такъ плачетъ, въ такомъ отчаяніи... Я всячески уговаривалъ ее, увѣрялъ, что ничего дурного не будетъ ея мужу.

— Ну, это хорошо! Тамъ выяснится, будетъ-ли ему дурно, или нѣтъ,—замѣтилъ Минихъ.—А самъ Бестужевъ какъ?—обратился онъ къ Манштейну.

— Я сказалъ ему,—отвѣтилъ Манштейнъ:—что ея высочество приказала послать его въ ссылку недалеко. Онъ сталъ просить меня, нельзя-ли ему видѣться съ вашимъ сіятельствомъ, но я сказалъ, что никакъ это невозможно, потому что вы очень заняты.

Тогда онъ даже заплакалъ. «Попросите,—говоритъ,—фельдмаршала, чтобъ онъ меня не оставилъ, а помнилъ то, что и самъ онъ состоитъ въ дирекціи Божіей, какъ самъ видитъ это изъ моей судьбы: вчера я былъ кабинетнымъ министромъ, а теперь арестантъ!»...

— Конечно, ужасно, когда происходятъ такія перемѣны съ людьми,—замѣтила Анна Леопольдовна:—но, вѣдь, кто-жъ виноватъ? Нельзя-же намъ награждать враговъ нашихъ, избавлять ихъ отъ должнаго наказанія! Только, во всякомъ случаѣ, господа,—обратилась она ко всѣмъ присутствовавшимъ:—я не намѣрена начинать жестокостями. Я хочу, чтобъ дѣло Бирона и его сторонниковъ разбиралось безъ всякаго пристрастія и имъ была-бы оказана возможная милость, и я надѣюсь, что вы въ этомъ согласны со мною?

— Да, слишкомъ много было жестокостей, слишкомъ много казней и пытокъ, нужно, чтобъ Россія отдохнула отъ всего этого!—совершенно невольно, и не обдумывая, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова, проговорила цесаревна Елизавета.

— Конечно, да! я съ вами согласна, сестрица,—горячо отвѣтила ей Анна Леопольдовна.

Наконецъ, всѣ начали расходиться.

У каждаго было много дѣла, нужно было созывать синодъ, министерство, генералитетъ.

На слѣдующее утро городу было объявлено о совершившемся. Всюду читали манифестъ, подписанный синодомъ, министерствомъ и генералитетомъ.

Въ манифестѣ, отъ имени императора Іоанна VI, объявлялось, что «хотя по предписанію императрицы Анны регентомъ былъ назначенъ герцогъ Курляндскій, но ему велѣно было свое регентство вести по государственнымъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ преданіямъ и уставамъ, и особливо велѣно, не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи нашемъ попеченіе имѣть, но и къ родителямъ нашимъ и ко всей императорской фамиліи почтеніе оказывать. Но вмѣсто должнаго того исполненія, онъ дерзнулъ не токмо многіе, противные государственнымъ правамъ, поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ великое непочтеніе и презрѣніе публично оказывать и притомъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ и такія дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которыми не токмо любезнѣйшіе родители наши, но и мы сами, и покой и благополучіе Имперіи нашей, въ опасное состояніе приведено быть моглибы и потому принужденными себя нашли, по усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, духовнаго и мірскаго чина, онаго герцога отъ регентства отрѣшить и по тому

же прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ оное правительство поручить нашей государынѣ матери».

Никто не противорѣчилъ. Всѣ, начиная отъ высшихъ сановниковъ и кончая простыми петербургскими жителями, приняли важную новость довольно равнодушно. Покуда еще не знали въ чемъ дѣло любопытствовали, толковали, а узнали и затихли. И это должно было казаться очень многозначительнымъ наблюдающимъ людямъ.

Биронъ снискалъ себѣ всеобщую ненависть; его регентство началось пытками, при немъ народъ могъ ожидать всевозможныхъ безчинствъ и жестокостей. И вотъ этотъ Биронъ сверженъ, Россія отдается въ руки матери императора, правнукѣ царя Алексѣя Михайловича. Многіе въ гвардіи довольны, да и въ народѣ по временамъ тоже слышно, что кому-же и управлять страною, какъ не родителямъ императора, а изъ родителей должна, конечно, быть правительницею мать, происходящая отъ царскаго, русскаго корня, а не отецъ—принцъ иноземный.

А, между тѣмъ, несмотря на всѣ эти разсужденія, все же не замѣтно особенной радости, торжества и веселья. Событіе признано молчаливо, значитъ, есть-же какая-нибудь важная причина, есть что-нибудь, что мѣшаетъ русскимъ людямъ успокоиться. И всѣ это понимаютъ, и всѣ это чувствуютъ, только многіе еще не могутъ дать себѣ яснаго отчета: отчего все это происходитъ. Но пройдетъ немного времени, и этотъ отчетъ будетъ данъ, и окажется, что мудрые дѣлатели переворотовъ все-же были близоруки и не понимали страны, которою хотѣли распоряжаться по своему, и окажется, что лучше всѣхъ ихъ поняла народныя чувства и народныя желанія забытая, унижаемая красавица, легкомысленная насмѣшница, какою многіе ее считали. Она поняла народъ русскій, его чувства, надежды и мечтанія, поняла потому, что сама составляла одно цѣлое съ этимъ народомъ. Она знала, что народъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока власть не перейдетъ въ Петрово потомство, пока не совершится законная справедливость, по которой созданное человѣкомъ должно принадлежать этому человѣку и его прямымъ наслѣдникамъ.

И вотъ, забытая и униженная красавица, въ то время, какъ друзья ея охали и ахали, толковали о томъ, что пропущено самое подходящее время, что совершена важная ошибка, только посмѣивалась надъ своими друзьями и была спокойна, была увѣрена въ своей силѣ больше чѣмъ когда-либо.

«Эхъ, фельдмаршалъ,—думала она, встрѣчаясь съ Минихомъ:—какъ вы теперь важны и счастливы! Только берегитесь, какъ-бы васъ въ Бироны не записали!»

Но фельдмаршалъ ничего не боялся. Его честолюбіе било ра-

достную тревогу. Онъ чувствовалъ себя у пристани. Надъ нимъ уже начиналъ совершаться какой-то общій законъ, по которому человѣкъ, чувствующій себя на высотѣ успѣха, становится самъ себѣ врагомъ и дѣлаетъ губительные промахи.

Минихъ, дѣйствительно, началъ свое торжество съ большой неловкости.

Императорскій указъ, появившійся вслѣдъ за манифестомъ, начинался такимъ образомъ:

«Всемилостивѣйше пожаловали мы любезнѣйшему нашему государю-родителю быть генералиссимусомъ и хотя генералъ-фельдмаршалъ, графъ фонъ-Минихъ, за его къ Россійской Имперіи оказанныя знатныя службы, и что нынѣ онъ ужъ первый въ Россійской Имперіи командующій генералъ-фельдмаршалъ и въ коллегіи военной президентъ къ пожалованію-бъ сего знатнаго чина надежду имѣть могъ, токмо во всенижайшемъ къ вышеупомянутому его высочеству почтеніи отъ сего чина отрекается».

Этотъ указъ былъ сочиненъ самимъ Минихомъ, и никто не могъ внушить ему, что подобное объясненіе своихъ правъ на званіе генералиссимуса и очень безтактно, и очень обидно для принца Антона.

Принцъ Антонъ не только что обидѣлся, но положительно возненавидѣлъ Миниха. Онъ поклялся доказать ему, что несмотря на то, что его отстранили и считаютъ такимъ безсильнымъ, и обижаютъ даже въ указахъ, а онъ все-же сдѣлаетъ свое дѣло: Минихъ не долго будетъ торжествовать. Принцъ Антонъ зналъ, что ему одному трудно будетъ этого достигнуть, но у него оказывался сильный помощникъ, тоже оскорбленный Минихомъ, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Съ нимъ-то принцъ Антонъ и началъ горячую дружбу.

XV.

Тишина глубокая вокругъ Александро-невской лавры. Ночь темная — зги не видно, только вѣтеръ порывистый свищетъ, да валятся снѣжные хлопья. Ворота на запорѣ; населеніе монастырское спитъ сномъ глубокимъ. Но вотъ раздался странный звукъ: какое-то бряцаніе, лязгъ оружія. Вотъ слышны слова военной команды: смѣняются караульные солдаты.

Караулъ этотъ приставленъ стеречь регента и его семейство. Рѣшено, что узники здѣсь переночуютъ, а утромъ будутъ отправлены дальше.

Въ двухъ маленькихъ кельяхъ помѣщаются Бироны. Герцога

привезли въ сумерки изъ караульни Зимняго дворца и онъ ужъ засталъ здѣсь жену и дѣтей.

Тяжелое это было свиданіе! Герцогиня курляндская, и отъ природы-то некрасивая, теперь показалась Бирону просто страшною. Непричесанная, ненарумяненная и ненабѣленная, одѣтая во что попало, она почти неподвижно лежала на простой деревянной монастырской кровати и по временамъ сильно вздрагивала. Только отъ природы необыкновенно крѣпкое здоровье ея помогло ей вынести то, что съ ней случилось. Она со стонами разсказала мужу о томъ, какъ лежала безъ памяти, совсѣмъ раздѣтая, на снѣгу и какъ потомъ ее растирали и одѣвали солдаты.

— Теперь я вся какъ изломанная,—жаловалась она:—рукой, ногой шевельнуть не могу.

Но онъ почти не слушалъ. Ему самому было очень плохо: все тѣло было избито въ борьбѣ съ солдатами; на рукахъ и на груди было нѣсколько ссадинъ и подтековъ. На его ногахъ были надѣты простыя солдатскія валенки, на плечахъ—та же толстая шинель. Ему было холодно, голова горѣла, во рту пересохло.

Едва волоча за собою избитыя, распухшія ноги, онъ отошелъ отъ жены и прошелъ въ сосѣднюю маленькую каморку, гдѣ, при тускломъ свѣтѣ ночника, увидѣлъ дѣтей своихъ.

Оба сына, Петръ и Карлъ, даже не встали ему навстрѣчу.

Младшій—Карлъ лежалъ уткнувшись въ подушку, онъ, можетъ быть, и не слыхалъ, какъ вошелъ отецъ. Но принцъ Петръ не спитъ, глядитъ во всѣ глаза, а къ отцу не подходитъ. Одна только нелюбимая дочь Гедвига, съ покраснѣвшимъ и распухшимъ отъ слезъ лицомъ, поднялась изъ темнаго уголка и бросилась къ отцу на шею. Но онъ не отвѣтилъ ей на эту ласку, онъ все еще не могъ придти въ себя, все еще не оправился отъ постигшаго его удара, еще не могъ ни думать, ни чувствовать; жилъ и шевелился машинально.

— Ахъ, Боже мой, что на васъ надѣто! — шепнула сквозь слезы Гедвига.—Но я о васъ подумала: вотъ вашъ халатъ любимый, я его захватила и привезла съ собой.

Она кинулась въ свой уголокъ и вернулась съ халатомъ.

— Спасибо!—равнодушнымъ голосомъ проговорилъ Биронъ, сбросилъ съ себя солдатскую шинель и надѣлъ халатъ.

— Спасибо!—еще разъ повторилъ онъ, закутываясь въ свой мягкій мѣховой халатъ. И вдругъ, какъ будто чувство проснулось въ немъ, онъ протянулъ руки дочери, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ея горячій лобъ.

Она громко зарыдала.

— Господи, что-же съ нами будетъ?—сквозь рыданія шептала она:—что съ нами сдѣлаютъ?

— Да, спрашивай его! спрашивай!—обратился къ ней старшій братъ:—онъ долженъ знать это!

Проговоривъ эти слова, принцъ Петръ замолчалъ и отвернулся въ сторону.

И такъ ужъ блѣдное лицо Бирона поблѣднѣло еще больше. Въ тонѣ сыновнихъ словъ онъ услышалъ и упрекъ себѣ, и обиду, и дерзость, и презрѣніе.

— Негодяй!—отчаяннымъ голосомъ крикнулъ Биронъ и кинулся къ сыну.

Вся кровь ударила ему въ голову, кулаки судорожно сжимались. Еще нѣсколько секундъ, и онъ жестоко избилъ-бы сына, но силы ему измѣнили: во всѣхъ членахъ поднялась страшная боль, слабость подкосила ноги, онъ пошатнулся и упалъ на полъ.

Гедвига кинулась къ нему, старалась поднять его, но напрасно. Онъ снова какъ будто забылся и нѣсколько минутъ просидѣлъ на холодномъ полу. Потомъ медленно, со стономъ, приподнялся на ноги и вышелъ изъ каморки.

Онъ присѣлъ на кровати жены своей. Она дремала.

Голова Бирона опустилась на грудь и вдругъ въ комнатѣ раздались рыданія. Онъ рыдалъ, рыдалъ, не имѣя возможности удержаться, и сквозь рыданія слышалъ, какъ сынъ что-то громко и рѣзко говоритъ съ сестрою.

Гедвига старалась усовѣстить брата.

— Теперь-то что-жъ упрекать его! — говорила она. — Развѣ ему легко? Его пожалѣть надо!

— Кого жалѣть? За что жалѣть?—раздражительно твердилъ Петръ.—По чьей-же милости, какъ не по его, мы теперь въ этой норѣ проклятой? Мнѣ холодно! Я голоденъ! Меня, вонъ, завтра, можетъ быть, казнить будутъ, и кто-же виноватъ въ этомъ?

Повторилась вѣчная исторія: сынъ, привыкшій какъ должное принимать всѣ выгоды блестящаго отцовскаго положенія, возмущался необходимостью раздѣлять съ этимъ отцомъ его несчастія.

Гедвига замолчала, опять забилась въ свой темный уголъ и начала думать. Она давно привыкла думать втихомолку.

Несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, она даже и сегодня оказалась благоразумнѣе и братьевъ, и матери.

Когда ее утромъ разбудили и сказали ей въ чемъ дѣло, она, конечно, не могла удержаться отъ слезъ и ужаса, но очень скоро совладала съ собою и рѣшилась дѣйствовать.

Въ послѣднее время она очень много наблюдала, хоть и ни съ кѣмъ не дѣлилась своими мыслями.

Когда ея мать и отецъ и всѣ домашніе торжествовали и

были увѣрены, что впереди только одно счастье, что ничего дурного съ ними случиться не можетъ, Гедвига предчувствовала что-то неладное. Въ толпѣ своихъ поклонниковъ, въ толпѣ царедворцевъ, окружавшихъ отца и ловящихъ каждый его взглядъ, каждое его слово, она подмѣчала притворство и обманъ. Незамѣтно для другихъ она слѣдила за этими лицами и видѣла, какъ измѣняется ихъ выраженіе, только что герцогъ отъ нихъ отвернется.

Съ каждымъ днемъ ей все яснѣе и яснѣе становилось, что отца ея никто не любитъ, и что всѣ будутъ очень рады, если съ нимъ случится несчастье. А если никто не любитъ, такъ значитъ, никто не поможетъ, значитъ, и будетъ это несчастье! Но, конечно, она не могла ожидать, что всѣ ея дурныя предчувствія сбудутся такъ скоро и такъ ужасно.

Гедвига много училась и много знала. Знала она, между прочимъ, и исторію, слышала она разсказы о паденіи Меншиковыхъ, Долгорукихъ, знала какая судьба постигла эти несчастныя семейства.

«Вотъ, значитъ, теперь и съ нами тоже будетъ:—съ ужасомъ подумала она:—сошлютъ насъ куда нибудь далеко, и это неизбѣжно! И надѣяться намъ не на что! Значитъ, нужно примириться съ этой ужасной мыслью; значитъ, нужно ко всему приготовиться. Вотъ сейчасъ, того и жди, насъ увезутъ отсюда!»

При этой мысли Гедвига вдругъ отерла слезы и бросилась въ свои комнаты.

Нѣсколько минутъ простояла она въ раздумьи, соображая, какія вещи ей всего нужнѣе и что она можетъ взять съ собою.

Твердой рукой отперла она ящики, вынула нѣкоторыя драгоцѣнности и спрятала ихъ на себѣ такъ, что найти ихъ можно было только совсѣмъ раздѣвъ ее. Потомъ она связала небольшой узелъ: всѣ самыя необходимыя вещи для туалета; положила въ тотъ же узелъ и нѣсколько любимыхъ своихъ книгъ.

Съ этимъ узелкомъ прибѣжала она въ комнату, гдѣ лежала ея мать; собственными руками, не допуская никого къ матери, она одѣла ее потеплѣе, и когда та нѣсколько пришла въ себя, стала спрашивать, что она хочетъ, чтобъ было взято съ собою.

Но герцогиня не могла ничего говорить, не могла ни о чемъ думать и Гедвига опять-таки сама разсудила, что нужнѣе, и приготовила другой узелъ. Вспомнила она даже и объ отцѣ: не забыла его мѣхового халата.

И вотъ она теперь прилегла въ темномъ уголкѣ монастырской кельи. Она устала, голодна, весь день ничего не ѣла, но она не думаетъ объ этомъ. Кому же, какъ не ей, плакать теперь, ломать руки, рыдать и приходить въ отчаяніе? Но она ничего

этого не дѣлаетъ. Она думаетъ, она хочетъ разглядѣть то, что передъ ними, новую жизнь, къ которой должна готовиться.

Изъ того, что она знаетъ о всякихъ мѣстахъ заточенія, ей прадставляется что-то ужасное, представляется вѣчная зима, безлюдье, тишина пустынная, маленькая избушка, скука невыносимая. Но что-жъ такое: всюду живутъ люди и не умираютъ. Была сегодня одна минута, когда ей умереть захотѣлось, но нѣтъ, умирать не слѣдуетъ! И ей теперь умирать не хочется. Переживаютъ люди цѣлые годы заточенія и ссылки, и опять возвращаются въ свѣтъ, и опять блестятъ въ немъ, и опять имъ улыбается счастье...

А передъ нею такая, вѣдь, долгая жизнь, что и конца она не видитъ этой жизни, ей только четырнадцать лѣтъ!

Она знаетъ, что она умна, что она умѣетъ всѣмъ нравиться, такъ мало-ли что еще сдѣлать можно! Мало-ли что будетъ! Къ чему отчаяваться? Лучше быть спокойной.

И она почти спокойна. Какъ тихо! Братья заснули, но вдругъ въ сосѣдней келейкѣ раздается стонъ. Это мать простонала. Вотъ отецъ закашлялся и опять все тихо. Отецъ! Мать!..

Гедвига невольно вздрогнула, представивъ себѣ сцену, какъ ея гордая мать лежала въ одной рубашкѣ на снѣгу и солдаты ее поднимали; какъ ея отца, передъ которымъ трепетали сановники и принцы, простые солдаты били. Что они, эти отецъ и мать, должны были вынести!!

Но Гедвига не долго останавливалась на этихъ мысляхъ, она не любила своихъ родителей. Если она и кинулась на шею отцу, если она и останавливала брата, то изъ одного только сознанія, что такъ необходимо. а не отъ искренняго чувства. Она хорошо помнила, что ни одной свѣтлой минуты не подарили ей родители. Мать думала только о себѣ одной, никогда не ласкала ее, отецъ даже часто билъ, называлъ въ глаза уродомъ, смѣялся надъ ея маленькимъ горбомъ, котораго никто и не видѣлъ, о которомъ никто даже и не зналъ, какъ она думала.

Да, она никогда не любила отца съ матерью; гораздо больше ихъ любила она покойную императрицу, Анну Ивановну. Та ее ласкала часто, называла своей милой дѣвочкой, дѣлала ей, чуть не каждый день, прекрасные подарки.

И вотъ представилась Гедвигѣ покойная императрица, и тутъ она не удержалась, горько заплакала.

— Ахъ! зачѣмъ она умерла? зачѣмъ умерла?—почти громко проговорила Гедвига.—Вѣдь, могла-бы еще жить; вѣдь, она была вовсе не такъ стара. Вотъ онъ теперь мучается, погибаетъ,—подумала она про отца:—и, вѣдь, да... вѣдь, вотъ правда, одинъ онъ всему причиной, можетъ быть, даже причиной и смерти доброй

императрицы! Онъ зналъ, что она очень больна, что ее непремѣнно лѣчить нужно, а скрывалъ ото всѣхъ ея болѣзнь, разувѣрялъ ее самое, и вотъ теперь наказанъ за все это!

Но усталость сдѣлала свое дѣло: мысли Гедвиги стали обрываться и путаться. Она засыпала, и въ дремотѣ ей мерещился веселый, роскошный балъ. Сама она одѣта въ драгоцѣнное платье, покрытое бриллiантами, кругомъ всѣ улыбаются ей, почтительно склоняются передъ нею, важныя лица подходятъ къ ней и говорятъ ей комплименты...

Она опять просыпалась и думала: неужели все это прошло навсегда? неужели оно никогда не вернется? Нѣтъ! не можетъ того быть, вернется, должно вернуться!...

Биронъ тоже не спалъ. Напротивъ, тяжелое, странное оцѣпенѣнiе, въ которомъ онъ находился весь день, теперь вдругъ прошло, онъ все сообразилъ и понялъ. Первое отчаянiе, охватившее его, выразилось слезами и рыданiемъ. Но даже и въ своемъ теперешнемъ положенiи онъ не могъ долго отдаться серьезному чувству, онъ вдругъ, быть можетъ, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, оказался самимъ собою: все явившееся въ его характерѣ вслѣдствiе необыкновеннаго положенiя, въ которое онъ былъ поставленъ, исчезло. Онъ ужъ не былъ высокомѣрный, гордый герцогъ курляндскiй, онъ снова превратился въ митавскаго конюха. Онъ не возмущался даже и не считалъ себя униженнымъ тѣмъ, что съ нимъ такъ поступали, что на немъ синяки и ссадины отъ солдатской потасовки. Смириться духомъ и понять, что надъ нимъ совершается вполнѣ заслуженная кара,—онъ тоже, конечно, не могъ; онъ думалъ только о томъ: что-жъ теперь ему дѣлать и какъ вывернуться?

Соображая и обдумывая, онъ пришелъ къ успокоительному убѣжденiю, что врядъ-ли его казнить будутъ, что, навѣрно, ограничатся только ссылкой. Онъ хорошо зналъ характеръ Анны Леопольдовны, зналъ, что, въ сущности, она добра, что ей дѣлается дурно при одной мысли о крови.

«Конечно, они начнутъ слѣдствiе,—думалъ Биронъ:—и вотъ тутъ-то нужно хорошенько дѣйствовать мнѣ. О! я еще не дамъ вамъ торжествовать надо мною! Я еще многое выведу на чистую воду! Я еще удружу кой кому, а главное, тебѣ удружу, проклятый Минихъ! Ты увидишь, что даже свергнутый и заточенный я еще могу бороться съ тобою!»

Онъ сталъ обдумывать подробно всѣ свои будущiя показанiя, всѣ обвиненiя, которыя онъ будетъ взводить на многихъ. Онъ зналъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обвиненiй будутъ очень вѣски и доказательны, и въ мысляхъ о томъ, какъ еще много можетъ онъ зла сдѣлать, онъ находилъ наслажденiе.

Съ этими мыслями онъ и заснулъ подъ утро.

Но долго спать ему не пришлось, скоро явились офицеры и сказали, чтобъ узники сейчасъ же собирались, что ихъ велѣно везти въ Шлиссельбургъ.

Герцогиня стала стонать; Гедвига помогла ей одѣться потеплѣе, и въ то же время заботилась о своихъ узелкахъ.

Принцъ Петръ, еще вчера наслѣдникъ Курляндіи и предполагаемый женихъ цесаревны Елисаветы, мрачно, озлобленно и высокомѣрно глядѣлъ на всѣхъ и ни одного слова не сказалъ въ утѣшеніе матери. Младшій его братъ, Карлъ любимецъ покойной императрицы, бывшій съ восьмилѣтняго возраста кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Андрея, усыпаннаго бриллiантами, теперь оказался просто испуганнымъ, плачущимъ ребенкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Биронъ былъ готовъ. Онъ такъ и остался въ своемъ халатѣ, а сверхъ халата на него надѣли его роскошный плащъ, подбитый горностаемъ, въ которомъ онъ обыкновенно разъѣзжалъ по городу. Но онъ даже не замѣтилъ, что на него надѣли, не замѣтилъ, что этотъ плащъ былъ новой надъ нимъ насмѣшкой.

Подъ конвоемъ вывели арестантовъ изъ монастыря и усадили въ карету. На широкіе козлы, вмѣстѣ съ кучеромъ, сѣли два офицера и оба держали въ рукахъ заряженные пистолеты. Грузная карета медленно покатилась по улицамъ. Народъ собирался ей навстрѣчу, бѣжалъ за нею. Сквозь широкія окна кареты такъ и бросался въ глаза яркій, знакомый всему Петербургу, плащъ Бирона.

Герцогъ нахлобучилъ на глаза мѣховую шапку, чтобъ только его не видѣли и чтобъ самому никого не видѣть. Народъ кричалъ:

— Покажись! покажись! какъ твое здоровье, государь Биронъ? Скатертью тебѣ дорога! Покажись, покажись на прощанье! Дай на себя еще разокъ полюбоваться!

Судорожно тряслись поблѣднѣвшія губы Бирона, все лицо его кривилось, глаза наливались кровью, онъ сжималъ кулаки и въ безсильной ярости шепталъ: «проклятые!»

Многіе изъ толпы, выходившей навстрѣчу Бирону, помнили еще другой день и другую карету, въ которой, такъ-же закутавшись и нахлобучивъ шапку, сидѣлъ другой изгнанникъ—всемогущій князь Меншиковъ.

Тогда тоже и Александру Даниловичу кричали: «покажись-ка!» Но все-же далеко не всѣ, вышедшіе глядѣть на печальный меншиковскій поѣздъ, посылали вслѣдъ павшему вельможѣ проклятія. Тогда были люди, рѣшавшіеся и пожалѣть его. Эти люди

сознавали, что онъ виноватъ, что онъ по дѣломъ наказанъ, но все же они знали и о его заслугахъ; все же они знали, что это наказанъ большой русскій человѣкъ, много дѣлавшій для земли своей и только попутанный бѣсомъ.

Теперь же, глядя на яркій плащъ Бирона, никто не находилъ въ себѣ жалости къ регенту. Всѣ знали, что никакихъ заслугъ никогда и не было за этимъ иноземцемъ, что онъ появился какъ червь негодный, который портитъ хлѣба роскошные, что онъ умѣлъ только пожирать все, попадавшееся ему подъ руку! И вотъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, провожали его насмѣшками и радовались его униженію.

Проѣхала карета, народъ сталъ расходиться, толкуя о совершившемся событіи.

— Ну, скрутили злодѣя, теперь, авось, и вздохнемъ свободнѣе!—слышались голоса.

— Ахъ! да вздохнемъ-ли?—отвѣчали другіе.—Одинъ что-ли врагъ былъ у насъ—Биронъ? Имъ однимъ развѣ все зло держалось? Много еще разныхъ Бироновъ осталось. Что-то будетъ? Это они теперь только другъ съ дружкой грызутся! Эхъ, кабы наша царевна Елизавета Петровна... она бы всѣхъ этихъ червей негодныхъ изъ русской земли съ корнемъ вывела!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Анна Леопольдовна была признана правительницей. За все это время въ Россіи и въ Петербургѣ не случилось никакихъ волненій. Все казалось тихо, спокойно, а, между тѣмъ, это спокойствіе было только кажущимся: всюду велись большія интриги.

Оскорбленный Минихомъ принцъ Антонъ скоро достигъ своихъ цѣлей. Онъ зналъ, что выбираетъ себѣ надежнаго помощника въ Остерманѣ.

Андрей Ивановичъ, дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ работалъ за двоихъ. Ему необходимо было доказать и самому себѣ, и Миниху, что промахъ еще не есть признакъ слабости.

Не прошло и мѣсяца со дня сверженія Бирона, какъ Минихъ долженъ былъ почувствовать силу Остермана; а надежныхъ друзей и сторонниковъ у него не оказывалось. Онъ совершилъ переворотъ ради себя и принцессы, забылъ объ интересахъ всѣхъ остальныхъ, и, слѣдовательно, могъ держаться только одной принцессы. Но и относительно Анны Леопольдовны положеніе его было не особенно крѣпко. Принцесса не чувствовала къ нему никогда большой привязанности; ее съ нимъ связывала теперь только благодарность; а, вѣдь, извѣстно, что благодарность, для большинства людей, чувство очень тяжелое и отъ него всячески стараются избавиться.

Минихъ забылся; съ первой минуты своего торжества поставилъ самъ себя на первое мѣсто, считалъ себя въ правѣ всѣмъ распоряжаться, не стѣсняясь заявлялъ, что только его совѣтами, выражаемыми въ безапелляціонной формѣ, должна руководствоваться правительница.

Она сознавала, что онъ можетъ этого требовать, что она, дѣйствительно, ему всѣмъ обязана, но въ то же время эти требованія ее раздражали. Къ тому же миниховскіе совѣты иногда

не согласовались съ ея собственными желаніями, а она, какъ бы то ни было, считала себя теперь дѣйствительной правительницей Россіи.

«Что-жъ это такое! — думала она по своему обыкновенію вслухъ передъ другомъ своимъ Юліаной:—что-жъ это такое, неужели для того я избавилась отъ Бирона, чтобы попасть подъ новую опеку?»

Конечно, Юліана, пріобрѣтавшая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вліянія на принцессу и всегда умѣвшая направлять ея мысли, могла бы и тутъ сослужить вѣрную службу своему родственнику Миниху, но и она этого не хотѣла, и она тоже возмущалась его опекой, и молча выслушивала жалобы своего друга, ни однимъ словомъ не заступалась за фельдмаршала. Всѣ остальные приближенные только и дѣлали, что раздражали Анну Леопольдовну: они ежеминутно толковали ей о томъ, что честолюбіе Миниха всѣмъ извѣстно, что, навѣрное, онъ питаетъ въ себѣ самые опасные замыслы, что это человѣкъ уже и по своему характеру никогда не могущій быть ничѣмъ довольнымъ и постоянно желающій большаго: «вчера онъ свергнулъ Бирона, завтра, если что-нибудь ему не понравится, онъ точно такъ же можетъ свергнуть легко и ее, принцессу. Да, Минихъ даже опаснѣе Бирона, потому что отважнѣе его, умнѣе, даровитѣе. Для того, чтобы онъ былъ доволенъ, надо подчиняться ему во всемъ. Рядомъ съ собою онъ не потерпитъ никого, онъ никому не позволитъ себѣ заграждать дорогу»...

«Рядомъ съ собою онъ не потерпитъ никого»,—эта фраза, не разъ повторяемая, осталась въ головѣ Анны Леопольдовны, и въ этой фразѣ была вся дальнѣйшая судьба Миниха.

Дѣло въ томъ, что Линаръ былъ уже на дорогѣ къ Петербургу. Вотъ онъ пріѣхалъ и правительница встрѣтила его съ такимъ нескрываемымъ восторгомъ, что объ этомъ тотчасъ-же стали говорить. Въ немъ увидѣли сразу новое восходящее свѣтило, быть можетъ, новаго Бирона. И, конечно, прежде всѣхъ замѣтилъ это Минихъ. Онъ понялъ, что ему предстоитъ бороться съ Линаромъ, что ему необходимо побѣдить этого Линара, потому что иначе онъ заступитъ ему дорогу. Но онъ не понялъ и не сообразилъ того, что единственная возможность удержать за собою первенствующее значеніе и какое-нибудь вліяніе на принцессу, это именно всѣми силами стараться не показывать нерасположенія къ новопріѣзжему, что необходимо взвѣшивать теперь каждый свой шагъ и каждое слово. Минихъ неосторожно проговорился, вскользь замѣтилъ, что такая торжественная встрѣча и ласки, оказываемыя одному посланнику, могутъ весьма основательно обидѣть другихъ.

Эти слова были переданы Аннѣ Леопольдовнѣ и подняли въ ея сердцѣ цѣлую бурю. Судьба Миниха была рѣшена. Бороться съ сердцемъ любящей женщины старому фельдмаршалу оказалось не по силамъ. Онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, онъ чувствовалъ себя какъ левъ, попавшійся въ крѣпкія тенета, и только метался изъ стороны въ сторону, съ каждой минутой все больше и больше сознавая свое безсиліе. Онъ видѣлъ, какъ каждый день возрастаетъ снова вліяніе Остермана. Онъ видѣлъ, какъ принцъ Антонъ и правительница, совершенно чуждые другъ другу, даже порвавшіе супружескія отношенія, дружелюбно сходились между собою въ одномъ: въ недоброжелательствѣ къ нему, Миниху. Чѣмъ-же все это кончится?

Окончанія пришлось ждать не долго: враги Миниха работали быстро. Принцъ Антонъ каждый вечеръ сидѣлъ у Остермана, и каждый разъ, возвращаясь отъ него, жаловался правительницѣ на то, что фельдмаршалъ съ нимъ очень дурно и недостойно обращается.

Въ концѣ января Анна Леопольдовна, отворяя свой туалетъ, нашла въ немъ письмо, написанное какъ будто заграницей. Въ письмѣ этомъ говорилось, что чрезвычайно опасно ей полагаться на одну только фамилію и, притомъ, иностранную, что въ такомъ случаѣ состояніе подданныхъ ея сына не можетъ улучшиться, хотя и нѣтъ болѣе Бирона.

Остерманъ, Головкинъ и Левенвольде пользовались каждымъ случаемъ, чтобы доводить до свѣдѣнія правительницы о дѣйствительныхъ или мнимыхъ промахахъ федьдмаршала. Наконецъ, къ довершенію всего, сосланный Биронъ прислалъ свои показанія, въ которыхъ всячески изощрялся вредить Миниху.

Анна Леопольдовна была раздражена въ высшей степени, и въ этомъ раздраженіи нанесла первый ударъ своему благодѣтелю: Минихъ получилъ указъ о томъ, что долженъ сноситься съ генералиссимусомъ обо всѣхъ дѣлахъ и писать къ нему по установленной формѣ.

Этотъ указъ засталъ фельдмаршала больнымъ и, конечно, не могъ способствовать его выздоровленію. Болѣзнь его усилилась, онъ лежалъ въ постели, а въ то же время вѣчно больной и по цѣлымъ мѣсяцамъ невыходившій изъ комнаты графъ Андрей Ивановичъ все чаще и чаще показывался на своихъ носилкахъ въ покояхъ правительницы.

Жалуясь на свои болѣзни и охая, прикрывая свои зоркіе глаза и все обрюзгшее блѣдное лицо зеленымъ зонтикомъ, старый оракулъ убѣдительно доказывалъ принцессѣ, что Минихъ не свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ. А кто-же могъ вѣрнѣе судить объ этомъ, какъ не онъ, Остерманъ, въ продолженіе двадцат"

лѣтъ управлявшій этими дѣлами? Все яснѣе и яснѣе, изъ словъ Андрея Ивановича, становилась для Анны Леопольдовны опасность: несвѣдущій, высоко занесшійся фельдмаршалъ можетъ приготовить гибель Россіи.

— Что-жъ теперь дѣлать?—растерянно спрашивала Анна Леопольдовна.

— Да ужъ и не знаю, ваше высочество,—отвѣчалъ Остерманъ, даже подъ зонтикомъ закрывая свои глаза, чтобы ничего не было видно въ его мысляхъ:—ужъ и не знаю, что теперь дѣлать! Конечно, я былъ-бы радъ сообщать фельдмаршалу всѣ необходимыя свѣдѣнія, но вы сами изволите видѣть, что я совсѣмъ больной человѣкъ и не могу къ нему ѣздить; пришлось-бы постоянно толковать не объ однихъ иностранныхъ дѣлахъ, а и о внутреннихъ. Хотя фельдмаршалъ и богато одаренъ отъ природы, но всякія познанія даются только долгими трудами, многолѣтней опытностью и практикой, а онъ, какъ извѣстно вашему высочеству, опытность и практику пріобрѣлъ только въ дѣлахъ военныхъ.

И Андрей Ивановичъ начиналъ снова вздыхать и охать.

Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ былъ второй ударъ Миниху: кабинетъ-министры получили именной указъ, гдѣ говорилось, что первому министру, генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху надлежитъ вѣдать все, что касается до сухопутной полевой арміи и всѣхъ войскъ и рапортовать объ этомъ герцогу Брауншвейгскому. Генералъ-адмиралу графу Остерману вѣдать все, что подлежитъ до иностранныхъ дѣлъ и дворовъ, а также адмиралтейство и флотъ. Великому канцлеру князю Черкаскому и вицеканцлеру графу Головкину вѣдать все, касающееся до внутреннихъ дѣлъ, по сенату и синоду, о государственныхъ по камеръколлегіи сборахъ, и другихъ доходахъ, о коммерціи и юстиціи.

Указъ заканчивался такими словами: «если же по какому-нибудь департаменту случится такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго обсужденія, о такомъ тотчасъ учинять общій совѣтъ».

Минихъ едва могъ придти въ себя по прочтеніи этого указа: все, что онъ пріобрѣлъ для себя, все, что онъ получилъ какъ награду за совершенный имъ переворотъ, отъ него отнималось: онъ снова превращался въ то, чѣмъ былъ при императрицѣ Аннѣ. Что-жъ теперь ему дѣлать? Протестовать, бороться? Но, вѣдь, противъ него всѣ, друзей нѣтъ; партіи составить не изъ кого; надъ нимъ всѣ смѣются, торжествуютъ. Даже принцъ Антонъ, котораго онъ считалъ за ничто и отстранилъ мановеніемъ руки, какъ надоѣдливую муху, этотъ принцъ Антонъ вдругъ совершенно измѣнился, глядитъ и говоритъ такъ гордо—

очевидно, чувствуетъ подъ собою твердую почву, сознаетъ свою силу.

Вотъ фельдмаршалу вѣрные люди передаютъ такія слова принца Антона: «хоть я много одолженъ Миниху въ походахъ, хотя онъ можетъ быть мнѣ полезенъ на своемъ надлежащемъ мѣстѣ и недавно оказалъ услугу, но все же изъ того не слѣдуетъ, чтобъ ему быть здѣсь верховнымъ визиремъ. Если онъ будетъ настолько благоразуменъ, что безъ разсужденія согласится на требованіе, выраженное въ послѣднемъ указѣ, то я не стану вредить ему, но если онъ начнетъ слушаться неумѣреннаго своего честолюбія и природной жестокости своего нрава, то легко можетъ своею глупостью навлечь на себя гибель».

И это все говорилъ принцъ Антонъ, тотъ самый принцъ Антонъ, который дрожалъ и плакалъ еще такъ недавно въ чрезвычайномъ засѣданіи, собранномъ Бирономъ!

Скрежеща зубами, въ безсильной ярости, Минихъ согласился на все, чего отъ него требовали. Но соглашаясь онъ все-же надѣялся, что теперь его оставятъ въ покоѣ, что новыхъ уступокъ отъ него ужъ и невозможно требовать, что онъ будетъ въ состояніи хорошенько обдумать свое положеніе и найдетъ еще возможность потягаться со своими врагами и посрамить ихъ.

Однако, и тутъ онъ ошибался. Принцъ Антонъ продолжалъ свои почти ежедневныя таинственныя посѣщенія Остермана и Головкина. Остерманъ и Головкинъ продолжали настраивать Анну Леопольдовну и совершенно успѣвали въ этомъ. При докладахъ Миниха правительница стала очень странно держать себя; она дѣлала видъ, что затруднена множествомъ предметовъ, что у нея мало времени, что она не въ силахъ сама все обдумывать и рѣшать—и призывала къ себѣ на помощь принца Антона.

Минихъ раздражался все больше и больше, едва себя сдерживалъ и, наконецъ, рѣшился на послѣднее средство. Необходимо было, такъ или иначе, выйти изъ этого невыносимаго положенія. Онъ потребовалъ отставки, въ твердой увѣренности, что отставка эта не будетъ принята, что Анна Леопольдовна перепугается, его станутъ уговаривать, упрашивать и, наконецъ, примутъ всѣ его условія.

Дѣйствительно, въ первую минуту правительница была поражена, она все еще помнила, чѣмъ обязана фельдмаршалу, ей все еще было какъ-то совѣстно окончательно оттолкнуть и унизить этого человѣка.

Минихъ сидѣлъ дома и сказывался нездоровымъ.

Анна Леопольдовна послала ему передать, что не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ, не можетъ согласиться на его от-

ставку. Но этого заявленія ему было мало; онъ объявилъ, что если не могутъ обойтись безъ него, то онъ согласенъ продолжать свою службу, но только на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы всѣ дѣла велись такъ, какъ въ первые два мѣсяца по сверженіи Бирона.

«Что-то отвѣтятъ? Согласятся-ли?».

Минихъ ждетъ цѣлый ден—ьникакого отвѣта.

Наступилъ и второй день – никто къ нему не является. Онъ разспрашиваетъ сына— сынъ отвѣчаетъ, что ему ничего неизвѣстно. А, между тѣмъ, принцъ Антонъ сидитъ у Остермана, къ которому пріѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ. Ихъ совѣщаніе продолжается нѣсколько часовъ, затѣмъ они ѣдутъ во дворецъ, призываютъ Левенвольде и Миниха-сына и поручаютъ имъ передать фельдмаршалу, что правительница съ сокрушеннымъ сердцемъ соглашается исполнить желаніе графа, соглашается на его отставку.

На слѣдующій день, съ необыкновенной поспѣшностью и предупредительностью уже готовъ указъ генералиссимусу, въ которомъ говорится: «Всемилостивѣйше указали мы нашего перваго министра, генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, что онъ самъ насъ проситъ за старостью, и что въ болѣзняхъ находится и за долговременныя намъ и предкамъ нашимъ, и государству нашему вѣрныя и знатныя службы его, отъ военныхъ и статскихъ дѣлъ уволить».

Минихъ былъ пораженъ до такой степени, что потерялъ ужъ всякую энергію и не могъ опомниться отъ этого удара; но ему предстояло вынести еще одно послѣднее оскорбленіе.

Принцъ Антонъ торжествовалъ. Запуганный, загнанный, со всѣхъ сторонъ оскорбляемый, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли и у него явилось, вполнѣ согласное съ его характеромъ и чувствами, желаніе поломаться передъ сверженнымъ противникомъ, наглумиться надъ нимъ. Онъ велѣлъ собрать солдатъ, и вдругъ на петербургскихъ улицахъ раздался барабанный бой, сбѣжался народъ, и народу торжественно читался указъ объ отставкѣ Миниха.

Даже Анна Леопольдовна, вся поглощенная въ это время свиданіями съ Линаромъ и своими собственными дѣлами, возмутилась такимъ поступкомъ принца.

Она тотчасъ же послала сказать фельдмаршалу, что готова дать ему какое угодно удовлетвореніе за эту обиду.

Минихъ, раздавленный, задыхавшійся отъ отчаянія, бѣшенства и оскорбленія, все же нашелъ въ себѣ силы отвѣчать съ полнымъ достоинствомъ. Онъ послалъ сказать правительницѣ, что считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, получивъ такіе

знаки ея милости. Вслѣдъ за этимъ къ нему отправлены были три сенатора съ извиненіями.

А, между тѣмъ, продолжали приходить одно за другимъ показанія Бирона, и въ нихъ онъ съ наслажденіемъ выставлялъ и доказывалъ всѣ вины фельдмаршала.

Но на слова Бирона уже обращали мало вниманія—все равно Минихъ теперь былъ безвреденъ.

Анна Леопольдовна успокоилась; ея совѣсть молчала—не она выказала неблагодарность столько для нея сдѣлавшему человѣку, она только подчинилась необходимости; не она его погубила—онъ самъ погубилъ себя. Она оправдывала себя тѣмъ, что Минихъ былъ неисправимъ въ своемъ доброжелательствѣ къ Пруссіи. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на добрыя внушенія, не исполнялъ приказаній принца, не исполнялъ даже яе приказаній, а выдавалъ свои приказы, противорѣчившіе ея волѣ. Имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, значило рисковать всѣмъ.

Отвязавшись отъ него, она вздохнула свободнѣе; теперь ей уже не предстояло цѣлые дни выслушивать различныя жалобы и совѣты. Теперь всѣ были довольны: Остерманъ могъ снова дѣлать, что ему угодно. Принцъ Антонъ друженъ съ Остерманомъ, пусть они тамъ и ведутъ дѣла—до нея это не касается. Теперь она, можетъ, наконецъ, всецѣло отдаться своей собственной жизни. Она исполнила всеобщее желаніе и пусть оставятъ ее въ покоѣ; если же кто-нибудь вздумаетъ вмѣшиваться въ личныя дѣла ея, такъ она покажетъ еще свою силу.

II.

Весна въ полномъ разгарѣ; ладожскій ледъ прошелъ. Солнце сіяетъ все жарче и жарче и на огромныхъ черныхъ деревьяхъ дворцовыхъ садовъ распускаются почки. Нева широкая стоитъ—не шелохнется. Въ безвѣтряномъ воздухѣ только изрѣдка тонкій, бѣлый гребешокъ волны, поднятой большою рыбой, приподнимается изъ глади, разбѣжится и плеснетъ на набережную.

Анна Леопольдовна любитъ теперь выходить въ садъ и по цѣлымъ часамъ гулять тамъ, опираясь на руку Юліаны.

Кто нѣсколько мѣсяцевъ не видѣлъ принцессу, съ трудомъ ее теперь узнаетъ. Лицо ея оживлено, глаза блестятъ весело, на щекахъ играетъ здоровая молодая краска. Она чувствуетъ себя счастливой и довольной; только одно обстоятельство смущаетъ эти безоблачные дни: иногда ей невозможно повеселиться такъ,

какъ бы хотѣлось—доктора удерживаютъ—правительница черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова должна сдѣлаться матерью.

Но даже и объ этомъ непріятномъ ей обстоятельствѣ она часто забываетъ—широкой волною нахлынуло на нее счастье.

Она жадно, почти съ дѣтскимъ восторгомъ встрѣчаетъ весну; она глядитъ на распускающуюся зелень, на яркое солнце, на синеву небесную, слушаетъ веселое щебетанье птицъ, и все это торжество просыпающейся природы сливается съ торжествомъ ея сердца, и во всемъ видится ей милый образъ.

Иногда Остерманъ, или другіе скучные люди, толкуютъ ей о дѣлахъ, пугаютъ тѣмъ, что политическій горизонтъ начинаетъ покрываться тучами, что собирается гроза со стороны Швеціи: того и жди война — но ей нѣтъ никакого дѣла до этого. Какой вздоръ! Какія тамъ тучи! Небо безоблачно... онъ, онъ, человѣкъ, котораго она любитъ вотъ ужъ сколько лѣтъ, котораго такъ безжалостно когда-то у нея отняли, снова съ нею! О чемъ-же думать теперь? Передъ чѣмъ смущаться? Война—какой вздоръ!.. Но если и война, такъ это не ея дѣло: пусть они тамъ справляются, какъ знаютъ. Пусть только оставятъ ее въ покоѣ.

Раннее утро. Анна Леопольдовна проснулась, медленно открыла глаза и взглянула прямо передъ собою.

Въ окно ея спальни такъ и врывается ослѣпительнымъ свѣтомъ это горячее майское утро.

«Душно здѣсь, душно! Скорѣй воздуху, свѣту!»

Она кличетъ своихъ служанокъ; она приказываетъ растворить двери балкона, поставить на балконъ экранъ, а потомъ вынести и ее вмѣстѣ съ кроватью. Она еще не хочетъ одѣваться. Ей такъ пріятно будетъ понѣжиться часокъ, другой на воздухѣ. Балконъ выходитъ прямо на Мойку.

— Юліана! Юліана! — радостно говоритъ она входящему другу:—слышишь, что я придумала: я хочу спать на балконѣ!

Юліана пожимаетъ плечами.

— Положимъ,— замѣчаетъ она: — у тебя могутъ быть всякіе капризы и доктора говорятъ, что въ твоемъ положеніи даже слѣдуетъ исполнять эти капризы, но, вѣдь, есть же всему предѣлъ! Какъ же это спать на балконѣ? Выноситъ кроватъ? Вѣдь, увидятъ...

— Вотъ пустяки!—перебиваетъ ее принцесса.—Никто не увидитъ—теперь рано... Да и, наконецъ, не смѣютъ смотрѣть! не смѣютъ видѣть! Неужели я не могу дѣлать что хочу? Выносите же меня скорѣй!—обращается она къ служанкамъ.

Кровать вынесена, заставлена ширмами. Но если кто хочетъ наблюдать съ рѣки, тотъ, конечно, видитъ принцессу.

Удалились служанки, удалилась и Юліана, объявивъ, что не желаетъ вовсе быть соучастницей этой выдумки. Принцеса одна; теплый вѣтерокъ доноситъ къ ней то свѣжій, влажный запахъ рѣчной воды, то душистый смолистый запахъ липовыхъ и тополевыхъ почекъ. Надъ нею высоко плывутъ прозрачныя розоватыя облака и тамъ, въ сверкающей высотѣ, крошечными точками мелькаютъ, птицы.

Утренній воздухъ снова навѣваетъ на нее дремоту, и она забывается, незамѣтно переходя отъ окружающаго ее яснаго утра въ міръ фантазій, и сладко ей безсознательно слѣдить за прозрачными, внезапно являющимися и замѣняющими другъ друга грезами, и незамѣтно идетъ время. Мало-по-малу расплываются, будто въ той-же синевѣ небесной, ея грезы. Она совсѣмъ засыпаетъ. Почти дѣтская, блаженная улыбка на ея губахъ, грудь мѣрно, спокойно дышетъ, а вѣтерокъ ласково скользитъ по лицу ея, шевелитъ выбившійся изъ-подъ батистоваго чепчика локонъ...

Но вотъ она снова проснулась.

— Юліана!

А Юліана ужъ здѣсь, торопитъ ее скорѣе вставать, не то, право, это ни на что не похоже: въ городѣ начинается движеніе, по рѣкѣ давно плаваютъ лодки, да и набережную нельзя же, вѣдь, закрыть отъ народа.

Анна Леопольдовна улыбаясь потягивается и, наконецъ, соглашается, чтобы ее внесли снова въ комнату.

— Который часъ, Юліана?—потягиваясь, спрашиваетъ Анна Леопольдовна.

— Да ужъ скоро десять, развѣ не видишь какъ высоко солнце?

— Десять! такъ въ самомъ дѣлѣ пора вставать. Скорѣй мнѣ одѣваться!

Принцесса торопливо приподнялась съ кровати и начала свой туалетъ.

Черезъ полчаса онѣ была готова, накинула широкую бѣлую, подбитую розовой тафтой блузу, а голову повязала неизмѣннымъ бѣлымъ платочкомъ. Но теперь даже и въ этомъ платочкѣ замѣчалась перемѣна: онъ былъ повязанъ довольно кокетливо.

Анна Леопольдовна тутъ-же, у себя въ спальнѣ, на скорую руку позавтракала и поспѣшила съ Юліаной въ садъ.

Въ огромномъ саду было совершенно пусто. Работники, расчищавшіе дорожки, издали завидѣвъ принцессу съ ея спутницей, поспѣшно скрылись.

Анна Леопольдовна, глубоко вдыхая въ себя душистый воз-

духъ, спѣшила въ самую глубь сада, такъ спѣшила, что Юліанѣ нѣсколько разъ приходилось ее останавливать и напоминать ей, что скорая ходьба вредна для ея здоровья.

— Можетъ быть, онъ былъ здѣсь и ушелъ!?—вдругъ шепнула Анна Леопольдовна Юліанѣ.

— Нѣтъ, еще рано.

И онѣ шли дальше. Вотъ подошли онѣ почти къ самому забору, остановились у новой, всего съ недѣлю только назадъ продѣланной, калитки.

Анна Леопольдовна прислушалась: все тихо, только наверху со всѣхъ сторонъ раздается веселое чириканье птицъ да за калиткой слышны чьи-то мѣрные шаги.

— Нѣтъ, это часовой!—вслухъ подумала принцесса.

Прошло нѣсколько мгновеній, заскрипѣла калитка, и въ ней показалась стройная фигура изящно и богато одѣтаго человѣка.

Яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Анны Леопольдовны; у нея даже духъ захватило отъ радости и она остановилась не шевелясь. Только глаза сіяли и правая рука ея, нервно вздрагивая, протягивалась, еще издали, къ входившему человѣку.

— Съ добрымъ утромъ, принцесса!—по-нѣмецки проговорилъ онъ звучнымъ и нѣжнымъ голосомъ, цѣлуя протянутую ему руку.— Здравствуйте, фрейленъ!—обратился онъ затѣмъ къ Юліанѣ.

Юліана поклонилась ему улыбаясь, а Анна Леопольдовна все продолжала смотрѣть на него и не проронила еще ни звука.

Это былъ человѣкъ лѣтъ уже сорока, но очень моложавый, съ прекрасными, правильными чертами лица, съ темными ласковыми глазами и изысканными манерами, однимъ словомъ— это былъ Линаръ.

Анна Леопольдовна, несмотря на то, что невольная необходимость постоянно сталкиваться съ людьми и играть въ обществѣ большую роль должна же была, наконецъ, отучить ее отъ ребяческой конфузливости, при встрѣчахъ съ Линаромъ до сихъ поръ еще терялась какъ влюбленная шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Впрочемъ, можетъ быть, это происходило главнымъ образомъ и отъ того, что она чувствовала себя безмѣрно счастливой и это счастье пришло для нея такъ неожиданно, что она иногда даже не могла ему вѣрить и казалось ей, что это только сонъ, что на яву, въ дѣйствительности, не можетъ быть такого счастья.

Пока она молча глядѣла на Линара и любовалась имъ, Юліана ужъ весело болтала. Она успѣла и похвалить чудесное утро, и сказать Линару, что проснулась очень рано, выпила стаканъ минеральной воды, предписанной ей докторами, и совершила свою утреннюю прогулку.

— А принцесса залѣнилась сегодня: только что изволила одѣться... Однако, что-жъ это я, чуть было не забыла; вѣдь, мнѣ еще два стакана воды выпить нужно: пойду выпью и сейчасъ же вернусь къ вамъ.

Она быстро направилась по дорожкѣ къ маленькой бесѣдкѣ, гдѣ ставился ей каждое утро кувшинъ съ привозною минеральной водою.

Линаръ и Анна Леопольдовна остались одни.

Онъ предложилъ ей руку, она крѣпко оперлась на нее, и они тихо стали бродить по аллеѣ.

Смущеніе принцессы прошло. Она живо заговорила: ей такъ много нужно было сказать Линару.

Они толковали о послѣднихъ дворцовыхъ событіяхъ, но скоро перешли къ близкой для нихъ темѣ.

— Что-жъ, вы обдумали то, о чемъ мы вчера говорили?— спросила принцесса своего спутника:—рѣшаетесь вы навсегда остаться съ нами и быть совсѣмъ нашимъ?

— Разумѣется!—поспѣшно отвѣчалъ онъ.—Какъ можете вы меня спрашивать объ этомъ! Конечно, теперь я не могу, я не въ силахъ васъ оставить, но въ концѣ лѣта, когда я совершенно успокоюсь на счетъ вашего здоровья, я отправлюсь въ Дрезденъ и выхлопочу себѣ у моего двора отставку. Мнѣ, конечно, хотѣлось-бы совсѣмъ избѣжать этой поѣздки, но она необходима.

— Отчего необходима?—перебила Анна Леопольдовна. Развѣ нельзя написать? Я сама напишу, я надѣюсь, мнѣ не откажутъ.

— Да, конечно. Но все-же такое дѣло невозможно будетъ рѣшить безъ моего присутствія. Къ тому же мнѣ необходимо тамъ на родинѣ покончить всѣ свои дѣла. Впрочемъ, я долго не буду въ отлучкѣ...

Анна Леопольдовна задумалась.

— Скажите, графъ,—вдругъ спросила она, пристально взглянувъ на него:—нравится-ли вамъ Юліана?

— Что за вопросъ? Конечно, нравится. Она не можетъ мнѣ не нравиться ужъ хоть бы потому, что она преданный другъ вашъ.

— Нѣтъ, но какъ вы находите ее? Неправда-ли она красивая, милая и умная дѣвушка?

— Конечно! Только я не понимаю, къ чему вы меня объ этомъ спрашиваете...

— Постойте, я сейчасъ объясню вамъ. Вы согласны навсегда разстаться съ родиной, согласны сдѣлаться нашимъ, слѣдовательно, надо позаботиться о томъ, чтобы вы здѣсь хорошо, твердо устроились. Жена ваша давно умерла, вамъ необходимо вторично жениться, и я нахожу, что лучшей невѣсты для васъ и придумать нельзя, какъ Юліана...

Линаръ невольно остановился и изумленно взглянулъ на принцессу. Но она не смутилась отъ этого взгляда: то, что она говорила, было давно уже ею обдумано, взвѣшено и представлялось ей необходимостью.

— Вы изумляетесь?—проговорила она:—вамъ не нравится моя мысль? Она и мнѣ самой, можетъ быть, очень не нравится, но иначе намъ поступить нельзя. Разберите хорошенько и сами увидите, что вы непремѣнно должны быть женаты именно на Юліанѣ, на моемъ лучшемъ, дорогомъ другѣ. Вы будете моимъ оберъ-камергеромъ, тогда никто не посмѣетъ вмѣшиваться въ наши дѣла и разстроивать нашу дружбу.

Она замолчала. Линаръ тоже не говорилъ ни слова, и нѣсколько минутъ они шли молча.

Онъ обдумывалъ слова ея и видѣлъ, что она права: предложенная ею комбинація, дѣйствительно, одна только и можетъ обезпечить для нихъ въ будущемъ спокойствіе. Въ томъ кругѣ общества, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь, установились свои собственные взгляды на многія вещи: то, передъ чѣмъ остановился бы въ смущеніи простой, дышащій болѣе здоровымъ воздухомъ человѣкъ, что показалось бы этому человѣку невозможнымъ, унизительнымъ, позорнымъ, казалось совершенно естественнымъ придворному и дипломату. Но все же Линаръ иногда, неожиданно для самого себя, оказывался болѣе человѣкомъ, чѣмъ это допускалось при его общественномъ положеніи. И теперь комбинація принцессы его смутила, ему вдругъ сдѣлалось какъ-то неловко.

Его смущеніе сообщилось и Аннѣ Леопольдовнѣ. Она вспыхнула, опустила глаза.

Она хорошо все обдумала, но по легкомыслію своему не отдавала себѣ хорошенько отчета въ томъ, какія нравственныя трудности ей обходить придется.

Но все-же ни онъ, ни она не могли отказаться отъ этой ловкой комбинаціи, все-же они продолжали понимать, что она единственная и имъ не миновать ее.

— А фрейленъ Юліана, она знаетъ?—спросилъ, наконецъ, Линаръ.

— Да!—робко прошептала принцесса.

Въ это время Юліана показалась въ концѣ аллеи.

При взглядѣ на нее опустились глаза Анны Леопольдовны и Линара.

Но она спѣшила къ нимъ, сіяя весельемъ. Она что то издали имъ кричала, чего они не разслышали въ своемъ волненіи.

Она подошла къ нимъ, и отъ ея проницательнаго взгляда ничто не ускользнуло. Она поняла сразу, что между ея другомъ

и Линаромъ произошло нѣчто важное, она знала что именно и не смущалась. Ей самой первой пришла мысль о комбинаціи, и она ничего дурного и страшнаго не находила въ ней. Она съ чистымъ сердцемъ жертвовала собою ради спокойствія своего друга... Но все-же и ей было-бы неловко, еслибъ пришлось теперь говорить открыто. Все такъ будетъ... все такъ должно быть... но только нѣтъ... нѣтъ, не теперь... Неужели они заговорятъ?

Нервная дрожь пробѣжала по ея членамъ. Однако, ея опасенія были напрасны: Линаръ и принцесса ничего ей не сказали, и разговоръ свелся на предполагавшійся завтра праздникъ, на прекрасную погоду, на то, что скоро въ городѣ будетъ душно и куда бы переѣхать.

Проходя мимо новой калитки, въ которую вошелъ Линаръ, они услышали какой то шумъ, какой-то громкій голосъ.

— Что-жъ ты съ ума сошелъ, что-ли? Какъ ты смѣешь меня не пропускать!—раздражительно кричалъ кто-то.—Что ты, пьянъ что-ли? Не узнаешь меня?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высочество! Какъ же я смѣю не признать васъ?—раздался другой тихій и почтительный голосъ:—Только, по приказанію ея высочества, никого, какъ есть никого, не могу пропускать въ эту калитку. Принцесса сама изволила устно отдать мнѣ это приказаніе; хоть убейте меня, не смѣю.

Послышалось нѣмецкое проклятіе и голоса стихли.

— Это принцъ,—прошепталъ Линаръ.

— Такъ что-жъ?!—отвѣтила Анна Леопольдовна.—Часовой исполняетъ мое приказаніе, и можетъ быть спокоенъ, ему ни отъ кого не достанется. Кажется, я могу быть хозяйкой у себя и запереть этотъ садъ для всѣхъ.

— Но, вѣдь, принцъ можетъ обойти и черезъ дворецъ пройти сюда.

— Нѣтъ, не можетъ—и у дворца есть часовые. Когда я гуляю, садъ запертъ для всѣхъ. Я разрѣшила гулять въ немъ только птицамъ, да и то потому, что у меня нѣтъ власти надъ ними. А изъ людей въ мой садъ допускается одна Юліана и ея женихъ, графъ Линаръ.

Линаръ и Юліана никакъ не ожидали подобнаго заключенія и оба вздрогнули. Но Анна Леопольдовна, на которую какъ-то электрически подѣйствовалъ голосъ мужа, спорившаго съ часовымъ, забыла все свое смущеніе, на нее нашло нервное состояніе. Она протянула руки къ своимъ спутникамъ и торжественно сказала:

— Да, такъ нужно! Такъ должно быть! Такъ и будетъ: вы женихъ и невѣста!

Линаръ и Юліана ничего не отвѣтили ей, не взглянули другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось странное, тяжелое молчаніе.

III.

Принцъ Антонъ, убѣдясь, что часовой ни за что не пропуститъ его въ новую калитку сада, и что изъ дальнѣйшихъ препирательствъ съ нимъ выйдетъ только одна непріятная и унизительная исторія, отправился во дворецъ и прошелъ прямо на половину Анны Леопольдовны.

— Гдѣ принцесса?—спросилъ онъ первую попавшуюся фрейлину:—Мнѣ надо ее немедленно видѣть.

— Ея высочество гуляетъ въ саду,—отвѣчала фрейлина.

Принцъ Антонъ направился къ дверямъ, ведшимъ въ садъ, но и тутъ два часовыхъ заградили ему дорогу.

Онъ до такой степени раздражился, что накинулся на этихъ часовыхъ съ кулаками. Но они стояли передъ нимъ скрестивъ ружья, какъ истуканы, не повертывая головы, и не мигая смотрѣли въ одну точку: если ему было угодно, онъ могъ кричать, бить ихъ—они не шевельнутся. Онъ отступилъ въ безсильной ярости.

Въ эту минуту изъ сада къ двери подошла Анна Леопольдовна въ сопровожденіи Юліаны. Часовые немедленно отдали ей честь и пропустили.

— Что-жъ это, наконецъ, такое?—началъ было принцъ Антонъ.

Жена мелькомъ взглянула на него, какъ въ пустое пространство, и прошла мимо.

Онъ бросился за нею.

— Что жъ это такое?—снова повторилъ онъ еще громче и раздражительнѣе.

— Потише!—спокойно перебила его принцесса.

— Да, вѣдь, это, наконецъ, ни на что не похоже!—даже начиналъ задыхаться онъ отъ бѣшенства.—Это унизительно! Вы Богъ знаетъ какіе порядки заводите. Я хочу гулять въ саду—меня не пропускаютъ, меня... Вы вонъ тамъ, Богъ знаетъ для кого и для чего, калитку продѣлали и доводите меня до неслыханныхъ униженій! Передо мной часовые заграждаютъ дорогу. Что все это, наконецъ, значитъ? Почему я не могу гулять въ саду?

— Потому, что я не желаю, чтобъ тамъ гулялъ кто либо кромѣ меня и Юліаны, — тѣмъ же спокойнымъ голосомъ прошептала принцесса.

Это раздражающее, невыносимое ея спокойствіе и презрительность доводили его до изступленія.

— Да вы, наконецъ, совершенно забываетесь! — закричалъ онъ.—Я не могу допустить этого!

— Это вы забываетесь!—отвѣчала Анна Леопольдовна:—и я прошу васъ меня оставить.

Онъ сжалъ кулаки, его зубы стучали одинъ о другой.

— Васъ оставить?.. Я давно это сдѣлалъ. Мы, кажется, въ послѣднее время почти и не видимся, ваши двери для меня вѣчно заперты. Да, вѣдь, есть же предѣлъ всему, и я совѣтую вамъ образумиться и не доводить меня...

Но она не желала его дальше слушать.

— Оставьте меня въ покоѣ, —проговорила она: - мнѣ некогда выслушивать ваши дерзости, я утомлена... я больна... оставьте меня!

Она прошла дальше. Но онъ удержалъ Юліану.

— Юліана, послушайте, остановитесь,—заговорилъ онъ:—мнѣ нужно сказать вамъ два слова...

Юліана повиновалась. Анна Леопольдовна на мгновеніе оглянулась, но не позвала ее и скрылась за дверью.

Принцъ Антонъ оглядѣлся; они были въ пустой комнатѣ.

Онъ бросился въ кресло и знакомъ просилъ Юліану сѣсть возлѣ него.

— Что вамъ угодно, принцъ?—тихимъ и какимъ-то скучающимъ голосомъ спросила она.

— Да войдите же хоть вы въ мое положеніе,—торопливо началъ онъ.—Она живетъ вашимъ умомъ, вы имѣете надъ ней такое вліяніе, образумьте ее ради Бога, растолкуйте ей, до какой степени возмутительно ея поведеніе относительно меня.

— Извините, принцъ,—отвѣчала Юліана:—избавьте меня отъ такихъ щекотливыхъ порученій. Я не могу, я не должна вмѣшиваться въ дѣла ваши и вашей супруги, и вы совершенно заблуждаетесь, предполагая, что мое вліяніе такъ ужъ велико. Есть вещи, о которыхъ я просто не смѣю говорить принцессѣ, она меня не станетъ слушать и прикажетъ мнѣ замолчать.

Принцъ Антонъ взглянулъ на Юліану. Она сидѣла передъ нимъ нарядная, красивая.

Въ послѣднее время, весь поглощенный своими дѣлами, большою интригою, хлопотами, переговорами по поводу Миниха, наконецъ, торжествомъ своимъ надъ фельдмаршаломъ, онъ рѣдко встрѣчался съ Юліаной. Онъ забылъ о ней думать, забылъ о томъ, какое впечатлѣніе производила на него красота ея. Но теперь передъ нимъ было это живое, задорное лицо и онъ даже забылъ обо всемъ своемъ негодованіи и любовался ею.

— Я когда-то вѣрилъ вашей дружбѣ, Юліана,—грустно проговорилъ онъ:—и жестоко обманулся.

— Я не знаю, принцъ, чѣмъ я подала вамъ поводъ быть недовольнымъ мною, я, кажется, всегда выражала вамъ чувства глубокаго моего почтенія и преданности...

— Оставьте эти фразы,—перебилъ принцъ Антонъ:—я говорю не о чувствахъ глубокаго почтенія и преданности, а о дружбѣ вашей, на которую, дѣйствительно, расчитывалъ. Мнѣ казалось, что вы мнѣ сочувствуете, что вамъ жалко меня!

— Когда вы находились въ тяжеломъ положеніи, принцъ, когда регентъ оскорблялъ васъ, я васъ жалѣла отъ всей души. Но теперь обстоятельства перемѣнились... и я, признаться, не думала, что теперь вы нуждаетесь въ жалости.

— Обстоятельства перемѣнились...—съ печальной усмѣшкой сказалъ принцъ Антонъ:—перемѣнились да не улучшились... О! какое же вы коварное существо, Юліана; какъ вы зло издѣваетесь надо мною!

— Я, принцъ? я издѣваюсь?.. Извините меня, но я право не подала вамъ повода къ подобному предположенію.

— Ну, васъ не переговоришь!—онъ махнулъ даже рукою:—вы всегда найдете, что отвѣтить. Нѣтъ, серьезно скажите мнѣ: есть ли у васъ сердце?

Она пожала плечами.

— Пожалѣйте меня, Юліана, и помогите мнѣ!

Онъ взялъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

Она не отняла ее.

— Послушайте!—заговорилъ принцъ, оглядываясь:—послушайте, дорогая Юліана, я давно собираюсь по душѣ побесѣдовать съ вами... не здѣсь... теперь здѣсь неудобно!.. скажите мнѣ, когда вы будете свободны сегодня вечеромъ? мы можемъ встрѣтиться гдѣ-нибудь, не опасаясь свидѣтелей. Пожалуйста! прошу васъ!

Юліана поднялась со своего кресла.

— Что-жъ это, принцъ,—сказала она, сверкнувъ глазами:—кажется, вы назначаете мнѣ свиданіе? Но вы ошибаетесь, если думаете, что я соглашусь на это. Я постоянно съ принцессой, у меня мало свободнаго времени, а если оно и окажется, то я обязана посвятить его жениху моему.

— Что! женихъ?—вскрикнулъ изумленно принцъ.—У васъ есть женихъ? Кто это такой?

Она секунду подумала и спокойно отвѣчала:

— Мнѣ сдѣлалъ предложеніе графъ Линаръ, и я согласилась.

Сразу все стало ясно для принца Антона. Онъ думалъ, что стоитъ ему только хорошенько поухаживать за Юліаной, и она окажется къ нему очень благосклонной. Онъ разсчитывалъ, что

непремѣнно, въ отмщеніе женѣ, приблизитъ къ себѣ Юліану и сдѣлаетъ ее своей союзницей, что съ ея помощью можно будетъ сдѣлать еще много непріятностей Аннѣ Леопольдовнѣ и Линару, и вдругъ!.. вдругъ она сама, прямо, ничего не боясь и не стѣсняясь, объявляетъ ему, что Линаръ ея женихъ. Вотъ, что они выдумали!.. Онъ долженъ былъ сознаться, что придумано хитро.

— А! такъ вотъ какъ!—прошепталъ онъ.—Я давно долженъ былъ видѣть, что вы врагъ мой. А! у васъ заговоръ противъ меня! Но погодите, вы слишкомъ ужъ плохого мнѣнія обо мнѣ! Я еще такъ-то наступать на себя не позволю. Не торжествуйте заранѣе, есть всему мѣра! и я покажу ей, вашему другу, что до такой степени забываться невозможно! Ея титулъ правительницы не спасетъ ее.

— Если вы такъ говорите, принцъ, то я имѣю полное право не слушать словъ вашихъ и позволяю себѣ васъ оставить,—проговорила Юліана и быстро вышла изъ комнаты.

Принцъ Антонъ опустился въ кресло и долго сидѣлъ не шевелясь, только его губы вздрагивали, да по временамъ на лицѣ вспыхивала краска.

«Такъ вотъ они какъ! — думалъ онъ: — но еще посмотримъ! Сейчасъ же надо ѣхать къ Остерману и, дѣлать нечего, посвятить его во все... Да и во что посвящать? Боже! всѣ отлично все видятъ, понимаютъ. Когда же, наконецъ, кончится эта пытка? Неужели всю жизнь мнѣ придется только выносить оскорбленія ото всѣхъ и отовсюду? Вотъ, думалъ отдохнуть можно—врага свергнулъ, надъ врагомъ посмѣялся... а тутъ въ семействѣ... нѣтъ, господинъ Линаръ, я отъ васъ отдѣлаюсь!»

И вдругъ ему стало казаться, что отдѣлаться отъ Линара очень легко, что можно даже пустить входъ вѣчное и вѣрное средство. «Да я просто отравлю его!» едва громко не сказалъ принцъ.

И онъ не спросилъ у себя, способенъ-ли онъ на подобное дѣло? Онъ даже не замѣтилъ, какъ, при одной мысли объ отравленіи, онъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Онъ всталъ, прошелъ къ себѣ и приказалъ закладывать экипажъ, чтобы ѣхать къ Остерману.

IV.

Андрей Ивановичъ Остерманъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Глаза его не были прикрыты теперь зеленымъ зонтикомъ: онъ от-

кинулъ толстую шаль, которою закуталъ было себѣ ноги, что-то быстро писалъ, потомъ оставлялъ работу и прохаживался по комнатѣ, опираясь на палку. Лицо его было оживлено, глаза блестѣли. Вообще въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя гораздо лучше. Дни невзгодъ прошли; его промахъ, сразу показавшійся ему непоправимымъ, ничего не принесъ кромѣ пользы. Врагъ сверженъ и положеніе Андрея Иваныча теперь такъ прочно, какъ даже еще никогда и не было: онъ одинъ царствуетъ, и даже за границей, говоря о немъ, называютъ его «настоящимъ русскимъ императоромъ». Изъ числа сановниковъ нѣтъ ни одного, кто бы могъ съ нимъ соперничать; всѣ у него въ повиновеніи.

Принцъ Антонъ слушается его какъ ребенокъ, что-же касается до правительницы, то хотя она и не питаетъ къ нему особеннаго расположенія, видя его дружбу съ мужемъ, все-же не смѣетъ его ослушаться, знаетъ, что имъ однимъ держится огромная машина управленія государственнаго, въ которомъ сама она ровно ничего не понимаетъ и понимать не хочетъ.

Однако, много и тревожныхъ мыслей у Андрея Ивановича. Внѣшнія дѣла далеко не блестящи: грозитъ близкая война съ Швеціей, а внутри государства безпорядки, ропотъ, недовольство правительствомъ. Да, тревожное время! Андрей Ивановичъ чуетъ, что пришла полоса переворотовъ, что настоящее положеніе дѣлъ долго не продержится, и онъ думаетъ, думаетъ, работаетъ неустанно, такъ работаетъ, что жена его просто иной разъ обливается слезами горючими: ей кажется, что совсѣмъ изводитъ себя другъ ея сердечный.

Андрей Ивановичъ только что окончилъ составленіе важной бумаги, перечелъ, и остался доволенъ. Онъ снова приподнялся съ кресла, простоналъ немного, единственно по привычкѣ, и ужъ потянулся къ своей палкѣ, чтобы походить, да въ это время раздался стукъ въ двери. Онъ сейчасъ-же оставилъ палку и снова грузно опустился въ кресло.

— Кто тамъ?

— Я,—раздался голосъ графини:—принцъ пріѣхалъ.

— Хорошо.

Остерманъ поспѣшно надѣлъ зеленый зонтикъ, закуталъ ноги шалью и ожидалъ появленія принца.

Принцъ Антонъ вошелъ блѣдный, разстроенный, присѣлъ къ письменному столу Остермана и опустилъ голову на руки, съ видомъ глубочайшаго изнеможенія.

Андрей Ивановичъ изъ подъ своего зеленаго зонтика пристально наблюдалъ за принцемъ. Его губы почти незамѣтно кривились усмѣшкой.

«Вотъ человѣкъ!—думалъ онъ: — даже и владѣть-то этимъ человѣкомъ какъ-то стыдно становится, ну чего ему теперь?»

— Что это вы такъ печальны, принцъ? развѣ случилось что-нибудь нехорошее?—ласковымъ и почтительнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Ахъ, графъ, я совершенно разстроенъ! я доведенъ до полнаго отчаянія; право, кажется, еслибъ не вы, то и не знаю, что бы я сдѣлалъ съ собою. Но мнѣ нужно окончательно и серьезно переговорить съ вами: такъ продолжаться не можетъ. Я не въ силахъ больше выносить моего положенія.

— Что же? что такое? Я васъ слушаю.

— А то, что моя супруга окончательно забывается. Вы знаете, передъ вами у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ уже говорилъ, что съ перваго же дня пріѣзда этого Линара она стала неузнаваема. Ну, конечно, и прежде нашу жизнь нельзя было назвать примѣрной; мы часто ссорились, но все же эти ссоры не заходили слишкомъ далеко. А, вѣдь, теперь... теперь, что-жъ это такое? Я получилъ окончательную отставку, я ее совсѣмъ не вижу, я не знаю, гдѣ она, что она дѣлаетъ. Она со мной не говоритъ, она запираетъ передъ моимъ носомъ двери; всюду наставила часовыхъ, не пускаетъ меня даже въ саду погулять, и вѣчно, вѣчно съ Линаромъ.

— Да-а, — протянулъ Андрей Ивановичъ: — Линаръ и меня очень смущаетъ, я самъ ужъ давно думаю, какъ-бы ему указать его настоящее мѣсто. Вѣдь, я его не съ сегодняшняго дня знаю, очень хорошо помню и первое его пребываніе у насъ; это самый невыносимый, самый зазнающійся и честолюбивый человѣкъ, какого можно себѣ представить. Если мы во время его не остановимъ, то еще наплачемся.

— Все это я отлично знаю, — перебилъ принцъ: — но что-жъ дѣлать? Какъ его остановить? Вѣдь, вы же всѣ выбрали ее правительницей, теперь она и дѣлаетъ, что ей угодно.

— Я-то, положимъ, не выбиралъ принцессу правительницей,— заговорилъ Остерманъ:—и еслибъ вы раньше ко мнѣ обратились, то еще неизвѣстно, какъ бы повернулось дѣло наше. Однако, что-жъ говорить о томъ, что прошло, теперь надо придумать какъ выпутаться изъ настоящаго тяжелаго положенія.

— Затѣмъ-то я къ вамъ и пріѣхалъ,—почти закричалъ принцъ Антонъ, сжимая кулаки и бѣшено вращая глазами при воспоминаніи о сегодняшнемъ утрѣ.—У насъ тамъ, положительно, цѣлый заговоръ, знаете-ли до чего дошло? Линаръ—женихъ Юліаны.

— Какъ?

Андрей Ивановичъ даже привскочилъ на своемъ креслѣ.

— Да, да, женихъ! Юліана мнѣ сама объ этомъ объявила,

понимаете? Ловко они придумали: принцесса не разстается съ Юліаною, Юліана не будетъ разставаться съ мужемъ, понимаете, вѣдь, это новый Биронъ, несравненно еще худшій, нежели первый!

Андрей Ивановичъ задумался.

— Принцъ,—вдругъ произнесъ онъ, и взялъ принца Антона за руку:—нужно дѣйствовать.

— И скорѣй, скорѣй!—закричалъ тотъ.

— Да, нужно спѣшить, нужно, чтобъ вы, наконецъ, рѣшились перейти въ православіе.

— Да зачѣмъ же, Андрей Иванычъ? Какъ будто безъ этого обойтись невозможно.

Остерманъ улыбнулся.

— Невозможно, вы должны имѣть крѣпкую партію, а партіи не получите до тѣхъ поръ, пока не будете православнымъ. Народъ недоволенъ—я это знаю навѣрное. Положимъ, намъ и удастся передѣлать дѣло и объявить васъ правителемъ, положимъ, здѣсь, кругомъ насъ, во дворцѣ, это и будетъ хорошо принято, но народъ все же останется недовольнымъ. Для того, чтобы всѣ оказались на нашей сторонѣ, вы должны быть русскимъ, должны быть православнымъ. Мы не остановимся на полдорогѣ, мы поведемъ дѣло дальше: вы будете императоромъ!

Принцъ Антонъ жадно слушалъ Андрея Ивановича. Эти планы уже не въ первый разъ мелькали въ ихъ разговорахъ. Но сегодня въ первый разъ Андрей Ивановичъ высказался такъ прямо и рѣшительно. И въ первый разъ принцъ Антонъ серьезно и страстно остановился на мысли о возможности такого благополучія.

Въ первое время по сверженіи Бирона, въ особенности, когда ему удалось уничтожить Миниха, онъ былъ совершенно доволенъ своей судьбою. Ему даже было пріятно пользоваться всевозможнымъ почетомъ и въ то же время не имѣть никакихъ обязанностей, не имѣть ни какой отвѣтственности. Но теперь его снова оскорбили, унизили... У него подъ руками такой могучій человѣкъ какъ Остерманъ, съ его помощью дѣйствительно все сдѣлать можно. Да, онъ долженъ уничтожить враговъ своихъ, онъ покажетъ этой неблагодарной женѣ, этому презрѣнному Линару, этой коварной Юліанѣ свою силу. Отъ отчаянія и бѣшенства, еще за нѣсколько минутъ владѣвшихъ имъ, принцъ Антонъ сразу перешелъ къ полному восторгу.

Если Андрей Ивановичъ такъ рѣшительно высказался, значитъ, онъ считаетъ это дѣло возможнымъ, значитъ, такъ оно и будетъ. Но вдругъ одна мысль пришла въ голову принца Антона и онъ смутился.

— Но что же намъ дѣлать съ Елизаветой? — сказалъ онъ

Остерману.—Справимся мы съ женой, такъ, вѣдь, еще и съ этой надо будетъ справляться. Вы говорите, народъ недоволенъ, но знаете-ли, что съ каждымъ днемъ этотъ народъ думаетъ о ней все больше и больше.

— Очень можетъ быть,—проговорилъ Остерманъ:—только сама то она много ли о себѣ думаетъ? Я, признаюсь, не считаю ее опасной вамъ соперницей. Одно время я зорко къ ней присматривался: я предполагалъ въ ней честолюбивые замыслы, но теперь она меня почти успокоила. Право, мнѣ кажется, что она не тѣмъ занята... или, можетъ быть, у васъ есть какія-нибудь новыя основанія, или важныя свѣдѣнія?

— Особенно важнаго ничего нѣтъ, — отвѣчалъ принцъ Антонъ:—но все же я нахожу довольно много подозрительнаго въ ея поступкахъ. Люди, приставленные мною *къ этому дѣлу* каждый день мнѣ доносятъ о всякомъ ея поступкѣ и всякомъ движеніи...

— Ну да, знаю, такъ что же новаго?

— А то, что она все больше и больше сближается съ гвардейцами и все чаще и чаще видится съ Шетарди. Этотъ хирургъ ея, Лестокъ, то и дѣло пробирается во французское посольство.

— Все это, по моему, не опасно,—сказалъ Остерманъ.—Я также не упускаю изъ виду цесаревну и могу васъ успокоить.

— Если вы такъ говорите, графъ, то я спокоенъ, но, вѣдь, все-жъ не слѣдуетъ ослаблять за ней надзора!

— О, это, конечно!—отвѣтилъ Остерманъ:—осторожность не мѣшаетъ ни въ какомъ случаѣ.

Принцъ Антонъ окончательно успокоился, считалъ себя уже императоромъ и даже вздумалъ было высказывать Андрею Иванычу свои предположенія относительно того, какъ онъ намѣренъ царствовать.

Остерманъ не перебивалъ его и сталъ дремать подъ его мечтанья. Наконецъ, принцъ уѣхалъ.

Онъ вернулся во дворецъ съ выраженіемъ торжественности во всей фигурѣ.

Ему захотѣлось теперь посмотрѣть и на жену и на Юліану. Ему сказали, что принцесса въ аппартаментахъ императора. Онъ прошелъ туда.

Іоаннъ VI еще не отдавалъ приказаній часовымъ заграждать дорогу передъ своимъ родителемъ, и часовые почтительно пропустили принца Антона.

Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, гдѣ то-и-дѣло мелькали женщины, приставленныя къ особѣ императора, и, наконецъ, очутился въ спальнѣ своего сына. Онъ увидѣлъ принцессу, сидящею

у роскошной колыбели. Юліана была тутъ же: она что-то толковала почтительно стоявшему передъ ней доктору.

Анна Леопольдовна мелькомъ взглянула на мужа и склонилась къ колыбели.

— Что такое?—спросилъ принцъ Антонъ:—развѣ онъ нездоровъ?

— Немного, ваше высочество,—отвѣчалъ съ глубокимъ поклономъ докторъ.—Ровно ничего опаснаго, однако, все же надо будетъ принимать прописанную мною микстуру.

Принцъ Антонъ подошелъ къ колыбели.

— Пожалуйста, тише,—замѣтила, не глядя на него, Анна Леопольдовна:—онъ спитъ, вы его разбудите.

Но онъ не обратилъ вниманія на слова ея. Онъ сдѣлалъ знакъ кормилицѣ, чтобъ она встала съ табуретки, поставленной у колыбели, и сѣлъ на эту табуретку.

Онъ осторожно приподнялъ батистовую занавѣску и взглянулъ на ребенка.

Крошечное созданіе лежало на вышитой подушкѣ.

Несмотря на тишину въ комнатѣ, принцъ Антонъ все же не могъ уловить слабаго дыханія спящаго мдаденца.

«Боже мой,—мелькнуло у него въ головѣ:—а вдругъ онъ умеръ! что-жъ тогда будетъ?»

Онъ наклонился къ самому лицу сына: легкое, почти неуловимое, теплое дуновеніе коснулось его щеки.

«Нѣтъ, онъ спитъ,—подумалъ принцъ:—но какой онъ маленькій, какія крошечныя, худенькія руки».

— Да отойдите-же, вы его разбудите!—шепнула Анна Леопольдовна.

Принцъ Антонъ ее не слышалъ: онъ въ первый разъ внимательно глядѣлъ на сына. Въ его сердце заронилось какое-то новое, никогда еще не извѣданное имъ чувство. Ему казалось, что онъ любитъ этого ребенка; да и, дѣйствительно, онъ любилъ его въ эту минуту.

Онъ осторожно приложился губами къ маленькой ручкѣ и нѣсколько минутъ не отрываясь глядѣлъ на кругленькое, обрамленное прозрачнымъ чепчикомъ личико. Это было странное личико, какъ-то черезчуръ спокойное, даже какъ будто уставшее.

Сердце принца Антона болѣзненно сжалось. Онъ забылъ всѣ волненія этого дня, всѣ свои ощущенія и мысли, забылъ разговоръ съ Остерманомъ и обратился къ женѣ, какъ будто никакихъ недоразумѣній никогда и не было между ними.

— Послушай, Анна,—сказалъ онъ:—отчего онъ такой блѣдный, такой маленькій?

— У него трудный ростъ,—замѣтилъ докторъ:—но, вѣдь, это

еще ровно ничего не значитъ. Конечно, всячески нужно беречь его, и, главное, не возбуждать ничѣмъ его вниманія, онъ долженъ быть спокоенъ.

— Да, да,—поспѣшно замѣтила Анна Леопольдовна:—а вотъ вы же,—она взглянула на мужа,—вы же все толковали о необходимости показать его посланникамъ. Никому нельзя его показывать, да и къ тому же всѣ обратятъ вниманіе именно на то, что онъ маленькій, начнутся всякіе пересуды и соображенія. Надѣюсь, вы не станете теперь вмѣшиваться въ мое рѣшеніе никого не допускать сюда до тѣхъ поръ, покуда онъ не окрѣпнетъ?

— Дѣлайте какъ знаете,—отвѣчалъ принцъ Антонъ, и со вздохомъ вышелъ изъ спальни сына. И долго еще преслѣдовало его это маленькое, блѣдное личико съ выраженіемъ такой странной, не дѣтской усталости, съ закрытыми глазами и длинными темными рѣсницами, съ крошечными, чуть-чуть вздрагивающими губами. И долго онъ чувствовалъ на щекѣ своей какое-то странное дуновеніе, поднявшее въ немъ невѣдомыя ему чувства любви, тоски и неясныхъ опасеній.

V.

Послѣ теплаго и яснаго дня наступилъ свѣжій, лунный вечеръ. Петербургскія улицы мало по малу утихали. Въ тишинѣ невозмутимой выдѣлялся на свѣтломъ весеннемъ небѣ домъ цесаревны Елизаветы. Такъ было тихо въ немъ и вокругъ него, что казалось никто не живетъ здѣсь. Только время отъ времени можно было замѣтить. какъ какая нибудь фигура, выйдя изъ за угла, откуда нибудь по сосѣдству, останавливалась невдалекѣ отъ этого дома, зорко посматривала на цесаревнины окна, осторожно обходила кругомъ, туда, откуда были видны ворота двора и главный подъѣздъ.

Не замѣтивъ ничего особеннаго, фигура уходила мѣрными шагами. И снова становилось неподвижно. и тихо кругомъ.

Но вотъ едва слышно скрипнула калитка цесаревнина двора, изъ нея вышелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, оглядѣлся во всѣ стороны—это былъ Лестокъ.

— Кажется, никто не подсматриваетъ,—прошепталъ онъ — Вотъ жизнь! прогуляться нельзя безъ соглядатаевъ. Иной разъ такъ бы вотъ и исколотилъ проклятаго шпіона, вѣдь, почти всѣхъ ихъ въ лицо знаю, да что толку! еще хуже будетъ, лучше ужъ молчать да дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю.

Онъ опять остановился и осмотрѣлся. «Ну вотъ, такъ и

есть! — со злостью подумалъ онъ, вонъ ужъ онъ и крадется. Да сдѣлай одолженіе, крадься! подсматривай! а все-же таки не узнаешь ты, куда я иду сегодня!»

И Лестокъ быстро зашагалъ, напѣвая фальшивымъ голосомъ какую-то пѣсенку, по направленію къ Фонтанной. Онъ видѣлъ или, вѣрнѣе, чувствовалъ, что таинственная фигура слѣдитъ за нимъ по пятамъ, но не обращалъ на нее никакого вниманія.

Дойдя до Фонтанной, онъ перелѣзъ черезъ низкія деревянныя перила, окаймлявшія мѣстами рѣчку, и спустился къ самой водѣ. Онъ еще издали замѣтилъ, что тутъ стоитъ лодка.

— Эй, лодочникъ!—крикнулъ онъ, и въ глубинѣ лодки что-то шевельнулось, откинулась какая-то рогожа, и передъ Лестокомъ, на серебристомъ фонѣ почти неподвижной воды, озаренной луннымъ свѣтомъ, выросла фигура заспаннаго и еще ничего не понимавшаго лодочника.

Лестокъ прыгнулъ въ лодку и крикнулъ:

— Отчаливай.

Лодочникъ очнулся, разглядѣлъ дорогую барскую одежду Лестока и, не вступая ни въ какія объясненія, поспѣшно началъ отвязывать лодку.

Черезъ минуту Лестокъ ужъ плылъ вдоль Фонтанной, и не безъ удовольствія поглядывалъ на преслѣдовавшую его фигуру.

«Ну что, много узналъ!—мысленно обращался онъ къ этой фигурѣ.—Походи теперь по берегу, подожди другой лодки, врядъ ли дождешься!» И онъ плылъ дальше.

Съ полчаса продолжалась эта импровизированная прогулка по Фонтанной, наконецъ, выбравъ безопасное отъ наблюденій, какъ ему казалось, мѣсто, Лестокъ велѣлъ лодочнику остановиться, расплатился съ нимъ и вышелъ на берегъ.

Убѣдясь, что некому за нимъ теперь подглядывать, онъ прямой дорогой пошелъ по направленію къ дому маркиза де-ла Шетарди.

Маркизъ занималъ одно изъ самыхъ роскошныхъ помѣщеній во всемъ Петербургѣ. Онъ былъ посланъ сюда для того, чтобъ способствовать всѣми мѣрами сближенію между Франціей и Россіей. Онъ долженъ былъ для этого употреблять всѣ дипломатическія средства, какія только признаетъ необходимыми. Въ числѣ этихъ средствъ онъ считалъ, между прочимъ, блескъ и роскошь.

Надъ его высокомѣріемъ, тщеславіемъ и театральными посланническими пріемами подсмѣивались въ Европѣ, но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Въ Петербургъ онъ явился съ такимъ блескомъ и пышностью, какими до сихъ поръ не окружалъ себя ни одинъ посланникъ. Хотя правительство маркиза выдавало ему не болѣе пятидесяти

тысячъ ливровъ въ годъ, но его сопровождала свита, состоявшая изъ двѣнадцати кавалеровъ, одного секретаря, восьми духовныхъ лицъ, пятидесяти пажей и цѣлой толпы камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. За маркизомъ везли его гардеробъ, котораго, конечно, хватило бы на нѣсколько владѣтельныхъ принцевъ. Платья маркиза поражали необыкновеннымъ шитьемъ; нѣкоторыя изъ нихъ осыпаны были дорогими каменьями.

Этотъ удивительный поѣздъ завершала кухня подъ наблюденіемъ шести поваровъ и главнымъ руководствомъ знаменитаго Barrido, великаго артиста кулинарнаго искусства.

Привезенныя маркизомъ вина не умѣстились въ погребахъ нанятаго имъ дома, и пришлось нанять еще погребъ по сосѣдству. Сто тысячъ бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ и, между ними, шестнадцать тысячъ восемьсотъ бутылокъ шампанскаго были предназначены для того, чтобы закрѣплять дружбу между Франціей и Россіей...

По заведенному порядку, Лестокъ долженъ былъ долго дожидаться въ пріемной, пока о немъ доложили маркизу. Его имя переходило отъ одного камердинера къ другому, наконецъ, въ пріемную вошелъ молодой пажъ и объявилъ, что маркизъ проситъ господина Лестока къ себѣ.

Лестокъ прошелъ цѣлый рядъ роскошно убранныхъ комнатъ и очутился въ кабинетѣ маркиза. На него пахнуло тонкими благовоніями, разлитыми по комнатѣ, на него со всѣхъ сторонъ глянуло великолѣпіе изнѣженнаго французскаго двора.

Среди всего этого великолѣпія, навстрѣчу къ нему, съ мягкихъ эластичныхъ подушекъ низенькаго кресла, съ вышитымъ гербомъ, поднялась изящная фигура французскаго посланника.

— Очень, очень радъ, cher Лестокъ, что вы ко мнѣ заглянули, давно я васъ дожидался.

— Я и самъ давно собирался къ вамъ, маркизъ,—отвѣчалъ Лестокъ.—Да знаете, вѣдь, это становится все труднѣе и труднѣе: мы окружены и днемъ и ночью шпіонами и должны быть очень осторожны...

— Знаю! — проговорилъ съ легкой гримасой маркизъ.— Но знаю также и то, что принцесса Елизавета и вы всѣ, господа, ничего не дѣлаете, не хотите ничего дѣлать для того, чтобы выйти изъ этого страшнаго положенія. Я, наконецъ, совсѣмъ потерялъ голову, ничего не понимаю. Съ какой стати принцесса медлитъ? Она ужъ пропустила прекрасный случай, а теперь, когда представляется другой, опять время проходитъ даромъ. И что же изъ всего этого вышло? Она отклонила предложеніе Швеціи, прекратила свои отношенія съ Нолькеномъ, а это можетъ грозить очень непріятными послѣдствіями для ея плановъ.

Она, въ послѣднее время, и со мною дѣлается скрытною; но, вѣдь, все же на моихъ глазахъ факты, и эти факты убѣждаютъ меня съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что теперь то медлить ей ужъ окончательно нечего! Право, я готовъ подумать, что она навсегда отказывается занять престолъ отца своего!..

— Нѣтъ, она отъ этого не отказывается,—проговорилъ Лестокъ: - только хочетъ это сдѣлать такъ, чтобы имѣть возможность не бояться никакихъ случайностей, чтобы твердо держаться на этомъ престолѣ.

— Я отказываюсь понимать васъ,—даже нѣсколько раздраженнымъ голосомъ сказалъ маркизъ, и началъ въ волненіи ходить по кабинету.—Я очень уважаю принцессу, я знаю ея блестящія способности, ея умъ, но, cher ami, она все же женщина, и отъ нея можетъ ускользнуть много такого, что не ускользнетъ отъ умнаго мужчины. Если она заблуждается и расчитываетъ невѣрно, то обязанность близкихъ къ ней людей,—ваша обязанность, потому что она вѣритъ вамъ и слушается вашихъ совѣтовъ —убѣдить ее, доказать ей необходимость того или другого шага. А вы что дѣлаете? Я васъ не понимаю! Послушайте, объяснимтесь, наконецъ, разъ навсегда и откровенно: скажите, cher Лестокъ, другъ вы мнѣ или нѣтъ?!.

— Если вы удостоиваете меня этой чести, то я другъ вашъ,— съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ Лестокъ.

— Прекрасно! Теперь скажите мнѣ, согласны вы со мною... согласны вы, что теперь именно наступило самое удобное время для того, чтобы дѣйствовать. Взгляните: правительство слабо и шатко и, ко всему этому, совершенно непопулярно: народъ не знаетъ правительницы, войско тоже не совсѣмъ расположено къ ней. Вѣдь, тогда, послѣ сверженія Бирона; гвардейскіе полки шли ко дворцу съ убѣжденіемъ, что будетъ провозглашена императрицей дочь Петра, и были поражены, пришли въ уныніе, когда имъ объявили имя Анны...

Лестокъ все это хорошо зналъ, онъ зналъ даже гораздо больше. Онъ зналъ, что въ гарнизонномъ полку, на Васильевскомъ островѣ. и въ Кронштадтѣ солдаты чуть было не взбунтовались и кричали: «развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елизаветы Петровны?»Онъ зналъ, что съ каждымъ днемъ популярность Елизаветы возрастаетъ въ войскѣ, что каждый день приноситъ новыя доказательства преданности къ ней солдатъ, что ихъ дѣло зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ работалъ неустанно надъ этимъ дѣломъ и начиналъ приходить къ убѣжденію, что можно будетъ, пожалуй, достигнуть всего своими собственными средствами, не прибѣ-

гая къ иноземной помощи, за которую потребуется отплата сторицею.

Если онъ поддерживалъ сношенія съ маркизомъ, то единственно въ виду того, что ссориться съ нимъ было, дѣйствительно, невыгодно, что предстояла необходимость сдѣлать у него небольшой заемъ. Но пусть же этимъ займомъ, который будетъ немедленно выплаченъ по окончаніи дѣла, и ограничится все участіе Шетарди,—за маленькую услугу, за кучку червонцевъ, Елизавета, сдѣлавшись императрицей, отплатитъ французскому маркизу какимъ-нибудь драгоцѣннымъ подаркомъ и своимъ ласковымъ вниманіемъ. Но ближайшаго его участія въ ея дѣлѣ она не хочетъ, потому что не намѣрена быть потомъ неблагодарной, не желаетъ повторенія исторіи Анны Леопольдовны съ Минихомъ.

Но, конечно, ничего этого Лестокъ не сказалъ Шетарди. Онъ молча и почтительно его слушалъ. А маркизъ, увлекаемый своимъ краснорѣчіемъ, ярко описывалъ положеніе дѣла.

— Чего-жъ вы боитесь?—говорилъ маркизъ: — или, можетъ быть, того, что русскій народъ возненавидитъ принцессу, если она воспользуется помощью Швеціи, что онъ будетъ ее упрекать въ томъ, что она призвала врага въ Россію?

— Можетъ быть, отчасти и этого,—проговорилъ Лестокъ.

— Но, вѣдь, это только призракъ, и стыдно вамъ его пугаться. Если принцесса такъ думаетъ—прекрасно, я допускаю это и повторяю, что несмотря на всѣ ея великія достоинства, она все же женщина—но вы то? вы то, Лестокъ, вы должны быть тверже и благоразумнѣе.

— Я опять долженъ повторить вамъ, — сказалъ Лестокъ: — что вы приписываете мнѣ слишкомъ много вліянія на цесаревну, я просто преданный ей человѣкъ, и ничего больше. И у нея такой характеръ, что если она въ чемъ-нибудь убѣждена, что нибудь рѣшила, такъ я, по крайней мѣрѣ, своимъ маленькимъ вліяніемъ на нее ничего не могу сдѣлать.

«Нѣтъ, положительно тебя подкупить нужно!» - подумалъ маркизъ, взглянувши на спокойное лицо Лестока.

— Ну, съ вами не сговоришь,—громко замѣтилъ онъ:—дѣлайте какъ знаете! Если же ошибетесь въ чемъ нибудь, то я буду имѣть, по крайней мѣрѣ, то удовлетвореніе, что постоянно предупреждалъ васъ. Передайте отъ меня принцессѣ, что я умываю руки, и что во всякомъ случаѣ она всегда, когда ей угодно, можетъ на меня разсчитывать. Не нужно ли ей чего нибудь? Не нужно ли ей денегъ? Какъ ваши денежныя дѣла?

— Наши денежныя дѣла,—отвѣтилъ улыбаясь Лестокъ:—какъ и всегда въ плохомъ положеніи. Отказываемъ себѣ во всемъ,

тратимъ какъ можно меньше и все же несмотря на это, изъ-за денегъ принцесса должна выносить оскорбленія!

— Оскорбленія! Отъ кого?

— Отъ правительницы.

— Что такое? Разскажите.

— Эхъ! всего не перескажешь,—отвѣчалъ Лестокъ, махнувъ рукою.—Да вотъ вамъ, напримѣръ, одинъ случай: принцесса Елизавета просила, чтобы правительство заплатило за нее тридцать двѣ тысячи долгу. На это ей возразили, что она получаетъ теперь достаточно, съ тѣхъ поръ, какъ Биронъ назначилъ ей пятьдесятъ тысячъ рублей въ годъ. Пришлось заявлять вторично, что и съ этими деньгами невозможно расплатиться...

— Ну и что же? Неужели отказали?

— Нѣтъ, не отказали, но сдѣлали еще хуже: заподозрили, что деньги нужны не для уплаты долга, а для какихъ-нибудь тайныхъ и опасныхъ цѣлей и потребовали, чтобы принцесса представила счеты купцовъ, которымъ она должна. Ну что-жъ, мы сейчасъ же представили всѣ счеты, изъ которыхъ оказалось, что долгу вмѣсто тридцати двухъ тысячъ, сорокъ три тысячи. Положимъ, что сами себя тамъ въ смѣшное положеніе поставили,—пришлось платить эти сорокъ три тысячи,—но можете себѣ представить, какъ принцессѣ пріятно выносить подобныя оскорбленія!

Маркизъ пожалъ плечами.

— Что-жъ, она сама хочетъ того, хочетъ! И все, что вы мнѣ передаете, только доказываетъ справедливость моего мнѣнія и необходимость послѣдовать моимъ совѣтамъ. Будьте благоразумны, cher Лестокъ, переговорите хорошенько съ принцессой, а пока предложите ей мои услуги. Конечно, многаго теперь въ моемъ распоряженіи нѣтъ, но вся моя наличная казна къ вашимъ услугамъ; къ тому же, если нужно, я могу достать.

— Вотъ за это цесаревна будетъ вамъ очень благодарна, маркизъ,—сказалъ улыбаясь Лестокъ.—И мнѣ кажется, мы, въ скоромъ времени, должны будемъ воспользоваться вашей любезностью, но только помните, въ одномъ случаѣ, если вы рѣшаетесь дать деньги вашего короля взаймы принцессѣ Елизаветѣ, а не будущей русской императрицѣ.

Маркизъ какъ-то запнулся на одно мгновеніе, но сейчасъ же подумалъ: «Къ чему это онъ играетъ эту глупую комедію!»

— Принцессѣ ли, императрицѣ ли, это мнѣ рѣшительно все равно,—сказалъ онъ Лестоку:—я во всякомъ случаѣ почту себя счастливымъ, что деньги, которыми я могу располагать, попадутъ въ такія прекрасныя руки. Да, кстати, cher ami, я попрошу и васъ принять отъ меня небольшой подарокъ.

Лестокъ выпрямился и на его лицѣ мелькнуло выраженіе оскорбленнаго достоинства.

— Нѣтъ, маркизъ, я отъ васъ не приму никакого подарка, такъ какъ самъ не имѣю никакой возможности предложить вамъ подарокъ и не смѣю даже разсчитывать, что вы бы удостоили принять его отъ меня.

«Что-жъ это такое? — подумалъ маркизъ: — Неужели мнѣ нужно предположить безкорыстіе этого Лестока? это совершенно невѣроятно! Нѣтъ, я что-то залѣнился въ послѣднее время, ихъ всѣхъ слѣдуетъ разобрать хорошенько, чтобъ не сыграть смѣшной роли».

Онъ протянулъ обѣ руки Лестоку и осыпалъ его такими звонкими, блестящими французскими фразами, что тотъ не нашелъ никакой возможности вставить свое слово.

Вотъ маркизъ зазвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ вошедшему слугѣ принести закуску и бутылку стараго бургонскаго.

— Посмотрите какое вино, только что получилъ на-дняхъ. Такого вы у меня еще не пивали.

— Эхъ, пора бы мнѣ и возвращаться домой, — замѣтилъ Лестокъ: — но отъ вашихъ винъ, маркизъ, я никогда не въ силахъ отказаться.

За изысканной закуской и старымъ бургонскимъ, Лестокъ сумѣлъ изгнать все смущающее изъ мыслей маркиза и убѣдилъ его въ томъ, что если Елизавета рѣшится дѣйствовать, то, во всякомъ случаѣ, не обойдется безъ помощи Франціи и что она пуще всего разсчитываетъ на эту помощь. Подъ конецъ онъ даже принялъ и подарокъ маркиза...

VI.

Елизавета съ нетерпѣніемъ дожидалась возвращенія Лестока. Вернувшись отъ маркиза де-ла-Шетарди, онъ прямо вошелъ въ покои цесаревны.

Его встрѣтила Мавра Шепелева и сейчасъ же стала журить его.

— Гдѣ это вы, батюшка, запропастились? Цесаревна ждетъ васъ не дождется. Думали къ ужину вернетесь. Идите скорѣй, вѣдь, поздно, давно намъ всѣмъ спать пора. А у цесаревны къ тому же и голова нынче болитъ. Ужъ я уговаривала ее раздѣться, да нѣтъ, и слышать не хочетъ: все равно, говоритъ, не засну пока не узнаю о томъ, что тамъ было.

Лестокъ поспѣшно вошелъ къ Елизаветѣ.

— А! наконецъ-то! — сказала она.

— Извините, ваше высочество, — началъ было оправдываться Лестокъ, но она его перебила.

— Да ужъ что тутъ! Я и безъ васъ знаю, что у маркиза ужинъ вкуснѣе моего, а о винахъ такъ и говоритъ нечего! Вонъ, вѣдь, какъ вы помолодѣли! Какой румянецъ на щекахъ!

— Да, вино хорошее, — улыбаясь проговорилъ Лестокъ. — Позвольте присѣсть, ваше высочество, усталъ я.

— Кто вамъ мѣшаетъ, садитесь, да разсказывайте.

Онъ сейчасъ же покойно усѣлся въ кресло, вытеръ лицо платкомъ и началъ подробно передавать цесаревнѣ свой разговоръ съ маркизомъ.

— Ну, это все старая исторія!—замѣтила она.

— Позвольте, есть и новенькое. Самый интересный разговоръ у насъ былъ за бургонскимъ. Маркизъ просилъ завѣрить васъ, что всегда король французскій радъ ссудить вамъ знатную сумму, но, что при этомъ необходимо, чтобъ отъ васъ дано было шведамъ письменное обязательство.

— Я знаю, что они употребляютъ всѣ силы для того, чтобы заставить меня рѣшиться на такой поступокъ, который будетъ и противъ моей совѣсти и противъ памяти отца моего. Но и вы тоже знаете, что я не соглашусь на это, хотя бы даже черезъ мое несогласіе пропало мое дѣло.

— Все это такъ, ваше высочество. но, обдумавъ хорошенько, я вижу, что теперь для насъ настало самое серьезное время, и что намъ не мѣшаетъ вслушаться въ слова маркиза.

— Да, вѣдь, затѣмъ-же я и послала васъ къ нему. Я готова вслушиваться въ слова его; что же говоритъ онъ?

— Онъ говоритъ, что отдаленность мѣшаетъ королю французскому прямо и непосредственно дѣйствовать, и онъ поставленъ въ такое положеніе, что самъ. кромѣ денегъ, не можетъ предложить вамъ никакой помощи. Онъ можетъ только вооружить своихъ союзниковъ, шведовъ, которые расположены къ вамъ.

— Знаю я это расположеніе!—перебила Елизавета.

— Ну да, конечно, маркизъ и не скрываетъ, что за свою услугу шведы потребуютъ вознагражденія, слѣдовательно, теперь нужно рѣшить вопросъ: какого рода вознагражденіе можно дать имъ? Онъ проситъ ваше высочество выразить письменно всѣ ваши условія и передать это письменно ему, маркизу, онъ дастъ вамъ клятвенное завѣреніе въ томъ, что этотъ документъ останется вполнѣ тайнымъ и никогда не выйдетъ изъ его рукъ. Онъ только увѣдомитъ короля о его содержаніи и тогда король употребитъ всѣ свои силы и все свое вліяніе на шведовъ для того, чтобъ они начали войну, которая можетъ доставить вамъ престолъ... Потомъ онъ говорилъ о томъ, что правительница,

принцъ Антонъ и Остерманъ сами чувствуютъ себя здѣсь иноземцами, что слабое и постоянно трусящее правительство не станетъ разбирать средствъ, не станетъ заботиться о пожертвованіяхъ, лишь бы только отдѣлаться отъ войны и купить миръ у шведовъ. А шведы, конечно, воспользуются этимъ случаемъ, и что же изъ этого выйдетъ? Имъ будетъ сдѣлана гораздо большая уступка, чѣмъ та, которой у насъ просятъ...

— Маркизъ насъ пугаетъ и еще большими ужасами, ваше высочество,— продолжалъ Лестокъ въ то время какъ Елизавета, опустивъ голову на руки и не спуская глазъ со своего хирурга, сдвинувъ темныя свои брови, вдумывалась въ каждое его слово:— маркизъ насъ пугаетъ тѣмъ, что если вы не условитесь заранѣе со шведами и на прочныхъ основаніяхъ, то они объявятъ себя за внука Петра, за вашего племянника,—герцога Голштинскаго, они возведутъ его на престолъ, и тогда вы окажетесь навсегда уже удаленною отъ трона. Вотъ и все наше объясненіе,—закончилъ Лестокъ:—отъ себя я не прибавилъ ни слова. Все это дѣйствительно очень важно, и намъ необходимо взвѣсить каждое слово маркиза.

— Да, да,—задумчиво проговорила Елизавета:—я сама вижу, что пора дѣйствовать рѣшительно, обойтись безъ чужой помощи невозможно. Слушайте, я сегодня все хорошо обдумала и потомъ, поджидая васъ, мы тутъ толковали съ Шуваловыми, Воронцовымъ и Разумовскимъ. Еще недавно я надѣялась, что можно будетъ всего добиться, не обращаясь за французскими деньгами и за шведскимъ войскомъ; я всѣ надежды возлагала на одну только преданность мнѣ гвардіи и народа. Но вижу теперь, что этого мало —этимъ можно было бы сдѣлать все, но сдѣлать только такъ, какъ сдѣлалъ Минихъ, а гдѣ-жъ у меня Минихъ? Я побойчѣе буду Анны Леопольдовны, но все же я женщина, да и вы всѣ, друзья мои, не во гнѣвъ будь вамъ сказано, не способны дать такого неожиданнаго генеральнаго сраженія, какое далъ фельдмаршалъ. Что-жъ, на него надѣяться?.. Вотъ онъ, обиженный, оскорбленный ими, сталъ было ко мнѣ заглядывать. Онъ, можетъ быть, ждалъ, что я буду просить его, но, нѣтъ, это опасно. Возвести меня на престолъ онъ и возведетъ, пожалуй, да потомъ что? Онъ свяжетъ мнѣ руки. Нѣтъ, мнѣ нужно быть подальше отъ всѣхъ этихъ нѣмцевъ, и я не могу ничѣмъ быть обязанной человѣку, котораго не люблю и не уважаю. Онъ издавна былъ врагомъ моимъ и видитъ во мнѣ только орудіе своихъ плановъ. Вонъ, мнѣ говорили, что солдаты кричатъ, требуютъ, чтобъ ихъ вели добывать мнѣ престолъ; да, вѣдь, это одни только крики. Преданы, да, конечно, преданы, а безъ денегъ, безъ подарковъ, сами собой, и они не тронутся, лѣнивы

больно. Поневолѣ приходится прибѣгать къ чужимъ и соглашаться съ маркизомъ. Завтра же утромъ ступайте къ нему и скажите, что я готова послѣдовать его совѣтамъ; скажите, чтобъ онъ писалъ своему королю, что я совершенно полагаюсь на королевскую волю, относительно внѣшнихъ средствъ. Пусть онъ устроиваетъ, какъ знаетъ, и попросите, если возможно, взаймы сто тысячъ рублей. Эта сумма необходима для того, чтобы въ рѣшительную минуту привлечь къ себѣ тѣхъ, кого нужно. Скажите ему, что я душевно тронута всѣми доказательствами его усердія, что онъ можетъ всегда разсчитывать на мою горячую благодарность, но что все же большихъ уступокъ шведамъ я не могу сдѣлать: это противно моей совѣсти, да къ тому же приведетъ меня только къ справедливымъ упрекамъ со стороны моего народа.

Елизавета говорила взволнованнымъ голосомъ, на глазахъ ея блестѣли слезы.

— Но все же, ваше высочество,—перебилъ ее Лестокъ:—намъ нужно будетъ указать—на какія уступки вы согласны.

— Какія уступки? Земельныхъ—никакихъ, денегъ сколько угодно. Я готова вдвое, втрое заплатить за всѣ ихъ издержки, только чтобъ не заставляли меня быть неблагодарной передъ моимъ народомъ и передъ памятью моего отца.

Цесаревна опустилась въ кресло, на лицѣ ея выражалась усталость.

Лестокъ почтительно простился съ нею и вышелъ.

По его уходѣ цесаревна позвала Мавру Шепелеву, передала ей о предложеніяхъ маркиза и о своемъ рѣшеніи.

— Такъ, матушка, такъ, родная моя, — говорила Шепелева, кивая головою въ знакъ своего полнаго одобренія:—точно, пора ужъ начинать рѣшительное, а то что-жъ такъ-то: все завтра да завтра! Пора намъ съ тобою пожить и на своей волѣ. А теперь давай спать—поздно, наши всѣ давно завалились, чай, теперь ужъ и золотые сны видятъ.

Елизавета прошла въ спальню, быстро раздѣлась, отослала служанокъ и опустилась на колѣни передъ образами, яркія ризы которыхъ, усыпанныя самоцвѣтными каменьями, блестѣли и переливались при свѣтѣ лампады, неугасимо теплившейся днемъ и ночью.

Долго и жарко молилась Елизавета, но все не нашла полнаго успокоенія въ молитвѣ: всякія мысли, перебивая одна другую, приходили ей въ голову. Она легла въ постель, но ей не спалось... Она перебирала въ памяти всю свою жизнь за послѣднее время. Она такъ боялась рѣшиться на какой-нибудь необдуманный опасный шагъ. Но все, что она вспоминала, все, о чемъ

думала, возвращало ее къ одной и той же мысли, что нужно рѣшиться, что или теперь, или никогда.

Дѣйствительно, положеніе цесаревны день-ото-дня становилось тяжелѣе. Только и вздохнула она свободнѣе, что въ короткіе дни регентства Бирона, когда онъ оказывалъ ей всякія любезности. Но, вѣдь, за этими любезностями скрывался дикій, смѣшной планъ выдать ее за шестнадцатилѣтняго принца курляндскаго — такъ и это спокойствіе было только кажущимся. А ужъ потомъ, по сверженіи регента, опять вернулось самое лютое время! На правительницу Елизаветѣ нечего было особенно жаловаться: съ нею бы она примирилась и справилась—та не зла, да и сама по себѣ даже не особенно подозрительна, она вся ушла въ свои собственныя дѣла и чувства. Она не была рѣшительнымъ врагомъ цесаревны: первыми врагами были принцъ Антонъ съ Остерманомъ.

Она знала, что со всѣхъ сторонъ окружена западнями, что ее стерегутъ, какъ звѣря. Принцъ Антонъ приставилъ офицера Чичерина съ десятью гренадерами слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Онъ переодѣлъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны и поселилъ близъ дома цесаревны. Потомъ къ нимъ присоединены были аудиторъ Барановскій и сержантъ Обручевъ. Она не могла шагу ступить изъ дому, чтобъ не встрѣтиться съ невыносимыми волчьими глазами.

Когда узнали, что фельдмаршалъ Минихъ какъ-то пріѣхалъ къ цесаревнѣ, въ конецъ всѣ перепугались; вѣрные люди донесли Елизаветѣ, что принцъ Антонъ увѣрилъ правительницу, будто Минихъ и она ужъ сговорились и что бѣды слѣдуетъ ожидать съ часу на часъ. Анна Леопольдовна такъ перетрусила, что каждый вечеръ мѣняла свою спальню, боясь, что вотъ-вотъ ее схватятъ.

Но цесаревна все же не знала многихъ подробностей, которыя потомъ вышли наружу. Принцъ Антонъ не изъ своей головы только выдумалъ всѣ эти страхи, онъ дѣйствительно былъ перепуганъ не на шутку. Ему постоянно доносили о всевозможныхъ толкахъ между солдатами и дворцовой женской прислугой. Ему разсказывали за самое вѣрное, что Минихъ былъ однажды у цесаревны и, упавши ей въ ноги, просилъ ее довѣриться ему, говорилъ, что если ея высочество ему прикажетъ, то онъ готовъ все исполнить и что будто-бы на это цесаревна сказала ему: «ты ли тотъ, который даетъ корону кому хочетъ? Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу».

Другіе варьировали этотъ отвѣтъ цесаревны такъ, что она будто-бы сказала Миниху, что онъ самъ знаетъ чего ей надобно, и на что она имѣетъ право, что она очень ласково обошлась съ фельдмаршаломъ и провожала его до крыльца.

Принцъ Антонъ ни на минуту не усомнился въ вѣрности этихъ разсказовъ. Объявлялъ всѣмъ о томъ, что Минихъ уже предложилъ свои услуги Елизаветѣ. Конечно, послѣ этого онъ почелъ себя въ правѣ увеличить число шпіоновъ, приставленныхъ къ цесаревнѣ, и далъ главному изъ нихъ, Чичерину, такую инструкцію:

«Если Минихъ поѣдетъ со двора не въ своемъ платьѣ, то поймать его и доставить во дворецъ. Если же поѣдетъ къ цесаревнѣ, то взять ужъ на возвратномъ пути отъ нея».

«Такъ чего-жъ еще дожидаться?—думала цесаревна.—Во дворецъ появишься—всѣ на тебя косятся, со всѣхъ сторонъ только недружелюбные взгляды видишь. У себя запереться—все равно за каждымъ шагомъ слѣдятъ. Гдѣ и нѣтъ ничего, такъ выдумаютъ. Принцъ Антонъ золъ, а Остерманъ и того злѣе, сплетаютъ всякія небылицы и доведутъ-таки, что правительница подпишетъ имъ что угодно.

«Вѣдь, заставили же ее такъ неблагодарно, такъ неблагородно поступить съ Минихомъ, такъ ужъ со мной-то развѣ она поцеремонится; чай, она давно и забыла о томъ, что я могла выдать ее Бирону, и не выдала. Нѣтъ! Что будетъ, то будетъ, а ждать и терпѣть больше невозможно!..».

VII.

Съ этого дня возобновились постоянные и тайные переговоры Лестока съ маркизомъ де-ла-Шетарди.

Маркизъ чрезвычайно обрадовался рѣшенію Елизаветы: такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, онъ все же достигнетъ исполненія данной ему его правительствомъ инструкціи; Елизавета будетъ на престолѣ, нѣмецкое правительство и связь между этимъ правительствомъ и западной Европой рушатся. Россія снова очутится на востокѣ, вернется къ до-петровскому времени. Онъ не сомнѣвался, что Елизавета—вполнѣ русская по своему характеру, ненавидящая иноземцевъ, любящая народъ свой, сейчасъ же по вступленіи на престолъ переѣдетъ въ Москву, знатные люди снова вернутся въ свои помѣстья, флотъ будетъ оставленъ на произволъ судьбы: Швеція и Франція освободятся отъ сильнаго врага. Елизавета любитъ французовъ, ненавидитъ англичанъ; при ней, конечно, мѣсто англійской торговли въ Россіи займетъ французская.

Каждый день посылалъ маркизъ свои депеши во Францію и Версальскій дворъ началъ содѣйствовать возбужденію войны

между Швеціей и Россіей. Съ этой стороны все было хорошо, но маркизъ продолжалъ-таки не понимать Елизавету. Онъ видѣлъ, что отъ него или многое скрывается, или дѣло внутри Россіи идетъ плохо. Сторонники Елизаветы не подаютъ о себѣ голоса, какъ будто-бы у цесаревны и вовсе нѣтъ никакой партіи, къ тому же скоро до маркиза начали доходить слухи, что Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ знаютъ о заговорѣ и если медлятъ, то единственно для того, чтобы вѣрнѣе схватить всѣхъ заговорщиковъ.

Эти слухи были справедливы только отчасти: правительство не знало ничего вѣрнаго, но основывалось на темныхъ доносахъ. Все больше и больше начинали подозрѣвать Елизавету. Даже Остерманъ отказался отъ своего взгляда на нее и посовѣтовалъ принцу Антону всякими способами привлекать на свою сторону гвардейцевъ.

Принцъ Антонъ, конечно, сейчасъ и послѣдовалъ его совѣту. Онъ началъ съ того, что велѣлъ призвать къ себѣ одного капитана семеновскаго полка, который не разъ выражалъ свою приверженность къ Елизаветѣ.

Капитанъ явился очень изумленный и перепуганный. Онъ засталъ принца вмѣстѣ съ генераломъ Стрѣшневымъ — зятемъ Остермана.

Принцъ Антонъ встрѣтилъ капитана такъ милостиво, что тотъ окончательно смутился и совсѣмъ ужъ не зналъ, что и думать.

— Что съ тобою?—сейчасъ же спросилъ принцъ.—Я узналъ, мнѣ сказали, что ты въ послѣднее время очень печаленъ, грустишь, можетъ быть, ты чѣмъ нибудь недоволенъ?

Капитанъ мало по малу оправился отъ своего смущенія и страха и отвѣчалъ:

— Какъ же мнѣ не грустить, ваше высочество? Положеніе мое плохое: семейство у меня велико очень, а имѣньишко маленькое, да и далеко, за Москвою, никакого дохода оттуда и получить невозможно.

— Но это еще не Богъ знаетъ какое горе!—отвѣчалъ принцъ.—Я вашъ полковникъ и хочу, чтобы всѣ были довольны и счастливы и чтобы вы были моими друзьями! Обращайтесь ко мнѣ откровенно, и я всегда буду помогать вамъ.

И принцъ Антонъ подалъ капитану кошелекъ съ тремя стами червонцевъ а самъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Изумленный и обрадованный капитанъ не зналъ какъ ему и поступить теперь. Онъ не успѣлъ поблагодарить принца; что-жъ, остаться здѣсь дожидаться его возвращенія или уйти?

Стрѣшневъ вывелъ его изъ нерѣшимости.

— Принцъ, какъ человѣкъ очень деликатный, — сказалъ онъ:— не любитъ, чтобъ его благодарили. Ты можешь идти домой, да разскажи своимъ товарищамъ о поступкѣ принца: у васъ въ полку мало его знаютъ, мало цѣнятъ! Ты самъ теперь видишь, что это за золотой человѣкъ! Доброта его и любовь къ русскому войску безпредѣльны, а правительница—о ней ужъ и говоритъ нечего, она просто ангелъ! За то ихъ такъ и уважаютъ во всей Европѣ. Ну, посуди ты самъ: когда у насъ до сихъ поръ былъ такой съѣздъ министровъ въ Петербургѣ? Всѣ европейскіе дворы наперерывъ спѣшатъ выразить свое почтеніе и преданность правительницѣ и ея супругу. Да, они не то, что цесаревна Елизавета: ту европейскіе государи и знать не хотятъ, да и народъ ее не уважаетъ. Вонъ поговариваютъ, что она теперь чѣмъ-то недовольна, набираетъ будто приверженцевъ, только ничего изъ этого она не сдѣлаетъ, ничего не добьется. Только себя въ конецъ погубитъ, да погубитъ и тѣхъ приверженцевъ. Не ей бороться съ такими особами, какъ принцъ и принцесса...

Генералъ Стрѣшневъ замолчалъ, въ полномъ убѣжденіи, что высказалъ все, что нужно, и что слова его и поступокъ принца должны непремѣнно подѣйствовать на капитана.

Тотъ выслушалъ молча и откланялся генералу.

Вернувшись къ себѣ, онъ, конечно, тотчасъ все разсказалъ товарищамъ и они много смѣялись надъ тѣмъ, какъ Стрѣшневъ взялся не за свое дѣло, вздумалъ имъ зубы заговаривать.

Этотъ разсказъ скоро дошелъ и до цесаревны, и она не мало ему смѣялась.

— Что-жъ, ничего,— говорила она своимъ приближеннымъ:— пускай они продолжаютъ такъ поступать, этимъ только доказываютъ, какъ меня боятся, и какъ сами-то слабы.

Но все-же ея положеніе было далеко не блестящее: надзоръ за ея дѣйствіями былъ еще усиленъ.

Однажды Лестокъ, выходя изъ дворца Елизаветы, чуть было не попался въ руки шпіоновъ. За нимъ ужъ бѣжали и онъ едва-едва спасся, скрывшись въ домъ одного своего знакомаго. Онъ такъ перетрусилъ, что пересталъ выходить изъ дому и объявилъ присланному къ нему секретарю шведскаго посланника Нолькена, чтобы теперь тотъ и не ждалъ его къ себѣ, потому что, какъ только онъ выйдетъ на улицу, такъ будетъ сейчасъ же арестованъ. И говоря это, онъ весь такъ и трясся отъ страха, при малѣйшемъ шумѣ хватался за голову и повторялъ:

— Что-жъ, вѣдь, я погибъ теперь, погибъ, да и всѣ мы погибли—того и жду, что цесаревну отравятъ или зарѣжутъ.

Мавра Шепелева ходила по комнатамъ какъ потерянная и все охала. За обѣдомъ и ужиномъ она глазъ не спускала съ

цесаревны, отвѣдывала прежде сама всякое кушанье. Одинъ разъ ей даже показалось, что она отравлена, и хотя Лестокъ и разувѣрялъ ее, но она чуть было серьезно не разболѣлась отъ страха.

Елизавета долго крѣпилась и подшучивала надъ своими домашними, но, наконецъ, ихъ уныніе, ихъ ужасъ сообщались и ей, и она проводила мучительные дни и безсонныя ночи. Она не ѣздила уже въ свой Смольный домъ, не устраивала тамъ танцевъ, какъ, бывало, дѣлала прежде, не развлекалась прекраснымъ пѣніемъ Разумовскаго. Гдѣ ужъ теперь, не до пѣсенъ! Никто не слыхалъ ея прежняго смѣха, не видѣлъ ея улыбки. Съ каждымъ днемъ все тише и мрачнѣе становилось во дворцѣ ея.

Былъ одинъ выходъ: согласиться на всѣ требованія шведовъ, обѣщать имъ разныя земельныя уступки; но несмотря на всю тяжесть своего положенія, несмотря на свой страхъ и дѣйствительную, можетъ быть, опасность, которая окружала ее, она ни разу не поколебалась и стояла на своемъ: «не могу идти противъ совѣсти», говорила она.

Рѣдко появлялась Елизавета во дворцѣ, только тогда, когда этого окончательно требовали приличія и когда ее звали. Тамъ съ ней обращались довольно любезно. Правительница иногда даже ласково и дружески бесѣдовала съ нею, даже водила ее въ спальню императора. Но она замѣчала косые взгляды, перемигиванье и перешептыванье, видѣла, какъ ее боятся и какъ готовы, при какомъ-нибудь новомъ доносѣ, покончить съ нею.

Одинъ изъ ея приближенныхъ, Воронцовъ, человѣкъ рѣшительный, энергичный, каждый день умолялъ ее разрѣшить ему дѣйствовать и довѣриться гвардіи. «Не нужно никакихъ шведовъ, никакихъ французовъ, не нужно денегъ: все обдѣлаемъ сами».

Но она ужасалась такой рѣшимости, она страшилась неудачи. Ей мерещились сцены пытокъ и смерти людей ей близкихъ. Она плакала, молилась, доходила до отчаянія.

Какъ-то, измученная своими мыслями, она вышла изъ дому въ сопровожденіи Мавры Шепелевой и прошла въ Лѣтній садъ, на ту его сторону, которая была открыта для публики. Она медленно шла своей любимой аллеей.

Былъ ясный вечеръ; кругомъ цвѣли липы. Этотъ вечеръ, эта аллея напоминали ей многое изъ давно прошедшаго времени, изъ времени ея первой счастливой юности, когда она еще была полна радостью жизни, ни надъ чѣмъ не задумывалась, не замѣчала своего труднаго положенія, не предвидѣла никакихъ будущихъ бѣдствій, жила настоящей минутой, думала только о забавахъ, была такъ-же радостна, такъ-же прекрасна и безмятежна, какъ эта лѣтняя природа. Много давно забытыхъ, давно погибшихъ

лицъ мелькало въ ея памяти и ей казалось, что въ числѣ этихъ погибшихъ, умершихъ людей и сама она: такая огромная разница была между ею—прежнею и ею—теперешнею. Невольныя слезы полились изъ глазъ ея и она прижалась къ плечу своего вѣрнаго друга, Мавры.

Въ это время изъ-за поворота дорожки показалось нѣсколько офицеровъ. Они давно ужъ поджидали и подкарауливали цесаревну. Они увидѣли ее разстроенною, плачущею, невольно остановились, не смѣя сразу подойти къ ней.

У нихъ у всѣхъ защемило сердце, и, въ то же время, они любовались на эту чудную красавицу, которая была еще краше, еще сильнѣе влекла къ себѣ, облитая слезами, въ ореолѣ страданія.

Но они должны были говорить съ ней, иначе кто нибудь помѣшаетъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и пошелъ къ ней навстрѣчу; за нимъ, почтительно снявъ шляпы, медленно подвигались другіе.

Елизавета, увидя ихъ, поспѣшно отерла свои слезы и старалась улыбнуться.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья мои,—говорила она.— Погулять вышли? Да, сегодня такая славная погода. Гуляйте, гуляйте!

— Нѣтъ, матушка-цесаревна,—дрогнувшимъ голосомъ началъ подходившій къ ней офицеръ:—не гулять мы вышли—тебя здѣсь поджидали. Давно намъ нужно тебя видѣть, матушка, не можемъ мы дольше терпѣть, не можемъ видѣть заплаканными твои ясныя очи. Скажи слово—мы готовы всѣ, и только ждемъ твоихъ приказаній. Вели же намъ идти за тебя: всѣ, какъ одинъ человѣкъ за тебя животъ нашъ положимъ.

— Матушка, золотая наша, красавица!—восторженно прошептали остальные офицеры:—разрѣши!

Она благодарно и въ тоже время испуганно взглянула на нихъ.

— Ради Бога молчите,—сказала она:—за мной со всѣхъ сторонъ наблюдаютъ, васъ услышатъ. Не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, да и меня не губите! Ради Бога разойдитесь скорѣе, ведите себя смирно! Время еще не пришло, а какъ придетъ, я велю вамъ сказать заранѣе...

Офицеры молча и печально склонили головы. Она прошла мимо и возвратилась домой окончательно разстроенная. А дома ее ожидали новыя извѣстія о преданности ей гвардейцевъ. Разумовскій пришелъ доложить ей, что безъ нея пробрался къ нимъ семеновскій капитанъ,—тотъ самый капитанъ, который получилъ

триста червонцевъ отъ принца Антона,—и объявилъ, что цесаревна можетъ располагать его ротою и что онъ ручается за всѣхъ своихъ товарищей.

Она опять плакала, опять ломала въ отчаяніи руки и никакъ не могла рѣшиться. Она не наслѣдовала отъ отца своего его энергіи, въ ней теперь, болѣе чѣмъ когда либо, сказывалась добрая, слабая женщина. Чѣмъ больше являлось у нея сторонниковъ, готовыхъ положить за нее жизнь свою, тѣмъ больше она ужасалась, тѣмъ больше представлялось ей несчастій, которыхъ она можетъ быть причиной.

Вотъ она узнала, что Нолькенъ уѣзжаетъ въ Швецію и проситъ принять его для прощальной аудіенціи. Она приняла, конечно, и онъ сталъ ее уговаривать дать ему письменное обязательство, которое необходимо ему для того, чтобы онъ могъ рѣшительно говорить въ Стокгольмѣ.

Но она не давала этого обязательства, она говорила, что не помнитъ хорошенько требованій Нолькена.

— Какъ-же это?—замѣтилъ удивленный посланникъ:—вѣдь, копія, здѣсь списанная г. Лестокомъ, у васъ, а подлинникъ ея и теперь со мною. Угодно—я сейчасъ же покажу вамъ его, и мы можемъ немедленно окончить дѣло! Вашему высочеству стоитъ подписать и приложить свою печать.

Но она отказалась. Она только увѣрила Нолькена въ своей благодарности Швеціи и сказала ему, что если произойдутъ рѣшительныя дѣйствія со стороны Швеціи, то и она немедленно начнетъ дѣйствовать рѣшительно, тогда она оставитъ предосторожности, которыя теперь необходимы. Она призналась, что гвардія за нее и что съ этой стороны можно быть спокойнымъ.

— Я буду дѣйствовать рѣшительно, даю вамъ въ этомъ слово, но только тогда, когда увѣрюсь, что нужно ожидать непремѣннаго успѣха, когда мнѣ будетъ ясна помощь со стороны Швеціи; а теперь перестанемте говоритъ объ этомъ. Я увѣряю васъ, что окружена со всѣхъ сторонъ врагами, и даже здѣсь есть люди, на которыхъ я не могу положиться. Завра я пришлю къ вамъ Лестока.

Лестокъ дѣйствительно явился на другой день къ Нолькену, но не привезъ письменнаго обязательства, привезъ только письмо Елизаветы къ ея племяннику, принцу Голштинскому.

Нолькенъ вышелъ изъ себя.

— Что-жъ это, наконецъ, такое?—говорилъ онъ.—Я такъ на васъ надѣялся, а вы, очевидно, обманывали мое довѣріе—вы не передавали цесаревнѣ всего того, что передавать обѣщали!..

Лестокъ началъ оправдываться такъ-же, какъ онъ оправдывался и передъ Шетарди.

— Что же я могу сдѣлать,—говорилъ онъ:—если цесаревна по нѣскольку дней на меня сердится каждый разъ, какъ я упомяну ей о письменномъ обязательствѣ. Къ тому же я и не могъ на этомъ настаивать ужъ потому, что васъ могли схватить, несмотря на то, что вы посланникъ, а въ такомъ случаѣ письменное обязательство, найденное въ вашихъ бумагахъ, погубило бы и цесаревну и всѣхъ насъ.

Нолькенъ рѣшился на послѣднее средство: предложилъ Лестоку хорошій подарокъ.

Лестокъ почему-то вдругъ оказался менѣе щепетильнымъ: принялъ подарокъ, обѣщалъ пріѣхать еще разъ. Нолькенъ ждалъ его, ждалъ, да такъ и не дождался, и выѣхалъ изъ Петербурга безъ письменнаго обязательства,

Прошло съ мѣсяцъ; изъ Швеціи не было почти никакихъ извѣстій.

Цесаревна все рѣже и рѣже выходила и выѣзжала изъ дому. Она боялась новой встрѣчи съ гвардейскими офицерами.

Принцъ Антонъ попрежнему ежедневно выслушивалъ донесенія своихъ шпіоновъ о ея времяпровожденіи, попрежнему велъ таинственные разговоры съ Остерманомъ, и тотъ увѣрялъ его, что скоро можно будетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Только вотъ теперь слѣдуетъ обождать немного, чѣмъ кончится натянутое положеніе со Щвеціей, да нужно еще устроить дѣла семейныя. Теперь трогать правительницу слишкомъ жестоко, она нездорова: скоро должна разрѣшиться отъ бремени. Что касается до цесаревны Елизаветы, то Остерманъ придумалъ вѣрное средство избавиться отъ нея: въ Петербургъ пріѣхалъ братъ принца Антона, принцъ Людвигъ Вольфенбюттельскій...

Черезъ нѣсколько дней правительница пригласила цесаревну и предложила ей выйти замужъ за этого принца.

— Вамъ будетъ выплачиваться, сестрица, кромѣ приданаго, назначеннаго русскимъ принцессамъ, ежегодный пенсіонъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей; вамъ будутъ даны Ливонія, Курляндія и Сенегалія...

Этими заманчивыми обѣщаніями думали прельстить Елизавету, но она отвѣчала, что всѣмъ давно извѣстно ея рѣшеніе никогда не выходить замужъ и что она на это не можетъ согласиться.

Правительница вышла изъ себя. Отъ ласковаго тона и родственныхъ упрашиваній она перешла чуть не къ угрозамъ.

Елизавета вернулась домой блѣдная, раздраженная, и на другой день уѣхала въ деревню, чтобъ только какъ-нибудь забыться, быть подальше отъ всѣхъ этихъ мученій и преслѣдованій.

VIII.

Не долго пробыла цесаревна въ деревнѣ. Отдохнуть не удавалось. Тревожныя мысли не уходили, страшно было въ Петербургѣ, а тутъ, пожалуй, и еще страшнѣе, того и жди опущеніе въ дѣлахъ выйдетъ, того и жди нагрянетъ такая бѣда, которую можно было бы предотвратить своимъ присутствіемъ.

И цесаревна вернулась въ городъ. Изъ тишины деревенской снова окунулась въ самую глубь тревожной придворной жизни. Друзья сейчасъ же явились съ цѣлымъ коробомъ новостей, всевозможныхъ разсказовъ, сплетенъ, слуховъ, такъ что невозможно было догадаться, чему во всемъ этомъ слѣдуетъ вѣрить, что ложь, а что правда. Несомнѣннымъ было только одно: съ каждой минутой приближающійся, окончательный разрывъ со Швеціей.

Цесаревна явилась во дворецъ. Тамъ все было тихо: всѣ шептались, старались ходить чуть слышно—Анна Леопольдовна на-дняхъ разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериной.

Входя въ аппартаменты правительницы, Елизавета встрѣтилась съ Линаромъ. Онъ молча и даже какъ то свысока поклонился ей и прошелъ мимо.

«Неужели у нихъ ужъ дошло до того, что даже всѣ приличія забываются? Неужели его принимаютъ въ постели?»—невольно подумала она.

Она пошла дальше. Ее сейчасъ же впустили къ правительницѣ.

Анна Леопольдовна лежала, повязанная своимъ неизмѣннымъ бѣлымъ платочкомъ; ея руку держала неизмѣнная Юліана.

Недалеко отъ кровати помѣщалась маленькая пышная колыбель, вокругъ которой возилось нѣсколько женщинъ.

Елизавета поздравила правительницу. Та приподнялась съ подушекъ и поцѣловалась съ нею.

— Очень рада васъ видѣть, сестрица. А то я ужъ хотѣла посылать за вами; право, напрасно вы уѣхали въ деревню; мы очень веселились... вотъ только теперь скука смертельная—уложили меня и вставать не позволяютъ... А я, право, совсѣмъ здорова... отлично себя чувствую. Дѣвочка тоже ничего... Взгляните, она не спитъ теперь.

Цесаревна подошла къ колыбели, разглядѣла крошечное созданіе, тихонько наклонилась надъ нимъ и осторожно, сдерживая дыханіе поцѣловала маленькую ручку. Она очень любила дѣтей, и видъ новорожденнаго ребенка всегда поднималъ въ ней всю ея природную нѣжность.

Она невольно замѣшкалась надъ колыбелькой и невольно вздохнула. Ей пришло на мысль: что-то будетъ съ этой крошеч-

ной дѣвочкой? Какая судьба ее ожидаетъ? Быть можетъ, однимъ изъ первыхъ сознательныхъ чувствъ этого ребенка будетъ ненависть къ ней... Зачѣмъ все такъ тяжело, такъ дурно устроено на свѣтѣ? Зачѣмъ самый справедливый поступокъ влечетъ за собою зло неповиннымъ? Зачѣмъ столько ненависти? Зачѣмъ люди не знаютъ и никогда не узнаютъ другъ друга?

Цесаревна еще разъ вздохнула и вернулась къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Она замѣтила, какъ та сдѣлала какой-то условный знакъ Юліанѣ. Юліана сейчасъ же встала и вышла изъ комнаты.

Правительница заговорила любезно и ласково. Спрашивала не нужно ли что нибудь сестрицѣ и кончила тѣмъ, что снова намекнула на принца Вольфенбюттельскаго.

Елизавета вспыхнула и даже отдернула свою руку, которую держала правительница.

— Я думала, ваше высочество,—сказала она:—что этотъ разговоръ оконченъ между нами. Неужели вы считаете меня настолько легкомысленной, чтобъ двадцать разъ измѣнять свое рѣшеніе? Не будемте говорить объ этомъ.

— Это очень жаль,—сухо отвѣтила Анна Леопольдовна.—Я надѣялась, что въ деревнѣ вы обсудите всѣ выгоды нашего предложенія и его примете.

Елизавета даже ничего не возразила на это, сказала нѣсколько незначительныхъ фразъ и поспѣшила откланяться.

Только что она вышла, какъ Юліана вернулась къ своему посту.

— Ну что?—спросила она.

— Отказывается. И говорить не хочетъ даже!—раздраженнымъ и злымъ голосомъ прошептала Анна Леопольдовна.—Въ самомъ дѣлѣ, она начинаетъ забирать себѣ много воли, думаетъ, что такъ все и можетъ дѣлать по своему. Но, вѣдь, если добромъ не хочетъ, такъ можно ее и принудить!

— Однако, какъ же принудить?—замѣтила Юліана.—Тоже раздражать очень нельзя—она не одна, за нею стоитъ довольно много народу, у нея есть заступники.

— Такъ что-жъ намъ дѣлать?—почти закричала Анна Леопольдовна:—неужели отказаться отъ этого плана? Вѣдь, у всѣхъ были бы развязаны руки, если-бъ она согласилась выйти замужъ...

— Да, конечно; но только дѣйствовать нужно не насиліемъ. лучше попросить какого-нибудь ловкаго человѣка уговорить ее.

— Кого же попросить?

— Да хоть Левенвольде,—отвѣтила Юліана.—Кстати онъ здѣсь, пріѣхалъ освѣдомиться о твоемъ здоровьи.

— Ну и прекрасно, попроси его сюда ко мнѣ.

— Сюда?—изумилась Юліана.—Да, вѣдь, это сочтутъ совершенно неприличнымъ.

— Напротивъ,—сказала Анна Леопольдовна:—напротивъ, если я принимаю одного, то могу принимать и другихъ, меньше будетъ разговоровъ.

— Пожалуй и такъ,—согласилась съ нею Юліана и вышла звать Левенвольде.

Оберъ-гофмаршалъ очень изумился, что правительница принимаетъ его въ постели и еще болѣе изумился, когда узналъ, чего она отъ него хочетъ. Онъ хорошо зналъ, что уговорить Елизавету, особенно ему, невозможно.

— Я не могу идти къ цесаревнѣ съ такой пропозиціею,—сказалъ онъ:—потому что это будетъ совсѣмъ неприлично и она только оскорбится. Не изволите ли вы сами, ваше высочество, поговорить о томъ съ нею?

— Да я ужъ говорила, она не слушаетъ!—откровенно и наивнымъ тономъ призналась правительница.

— Ну, такъ что же я-то могу? Я ужъ совсѣмъ ничего не могу.

Впрочемъ, Анна Леопольдовна съ Юліаной и сами поняли, что придумали вещь неподходящую, и отпустили Левенвольде.

А цесаревна, вернувшись къ себѣ, была встрѣчена извѣстіемъ, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, узнавъ о ея пріѣздѣ, пробрались къ ней тихонько и умоляютъ ее выйти къ нимъ и ихъ выслушать.

— Безумные, что они дѣлаютъ!—воскликнула цесаревна.—Будто не знаютъ, что ужъ теперь во дворцѣ навѣрно извѣстно о ихъ пребываніи здѣсь, у меня.

Но все же она къ нимъ вышла.

Офицеры умоляли простить ихъ за смѣлость и объявили, что они посланы всѣми товарищами узнать, справедливъ ли тотъ слухъ, будто она выходитъ замужъ за принца Вольфенбюттельскаго.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—отвѣчала имъ Елизавета.—И меня даже обижаетъ, что мои друзья гвардейцы могутъ вѣрить подобному слуху. Будто вы меня не знаете, развѣ я могу рѣшиться на такое дѣло? Мало ли о чемъ толкуютъ и мало ли чего желаютъ! Возвращайтесь къ себѣ какъ можно осторожнѣе, чтобъ васъ не замѣтили!... Успокойте товарищей, не тревожьтесь по пустому, теперь самое первое дѣло, чтобъ все у васъ было спокойно, и чтобъ вы не возбуждали подозрѣній. Сказала, вѣдь,—придетъ время—кликну, а теперь ждите!..

Офицеры почтительно поцѣловали протянутую имъ руку и ушли успокоенные.

Отпустивъ ихъ, цесаревна призвала Лестока и сказала ему, чтобъ онъ, при первой возможности, отправился къ секретарю шведскаго посольства, Лагерфлихту, и сказалъ ему отъ ея имени, что если шведы будутъ еще медлить, то дѣло можетъ повернуться въ дурную сторону, расположенiе умовъ измѣнится. Нужно спѣшить съ объявленiемъ войны, потому что правительство не щадитъ ничего: принцъ Антонъ, наущаемый Остерманомъ, разсыпаетъ направо и налѣво обѣщанiя и награды для прiобрѣтенiя себѣ приверженцевъ.

— Скажите ему,—говорила Елизавета:—что я ужъ кое-что слышала и сообразила. Положимъ, они тамъ всѣ кричатъ теперь, что нисколько не боятся шведовъ, что будутъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, но это только одни слова и крики. Если шведы явятся какъ защитники правъ потомства императора Петра, то русскiе войска не захотятъ воевать съ ними. Если Лагерфлихтъ будетъ настаивать на томъ письменномъ обязательствѣ, скажите ему, что я подпишу, если дѣла примутъ хорошiй оборотъ и мнѣ нечего будетъ опасаться. Скажите, что я обѣщаюсь вознаградить Швецiю за военныя издержки съ первой минуты начала дѣйствiй, что я буду давать Швецiи субсидiи во все продолженiе моей жизни, предоставлю шведамъ всѣ тѣ торговыя преимущества, которыми теперь пользуются англичане, откажусь отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцiй, заключенныхъ между Россiей, Англiей и Австрiей, не буду ни съ кѣмъ вступать въ союзъ кромѣ Швецiи и Францiи, буду содѣйствовать Швецiи всѣми мѣрами и тайно ссужать деньгами, когда будетъ нужно. Вотъ все, что я могу имъ обѣщать—кажется, этого достаточно!?..

Лестокъ выслушалъ цесаревну молча и поспѣшилъ исполнить ея приказанiе. Теперь онъ ужъ побѣдилъ свой страхъ, не дрожалъ больше отъ шума на улицѣ и даже рѣшился выходить изъ дому, видя, что никто его не арестуетъ, и что они, во всякомъ случаѣ, сильно преувеличили опасность.

Стали проходить дни за днями. Вотъ ужъ и лѣто кончается. Цесаревна встаетъ рано, ложится поздно, весь день проводитъ въ хлопотахъ: то толкуетъ со своими приближенными, то посылаетъ Лестока къ Шетарди, то сама принимаетъ маркиза. Послѣ робости и какой-то временной апатiи на нее вдругъ напала смѣлость, рѣшительность. Она всѣми силами старается не думать объ опасности, думать только о достиженiи цѣли. Со всѣхъ сторонъ вѣрные люди приносятъ добрыя вѣсти: говорятъ, что въ городѣ стоитъ ропотъ, вольныя сужденiя о дѣйствiяхъ правительства.

Разумовскiй, почти цѣлые дни проводя на улицѣ, заводя знакомство съ людьми различныхъ состоянiй, подъ вечеръ приходитъ и разсказываетъ, что никакихъ шпiоновъ не боятся въ го-

родѣ, а прямо кричать, что теперь стало даже хуже, чѣмъ во времена бироновщины. Тогда нужно было кланяться одному Бирону, а теперь этихъ Бироновъ стало больше дюжины — и не счесть фаворитовъ и фавориток правительницы, и каждый изъ нихъ кто во что гораздъ. Про самое Анну Леопольдовну разсказываютъ даже люди во дворецъ вхожіе, что она день ото дня становится суровѣе, скрывается, никого къ себѣ не пускаетъ. Недобрыя, незаконныя дѣла творятся! Она вонъ мужа своего не терпитъ, къ себѣ въ комнаты не пускаетъ. Да и чего путнаго ждать отъ нея: съ самаго дѣтства дикая, и мать бивала за дикость. Много разсказываютъ, о многомъ толкуютъ, всего и передать невозможно. А заговорятъ о цесаревнѣ Елизаветѣ и у всѣхъ сейчасъ улыбка на лицахъ является: «Вотъ такъ царевна! Ни отъ кого она не скрывается, всѣхъ встрѣчаетъ привѣтливо. Войдешь къ ней, такъ и выйти не хочется, все-бы смотрѣлъ на нее, любовался!»

Подобные разсказы, передаваемые обыкновенно вечеромъ, за ужиномъ, и ежедневно накоплявшіеся, много содѣйствовали оживленію всѣхъ окружавшихъ Елизавету. Даже и Мавра Шепелева оставила свои страхи: перестала пробовать кушанья, подаваемыя цесаревнѣ. Надежды на близкій и счастливый исходъ изъ всѣхъ опасеній и несчастій росли быстро. Скоро за вечерней трапезой цесаревны ужъ стали обсуждаться такіе, напримѣръ, вопросы: «кого мы будемъ награждать и кого наказывать». У Мавры Шепелевой, Шуваловыхъ и всей компаніи заранѣе сжимались кулаки на Остермана, Миниха и другихъ старыхъ недруговъ. Только одна цесаревна качала головою, когда замѣчала, что друзья черезчуръ расходились.

— Не злобствуйте,—говорила она.—Коли Богъ мнѣ поможетъ, такъ не для того, чтобъ я творила жестокости...

Наконецъ, пришла радостная вѣсть, еще болѣе поднявшая духъ елизаветинской партіи: шведы объявили войну.

Переговоры между Лестокомъ и Шетарди велись оживленнѣе и оживленнѣе.

Шетарди писалъ Версальскому двору:

«Считаютъ очень важнымъ, чтобъ герцогъ голштинскій былъ при шведской арміи, не сомнѣваясь, что русскіе солдаты положатъ передъ нимъ оружіе въ минуту сраженія: такъ сильно въ нихъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. Думаютъ, что было-бы очень полезно публиковать въ газетахъ, что герцогъ голштинскій въ арміи, или, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи. Желаютъ, чтобы между войсками и внутри страны было распространено письмо, въ которомъ-бы указывалось на опасность для религіи при иноземномъ правленіи».

Потомъ Шетарди требовалъ, чтобы шведы издали прокламацію, въ которой бы объявили, что возстали для поддержки правъ потомства Петра I.

И вся эта внутренняя жизнь двора Елизаветы оставалась тайною для правительства. Шпіоны доносили о томъ, что Шетарди ѣздитъ къ цесаревнѣ, но большаго донести они не могли.

Правительница и Остерманъ съ принцемъ Антономъ продолжали очень подозрительно смотрѣть на Елизавету, придумывали новыя комбинаціи, чтобъ отъ нея избавиться, но покуда ничего не могли придумать. Къ тому-же Остерманъ весь былъ поглощенъ внутренними и внѣшними дѣлами, мыслями о томъ, какъ-бы самому прочнѣе утвердиться и успѣшнѣе подготовить дѣло принца Антона, которому теперь помѣшала война, объявленная Швеціей.

А правительницѣ легко было забывать о цесаревнѣ: она была опять здорова и думала только объ удовольствіяхъ и о Линарѣ.

Во дворцѣ шли праздники за праздниками и на этихъ праздникахъ Линаръ являлся звѣздой первой величины. Теперь онъ уже былъ Андреевскимъ кавалеромъ, ему дѣлался подарокъ за подаркомъ; о его предстоящемъ бракѣ съ Юліаною Менгденъ было всѣмъ объявлено.

У всѣхъ голова кружилась; всѣ запутывались въ массѣ разнородныхъ, со всѣхъ сторонъ приходящихъ, извѣстій; всѣ думали о себѣ, о собственныхъ выгодахъ,—и среди этого всеобщаго хаоса цесаревна начинала чувствовать себя болѣе безопасной и свободной. Она появлялась на всѣхъ придворныхъ балахъ и праздникахъ, и внимательный наблюдатель долженъ былъ поразиться перемѣной, происшедшей съ нею. Совсѣмъ иначе и глядѣла она, и говорила: прежней робости, осторожности и слѣда не осталось.

Но такого наблюдателя не было. Остерманъ не появлялся на празднества, волей-неволей продолжая разыгрывать роль недвижимаго больного, и ни разу даже не пришла ему добрая мысль въ голову: хоть на носилкахъ появиться на балѣ и взглянуть на цесаревну. Если-бъ онъ взглянулъ на нее теперь, то можетъ быть увидѣлъ бы яснѣе, какъ нужно ему поступать и о чемъ думать. Но, видно, и для оракула пробилъ часъ. Онъ продолжалъ работать такъ-же неустанно, какъ и прежде, голова его такъ-же трудилась надъ измышленіями всевозможныхъ хитросплетеній, но результаты этой работы были далеко не прежними.

Особенно одинъ балъ во дворцѣ оказался очень удачнымъ: только что получилось извѣстіе о томъ, что войска готовы идти на шведовъ и находятся въ самомъ лучшемъ состояніи и настроеніи духа.

Правительница появилась, сверхъ своего обыкновенія, роскошно, изысканно наряженною, протанцовала съ Линаромъ, ласково поздоровалась съ цесаревной. Елизавета была нарядна и сіяла красотою.

Она тоже танцовала съ увлеченіемъ и уже не чувствовала себя окруженною врагами. Эти враги казались ей теперь крошечными и вполнѣ безопасными, возбуждали ея природную насмѣшливость.

Вотъ она замѣтила въ числѣ гостей маркиза де-ла-Шетарди и подошла къ нему.

— Смотрите, маркизъ,—сказала она:—какъ всѣ радуются, какъ довольны: они такъ увѣрены въ побѣдѣ надъ шведами. А вы, раздѣляете-ли вы эту общую увѣренность?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Да,—сказалъ онъ:—дѣйствительно, теперь здѣсь много интереснаго для наблюденій. Мы съ удовольствіемъ будемъ вспоминать этотъ вечеръ.

Недалеко отъ нихъ стоялъ принцъ Вольфенбюттельскій и могъ слышать ихъ разговоръ, но Елизавета ничуть этимъ не смутилась. Напротивъ, она прямо указала на него Шетарди и замѣтила:

— А этотъ мой новый женихъ какъ вамъ нравится? У меня былъ бы слишкомъ дурной вкусъ, еслибъ я согласилась на это милое предложеніе. Право, эти люди думаютъ, что у другихъ нѣтъ глазъ, когда сочиняютъ такіе прекрасные проекты, а, вѣдь, сами-то какъ слѣпы! Правительница говорила мнѣ недавно самымъ шутливымъ и наивнымъ тономъ, что навѣрное скоро будутъ думать, что графъ Линаръ и фрейлина Менгденъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогиней курляндскими. Какъ вамъ нравится эта наивность, маркизъ?

Шетарди улыбнулся.

— Да, она шутитъ со мною и любезничаетъ,—продолжала Елизавета:—но между тѣмъ это не мѣшаетъ ей оскорблять меня. А господинъ Линаръ такъ ко мнѣ относится, что я скоро, кажется, потеряю всякое терпѣнье. Представьте, на-дняхъ былъ здѣсь обѣдъ по случаю дня рожденія императора, принцъ Антонъ и этотъ вотъ неудавшійся его братецъ были посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, а меня посадилъ простой гофмаршалъ!

— Изъ всего этого я заключаю только одно, ваше высочество,—проговорилъ Шетарди:—что вамъ нужно торопить день торжества вашего.

— Теперь вы, кажется, на меня не можете пожаловаться,—перебила его Елизавета: — теперь я не теряю времени. Посмотримъ, что скажутъ первыя военныя дѣйствія, а здѣшнее мое

дѣло идетъ хорошо: моя партія съ каждымъ днемъ увеличивается и—знаете кого я уже могу считать въ числѣ своихъ горячихъ приверженцевъ? Всѣхъ князей Трубецкихъ и принца гессенъ-гомбургскаго, а это чего-нибудь да стоитъ! Къ тому же и въ Ливоніи, какъ мнѣ передали вѣрные люди, всѣ недовольны, и Богъ дастъ наше предпріятіе окончится счастливо.

— Желаю этого отъ всей души моей, — прошепталъ Шетарди:—и очень радъ, что могу сегодня сообщить хорошія вѣсти во Францію.

Елизавета отошла отъ маркиза и по ея прекрасному лицу скользнула улыбка.

«А, вѣдь, и ты смѣшонъ!—подумала она.—Что тебѣ ни скажи, хотя вздоръ какой угодно, все сейчасъ-же и отпишешь, да и со всевозможными прибавленіями! А еще насъ, женщинъ, считаютъ сплетницами. Никогда мы не сумѣемъ такъ насплетничать, какъ умѣютъ эти господа дипломаты!..»

IX.

Балъ завершенъ роскошнымъ ужиномъ. Звуки музыки стихли; приглашенные разъѣхались.

Сначала потухли огни въ большой залѣ, а затѣмъ, мало-помалу, и всѣ остальныя комнаты стали погружаться въ темноту. Всюду тихо, только порою слышатся шаги дежурныхъ офицеровъ и караульныхъ.

Юліана, проводивъ Анну Леопольдовну въ спальню и нѣжно простясь съ нею, прошла въ свои комнаты.

— Мнѣ ничего не нужно, оставьте меня!—сказала она дожидавшимся ее дежурнымъ каmeристкамъ и, когда онѣ вышли, молча поклонившись ей, заперла двери на ключъ и нѣсколько минутъ стояла посреди комнаты.

Комната эта была обширная, богато убранная, ничѣмъ почти не уступавшая будуару правительницы.

Между двумя окнами, на которыхъ висѣли, спущенныя теперь, тяжелыя бархатныя занавѣси, помѣщалось большое венеціанское зеркало, въ которомъ Юліана видѣла себя во весь ростъ. Немного наискосокъ этого зеркала стоялъ туалетный столъ и на немъ были зажжены восковыя свѣчи въ канделябрахъ.

Юліана подошла къ туалету, присѣла на парчевую табуретку, разстегнула лифъ платья и задумалась.

Вся ея фигура была ярко освѣщена свѣчами.

Немного уставшее, красивое лицо отражалось въ туалетномъ

зеркалѣ. Она повернула голову налѣво и снова встрѣтилась со своимъ отраженіемъ.

Прошло еще нѣсколько мгновеній; она встала, привычнымъ, ловкимъ движеніемъ сняла съ себя платье и осталась у самаго зеркала, невольно любуясь собою. Дѣйствительно, она хороша: высокая, стройная; что за чудныя плечи! что за руки! На шеѣ нѣсколько нитокъ крупныхъ жемчуговъ, перепутанныхъ съ алмазами; въ волосахъ алмазы; огромныя серьги изумрудныя.

Она стала одно за другимъ снимать эти украшенія и класть ихъ въ шкатулку, стоявшую на туалетѣ. Шкатулка дорогая, вывезенная изъ чужихъ краевъ и поднесенная ей недавно Линаромъ. Вся она полна драгоцѣнностей, ихъ щедро надарила своему другу Анна Леопольдовна. Есть тутъ и другіе подарки, подарки людей, которымъ Юліана сослужила какую-нибудь большую службу, за которыхъ заступилась передъ правительницей, которымъ устроила выгодныя дѣла, блестящія назначенія.

Знаетъ Юліана, что есть у нея и другая шкатулка, гдѣ лежатъ не каменья самоцвѣтные, а то, на что можно накупить много этихъ каменьевъ. Чуть не съ каждымъ днемъ все прибываетъ и прибываетъ казна Юліаны. Это тоже знаки дружбы правительницы и приношенія людей благодарныхъ. Вотъ и сегодня: по ея милости выданы двѣ звѣзды орденскія, обѣщаны искателямъ три видныя, доходныя мѣста по службѣ, и за все это Юліана опять, конечно, получитъ благодарность. Наканунѣ она ѣздила съ правительницей осматривать домъ, пожалованный ей для будущей ея семейной жизни. Работы въ этомъ домѣ уже приближаются къ концу. Мебель и всѣ вещи поражаютъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ: Анна Леопольдовна ничего не жалѣетъ для своего друга. Серебра такъ много, что врядъ-ли и наполовину есть столько у самыхъ богатѣйшихъ русскихъ сановниковъ. Всѣ эти деньги, всѣ богатства прежде принадлежали Бирону, послѣ ареста его были конфискованы правительницей и теперь находятся въ рукахъ ея. Никакъ не меньше половины она назначала ей, Юліанѣ, и Линару; изъ другой половины большая часть уже тайно выслана Анной Леопольдовной отцу ея, герцогу Мекленбургскому. Почти на двѣсти тысячъ однихъ бриліантовъ у Юліаны, да и у Линара столько же. Два подарка, которыми размѣнялись женихъ съ невѣстой, стоятъ пятьдесятъ тысячъ...

Не одно богатство принесла Юліанѣ ея вѣрная дружба къ правительницѣ: вѣдь, всѣ, всѣ знаютъ, какою силою она пользуется, знаютъ, что эта сила съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться. Нѣтъ такого желанія, такого каприза, котораго бы не могла исполнить Юліана! Блескъ, богатство, почетъ, молодость,

красота—вѣдь, это счастье! Отчего же вотъ она стоитъ передъ зеркаломъ, стоитъ не шевелится и уже не любуется на себя? Ея густыя рѣсницы опущены, со щекъ сбѣжала краска... въ рукѣ жемчужное ожерелье, но она забыла о немъ. Безсильно разгибаются ея пальцы, ожерелье падаетъ на коверъ и она не замѣчаетъ этого.

О чемъ она думаетъ? отчего такъ сжаты ея красивыя, пунцовыя губы? Отчего сдвинуты дугою выведенныя брови и на всемъ лицѣ печать какой-то грусти, чего-то тяжелаго? У нея есть все, все, о чемъ когда-то снилось и грезилось честолюбивой дѣвушкѣ, все, что должно было принести съ собою вѣчную радость, веселье, счастье, всѣ мечты исполнились, а счастья нѣтъ и, напротивъ, съ каждымъ днемъ оно уходитъ дальше и дальше.

Бывало, и еще не такъ давно, она веселилась, ни о чемъ не грустила, ни о чемъ не задумывалась. Она радовалась каждой малѣйшей удачѣ, наслаждалась и хвалилась сама передъ собою своей ролью. Ей пріятно было видѣть, что каждый ея совѣтъ, данный Аннѣ Леопольдовнѣ, исполняется. Ей пріятно было убѣждаться, что она безъ всякихъ усилій со своей стороны и безъ всякихъ жертвъ можетъ устроивать дѣла, чуть-ли не судьбу, многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Все это ее занимало и тѣшило, но теперь, съ нѣкотораго времени, не стало ужъ этой забавы. Вотъ прежде она любила наряды и красоту свою, слѣдила за тѣмъ, какъ эта красота съ каждымъ днемъ развивается, дѣлается все пышнѣе и пышнѣе. Но, теперь она только по привычкѣ смотрится въ зеркало. Право, иной разъ готова даже позабыть о своей прическѣ, о туалетѣ, готова повязаться простымъ бѣлымъ платочкомъ, какъ и Анна Леопольдовна, и весь день ходить въ широкой блузѣ.

Что это за лѣто такое выдалось несчастное!..

Ужъ не отрава-ли заключалась въ той привозной минеральной водѣ, которую пила она каждое утро во время прогулокъ Анны Леопольдовны и Линара по аллеямъ запертаго ото всѣхъ Лѣтняго сада.

Да, отрава была въ этой водѣ и прогулкахъ. Сначала стала одолѣвать ее скука, такъ, какая-то безпричинная скука, а потомъ и тоска захватила. Чего-жъ ей нужно? Она не разъ сама себѣ задавала вопросъ этотъ, перебирала все и ничего не находила. Все есть, ничего не нужно, а между тѣмъ такое рѣшеніе не уничтожало тоски и скуки, а, напротивъ, усиливало ихъ. Можетъ быть, ее смущаетъ то, что весь этотъ почетъ, который окружаетъ ее, всѣ эти льстивыя фразы, которыя она выслушиваетъ,—не искренни, что у нея мало надежныхъ друзей, дѣй-

ствительно ее любящихъ, что придетъ черный день и всѣ тѣ, кто теперь преклоняется передъ нею, отвернутся и забросаютъ ее грязью. Но нѣтъ, она объ этомъ не думаетъ. Она еще не предвидитъ себѣ чернаго дня, и до людской искренности, до людской любви ей нѣтъ никакого дѣла; сама она очень немногихъ любитъ. Несмотря на свою молодость она знаетъ цѣну людямъ, не ждетъ и не проситъ отъ нихъ многаго.

Что же, надоѣла ей дружба правительницы, ищетъ она большей свободы, тяжело ей все свое время отдавать Аннѣ Леопольдовнѣ, быть ея тѣнью? Нѣтъ, попрежнему любитъ она своего друга и, конечно, не можетъ ни въ чемъ упрекнуть Анну Леопольдовну. Что же это такое? страсть что-ли заглянула въ ея сердцѣ? Но кажется никто ей особенно не нравится, никогда въ ея юныхъ дѣвическихъ мечтахъ не было до сихъ поръ никакого мужского образа. Она выросла въ дворцовыхъ интригахъ и давно уже сказала себѣ, что всякая идеальная любовь—вздоръ и дѣтское заблужденіе. Да и кого же, наконецъ, полюбить ей? Некого, какъ есть некого!...

А между тѣмъ она все стоитъ передъ венеціанскимъ зеркаломъ, все ниже и ниже опускается голова ея на высоко поднимающуюся грудь и вотъ тихія слезы капаютъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Боже мой, что за мученье!—почти громко произноситъ она въ отчаяніи.

Да, страсть закралась въ ея сердце, нежданно, негаданно закралась. Напрасно смѣялась она надъ любовью и считала ее вздоромъ, природа взяла свое и разомъ разлетѣлись всѣ соображенія, разсудокъ замолчалъ. Съ каждымъ днемъ все глубже проникала въ нее отрава.

Что же тутъ страннаго? Когда же и любить какъ не въ ея годы, и ей ли бояться страсти? Она такъ молода, такъ хороша, такъ всемогуща, кто ее не полюбитъ? кто не почтетъ себя счастливымъ услышать изъ устъ ея признаніе? Она невѣста, она скоро будетъ женою! Но что жъ такое: женихъ, ея будущій мужъ, не смѣетъ требовать отъ нея любви, онъ обязанъ дозволить ей любить кого угодно.

Конечно, все это не такъ, какъ у добрыхъ людей дѣлается, но совѣсть не можетъ упрекать ее, на такія дѣла нѣтъ у нея совѣсти, слишкомъ много было съ дѣтства дурныхъ примѣровъ, въ слишкомъ странныхъ и развращенныхъ понятіяхъ она воспиталась. Или, можетъ быть, несмотря на это воспитаніе, несмотря на все, вдругъ истина озарила ее—и позорной, унизительной показалась ей ея роль, страшнымъ и грязнымъ то дѣло, на которое она рѣшилась? Можетъ быть откуда-то, изъ далекой

глубины дѣтскихъ воспоминаній встали другія понятія? Нѣтъ, ничего этого не случилось съ Юліаной, не пришла къ ней великая минута, когда сразу проясняются мысли, очищается сердце; не отъ угрызеній совѣсти, не отъ ужаса передъ тѣмъ путемъ, по которому идетъ, она такъ терзается. Ея страстное чувство приноситъ ей такое мученье. Она тоскуетъ, она страдаетъ потому, что судьба сыграла съ ней злую шутку, потому, что любитъ она своего жениха, своего будущаго законнаго мужа—графа Линара!..

Когда, какимъ образомъ пришло это незванное, ужасное чувство? Какъ могла она допустить его и поддаться ему, она ничего не знаетъ.

Быть можетъ, оно закралось въ нее незамѣтно: вѣдь, она давно ужъ, задолго до пріѣзда Линара, обязана была часто о немъ думать, по цѣлымъ часамъ говорила о немъ съ Анной Леопольдовной, по цѣлымъ часамъ выслушивала всевозможныя похвалы ему, присутствовала при всѣхъ сокровеннѣйшихъ мечтаніяхъ о немъ влюбленной принцессы. Быть можетъ, невольно послѣ этихъ разговоровъ возвращались къ нему ея мысли.

И вотъ онъ, наконецъ, явился. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ молодыхъ людей, которые ее окружали, и которые казались ей, гордой, самолюбивой и холодной дѣвушкѣ, такими ничтожными. Да онъ и не былъ молодымъ человѣкомъ. Онъ носилъ отпечатокъ долгихъ лѣтъ какой-то таинственной, заманчивой, исполненной всевозможныхъ приключеній жизни; его разсказы были полны совершенно новаго интереса; онъ видѣлъ многое такое, чего не знала Юліана. Незамѣтно для себя самой она съ каждымъ разомъ слушала его внимательнѣе, ей все веселѣе и веселѣе становилось въ его присутствіи, наконецъ, видѣть его стало ея потребностью.

При встрѣчѣ съ нимъ ея глаза разгорались, но она не придавала этому никакого значенія, не обращала на все это ни малѣйшаго вниманія, ни разу не задумалась надъ своими новыми ощущеніями. Она все еще какъ-то не отдѣляла себя отъ Анны Леопольдовны, какъ-то сливалась съ нею и даже, можетъ быть, первые признаки своего чувства принимала за отраженіе на себѣ радости и счастія своего друга.

И долго ничего бы она не замѣтила, еслибъ не суждено ей было стать къ Линару въ новыя и совершенно особенныя отношенія. Придумавъ вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной знаменитую «комбинацію», сама еще ничѣмъ не смущалась, не могла подозрѣвать какую пропасть сама себѣ вырываетъ этой комбинаціей. Но вотъ Линаръ—ея женихъ, они вмѣстѣ рѣшили, что нужно играть комедію, что нужно отводить глаза постороннимъ. И хоть, конечно, никому не могли отвести глазъ, но комедія стала разыгрываться.

Въ обществѣ Линаръ считалъ своей обязанностью держаться возлѣ Юліаны, заглядывать нѣжно ей въ глаза, имѣть видъ влюбленнаго. И онъ, привыкшій къ игрѣ, очень ловко исполнялъ свою роль: его глаза останавливались на ней дѣйствительно съ выраженіемъ нѣжности. Какъ увлекающійся актеръ, онъ иногда даже шелъ дальше: онъ и безъ постороннихъ нерѣдко крѣпко пожималъ ея руку. Быть можетъ, эта близость красивой, молодой дѣвушки и на него дѣйствовала отчасти, быть можетъ, и очень даже вѣроятно, что онъ не безъ удовольствія пожималъ ея руку и, несмотря на свои нѣжныя отношенія къ принцессѣ, вовсе былъ не прочь, разъ ужъ помирившись съ мыслью о неизбѣжной женитьбѣ, имѣть женою Юліану. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не думалъ, что его нѣжные взгляды могутъ для нея что-нибудь значить. Тутъ все съ первой минуты выходило какъ-то дико, невозможно, такъ дико и невозможно, что только эти люди, съ дѣтства душевно и умственно изолгавшіеся, могли выносить подобное положеніе.

Когда Юліана въ первый разъ сознала свое чувство и назвала его по имени, она пришла въ неописанный ужасъ. Она повторяла себѣ: «нѣтъ, это неправда, этого не можетъ быть: этого не будетъ!» Она напрягала всѣ свои силы, чтобы не думать о Линарѣ, забыть его присутствіе и никакъ не могла этого. Она пробовала его ненавидѣть, даже достигла ненависти, но ненависть не уничтожала любви, сливалась съ нею и доводила ее до отчаянія, до тоски, до изнеможенія. И эти мучительныя ощущенія возрастали съ каждымъ днемъ, и она сама себя, наконецъ, не узнавала. Она думала, думала какъ бы выйти ей изъ этого ужаснаго положенія: то рѣшалась все разсказать Аннѣ Леопольдовнѣ, отказать Линару, куда-нибудь скрыться, хоть на время, но сейчасъ же и понимала невозможность подобнаго рѣшенія.

Какъ отказаться отъ всего, что ее окружаетъ, отъ всего этого блеска, этой силы? Нѣтъ, ни за что, ни за что!

Въ ней поднималась вдругъ ненависть ко всѣмъ и ко всему, даже къ Аннѣ Леопольдовнѣ. Она проклинала и Линара, и ее, но сейчасъ же и останавливала себя на этихъ проклятіяхъ. Чѣмъ же виновата принцесса? развѣ не она сама, Юліана, подала ей первую мысль объ этомъ бракѣ, развѣ не сама она, еще нѣсколько времени тому назадъ, не находила въ немъ ничего ужаснаго и, напротивъ, считала его единственнымъ исходомъ многихъ очень серьезныхъ затрудненій!

«Чѣмъ же виновата Анна?!» повторяла она себѣ и бросалась къ ней, и горячо ее обнимала, и чувствовала, что любитъ ее попрежнему. Но входилъ Линаръ, все лицо Анны Леопольдовны расцвѣтало счастьемъ, Линаръ тоже выказывалъ всѣ признаки

нѣжности, шепталъ сладкія фразы, и Юліана едва могла владѣть собой. Капли холоднаго пота выступали на лбу ея, она то блѣднѣла, то краснѣла. Ненависть, любовь, ревность мѣшали ей дышать. Ничего почти не видя передъ собой, она выходила изъ комнаты, бросалась къ себѣ и долго, долго неудержимо и безнадежно рыдала, спрятавъ лицо въ подушки.

«Онъ виноватъ, онъ, зачѣмъ онъ меня обманываетъ, зачѣмъ когда никто не глядитъ на насъ, онъ такъ крѣпко сжимаетъ мою руку? какъ смѣетъ говорить онъ о нашей будущей жизни?!.. А вдругъ онъ меня любитъ?!—мелькала у ней безумная мысль:— вдругъ онъ меня любитъ, вдругъ будетъ наше счастье... но что-жъ тогда съ нею-то, съ Анной, вѣдь, это убьетъ ее!».

Юліана хватала себя за голову и чувствовала, что мысли ея останавливаются, что она готова съ ума сойти отъ этихъ путающихся и ничего не выясняющихъ мыслей.

«Да, я заставлю его любить себя. Онъ долженъ любить меня. Развѣ я не хороша? развѣ я не умна? развѣ я похожа на вещь, которою можно воспользоваться, когда это нужно и потомъ вышвырнуть за окошко? Что-жъ они думаютъ? Они думаютъ, что будутъ играть мною (она вдругъ забыла, что сама придумала эту игру и до сихъ поръ не находила въ ней ничего для себя обиднаго), нѣтъ, я заставлю его любить меня! Онъ будетъ любить меня, и вотъ тогда-то я припомню ему всѣ эти мои мученія! О, какъ я сама его измучаю!».

Но въ эту минуту входила Анна Леопольдовна, изумлявшаяся ея долгому отсутствію, обнимала ее и цѣловала.

— Юліана, что съ тобою, зачѣмъ ты насъ оставила? Пожалуйста, вернись къ намъ, а то всѣ замѣтятъ, что тебя нѣтъ, что ты одна у себя, а я съ женихомъ твоимъ. Юліана, ты кажется плакала, у тебя глаза красны, что съ тобою, скажи мнѣ, моя дорогая?

Анна Леопольдовна нѣжно заглядывала ей въ лицо и покрывала ее поцѣлуями.

— Ничего, ничего, право, это тебѣ показалось, просто я что-то устала,—шептала Юліана.

Принцесса отходила отъ нея, опускалась въ кресло и вдругъ, хватаясь руками за голову, страстнымъ, порывистымъ голосомъ говорила:

— О, Юліана, если-бъ ты знала, какъ я люблю его!

И все это повторялось чуть-ли не каждый день. Нужна была необыкновенная сила воли, которою обладала молодая дѣвущка, чтобы выносить это ужасное положеніе и скрывать ото всѣхъ свои чувства.

Если-бъ Анна Леопольдовна могла внимательнѣе взглянуть на

своего друга, такъ отъ нея-то, конечно, ужъ ничего не ускользнуло бы, но Анна Леопольдовна думала только о себѣ и о Линарѣ и ей ни разу не пришла въ голову мысль о томъ, что у ней есть такая страшная соперница.

Во всякомъ случаѣ, дѣла не могли идти долго такимъ образомъ: чѣмъ-нибудь нужно было кончить. И Юліана знала, что она долго не вынесетъ, что она, можетъ быть, рѣшится, неожиданно для самой себя, на что-нибудь такое, въ чемъ потомъ будетъ очень раскаяваться. Но явилось одно обстоятельство, помогшее ей, по крайней мѣрѣ, временно отстранить развязку: Линаръ уѣзжаетъ въ Дрезденъ, какъ объ этомъ уже заранѣе было условлено между нимъ и правительницей. Его отъѣздъ назначенъ черезъ два дня.

«Пускай онъ уѣзжаетъ скорѣе! — отчаянно повторяла себѣ Юліана, очнувшись и раздѣваясь: — пускай онъ уѣжаетъ подальше, не то я съ ума сойду».

Она потушила канделябры, прошла въ спальню, почти всю ночь не могла сомкнуть глазъ и все плакала, все металась на постели. Однако, на другое утро она вышла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, по обыкновенію, спокойная и привѣтливая, и, конечно, никто бы не повѣрилъ, если-бъ разсказать, какую страшную ночь провела она.

X.

Анна Леопольдовна день за день откладывала отъѣздъ Линара. Постоянно передавала она и пересылала ему всевозможные и роскошные подарки. Все это онъ принималъ какъ должное, но, наконецъ, и самъ увидѣлъ, что пора ѣхать и именно для того, чтобъ скорѣе окончить всѣ необходимыя дѣла и вернуться обратно въ Петербургъ для новой и счастливой жизни. Теперь ему нечего опасаться за свою участь: во время его отсутствія ничего не можетъ произойти для него дурного, онъ окончательно укрѣпился, онъ никого не боится.

Вернувшись обратно въ Петербургъ и отпраздновавъ свою свадьбу съ Юліаной, онъ начнетъ дѣятельную жизнь, онъ заберетъ все и всѣхъ въ руки и будетъ по своему управлять обширнымъ и невѣдомымъ ему государствомъ. Примѣръ Бирона хоть и не разъ приходилъ ему въ голову, но не пугалъ его. «Тотъ поступалъ глупо, необдуманно, не умѣлъ вѣрно разсчитать, потому и пропалъ,—думалъ Линаръ:—я буду дѣйствовать совсѣмъ иначе». Его окончательно заколдовало это обаяніе власти, которую онъ почувствовалъ въ рукахъ своихъ. Что онъ былъ тамъ,

у себя въ Дрезденѣ, гдѣ на него не обращали почти никакого вниманія! Что это была за жизнь, вся состоявшая изъ мелкихъ и ничтожныхъ интригъ, преслѣдовавшихъ мелкія и ничтожныя цѣли? Вотъ теперь началась жизнь, такъ жизнь!

«Нѣтъ, нечего бояться судьбы Бирона! — успокоивалъ себя Линаръ. — Тотъ во всѣхъ возбуждалъ ненависть, а меня здѣсь такъ всѣ хорошо принимаютъ, такъ любятъ!»

И онъ не могъ догадаться въ своемъ удивительномъ ослѣпленіи, что Бирону показывали постоянно даже гораздо больше любви и уваженія, чѣмъ ему. Онъ, опытный дипломатъ, давно уже забывшій, что такое значитъ искренность, серьезно выслушивалъ льстивыя фразы и не понималъ ихъ настоящую цѣну. Онъ не видѣлъ, какъ сильна въ окружающихъ, даже теперь, къ нему ненависть, онъ видѣлъ только, что играетъ первостепенную роль, что даже самъ Остерманъ, великій Остерманъ, и тотъ призываетъ его на свои тайныя совѣщанія и почтительно выслушиваетъ каждое его слово. А онъ въ послѣднее время говорилъ много, вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла, съ необыкновеннымъ апломбомъ разсуждалъ о такихъ предметахъ, которые въ дѣйствительности были ему вовсе неизвѣстны.

Но какъ ни хороша жизнь здѣсь, все же надо на время отказаться отъ нея, для того, чтобы потомъ полнѣе ею воспользоваться. Нужно ѣхать. Онъ объявилъ Аннѣ Леопольдовнѣ, что выѣзжаетъ завтра, и что это навѣрное, такъ какъ медлить больше нечего: лучше же уѣхать скорѣй, чтобъ скорѣе вернуться.

«Линаръ уѣзжаетъ»!.. Съ этой мыслью проснулась Анна Леопольдовна. Она почти всю ночь не спала: все думала о немъ и плакала. Заснула только подъ утро, но и во снѣ являлся онъ же. Ей представлялось, будто онъ навсегда отъ нея уѣзжаетъ, будто она провожаетъ его въ могилу, будто онъ убитъ...

Вся облитая холоднымъ потомъ, съ невольно вырвавшимся изъ груди ея крикомъ, проснулась она, въ ужасѣ оглянулась, будто боясь и на яву увидѣть его безжизненное тѣло. Но вотъ, наконецъ, пришла въ себя и сообразила, что все это былъ только сонъ, страшный сонъ, и что нечего пугаться.

«Но онъ уѣзжаетъ! уѣзжаетъ сегодня!» — Она поспѣшно стала одѣваться, сердце ея мучительно стучало, на глаза то и дѣло навертывались слезы, которыхъ она даже не имѣла силы скрыть отъ прислуживавшей ей фрейлины.

Раньше обыкновеннаго вышла принцесса изъ своей спальни и стала поджидать друга.

Каждая минута казалась ей часомъ; наконецъ, Линаръ пріѣхалъ проститься съ нею.

Но, вѣдь, того и жди не дадутъ имъ хорошенько проститься,

побыть наединѣ въ послѣднія минуты. Вотъ такъ и есть: являются ненужные люди, но которымъ отказать невозможно, является и самъ принцъ Антонъ.

Онъ любезно здоровается съ Линаромъ. Вообще, въ послѣднее время онъ держитъ себя очень осторожно, изо всѣхъ силъ старается не сталкиваться съ женою въ какомъ нибудь непріятномъ разговорѣ. Онъ такъ измѣнился, онъ такъ спокоенъ и важенъ, что Аннѣ Леопольдовнѣ не разъ приходила мысль, ужъ не затѣялъ-ли онъ чего нибудь противъ нея.

«Да гдѣ-жъ ему! И что онъ можетъ?»—успокоивала она себя и отгоняла подобныя мысли.

— Итакъ, вы ѣдете, графъ?—сказалъ принцъ Антонъ, пожимая руку Линару.—Дай Богъ, чтобъ мы встрѣтились снова при хорошихъ обстоятельствахъ, чтобъ эта война обратилась въ нашу пользу и, главное, чтобъ мы всѣ вполнѣ успокоились относительно извѣстной особы.

Подъ извѣстною особой подразумѣвалась цесаревна Елизавета.

— Отъ извѣстной особы было бы легко отдѣлаться, если-бъ захотѣли слушаться моихъ совѣтовъ,—отвѣтилъ Линаръ.—Я еще вчера у графа Остермана доказывалъ необходимость рѣшительнаго и немедленнаго поступка съ нею. Что она принимаетъ участіе въ шведскихъ дѣлахъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; слѣдовательно, нужно подвергнуть допросу ее и всѣхъ къ ней приближенныхъ. Я совершенно увѣренъ, что подобный допросъ, если и не раскроетъ прямо всего, то, во всякомъ случаѣ, наведетъ на слѣдъ весьма важныхъ открытій. Я не говорю, что съ нею нужно поступить очень жестоко, нѣтъ, зачѣмъ же! Основываясь на томъ, что она принимаетъ участіе въ проискахъ враговъ Россіи, ее необходимо заставить формально отречься отъ престола. Народъ ничего не можетъ сказать противъ этого: особа, подстрекающая чуждое государство на войну съ Россіей, не можетъ разсчитывать на симпатіи своихъ соотечественниковъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣетъ права царствовать надъ ними.

— Конечно, конечно, вы правы! — быстро перебилъ принцъ Антонъ. — И если-бъ только отъ меня зависѣло, я непремѣнно послѣдовалъ бы вашему совѣту. Но, дѣло въ томъ, что другіе не понимаютъ и сами навязываются на страшныя опасности.

Онъ взглянулъ на жену: что она скажетъ?

Анна Леопольдовна сидѣла блѣдная, съ покраснѣвшими и опухшими отъ слезъ глазами.

— Нѣтъ, ничего этого нельзя сдѣлать,—тихо и печальнымъ голосомъ проговорила она.—Если-бъ мы и избавились отъ нея, то все-же это ни къ чему не повело-бы, опасность не уменьши-

лась-бы: развѣ тамъ, въ Голштиніи, не живетъ чертенокъ?—припомнила она выраженіе покойной императрицы:—Онъ всегда будетъ мѣшать нашему спокойствію.

И проговоривъ это, Анна Леопольдовна сейчасъ-же забыла и о чертенкѣ, и о цесаревнѣ, и о всей Россіи. Какое ей дѣло до всѣхъ этихъ опасеній въ такую ужасную минуту: «онъ уѣзжаетъ, чего-жъ это они всѣ здѣсь? Чего не уходятъ? Вѣдь, не могу-же я такъ съ нимъ проститься?»

Но заставить всѣхъ выйти не было никакой возможности.

Анна Леопольдовна взглянула на Юліану; та сидѣла неподвижно тоже вся блѣдная, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Воспользовавшись оживленнымъ разговоромъ, завязавшимся между присутствовавшими, Анна Леопольдовна подошла къ ней и шепнула:

— Выйди и вызови его къ себѣ: у тебя мы простимся.

Юліана поднялась машинально и, остановившись посреди комнаты, обратилась къ Линару:

— У меня очень голова болитъ,—сказала она глухимъ голосомъ.—Когда вы будете свободны, придите проститься.

Линаръ взглянулъ на нее, поразился ея блѣдностью, страннымъ выраженіемъ лица ея.

— Иду слѣдомъ за вами, дорогая Юліана,—проговорилъ онъ.

Она, почти шатаясь, вышла изъ комнаты.

— Вотъ какъ васъ любитъ ваша невѣста,—неестественно смѣясь, сказалъ принцъ Антонъ.—Ее просто не узнать сегодня, такъ она огорчена разлукой съ вами.

Линаръ ничего не отвѣтилъ на это, а Анна Леопольдовна вспыхнула и закусила губы.

Она подошла къ Линару и сказала:

— У меня есть дѣло, и я должна теперь съ вами проститься. Желаю вамъ счастливаго пути, возвращайтесь скорѣе.

Линаръ почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку и правительница вышла.

Передъ посторонними она еще сдерживалась, но когда появилась въ будуарѣ Юліаны, обойдя корридорами, соединявшими ея покои съ покоями фрейлины Менгденъ, ужъ не была въ силахъ владѣть собою. Слезы градомъ полились изъ глазъ ея, она упала въ кресло и рыдала до тѣхъ поръ, пока въ комнату не вошелъ Линаръ.

При его входѣ Юліана вышла и заперла за собою дверь.

Онъ остановился передъ Анной Леопольдовной. Ему было неловко: эти слезы и рыданія казались ему излишними. Самъ онъ неособенно скорбѣлъ отъ предстоявшей разлуки—его чув-

ство къ Аннѣ Леопольдовнѣ подогрѣвалъ искусственно. Когда-то, въ первое своего пребыванія въ Россіи, онъ, дѣйствительно, искренно увлекся пятнадцатилѣтней дѣвочкой, глядѣвшей на него влюбленными глазами, но теперь эта черезчуръ сентиментальная привязанность ему начинала надоѣдать порядкомъ.

— Успокойтесь, ради Бога,—заговорилъ онъ, наконецъ, цѣлуя руку Анны Леопольдовны.—Право, можно подумать, что мы разстается навсегда. Вѣдь, я вернусь скоро, и не замѣтите какъ пройдетъ это время.

— Да мнѣ все такіе страшные сны снятся,—сквозь рыданія прошептала принцесса.—У меня ужъ не первый день все какое-то предчувствіе, оно меня мучаетъ, не даетъ мнѣ покоя: мнѣ все кажется, что вы не вернетесь, что мы никогда не увидимся. Боже мой! мало-ли что можетъ быть! Кто поручится, что дороги безопасны? Путешествіе такое длинное... Достаточно-ли людей съ вами?

— Относительно этого не безпокойтесь—я вполнѣ убѣжденъ, что доѣду благополучно.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, онъ всѣми мѣрами старался ее успокоить, но это ему не удавалось. Она все рыдала, все повторяла о своихъ предчувствіяхъ, такъ что, наконецъ, ему сдѣлалось невыносимымъ это свиданіе.

— Пора! Пора намъ разстаться,—сказалъ онъ:—я и такъ опоздалъ, меня давно ждутъ... надо уѣзжать.

— Какъ? ужъ уѣзжать!..—почти безумнымъ голосомъ—проговорила она.

— Что-жъ дѣлать!—онъ опустилъ глаза и протянулъ ей руки.

Вся обливаясь слезами, рыдая и произнося несвязныя фразы, простилась она съ нимъ и, чувствуя, что такъ не будетъ въ силахъ отпустить его, выбѣжала изъ комнаты.

Онъ остался одинъ и ждалъ Юліану.

Вотъ она вошла въ будуаръ и тихо къ нему приблизилась.

Онъ взглянулъ на нее.

Какое странное лицо! Она никогда еще не была такая. Она глядитъ на него неотрываясь и ему жутко становится отъ этого взгляда.

— Прощайте, Юліана,—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

Она дала ему свою.

Ея рука была холодна и дрожала.

Вдругъ она отшатнулась отъ него, блеснула передъ нимъ глазами. Что-то мгновенно, какъ будто какая-то электрическая искра, пробѣжала по ней.

Прошло нѣсколько мгновеній, они не говорили ни слова... Она ступила шагъ впередъ, положила ему на плечи руки и

задыхающимся голосомъ, едва шевеля пересохшими губами, прошептала:

— Линаръ, увезите меня съ собою... ѣдемъ вмѣстѣ! Никогда не вернемся сюда... забудемъ все... Тамъ, гдѣ нибудь, мы будемъ счастливы!

Ему показалось, что она сошла съ ума. А она все не выпускала его и продолжала впиваться въ него горящими глазами и шептала:

— Линаръ... одно слово... говорите!

— Успокойтесь, Юліана; я не понимаю что съ вами!.. что вы говорите?! Или вы смѣетесь надо мною! Но зачѣмъ провожать меня такой шуткой?

— Шуткой!!!—отчаянно вскрикнула она и, пошатнувшись, безъ чувствъ упала на полъ.

Ея крикъ услышали въ сосѣднихъ комнатахъ. Сбѣжались служанки и кое-какъ привели ее въ чувство.

Линаръ, смущенный, начинавшій понимать въ чемъ дѣло, но все еще не совсѣмъ вѣрящій этой неожиданной для него догадкѣ, стоялъ не шевелясь, пока не увидѣлъ, что она пришла въ себя. Тогда онъ тихонько вышелъ изъ комнаты и поспѣшилъ къ себѣ домой, гдѣ ужъ давно дожидался приготовленный для его путешествія поѣздъ.

XI.

Принцъ Антонъ и Остерманъ очень радовались отъѣзду Линара, думали, что теперь имъ станетъ свободнѣе и легче, что они успѣшнѣе начнутъ достигать исполненія своихъ плановъ.

Они побаивались Линара, какъ человѣка далеко не глупаго, энергичнаго и проницательнаго, — съ его отъѣздомъ они избавлялись отъ зоркихъ глазъ, слѣдившихъ за ихъ дѣйствіями.

Теперь, думали они, отъ вниманія правительницы будетъ ускользать многое. что не могло ускользнуть отъ Линара. Принцъ Антонъ рѣшилъ, что необходимо, пользуясь обстоятельствами, поторопить со днемъ торжества своего и устроить такъ, чтобы Линаръ никогда и не возвратился.

Но и принцъ Антонъ, и Остерманъ ошибались. Ихъ дѣло не подвигалось ни на шагъ, какъ ни старался, какъ ни хитрилъ и ни изловчался старый оракулъ. У нихъ не составлялось партіи, они оставались одинокими.

Только люди, жившіе въ послѣднее время вдали отъ Петербурга, продолжали считать Андрея Ивановича всемогущимъ и назы-

вать его царемъ всероссійскимъ; тѣ-же, кто былъ поближе, кто принималъ участіе въ дворцовой жизни, видѣли, что старый Остерманъ не только что не устроилъ себѣ твердаго положенія, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе держится. Конечно, онъ попрежнему рѣшаетъ самыя важныя государственныя дѣла, попрежнему ему поручаются самыя серьезныя работы, но и только. Настоящей силы у него нѣтъ, потому что эта сила можетъ произойти только изъ близкихъ отношеній къ правительницѣ. а правительница не только не дружна съ нимъ, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отъ него отстраняется. Она знаетъ, ей давно это ужъ внушено и Линаромъ, и другими, что Остерманъ составляетъ теперь нѣчто нераздѣльное съ ея мужемъ, и, конечно, она вслѣдствіе этого не можемъ довѣрять ему.

Все что есть русскаго, все это ненавидитъ Остермана; нѣмецкая партія тоже отъ него отшатнулась и примыкаетъ къ правительницѣ и ея приближеннымъ. И что всего страннѣе, что всего непонятнѣе, это то, что Остерманъ несовсѣмъ понимаетъ свое положеніе, что онъ все еще надѣется на возможность благополучнаго и скораго устройства дѣлъ принца Антона.

Между тѣмъ противъ Андрея Ивановича ведутся всякаго рода интриги, мелкіе заговоры даже со стороны такихъ людей, которыхъ подозрѣвать ему и въ голову не приходитъ.

Андрей Ивановичъ сидитъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, пишетъ бумагу за бумагой. Потомъ принимаетъ принца Антона, толкуетъ съ нимъ, строитъ планы, ободряетъ его. А въ это время у архіерея Амвросія Юшкевича, занявшаго въ Синодѣ мѣсто покойнаго знаменитаго Ѳеофана Прокоповича, ведется оживленный разговоръ объ Андреѣ Ивановичѣ.

Собесѣдникъ архіерея—дѣйствительный статскій совѣтникъ Темирязевъ.

Темирязевъ этотъ—человѣкъ не Богъ знаетъ какой, и не Богъ знаетъ какъ способный; напротивъ того, совсѣмъ это робкій человѣкъ, думающій только о томъ, какъ бы самому удержаться, какъ бы не попасть въ какую-нибудь непріятную исторію, не нажить себѣ бѣдъ и хлопотъ въ теперешнее тяжелое время, когда не знаешь съ кѣмъ дружить, отъ кого отдаляться.

Темирязевъ часто посѣщаетъ архіерея, съ которымъ знакомъ уже долгіе годы. Сидятъ они теперь за скромнымъ, но вкуснымъ ужиномъ и толкуютъ о дѣлахъ политическихъ, о начавшейся войнѣ съ шведами.

— А кто во всемъ виноватъ?—говоритъ архіерей.—Все онъ же— Остерманъ. Многія неправды творитъ въ государствѣ купно съ супругомъ правительницы... и война эта его же рукъ дѣло. Я на него многократно государынѣ говаривалъ, только ничего

изъ этого не выходитъ. Невредимъ онъ остается, ничто нельнетъ къ нему...

— Да и манифестъ о правленіи Анны Леопольдовны, вѣдь, тоже онъ сочинилъ,—замѣчаетъ Темирязевъ.

— Какъ же, онъ, онъ, конечно! Онъ же и регенту помогалъ. Все что ни творится, все отъ него исходитъ, а самъ сухъ изъ воды выбирается...

Темирязевъ сдѣлалъ глубокомысленную физіономію.

— Смотрите, преосвященный, вотъ вы говорите про регента, а, вѣдь, онъ регента сверсталъ съ правительницей.

— Какъ такъ? Что ты?—оживился архіерей:—Это интересно! Постой, пойду принесу манифестъ...

И преосвященный, съ живостью, несвойственной его лѣтамъ и положенію, чуть не выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ манифестомъ.

— Покажи, ради Бога, въ которой рѣчи онъ сіе сверстаніе учинилъ?

Темирязевъ раскрылъ манифестъ, нашелъ мѣсто, прочелъ, и точно: вышло, что по смыслу манифеста, Анна Леопольдовна должна править на томъ же основаніи, какъ и Биронъ.

— Возьми вотъ перо,—сказалъ архіерей:—да поставь черту противъ этихъ словъ, чтобы я не забылъ, а то я что-то сталъ безпамятливъ.

Темирязевъ провелъ черту.

— Ну вотъ такъ, хорошо!—замѣтилъ архіерей.— Завтра-же пойду съ этимъ манифестомъ къ государынѣ правительницѣ и покажу ей, что все это подлинно Остермана дѣло.

Потолковавъ еще немного, Темирязевъ простился съ Юшкевичемъ, а дня черезъ два снова къ нему заѣхалъ узнать, какъ идетъ это дѣло.

— Да что дѣло... идетъ дѣло, только не больно шибко,— отвѣтилъ преосвященный.—Доносилъ я государынѣ обо всемъ: изволила сказать, что очень этимъ всѣмъ обижена, да не только тѣмъ, что съ регентомъ ее сверстали, а и тѣмъ, что дочерей ея обошли. Только я ждалъ, что она будетъ говорить объ Остерманѣ, а она молчитъ, говорю тебѣ: не льнетъ къ нему ничто, да и полно! Такую силу дали. Вотъ есть книга у насъ, «Камень вѣры», чай, знаешь?

Темирязевъ кивнулъ головою.

— Ну, такъ вотъ эту книгу онъ взялъ да и запечаталъ, и сколько разъ просилъ я государыню, чтобы распечатать приказала ту книгу, а до сихъ поръ ничего не могъ добиться. Мѣшаетъ онъ мнѣ, или самъ, или черезъ принца, да и какъ не мѣшать, посуди ты! Онъ намъ всякія каверзы готовъ дѣлать, по-

тому мы ему противны: не нашего онъ закона. На все россійское духовенство онъ аки левъ лютый рыкаетъ, безбожникъ! Только нѣтъ, такъ все это оставить невозможно. Скажи ты мнѣ, знаетъ ли тебя фрейлина Менгденова? Она въ очень великой у государыни милости, черезъ нее все можно оборудовать...

— Нѣтъ, не знаетъ она меня,—отвѣтилъ Темирязевъ.

— Ну, это все равно, а ты все-же поди къ ней, худого отъ этого не будетъ,—продолжалъ Амвросій:—поди къ ней не мѣшкая и разскажи про манифестъ, про то, какъ сравнена великая княгиня съ регентомъ и ту рѣчь покажи, что у меня отмѣтилъ. И подкрѣпи ей, что все это дѣло Остермана; можетъ, она будетъ великой княгинѣ на него представлять и та насъ не послушаетъ, а ее послушаетъ.

Темирязевъ задумался: не въ его характерѣ было въ такія дѣла впутываться. Но онъ находился подъ вліяніемъ Амвросія и тотъ, наконецъ, такъ сумѣлъ уговорить его, что онъ рѣшился повидаться съ Юліаной и толковалъ только объ одномъ, что нужно это сдѣлать тайно, чтобы никто не могъ провѣдать объ этомъ свиданіи.

— Все это можно, — сказалъ архіерей: — я пошлю съ тобой моего келейника, онъ тебѣ покажетъ крыльцо, откуда ты прямо можешь пройти къ самой спальнѣ фрейлины.

Такъ и сдѣлали. Темирязевъ отправился со служкой, и Юліана, ужъ давно привыкшая ко всевозможнымъ интригамъ, таинственности и неожиданнымъ посѣщеніямъ, немедленно приняла его.

Онъ былъ очень смущенъ неловкостью своего положенія, началъ заикаясь и со всевозможными отступленіями объяснять фрейлинѣ, въ чемъ дѣло.

Но она почти съ первыхъ же словъ его перебила:

— У насъ все это есть, мы все знаемъ, — сказала она, а затѣмъ и отправилась къ правительницѣ.

Темирязевъ въ смущеніи дожидался. Она вернулась черезъ нѣсколько минутъ и сказала ему, чтобъ онъ сходилъ къ Головкину и спросилъ его отъ имени Анны Леопольдовны: написалъ-ли онъ то, что ему было приказано и если написалъ, то привезъ-бы. Самъ же Темирязевъ долженъ былъ показать Головкину манифестъ и, выслушавъ, что на это скажетъ, вернуться обратно.

Робкій дѣйствительный статскій совѣтникъ, неожиданно попавшій въ дѣятели и заговорщики, и радъ былъ-бы отъ всего отказаться, вернуться преспокойно домой, но уже сдѣлать это было невозможно и онъ отправился къ Головкину.

Тотъ взялъ манифестъ, прочелъ и сказалъ:

— Мы про это давно вѣдаемъ. Я государынѣ объ этомъ до-

носилъ обстоятельно, а написано или нѣтъ то, что мнѣ приказано—такъ скажи ты фрейлинѣ, что я самъ завтра буду во дворецъ.

Съ этимъ отвѣтомъ Темирязевъ направился къ Юліанѣ.

Тѣми же таинственными путями вошелъ онъ въ ея будуаръ, и оторопѣлъ: передъ нимъ очутилась не Юліана, а сама правительница.

— Что съ тобой говорилъ Михайло Гавриловичъ?—сразу спросила Анна Леопольдовна, почти не отвѣтивъ на его поклонъ.

Темирязевъ передалъ ей слова Головкина.

— Мнѣ не такъ досадно,—снова заговорила принцесса:—что меня сверстали съ регентомъ, досадно то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли. Поди ты напиши такимъ манеромъ, какъ пишутся манифесты, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станетъ и братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству. Въ другомъ манифестѣ напиши, что если такимъ же образомъ государя не станетъ, то чтобы наслѣдницей быть мнѣ.

Темирязевъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, весь даже похолодѣлъ отъ ужаса.

Вотъ къ чему привели его эти дружескія бесѣды съ архіереемъ. Потолковать за ужиномъ о злостныхъ дѣйствіяхъ Остермана онъ могъ, и даже съ удовольствіемъ, пожелать этому Остерману всего дурного, тоже было дѣломъ нетруднымъ, но вдругъ самому писать манифесты, да еще и не одинъ, а два—это ужъ совсѣмъ другое!

— Да какъ же я, ваше высочество, писать буду?!—прошепталъ онъ, не смѣя взглянуть на Анну Леопольдовну.

— Какъ писать будешь?!—воскликнула она.—А такъ, какъ всегда это пишется. Что-жъ тутъ такого? Чего ты боишься? Вѣдь, ты присягалъ государю, присягалъ, что будешь мнѣ послушенъ?

— Присягалъ,—заикаясь, отвѣтилъ Темирязевъ.

— Ну, такъ если присягалъ, то и помни присягу, поди и сдѣлай, какъ я говорю тебѣ, а сдѣлавъ, отдай фрейлинѣ. Только никому, какъ есть никому не моги и заикнуться объ этомъ, помни о головѣ своей!—закончила Анна Леопольдовна довольно грозно и вышла изъ комнаты.

Темирязевъ сталъ было дожидаться Юліаны, чтобы какъ-нибудь выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія, упросить ее, чтобъ съ него снято было такое неожиданное и тяжкое порученіе.

Но сколько онъ ни ждалъ, фрейлина не показывалась.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ дворца и направился къ себѣ, рѣшительно не зная, какъ будетъ писать эти манифесты. Самъ онъ

манифестовъ ни за что писать не сумѣетъ, слѣдовательно, нужно обратиться къ какому-нибудь способному на то человѣку.

Онъ, не долго разсуждая, свернулъ въ сторону, отправился къ секретарю иностранной коллегіи Познякову и, предварительно взявъ съ него самыя страшныя клятвы въ сохраненіи тайны, разсказалъ ему въ чемъ дѣло и умолялъ выручить его, ради Бога.

— Что же тутъ дѣлать! —отвѣчалъ Позняковъ.— Не робѣй, нынче много непорядковъ происходитъ. Да коли это приказано отъ правительницы, то сдѣлать надобно.

— Сдѣлай ты, напиши, пожалуйста!—упрашивалъ Темирязевъ.

— Хорошо, для друга готовъ, напишу, и вчернѣ завезу къ тебѣ.

Позняковъ сдержалъ слово: въ ту же ночь пріѣхалъ съ манифестами, а Темирязевъ немедленно отвезъ ихъ Юліанѣ.

Этимъ покуда роль его и кончилась.

Правительница оставила манифесты у себя, на другой день призвала Остермана и спросила его: какимъ образомъ случилось, что въ учрежденіи о наслѣдствѣ не упомянуто о принцессахъ, которыя всегда бываютъ въ Россіи наслѣдницами за неимѣніемъ принцевъ?

И спросила это она такимъ тономъ, по которому Остерманъ долженъ былъ сразу заключить, что она считаетъ его главнымъ виновникомъ этого обиднаго для нея упущенія.

— Это нужно исправить, — продолжала правительница: — да, непремѣнно подумайте, какъ бы это исправить! Вонъ ужъ приходилъ ко мнѣ Темирязевъ и объявилъ, что объ этомъ и въ народѣ толкуютъ.

Остерманъ сказалъ, что подумаетъ, и на другой день прислалъ Аннѣ Леопольдовнѣ письмо такого содержанія:

«Понеже то извѣстное дѣло важно, то не прикажете-ли о томъ съ другими посовѣтывать, а именно съ княземъ Черкаскимъ и архіереемъ новгородскимъ».

Правительница отвѣтила ему тоже письменно, что кромѣ этихъ лицъ надо призвать къ совѣщанію и графа Головкина, потому-что это дѣло отъ него происходитъ.

Остерманъ послалъ за Головкинымъ. Они потолковали и рѣшили собраться снова вмѣстѣ съ Черкаскимъ и Амвросіемъ Юшкевичемъ.

Но неожиданно и быстро надвигавшіяся событія помѣшали имъ исправить это «упущеніе въ манифестѣ»...

Война со шведами продолжалась и началась для русскихъ успѣшно: шведы разбиты были при Вильманштрандѣ.

Во дворцѣ ликовали. Приверженцы Елизаветы опустили головы и сама она впала въ тяжкое раздумье.

— Что-жъ это за союзники!—говорила она своимъ прибли-

женнымъ.—Что-жъ это намъ за помощь! Нолькенъ обманулъ, ровно ничего не сдѣлалъ, что обѣщалъ—герцога Голштинскаго нѣтъ при шведской арміи, нѣтъ манифеста, что шведы дѣйствуютъ въ пользу потомства Петра Великаго. А безъ этого манифеста, конечно, наши будутъ идти впередъ и побѣждать...

Елизавета послала Лестока къ маркизу де-ла-Шетарди узнать отъ него всѣ подробности о Вильманштрандской битвѣ.

Шетарди отвѣчалъ, что тревожиться пока нечего и ужъ вовсе не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе отъ первой неудачи. Шведовъ было мало и къ тому же весьма трудно сдѣлать сразу все, что было условлено съ Нолькеномъ.

— Пусть лучше принцесса сама дѣйствуетъ теперь энергично,—сказалъ Шетарди Лестоку.

— Мы не спимъ,—отвѣтилъ на это Лестокъ:—но одни, сами собою, ничего не въ силахъ сдѣлать безъ помощи Швеціи. Нужно, чтобы толчекъ былъ данъ русскому народу. Устройте такъ, чтобы былъ изданъ манифестъ. Попросите короля убѣдить Швецію, чтобы въ ея войскѣ явился герцогъ Голштинскій. Прощаясь съ офицерами и солдатами, отправляющимися въ Финляндію, принцесса увѣряла ихъ, что герцогъ будетъ въ войскѣ и упрашивала, чтобъ не убивали, по крайней мѣрѣ, ея племянника. Еслибъ вы знали, какъ это было принято офицерами и солдатами! И вдругъ теперь они узнаютъ, что герцога Петра нѣтъ, что передъ ними только непріятель!

Шетарди обѣщалъ не откладывая исполнить все по желанію Елизаветы, и въ то же время замышлялъ относительно нея и еще одно дѣло.

Ему поручили изъ Версаля предложить ей въ женихи принца Конти.

Шетарди пріѣхалъ толковать съ цесаревной объ этомъ бракѣ.

— Вы должны быть увѣрены,—отвѣтила ему Елизавета:—что я не выйду замужъ и не могу слушать подобнаго предложенія ужъ даже потому, что съ моей стороны было бы очень неблагоразумно обижать правительницу и ея мужа: я только что отвергла довольно глупое предложеніе, сдѣланное мнѣ братомъ принца Антона. Я удивляюсь, право, какъ наконецъ не надоѣстъ всѣмъ до сихъ поръ предлагать мнѣ жениховъ. Вотъ и женой персидскаго шаха хотятъ меня сдѣлать, но я смотрю на всѣ эти предложенія, какъ на не ведущія ни къ чему и обидныя для меня шутки.

Послѣ такихъ словъ, конечно, Шетарди не могъ ничего прибавить и поспѣшилъ вернуться къ себѣ, чтобы сообщить о неуспѣхѣ этого дѣла двору своему.

Вообще, положеніе маркиза день ото дня становилось все за

труднительнѣе: всѣ на него косились, избѣгали разговоровъ съ нимъ, многіе едва кланялись. Появляясь во дворцѣ онъ испытывалъ большую неловкость, видя, что всѣ, начиная съ правительницы, тяготятся его присутсвіемъ и если до сихъ поръ еще не позволяютъ себѣ съ нимъ дерзостей, то единственно только вслѣдствіе его общественнаго положенія.

Дѣйствительно, Остерманъ, въ одно изъ послѣднихъ свиданій своихъ съ правительницей, объявилъ ей о необходимости удаленія Шетарди, и Анна Леопольдовна нисколько не возражала противъ этого.

Остерманъ тотчасъ же написалъ русскому послу во Франціи, Кантеміру.

«Поступки Шетарди,—писалъ онъ:—такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда. Только это нужно исходатайствовать такимъ образомъ, чтобы французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастіи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому, надобно поступить въ этомъ дѣлѣ, смотря по тамошней склонности, министерскому нраву и обращенію дѣлъ, и притомъ на ваше благоразсужденіе оставляю, не можете ли черезъ то благосклонное къ вамъ лицо, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству между прочимъ искусно внушить, что поступки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ. И что вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно, безъ явнаго озлобленія.»

Результатъ этого письма такъ же опоздалъ, какъ и манифестъ о правахъ на россійскій престолъ еще не родившихся сыновей и дочерей Анны Леопольдовны.

XII.

Цесаревна Елизавета ожидала новыхъ извѣстій съ театра войны и въ то же время поручала Лестоку и своему старому учителю музыки, Шварцу, раздавать деньги гвардейскимъ солдатамъ.

Она чувствовала, что теперь приблизилось роковое время и желала только одного, чтобы сигналъ къ перевороту поданъ былъ изъ войска, чтобы ей, съ ея петербургскими приверженцами, не нужно было начинать первой.

Однако, несмотря на эту рѣшимость и осторожность, которыя противились всѣмъ убѣжденіямъ окружающихъ, цесаревна ужъ далеко не была такою робкою, какъ прежде. Она окончательно убѣдилась въ слабости правительства и иной разъ не сдерживалась, позволяла себѣ такого рода поступки, отъ которыхъ прежде бы непремѣнно воздержалась.

Не въ ея характерѣ было ненавидѣть даже враговъ своихъ, но изъ числа ихъ она все же выдѣляла Остермана—самаго стараго, самаго заклятаго недруга—и къ нему въ ней постоянно было злобное чувство, съ которымъ она не могла справиться. Все готова она была простить, кромѣ неблагодарности, а неблагодарность Остермана переходила всякіе предѣлы. Онъ всѣмъ своимъ положеніемъ, всѣмъ своимъ счастіемъ былъ обязанъ ея отцу и матери, и неустанно преслѣдовалъ ее, ихъ любимую дочь.

Онъ и теперь наносилъ ей всевозможныя оскорбленія и почти каждый день то тѣмъ, то другимъ напоминалъ о себѣ и приводилъ ее въ негодованіе.

Вотъ персидскій посланникъ привезъ дары всѣмъ членамъ царскаго семейства и лично желалъ вручить ихъ, но Остерманъ не допустилъ его до цесаревны.

Эти дары привезли ей гофмаршалъ Минихъ и генералъ Апраксинъ.

Елизавета вышла къ нимъ блѣдная, со сверкающими глазами, такая разгнѣванная и величественная, что они ее почти не узнали.

— Скажите графу Остерману,—произнесла она повелительнымъ голосомъ:—онъ мечтаетъ, что можетъ всѣхъ обманывать, но я знаю очень хорошо, что онъ старается унизить меня при всякомъ удобномъ случаѣ, что по его совѣту приняты противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня и не подумала-бы по добротѣ своей. Онъ забываетъ, кто я и кто онъ! Забываетъ, чѣмъ обязанъ моему отцу, который изъ писарей сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ теперь! Но скажите ему, да, скажите ему, что я-то никогда не забуду о томъ, что получила отъ Бога и на что имѣю право по моему происхожденію!

И цесаревна, едва кивнувъ головой Миниху и Апраксину, удалилась въ свои внутреннія комнаты.

Этотъ поступокъ ея, конечно, сейчасъ же былъ всѣмъ разсказанъ и произвелъ большое впечатлѣніе.

Иностранные резиденты немедленно передали о немъ своимъ дворамъ: принцъ Антонъ помчался къ Остерману...

Но ничего непріятнаго изъ всего этого не вышло для цесаревны. Несмотря на всю ненависть, которую къ ней чувствовали нѣкоторые, всѣ, начиная съ Остермана, очень хорошо понимали,

что уничтожить ее, въ особенности теперь, пока еще неизвѣстно, чѣмъ кончится война со Швеціей, болѣе чѣмъ опасно. Къ тому же въ послѣднее время всѣ находились въ какомъ-то странномъ лихорадочномъ состояніи: это было что-то въ родѣ общаго бреда. Никто ничего не видѣлъ ясно и стремился къ своей цѣли такими путями, которые могли не приблизить, а только отдалить отъ этой цѣли.

Наконецъ, маркизъ де-ла-Шетарди привезъ цесаревнѣ манифестъ, изданный шведскимъ главнокомандующимъ, графомъ Левенгауптомъ, и предназначенный для «достохвальной русской націи».

Цесаревна жадно принялась читать манифестъ. Въ немъ говорилось о томъ, «что шведская армія вступила въ предѣлы Россіи единственно съ цѣлью получить удовлетвореніе за многія неправды, причиненныя шведской коронѣ иностранными министрами, господствовавшими надъ Россіею въ прежніе годы, для полученія необходимой шведамъ безопасности на будущее время и для освобожденія русскаго народа отъ невыносимаго ига и жестокостей, которыя позволяли себѣ тѣ министры, черезъ что многіе потеряли собственность, жизнь, или сосланы въ заточеніе. Король шведскій намѣревается избавить русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираніи и предоставить ей свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнью и имуществомъ, а со шведами сохранить доброе сосѣдство. Но этого достигнуть невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, для собственныхъ цѣлей и по своему произволу, будутъ властвовать надъ русскими и ихъ сосѣдями союзниками. Вслѣдствіе такихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, всѣ русскіе должны и могутъ соединиться со шведами и какъ друзья отдаваться сами и съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія».

Елизавета благодарила Шетарди, ея приближенные по нѣскольку разъ перечитывали манифестъ. Всѣ ликовали, надѣялись, что теперь уже не далеко до полнаго торжества.

При дворѣ этотъ манифестъ произвелъ очень тревожное впечатлѣніе.

Принцъ Антонъ перечитывалъ его съ Остерманомъ и Левенвольде и наивно разсуждалъ о томъ, что «о чужестранныхъ здѣсь весьма противно написано, и что это не до однихъ чужестранныхъ касается, но и до принцессы Анны и всей фамиліи».

— Что же теперь дѣлать?—испуганно спросилъ онъ Остермана.

— А другого дѣлать нечего,—отвѣчалъ оракулъ:—какъ взять лучшія военныя предосторожности и приказать, что гдѣ такіе манифесты появятся, въ народѣ ихъ отнюдь не разглашать, а собирать въ кабинетъ.

— А вы, графъ,—обратился онъ къ Левенвольду:—немедленно доложите обо всемъ этомъ правительницѣ.

Левенвольде отправился къ Аннѣ Леопольдовнѣ; но та уже знала про манифестъ и прямо начала съ этого.

Левенвольде передалъ ей о томъ, что говорилъ Остерманъ.

Она кивнула головою.

— Хорошо,—сказала она:—пусть будетъ такъ сдѣлано. Да, манифестъ этотъ очень остро писанъ,—прибавила она и замолчала.

Черезъ минуту она уже и думать позабыла объ этомъ дѣлѣ—не тѣмъ совсѣмъ заняты были ея мысли. Она страшно тосковала, посылала письмо за письмомъ въ Дрезденъ, да и кромѣ того, была встревожена болѣзненнымъ состояніемъ друга своего, Юліаны.

Юліана, съ самаго дня отъѣзда Линара, сказывалась больною, была необыкновенно раздражительна и иногда безъ всякаго видимаго повода вдругъ заливалась слезами или истерически смѣялась.

Анна Леопольдовна не могда догадаться о дѣйствительной причинѣ этого страннаго, нервнаго состоянія, почти не отходила отъ своего друга и насильно заставляла ее принимать лекарства, прописываемыя докторомъ...

Прошло нѣсколько дней. 23-го ноября былъ куртагъ во дворцѣ; съѣхалось довольно много народу.

Между присутствовавшими находилась и цесаревна, и маркизъ де-ла-Шетарди. Маркизъ имѣлъ скучающій и даже озлобленный видъ, онъ чувствовалъ, что положеніе его очень шатко и даже опасно.

«Того и жди, еще отравятъ,—думалъ онъ:—отъ этихъ варваровъ всего ожидать можно!..»

Онъ медленно переходилъ изъ комнаты въ комнату, почти ни съ кѣмъ не останавливаясь и не разговаривая, такъ какъ давно замѣтилъ, что всѣ отдѣлываются отъ него подъ всевозможными предлогами. Ему оставалось только наблюдать, но пока для наблюденій не представлялось ничего интереснаго.

Онъ замѣтилъ только, что Анна Леопольдовна на этотъ разъ въ какомъ-то видимомъ возбужденіи.

Вотъ она встала со своего мѣста и нѣсколько разъ скоро прошлась по комнатѣ, потомъ вдругъ подошла къ цесаревнѣ.

Маркизъ разслышалъ:

«Сестрица, мнѣ нужно поговорить съ вами, прошу васъ слѣдовать за мною».

Елизавета, встревоженная и изумленная, послѣдовала за правительницей.

Онѣ прошли нѣсколько комнатъ и остановились.

— Да, мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами,—повторила Анна Леопольдовна.—Тамъ (она указала на пріемныя комнаты) есть одинъ человѣкъ, котораго и впускать бы не слѣдовало—это французъ маркизъ. Намъ теперь доподлинно извѣстны всѣ его неблаговидные поступки и я едва удерживаю себя, чтобы не отнестись къ нему такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Но дольше выносить его и тяжело для меня и опасно. Я уже отправила королю просьбу о томъ, чтобы его отозвали изъ Петербурга.

— Но зачѣмъ-же вы мнѣ все это говорите?—спросила Елизавета.—Вы знаете, что я такъ далеко стою отъ всѣхъ дѣлъ...

— Я говорю это вамъ,—перебила ее правительница:—для того, чтобъ предупредить васъ и просить не принимать больше этого человѣка.

— Какъ-же я могу это сдѣлать?—замѣтила Елизавета.—Мнѣ это очень трудно. Конечно, можно разъ-другой отказать ему подъ тѣмъ предлогомъ, что меня нѣтъ дома, но въ третій разъ ужъ не откажешь: это будетъ черезчуръ невѣжливо и ясно. Вотъ вчера, напримѣръ, маркизъ подъѣхалъ къ моему дому въ ту самую минуту, какъ я выходила изъ саней и входила къ себѣ...

Яркая краска вспыхнула на щекахъ Анны Леопольдовны; она взглянула на свою собесѣдницу съ видимымъ раздраженіемъ.

— Я не знаю, легко-ли это или трудно вамъ сдѣлать, но я снова повторяю мою просьбу: исполнить ее ваша обязанность.

Елизавета въ свою очередь вспыхнула, но сдержалась.

— Въ такомъ случаѣ, — тихо проговорила она:—это дѣло можно устроить гораздо проще: вы правительница—прикажите Остерману сказать Шетарди, чтобъ онъ не ѣздилъ ко мнѣ больше!

— Нѣтъ, такъ нельзя сдѣлать! — поспѣшно отвѣчала Анна Леопольдовна:—нельзя раздражать такого человѣка какъ Шетарди и подавать ему явный поводъ къ жалобамъ, пока онъ еще занимаетъ свой постъ и не отозванъ отсюда.

— Такъ вотъ видите!—съ едва замѣтной усмѣшкой и пожавъ плечами, сказала цесаревна:—если Остерманъ—первый министръ и имѣя ваше повелѣніе, повелѣніе правительницы, не смѣетъ такъ поступить съ Шетарди, то какъ-же я-то могу рѣшиться на это?

— Я ничего этого знать не хочу!—вдругъ вскрикнула принцесса.—Вы должны не принимать его, и кончено объ этомъ!

— Вы напрасно кричите на меня, ваше высочество,—тоже возвышая голосъ, и ужъ едва сдерживаясь, сказала Елизавета:—конечно, пользуясь обстоятельствами, можно унижать меня, но есть же всему предѣлъ, и вамъ не слѣдовало-бы забывать, что я не ваша прислужница.

Она рѣзко повернулась и хотѣла выйти.

Анна Леопольдовна удержала ее за руку.

— Не сердитесь, извините меня, — проговорила она болѣе мягкимъ голосомъ:—право столько непріятностей, я такъ раздражена, что не умѣю сдерживаться. Останьтесь на минутку, мнѣ еще кое-что нужно сказать вамъ.

— Что вамъ угодно отъ меня?

— А вотъ что: слышала я, матушка, будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ непріятельской арміей и будто вашъ лекарь Лестокъ чуть не ежедневно ѣздитъ все къ тому-же французскому посланнику и принимаетъ участіе во всѣхъ его злоумышленіяхъ. Вотъ я получила письмо изъ Бреславля, въ которомъ мнѣ совѣтуютъ сейчасъ-же арестовать лекаря Лестока.

Анна Леопольдовна остановилась и пристально взглянула на цесаревну; но та себя не выдала: ее внезапно охватила рѣшимость.

Минута была слишкомъ важная, эта минута могла погубить ее, и она нашла въ себѣ силу бороться съ своимъ волненіемъ.

Конечно, она ничего не могла бы скрыть на своемъ выразительномъ лицѣ, но, вѣдь, оно и до этой минуты, во все продолженіе разговора съ правительницей, было взволновано—это помогло ей.

Анна Леопольдовна ничего особеннаго не прочла въ лицѣ ея и прибавила:

— Конечно, я не вѣрю всѣмъ этимъ слухамъ, я не хочу подозрѣвать васъ въ сношеніяхъ съ Шетарди и со всѣми нашими врагами, и я надѣюсь, что если Лестокъ окажется виноватымъ, то вы не разсердитесь, когда его задержатъ.

— Я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ альянцевъ и корреспонденцій не имѣю,—спокойнымъ голосомъ отвѣтила Елизавета:—а если мой докторъ ѣздитъ къ французскому посланнику, то я его подробно допрошу объ этомъ и какъ онъ мнѣ донесетъ, сейчасъ-же и объявлю вамъ.

На этомъ закончился разговоръ между ними.

Цесаревна еще нѣсколько времени пробыла въ пріемныхъ комнатахъ и потомъ незамѣтно удалилась.

Вернувшись къ себѣ она поспѣшно призвала Лестока, Разумовскаго, Воронцова и Шувалова и со слезами на глазахъ подробно разсказала имъ о своемъ разговорѣ съ правительницей.

Лестокъ поблѣднѣлъ. Ему снова представилось, что онъ слышитъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ и что это пришли арестовать его.

— Ну, вотъ ужъ теперь-то, теперь-то нельзя медлить ни минуты, ваше высочество,—проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ:—еще одинъ день, и мы всѣ пропали! рѣшайтесь, ради Бога. У насъ все готово: вся гвардія отъ перваго до послѣдняго человѣка за насъ.

Къ его просьбамъ и убѣжденіямъ присоединились и всѣ остальные.

— Да, вы правы!—наконецъ прошептала Елизавета.—Оставьте меня теперь, я очень устала: завтра дѣло рѣшится...

Оставшись одна, она погрузилась въ глубокое раздумье. Теперь окончательно подошла рѣшительная минута и отступленіе невозможно. Если дѣйствуя энергически можно погубить себя и своихъ, то при бездѣйствіи грозитъ точно такая же гибель. Вѣдь, вотъ ужъ Анна Леопольдовна ясно высказалась. Она никогда такъ до сихъ поръ не говорила и, если она такъ говоритъ, то чего же ждать отъ Остермана. Да, правительница въ дурныхъ отношеніяхъ съ мужемъ своимъ и Остерманомъ, но теперь, въ виду общей опасности, они станутъ дѣйствовать сообща и всѣ вмѣстѣ погубятъ ее. И правительница будетъ точно такъ-же оправдываться въ своемъ поступкѣ, какъ оправдывалась тогда, по поводу Миниха. Она будетъ говорить: «мужъ и Остерманъ не давали мнѣ покоя».

«Лестокъ,—продолжала думать Елизавета:—онъ мнѣ преданъ, но, вѣдь, онъ трусъ, ужасный трусъ!.. Вѣдь, вотъ, какъ я разсказала о томъ, что его хотятъ арестовать, онъ чуть не заплакалъ, готовъ былъ спрятаться подъ столъ, дрожитъ весь. Если его схватятъ и начнуть пытать, Боже мой, чего только онъ не наскажетъ и на себя и на меня!.. и тогда я погибла!.. Мнѣ нѣтъ спасенія! Да, теперь конецъ... или удача, полная удача или гибель. Боже мой! и я одна... и нѣтъ ни одного твердаго, надежнаго человѣка; я одна, слабая женщина, должна совершить то, что рѣдко удается и самому отважному мужчинѣ... Боже мой, но какъ же я сдѣлаю? что я буду дѣлать?..»

Цесаревна зарыдала, бросилась на колѣни передъ иконами и начала молиться.

Молитва нѣсколько ободрила ее и успокоила; но часто въ теченіе ночи она просыпалась, прислушивалась, сердце ея шибко билось, она ждала, что вотъ-вотъ вблизи раздадутся зловѣщіе звуки, бряцанье оружія, что ее схватятъ....

На слѣдующее утро она долго не выходила изъ своей спальни, медлила минуту за минутой, боялась встрѣтиться со своими, не

зная что имъ скажетъ. Она чувствовала, что должна будетъ объявить о своемъ рѣшеніи дѣйствовать немедленно, а у нея все же не хватало духу.

Мавра Шепелева почти силой ворвалась къ ней въ спальню и объявила, что есть важныя новости и что всѣ просятъ цесаревну выйти.

Блѣдная, взволнованная появилась Елизавета передъ своими друзьями.

— Матушка, ваше высочество,—заговорили всѣ разомъ:— если еще пропустить одинъ день, не рѣшиться сегодня, то все пропало. Намъ доподлинно извѣстно, что сейчасъ отданъ приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ шведовъ.

— Да что-жъ это значитъ? Зачѣмъ же?—спросила Елизавета.

— А вотъ говорятъ, что получено извѣстіе, будто Левенгауптъ идетъ къ Выборгу; только, конечно, это вздоръ!— замѣтилъ Лестокъ дрожащимъ голосомъ.—Это предлогъ только, они нарочно хотятъ удалить всю гвардію, зная ее приверженность къ вамъ; удалятъ, и мы тогда всѣ въ рукахъ ихъ, они сдѣлаютъ съ нами что хотятъ... мы будемъ беззащитны! Ради Бога, умоляемъ васъ, ваше высочество, не медлите, не откладывайте!

Елизавета поблѣднѣла еще больше.

— Да, хорошо... конечно, вы правы...—почти безсознательно шептала она.—Но что-жъ мнѣ дѣлать? вѣдь, я... женщина!

— Конечно, это дѣло требуетъ не малой отважности,—сказалъ Воронцовъ:—но въ комъ же искать эту отважность, какъ не въ крови Петра Великаго?!!

Лестокъ послалъ благодарный взглядъ Воронцову.

Елизавета вздрогнула. Это неожиданное удачное слово разбудило въ ней энергію.

— Я согласна, — сказала она болѣе твердымъ голосомъ.— Такъ какъ же вы думаете, что теперь нужно дѣлать? Вы говорите: дѣйствовать, но, вѣдь, мы еще не знаемъ, не рѣшили, какъ нужно дѣйствовать?! Гвардія за меня... хорошо...

— Значить нужно, чтобы вы явились передъ гвардіей, ваше высочество,—перебилъ цесаревну Воронцовъ:—и повели солдатъ къ Зимнему дворцу!

— Я... я сама должна? — прошептала Елизавета и опустила глаза.—Но послушайте! — вдругъ произнесла она послѣ минутнаго молчанія:—кто вамъ сказалъ о томъ, что гвардейскіе полки высылаются отсюда? Можетъ быть, это невѣрно?!..

При этихъ словахъ Лестокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ уже было успокоился, ему казалось, что цесаревна, наконецъ, рѣшилась, но теперь онъ видѣлъ, что она снова колеблется.

Она колеблется, а тутъ каждый часъ дорогъ! Тутъ вотъ того гляди сейчасъ придутъ и арестуютъ его... и онъ пропалъ!

Воронцовъ пробудилъ энергію въ цесаревнѣ, напомнивъ ей объ ея отцѣ, поднялъ ея самолюбіе, теперь нужно наглядно представить ей самое свѣтлое и самое мрачное возможное будущее, нужно пробудить въ ней всѣ чувства!

И Лестокъ, дрожащій, измученный безсонной ночью, полною всевозможныхъ страховъ, неожиданно для себя самого, придумалъ слѣдующую штуку: онъ схватилъ двѣ карты изъ колоды, лежавшей на столѣ, и карандашъ, нарисовалъ на картахъ двѣ картинки—на одной изобразилъ Елизавету въ монастырѣ, гдѣ ей обрѣзываютъ волосы, а на другой—Елизавету, вступающую на престолъ и привѣтствуемую народомъ.

Карандашъ такъ и ходилъ подъ пальцами Лестока и минутъ въ пять обѣ картинки, хоть и не особенно удовлетворительныя въ художественномъ отношеніи, но достаточно выразительныя, были готовы.

Лестокъ подалъ ихъ цесаревнѣ.

— Я и безъ васъ это знаю,—проговорила она.

— Такъ если знаете, ваше высочество, то пошлите же немедленно за гренадерами.

— Хорошо, — отвѣтила цесаревна: — только все-же сейчасъ это невозможно: нужно дождаться вечера.

Это замѣчаніе было основательно. Приходилось ждать нѣсколько часовъ.

Лестокъ отправился къ себѣ, заперся на ключъ, улегся въ постель, закрылся съ головой въ теплое одѣяло, чтобъ ничего не слышать и всѣ силы напрягалъ какъ-нибудь остановить свои мысли, забыться и заснуть. Это, наконецъ, удалось ему и изъ подъ одѣяла раздался мѣрный храпъ храбраго медика.

XIII.

Если бы шпіоны могли заглянуть во внутреннія комнаты дворца цесаревны, то немедленно донесли бы о томъ, что у нея творится что-то необычайное.

Обѣдъ стоялъ нетронутымъ, цесаревна заперлась въ своей комнатѣ. Лестокъ тоже не показывался. Шуваловъ съ Воронцовымъ, забравшись въ уголокъ, тихо толковали между собою.

Мавра Шепелева бродила изъ комнаты въ комнату, совсѣмъ растерянная и взволнованная, то и дѣло подходила къ спальнѣ цесаревны, прислушивалась къ замочной скважинѣ и вздыхала.

Разумовскаго не было дома; онъ успѣлъ побывать въ казармахъ, кое-что тутъ приготовить, а потомъ началъ навѣдываться къ разнымъ своимъ пріятелямъ.

Заѣзжалъ было маркизъ де-ла-Шетарди, но его не приняли, объявивъ, что цесаревна нездорова и лежитъ въ постели.

Только одинъ человѣкъ изъ всей елизаветинской компаніи казался совершенно спокоенъ: это былъ старый учитель музыки Шварцъ.

Въ то время какъ всѣ потеряли головы и волновались, онъ, кажется, былъ вполнѣ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ затѣяннаго дѣла. Съ большимъ апетитомъ пообѣдалъ, выкурилъ трубку и теперь только по временамъ посматривалъ на свои круглые карманные часы, давно уже подаранные ему цесаревной.

Наконецъ, кое-какъ время дотянулось до вечера. Вотъ ужъ десятый часъ. Кругомъ дворца все тихо, ночь темная — зги не видно. Съ утра была снѣжная мятель, но теперь стихла и морозъ прибавляется.

Лестокъ вышелъ изъ своей комнаты въ мѣховомъ кафтанѣ и съ шапкой въ рукахъ.

— Что жъ послали за гренадерами?—таинственнымъ шопотомъ спросилъ онъ у Воронцова.

— Нѣтъ еще, цесаревна не выходитъ.

Къ нимъ подошла Мавра Шепелева.

— Матушка,—схвативъ ее за руку своею дрожащей рукою, сказалъ Лестокъ:—поди, добудь цесаревну. Пора, вѣдь, упустимъ время!

Она подошла къ двери спальни, прислушалась—все тихо; кашлянула, ничего не слышно.

— Матушка, голубушка моя! — заговорила Мавра:—отомкнись,—не то поздно будетъ!

Послышались тихіе шаги, замокъ щелкнулъ, дверь отворилась и изъ темноты спальни показалась статная фигура цесаревны. Глаза ея были заплаканы, лицо блѣдно.

— Что? который часъ?—спросила она растеряннымъ голосомъ.

— Да ужъ десять скоро.

Елизавета судорожно сжала руку своей пріятельницы и пошла съ ней въ ту комнату, гдѣ находились остальные.

— Посылайте!—проговорила она, опускаясь въ кресло и глядя неподвижными глазами куда-то въ одну точку.

Всѣ засуетились. Воронцовъ быстро собрался и отправился въ преображенскія казармы.

Говорить было не о чемъ; всѣ молчали: время невыносимо долго тянулось.

Прошло часа полтора. Воронцовъ, наконецъ, вернулся, запыхавшись, съ разгорѣвшимися отъ мороза щеками и доложилъ цесаревнѣ, что нѣсколько человѣкъ гренадерскихъ офицеровъ и солдатъ пришли вмѣстѣ съ нимъ и дожидаются ее.

— Впустите ихъ!—прошептала Елизавета.

Гренадеры вошли; они были въ полной формѣ.

— Матушка, ваше высочество,—сказали они тихо, но почти всѣ въ одинъ голосъ:—вѣдаешь ли ты, что мы немедленно должны выступить въ походъ? ужъ приказъ намъ отданъ... Мы уйдемъ и не въ силахъ будемъ служить тебѣ, некому будетъ защищать тебя и ты будешь въ рукахъ своихъ злодѣевъ. Нельзя терять ни минуты, время дорого!

— Такъ, значитъ, вы согласны сослужить мнѣ великую службу? И я могу на васъ положиться?—проговорила Елизавета дрогнувшимъ голосомъ.

— Господи, только, вѣдь, и ждемъ, что этой минуты!—отвѣтили гренадеры.—Именемъ Христа-Спасителя клянемся не выдавать тебя. Всѣ до одного умремъ за тебя съ радостью!

И всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, повалились въ ноги цесаревнѣ.

Крупныя слезы брызнули изъ глазъ ея. Она кинулась къ нимъ, стала поднимать ихъ.

— Спасибо, спасибо!—повторяла она сквозь рыданія:—только выйдите на минуту, дайте мнѣ успокоиться.

Всѣ вышли, одна Мавра Шепелева, да Воронцовъ остались у дверей.

Елизавета, обливаясь слезами, прошла въ уголъ комнаты, гдѣ висѣлъ большой образъ Спасителя, съ зажженной передъ нимъ лампадой. Она упала на колѣни передъ этимъ образомъ и горько рыдала. Наконецъ, рыданія ея стихли.

«Такъ суждено! — прошептала она:—да будетъ воля твоя, Господи! Быть можетъ впереди кровь и всякіе ужасы, гибель и казнь невинныхъ! Но, Боже, не поставь мнѣ этого въ грѣхъ! Прости меня. Ты видишь сердце мое, видишь, что въ эту минуту не о себѣ я думаю, не о своемъ величіи и не о своемъ счастіи, а только о счастіи, и величіи русскаго народа! Измучилось сердце мое, глядя на его страданія. Я слабая женщина, я недостойна того, за что возстаю теперь, но не оставь меня и помоги мнѣ! Если суждена мнѣ побѣда надъ врагами моими, и если суждено мнѣ вступить на престолъ отца моего, сдѣлай меня достойной этого! А я клянусь своей жизнію и душою, что непрестанно буду помышлять о томъ, чтобъ не забывать этой великой Твоей милости, оказанной мнѣ грѣшной, буду вѣчно помышлять о благѣ моихъ подданныхъ... Боже, прими мою ве-

ликую клятву: да отсохнетъ рука моя, если хоть разъ я подпишу приговоръ смертный! Будь это хоть лютѣйшій врагъ мой никого никогда не лишу я жизни! Не ради мщенія, не ради возможности безнаказанно творить всякія жестокости простираю я руки къ престолу, а ради справедливости. Но если я недостойна, то покарай меня, Боже! Пусть одна я вынесу на себѣ всѣ послѣдствія этого дѣла, на которое рѣшаюсь, пусть буду я отдана лютѣйшимъ мученіямъ, только спаси тѣхъ, кто идетъ за мною, ибо они ни въ чемъ невиновны!..»

И долго она молилась, слезы попрежнему катились изъ глазъ ея, но въ нихъ ужъ не было прежней горечи, напротивъ, онѣ принесли ей тихую отраду. Ея волненіе, ея тоска и муки мало-по-малу утихали. Все сердце ея было исполнено кротости и вѣры.

Наконецъ, поднялась она съ колѣнъ, сдѣлала знакъ Маврѣ Шепелевой, чтобъ та подошла къ ней,—и приказала ей поскорѣй принести изъ спальни крестъ. Когда Шепелева исполнила это приказаніе, Елизавета приняла крестъ, подозвала Воронцова, Лестока, Шувалова, осѣнила себя крестомъ, приложилась къ нему и твердымъ, торжественнымъ голосомъ проговорила:

«Будьте свидѣтелями, что я клянусь Богу, если Онъ пошлетъ удачу нашему предпріятію, ни разу, ни при какихъ обстоятельствахъ не подписывать никому смертнаго приговора! Клянитесь и вы не требовать никогда отъ меня жестокости и не смущать меня».

Присутствовавшимъ показалось, что она даже какъ будто выросла, такъ была она величественна и спокойна.

Съ волненіемъ и трепетомъ приложились они ко кресту и цесаревна вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ ее дожидались гренадеры.

Они невольно вздрогнули, увидя ее. Никогда еще не видали они ее такою. Передъ ними была уже не прежняя ихъ привѣтливая, шутливая и веселая матушка - цесаревна, передъ ними была великая государыня, чудно прекрасная въ своемъ царственномъ величіи, истинная дочь великаго императора.

Съ сердечнымъ умиленіемъ принесли они присягу въ вѣрности ей и поцѣловали крестъ изъ рукъ ея.

— Если Богъ явитъ милость свою намъ и всей Россіи,—торжественно проговорила цесаревна, обращаясь къ гренадерамъ:— то я не забуду вѣрности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами пріѣду.

Восторженно взглянули воины сначала на нее, потомъ другъ на друга и быстро исчезли исполнять ея приказаніе.

Лестокъ уже не дрожалъ болѣе. Теперь онъ понялъ, что не нужно никакихъ картинокъ, что никакая сила не заставитъ Елизавету идти назадъ.

— Скорѣй велите заложить большія сани и принесите мнѣ кирасу!—приказала Елизавета.

Черезъ четверть часа сани были готовы. Цесаревна сверхъ маленькой шубки надѣла кирасу и отправилась въ казармы преображенскаго полка съ Воронцовымъ, Лестокомъ и Шварцемъ.

Гренадерская рота была уже въ сборѣ, когда подъѣхала цесаревна.

— Ребята!—громкимъ, звучнымъ голосомъ обратилась она къ солдатамъ, выходя изъ саней:—вы знаете, чья я дочь. Ступайте за мною!

— Матушка! —- закричали въ отвѣтъ солдаты и офицеры:— мы готовы! Мы ихъ всѣхъ перебьемъ, ни одинъ отъ насъ не увернется! Всѣмъ имъ смерть, негоднымъ!

Елизавета вздрогнула.

— Если вы такъ будете поступать, то я не пойду съ вами,— сказала она.

Тогда гренадеры стихли, а она приказала имъ разломать барабаны, чтобъ не было возможности произвести тревогу, потомъ взяла крестъ и стала на колѣни.

Всѣ послѣдовали ея примѣру. Нѣсколько минутъ продолжалась торжественная тишина.

— Клянусь умереть за васъ!—среди тишины наконецъ раздался голосъ цесаревны.—А вы клянетесь-ли умереть за меня?

— Клянемся!—разомъ загудѣла толпа:—клянемся умереть всѣ отъ перваго до послѣдняго!

— Такъ пойдемъ!—продолжала Елизавета, поднимаясь съ колѣнъ:—пойдемъ и будемъ думать только о томъ, чтобы сдѣлать наше отечество счастливымъ во что-бы то ни стало!

Она вернулась къ своимъ санямъ, сѣла въ нихъ и тихо тронулась, окруженная гренадерами, по направленію къ Зимнему дворцу.

Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ слѣдовали за нею.

Воронцовъ объявилъ гренадерамъ о томъ, какъ нужно дѣйствовать. Арестовать брауншвейгскую фамилію—мало, слѣдуетъ одновременно съ этимъ произвести аресты и людей, особенно приверженныхъ теперешнему правительству.

Гренадеры, конечно, согласились съ этимъ и немедленно былъ отправленъ отрядъ арестовать Миниха въ его домѣ.

Вышли на Невскую прешпективную улицу; тишина была полная, ничего не видно.

Шествіе подвигалось медленно.

По дорогѣ арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Затѣмъ отрядили двадцать гренадеръ для ареста Левенвольда и Лопухина и тридцать гренадеръ послали къ дому Остермана.

Вотъ ужъ и Мойка близко, близка конечная цѣль, но мало-ли еще какія могутъ быть опасности и препятствія. Правда, до сихъ поръ никого не встрѣтили, но кто знаетъ, быть можетъ, шпіоны подсмотрѣли и донесли во дворецъ; а если и нѣтъ еще, то все-же надо подвигаться какъ можно тише, чтобъ не слышно было никакого шума.

— Матушка, государыня! — тихо заговорили гренадеры Елизаветѣ:—такъ, вѣдь, не скоро дойдемъ, надо-бы торопиться, да и шумъ отъ коней великъ; выйди изъ санокъ!

Елизавета покорно исполнила это требованіе, прошла нѣсколько шаговъ, но не могла поспѣвать за солдатами; къ тому-же кираса была тяжела. А гренадеры все повторяли: «матушка, надо торопиться».

Цесаревна ускоряла шаги, но все-же ненадолго, она начинала просто задыхаться.

Видя это, гренадеры сомкнулись вокругъ нея и подняли ее на руки.

Такимъ образомъ шествіе приблизилось къ Зимнему дворцу.

— Ну, что-жъ, теперь надо занимать караульню?—сказали офицеры.

— Да,—отвѣчала Елизавета, которую гренадеры осторожно поставили на землю:—да, но только Боже избави васъ произвести какое-нибудь насиліе! Помните, въ чемъ вы поклялись мнѣ: не должно быть пролито ни одной капли крови; я сама пойду съ вами.

И она, окруженная солдатами, направилась въ караульню. Тамъ никто не былъ предувѣдомленъ, и караульные съ просонокъ рѣшительно не понимали, что это такое дѣлается. Сначала они было повскакали и схватились за оружіе, но, увидя цесаревну, остановились.

— Не бойтесь, друзья мои!—сказала она имъ.—Хотите ли вы служить мнѣ, какъ служили отцу моему и вашему Петру Великому? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ иноземцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!

— Давно мы дожидаемся этого, государыня-матушка, что велишь, все то сдѣлаемъ!—отвѣчали почти всѣ.

Но четыре офицера стояли молча и переглядывались.

— Какъ же это такъ?—проговорилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ:—вѣдь, мы присягали императору Іоанну III, какъ же это? не ладно что-то!

— Арестуйте ихъ!—шепнула Елизавета гренадерамъ:—только смотрите, осторожнѣй.

Гренадеры кинулись къ офицерамъ, троихъ изъ нихъ сейчасъ же связали, тѣ не стали и сопротивляться.

Но одинъ офицеръ ударилъ подступившаго къ нему гренадера и схватился за оружіе. Гренадеръ въ свою очередь поднялъ ружье и направилъ штыкъ на офицера.

— Остановись!—крикнула Елизавета.

Гренадеръ ничего не слышалъ. Еще мгновеніе и онъ пронзилъ бы штыкомъ офицера. Цесаревна кинулась къ нему и схватила ружье.

Между тѣмъ упрямаго офицера успѣли связать и зажали ему ротъ платкомъ.

Поступокъ Елизаветы произвелъ сильное впечатлѣніе: кругомъ раздались восторженные возгласы. Она приказала занять всѣ выходы и вошла во дворецъ, гдѣ караульные молча пропустили ее и гренадеръ. Только одинъ унтеръ-офицеръ крикнулъ и вздумалъ было защищаться, но его сейчасъ же схватили и снесли внизъ въ караульню.

Елизавета была у цѣли: всѣ опасные люди, конечно, ужъ теперь арестованы; дворецъ въ ея рукахъ. У каждой выходной двери солдаты, которые никого не выпустятъ.

Она велѣла нѣсколькимъ офицерамъ и солдатамъ пройти въ аппартаменты принца Антона, а сама направилась къ спальнѣ правительницы.

Вотъ эта спальня; еще такъ недавно цесаревна входила въ нее при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Еще такъ недавно въ этой спальнѣ она наклонялась надъ колыбелью новорожденной дочери Анны Леопольдовны, цѣловала дѣвочку.

Ей припомнился и крошечный, ни въ чемъ неповинный сынъ Анны Леопольдовны, на котораго она теперь поднимала руку. Ея сердце сжалось отъ жалости.

«Боже мой, чѣмъ же они виноваты, эти дѣти? Зачѣмъ мнѣ суждено быть палачемъ ихъ? Что дѣлать теперь съ ними? Судьба ихъ не можетъ быть свѣтлою, какъ ни жалѣй, какъ ни люби ихъ, они вѣчно будутъ моими врагами, и я всегда, изъ чувства самосохраненія, должна буду укрощать порывы своего сердца, должна буду сама подготовлять имъ тяжелое будущее».

Вспомнилась ей и Анна Леопольдовна, но не такая, какою видѣла ее она въ эти послѣдніе дни. Вѣдь, прежде, еще при покойной императрицѣ, онѣ иногда очень дружелюбно сходились. Не мало пріятныхъ часовъ провели вмѣстѣ, не разъ Анна Леопольдовна оказывала ей кое-какія дружескія услуги и всегда относилась къ ней съ добротою. Да она, вѣдь, и не зла! она и

теперь сама по себѣ не врагъ ей и все, въ чемъ виновата передъ нею, происходитъ тоже отъ обстоятельствъ. Не будь этихъ ужасныхъ обстоятельствъ, онѣ, можетъ быть, мирно и дружно прожили бы всю жизнь, безъ всякой вражды и ненависти.

Ужасно! вотъ и теперь, окруженная солдатами, войдетъ она въ ея спальню, разбудитъ, перепугаетъ. Бѣдная Анна Леопольдовна заболѣтъ можетъ съ испуга, она такая слабая!

Была минута, когда снова прежняя робость стала одолѣвать цесаревну, была минута, когда она чуть было даже не раскаялась въ томъ, что сдѣлала, когда ей инстинктивно захотѣлось вдругъ убѣжать отсюда, убѣжать какъ можно дальше и запереться, гдѣ-нибудь въ далекой, тихой кельѣ, отказаться отъ всего міра, только бы не брать невольнаго грѣха на душу, только бы не быть предметомъ ненависти и проклятій.

Но это мгновеніе едва мелькнуло и сейчасъ же исчезло.

«Развѣ можетъ, развѣ смѣетъ она отдаваться подобному чувству? нѣтъ вины за ней, не она дѣйствуетъ, не она караетъ, она только орудіе Промысла и передъ нею должно быть одно: счастье и благо Россіи».

Цесаревна оглянулась на своихъ гренадеръ, прошептала имъ: «тише!» и твердой рукой отворила двери въ спальню правительницы.

XIV.

Во дворцѣ никому и въ голову не могла придти возможность близкой и неминуемой опасности. Напротивъ, Анна Леопольдовна, послѣ своего объясненія съ цесаревной, видимо, успокоилась и даже хвасталась Юліанѣ, что отлично проучила Елизавету.

— Теперь она знаетъ,—говорила правительница:—что не очень то легко замышлять заговоры. Да и пустяки это: мало ли что болтаютъ! Если ужъ бояться кого-нибудь мнѣ, то никакъ не ее, а моего супруга съ графомъ Остерманомъ.

Можетъ быть, въ другое время постоянно проницательная Юліана нашла бы кое-какія возраженія, можетъ быть, она сумѣла бы измѣнить мысли Анны Леопольдовны относительно цесаревны. Но теперь Юліана ничего не возражала, потому что весь этотъ разговоръ нисколько не интересовалъ ее, потому что все послѣднее время она жила только своей внутренней жизнью.

Тѣ, кто не видалъ ее недѣли съ двѣ, поражались перемѣной, происшедшей въ ея наружности. Она похудѣла, поблѣднѣла, глаза ея лишились прежняго блеска и во всемъ лицѣ изображалась страшная усталость.

«Фрейлина больна,—толковали во дворцѣ:—и, должно быть, серьезно больна». Спрашивали ея доктора, но тотъ только пожималъ плечами и не могъ ничего отвѣтить. Онъ совершенно не понималъ ея болѣзни, ради успокоенія совѣсти прописывалъ ей безвредныя микстуры, которыхъ она не принимала, или принимала только по настоятельному требованію правительницы и изъ рукъ ея.

Не разъ порывалась Юліана запереться у себя и никого не впускать, главное, не впускать Анну Леопольдовну. Но это оказалось невозможнымъ.

Правительница насильно врывалась къ своему другу; плакала, цѣловала ее, разспрашивала что съ нею, допытывалась, не хочетъ ли она чего-нибудь.

— Боже мой, можетъ быть, у тебя есть какое-нибудь горе, или можетъ быть, я въ чемъ нибудь виновата передъ тобою? Скажи мнѣ ради Бога, признайся!.. Я все готова сдѣлать для тебя! Что съ тобой? Ты такъ измѣнилась, ты на себя непохожа. Ради Бога скажи мнѣ: хочешь чего-нибудь? Проси, требуй, все будетъ къ твоимъ услугамъ...

Но Юліана ничего не отвѣчала и только печально опускала глаза. Она видѣла искреннее участіе и чувство Анны Леопольдовны, она сама продолжала любить ее, своего стараго и неизмѣннаго друга. Она не находила въ себѣ силы разсказать ей истину, потому что боялась, что эта истина такъ же разрушительно подѣйствуетъ и на принцессу, какъ и на нее самое подѣйствовала. Чувство Анны Леопольдовны къ Линару было истинной любовью, и Юліана знала это.

«Нѣтъ! Боже избави, какъ же можно хоть что-нибудь сказать ей, хоть намекнуть, тогда совсѣмъ погибель, тогда мы обѣ погибли.

«Нѣтъ, ужъ лучше пусть я одна,—думала Юліана:—пусть хоть она-то будетъ счастлива! Ахъ, только бы ушла отъ меня! оставила бы меня одну, одной все же легче».

И она упрашивала Анну Леопольдовну выйти, она говорила, что устала, что ей спать хочется, но принцесса не слушалась.

— Ты нездорова, тебѣ дурно, какъ же ты требуешь, чтобъ я ушла отъ тебя? Развѣ ты когда-нибудь отходила отъ меня, когда я была больною?! Нѣтъ, я не уйду отсюда! Ложись, спи, я буду охранять тебя.

Она своей слабой, нѣжной рукою обнимала Юліану, укладывала ее въ постель, садилась возлѣ.

Проходило нѣсколько минутъ въ молчаніи. Юліана дѣлала видъ, что засыпаетъ.

— Ты спишь, Юліана?—тихо спрашивала Анна Леопольдовна.

Та не отвѣчала.

— Ну хорошо, спи, спи. Я буду говорить тихо, тихо, ты хоть не слушай меня, но я не могу молчать, я буду говорить о немъ. Ты знаешь, что я только немного успокоиваюсь тогда, когда говорю съ тобою!

Юліана вся вздрагивала отъ словъ этихъ.

«Боже мой, еще этого недоставало»!

А между тѣмъ Анна Леопольдовна говорила. Имя Линара повторялось ежеминутно и каждое новое слово раздражало и мучило бѣдную Юліану.

Правительница передавала ей всѣ свои мечты, всѣ свои предположенія. Подробно разсказывала о томъ, что говорилъ съ нею тогда-то и тогда-то Линаръ, съ наслажденіемъ вспоминала всѣ тѣ слова его, въ которыхъ выражалась его горячая любовь къ ней, Аннѣ Леопольдовнѣ.

Юліана не въ силахъ была больше сдерживаться и притворяться спящей.

Стиснувъ зубы, охвативъ свою горящую голову руками, она начинала метаться на постели.

Принцесса подбѣгала къ столику, схватывала микстуру, наливала ложку и заставляла Юліану проглотить лекарство.

— Ради самого Бога, если у тебя есть хоть капля жалости, оставь меня!—наконецъ, произносила Юліана, едва удерживая рыданія.

Но Анна Леопольдовна ея не слушала и не уходила до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не являлся звать ее въ пріемные покои. Она сдавалась только передъ необходимостью.

Освободясь отъ ея присутствія Юліана кидалась къ двери, запирала ее на ключъ и разражалась рыданіями.

Иногда у нея хватало даже силы на нѣсколько часовъ забыться, отдаться прежней жизни, прежнимъ интересамъ. Тогда она снова оживлялась, выходила въ пріемныя комнаты, встрѣчала привѣтливой и благосклонной улыбкой сановниковъ, постоянно ожидавшихъ возможности сказать ей нѣсколько словъ, попросить ее о чемъ-нибудь, или просто показаться ей: напомнить о себѣ, получить благосклонную улыбку всесильной фаворитки.

Весь день 24 ноября во дворцѣ было много гостей: пріѣзжали поздравлять правительницу съ тезоименитствомъ ея дочери Екатерины. Но часу въ одинадцатомъ вечера всѣ разъѣхались, огни были потушены.

Принцъ Антонъ удалился на свою половину, а Анна Леопольдовна прошла къ Юліанѣ.

Она застала фрейлину лежавшею на постели съ открытыми глазами и блѣднымъ, почти безжизненнымъ лицомъ.

— Что съ тобою?—спросила Анна Леопольдовна:—отчего ты такъ рано скрылась? я нарочно всѣхъ отпустила раньше, чтобъ побыть съ тобой.

— Мнѣ опять что-то нездоровится,—прошептала Юліана.

— Послушай, я ни за что не оставлю тебя сегодня ночью, пойдемъ ко мнѣ, ты будешь спать со мною.

— Да зачѣмъ же?...—начала было Юліана.

Но Анна Леопольдовна не хотѣла ничего и слышать. Она настаивала и умоляла до тѣхъ поръ, пока Юліана наконецъ согласилась.

Тогда онѣ прошли въ спальню правительницы, скоро раздѣлись и легли рядомъ на огромной, высокой кровати подъ роскошнымъ балдахиномъ.

Скоро замерли послѣдніе звуки въ сосѣднихъ комнатахъ; весь дворецъ погрузился въ сонъ и тишину...

Въ это время Елизавета стояла въ преображенскихъ казармахъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженная колѣнопреклоненными солдатами и офицерами...

Анна Леопольдовна начала засыпать; Юліана прислушивалась къ ея мѣрному дыханію и сама погружалась въ туманный, почти неуловимый міръ полугрезъ и обрывающихся, быстро несущихся мыслей. То былъ не сонъ, но и не явь: сознаніе дѣйствительности смѣнялось фантастическими картинами и уже Юліана не могла сообразить, что во всемъ этомъ фантазія, и что дѣйствительность. То ея горе, несчастіе, которое она сама себѣ приготовила, и подъ бременемъ котораго изнывала, казалось ей еще ужаснѣе, оно принимало даже какую-то видимую форму, страшный, гигантскій образъ, и надвигалось на нее, давило ее своей каменной тяжестью; то внезапно и въ одно мгновеніе разсыпалось страшное видѣніе и откуда-то, изъ лучезарной высоты, слетало счастіе, никогда на яву неизвѣданное.

Вотъ чудится Юліанѣ, будто медленно колышатся тяжелые, бархатные занавѣсы двери, вотъ появляется онъ, въ какомъ-то чудномъ сіяніи. Она кидается ему навстрѣчу, онъ шепчетъ ей сладкія рѣчи, она отвѣчаетъ ему поцѣлуями. Всѣ предметы кругомъ исчезаютъ, все уходитъ! Они одни среди блестящаго пространства, не на землѣ и не на небѣ, въ заколдованномъ мірѣ...

Кто-то хватаетъ ее за руку. Она открываетъ глаза...

Анна Леопольдовна проснулась и глядитъ на нее.

— Я сейчасъ видѣла его во снѣ,—говоритъ принцесса.—О! Еслибъ эти сны могли постоянно сниться, тогда-бы я велѣла

поставить на окнахъ ширмы, заперлась бы со всѣхъ сторонъ и никогда-бы не просыпалась!

И Анна Леопольдовна начала пересказывать Юліанѣ всѣ подробности своего сновидѣнія. И та ее слушала, сжавъ на груди руки...

Внезапно налетѣвшій порывъ вѣтра ударилъ въ окна, и звякнули стекла, но сейчасъ-же все снова погрузилось въ невозмутимую тишину; до спальни правительницы не доносилось извнѣ ни одного звука...

Цесаревна Елизавета Петровна, въ кирасѣ, бережно несомая своими вѣрными гренадерами, уже была въ двухъ шагахъ отъ дворцовой караульни...

— Ахъ, Юліана,—прошептала Анна Леопольдовна:—постараюсь опять заснуть...

Она повернулась на другой бокъ и закрыла глаза.

Прошло нѣсколько минутъ. Мѣрное дыханіе двухъ пріятельницъ показывало, что обѣ онѣ заснули...

XV.

Елизавета почти беззвучно отворила дверь и прошла въ спальню.

— Стойте всѣ здѣсь,—обратилась она къ гренадерамъ:—и ни шагу впередъ!

Она подошла къ кровати.

«Какая трогательная дружба!—невольно подумалось ей при взглядѣ на спавшихъ:—даже и во снѣ обнимаются!»

При другихъ обстоятельствахъ, веселая и во всемъ подмѣчавшая смѣшное Елизавета, конечно, и тутъ нашла бы много комичнаго, большую пищу для своихъ остроумныхъ шутокъ.

Но теперь ей совсѣмъ было не до этого. Она смущенно и грустно глядѣла на Анну Леопольдовну и не знала какъ разбудить ее.

Но мѣшкать было нельзя.

— Сестрица, пора вставать!—громко сказала она, взявъ за руку принцессу.

Та проснулась, открыла на нее изумленные глаза.

— Какъ? это... это вы, сударыня? Что вамъ отъ меня угодно? Зачѣмъ вы меня будите?

Она обернулась къ Юліанѣ. Та тоже сидѣла на постели и съ ужасомъ глядѣла на дверь, изъ-за которой въ полумракѣ рисовались фигуры вооруженныхъ людей.

Анна Леопольдовна невольно послѣдовала глазами за взглядомъ Юліаны и безумно вскрикнула.

Она сразу все поняла.

Елизавета подошла къ двери и спустила занавѣсы для того, чтобъ гренадеры не могли видѣть происходившаго въ комнатѣ.

Анна Леопольдовна, судорожно рыдая, бросилась на колѣни передъ цесаревной.

— Сестрица, ради Бога сжальтесь!—пролепетала она.—Не за себя я молю васъ, я знаю, что мнѣ нечего хорошаго ожидать для себя. Я умоляю васъ, не дѣлайте зла моимъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя ни въ чемъ неповинны передъ вами! Сжальтесь надъ ними! И еще ради самаго Бога, еще одна просьба: всѣмъ святымъ заклинаю васъ, не губите моего друга Юліану, не разлучайте меня съ нею... голубушка, сестрица, умоляю васъ!

Она все лежала на коврѣ передъ Елизаветой, ловила ея платье и глядѣла на нее такимъ отчаяннымъ, умоляющимъ и жалкимъ взоромъ, что у Елизаветы навернулись на глазахъ слезы.

Между тѣмъ Юліана, повидимому даже почти спокойная, только необыкновенно блѣдная и съ сухими, блестящими глазами, поспѣшно одѣвалась. Она не произнесла ни одного слова, она не глядѣла на Елизавету. Въ первую минуту она безсознательно ужаснулась и когда поняла все, то хотѣла пробиться сквозь гренадеровъ и разбудить всѣхъ въ домѣ, поднять на ноги.

«Но нѣтъ,—сейчасъ же и соообразила она:—вѣрно, все ужъ устроено заранѣе, теперь ничего не подѣлаешь!

И вдругъ она почувствовала какое-то успокоеніе.

Да, прежней тоски, прежнихъ мученій въ ней какъ не бывало. Она еще не отдавала себѣ отчета въ томъ, что въ ней теперь творится. Но чрезъ нѣсколько минутъ, въ то время какъ Анна Леопольдовна умоляла за нее цесаревну, она уже говорила сама себѣ:

«Нѣтъ, это не несчастье, это къ лучшему, это выходъ! Все равно такъ не могло продолжаться! Да, все къ лучшему, все къ лучшему, теперь я знаю что мнѣ надо дѣлать!..»

Съ безграничною, ничѣмъ уже не омрачаемою любовью, взглянула она на Анну Леопольдовну. Слезы брызнули изъ глазъ ея.

— Не разлучайте меня съ нею, сестрица!—повторяла, задыхаясь отъ рыданій, принцесса.

«Только смерть теперь разлучитъ меня съ тобою!»—почти вслухъ выговорила Юліана, бросаясь къ своему другу.

— Дѣти мои! дѣти!—вскрикнула, всплеснувъ руками, Анна Леопольдовна.

— О дѣтяхъ не безпокойтесь, ничего дурного съ ними не будетъ. Я никогда не была звѣремъ и мнѣ самой тяжело все это...

Елизавета отошла къ двери, Юліана поспѣшно стала помогать Аннѣ Леопольдовнѣ одѣваться. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ были готовы и, въ сопровожденіи отряда гренадеровъ, направились къ выходу изъ дворца.

Въ одной изъ комнатъ онѣ увидѣли принца Антона, окру-

женнаго солдатами. Онъ не думалъ сопротивляться когда его разбудили и объявили, что онъ арестованъ; онъ хорошо понялъ, что все пропало и нѣтъ ни малѣйшей надежды на спасеніе. Машинально одѣлся онъ и пошелъ туда, куда его вели. Теперь онъ стоялъ какъ-то съежившись, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ необыкновенно жалкой и въ то же время смѣшной физіономіей. Опять, какъ и во время Бирона, онъ былъ похожъ на несчастнаго загнаннаго зайца. Елизавета взглянула на него, но и тутъ ей не пришло въ голову улыбнуться. Она только повернулась въ сторону Юліаны и сказала ей:

— Вы поѣдете съ принцемъ.

А сама взяла за руку Анну Леопольдовну, сошла съ крыльца вмѣстѣ съ нею, усадила ее въ сани, потомъ сѣла рядомъ съ нею и приказала ѣхать въ свой дворецъ. Отрядъ гренадеровъ почти бѣгомъ спѣшилъ за ними.

Дворецъ цесаревны представлялъ небывалое до тѣхъ поръ зрѣлище. Среди глубокой ночи ворота стояли настежъ; въ окнахъ мелькали свѣчи. Многочисленныя группы солдатъ ежеминутно подходили со всѣхъ сторонъ и останавливались у подъѣзда. Болѣе приближенныя лица толпились въ первой комнатѣ и только что Елизавета показалась, въ сопровожденіи Анны Леопольдовны, всѣ кинулись къ ней, поздравляли ее, цѣловали ея руку. Вотъ на порогѣ комнаты появилась Мавра Шепелева, всплеснула руками и, растолкавъ всѣхъ, бросилась на шею цесаревнѣ.

— Матушка моя, золотая!—причитала она навзрыдъ плача и смѣясь въ одно и то же время.—Голубушка ты моя! царица! императрица!

— Ну, успокойся, Маврушка, успокойся!—ласково повторяла Елизавета, цѣлуясь съ нею.

Черезъ нѣсколько минутъ привезли изъ Зимняго дворца дѣтей Анны Леопольдовны. Принцесса кинулась къ своей крошечной дочери. Обливаясь слезами схватила ее на руки, крѣпко прижала къ себѣ и не выпускала. Елизавета печально подошла къ маленькому императору, жалобно плакавшему на рукахъ у мамки, взяла его осторожно, стала цѣловать и тихо шептала:

— Бѣдное дитя! ты вовсе невиновно, твои родители виноваты...

Между тѣмъ, прибывало все больше и больше народу! Еще никогда, пренебрегаемый почти всѣми, обветшалый домъ цесаревны не вмѣщалъ въ себѣ столько гостей, никогда не было въ немъ такого оживленія. Скоро собрался сюда весь цвѣтъ вчерашняго правительства.

Привезли и принца Антона вмѣстѣ съ Юліаной Менгденъ. Бѣдный принцъ все такъ-же дрожалъ и безмолствовалъ. Юліана

все такъ-же была спокойна. И некому было замѣтить въ эти важныя минуты, что судьба сыграла очень злобную шутку съ принцемъ Антономъ: соединила-таки его и Юліану, за которою онъ прежде такъ ухаживалъ и которую, въ послѣднее время, такъ ненавидѣлъ.

Вслѣдъ за ними появились и другіе важные гости и прежде всѣхъ тоже два старыхъ друга: Минихъ съ Остерманомъ. Минихъ шелъ довольно бодро, только старался ни на кого не глядѣть. Остерманъ выступалъ вслѣдъ за нимъ кряхтя и охая, но все-же безъ костылей. Ноги его вдругъ получили способность двигаться, а ужъ когда же и было ему умирать, какъ не теперь!? Онъ былъ безъ парика, безъ своего зеленаго зонтика, въ иныхъ мѣстахъ его одежда оказалась изорванной. Несмотря на строгій приказъ Елизаветы, солдаты не поцеремонились: избили его порядкомъ во время ареста. Впрочемъ, они имѣли на это оправданіе. Онъ вздумалъ было пугать ихъ, сталъ кричать, что они жестоко пострадаютъ за свой поступокъ и кончилъ тѣмъ, что весьма неуважительно отозвался объ Елизаветѣ. Вслѣдствіе этого солдаты и не могли сдержать себя. Минихъ тоже былъ избитъ солдатами, но тутъ они могли оправдаться только тѣмъ, что ужъ давно все войско его ненавидѣло и что нечего было жалѣть его.

Воронцовъ, Лестокъ и остальные приближенные Елизаветы принимали гостей и заботились о томъ, чтобъ эти гости никакъ не могли отказаться отъ угощенья. Впрочемъ, этого нечего было бояться: только безумный могъ рѣшиться теперь на попытку къ бѣгству, всѣ понимали, что дѣло сдѣлано и сдѣлано безповоротно.

Мавра Шепелева какъ угорѣлая бѣгала по комнатамъ, сама не зная зачѣмъ отдавала то одно, то другое приказаніе прислугѣ и сейчасъ же забывала о томъ, что такое приказывала. На лицѣ Лестока изображалось необыкновенное довольство и важность. Онъ первый пришелъ въ себя и вполнѣ наслаждался торжествомъ своимъ, подходилъ то къ одному, то къ другому изъ сверженныхъ своихъ враговъ и заглядывалъ имъ въ лицо съ плохо скрываемымъ выраженіемъ плотояднаго наслажденія.

Если бы отъ него зависѣло, онъ сейчасъ бы, ни на минуту не смущаясь, выдумалъ всѣмъ этимъ людямъ самыя страшныя пытки и подписалъ бы этотъ приговоръ твердой рукою.

«Неужели она не откажется отъ своей излишней кротости?— думалъ онъ, глядя на цесаревну.—Неужели она избавитъ ихъ отъ казни?»

Къ его неудовольствію лицо Елизаветы отвѣчало ему, что казней никакихъ не будетъ.

Она сидѣла теперь, откинувшись на спинку кресла и опу-

стивъ голову, уставшая, взволнованная и чудно прекрасная. Глядя на Остермана и Миниха, она подавляла въ себѣ невольное чувство ненависти и мысленно повторила свою клятву: ни при какихъ обстоятельствахъ не подписывать смертнаго приговора...

Она твердо держала эту клятву во все продолженіе своего царствованія: ея враги были наказаны, ихъ ожидали допросы и ссылка; но ни одной капли крови не пролилось съ вѣдома русской императрицы...

Всю ночь продолжалось лихорадочное движеніе во дворцѣ и вокругъ него. Со всѣхъ сторонъ прибывали гвардейскіе полки. Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились въ саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ, чтобъ извѣстить ихъ о совершившемся событіи и пригласить немедленно ѣхать къ Елизаветѣ.

Люди, еще вчера пренебрегавшіе опальной и безсильной цесаревною, теперь изо всѣхъ силъ старались выразить свой восторгъ и увѣрить, кого слѣдовало, что они всѣ слезы выплакали дожидаясь счастливаго дня воцаренія дочери Петра Великаго.

Къ утру поспѣлъ манифестъ, составленный Черкаскимъ, Бреверномъ и Бестужевымъ. Елизавета надѣла андреевскую ленту, и вышла на балконъ. Громадная толпа сбѣжавшагося отовсюду народа привѣтствовала ея появленіе восторженными криками.

Она сошла внизъ. Вѣрные гренадеры окружили ее и упали ей въ ноги.

— Матушка наша!—говорили они, перебивая другъ друга:— ты видѣла наше усердіе и нашу службу... просимъ у тебя одной награды: объяви себя капитаномъ нашей роты и дозволь намъ первымъ присягнуть тебѣ...

— Хорошо, хорошо... конечно, я согласна!—отвѣтила имъ съ улыбкой Елизавета:—съ этой минуты я капитанъ гренадерской роты!..

И весь день, и всю слѣдующую ночь, несмотря на вѣтряную и морозную погоду, всѣ улицы были полны народомъ.

Гвардейскіе полки стояли шеренгами, то тамъ, то здѣсь раскладывались огни, изъ рукъ въ руки переходила крѣпительная, согрѣвающая чарка.

Между горожанами и солдатами велись дружескіе, веселые разговоры и всѣ эти многотысячныя толпы ежеминутно сливались въ одномъ общемъ кликѣ: «здравствуй, наша матушка императрица Елизавета Петровна!»

Конецъ

1878 г.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

РОМАНЪ-ХРОНИКА XVIII ВѢКА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. Ѳ. МЕРТЦА.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 января 1903 г.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°». С.-Петербургъ, Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Роскошный домъ князя Александра Даниловича Меншикова, что на Васильевскомъ островѣ, представлялъ необыкновенное оживленіе. Съ утра до ночи толпа осаждала его, подъѣзжали всевозможные экипажи, у всѣхъ входовъ и выходовъ помѣщались караулы гвардіи.

Дѣло въ томъ, что вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ, почти съ самой кончины императрицы, въ этомъ домѣ имѣлъ пребываніе маленькій императоръ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, когда-то бойкій уличный мальчишка, потѣшный товарищъ Петра, потомъ знаменитый его сподвижникъ, «дитя моего сердца», по выраженію покойнаго императора, почти полноправный хозяинъ Россіи въ царствованіе Екатерины I, теперь уже не вѣдалъ надъ собой ничьей власти и ничьего контроля. Хотя, согласно екатерининскому завѣщанію, онъ обязанъ былъ вершить всѣ дѣла съ согласія Верховнаго Совѣта, но, конечно, это было только на словахъ, а на дѣлѣ онъ управлялъ Россіей, какъ ему вздумается. Да и кто могъ ему противиться? Его дочь была объявлена невѣстою Петра II. Ему никто не могъ воспрепятствовать перевезти императора къ себѣ и такимъ образомъ отстранить отъ него всякое постороннее вліяніе.

Было славное лѣтнее утро. Стали поговаривать о переѣздѣ двора въ Петергофъ; но покуда еще городская жизнь шла своимъ порядкомъ: учителя аккуратно приходили давать уроки императору, и теперь одинъ изъ нихъ только что вышелъ изъ его аппартаментовъ.

Петръ II сидѣлъ за рабочимъ столомъ, окруженный бумагами, чертежами и всевозможными математическими инструментами,— ему нужно было приготовиться къ слѣдующему уроку. Но онъ видимо скучалъ за своимъ дѣломъ; онъ посматривалъ въ окно на Неву, по которой мелькали лодки, и нетерпѣливо прислушивался, очевидно поджидая кого-то.

Второму русскому императору недавно исполнилось двѣнадцать лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Полный, высокій, съ необыкновенной бѣлизны лицомъ, съ прекрасными го-

лубыми глазами, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе; на-пудренный, завитый мелкими буклями парикъ, по модѣ того времени, еще больше выдѣлялъ красоту этого лица. Петръ былъ похожъ на свою мать, «кронпринцессу» Шарлотту, и ничего не наслѣдовалъ отъ отца, царевича Алексѣя.

Вотъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Дверь быстро отворилась и на порогѣ показалась небольшая женская фигура. Вошедшая дѣвушка была тоже почти ребенокъ и въ ней сразу замѣчалось сходство съ императоромъ. Хотя она была совсѣмъ нехороша, съ неправильными чертами лица, но глаза ея сіяли необычайной добротой и обнаруживали присутствіе мысли и даже какой-то недѣтской задумчивости, улыбка ея привлекала къ себѣ всѣхъ, кто ни смотрѣлъ на нее.

Войдя въ комнату императора, дѣвушка окинула ее быстрымъ взоромъ и увидѣвъ, что нѣтъ никого, съ слабо вспыхнувшимъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ подбѣжала къ Петру и охватила его шею своими тонкими руками.

— Наташа,—радостно выговорилъ императоръ:—я давно жду тебя! Я думалъ, ты не придешь, хотя Андрей Иванычъ и сказалъ мнѣ, что ты будешь навѣрно.

— Меня задержали,—отвѣтила великая княжна Наталья:—но, вѣдь, ты знаешь, что если я что-нибудь тебѣ обѣщаю, то всегда и исполню.

— Ахъ, сестрица,—печально прошепталъ Петръ:—отчего ты не живешь со мною? Меня въ послѣдніе дни просто замучили совсѣмъ эти противные уроки. Посмотри, какая славная погода: по Невѣ хочется покататься, а Александръ Данилычъ не пускаетъ... все учиться, да учиться...

— Ну, вотъ погоди, погоди,—улыбаясь, заговорила сестра:— скоро переѣдемъ въ Петергофъ, тамъ будетъ больше свободы. Андрей Иванычъ сказалъ, что все ужъ приготовлено къ нашему переѣзду. Вѣдь, ты любишь Петергофъ. Помнишь, какъ весело было при бабушкѣ? Ну, вотъ и опять будемъ устраивать разные праздники, маскарады; самъ знаешь, какая Лиза на это мастерица.

При этомъ имени яркая краска разлилась по щекамъ маленькаго императора.

А что же Лиза,—запинаясь, спросилъ онъ:—она не пріѣхала съ тобою?

— Нѣтъ, но она будетъ, она обѣщала за мной заѣхать.

Дверь опять отворилась и вошелъ плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ круглымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, съ мягкими вкрадчивыми манерами.

— За дѣломъ, государь,—сказалъ онъ, кланяясь императору:— это хорошо. Поучитесь, поучитесь—отдохнуть будетъ пріятнѣе...

— Эхъ, Андрей Иванычъ, да слишкомъ ужъ много ученья!.. Вотъ сестрица прiѣхала, съ ней бы побыть хотѣлось. Неужто-жъ нельзя отказать учителю хоть на сегодня?

Вошедшiй улыбнулся.

— Я бы, пожалуй, отказалъ ему, - хотя онъ уже тутъ дожидается, да что скажетъ князь Александръ Данилычъ?

— Александра Данилыча нѣтъ дома, я видѣлъ самъ, какъ онъ уѣхалъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, скажите учителю, что мнѣ некогда, что я дѣломъ занятъ... Александръ Данилычъ не узнаетъ даже, когда вернется,—кто ему скажетъ?

— Ну, хорошо, хорошо, я пойду,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ:—только вы ужъ попросите царевну, чтобы она за меня заступилась, если князь будетъ сердиться.

И Андрей Ивановичъ Остерманъ вышелъ изъ комнаты.

— Какой добрый этотъ Андрей Иванычъ,—оживленно заговорилъ императоръ, обращаясь къ сестрѣ.—Вотъ если бы онъ всѣмъ распоряжался, не такая была бы наша жизнь! Онъ бы не сталъ меня мучить и разлучать съ тобой, сестрица.

— Да, Андрей Иванычъ добрый человѣкъ, онъ насъ душевно любитъ, я ему вѣрю.—задумчиво проговорила царевна:—а князю не вѣрю. Я боюсь его и знаю, что онъ насъ не любитъ.

— Видѣла ты сегодня княжну, мою невѣсту?—злобно сверкнувъ глазами, спросилъ Петръ.

— Да, я сейчасъ встрѣтилась съ нею. Она было хотѣла идти за мною сюда, да ее позвали.

— Вотъ еще невидаль! Поговорить не дадутъ какъ слѣдуетъ. Знаешь что, сестрица? Сначала еще ничего было, а теперь просто мнѣ противно глядѣть на нее—на эту мою невѣсту! Посмотри, какое у нея длинное лицо, какъ есть у Александра Данилыча; все мнѣ такъ и кажется, что это онъ передо мною, когда я говорю съ ней...

Царевна ничего не отвѣчала и грустно глядѣла своими большими глазами, не мигая. Она вздохнула, но все же ничего не сказала.

— Наташенька, что-же это такое? Я вотъ сегодня ночью проснулся, все думалъ: какъ-же это будетъ, какая же это невѣста, когда она мнѣ противна и я... не глядѣлъ бы на нее никогда... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ умерла бабушка! Она была добрая, я все бы сказалъ ей! Можетъ быть, она и не дала бы меня въ обиду.

— Да, вѣдь, все это, Петруша, было еще при бабушкѣ рѣшено; развѣ ты не помнишь, какъ она слушалась Александра Данилыча?

— Да, слушать-то, слушалась, а только я знаю, что меня все-же бы въ обиду не дала. Бабушка, когда надо, за себя и за насъ постоять умѣла!

Но на этотъ разъ видно не суждено было маленькому императору по душѣ поговорить съ любимой сестрой. Дверь снова отворилась и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Петръ кинулся къ ней на встрѣчу и остановился передъ нею весь красный, сіяющій лучезарной улыбкой. Онъ нѣсколько мгновеній даже не могъ сказать ни слова и только смотрѣлъ на вошедшую. Да и дѣйствительно было на что посмотрѣть. Эта дѣвушка была въ полномъ смыслѣ слова красавица: высокая, полная, стройная, съ роскошными темно-золотистыми волосами, живыми голубыми глазами и ослѣпляющей улыбкой на румяномъ, нѣжномъ лицѣ, она производила впечатлѣніе свѣтлаго дня, живой, радостной жизни. Казалось, что она улыбалась всѣмъ существомъ своимъ, и эта прелестная улыбка не могла изгладиться изъ памяти разъ взглянувшаго на нее.

— Тетушка, дорогая, спасибо, что заглянула,—наконецъ проговорилъ Петръ, кладя свои нѣжныя бѣлыя руки на плечи дѣвушки и крѣпко ее цѣлуя.

— Ай, ай, племянничекъ, ты опять такъ больно цѣлуешься, того и гляди кровь изъ губъ пойдетъ! Сказала, что за уши буду драть, если станешь такъ цѣловаться...

И цесаревна Елизавета Петровна взяла хорошенькаго племянника за ухо и стиснула такъ изрядно, что онъ даже сдѣлалъ непритворную гримасу отъ боли.

— Чай все лѣнишься,—снова заговорила она:—небось, гулять хочется! Посадили молодца на веревочку, а день-то, день-то какой, Боже мой, такъ вотъ пѣть и хочется!... Встрѣтила я твоего звѣря-цербера, ѣдетъ себѣ и ни на кого не смотритъ.

Тутъ она сейчасъ же и представила, какъ ѣдетъ звѣрь-церберъ. И Петръ, и царевна Наталья не могли не разразиться неудержимымъ хохотомъ.

Подъ звѣремъ-церберомъ подразумѣвался, конечно, князь Александръ Даниловичъ, и цесаревна Елизавета изъ своего прелестнаго лица сумѣла мгновенно сдѣлать живое подобіе его сухой и горделивой фигуры.

— Что это ты тутъ подѣлываешь?—сказала Елизавета, подбѣжавъ къ рабочему столу императора:—Цифирь все, да глупыя фигурки... Видно, умны твои учителя, да не очень, зачѣмъ тебѣ все это? Да вотъ погоди, постой, разомъ тебѣ все это запачкаю.

— Ай, ай, не трогай, Лизанька, что ты это, вѣдь, мнѣ же ужо достанется!

Но цесаревна не слушала. Она схватила карандашъ и рядомъ съ какой-то геометрической фигурой во мгновеніе она нарисовала карикатуру.

Петръ и цесаревна Наталья взглянули и опять залились громкимъ смѣхомъ: въ карикатурѣ они узнали того-же звѣря-цербера.

Но Петръ скоро прекратилъ свой смѣхъ и, даже поблѣднѣвъ немного, принялся тщательно вычеркивать карикатуру.

— Что, еслибъ увидѣлъ, что еслибъ увидѣлъ!—озабоченно шепталъ онъ:—тогда, пожалуй, прощай и Петергофъ; да и васъ ко мнѣ пускать не стали бы.

— Ну, желала бы я посмотрѣть, кто бы меня не пустилъ!—сказала Елизавета съ презрительной минкой.—А знаете? Вотъ вамъ Христосъ, что я сегодня звѣрю-церберу на улицѣ языкъ высунула. Видѣлъ, или нѣтъ, я не знаю, а только высунула!

— Вѣдь, ты безстрашная, Лиза,—замѣтила царевна Наталья:—только не знаю, хорошо ли это; какъ бы за такіе твои поступки для тебя же худо не вышло.

— Да,—озабоченно проговорилъ и Петръ: — вотъ мы тутъ смѣемся и думаемъ, что никто насъ не слышитъ, а того и жди у двери чье-нибудь ухо,—я ужъ не разъ замѣчалъ, что меня подслушиваютъ.

Елизавета подкралась къ двери, быстро ее отворила, но тамъ никого не было.

Еще нѣсколько минутъ продолжалась оживленная бесѣда въ рабочей комнатѣ императора. Цесаревна перебрала и пересмотрѣла всѣ предметы, каждую книжку, каждую тетрадь и сопровождала этотъ осмотръ своими веселыми шутками, гримасками и передразниваньями. То изображала она какого-нибудь учителя, то вдругъ заговорила голосомъ Остермана, копировала его жесты и манеры, да такъ удивительно, что самъ онъ, войдя въ комнату, и заставъ ее врасплохъ, не могъ не улыбнуться.

— Вотъ вы чѣмъ тутъ занимаетесь, ай, принцесса, и вамъ не грѣхъ подымать на смѣхъ вашего вѣрнаго слугу! Только все равно я буду просить васъ прекратить эти шутки, не обиды ради, я не обидчивъ, а потому, что самъ князь Александръ Даниловичъ вернулся и сюда шествовать изволитъ.

Елизавета мгновенно притихла, а у Петра даже лицо вытянулось.

Меншиковъ не заставилъ себя долго ждать. Медленной, важной походкой вошелъ онъ въ комнату.

Другъ Данилычъ, дитя сердца Петрова, уже значительно измѣнился и постарѣлъ въ это время. Его сухое лицо приняло выраженіе необыкновенной надменности, ему уже не передъ кѣмъ было склоняться, заискивать и извертываться. При взглядѣ на него сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ, научившійся повелѣвать и властвовать, невидящій передъ собой никакой преграды.

Непріятнымъ, пронзительнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ присутствовавшихъ.

— А я чаялъ, что ты за дѣломъ, ваше величество,—проговорилъ онъ, положивъ свою сухую, жилистую руку на плечо императора:—по росписанію-то теперь урокъ математики. Гдѣ-же учитель?

Петръ вспыхнулъ и опустилъ глаза. Рука Меншикова давила его какъ пудовая тяжесть, и онъ не находилъ словъ, чтобы отвѣчать ему.

— Чего же ты смотришь, Андрей Иванычъ,—обратился Меншиковъ къ Остерману: — нельзя потакать лѣни. Эхъ, дѣда-то нѣту, онъ бы эту лѣнь дубинкой выгналъ отсюда!

Цесаревна Елизавета уже давно вертѣлась на мѣстѣ, очевидно желая ввернуть свое слово.

— Да не ворчи, не ворчи, князь,—наконецъ засмѣялась она, думая взять шуткой и лаской:—тутъ виноватъ не Петруша, а вотъ мы съ царевной Натальей. Ну, а на насъ не поднялась бы и отцовская дубинка.

Меншиковъ кисло улыбнулся.

— Съ васъ взять нечего,—сказалъ онъ: - я отъ васъ отступился, а за него и людямъ и Богу отвѣтъ отдать долженъ.

— Да я и такъ сегодня много учился,—прошепталъ Петръ:—вотъ сестрица говоритъ: день сегодня такой славный, погулять бы хотѣлось...

— Погулять, все гулять,—ворчалъ Меншиковъ:—еще успѣешь, ваше величество, въ Петергофѣ нагуляться. А въ послѣдніе-то дни не мѣшало бы хорошенько поучиться.

— Да, вѣдь, онъ и говоритъ, что съ утра занимался,—тихимъ голосомъ сказала Наталья Алексѣевна:—я за работой его и застала. Будьте ласковы, князь, отпустите его покататься съ нами.

— Всему свое время, царевна,—наставительнымъ тономъ замѣтилъ Меншиковъ.—Не хочу огорчать васъ, но просьбу вашу не исполню. Андрей Иванычъ, позови учителя. А васъ, царевны, мои дочери дожидаются.

Онъ указалъ имъ рукой на дверь съ такимъ жестомъ, который исключалъ всякую возможность сопротивленія.

Всѣ вышли и Меншиковъ остался съ глазу на глазъ съ императоромъ.

— Ну, покажи, что ты тутъ дѣлалъ?—обратился онъ къ нему:—готовъ урокъ?

Онъ наклонился къ столу и сталъ разглядывать исчерченный листъ бумаги.

— Это что, только-то? Да что тутъ такое, кто тутъ напачкалъ? Что зачеркнуто?

— Ничего... это такъ... я ошибся,—прошепталъ Петръ.

— То-то ошибся, безъ моего вѣдома и разрѣшенія всѣхъ пускаютъ въ учебное время... Смотри, государь, учись хорошенько сегодня, я всю правду отъ учителя узнаю.

И не взглянувъ на Петра, своими тяжелыми, мѣрными шагами Меншиковъ вышелъ изъ комнаты.

Крупныя слезы показались на свѣтлыхъ глазахъ юнаго императора.

— Что же это такое,—шепталъ онъ самъ съ собою:—что ни день, то онъ лютѣе становится. Неужели такъ-таки никогда я отъ него и не избавлюсь? Правду говорила Лиза—сущій звѣрь-церберъ... Ахъ, Лиза, Лиза!..

Петръ положилъ голову на руку и задумался. Слезы, едва показавшіяся на глазахъ его, уже высохли, все хорошенькое лицо его улыбалось, и онъ глубже и глубже погружался въ какія-то радостныя, одному ему вѣдомыя мысли.

Наконецъ голосъ вошедшаго учителя вывелъ его изъ раздумья.

II.

На половинѣ меншиковскаго дома, занимаемой княгиней и княжнами, было несравненно больше движенія, чѣмъ въ аппартаментахъ императора. Сюда обыкновенно съ утра стекались всѣ сановники и ихъ семейства, чтобы показаться и заявить свою преданность царской невѣстѣ.

Домъ Меншикова былъ въ то время самымъ роскошнымъ домомъ петровскаго «парадиза», и на его отдѣлку князь не пожалѣлъ денегъ. Вообще Данилычъ не отличался скупостью, и его огромное состояніе, возроставшее съ каждымъ годомъ и добывавшееся самыми незаконными путями, позволяло эту роскошь. Теперь же, въ послѣднее время, когда дочь его уже была обрученной невѣстой императора и на содержаніе ея изъ казны отпускалась знатная сумма, ему даже необходимо было сдѣлать изъ своего дома настоящій дворецъ.

Царевны, проходя изъ рабочей комнаты императора, то и дѣло встрѣчали придворныхъ мужчинъ и дамъ, которые почтительно съ ними раскланивались.

Скоро нагналъ ихъ и Меншиковъ и провелъ въ дальнюю комнату, гдѣ находилось его семейство.

Княгиня Дарья Михайловна всѣми своими силами старалась избѣгать, въ послѣднее время, придворнаго шума. Очень часто не выходила она по цѣлымъ днямъ изъ своихъ покоевъ, звала къ себѣ дочерей и не впускала постороннихъ. Она и теперь си-

дѣла за какой-то работой и тихо бесѣдовала съ княжнами. Сразу можно было замѣтить, что любимицей ея была не царская невѣста, а младшая княжна, Александра. Оно было и понятно: необыкновенная разница замѣчалась между двумя сестрами. Княжна Марія, какъ уже сказалъ Петръ въ разговорѣ съ сестрою, была похожа на отца: высокая, сухая, съ рѣзкими чертами лица, съ нахмуреннымъ взглядомъ. Она рѣдко смѣялась, была постоянно сосредоточена и угрюма и не умѣла ласкаться даже къ матери. Младшая, напротивъ, была очень живая, миловидная дѣвушка; къ тому же теперь ей особенно не слѣдовало печалиться: она была уже почти просватана за принца Ангальтъ-Дессаускаго, который ей сильно нравился. И вотъ она передавала матери свой послѣдній разговоръ съ нимъ и дѣтски-наивно восхищалась всѣми комплиментами, которые онъ расточалъ ей. Княгиня Дарья Михайловна съ доброй материнской улыбкой покачивала головою и радовалась на свое любимое дѣтище.

— А я вотъ не могу похвастаться комплиментами моего жениха,—проговорила княжна Марія.

— Что-же, Машенька, тебѣ и пождать можно, еще будетъ время—государь, я чаю, и комплиментовъ говорить еще не умѣетъ.

— Ну, объ этомъ надо спросить у принцессы Елизаветы,—язвительнымъ тономъ замѣтила царская невѣста:—для нея у него откуда и слова берутся!

Княгиня опустила глаза и печально задумалась.

— Эхъ, не ладно!—шепнули ея губы.

— Да ужъ такъ неладно, что и сказать нельзя:—вдругъ оживленно заговорила Марія:—никакого добра не выйдетъ. Съ каждымъ днемъ виднѣе, что ждетъ насъ только погибель, а батюшка ничего не видитъ, куда и разумъ его дѣвался! Былъ у меня женихъ—человѣкъ мнѣ по сердцу,—выдать бы за него, такъ не знала бы я никакой печали; нѣтъ, царицей захотѣли сдѣлать! Ну, а коли не сдѣлаете? Коли въ конецъ меня погубите, кто-жъ виноватъ будетъ?

— Вотъ ты всегда такъ,—сказала княгиня:—видно, никогда отъ тебя радости не дождаться. О комъ же отецъ-то хлопочетъ, о тебѣ, вѣдь!

— Совсѣмъ не обо мнѣ,—вспыхнувъ, отвѣтила княжна:—совсѣмъ не обо мнѣ, а о себѣ только! Ему нужно властвовать, а обо мнѣ онъ и не помышляетъ, думаетъ—на его вѣкъ хватитъ, а тамъ, безъ него, пускай я развѣдываюсь какъ знаю. Что-жъ, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу, что императору на меня и глядѣть противно. Теперь онъ еще малъ, не знаетъ своей силы, а когда выростетъ, такъ ждать мнѣ душной монастырской кельи, если и еще того не хуже—примѣръ не первый!..

Княжна замолчала и заходила по комнатѣ въ волненіи.

Что могла ей отвѣтить мать? Бѣдная княгиня и сама все хорошо понимала; она видѣла, что ея Данилычъ занесся такъ высоко, что многаго и сообразить теперь не можетъ. Она сама себѣ тысячу разъ повторяла то, что теперь слышала отъ дочери. По ночамъ не спала княгиня: все думала да молилась, страшные сны преслѣдовали ее. Просыпаясь утромъ, каждый разъ ей казалось, что это послѣдній день ихъ счастья; мучительныя предчувствія давили ее и нигдѣ не находила она себѣ отъ нихъ покоя. Ей было тошно смотрѣть на эти улыбавшіяся лица придворныхъ, на ихъ лесть и униженныя заискиванья. Ей часто вспоминались прежніе, лучшіе годы, привольная жизнь въ Москвѣ съ сестрой Варварой, съ сестрами Меншикова, съ будущей императрицей Екатериной I. Какъ хорошо было тогда, какъ весело! Не знали онѣ кручины, жили себѣ припѣваючи, о завтрашнемъ днѣ не думая. Наѣзжалъ къ нимъ частенько, съ неизмѣннымъ своимъ Данилычемъ, Петръ Алексѣевичъ; входилъ онъ шутливый и радостный. Пиръ у нихъ шелъ горою, когда наѣзжали веселые гости; а уѣдутъ, собирались онѣ всѣ и придумывали шутливыя письма къ Петру Алексѣевичу. Помнила она, какъ всегда подписывалась подъ этими письмами: «Дарья глупая». Да и потомъ хорошо было: Катеринушка сдѣлалась великой императрицей, доброй и ласковой, и никогда не забывавшей старинной дружбы. Всегда былъ княгинѣ до нея свободный доступъ, всегда онѣ вмѣстѣ толковали о дѣлахъ своихъ, повѣряли другъ другу свои радости и печали. Много тоже и напастей извѣдала княгиня Дарья Михайловна: бывало, ужъ очень зарвется Александръ Данилычъ, натащитъ себѣ, незаконными путями, кучу денегъ и дойдетъ это дѣло до императора; смотритъ, молчитъ императоръ, покрываетъ своего Данилыча, да наконецъ и не втерпежъ ему станетъ. Бывалдни, что на волоскѣ висѣлъ Данилычъ, но и тутъ вѣчной заступницей являлась Екатерина. Поплачетъ передъ нею Дарьюшка и смотришь: на другой день всякая бѣда миновала. А вотъ теперь это житье старое, эти милыя воспоминанія отошли далеко, какъ будто ихъ и совсѣмъ не было. Вся знать, весь дворъ толпится вокругъ княгини, въ церквахъ возглашаютъ ея дочь государыней, да не на радость все это. Придетъ бѣда—кто заступится? Въ могилѣ и Петръ Алексѣевичъ, и добрая подруга Екатерина. Ненависть людская, страшная ненависть скрывается подъ улыбками и льстивыми рѣчами окружающихъ. Одинъ толчокъ, одинъ мигъ—и въ прахъ разлетится все это безумное величіе! Темно и страшно на душѣ у княгини Дарьи Михайловны, съ грустью смотритъ она на своихъ дѣвочекъ.

У дверей послышались шаги. Княгиня встрепенулась и должна

была насильно заставить себя весело улыбаться и радушно встрѣтить двухъ царевенъ. Да что-же? она вѣдь ихъ искренно и любила. Одна изъ нихъ была дочерью ея сердечнаго друга, а великая княжна Наталья всѣхъ побѣждала своимъ милымъ видомъ.

— Въ добромъ ли здоровьи, мои ясочки? — обратилась къ нимъ княгиня.

— Здоровы-то, здоровы,—отвѣтила Елизавета:—только ужъ очень жарко нынче—въ лѣсъ хочется. Когда-же мы въ Петергофъ переѣзжаемъ, Александръ Данилычъ?

— Тамъ все уже готово, — сказалъ Меншиковъ: — на этой недѣлѣ переберетесь.

— То-то, поскорѣе бы! Да заступись хоть ты, Дарья Михайловна, за императора,—совсѣмъ князь его у насъ замучилъ!

Дарья Михайловна только рукой махнула, показывая этимъ, что не ея это дѣло.

Великая княжня Наталья усѣлась съ Александрой Александровной и дружески съ ней шепталась.

Княжна Марія даже и не старалась казаться любезной: Она сѣла въ уголъ, потупила свои глаза и очевидно не хотѣла принимать никакого участія въ разговорѣ.

— Что такъ сурова, государыня?—съ ясной улыбкой, нѣсколько аскировавшей насмѣшливость тона, обратилась къ ней Елизаета—Не годится такъ хмуриться невѣстѣ. Женихи хмурыхъ неѣстъ не любятъ.

При этихъ словахъ у Александра Даниловича даже ротъ скосился.

«Эхъ, подальше бы эту егозу, да поскорѣй!»—думалъ онъ.—

— А что же, цесаревна,—взглянувъ на нее, сказалъ онъ:— подумала ли ты, о чемъ я вамъ вчера докладывалъ?

— Нѣтъ, не подумала, да и думать мнѣ не о чемъ: не подходящее это дѣло.

— Что же, развѣ мой женихъ плохъ? Чѣмъ вамъ не пара принцъ прусскій?

— А хотя бы тѣмъ, что онъ прусскій, а не русскій! — живо перебила Елизавета.—Я хорошо знаю, что иные люди желали бы меня подальше отсюда спровадить, да я-то уѣзжать не намѣрена. Я съ тоски умру на чужой сторонѣ,—вотъ сестрица Анна какъ въ письмѣ плачется.

И веселое лицо Елизаветы мгновенно отуманилось искренней печалью: теперь она была не похожа на всегдашнюю беззаботную дѣвушку. Даже краска сбѣжала съ ея нѣжныхъ щекъ и она тихо говорила, едва подавляя слезы:

— Не ищи мнѣ жениховъ, князь, все равно теперь не выйду амужъ. Былъ женихъ — такъ Богъ его къ себѣ взялъ, да и не

время о женихахъ думать, когда чуть не вчера еще матушка въ гробъ легла.

Тутъ цесаревна не могла совладать съ собою и залилась горькими слезами.

Всѣ притихли, а княгиня Дарья Михайловна подошла къ Елизаветѣ, обняла ее и сама искренно заплакала. Только одна царская невѣста сидѣла въ своемъ углу съ безжизненнымъ лицомъ и понять нельзя было, о чемъ она думала въ эту минуту.

Но слезы и печаль Елизаветы длились не долго. Вотъ она опять улыбнулась, заговорила шутя и весело и подъ конецъ сумѣла даже оживить Александра Данилыча, который на мгновеніе позабылъ и свои страхи, и свое, въ послѣднее время все возраставшее, злое къ ней чувство.

— Ну, князь, какъ хотите, а теперь я васъ не послушаюсь:— вдругъ обратилась къ Меншикову великая княжна Наталья:— теперь ужъ пора отдохнуть братцу, Я думаю, онъ кончилъ свои уроки, пойду и приведу его сюда.

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, и Наталья выбѣжала изъ комнаты.

Въ дверяхъ Петра она дѣйствительно столкнулась съ уходившимъ учителемъ.

— Кончилъ, ну и слава Богу,—обратилась она къ брату:—а я тебѣ, Петруша, пришла одну вещь сказать. Давеча Лиза помѣшала, а сказать нужно.

— Что такое?—живо спросилъ Петръ.

— А вотъ что, братецъ, ты хотѣлъ мнѣ подарокъ сдѣлать...

— Да, наконецъ!—улыбнулся Петръ:—а ужъ я думалъ, Наташенька, что ты и не поблагодаришь меня за мой подарокъ; я всегда о тебѣ думаю. Что же, хорошо я придумалъ? Каковы червонцы? И всѣ-то блестятъ, всѣ новые. И цѣлыхъ ихъ девять тысячъ? Это мнѣ поднесъ ихъ цехъ нашихъ каменьщиковъ. Я сейчасъ же о тебѣ вспомнилъ и послалъ съ ними къ тебѣ Долгорукаго. Что же—хороши червонцы?

— Вѣрно хороши, да я то ихъ не видала, братецъ...

— Какъ не видала? что это значитъ?

— А то, что Долгорукій пришелъ ко мнѣ, а ихъ не принесъ.

Петръ поднялся и свѣтлые глаза его загорѣлись гнѣвомъ.

— Это что? Это что такое?.. и Долгорукій смѣетъ...

— Перестань, перестань, не вини Долгорукаго, не онъ тому причина, а вотъ что я хочу тебѣ сказать: несетъ князь Иванъ ко мнѣ твой подарочекъ, и встрѣться ему Александръ Данилычъ... Александръ Данилычъ и спрашиваетъ: «что это ты несешь?» Тотъ разсказалъ ему: «такъ и такъ», а Александръ Данилычъ и отобралъ у него весь мѣшокъ. Велѣлъ ему сейчасъ же при

себѣ отнести деньги въ свой кабинетъ и говоритъ: «императоръ еще очень молодъ, не умѣетъ распоряжаться деньгами какъ слѣдуетъ; пригодятся на нужное дѣло». Вотъ князь Иванъ пришелъ ко мнѣ, да и разсказалъ все это.

Петръ заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Что же это, наконецъ, такое?—раздражительно говорилъ онъ то краснѣя, то блѣднѣя:—что же, ужъ онъ мнѣ совсѣмъ руки связываетъ! Я даже не могу своимъ добромъ распоряжаться, не могу сестрѣ подарокъ сдѣлать! На что же это, наконецъ, похоже? Какой я императоръ? Вотъ онъ послѣ васъ со мною такъ говорилъ... такъ говорилъ, что, будь моя воля, я бы его далеко куда-нибудь упряталъ!..

— А развѣ у тебя нѣтъ своей воли?—тихо проговорила царевна.—Когда была жива бабушка—другое было дѣло, а теперь вѣдь, ты въ самомъ дѣлѣ, Петя, императоръ—подумай объ этомъ! Не могу я видѣть, сердце сжимается, какъ Меншиковъ мудритъ тобою, и повторяю я, что не вѣрю его любви къ намъ. Конечно, ты еще не взрослый и долженъ учиться, и много учиться, и умныхъ людей слушаться, да будто, кромѣ Александра Данилыча, у насъ умныхъ людей нѣтъ?! Былъ онъ, можетъ, умный, да изъ ума теперь выживать сталъ. Не ты теперь императоръ, а онъ. Ты говорилъ, нѣтъ у тебя воли, а скажи себѣ: есть у меня воля, вотъ она и будетъ! Только въ дурное что не клади ее. А Меншиковъ всѣмъ намъ обидчикъ.

Петръ остановился и жадно вслушивался въ слова сестры. Съ нимъ очевидно совершался какой-то переворотъ. До сегодня, несмотря на все, что случилось въ послѣдніе мѣсяцы, онъ все еще, невольно, считалъ себя ребенкомъ, подначальнымъ, и дѣтски боялся Меншикова. Тяготясь его властью надъ собою, онъ все же никакъ не могъ себѣ представить, что есть какой нибудь способъ, по собственному желанію, выбиться изъ подъ этой власти. И вдругъ сестрица говоритъ, что только стоитъ сказать себѣ, что *есть воля*—и она будетъ. И сестрица права! Она умна, она все знаетъ и все понимаетъ; сестрица очень умна! Вонъ еще недавно баронъ Андрей Иванычъ говорилъ, что такой умной принцессы на всемъ свѣтѣ сыскать невозможно.

Не будь исторіи съ девятью тысячами червонцевъ, быть можетъ еще долго не пришли бы такія мысли дѣтямъ Алексѣя; но разъ онѣ явились, такъ ужъ не уйдутъ навѣрно.

— Пойдемъ, пойдемъ!—вдругъ заговорилъ Петръ, схватывая сестру за руку: — пойдемъ, я покажу Меншикову, что я не ребенокъ, я покажу ему! Пойдемъ, пойдемъ...

И онъ повлекъ царевну Наталью за руку въ апартаменты князя.

Многочисленные гости, встрѣчавшіеся имъ въ каждой комнатѣ, съ изумленіемъ видѣли, что императоръ ни на кого не обращаетъ вниманія, что онъ совершенно разстроенъ и спѣшитъ куда-то, не отпуская сестру.

Шопотъ пошелъ по комнатамъ: никто не понималъ въ чемъ дѣло, но каждый интересовался въ высшей степени и строилъ всевозможныя предположенія.

Ужъ не пожаловалась-ли она на Меншикова, вотъ бы хорошо было!

Императоръ и Наталья почти вбѣжали въ комнату, гдѣ еще находились всѣ Меншиковы въ сборѣ и съ цесаревной Елизаветой.

— Александръ Данилычъ,—прямо обратился Петръ къ князю:— я послалъ сестрѣ девять тысячъ червонцевъ, а ты ихъ отнялъ и заперъ. Какъ смѣешь ты мѣшать моимъ приказаніямъ?

Мальчикъ весь дрожалъ, говоря это, и со злобой глядѣлъ на князя.

Тотъ совершенно растерялся, не могъ произнести ни слова, какъ будто обезпамятѣлъ, и машинально опустился на кресло. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго и боязливаго до сихъ поръ ребенка. Еслибъ кто нибудь еще за часъ предсказалъ ему эту сцену, онъ никогда бы не повѣрилъ, что она возможна. Но, вѣдь, уши его не обманываютъ! Вотъ онъ стоитъ передъ нимъ, этотъ мальчикъ, и говоритъ ему: «какъ ты смѣешь!»—и глядитъ на него съ гнѣвомъ, блеститъ передъ нимъ своими глазами. До сихъ поръ Меншикову никогда и въ голову не приходило взглянуть на Петра какъ на императора, опасаться за свое надъ нимъ вліяніе, но теперь передъ нимъ былъ императоръ. И этотъ императоръ обращался къ нему какъ къ подданному, заслужившему царскій гнѣвъ и немилость.

Князь все молчалъ.

Дарья Михайловна поблѣднѣла. Младшая княжна инстинктивно бросилась къ матери и заплакала. Цесаревна Елизавета съ восторгомъ глядѣла на Петра и вся ея фигура выражала торжество и радость. Одна только царская невѣста продолжала молча сидѣть, ни на что не обращая вниманія.

А Петръ все ждалъ отвѣта; и Александръ Даниловичъ наконецъ очнулся. Онъ заговорилъ такъ, какъ еще никогда не говорилъ съ императоромъ, заговорилъ робкимъ голосомъ подданнаго.

— Ваше величество,—сказалъ онъ:—государство нуждается въ деньгахъ; казна истощена; неотложныхъ нуждъ много, и я подумалъ, что этимъ деньгамъ можно найти хорошее употребленіе. Я уже сегодня утромъ хотѣлъ представить вамъ прожектъ, на что употребить эти деньги.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Петръ:—все это можетъ и правда, что ты говоришь мнѣ. Да если я дарю моей сестрѣ, если я хочу, чтобы такъ было, такъ оно такъ и будетъ! И ты не смѣешь измѣнять моихъ приказаній! Сейчасъ же изволь послать эти деньги великой княжнѣ Натальѣ.

Съ этими словами маленькій императоръ круто повернулся и, ни на кого не взглянувъ, вышелъ изъ комнаты.

Опомнившись, Меншиковъ побѣжалъ за нимъ и долженъ былъ бѣжать долго, потому что Петръ не останавливался и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ Александру Даниловичу удалось поймать его за руку, онъ отвелъ его въ пустую комнату и сталъ ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ говорить:

— Ну за что ты обидѣлъ старика, ваше величество? Я не хотѣлъ нанести ни тебѣ, ни великой княжнѣ обиды. Какъ на дѣтей своихъ смотрю я на васъ.

— Какія мы тебѣ дѣти! — сказалъ Петръ, выдернувъ у него свою руку.

Меншиковъ поблѣднѣлъ и затрясся. Въ тонѣ голоса нареченнаго зятя ему послышалась одна знакомая нота. Изъ-за юной и нѣжной фигуры Второго императора вдругъ, невѣдомо какимъ образомъ, выглянулъ громадный образъ Перваго, и старый Данилычъ, еще сейчасъ не вѣдавшій границъ своей власти, вдругъ почувствовалъ себя такимъ же безсильнымъ, какимъ бывалъ, во время оно, когда сгибался подъ гнѣвомъ и грозными рѣчами своего повелителя и друга.

— Ваше величество,—снова шепталъ онъ:—прости меня, но вина моя была безъ умысла. Впередъ во всемъ съ тобою совѣщаться стану, но опять повторяю, что и самъ ты долженъ подумать о дѣлахъ государства, долженъ знать, что часто добрый царь жертвуетъ своими желаніями нуждамъ своего народа. Если же что и противное тебѣ дѣлаю, такъ для твоей же пользы, для того, что хочу, чтобъ достойнымъ ты былъ преемникомъ Петру Великому. И дѣдъ твой любилъ дарить своихъ близкихъ, но только не тогда, когда подарокъ его могъ пригодиться на пользу Россіи. Прости же меня. Деньги верну царевнѣ не медля; а вашему величеству теперь не мѣшало бы покататься, благо уроки всѣ кончены.

— Скоро ли мы переѣдемъ въ Петергофъ?—вдругъ обратился Петръ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Его гнѣвъ мгновенно прошелъ; онъ еще не привыкъ къ такимъ сценамъ и при первомъ намекѣ на предстоявшее удовольствіе готовъ былъ забыть всякую непріятность.

— Когда хочешь,—отвѣтилъ Меншиковъ:—хоть завтра переѣзжайте.

— Ну завтра, такъ завтра, и слышишь, князь, непремѣнно чтобъ завтра. Мнѣ очень хочется въ Петергофъ; слышишь—завтра!

Гора съ плечъ свалилась у Александра Даниловича.

Онъ взялъ императора подъ руку и, ласково съ нимъ разговаривая, какъ будто ничего не было между ними, нарочно тихо прошелъ вплоть до комнатъ жены. И всѣ придворные опять стали перешептываться и перемигиваться, и съ сожалѣніемъ соображали, что Данилычъ совсѣмъ помирился съ императоромъ и что не легко ихъ поссорить.

III.

Царевны занимали дворецъ, остатки котораго до сихъ поръ еще существуютъ въ концѣ Лѣтняго сада. Это былъ небольшой и совсѣмъ не роскошный домъ, несравненно проще убранный, чѣмъ домъ князя Меншикова; только кругомъ него во всѣ стороны шелъ превосходный садъ, заключавшій въ себѣ теперешній Лѣтній, Царицынъ лугъ и Михайловскій садъ.

Вернувшись домой послѣ катанья съ императоромъ, великая княжна Наталья велѣла позвать къ себѣ барона Остермана. Онъ не замедлилъ явиться.

— Что прикажете, принцесса?—ласково глядя на нее, спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Садитесь, мнѣ многое нужно сказать вамъ,—отвѣчала Наталья, указывая ему кресло.

Баронъ сѣлъ и все съ тою же ласковой улыбкой приготовился слушать.

— Вотъ вы ушли, а послѣ васъ случились самыя неожиданныя вещи,—начала Наталья.

— Я ужъ кое что слышалъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Откуда? Кто же могъ вамъ сказать? Да, впрочемъ, и спрашивать нечего, вы всегда все знаете. Ну, такъ что же вы знаете, что вы слышали?

— На этотъ разъ немного. Я знаю только, что была ссора у императора съ княземъ Меншиковымъ и что вы, принцесса, тому причиной.

— Да, я дѣйствительно была тому причиной.

И она разсказала Остерману во всѣхъ подробностяхъ утреннее дѣло.

Онъ внимательно ее слушалъ и одобрительно кивалъ головою.

— Это хорошо, хорошо,—наконецъ заговорилъ онъ:—только все же бы лучше было, еслибъ начать осторожнѣе. Вѣдь, я го-

ворилъ вамъ, принцесса, что дѣла большія всегда нужно осторожно дѣлать и медленно, этакъ прочнѣе выходитъ.

— Ну да, вѣдь, тоже говорятъ, что нужно коватв желѣзо, пока горячо!—замѣтила Наталья.

Остерманъ сталъ опять ее разспрашивать; ему особенно интересны были подробности о томъ, какъ велъ себя Меншиковъ, и слушая разсказъ о его смущеніи, о его почтительности и трепетѣ, Андрей Ивановичъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ потиралъ свои пухлыя руки.

«Хорошо, хорошо!—думалъ онъ:—авось и выйдетъ что-нибудь. Тoлько бы я былъ въ сторонѣ, только бы меня какъ нибудь не замѣшали»...

— Ну, а теперь они какъ же,—спросилъ онъ великую княжну:—помирились?

— Да, помирились, только я ручаюсь вамъ, что братъ совсѣмъ ужъ другой сталъ и никогда сегодняшняго дня не забудетъ. До сегодня онъ былъ ребенокъ, а теперь—императоръ, увѣряю васъ, милый Андрей Иванычъ.

Она ласково поглядѣла на Остермана и протянула ему руку.

Тотъ почтительно поцѣловалъ эту маленькую ручку и глядѣлъ на великую княжну въ полномъ восторгѣ. Онъ видѣлъ ясно, что сѣмя, имъ посѣянное, попало на добрую почву. Вѣдь, онъ самъ направлялъ постоянно ея мысли въ послѣднее время, онъ зналъ всю силу своего вліянія надъ нею, а вотъ теперь оказываются и плоды этого вліянія. Да, онъ не ошибся—такъ именно и надо было дѣйствовать: никто лучше сестры не могъ направлять маленькаго императора, а сестру руководить до конца будетъ онъ, Андрей Ивановичъ.

— Завтра мы переѣзжаемъ въ Петергофъ,—весело объявила царевна:—а Александръ Данилычъ въ свой Ранбовъ ѣдетъ; будетъ не въ примѣръ свободнѣй, и много можно за это время сдѣлать.

— Ухъ, какъ много!—серьезно проговорилъ Остерманъ:—только помните, принцесса, что все же осторожность не мѣшаетъ.

— Помню, помню, я никогда не забываю вашихъ совѣтовъ, Андрей Иванычъ. Да, поскорѣй бы въ Петергофъ,—вдругъ тихо и какъ то печальнопродолжала она:—мнѣ что-то не хорошо здѣсь. Даже и въ саду моемъ воздуху какъ будто мало, душно что-то и опять кашель... Вчера почти всю ночь не спала, а теперь такъ устала, такъ устала...

Остерманъ взглянулъ на ея блѣдное лицо и невольно смутился; онъ уже не въ первый разъ замѣчалъ въ ней это печальное выраженіе; она, точно, была нездорова.

— Прощайте, Андрей Иванычъ, попробую заснуть,—прошептала царевна, протягивая ему руку.

Онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

Наталья позвала свою фрейлину, прошла съ ней въ спальню и стала раздѣваться. Скоро она осталась одна, отворила окно и сѣла передъ нимъ въ раздумьи. Ночь была душная, въ далекихъ кустахъ заливался одинъ изъ послѣднихъ соловьевъ, и странно было слышать въ недавнемъ болотѣ его пѣсни. Но это былъ настоящій соловей: сынъ или внукъ одного изъ тѣхъ, которыхъ Петръ Великій выписывалъ изъ южныхъ губерній для своего «парадиза».

Царевна Наталья смотрѣла въ свѣтлое сѣверное небо, и все грустнѣе и тоскливѣе дѣлалось на душѣ ея. Съ нѣкотораго времени она стала очень задумчива: переходъ отъ беззаботнаго дѣтства въ ней совершился неожиданно и быстро. Еще такъ недавно она была настоящимъ ребенкомъ, ни о чемъ не заботилась и ничѣмъ не смущалась; ей хорошо было подъ крылышкомъ доброй, хотя и не родной бабушки. Вспоминала она теперь и великаго дѣда, его рѣдкія, своеобразныя и тѣмъ еще болѣе дорогія ласки. И вотъ какъ скоро, какъ быстро всего этого уже нѣтъ,—что-то будетъ? Въ уставшей и склоненной на руки головѣ царевны бродило множество разныхъ тревожныхъ мыслей; она все думала и думала о своемъ любимомъ, единственномъ братѣ, думала о томъ, что, несмотря на весь блескъ ихъ положенія, все же они бѣдныя дѣти, сироты, не помнящія ни отца, ни матери, безъ добрыхъ родныхъ, окруженныя людьми, которымъ невозможно довѣриться. Одинъ только и есть человѣкъ—Андрей Иванычъ—вѣритъ ему сердце, а все же подъ часъ и при немъ беретъ сомнѣніе... Хитеръ больно Андрей Иванычъ, не разберешь иной разъ, что у него въ мысляхъ, а глаза смотрятъ по сторонамъ, ничего не выдавая. Большое дѣло задумала царевна. Она рѣшилась во что бы то ни стало, такъ или иначе, избавить императора отъ ненавистныхъ Меншиковыхъ, да удастся ли это? А коли и удастся, будетъ ли лучше? Не Меншиковы — найдутся другіе, вотъ хоть бы Лиза. Братъ на нее просто молится. Лиза добрая, милая, но, вѣдь, и она хитрая... Впрочемъ о Лизѣ Наталья не могла думать хладнокровно. Еще недавно она такъ любила свою красавицу-тетушку, а теперь какая-то черная кошка пробѣжала между ними, и все ищетъ царевна чего-нибудь дурного въ Елизаветѣ, все старается объяснить въ темную сторону. Отчего бы это? Лиза всегда такъ ласкова съ нею, любитъ ее по прежнему... но что-то такое случилось—и тянетъ ее отъ красавицы Лизы. Великая княжна еще не совсѣмъ сознавала свое чувство, а уже оно сильно развилось въ ней—это была ревность! Это былъ страхъ за свое вліяніе надъ братомъ, за братнюю любовь къ ней. Но и не одна Лиза смущала бѣдную царевну. Въ

послѣднее время она замѣчала, что юный императоръ очень сдружился съ молодымъ Долгорукимъ, и мало проку видѣла она отъ этой дружбы. Долгорукій—краснобай, шутникъ, вотъ еще недавно она узнала, что онъ ведетъ безпутную жизнь, даже, кажется, пить началъ, ну, какъ тому же научитъ Петрушу, вѣдь, это будетъ, пожалуй, еще хуже Меншикова!

— Да нѣтъ, не дамъ я имъ погубить его,—вдругъ вся въ волненіи и сверкнувъ глазами, сказала себѣ царевна.—Покуда я съ нимъ, онъ ни на кого меня не промѣняетъ, я передъ Богомъ поклялась стоять за него и быть ему матерью, отгонять отъ него все злое—и должна я исполнить эту клятву! Я никому не отдамъ его, я всю себя положу въ него, я уничтожу Меншиковыхъ, я уничтожу Долгорукихъ. Пусть и *она* поборется со мною—увидимъ, кто сильнѣе... никому, никому не отдамъ я его!

Царевна поднялась въ волненіи и вся дрожала. Вдругъ она схватилась за бокъ, холодныя капли пота показались на лбу ея и она слабо закашляла. Безсильно опустилась она въ кресло и крупныя слезы полились изъ глазъ ея.

— Не отдамъ, не отдамъ... а если *меня* возьмутъ отъ него — не люди, а Богъ?.. Если умру—что тогда?.. А мнѣ все теперь начинаетъ казаться, что умру я скоро...

И долго она сидѣла передъ открытымъ окошкомъ и все плакала, и все думала, и никто не зналъ, что творится въ юной душѣ ея.

IV.

Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ. Петръ, въ сопровожденіи молодого Долгорукаго, цесаревны Елизаветы и сестры, объѣздилъ знакомыя мѣста и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Онъ былъ доволенъ всѣми сдѣланными предположеніями и уже строилъ планы, какъ они будутъ охотиться и веселиться. Петергофъ въ то время былъ совсѣмъ не тотъ, что теперь. Царскій дворецъ, хотя и удобно построенный, не представлялъ ничего особеннаго. Здѣсь была собрана еще Петромъ Великимъ коллекція картинъ, но картины эти находились безъ всякаго присмотра и значительно пострадали. Дворцовая мебель была тоже петровская, т. е. самая простая. Дворецъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и теперь: съ его балконовъ открывался видъ на море; внизу били фонтаны; но паркъ совсѣмъ почти не былъ расчищенъ и только въ ряду мелкихъ строеній для придворныхъ красовались два прелестные домика: Марли и Монплезиръ...

Въ Монплезирѣ дѣлались приготовленія для разныхъ празд-

ствъ. Никто не зналъ, на долго ли князь Меншиковъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ и когда сюда вернется; но дня черезъ два по переѣздѣ двора на лѣтнюю резиденцію, всѣ были поражены неожиданною и важною вѣстью: гонецъ изъ Ранбова извѣстилъ, что свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ тяжко боленъ. Гонецъ привезъ письмо Меншикова къ императору. Оно было написано дрожащей рукою и въ немъ свѣтлѣйшій прощался съ императоромъ. Это письмо было его завѣщаніемъ.

Тепло и краснорѣчиво писалъ онъ Петру о томъ, какіе для него наступаютъ многотрудные годы, указывалъ ему его обязанности относительно Россіи — «недостроенной машины», увѣщевалъ слушаться Остермана и министровъ, быть правосуднымъ. Въ то же время онъ писалъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручалъ имъ свою семью, однимъ словомъ, приготовился дѣйствительно умирать.

Въ первую минуту никто даже и не повѣрилъ этому извѣстію, такъ оно было неожиданно; но княжескій гонецъ подробно разсказалъ о болѣзни свѣтлѣйшаго. Оказалось, что сейчасъ по пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ онъ расхворался и теперь лежитъ въ великой слабости и лихорадкѣ и харкаетъ кровью. Не вѣрить было нельзя.

Необычайное волненіе поднялось въ Петергофѣ; всѣ ходили другъ къ другу, всѣ толковали, пожимали плечами, качали головою, изумлялись, ахали, радовались, задавали себѣ всякіе вопросы. Что-же теперь будетъ, коли умретъ Александръ Данилычъ? Хорошо будетъ отъ лютаго звѣря избавиться; поднимутся старинныя фамиліи: князь Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Инымъ, болѣе разсудительнымъ и дальнозоркимъ, представлялось также, что, несмотря на все это, со смертью Данилыча не будетъ одного—не будетъ прежней крѣпкой силы въ правительствѣ. Императоръ и его близкіе радовались всего больше тому, что вмѣстѣ со смертью Меншикова уничтожится и невѣста. Никогда на ней не женится императоръ!

Петръ велѣлъ снарядить экипажъ и, скрѣпя сердце, поѣхалъ вмѣстѣ съ сестрою навѣстить Меншикова. Онъ засталъ его въ постели и въ плохомъ видѣ. Князя дѣйствительно била лихорадка; онъ стоналъ и харкалъ кровью. Теперь онъ прерывающимся и слабымъ голосомъ повторялъ Петру свои увѣщанія, и когда говорилъ о своей дочери—заплакалъ.

Юный императоръ слушалъ его молча. Онъ не жалѣлъ князя, ему просто было неловко и хотѣлось уйти скорѣй. Онъ такъ и сдѣлалъ: пробывъ въ Ранбовѣ не больше часа, уѣхалъ обратно.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на императора болѣзнью Меншикова, въ тотъ же день совершенно изгладилось; въ Петер-

гофѣ его ожидала прогулка въ обществѣ всѣхъ близкихъ ему людей. Петръ велѣлъ осѣдлать себѣ своего любимаго коня; Елизавета, прекрасная наѣздница, тоже была верхомъ, царевна Наталья помѣстилась въ коляскѣ съ княжной Долгорукой и другой своей фрейлиной, и всѣ они отправились верстъ за шесть, гдѣ въ превосходной мѣстности для нихъ былъ устроенъ праздникъ: музыка и роскошный ужинъ.

Весело было Петру чувствовать себя на свободѣ. Съ нимъ рядомъ ѣхала красавица-тетушка, и онъ все на нее любовался. Она была сегодня еще веселѣе обыкновеннаго, озаряла всѣхъ своей беззаботной улыбкой, веселыя ея шутки такъ и сыпались, передавались изъ устъ въ уста и возбуждали искренній смѣхъ придворныхъ. Къ Петру Елизавета была очень ласкова, но все-же постоянно сдерживала излишнюю его нѣжность. Она останавливала его порывы, напоминая о томъ, что онъ ребенокъ, мальчикъ, и что такъ она на него и смотритъ. Его это ужасно сердило и мучило, онъ изыскивалъ всѣ способы доказать ей, что она ошибается, что онъ смѣлый и ловкій мужчина. Онъ подзадоривалъ своего лихого коня, пускалъ его въ галопъ, молодецки перепрыгивалъ черезъ рвы, глаза его сіяли оживленіемъ, на щекахъ выступалъ румянецъ. Въ своемъ роскошномъ платьѣ, стройный и изящный, онъ дѣйствительно заставлялъ на себя любоваться. И принцесса Елизавета любовалась имъ, она очень любила этого милаго, красиваго мальчика, но, конечно, никогда не могла смотрѣть на него иначе, какъ на ребенка. Она хорошо знала, что еще недавно баронъ Андрей Ивановичъ подавалъ проектъ о необходимости брака между нею и Петромъ. Она знала, что этотъ бракъ имѣлъ много хорошихъ сторонъ, примирялъ всѣ партіи, упрочивалъ спокойствіе государства, но все же сама не могла безъ смѣха объ этомъ подумать. Какой это мужъ—этотъ маленькій хорошенькій племянникъ? Настоящій женихъ умеръ, много близкихъ, дорогихъ умерло и погибло за послѣднее время. Такъ вотъ иной разъ шутитъ она, смѣется, веселится какъ будто, а вдругъ задумается и тяжело ей станетъ. Конечно беззаботный характеръ беретъ свое, печаль проходитъ скоро, зоветъ жизнь, зоветъ веселье!

Иногда ей даже думалось, что въ концѣ концовъ придется таки взглянуть на Петра, какъ на будущаго мужа, по крайней мѣрѣ придется постараться надъ этимъ. Ужъ очень ненавистно ей было уступить его княжнѣ Меншиковой. Но вотъ Меншиковъ боленъ, умираетъ, императоръ не любитъ своей невѣсты, она ему противна—все уничтожается и не о чемъ теперь думать. Ахъ, какъ хорошо, какъ весело!

Принцесса тоже подзадориваетъ своего коня и мчится вслѣдъ

за императоромъ, и всѣ придворные смотрятъ на нее, любуясь ея красотою, ея смѣлостью и природнымъ граціознымъ величіемъ.

«Во истину она дочь Петрова!»—шепчутъ иныя губы.

А великая княжна Наталья молча и грустно ѣдетъ въ своемъ тяжеломъ экипажѣ, грустно смотритъ вдаль, гдѣ мелькаютъ фигуры брата и Елизаветы. Ея спутницы не смѣютъ нарушить молчанія, видятъ, что великой княжнѣ не до разговоровъ. Что съ ней, онѣ не знаютъ. Странной какой-то стала она въ послѣднее время. Все тѣ же неотвязныя думы преслѣдуютъ Наталью. Видитъ она, что съ каждымъ днемъ усиливается привязанность брата къ тетушкѣ Лизѣ. Съ утра до вечера они вмѣстѣ: гдѣ онъ, тамъ и она; гдѣ она, тамъ и онъ. И она хорошо знаетъ о проектѣ Андрея Ивановича и просто готова возненавидѣть своего стараго друга за этотъ ужасный проектъ, не проститъ она ему никогда этого!

Вечеромъ, послѣ катанья, великая княжна позвала брата къ себѣ и заперла дверь.

— Что ты такъ скучна, Наташа?—спросилъ императоръ.

— Ахъ, нездорова я, Петруша, очень нездорова, да и не одно нездоровье...—печально проговорила она.

— Что такое? Обидѣлъ развѣ тебя кто нибудь? Скажи только!

— Ты меня обижаешь, братецъ...

— Чѣмъ? Наташенька? помилуй! Я такъ люблю тебя, какъ я могъ тебя обидѣть?!

— Любишь-то ты меня, любишь,—тихо отвѣтила Наталья:—а все Лизу любишь больше меня, я это хорошо вижу.

— Ахъ, Наташа,—краснѣя, выговорилъ Петръ:—ахъ, Наташа, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Лиза никогда тебѣ помѣшать не можетъ. Все мое сердце принадлежитъ тебѣ, и я люблю тебя какъ сестру, какъ мать родную!.. люблю и Лизу, только то совсѣмъ другое дѣло... Посмотри, какая она красавица, какъ ловка, весела, мнѣ такъ ужасно хорошо и весело съ нею... Но никогда, никогда я тебя для нея не забуду!

Великая княжна грустно улыбнулась.

— Забудешь, скоро забудешь!—страннымъ голосомъ проговорила она и махнула рукою.

Петръ подбѣжалъ къ ней, сталъ передъ ней на колѣни, прижался къ ней головою, обнялъ ее и глядѣлъ такъ ласково, такъ любовно и смущенно.

— Петруша, голубчикъ,—начала Наталья:—если ты очень меня любишь, такъ послушайся моего совѣта.

— Я всегда тебя слушаюсь,—замѣтилъ императоръ.

— Нѣтъ, не всегда; ты не вѣрь Лизѣ, не вѣрь, она обман-

щица, она тебя не любитъ, она только шутитъ да смѣется надъ тобою, смотритъ на тебя какъ на маленькаго мальчика, а ты и ни вѣсть что думаешь.

Петръ поднялся на ноги и вытянулся во весь ростъ передъ сестрой. Лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ и важнымъ.

«Во-первыхъ, я вовсе не маленькій мальчикъ,—рѣзко выговаривая каждое слово, началъ онъ:—посмотри на меня, какой я мальчикъ? Потомъ, сестрица, потомъ, знаешь-ли... вѣдь, вотъ у меня есть невѣста, княжна Марія. Она старше Лизы; она въ тысячу разъ ея хуже, а все же невѣста! Ну, этой невѣсты скоро не будетъ, мнѣ нужна будетъ другая, потому что мнѣ никакъ нельзя безъ невѣсты, это говоритъ и Андрей Иванычъ—у императора должна быть невѣста! Такъ скажи мнѣ сама, какую же невѣсту можно найти мнѣ лучше Лизы? Вѣдь, это еще до смерти бабушки самъ Андрей Иванычъ придумалъ, а онъ такой добрый, умный, ученый—онъ дурного да глупаго не придумаетъ.

«Ахъ, Андрей Иванычъ, Андрей Иванычъ, и ты сталъ хуже врага!»—подумала про себя царевна Наталья.

— Послушай,—обратилась она къ брату:—Андрей Иванычъ уменъ, да, но только вѣдь и у умнаго человѣка бываетъ затемнѣніе въ разсудкѣ. Хорошо онъ придумалъ, а выходитъ, все же, совсѣмъ дурно. Онъ нѣмецъ, Андрей Иванычъ, а мы русскіе, православные, онъ забылъ, что грѣшно жениться на родной теткѣ: Богъ не велитъ, церковь не разрѣшаетъ.

— Это пустое!—нахмуривъ брови, сказалъ Петръ и сталъ въ волненіи ходить по комнатѣ:—это пустое! Ради блага государства, ради неотложной нужды и Богъ и церковь разрѣшаютъ. Вѣдь, и нѣмцы не идолопоклонники же, а у нихъ такія женитьбы зачастую бываютъ.

— Не хорошо, не хорошо ты это говоришь, братецъ, никакой тутъ нужды неотложной нѣтъ и никакого добра изъ этого не выйдетъ. Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, выбрось это изъ мыслей, не думай объ этомъ, не должно этому статься!

Петръ молчалъ нѣсколько мгновеній. Наконецъ, онъ обернулся къ сестрѣ.

— Видишь что, Наташа,—твердымъ голосомъ сказалъ онъ:—ты все это говоришь потому, что тебѣ кажется будто я люблю Лизу больше нежели тебя, и что еслибъ она стала моей женою, такъ я тебя забылъ бы совсѣмъ. Но ради Бога, Наташа, не думай объ этомъ... Еслибъ только могло случиться... (опять яркая краска залила его щеки), еслибъ было это, такъ, кажется, счастливѣе меня не было бы на всемъ свѣтѣ человѣка—у меня бы и сестра дорогая, и жена дорогая были бы... И никогда Лиза не можетъ мнѣ помѣшать любить тебя, да и она вовсе не хочетъ

того, она сама тебя любитъ. Не говори дурного про Лизу; ты такая умная, такая добрая, зачѣмъ же ты хочешь злою сдѣлаться, несправедливою? Сама меня учишь быть справедливымъ, такъ примѣръ мнѣ покажи. Во всемъ буду тебя слушаться, все для тебя сдѣлаю, а Лизу не тронь, Лиза сама собою!..

И Петръ, нѣжно поцѣловавъ сестру, вышелъ отъ нея. Опять горько и безнадежно заплакала великая княжна Наталья.

V.

Дни проходили за днями—императоръ все веселился. Некому было стѣснять его: далеко, въ своемъ Ранбовѣ, лежитъ на постели больной и умирающій Александръ Даниловичъ. Одинъ человѣкъ только и остался, который могъ бы стѣснить веселье,—это Андрей Ивановичъ Остерманъ. Но Андрей Ивановичъ не стѣсняетъ императора; онъ говоритъ, что послѣ ученья, въ лѣтнюю пору, отдохнуть нужно, повеселиться, лишь бы забавы не мѣшали дѣлу, лишь бы не очень ужъ долго онѣ протянулись. Слѣдовательно, можно веселиться съ чистою совѣстью: даже Александръ Даниловичъ наказывалъ слушаться Остермана. Другіе близкіе люди ни въ чемъ не перечатъ императору. Иванъ Долгорукій каждый день придумываетъ новыя забавы: то охоту устроитъ, то катанье съ музыкой и пѣснями, то во дворцѣ или подъ фонтанами машкараду.

Цесаревна Елизавета—душа этого веселья; дни проходятъ какъ радостный сонъ и только жалко, что скоро такъ идутъ они, и что времени удержать невозможно. Одной сестрицѣ Наташѣ не по себѣ—все грустна она, иногда по цѣлымъ днямъ изъ своихъ покоевъ не выходитъ, но сестрица Наташа нездорова; вотъ поправится—хорошіе доктора ее лечатъ—поправится и снова станетъ веселою.

Каждый день ѣздятъ гонцы въ Ранбовъ и изъ Ранбова. Сначала князю все было хуже, но вдругъ полегчало.

— Не умретъ еще, поди, чай, выздоровѣетъ—что ему дѣлается!—толкуютъ придворные.

И, дѣйствительно, князь выздоровѣлъ. Петръ было поѣхалъ какъ-то къ нему, да на дорогѣ въ Ранбовъ его самого встрѣтилъ. Несмотря на доброе сердце, не могъ не подосадовать императоръ и, если ему тяжело и неловко было смотрѣть на слабаго умиравшаго Меншикова, то теперь, на здороваго, онъ глядѣлъ положительно съ враждою.

«Пусть только опять за старое примется, пусть только,—думалъ онъ,—я покажу ему, что со мной трудно тягаться!»

Случай показать это скоро представился.

Меншиковъ, едва появился въ Петергофѣ, сейчасъ же и потребовалъ отчета во всемъ, что произошло во время его болѣзни. Онъ очевидно забылъ исторію съ девятью тысячами червонцевъ, или разсудилъ, что не стоитъ придавать ей большого значенія, что это только была мимолетная вспышка и отъ нея ничего не осталось. Онъ призвалъ къ себѣ царскаго камердинера и спросилъ его, куда истрачены три тысячи рублей, данныя для мелкихъ расходовъ императора. Камердинеръ началъ высчитывать, но не досчитался нѣсколькихъ сотенъ и объявилъ, что выдалъ ихъ императору по его приказу.

Меншиковъ разбранилъ камердинера, прогналъ его и велѣлъ ему немедленно убираться изъ Петергофа. Камердинеръ кинулся къ императору, повалился ему въ ноги и умолялъ заступиться за него передъ княземъ. Петръ только и желалъ чего-нибудь подобнаго и ухватился за возможность показать себя Меншикову. Онъ призвалъ его къ себѣ и встрѣтилъ такъ, что князь опять почувствовалъ возвращеніе своей лихорадки. Все кончилось тѣмъ, что камердинеръ былъ возвращенъ.

Дня черезъ два опять повторилась подобная сцена.

Петръ потребовалъ у Меншикова пятьсотъ червонцевъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Меншиковъ.

— Надобно!—рѣзко отвѣтилъ Петръ.

Александръ Даниловичъ ничего не возразилъ и велѣлъ выдать червонцы. Петръ сейчасъ же снесъ ихъ къ царевнѣ Натальѣ въ подарокъ.

— Вотъ какъ я его учу,—сказалъ онъ ей:—небось, теперь онъ ихъ у тебя не отниметъ!

Но каково было изумленіе императора, когда черезъ часъ какой-нибудь сестра объявила ему, что Александръ Даниловичъ отобралъ у нея эти червонцы.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ, этотъ Меншиковъ? Подайте мнѣ его сейчасъ же, гдѣ онъ?—задыхаясь отъ волненія и гнѣва, кричалъ императоръ.

Меншикова не было. Онъ только что уѣхалъ къ себѣ въ Ранбовъ.

Петръ хотѣлъ было немедленно за нимъ ѣхать, но потомъ разсудилъ иначе.

— Слишкомъ много для него чести,—сказалъ онъ.—Сейчасъ послать гонца и вернуть его! Сказать ему, что я долженъ его видѣть, чтобъ онъ возвратился немедленно.

Меншиковъ вернулся въ страшномъ раздраженіи.

— Что это значитъ, ваше величество,—сказалъ онъ, входя къ императору:—что ты меня съ дороги ворочаешь? Дѣлъ важныхъ

никакихъ нѣтъ, уѣзжая, я рѣшилъ все, а я устарѣлъ, чтобы ты такъ помыкалъ мною.

— Не я тобой помыкаю, а ты мной помыкать хочешь,—замѣтилъ ему Петръ.—Ты вѣрно забылъ, что я говорилъ тебѣ, ты забылъ, что обѣщалъ мнѣ исполнять мои приказанія и не перечить моимъ распоряженіемъ. Я подарилъ сестрѣ моей пятьсотъ червонцевъ, и ты опять осмѣлился отнять ихъ, что же это, наконецъ, такое?

— Но, ваше величество, разсуди...

Петръ перебилъ его. Онъ топнулъ ногою и, сказавъ: «я тебя научу, я тебѣ покажу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться!» вышелъ изъ комнаты.

Онъ не хотѣлъ видѣть Меншикова, не хотѣлъ о немъ слышать. Свѣтлѣйшій не зналъ, что ему дѣлать. Ему ясно было, что много неладнаго совершилось во время его болѣзни: Петръ пріучился къ свободѣ, къ тому же и враги княжескіе очевидно сумѣли вооружить его противъ будущаго тестя.

«Вѣдь, что ни человѣкъ, то врагъ мнѣ лютый!—думалъ Меншиковъ.—Что же это такое? Вѣдь, этакъ они въ самомъ дѣлѣ спихнутъ меня,—бѣда! И не на кого положиться... Надѣялся я, что Остерманъ за меня... Вѣдь, вотъ писалъ онъ, все писалъ, что слѣдитъ за императоромъ, писалъ, что императоръ радуется моему выздоровленію,—много писалъ, а, можетъ, самый этотъ Остерманъ и есть лютѣйшій врагъ мой! На кого положиться? Вотъ оно, послѣднее письмо его... ишь какъ расписываетъ: «Вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продленіи вашей высокой милости и моля Бога о здравіи Вашемъ пребываю съ глубочайшимъ респектомъ Вашей великокняжеской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ.» Хорошъ слуга! Хорошъ другъ! Вотъ и Петръ приписываетъ: «И я при семъ Вашей Свѣтлости, и светлейшей княгене и невѣстѣ и своячинѣ и тетке и шурину поклонъ отдаю любителны. Петръ.» Но это, небось, самъ Андрей продиктовалъ, чтобъ глаза отвести мнѣ. Нѣтъ, нужно добраться до Остермана, послушать, что-то онъ скажетъ, какъ вывернется!»

Александръ Даниловичъ вышелъ изъ дворца, спустился съ пригорка и направился къ домику, занимаемому Остерманомъ. Баронъ Андрей Ивановичъ съ утра не выходилъ изъ своей комнаты. Онъ зналъ, какая во дворцѣ идетъ буря, его жена уже два раза приносила ему оттуда самыя свѣжія вѣсти. А во время бурь и волненій, очень часто имъ самимъ приготовленныхъ, Андрей Ивановичъ всегда сидѣлъ дома, одержимый всевозможными недугами. Онъ и теперь сдѣлалъ видъ больного человѣка: снялъ парикъ, надѣлъ шлафрокъ, спустилъ штору и даже поставилъ передъ своей постелью стклянку съ какимъ-то лекарствомъ.

Андрей Ивановичъ занималъ маленькое помѣщеніе—три бѣдно меблированныя комнаты, и вовсе не позаботился, чтобы ихъ украсить. Не любилъ онъ излишней роскоши, да и вообще никакихъ тратъ не любилъ; для него было несравненно пріятнѣе отложить денежку въ безопасное мѣсто на черный день. Къ такой же бережливости и скупости пріучилъ онъ и свою баронессу, которая была ему вѣрнымъ другомъ, сумѣла окончательно войти во всѣ интересы и планы мужа и безъ души его любила.

Баронесса Марѳа Ивановна Остерманъ, урожденная Стрѣшнева, была сосватана Андрею Ивановичу самимъ Петромъ Великимъ, и въ нѣсколько лѣтъ счастливой семейной жизни какъ-то даже по внѣшнему виду совсѣмъ превратилась въ нѣмецкую фрау.

Теперь она только что вернулась изъ большого дворца и шепнула мужу, что сейчасъ тамъ было крупное объясненіе у государя съ Меншиковымъ, и что Александръ Даниловичъ спѣшно идетъ теперь къ ихъ домику.

— Поди, поди, поди на кухню!—быстро зашепталъ Остерманъ:—какъ будто тебя и нѣту!

Баронесса скрылась, а Андрей Ивановичъ состроилъ самую болѣзненную физіономію, легъ на постель, налилъ себѣ лѣкарства, обернулъ голову мокрымъ полотенцемъ и принялся тихо стонать. Черезъ минуту къ нему входилъ Меншиковъ.

— Валяешься, боленъ опять, небось, помрешь къ вечеру? Что-то ужъ долго ты умираешь, съ тѣхъ поръ какъ тебя знаю. И все отъ болѣзней твоихъ лютыхъ только распираетъ тебя во всѣ стороны!—едва сдерживая свой гнѣвъ, началъ Меншиковъ, едва вошелъ.

— Боленъ, боленъ, ваша высококняжеская милость!—охая и какъ бы не замѣчая меншиковскаго тона, отвѣтилъ Остерманъ, искусно выражая на своемъ лицѣ невыносимыя страданія.—Такъ голова трещитъ, что еле гляжу на свѣтъ Божій. Вотъ окно занавѣсилъ, а все глазамъ больно.

— А, небось, не больно глазамъ и не стыдно имъ смотрѣть на свѣтъ Божій, дѣлая всякія непотребныя дѣла?—уже не сдерживая своего гнѣва, возвысилъ голосъ Меншиковъ.

— Какія такія дѣла? О чемъ говорить изволите, ваша высококняжеская милость? Охъ, охъ!—простоналъ Остерманъ.

— Не знаетъ, не понимаетъ, скажи на милость! Андрей, смотри у меня, не доводи до послѣдняго, или ты меня не знаешь?

— Охъ, охъ! Да толкомъ сказывай, ваша высококняжеская милость, ей Богу ничего не понимаю.

— Ты мнѣ писалъ это письмо?—вынулъ Меншиковъ изъ кармана пакетъ.

— Я. Тутъ вотъ и приписочка есть императора.

— То-то приписочка, писать-то ты мастеръ! Все время меня успокоивалъ, увѣрялъ, что императоръ спрашиваетъ про меня, жалѣетъ, желаетъ здоровья. А что вы тутъ безъ меня надѣлали? Ты, я чаю, всѣ дни турчалъ ему на меня!

— Боже меня сохрани и избави!—вдругъ поднялъ голову съ подушки Остерманъ, въ нѣкоторомъ изумленіи глядя на Меншикова.—Чтобы я могъ... да зачѣмъ, скажи на милость? И откуда у тебя такія мысли берутся, ваша высококняжеская милость? Грѣхъ тебѣ! И главное одного сообразить не могу, неужто-жъ вы меня за малаго ребенка или за дурака почитаете? Если моему сердечному расположенію и респекту къ себѣ не вѣрите, такъ подумали бы о томъ, что самъ я себѣ не врагъ. Кѣмъ-же я и держусь, какъ не вами, ваша милость?! Ну, не приведи Богъ, что съ вами, такъ, вѣдь, куда я дѣнусь? Сотрутъ меня, за одното сотрутъ, что съ вами въ ладахъ былъ, никогда не простятъ этого! Такъ, вѣдь, я все это очень хорошо понимаю, какъ же могу что нибудь дурное про васъ замыслить! Охъ, охъ..: ишь голова проклятая!

Меншиковъ молчалъ въ нерѣшительности.

«Нелегкая его знаетъ,—думалъ онъ,—хитрый нѣмецъ! Или тутъ взаправду другія руки дѣйствовали?!.»

Такъ, въ нерѣшительности и съ тяжелымъ чувствомъ, и вышелъ князь отъ Андрея Ивановича.

По его уходѣ въ комнату прокралась баронесса.

— Ну что-жъ, Андрей Иванычъ, ничего, заставилъ замолчать его! Я все у двери слышала.

— Да какъ же съ нимъ иначе?—проговорилъ Остерманъ, снимая съ головы своей повязку.—А ты вотъ что, мейнъ герцхенъ, обожди немного, да сходи опять во дворецъ, узнай, когда онъ уѣдетъ, тогда приди и скажи мнѣ: теперь туда надо,—съ вечера, вѣдь, тамъ не былъ.

Андрей Ивановичъ досталъ маленькое складное зеркальце и приготовилъ себѣ парикъ; лекарство снова вылилъ въ стклянку и сидѣлъ, дожидаясь возвращенія жены. Его глаза весело смотрѣли; головной боли какъ не бывало.

VI.

26-го августа въ Петергофѣ былъ большой праздникъ,—имянины великой княжны Натальи. Къ этому дню сюда собрались даже всѣ придворные и сановники, остававшіеся въ Петербургѣ. Приготовлялись разныя празднества. Еще за три дня все убиралось, паркъ расчищался; у Монплезира готовился большой фейерверкъ. Еще наканунѣ вечеромъ князь Александръ Даниловичъ прибылъ изъ Ораніенбаума со всѣмъ своимъ семействомъ. Петръ

хотѣлъ особенно весело отпраздновать день имянинъ сестры и только одно его смущало — она сама. Здоровье великой княжны очень плохо поправлялось; несмотря на хорошій воздухъ, прогулки и лекарства, она все была очень блѣдна, задумчива, по временамъ кашляла. Когда Остерманъ спрашивалъ ее о здоровьи, она печально качала головою и говорила ему:

— Ахъ, Андрей Иванычъ, какъ же мнѣ тутъ поправиться, когда сердце не на мѣстѣ. Развѣ вы не видите, что кругомъ насъ дѣлается? Братецъ попрежнему ласковъ со мною, но все же ни мои совѣты, ни ваши на него не дѣйствуютъ. Вотъ онъ теперь сдружился съ Иваномъ Долгорукимъ, все на охотѣ съ нимъ, да съ цесаревной...

Остерманъ не находилъ словъ, чтобы отвѣчать ей на это. Онъ конечно не хуже ея все видѣлъ и понималъ, но считалъ невозможнымъ рѣзко вмѣшиваться въ дѣла императора и отстранять Долгорукихъ. Теперь одна была цѣль у барона Андрея Ивановича—уничтожить Меншикова, и онъ прямо шелъ къ этой цѣли, забывая все остальное.

Рано утромъ торжественнаго дня Петръ проснулся и еще въ постели велѣлъ позвать къ себѣ новаго любимца, князя Ивана Долгорукаго. Тотъ не заставилъ себя ждать. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ неправильнымъ, но довольно пріятнымъ лицомъ и открытыми веселыми глазами. Всегда франтоватый и даже роскошно одѣтый, умѣвшій, когда надо, держать себя въ высшей степени прилично и съ тактомъ, когда надо, совершенно распускаться, понявшій характеръ императора и въ короткое время вошедшій ему въ душу, онъ, естественно, долженъ былъ играть большую роль при Петрѣ. Онъ былъ неистощимъ въ придумываніи всевозможныхъ развлеченій и удовольствій, зналъ, какъ надо говорить съ юнымъ императоромъ, кого хвалить, кого бранить, а главное, поддакивать и потворствовать всѣмъ капризамъ и желаніямъ своего новаго друга. Петру очень нравилось, что взрослый молодой человѣкъ раздѣляетъ всѣ его забавы, онъ самъ при этомъ забывалъ свои годы и считалъ себя такимъ же взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Петръ развился необыкновенно быстро и дѣйствительно, никакъ нельзя было принять его за двѣнадцатилѣтняго мальчика. Способный и умный отъ природы, одаренный крѣпкимъ организмомъ, онъ торопился жить и какъ-то вдругъ провелъ черту, за которою осталось его дѣтство и прежній внутренній міръ его. Конечно, онъ еще по-дѣтски относился къ забавамъ, но, вѣдь, его забавы были забавами взрослыхъ людей! онъ любилъ охоту, скачки и всякія гимнастическія упражненія. Подъ вліяніемъ Долгорукаго онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сталъ

смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ. Теперь уже онъ сказалъ самъ себѣ, что влюбленъ въ принцессу Елизавету, и часто повѣрялъ объ этой любви другу Долгорукому. Но это не мѣшало ему замѣчать и другія хорошенькія лица; ему нравилось, когда молодыя дѣвушки съ почтительнымъ кокетствомъ относились къ нему; ему нравилось слушать разсказы Долгорукаго о всевозможныхъ любовныхъ похожденіяхъ, и не было никого, кто бы благоразумными разсужденіями и совѣтами въ другую сторону направлялъ его мысли. Остерманъ зналъ, что разыгрывать теперь роль воспитателя, значитъ погубить себя, и благоразумно отстранялся, стараясь только казаться воспитаннику своему добрымъ, ласковымъ, всегда снисходительнымъ человѣкомъ.

Войдя въ спальню императора, князь Иванъ безцеремонно сѣлъ у самой постели Петра.

— Зачѣмъ позвалъ меня, государь?—спросилъ онъ.

— А вотъ зачѣмъ: разскажи мнѣ, что ты придумалъ насчетъ вечерняго маскарада, какіе костюмы?

Долгорукій оживился.

— Да ничего новаго не придумалъ. По моему, хорошо такъ, какъ вчера мы рѣшили. Ты, государь, одѣнешься Аполлономъ, я— Марсомъ; цесаревна еще не рѣшила, какъ ей одѣться...

— Постой, погоди; ну а сестра, говорилъ ты съ нею? Согласна она быть Минервой?

— Великая княжна отвѣтила мнѣ, что если на то твоя воля, такъ она перечить не станетъ

— Конечно, лконечно, быть ей Минервой. Она какъ есть Минерва, моя миая Минерва!.. Ну, а Меншиковы какъ будутъ одѣты?

— Про то я не знаю. Отъ меня теперь, государь, отвертываться стали. Вчера едва слова добился отъ Александра Данилыча.

— Ничего, ничего, пускай себѣ, тѣмъ для нихъ хуже,—самоувѣренно проговорилъ императоръ.

Куда дѣвался его прежній страхъ и почтеніе къ Данилычу. По совѣту сестрицы онъ давно сказалъ себѣ, что «есть воля», и она дѣйствительно оказалась: Минерва, какъ и всегда, была права. Петръ нетерпѣливо дожидался того дня, когда совсѣмъ отдѣлается отъ Меншикова, и рѣшилъ, что день этотъ скоро настанетъ. Иванъ Долгорукій, часто бесѣдовавшій съ нимъ о Меншиковыхъ, каждый разъ болѣе и болѣе его подзадоривалъ. У нихъ еще и вчера было рѣшено во время праздника досаждать Данилычу и его дочери.

— Любопытно,—съ улыбкой замѣтилъ Петръ:—любопытно, какъ будетъ одѣта моя невѣста? То-то хороша, чай, будетъ! Я думаю, такой богини никогда и не бывало; на нее древніе не стали бы молиться...

Долгорукій тоже одобрительно улыбался, но не настаивалъ на продолженіи этого разговора.

«Теперь не нужно раздражать императора,—думалъ онъ,—дѣла и такъ хороши, Меншиковъ останется доволенъ сегодняшнимъ днемъ».

И Меншиковъ остался доволенъ.

Ни утромъ, ни за столомъ императоръ не обращалъ на него никакого вниманія. Только что Александръ Даниловичъ начиналъ говорить съ нимъ, какъ Петръ поворачивался къ нему спиною, не отвѣчалъ на его вопросы и дѣлалъ видъ, какъ будто совсѣмъ и нѣтъ его здѣсь.

— Смотрите,—на всю комнату сказалъ онъ Голицыну:—развѣ я не начинаю вразумлять его?

Эти слова облетѣли всѣхъ присутствовавшихъ и достигли до слуха свѣтлѣйшаго князя. Была минута, когда раздраженный и доведенный до отчаянія Меншиковъ просто хотѣлъ забрать своихъ и уѣхать изъ Петергофа. Но онъ одумался. Онъ понялъ, что этимъ ничего не возьметъ, и хмурый бродилъ по дворцу, видя, что дѣла дѣйствительно плохи и что бѣда виситъ надъ его головою. Теперь онъ готовъ былъ на всякія уступки, на что угодно, лишь бы императоръ обратилъ на него вниманіе, лишь бы подарилъ его ласковой улыбкой; но Петръ упорно продолжалъ не замѣчать его. Всемогущій правитель государства, еще такъ недавно считавшій себя на верху земнаго величія, даже со стороны теперь начиналъ казаться жалкимъ: въ немъ клокотали и злоба, и гордость, и оскорбленное самолюбіе, и страхъ—невольный и мучительный. Этотъ человѣкъ умѣлъ ладить съ Великимъ Петромъ, умѣлъ обращать, въ самыя страшныя минуты, грозный гнѣвъ царя въ милость любящаго друга, а вотъ теперь двѣнадцатилѣтній мальчикъ оказался ему не по силамъ!

«Да нѣтъ, этого быть не можетъ, все это пройдетъ, только туча налетѣла,—успокоивалъ себя Меншиковъ:—развѣ въ силахъ они раздавить меня! Нѣтъ, это невозможно!» Онъ снова гордо поднималъ свою голову и презрительно оглядывался на окружавшихъ. Взгляды многихъ опускались передъ нимъ: всѣмъ было какъ-то неловко смотрѣть на него, всѣ понимали его положеніе лучше, чѣмъ понималъ онъ самъ.

На бѣдной княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ лица совсѣмъ не было; царская невѣста, окруженная придворными женщинами, была по обыкновенію своему ко всему равнодушна. Младшая сестра ея оказалась чѣмъ-то необыкновенно разстроенной, но ея горе было другого рода. Она повѣдала его своему другу, великой княжнѣ Натальѣ: ея бракъ съ принцемъ Ангальтъ-Дессаускимъ разстроился.

Андрей Ивановичъ Остерманъ всячески избѣгалъ встрѣчаться съ свѣтлѣйшимъ княземъ, а при встрѣчахъ строилъ самую умильную и печальную физіономію. Но теперь онъ уже не могъ обмануть Меншикова: тотъ неопровержимо рѣшилъ, что вся бѣда главнымъ образомъ отъ Остермана.

— Что же это наконецъ,—сказалъ онъ Андрею Ивановичу:— развѣ это возможно, что императоръ ни разу не подошелъ къ моей дочери, или она ему не невѣста? Чего ты смотришь, воспитатель?

— Его величество такъ занятъ приготовленіями къ вечернему празднику, такъ разсѣянъ сегодня... Но я сейчасъ же доложу ему о легкомысленномъ его поведеніи; ваша высококняжеская милость, можешь быть спокойнымъ, да, вѣдь, и государь-то почти ребенокъ еще, можно ли съ него такъ взыскивать!..

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, а Остерманъ подошелъ прямо къ императору и передалъ ему жалобу князя. Онъ, дѣйствительно, сказалъ, что Петръ не долженъ пренебрегать своими обязанностями относительно невѣсты, но сказалъ это такимъ тономъ, что нисколько не разсердилъ Петра.

— Андрей Иванычъ,—отвѣтилъ императоръ:—поди и скажи отъ меня Меншикову вотъ что: скажи, развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ, ласки излишни, а что касается до свадьбы, то вѣдь Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе двадцати пяти лѣтъ. Поди и сейчасъ же передай ему слова мои.

Остерманъ немедленно исполнилъ приказъ императора. Меншиковъ позеленѣлъ отъ злобы.

Вечеромъ, во время маскарада, царская невѣста явилась въ костюмѣ Минервы. Это ужасно раздражило Петра, такъ какъ и великая княжна Наталья была точно такъ же одѣта.

— Смотри,—громко сказалъ Петръ, обращаясь къ Долгорукому:—у насъ двѣ Минервы, но только одна изъ нихъ фальшивая!

Наконецъ Петръ счелъ своею обязанностью пригласить на одинъ танецъ княжну Марію Александровну. Она не сдѣлала ему никакого замѣчанія, никакого упрека и упорно молчала, дожидаясь, чтобъ онъ заговорилъ съ ней.

— Зачѣмъ вы такъ одѣлись?—спросилъ императоръ.—Развѣ вы не знали, что у насъ еще заранѣе было рѣшено моей сестрѣ быть Минервой?

— Не знала, государь,—просто отвѣтила княжна.

— Напрасно. Или вы думали, что къ вамъ этотъ нарядъ больше пойдетъ? Можетъ быть, вамъ кто нибудь и сказалъ это?

— Никто ничего мнѣ не говорилъ и мнѣ рѣшительно все равно, что идетъ ко мнѣ и что нѣтъ,—тихо проговорила она.

— Это не хорошо,—засмѣялся императоръ:—вѣдь, вы еще

въ старухи не записались. Вамъ надо быть прекрасной, хоть даже наперекоръ Создателю!

Вотъ до чего дошелъ Петръ. Даже княжна, несмотря на все свое равнодушіе, поблѣднѣла и едва не расплакалась.

— Зачѣмъ вы меня колете, государь? Если я вамъ не нравлюсь, оставьте меня, но я ничѣмъ не заслужила вашихъ насмѣшекъ!

Петръ взглянулъ на нее: передъ нимъ было длинное, противное ему лицо; но теперь на этомъ лицѣ изобразилось чувство собственнаго достоинства, на глазахъ блестѣли слезы. У юнаго императора было доброе, славное сердце, только ужъ очень его раздражала, возбуждала ненависть ко всему этому семейству.

Ему вдругъ жалко стало княжну и онъ съ откровенной, смущенной и ласковой миной попросилъ у нея прощенья.

— Я не хотѣлъ обидѣть васъ, простите,—прошептали его губы.

Княжна только пожала плечами и до конца танца они не сказали другъ другу ни слова.

— Что говорилъ съ тобой императоръ?—спросила у дочери Дарья Михайловна, какъ только это оказалось удобнымъ.

— Онъ назвалъ меня уродомъ, матушка,—отвѣтила княжна.

— Господи, да, вѣдь, это не можетъ быть; зачѣмъ ты меня пугаешь?

— Ну, не такими словами, а сказалъ это самое.

Бѣдная княгиня понурила голову и ушла изъ Монплезира въ глубь парка; она не могла больше владѣть собою. Она все поняла, все угадала и для нея не оставалось никакой надежды. Она замѣтила даже, что не такъ уже заискиваютъ передъ нею. Пришелъ всему конецъ и ничего больше не поправишь... И глубже въ паркъ спѣшила Дарья Михайловна. Она натыкалась на кусты, не замѣчала, какъ запѣпляется и рвется о сухія вѣтки кружево ея платья; не замѣчала вечерней сырости, росы, мочившей ей ноги. Крупныя слезы текли по щекамъ ея, смывая бѣлила и румяна. «Что теперь дѣлать, что дѣлать?»—шептала она и рѣшилась на послѣднее средство: обратиться къ великой княжнѣ Натальѣ. Она скоро нашла ее. Царевна тоже бѣжала отъ шума и искала уединенія. И юное, безвременно отцвѣтающее лицо Натальи Алексѣевны, и старое, отцвѣтшее лицо княгини были одинаково печальны и разстроены, и причина этого разстройства была одна и таже—юный императоръ.

— Ваше высочество, голубушка моя, Наташенька, позволь сказать тебѣ слово, — проговорила въ волненіи Дарья Михайловна.

— Говори, княгиня, тутъ никто насъ не слышитъ.

Великая княжна подняла на нее глаза и почти не узнала княгини.

— Дарья Михайловна, что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ!

Княгиня не выдержала и заплакала.

— Матушка, золотая моя, хоть ты заступись за насъ! Коли Александръ Данилычъ въ чемъ виноватъ, такъ мы неповинны! Сердечно люблю я васъ всѣхъ и почитаю, за что же его величество такъ немилостивъ, за что обижаетъ онъ мою дочку? Заступись, царевна, замолви ласковое слово. Не люба Машенька его величеству, такъ и не надо. Все еще поправить можно—не обвѣнчаны; а за что же обиды, за что погибель?!..

Великая княжна взяла Дарью Михайловну за руки и грустно на нее глядѣла.

— Эхъ, княгиня, ужъ и не знаю, могу ли помочь я этому. И мнѣ, пожалуй, не лучше твоего,—не больно, вѣдь, слушаетъ меня братецъ, у всѣхъ у насъ много горя! А насчетъ княжны Маріи я скажу тебѣ: и нельзя винить братца—насильно милъ не будешь.

Такъ и не дождалась ничего бѣдная княгиня; послѣдняя надежда ея рушилась, никто за нихъ не заступится.

«Что-жъ это Данилычъ, видно, не жалко ему головы своей, неужто не видитъ онъ, что теперь самому скорѣй отъ всего нужно отступиться, только этимъ и спасетъ и себя, и всѣхъ насъ. Господи, помилуй, не попусти!—закрестилась княгиня:—не знаю, на чемъ и остановиться,—охъ тяжко, какъ и до утра доживу, не знаю».

VII.

Угрюмый и злобный въѣхалъ Меншиковъ въ свой Ранбовъ. Ничего и никого не замѣчая, прошелъ онъ черезъ анфиладу аппартаментовъ роскошнаго своего дворца и заперся у себя въ рабочей комнатѣ, и къ столу даже не вышелъ. Княгиня во что бы-то ни стало рѣшилась переговорить съ нимъ и, если возможно, добиться отъ него какого-нибудь благоразумнаго рѣшенія. Только гнѣвенъ ужъ очень нынче, какъ и подступиться къ нему, не знаетъ она! Вотъ тихонько подошла Дарья Михайловна къ запертой его двери, прислушалась. Тяжелыми шагами ходитъ онъ по комнатѣ. Она стукнула.

— Кто тамъ?—раздался мрачный его голосъ.

— Я, Данилычъ, пусти меня, очень нужно.

— Еще что тамъ?

Но онъ все же отперъ дверь.

— Батюшка, Данилычъ, голубчикъ, что же это такое? На

какой конецъ все это? — залилась Дарья Михайловна горькими слезами.

— Не хнычь, и безъ тебя тощно,—отвѣчалъ Меншиковъ. — Ну, чего тебѣ? Съ чѣмъ пришла?

— Не сердись ты на меня, Данилычъ, лучше поговоримъ, что намъ дѣлать, подумаемъ вмѣстѣ. Бѣда неминучая надъ нами — самъ, чай, понимаешь! На меня нынче во дворцѣ никто и вниманія не обратилъ, а Машеньку такъ государь, прямо что, почитай, назвалъ уродомъ!..

— А, я еще не зналъ этого,—заскрежеталъ зубами Меншиковъ:—такъ вотъ какъ! Вотъ до чего дошли! Ну, нѣтъ, все перевернуть нужно, не бывать этому! Ничего они со мной не подѣлаютъ!

У княгини и руки опустились. Она все же думала, что смирится теперь ея Данилычъ, пойметъ свое безсиліе, а онъ все еще заносится, все еще считаетъ себя прежнимъ человѣкомъ.

— Трудно, трудно теперь справиться! Хитры враги наши, и вотъ что я хотѣла сказать тебѣ, Данилычъ, голубчикъ мой, подумай о насъ всѣхъ. Только одно теперь остается—нужно какъ-нибудь умилостивить императора. Ты ужъ старъ становишься, боленъ, я тоже, а о дѣтяхъ нашихъ позаботиться намъ нужно, ихъ спасти отъ погибели. Брось все, откажись, уѣдемъ подальше, хоть на Украйну; ступай, попроси себѣ тамъ начальство надъ войскомъ. А мы гдѣ-нибудь укроемся, чтобъ о насъ не было и слышно; пускай все успокоится. Голубчикъ, Данилычъ, только такъ намъ и можно спастись; авось умилосердится государь, а то ты ничего съ нимъ не подѣлаешь, только себя и всѣхъ насъ погубишь...

— Дарья, не твоего ума это дѣло!—крикнулъ Меншиковъ.— Трусить, въ ногахъ валяться... нѣтъ, еще не время! Для того-ли я всю жизнь свою положилъ на службу Россіи, для того-ли поднялся, чтобы на старости лѣтъ скрыться въ нору, какъ кротъ какой-нибудь, или на царской кухнѣ дожидаться подачки!.. Нѣтъ, Дарья, нѣтъ, все еще поправить можно, я покажу имъ! Вотъ постой, въ воскресенье 3-го сентября у насъ будетъ освященіе церкви, пріѣдетъ ко мнѣ государь, и все я поправлю. Не дамъ я врагамъ моимъ насмѣяться надо мною, я покажу этой мелкотѣ несчастной, что не съ Александромъ Меншиковымъ имъ тягаться!.. А теперь мнѣ ни слова, слышишь, Дарья, и не доводи ты меня... золъ я нынче.

Княгиня взглянула на мужа и убѣдилась, что дѣйствительно лучше оставить его въ покоѣ. Печально и едва держась на ногахъ побрела она на свою половину.

Меншиковъ очень разсчитывалъ на освященіе своей церкви.

Присутствіе императора въ его домѣ и по такому случаю уничтожило бы всѣ слухи о враждѣ между ними и непріятностяхъ. Тутъ же представлялось удобнымъ хорошенько переговорить съ Петромъ и разными средствами смягчить его и устроить искреннее примиреніе.

Еще за четыре дня до освященія Меншиковъ поѣхалъ въ Петергофъ и съ самымъ униженнымъ видомъ упрашивалъ Петра посѣтить его.

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, князь; на охоту я собираюсь—поспѣю-ли?

— Ваше величество! Будь милостивъ, по гробъ тебѣ этого не забуду, не откажи мнѣ.

«Эхъ, какъ присталъ, отвязаться бы отъ него поскорѣе!»—раздражительно подумалъ Петръ.

— Ну, хорошо, хорошо, пріѣду, обѣщаю,—сказалъ онъ.

Меншиковъ разсыпался въ благодарностяхъ и успокоенный вернулся въ Ранбовъ. Онъ такъ былъ доволенъ, что даже забылъ пригласить на торжество цесаревну Елизавету, а ему никакъ бы не слѣдовало забывать этого.

Вернувшись къ себѣ, князь началъ отдавать приказанія относительно устройства пріема императора: ему хотѣлось не ударить лицомъ въ грязь и устроить все какъ можно великолѣпнѣе. Три дня длились приготовленія. Наконецъ все было готово, у церкви собралось множество народу. Красное сукно было разостлано отъ самаго дома до церковной паперти, гирлянды цвѣтовъ и зелени были развѣшаны всюду. Духовенство въ новомъ блестящемъ облаченіи уже приготовилось къ начатію службы, и только дожидались императора.

— Что же не ѣдетъ государь?—озабоченно спрашивалъ Меншиковъ у пріѣхавшихъ изъ Петергофа, и всѣ отвѣчали ему одно и тоже:

— Вчера собирался, а сегодня не слышно что-то.

Прошелъ еще часъ. По дорогѣ были разосланы гонцы, но никто изъ нихъ не возвращался. Меншиковъ начиналъ волноваться больше и больше, и вдругъ вспомнилъ, что позабылъ пригласить цесаревну. Онъ бы самъ теперь полетѣлъ за нею, но было поздно. А служба давно, давно должна была начаться. Между присутствовавшими шелъ почти уже нескрываемый ропотъ, перешептыванья, предположенія разнаго рода, невыносимыя и обидныя для Меншикова.

— Что, если не пріѣдетъ!? — съ отчаяніемъ думалъ онъ: — тогда всѣ надо мной насмѣются, тогда всѣмъ будетъ вольно лягать меня!..

Вотъ, наконецъ, показался какой-то всадникъ; но онъ не

изъ гонцовъ князя—онъ изъ Петергофа... Господи... Что такое?

— Его императорское величество изволили приказать доложить свѣтлѣйшему князю, что они никакъ не могутъ быть! — возвѣстилъ посланный.

— Да отчего, отчего? — отчаянно кричалъ Меншиковъ. Но ему ничего не отвѣтили. Онъ поблѣднѣлъ, зашатался и едва устоялъ на мѣстѣ.

Такъ и освятили церковь безъ присутствія императора и царевенъ.

VIII.

На другой день Александръ Даниловичъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь и долго искалъ случая увидѣться съ императоромъ, но нигдѣ не могъ его встрѣтить. Наконецъ онъ замѣтилъ его въ паркѣ съ непокидавшимъ его теперь Долгорукимъ и другими молодыми людьми. Князь бросился ему навстрѣчу и спрашивалъ его, отчего онъ не пріѣхалъ вчера и за что такая немилость?

— Не могъ я, не могъ, нездоровилось,—отвѣчалъ Петръ, не глядя на Меншикова.

— Ваше величество...—началъ было тотъ, но императоръ перебилъ его:

— Прости, князь, мнѣ некогда, спѣшу!

И онъ быстро прошелъ мимо со своею свитой.

Александръ Даниловичъ остановился съ опущенной головою, въ совершенномъ отчаяніи. Только теперь онъ, наконецъ, понялъ всю безвыходность и безнадежность своего положенія. Только теперь окончательно смирилась его гордость, и онъ былъ готовъ на колѣняхъ вымаливать себѣ прощеніе, готовъ былъ отъ всего отказаться, уступить кому угодно власть, только бы его помиловали.

Онъ остался ночевать въ Петергофѣ, но не спалъ почти всю эту ночь, и все думалъ, и ничего не могъ придумать.

На другой день опять былъ въ Петергофѣ праздникъ: имянины цесаревны Елизаветы. Авось хоть тутъ можно будетъ что-нибудь устроить, авось выпадетъ случай объясниться съ императоромъ.

Рано утромъ пріѣхала и княгиня Дарья Михайловна съ дочерьми. На нихъ никто почти не смотрѣлъ, всѣ старались съ ними не встрѣчаться, быть отъ нихъ подальше. Никто не сомнѣвался, что гроза разразилась надъ Меншиковыми, и многіе соображали, что теперь быть съ ними даже не совсѣмъ безо-

пасно—за друзей еще примутъ, за сторонниковъ. И у Меншиковыхъ не оказалось ни одного друга.

Князь Александръ Даниловичъ еще до пріѣзда жены вздумалъ пройти къ Петру и настоять на объясненіи, но ему доложили, что императоръ сейчасъ только выѣхалъ на охоту. Не зная, что дѣлать, Меншиковъ поспѣшилъ въ аппартаменты великой княжны Натальи, но она, узнавъ, что онъ идетъ, и ни за что не желая говорить съ нимъ, выпрыгнула изъ окошка и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Одно только оставалось князю—идти къ имянинницѣ, цесаревнѣ Елизаветѣ. Онъ и пошелъ ее поздравить. Елизавета приняла его и приняла довольно любезно. Слава Богу, никого нѣтъ, можно поговорить, а говорить необходимо: на душѣ такъ тяжело, такъ смутно, нужно передъ кѣмъ нибудь высказаться.

— Что это вы, князь, такой хмурый сегодня, или опять нездоровы?—навела на разговоръ сама Елизавета.

— Какъ же не быть мнѣ хмурымъ, принцесса,—печально заговорилъ Меншиковъ:—развѣ я не вижу, что всѣ вооружены противъ меня, что лютые враги мои навѣрное оклеветали меня передъ его величествомъ и передъ всѣми вами.

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ, никто не клеветалъ,—сказала Елизавета.

— Не разувѣрить вамъ меня, принцесса, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу? И за что такъ обижаетъ меня императоръ? Я всегда думалъ, что у него доброе сердце, что онъ умѣетъ цѣнить заслуги и расположеніе къ нему—неужто-жъ я ошибался? Я всего себя посвятилъ на службу ему и государству, мало, что-ли, я о немъ заботился? Если и досаждалъ когда своей взыскательностью, такъ, вѣдь, такова была моя обязанность. Потакать ему грѣхъ былъ великій: я обѣщаніе далъ покойной государынѣ, вашей матушкѣ, внука учить и воспитать на славу Россійскаго государства. Я долженъ былъ всѣ силы свои положить на то, чтобы изъ него вышелъ государь справедливый и просвѣщенный. Вотъ онъ пенялъ на меня, что много заставляю учиться—а какъ же иначе? Что съ нимъ будетъ, коли онъ съ этихъ поръ перестанетъ учиться? Вѣдь, вотъ, незабвенный родитель вашъ всю жизнь учился и только этимъ великимъ ученьемъ и прославилъ Россію. За что же такая неблагодарность? Да теперь взять и то, вѣдь, я все здоровье свое разстроилъ въ дѣлахъ государственныхъ, вѣдь, покою себѣ не знаю, съ утра до ночи занятъ, хоть бы это пришло на мысль его величеству, за что же на меня такая напасть? за что все это?

Цесаревна сидѣла, потупивъ глаза,—ей очевидно было очень неловко.

— Я знаю, князь, всѣ ваши заслуги, — наконецъ, сказала

она:—и конечно, государь ихъ тоже не можетъ не видѣть, онъ очень уменъ, онъ все понимаетъ, только что-жъ дѣлать, если вы слишкомъ многаго хотите за эти заслуги. Ужъ говорить откровенно, такъ скажу я вамъ, что княжна ваша не по сердцу императору, и что-жъ съ этимъ подѣлать?

— Если только это, если только это—зашепталъ Меншиковъ: —все еще поправимо. Матушка цесаревна, поговорите съ его величествомъ, онъ васъ послушаетъ, скажите ему, что все передѣлать можно! Моя дочь откажется, она уѣдетъ отсюда, она пойдетъ въ монастырь если нужно! Да и самъ я хочу на покой, и я уѣду хоть на Украйну, къ тому же тамъ и пригожусь, можетъ: войско еще не забыло меня, всякій солдатъ еще помнитъ наши дѣла военныя, въ которыхъ не ударялъ я лицомъ въ грязь; еще тамъ послужу царю и отечеству. Цесаревна, будьте моей заступницей, скажите все это государю, пусть только онъ преложитъ гнѣвъ на милость!..

Елизавета обѣщала Меншикову исполнить его просьбу и очень была рада, когда онъ ушелъ отъ нея.

Онъ отправился искать жену и дочерей, а онѣ давно его ужъ дожидались.

Княгиня Дарья Михайловна со слезами стала жаловаться мужу на то, что ихъ всѣ обижаютъ, едва отвѣчаютъ имъ.

— Уѣдемъ отсюда, уѣдемъ, не втерпежъ мнѣ, князь, такое униженіе!..

— Хорошо, уѣдемъ!—вдругъ отвѣтилъ Меншиковъ и приказалъ запрягать свои экипажи.

Но они поѣхали не въ Ораніенбаумъ, а въ Петербургъ.

Прямо съ дороги, не заѣзжая на Васильевскій островъ, Меншиковъ отправился въ засѣданіе Верховнаго Совѣта. Тамъ въ этотъ день присутствовали: Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ. Меншикова не ожидали, и при его входѣ всѣ переглянулись между собою. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Что у васъ тутъ на сегодня?—спросилъ онъ.

— А вотъ господинъ интендантъ Мошковъ докладываетъ, что лѣтній и зимній домы его величества въ три дня могутъ быть убраны, къ случаю государева пріѣзда. Вотъ и указъ его величества.

Меншиковъ прочелъ:

«Лѣтній и зимній домы, гдѣ надлежитъ починить и совсѣмъ убрать, чтобы совсѣмъ были готовы...» Дальше онъ не могъ читать, у него потемнѣло въ глазахъ.

Подъѣзжая къ своему дому, онъ увидѣлъ, какъ укладываютъ и вывозятъ вещи изъ аппартаментовъ Петра. Совсѣмъ обезсиленный вошелъ онъ въ свои палаты, никому не говоря ни слова. Нечего теперь ему дѣлать, не на что надѣяться...

Онъ заперся на ключъ и пробовалъ даже молиться, но молитва не шла ему на умъ, да онъ и не умѣлъ молиться.

Къ вечеру, однако, онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія; сталъ метаться по комнатамъ, закричалъ на жену, пробовавшую было заговорить съ нимъ, и вдругъ приказалъ закладывать экипажъ. Онъ опять поѣхалъ въ Петергофъ, уже ночью, а на утро чуть свѣтъ, отправился въ домикъ Остермана.

Баронъ Андрей Ивановичъ только что всталъ съ постели и при входѣ князя ласково поднялся ему навстрѣчу. Теперь онъ совсѣмъ не былъ боленъ, а напротивъ того во всей его фигурѣ и движеніяхъ изображалось полное довольство собою и здоровье.

Меншиковъ не подалъ руки Андрею Ивановичу и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Предатель!—съ искаженнымъ лицомъ зашепталъ онъ:—такъ вотъ твоя благодарность! Вотъ что ты для меня сдѣлалъ! Что-жъ, и теперь, пожалуй, станешь вывертываться, говорить, что для меня старался?!..

— Ахъ, ваша милость, ты опять со старымъ,—проговорилъ Остерманъ.

Но Меншиковъ не обратилъ никакого вниманія на его слова.

— Вѣдь, императоръ не хочетъ говорить даже со мною, не глядитъ на меня... Сейчасъ же объясни мнѣ, что это значитъ?

Андрей Ивановичъ пожалъ плечами.

— Боже мой, да я-то почему знаю? Право, ты принимаешь меня за нѣчто нераздѣльное съ императоромъ. Какъ же я могу отвѣчать за него? Я могу говорить ему, убѣждать, но онъ воленъ меня не слушать. Ты говоришь, ваша свѣтлость, что онъ не глядитъ на тебя, а завтра, можетъ, и на меня глядѣть не будетъ, такъ я-то чему тутъ причиной? Я не могу отвѣчать за чувства его величества. Вотъ онъ теперь отъ рукъ совсѣмъ отбился, съ нимъ и говорить-то, не то что спорить, не приходится!..

— А, вотъ какъ!—заскрежеталъ зубами Меншиковъ:—вотъ какъ ты теперь поговариваешь, нѣмецкая лисица! Такъ вотъ ты какой воспитатель, вотъ какъ исполняешь свои обязанности! Тебѣ нужно на добро наставлять императора, внушать ему непрестанно добрыя правила, на то ты къ нему и приставленъ, а ты только потакаешь всему дурному—вотъ ты какой воспитатель!

Остерманъ молчалъ и сидѣлъ совершенно спокойно.

— Что же ты думаешь, что на всѣ твои безчинства и продерзости никакого суда нѣтъ, ты думаешь, что все можешь творить безнаказанно!? Но я еще, голубчикъ, докажу тебѣ, что ты ошибаешься: не всегда и хитрость помогаетъ. Знаю я все,—продолжалъ, задыхаясь, Меншиковъ:—все теперь знаю, не скрылся ты отъ меня: ты нѣмецъ, ты безбожникъ, ты отъ православія

отвращаешь государя, вотъ ты что дѣлаешь! А ты знаешь ли, что за это тебѣ будетъ? Ты вотъ мнѣ яму выкопалъ, да смотри, самъ попадешь въ нее—за совращеніе государя въ безвѣріе твое ты будешь колесованъ!..

Меншиковъ замолчалъ: онъ не былъ въ состояніи больше выговорить слова. Лицо его было страшно; онъ поднялся передъ Остерманомъ и сверкалъ на него глазами. Но баронъ Андрей Ивановичъ нисколько не смутился. Тихимъ и мягкимъ своимъ голосомъ сказалъ онъ квязю:

— Можешь говорить все, что тебѣ угодно, меня ничѣмъ не испугаешь. Я знаю, что мнѣ надлежитъ дѣлать, знаю свои обязанности и веду себя такъ, что меня колесовать не за что; а вотъ я такъ скажу тебѣ, что знаю одного человѣка, который взаправду можетъ быть колесованъ!..

Андрей Ивановичъ медленно поднялся и вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ своего домика.

Меншиковъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая, и наконецъ самъ вышелъ, опустивъ голову. Всѣ предметы кружились передъ его глазами, ему казалось, что самъ онъ кружится въ какомъ-то вихрѣ и мчится куда-то въ черную пропасть. Ему становилось душно, невыносимо.

IX.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновался придворный міръ, окружавшій маленькаго императора. Наконецъ наступило ожидаемое всѣми время: надъ головой всевластнаго Меншикова должна была разразиться гроза, и эта гроза окончательно его повалитъ—и рухнетъ съ корнемъ дубъ, надъ которымъ тщетно пробовали свою силу всякіе хитрые и нехитрые люди. Еще недавно думали, что борьба со свѣтлѣйшимъ немыслима, но вотъ одинъ ложный шагъ этого великана преобразилъ робкаго ребенка въ неумолимаго врага. И этотъ ребенокъ выступилъ смѣло въ открытую борьбу съ великаномъ, и вотъ-вотъ повалитъ его, и ничего не останется отъ великана. И волновались, и радовались, обсуждая это, придворные люди. Пуще всѣхъ работалъ баронъ Андрей Ивановичъ, но его работа по обыкновенію велась самыми таинственными путями и никому въ глаза не бросалась. Совсѣмъ иначе дѣйствовали представители старинной, еще недавно имѣвшей огромное значеніе, но теперь отодвинутой Меншиковымъ на второй планъ, фамиліи, князья Долкорукіе. Они были самыми злѣйшими врагами Меншикова, никогда не

могли ему простить его необычайнаго возвышенія, тѣмъ болѣе, что былъ онъ человѣкъ низкаго происхожденія.

Долгорукихъ было много. Одинъ изъ нихъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ ловкій, хитрый, хотя и безхарактерный, сумѣлъ постоянными угожденіями и лестью понравиться юному императору. Сынъ его, Иванъ Алексѣевичъ, какъ мы уже видѣли, былъ другомъ Петра, его наперсникомъ. Былъ и еще одинъ Долгорукій,—Василій Лукичъ, двоюродный братъ Алексѣя Григорьевича, извѣстный дипломатъ. Этотъ умомъ своимъ и характеромъ могъ заткнуть за поясъ всю родню, и его пуще всего долженъ былъ бояться Меншиковъ.

Въ то время какъ Александръ Даниловичъ метался, не зная что предпринять, разъѣзжалъ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ и обратно,—Долгорукіе неизмѣнно находились при императорѣ. Поздно по вечерамъ собирались они всей родней у Алексѣя Григорьевича въ одномъ изъ Петергофскихъ домиковъ. Въ этомъ же небольшомъ, но богато устроенномъ домикѣ жила и княгиня, жена Алексѣя Григорьевича, и двѣ ея дочери.

Императоръ только что вернулся съ охоты. Онъ усталъ, легъ спать и отпустилъ отъ себя Ивана Долгорукаго. Тотъ отправился было домой, но вдругъ какая-то счастливая мысль пришла ему въ голову, и онъ повернулъ въ другую сторону.

«Опять толкуютъ старики!—подумалъ онъ, глядя на освѣщенныя отцовскія окна:—все тамъ одно и то-же, скука смертная. Да и ничего особеннаго нѣтъ разсказать имъ, еще успѣю вернуться...» И князь Иванъ, насвистывая какую-то веселую пѣсню, спѣшными шагами направился въ глубину парка.

Въ домикѣ Долгорукихъ происходило родственное совѣщаніе. Тутъ находился и Сергѣй Григорьевичъ, родной братъ Алексѣя, и Михаилъ Владиміровичъ, дальній его родственникъ, и самъ Василій Лукичъ.

— Часъ-то вѣдь ужъ поздній,—замѣтилъ Алексѣй Григорьевичъ, посмотрѣвъ въ окно, за которымъ, въ тишинѣ и темнотѣ ночи, шептались деревья.—Неужто до сихъ поръ они не вернулись?

— Какъ не вернуться, вернулись!—сказалъ Сергѣй Долгорукій.

— Куда же это Иванъ запропастился?.. Опять гдѣ нибудь безпутничаетъ,—проворчалъ Алексѣй Григорьевичъ.

— Ну, небось, было бы что важное, забѣжалъ бы сказать,—отозвался молчаливо сидѣвшій въ углу Василій Лукичъ.—Безпутный малый твой Иванъ, да не совсѣмъ, до дѣла дойдетъ, такъ всѣ шалости забываетъ! Ты, братъ, его не очень ужъ—я за него всегда заступлюсь. Ничего, прокъ изъ него будетъ! Онъ дѣла свои получше насъ съ тобой обдѣлываетъ. Правда, выдержки еще нѣту, ну, да навострится.

— Не хвали ты Ивана, братецъ, хоть и сынъ онъ мнѣ и въ дѣлѣ нашемъ человѣкъ нужный, а ничего я про него сказать не могу. Вонъ у матери спроси,—съ дѣтства такой былъ; да и боюсь я тоже, какъ бы онъ не зарвался.... Мы тутъ свои всѣ,—скажу я тебѣ, что Иванъ-то мой выдумалъ, знаешь, съ чѣмъ подъѣзжаетъ теперь:—вотъ, говоритъ, не сегодня-завтра Данилычу капутъ, такъ мы дѣло повернемъ такимъ манеромъ: изъ сестеръ, говоритъ, кого нибудь, ну, хоть Катюшу,—она больно смазлива—на мѣсто Марьи Меншиковой выдадимъ за императора, а самъ я—это Иванъ-то говоритъ,—тоже себѣ невѣсту запримѣтилъ.

— Что? Кого?—спросили всѣ разомъ.

— А кого бы вы думали?

— Неужто великую княжну Наталью?

— Нѣтъ, не туда онъ мѣтитъ, ему больше по нраву цесаревна Елизавета.

— Ну, гусь!—съ улыбкой поднялся Василій Лукичъ.—Ты чего-же это, братъ, говоришь, что проку въ немъ мало? Нѣтъ, прокъ хорошъ. Ты говоришь—зарвался, а я не того мнѣнія. Конечно, съ этимъ дѣломъ надо осторожно, и теперь ни гу-гу! А что-жъ, въ концѣ концовъ такъ и быть должно. Я самъ не разъ объ этомъ всемъ думалъ—и странно, что тебѣ до сей поры, до сыновнихъ словъ, въ голову того же не приходило. Что-жъ, даромъ, что-ли, Меншиковъ-то полетитъ? Что-жъ намъ такъ и остаться и сидѣть сложа руки? Кому-это дорогу уступать—Голицынымъ? Эхъ, братъ, ты держись за такого сына! Только если все такъ и будетъ, какъ онъ сказалъ тебѣ, только тогда мы и можемъ быть спокойными, а то всякая креатура, нѣмецъ всякій—Андрей Остерманъ, насъ учнетъ гнуть въ три погибели.

— Что-жъ ты такъ на Остермана?—перебилъ Алексѣй Григорьичъ.—Остерманъ, конечно, не другъ намъ, да и опасности отъ него никакой я не вижу. Пусть онъ теперь для кого угодно, хоть для себя работаетъ, намъ только отъ того польза выходитъ. Вѣдь, какъ ни говори, а не меньше Ивана онъ у императора значитъ. Меншиковская-то бѣда главнымъ образомъ его рукъ дѣло! Намъ еще и въ голову ничего не приходило, мы еще воображали себѣ, что Меншиковъ, какъ статуй каменный недвижимъ, а нѣмецъ вокругъ него ужъ копался себѣ помаленьку, да и подкопалъ статуй—статуй и пошатнулся...

— Такъ-то такъ, все это ты вѣрно описалъ,—своимъ тихимъ голосомъ заговорилъ Василій Лукичъ:—только какъ же ты видѣть не хочешь, что за птица этотъ Андрей Ивановичъ? Какъ подъ Меншикова, аки кротъ подземный, подкопался, такъ, вѣдь, и подъ насъ подкопаться можетъ—и не замѣтишь. И въ мыше-

ловку попадешь, а все не будешь понимать, кто тебя туда сунулъ; вонъ Данилычъ, развѣ понимаетъ? Не совсѣмъ, я думаю.

— Такъ ты какъ же?—подсѣлъ Алексѣй къ Василію Лукичу:— я думалъ... Иванъ зарвался, а ты. братецъ, точно полагаешь все сіе возможнымъ? И самъ будешь орудовать?

— Еще-бы! Только опять говорю,—ни гу-гу!

— Ну, да ужъ знамо, знамо!—замотали головами остальные Долгорукіе.

Въ это время въ комнату вбѣжала хорошенькая пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Она обвела бойкими черными глазами всѣхъ присутствовавшихъ и радостно бросилась на шею къ князю Василію Лукичу.

— Здравствуй, Катюша, здравствуй!—поцѣловалъ онъ ее:— точно что не видѣлись сегодня. А что-жъ не спишь? Поздно, спать пора! Вонъ глазки-то совсѣмъ осоловѣли.

Онъ взялъ ее за подбородокъ и съ удовольствіемъ разсматривалъ ея свѣжее, хорошенькое личико.

— Да спать что-то не хочется, дяденька, и матушка не спитъ тоже—прислала спросить, не хотите ли ужинать? Велишь, батюшка, подавать ужинъ?—обратилась она къ Алексѣю Григорьевичу.

— Да, хорошо, вели подавать ужинъ, а сама иди спать, иди спать,—разбаловала ужъ очень тебя матушка!

Катюша сдѣлала видъ будто испугалась суроваго голоса отца и, граціозно отвѣсивъ всѣмъ поклонъ, выбѣжала изъ комнаты.

— Ну, чѣмъ же не царская невѣста!—засмѣялся ей вслѣдъ Василій Лукичъ.—Хотѣлъ бы я, братъ, имѣть такую дочку, я бы не иначе ее и готовилъ какъ въ царскія невѣсты. Вотъ пожди годикъ, другой, распустится она аки розанъ, кто-жъ съ ней красотой поспоритъ, развѣ что царевна!

Князь Алексѣй Григорьевичъ ничего не возражалъ. Теперь, послѣ разсужденій двоюроднаго брата, который всегда имѣлъ на него огромное вліяніе, онъ ужъ иначе взглянулъ на все дѣло. Сразу ему точно что показалось невѣроятнымъ осуществленіе безумныхъ сыновнихъ плановъ: еще такъ недавно всѣ они, Долгорукіе, были въ тѣни, въ загонѣ. Но, Боже мой, вѣдь, тутъ одинъ день все вверхъ дномъ повертываетъ, что же мудренаго—вчера вонъ княжна Меншикова величалася государыней, завтра никто и не вспомнитъ про княжну Меншикову, государыней будетъ величаться Катюша, только бы удержаться, только бы не забыть примѣра того же Меншикова! Ну, да мы удержимся, насъ-то много; да и голова у насъ хорошая есть,—братецъ Василій Лукичъ,—этотъ на-все мастеръ!

— Одно теперь надо,—оживленно обратился Алексѣй Григорьевичъ ко всѣмъ:—одно надо, сплотиться намъ крѣпче, врозь не смотрѣть, какъ одинъ человѣкъ орудовать, тогда много сдѣлать можно...

— Вотъ это такъ,—замѣтилъ Василій Лукичъ:—я давно уже подумываю какъ-бы намъ съ силами собраться. Много-то насъ много, да что въ томъ толку! Вотъ Меншикова не будетъ, а Голицынъ и Остерманъ все же останутся, а Голицыны, какъ вы думаете, легко съ ними справиться? Тамъ у нихъ одинъ Михайло фельдмаршалъ чего стоитъ!

— Что-жъ, князь Василій, — замѣтилъ Михайло Владиміровичъ:—поискать между нами, такъ и у насъ найдется человѣкъ не хуже князя Михайлы Голицына. Видно, точно, что всѣ теперь о братѣ Васильѣ Владиміровичѣ позабыли, видно, долго былъ онъ въ опалѣ, да и теперь, вишь, далеко, въ Персіи. Кабы намъ вернуть его сюда, такъ много бы у насъ силы прибавилось.

— Ты это напрасно такъ думаешь,—повернулся въ сторону Михаила Владиміровича Василій Лукичъ:—напрасно думаешь, что мы твоего брата позабыли, я вотъ о немъ всѣ эти дни думаю. Самъ знаю, что не обойтись намъ безъ него, нужный онъ намъ человѣкъ, ухъ, какъ нужно вернуть намъ его! Только что Меншиковъ провалится, такъ сейчасъ же и вернуть князя Василія Владиміровича...

— Это точно, это такъ!—отозвались всѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ былъ поданъ ужинъ, и Алексѣй Григорьевичъ пригласилъ своихъ гостей закусить и выпить.

Они продолжали толковать объ ожидаемомъ со дня на день окончательномъ низверженіи Меншикова, и подъ конецъ всѣ до одного были въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Князь Алексѣй изрядно тянулъ вино изъ серебряной чарки и теперь ему ужъ совсѣмъ не казалось страшно и невѣроятно видѣть въ своей дочери Катюшѣ будущую императрицу. Теперь, по мѣрѣ того какъ начинало пріятно шумѣть въ головѣ, онъ все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ плановъ своего нелюбимаго сына Ивана, ему ужъ начали представляться самыя соблазнительныя сцены, заговорило и заклокотало въ немъ нѣсколько придавленное обстоятельствами честолюбіе.

— А нейдетъ-таки негодный Иванъ!—стукнулъ онъ кулакомъ по столу:—того и жди отобьетъ у кого-нибудь жену, нарвется на исторію, исколотитъ его кто-нибудь, убьетъ, пожалуй, ну и пищи все пропало!

— Небось, небось, братъ, — смѣялся Василій Лукичъ:—не таковъ твой Иванъ, не дастся въ обиду. Ну, а насчетъ чужой

жены — это точно, не знаю въ кого онъ, можетъ, и въ папеньку. Признайся, старина, княгиня-то далеко—не услышитъ!

Князь Алексѣй пріятно ухмыльнулся; очень можетъ быть, что черезъ минуту онъ бы началъ какое-нибудь пикантное повѣствованіе изъ дней своей молодости, онъ ужъ даже, ободренный любимымъ и уважаемымъ двоюроднымъ братомъ, и собирался начать что-то разсказывать, какъ вдругъ раздался неистовый стукъ въ наружную дверь домика и, прежде чѣмъ слуга ее отворилъ, послышался громкій голосъ.

Черезъ минуту на порогѣ комнаты показалась фигура молодого князя Ивана.

— А, за ужиномъ честная компанія!—безцеремонно крикнулъ онъ снимая шляпу: — и меня не подождали... Ну, а вино не все выпилъ родитель?.. сынку-то оставилъ?... я выпью, я могу!

Онъ, очевидно, и такъ ужъ изрядно выпилъ. Пошатываясь подошелъ онъ къ столу, грузно опустился въ кресло, подперъ раскраснѣвшееся лицо руками и осматривалъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ.

— Хорошъ!—развелъ на него руками отецъ.—Ну, вотъ заступайся ты за него Василій Лукичъ, вотъ онъ каковъ! Весь тутъ передъ тобою! Я ему говорю: пьянствуй, безпутствуй дебоширничай, только такъ, чтобъ ни одна собака объ этомъ не вѣдала, потому онъ теперь пуще всего свою репутацію соблюдать долженъ, а онъ развѣ о словахъ моихъ думаетъ? Ему ничего вотъ такъ орать на весь Петергофъ! Чай по рощѣ шелъ, пѣсни пѣлъ, со всѣми въ драку лѣзъ. На что же это похоже? Какъ трезвый, такъ еще ничего, инөй разъ и толкъ показываетъ, да вотъ такимъ-то ужъ больно часто являться сталъ. У! не глядѣлъ бы на него—совсѣмъ изъ рукъ выбился...

Князь Иванъ пристально смотрѣлъ на отца во все время этой рѣчи, и вдругъ расхохотался самымъ беззаботнымъ и безцеремоннымъ образомъ.

— Дядюшка Василій Лукичъ, заступись хоть ты, вотъ онъ такъ каждый день... Право, я скоро на него челомъ буду бить государю!

— Молчи, негодный! — крикнулъ на него Алексѣй Григорьевичъ: —не зазнавайся больно, я еще тебѣ покажу, что я твой отецъ!

— Да полноте, перестаньте, —вступился Василій Лукичъ.— Гдѣ былъ, племянничекъ? Что подѣлывалъ?

— Такъ вотъ я вамъ сейчасъ и скажу, гдѣ я былъ!

— Ну, а что государь—въ добромъ здоровьѣ?

— Здоровъ, теперь почиваетъ, да и мнѣ пора тоже.

Князь Иванъ совсѣмъ наклонилъ голову къ столу и скоро захрапѣлъ.

— Унесите его, раздѣньте!—обратился Алексѣй Григорьевичъ къ слугамъ.

Тѣ осторожно приступили къ исполненію этого приказанія.

— Да, это плохо,—задумчиво сказалъ Василій Лукичъ:—я завтра съ нимъ поговорю. Очень дурить сталъ твой Иванъ, а такъ нельзя—все дѣло можетъ испортить.

— Я уже тебѣ говорилъ, говорилъ! — махнулъ рукою Алексѣй Григорьевичъ.

Въ это время въ томъ же самомъ домикѣ, въ маленькой спальнѣ княженъ Долгорукихъ, на мягкой съ пышно вздутыми перинами и высокимъ балдахиномъ кровати сидѣла Катюша. Ночь была теплая, окно отворено. Рядомъ спала ея сестра и спала крѣпко, время отъ времени что-то шептала во снѣ, какія-то непонятныя, отрывочныя слова. Слабый свѣтъ лампадки, зажженной въ углу передъ иконами, озарялъ кровать Катюши и всю ея небольшую, граціозную фигуру. Ей было жарко и не спалось. Она откинула одѣяло и распустила воротъ. Не спалось ей потому, что ужъ очень она удивилась, сегодня,—сейчасъ оудивилась. Когда мать послала ее узнать, велитъ ли отецъ п давать ужинъ, и она уже подбѣжала къ дверямъ комнаты, гдѣ толковали Долгорукіе, ей ясно послышалось ея имя, произнесенное княземъ Василіемъ Лукичемъ. Не удержалась Катюша: что обо мнѣ говорятъ, дай послушаю! И она приложила ухо къ замочной скважинѣ... ну, и все услышала. Чудно и странно показалось ей: она будетъ царской невѣстой, царицей... да развѣ это возможно? Да и зачѣмъ это!.. Она почти каждый день видѣла императора, почтительно кланялась ему; когда иной разъ онъ заговаривалъ съ нею, отвѣчала потупивъ глаза, но все же несмотря на то, что ей самой еще не было шестнадцати лѣтъ, императоръ казался ей маленькимъ мальчикомъ и никогда не могла она подумать о немъ иначе, какъ о существѣ особенномъ, стоявшемъ далеко и высоко, а тутъ вдругъ хотятъ, чтобъ онъ сдѣлался ея женихомъ!..

«И все это братъ Иванъ, чего онъ не выдумаетъ! А самъ-то, самъ-то!.. ахъ какъ все это странно, какъ странно!..»—шептали губы княжны. Наконецъ, она заснула.

Но въ эту ночь и сны ей снились все такіе странные: ей снилось, что она царица, что на ней золотая корона, мантія на горностаѣ; ей снилось, что всѣ кланяются ей въ ноги, и ей становилось почему-то душно, тяжко, она просыпалась и металась на своей пуховой постели.

X.

Все такъ же великолѣпенъ домъ князя Меншикова, такая же толпа прислуги бродитъ взадъ и впередъ по безчисленнымъ его комнатамъ. Но что-то виситъ надъ этимъ домомъ, и каждому входящему въ него съ первой минуты это становится яснымъ. Да теперь рѣдко кто и заходитъ къ Александру Даниловичу. Онъ ужъ третій день въ Петербургѣ, всѣ это знаютъ и какъ будто никому до этого нѣтъ дѣла. Давно ли отбою не было отъ посѣтителей? Давно ли высокіе сановники государства дожидались княжескаго выхода со страхомъ и трепетомъ и сгибались передъ княземъ, чуть не цѣловали полы его кафтана—да и цѣловали таки.

Александръ Даниловичъ ужъ и не ѣздитъ въ Петергофъ, не старается умилостивить императора, того и жди хуже отъ этого будетъ. Всѣ царскія вещи уже вынесены изъ Меншиковскаго дома: императоръ не сегодня-завтра переѣзжаетъ въ Петербургъ. Охъ, что-то будетъ! Послѣдніе надежные люди доносятъ, что *тамъ* никто и слова не говоритъ про Меншиковыхъ, какъ будто ихъ и нѣтъ на свѣтѣ; *тамъ* теперь только Долгорукіе и нѣмецкая креатура. Ломаетъ себѣ голову Александръ Даниловичъ: къ кому бы обратиться, да что теперь выдумаешь? Самъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ. Думалъ, никто и не пригодится, никто и не будетъ никогда нуженъ, а вотъ теперь пригодился бы каждый маленькій человѣчекъ, да нѣтъ никого: всѣ разбѣжались, всѣ врагами смотрятъ, всѣ лягать готовы!

Послѣдняя слабая надежда мелькнула князю — къ Голицыну обратиться. Голицынъ также какъ и онъ долженъ бояться возвышенія Долгорукихъ и Остермана. Голицынъ ради своихъ выгодъ помочь долженъ. Вотъ садится Александръ Даниловичъ и пишетъ князю Михайлу Михайловичу Голицыну:

«Извольте ваше сіятельство поспѣшить сюда какъ возможно, на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перспективной дорогѣ. тогда изволите къ намъ и къ брату вашему прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число когда намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же насъ обоихъ увѣдомить, понеже весьма желаемъ, дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами».

Спѣшитъ, шлетъ гонца Александръ Даниловичъ, что-то будетъ? Помогутъ ли уничтожить Долгорукихъ и Остермана? А кѣмъ замѣнить воспитателя, если удастся его свергнуть, кѣмъ замѣнить? Кто былъ бы угоденъ? Вспомнилъ свѣтлѣйшій про стараго учителя Зейкина, котораго когда-то любилъ Петръ, и

вотъ другое письмо пишетъ онъ къ этому Зейкину. Письма посланы, но когда-то еще получатся, когда явятся эти нужные люди? А тутъ, что ни день, что ни часъ, бѣда неминучая стрястись можетъ.

Александръ Даниловичъ ужъ и изъ дому не выходитъ, забылъ и о Верховномъ Совѣтѣ—гдѣ теперь! Что тамъ—однѣ обиды только! Какъ левъ запертый въ клѣткѣ бродитъ изъ угла въ уголъ по своему рабочему кабинету Александръ Даниловичъ, ждетъ вѣстей недобрыхъ. А вѣсти недобрыя ужъ близко, вотъ онѣ у порога, въ двери стучатся. Вотъ докладываютъ князю: государь и царевны переѣхали въ Лѣтній домъ, свѣтлѣйшему никто изъ нихъ не далъ знать объ этомъ, и сейчасъ же по переѣздѣ государя послано объявить гвардіи, чтобы слушались только царскихъ приказаній, которыя будутъ объявлены маіорами, князьями Юсуповымъ и Салтыковымъ. Это было утромъ 7-го сентября.

Князь рѣшился ждать до вечера. Тянулись часы, нѣтъ посланцевъ изъ дворца, никто не является, всѣ какъ въ воду канули. Цѣлый день въ ротъ ничего не могъ взять Александръ Даниловичъ. Стучалась къ нему жена—не отперъ; дѣти стучались—не подалъ голоса. Ужъ совсѣмъ ни о чемъ не думалъ князь, мыслей никакихъ не было, да и о чемъ теперь думать! Только тоска глухая давитъ, дохнуть не даетъ, и дѣваться некуда отъ этой тоски, ничѣмъ не заглушишь ее!

Вечеръ. Стемнѣло, тучи ходятъ по небу, вѣтеръ осенній поднялся и зарябилъ невскія воды. Сѣро и мрачно, вонъ изъ окна слышно: вороны каркаютъ, и пуще надрывается сердце Александра Даниловича, и пуще тоска давитъ его. Нѣтъ, не втерпежъ эта убійственная неизвѣстность, будь что будетъ, а узнать надо, что тамъ дѣлается! Самому ѣхать—ни за что! Пожалуй, даже не впустятъ. При этой мысли холодный потъ показался на высокомъ, морщинистомъ лбу Меншикова. «Дѣтей пошлю, дѣтей—вѣдь, что же, еще не объявили, вѣдь, Марья все еще царской невѣстой считается... Онѣ должны поѣхать поздравить съ пріѣздомъ, должны... пошлю ихъ къ царевнамъ, хоть что нибудь узнаю». Идетъ онъ на половину жены, а та встрѣчаетъ его блѣдная, дрожащая, лица на ней нѣтъ: измаялась вся, исхудала въ эти послѣдніе ужасные дни Дарья Михайловна.

— Гдѣ дочери?—мрачно проговорилъ князь.

— Дома, дома! Да гдѣ же имъ быть-то?!

— То-то; вели сейчасъ запрягать, снаряди ихъ, пусть ѣдутъ поздравить царевенъ съ пріѣздомъ, пусть все узнаютъ! О, Господи!

Дарья Михайловна побрела къ дочерямъ, а князь остался на мѣстѣ, сѣлъ въ кресло и замеръ.

Больше часа сидѣлъ онъ такъ, слова никому не сказалъ, только головой мотнулъ, когда доложила ему жена, что дочери во дворецъ уѣхали.

Невеселою вышла изъ экипажа у Лѣтняго сада княжна Марья Александровна. Въ послѣдніе дни и она оставила свое равнодушіе; еще больше поблѣднѣла она, еще болѣе вытянулось лицо ея, тошно было ей глядѣть на свѣтъ Божій—чуяла она неминучую гибель.

И цесаревна Елизавета, и великая княжна Наталья дома, а княженъ все же дожидаться заставляютъ: не выходятъ къ нимъ и къ себѣ не зовутъ. Полчаса проходитъ, часъ—царская невѣста опять посылаетъ фрейлину доложить царевнамъ. Фрейлина возвращается и говоритъ:—«сейчасъ выйдутъ, позабыть изволили о вашемъ пріѣздѣ».

— Машенька, что же это такое?—даже задрожала княжна Александра:—что же это за несносныя обиды? Уѣдемъ, ради Бога. Боже мой, неужели Наташа и отъ меня отвернется!

Вотъ великая княжна Наталья показалась на порогѣ, Александра Александровна бросилась къ ней: бывало онѣ встрѣчались закадычными друзьями, цѣловались и обнимались, бывало не наглядятся другъ на друга, что же это? что же Наталья глядитъ и не улыбается, едва протянула руку... цѣловать не хочетъ. Что же это? За что же?

— Царевна, чѣмъ я виновата передъ тобою?—шепчетъ княжна Александра.—Если есть моя вина, скажи мнѣ. Развѣ забыла ты, какъ я люблю тебя, развѣ забыла ты нашу старую дружбу?

Великая княжна все молчитъ, ей неловко. Входитъ цесаревна Елизавета.

— Прошу извиненія,—говоритъ она, обращаясь къ княжнамъ:—забыли мы, что вы здѣсь дожидаетесь.

— Мы здѣсь болѣе часа!—шепчутъ блѣдныя, тонкія губы царской невѣсты, а на глазахъ ея блестятъ слезы.

— Очень жалко,—отвѣчаетъ Елизавета:—вольно же вамъ такое время выбрать... Чай, слышали, мы только что переѣхали, тоже, вѣдь, разобраться нужно, не до чужихъ!

— А я такъ устала, я нездорова,—замѣчаетъ великая княжна Наталья.

— Тоже не до чужихъ видно!—прорыдала передъ нею Александра Александровна.

— Ахъ, какъ это скучно!—раздражительно выговорила цесаревна, поднимаясь съ мѣста.—Такія любезныя гостьи, отъ нихъ слова не добьешься. Пойдемъ, Наташа, у насъ тамъ веселѣе!

Обѣ онѣ вышли. Меншиковы остались однѣ въ пустой комнатѣ. Никого нѣтъ... Боже мой, что-жъ это такое?

Не помня себя, обѣ сестры кинулись къ выходу, не помня себя доѣхали онѣ до дому, прибѣжали къ матери и обѣ не могли сказать ни слова, обѣ только рыдали.

— Да что такое, что? не томите, не надрывайте душу, разскажите хоть что нибудь, что съ вами тамъ было?—измученнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ шептала Дарья Михайловна:—да говорите, говорите.

И вдругъ передъ ними очутился отецъ. На немъ лица не было.

— Говорите сейчасъ же, что тамъ было?!—закричалъ онъ.

— А то было,—поднялась передъ нимъ княжна Марья:—то было, что ты погубилъ и себя, и меня... и всѣхъ насъ...

Княжна зарыдала и выбѣжала изъ комнаты...

— Говори все подробно!—дрожа и сжимая кулаки, обратился князь ко второй дочери:—говори, не то убью на мѣстѣ: видѣли вы государя?

— Нѣтъ, не видѣли,—прорыдала княжна Александра,—да и царевны не выходили къ намъ больше часа. А вышли, сказали два слова, обидѣли и ушли, оставивъ насъ однѣхъ.

— Какъ, и Наталья? Вѣдь, она тебя любила...

Бѣдная княжна зарыдала еще отчаяннѣе.

— Да, и она... и она на меня смотрѣть не захотѣла!

Александръ Даниловичъ схватилъ себя за голову, глаза его остановились, лицо исказилось, онъ застоналъ и вдругъ безъ чувствъ рухнулся на полъ. Несчастная Дарья Михайловна съ отчаяннымъ крикомъ кинулась къ мужу, старалась поднять его, но ей было это не по силамъ.—«Воды, воды, доктора!»—кричала она охрипнувшимъ голосомъ. Княжна Александра металась изъ комнаты въ комнату какъ помѣшанная. По всему огромному дому все дальше и дальше разносилось: «доктора, доктора! свѣтлѣйшій умираетъ!»

XI.

Страшная, долгая ночь наконецъ прошла; наступило утро 8-го сентября. Свѣтлѣйшій успокоился нѣсколько и заснулъ только при солнечномъ восходѣ. Дарья Михайловна осторожно вышла изъ его спальни; во всемъ домѣ никто почти не ложился спать. Съ часу на часъ ожидали Меншиковы рѣшенія своей участи. Бѣдная княгиня выплакала всѣ свои слезы, даже молодой сынъ Меншикова, до сихъ поръ ни во что не вмѣшивавшійся и игравшій самую незначительную роль въ домѣ, и тотъ понялъ всю важность событій, не отходилъ отъ матери и старался ее успокоить, но развѣ можно было успокоить Дарью Михайловну!

Она не плакала: глаза ея были сухи, но на нее и взглянуть было страшно; она то и дѣло подходила къ дверямъ спальни мужа и прислушивалась.

Прошло нѣсколько долгихъ часовъ, и вотъ княгинѣ доложили, что изъ дворца къ свѣтлѣйшему явился маіоръ гвардіи, генералъ-лейтенантъ Салтыковъ.

Дарья Михайловна бросилась къ нему, но не получила отъ него никакихъ разъясненій.

— Мнѣ нужно видѣть князя Александра Данилыча,—сказалъ онъ:—проводите меня къ нему сейчасъ же, я не могу безъ этого уѣхать.

Дѣлать нечего — пришлось разбудить князя. Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Салтыковъ долженъ былъ войти къ нему.

— По приказу его величества объявляю вамъ арестъ, чтобы вы никуда не выѣзжали изъ своего дома,—сразу сказалъ Салтыковъ.

Меншиковъ открылъ глаза, задрожалъ и вторично упалъ безъ чувствъ. Черезъ нѣсколько минутъ медикъ пустилъ ему кровь. Онъ очнулся, но глядѣлъ на всѣхъ безсмысленно и не говорилъ ни слова.

Дарья Михайловна взяла съ собою сына и сестру свою, Варвару Арсеньеву, и поспѣшила во дворецъ: тамъ ей сказали, что государь еще не возвращался отъ обѣдни. Она осталась въ передней комнатѣ дожидаться. Вотъ и государь—княгиня бросилась передъ нимъ на колѣни, держала его за полу кафтана. Онъ не глядѣлъ на нее, онъ пробовалъ вырваться, но она вцѣпилась въ него и не отпускала.

— Государь, пощади!—задыхаясь и обливаясь слезами, шептала Дарья Михайловна.

Великая княжна Наталья заплакала и убѣжала къ себѣ. Всѣ окружавшіе были разстроены этой сценой — даже и тѣ, кто искренно ненавидѣлъ Меншикова. Ненавидѣли Меншикова, но противъ жены его никто не могъ ничего имѣть. Всѣ знали, что она добрая, почтенная женщина, что сама она несчастна и всегда при первой возможности исправляла зло, причиненное ея мужемъ. И всѣмъ было неловко, всѣ опускали глаза, жались къ стѣнамъ, но ни у одного человѣка не пошевелился языкъ на ея защиту. Защита теперь была бы безуміемъ, это значило бы подвергать самого себя опасности... А княгиня все стоитъ на колѣняхъ, все держится дрожащими руками за камзолъ императора, мочитъ полъ своими слезами, шепчетъ невнятныя рѣчи, а онъ все силится отъ нея вырваться. И вотъ онъ вырвался, не сказалъ ни слова, и быстро ушелъ. Она одна, на колѣняхъ, среди комнаты

Сейчасъ было много народу—теперь никого: всѣ разбрелись, всѣ ушли отъ нея точно отъ чумной, боясь заразиться...

Она кинулась къ великой княжнѣ Натальѣ; по дорогѣ всѣ разступались передъ нею, всѣ отъ нея отворачивались и никто не говорилъ съ ней. Княжна Наталья тоже убѣжала отъ нея и куда-то скрылась. Бродитъ и мечется Дарья Михайловна по дворцу этому, гдѣ каждая комната, каждое кресло, каждая вещица ей такъ давно знакомы. Мысли ея спутались: она ничего не понимаетъ, она кидается то туда, то сюда. Императоръ ушелъ; великая княжна ушла; осталась цесаревна — къ ней идти... но и цесаревна не сказала ни слова княгинѣ, у нихъ такъ видно положено было: ни одного слова, ну хоть бы бранить стали, хоть бы тяжелыя, обидныя рѣчи пришлось ей выслушать, а то ни слова... ни слова! вѣдь, это еще хуже, еще ужаснѣе!.. И поняла наконецъ княгиня, что нѣтъ никакого спасенья и быть не можетъ, и шатаясь, вся растрепанная, едва волоча ноги, потащилась она вонъ изъ дворца, неся съ собою ужасныя вѣсти о пришедшей неотвратимой погибели. Но по дорогѣ послѣдняя мысль пришла ей въ голову—идти къ Остерману.

Остерманъ по крайней мѣрѣ принялъ ее и даже старался успокоить.

— Ну что-жъ, княгиня,—говорилъ онъ:—что-жъ теперь дѣлать, ничего теперь не подѣлаешь! Того и ожидать было нужно, очень ужъ забылся Александръ Данилычъ; вѣдь, на твоихъ же глазахъ, княгиня, все было; вы, чай, помните какъ обращался супругъ вашъ съ его величествомъ? Ну, и не вытерпѣлъ императоръ—оно и понятно! Только вы успокойтесь, княгиня, не на казнь же поведутъ васъ.

— О, Господи,—стонала Дарья Михайловна:—не на казнь, говоришь ты, Андрей Иванычъ... а почемъ я знаю? Вѣдь, не самъ ли ты на-дняхъ еще говорилъ Александру Данилычу, что его колесовать нужно, такъ почемъ я знаю, можетъ, и колесуютъ...

— Да, вѣдь, я говорилъ потому, что самъ онъ стращалъ меня этимъ и клевету взвелъ на меня, будто я отвращаю государя отъ православія.

— Ахъ, Господи! прости ты, прости, Андрей Иванычъ, мужу—не зналъ онъ самъ, что говорилъ, ужъ очень обидъ много было. Прости его Христа-ради, не помяни зла, не помяни. Смилуйся надъ нами!—и дрожащая княгиня стала на колѣни передъ Остерманомъ и, такъ же какъ и императора, схватила его за полы и мочила его ноги своими слезами.

— Ахъ, что вы, что вы, княгиня!—суетился баронъ Андрей Иванычъ, стараясь поднять ее. Но все было тщетно. Онъ позвалъ жену и та начала успокоивать Дарью Михайловну—да чѣмъ же

они могли ее успокоить? Она хорошо знала, хорошо видѣла изъ каждаго слова Андрея Иваныча, что онъ просто не хочетъ за нихъ заступиться и пустить въ ходъ свое вліяніе. «Онъ бы еще могъ, онъ многое можетъ, но вотъ онъ не хочетъ, не хочетъ— чѣмъ же его разжалобить?! Или у людей совсѣмъ нѣтъ сердца, или имъ радостно видѣть погибель невинныхъ?!.»

— Андрей Иванычъ, голубчикъ,—заливалась слезами Дарья Михайловна:—смилуйся же, наконецъ, вѣдь есть же у тебя сердце! Ну, мужъ виноватъ, ну, я виновата, хоть не вѣдаю, въ чемъ вина моя, ну, насъ и казнить, да дѣтей за что же? Вѣдь, вотъ хоть бы Машенька, развѣ сама она... вѣдь, отецъ рѣшилъ... противъ его воли она идти не могла. И я, глупая, виновата, можетъ, въ этомъ дѣлѣ... сними мою голову, а дѣтей не губи!

— Ахъ, княгиня, да я-то тутъ при чемъ же, что-жъ съ меня вы хотите? Я ничего не могу, я ничего не знаю, я тутъ въ сторонѣ.

— Андрей Иванычъ! много ты можешь, не обманешь меня, знаю я все, вѣдь... Андрей Иванычъ... Матушка, сударыня моя, Марѳа Ивановна,—обращалась она и къ женѣ Остермана:—вѣдь, вотъ и у васъ, Богъ дастъ, выростутъ дѣтки, вѣдь, вотъ и съ вами бѣда можетъ приключиться, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, такъ хоть ради дѣтокъ, ради ихъ счастья будущаго, пожалѣйте вы меня, несчастную: замолвите слово не за меня, а за дѣтей моихъ!

Эта сцена становилась слишкомъ длинной и слишкомъ тяжелой. Несмотря на все свое терпѣнье, Остерманъ видѣлъ, что нужно же положить ей конецъ.

— Княгиня,—сказалъ онъ:—ей Богу мнѣ некогда, въ Верховный Совѣтъ спѣшить надо, туда нынче пріѣдетъ самъ императоръ, боюсь, опоздаю!

Онъ рѣшительно вырвалъ свое платье изъ рукъ Дарьи Михайловны и ушелъ отъ нея. Она осталась вдвоемъ съ его женой.

— Такъ и у васъ нѣтъ никакого сердца,—съ ужасомъ взглянула она на баронессу:—и вы враги лютые!.. Забыла, видно, ты, сударыня, всѣ мои ласки, всю мою дружбу! Какъ нужна я была тебѣ, такъ руки у меня цѣловала, а вотъ теперь и слова за меня сказать не хочешь!..

Баронесса Остерманъ, пріученная мужемъ къ сдержанности, не отвѣчала ни слова.

— Такъ вотъ что скажу я тебѣ!—снова заговорила Дарья Михайловна, поднимаясь; она вдругъ перестала плакать, выпрямилась, какъ будто исчезла вся ея слабость и все ея отчаяніе, глаза ея вспыхнули:—такъ вотъ что я скажу тебѣ: попомнишь ты день этотъ и часъ этотъ попомнишь! Какъ меня теперь оттолкнула, такъ и тебя оттолкнутъ; какъ за моихъ дѣтей не

заступилась, такъ и за твоихъ не заступятся, и у тебя будетъ та же участь, что и у меня—и ни въ комъ ты не найдешь поддержки въ день твой черный: за меня тебя Богъ накажетъ!

И Дарья Михайловна ушла оставивъ за собою послѣднiй пробескъ надежды; теперь передъ нею не было даже и соломенки, за которую бы она могла ухватиться.

А въ это время въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительно самъ императоръ засѣдать изволилъ. Твердою рукою подписывалъ онъ указъ: «Понеже мы всемилостивѣйшее намѣренiе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать и всѣмъ указамъ отправленными быть за подписанiемъ собственной нашей руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта: того ради повелѣли, дабы никакiе указы и письма, о какихъ бы дѣлахъ оные ни были, которые отъ князя Меншикова или кого либо иного партикулярно писаны, или отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять, подъ опасенiемъ нашего гнѣва, и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войскѣ изъ Сената». Только что былъ подписанъ указъ этотъ, какъ государю принесли письмо Меншикова, пересланное имъ черезъ Салтыкова: «Всемилостивѣйшiй государь императоръ,—писалъ Меншиковъ:—по вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ и хотя никакого вымышленнаго передъ вашимъ величествомъ погрѣшенiя въ совѣсти не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божiимъ, развѣ можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей сестрицѣ вашей ея императорскому высочеству учинилъ въ забвенiи и невѣдѣнiи или въ моихъ къ вашему величеству для пользы вашей представленiяхъ: и въ такомъ моемъ невѣдѣнiи и недоумѣнiи всенижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству службы. всемилостивѣйшаго прощенiя, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста освободить, памятуя изрѣченiе нашего Христа Спасителя: «да не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ вашемъ». Сiе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденiе: я-же обѣщаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего». Затѣмъ Меншиковъ писалъ, что самъ проситъ «для своей старости и болѣзни» отъ всѣхъ дѣлъ его уволить. Дальше онъ оправдывался въ нѣкоторыхъ взведенныхъ на него обвиненiяхъ, разъясняя смыслъ сдѣланныхъ имъ приказанiй, и заканчивалъ письмо, прося милостиваго прощенiя.

— Что же, ваше величество,—обратился къ императору Остерманъ:—прикажете мнѣ отвѣтъ князю Меншикову составить, или сами написать изволите?

— Я ничего не хочу отвѣчать на это письмо,—замѣтилъ императоръ.—Я даже жалѣю, что прочелъ его.

Такъ и не вышло Меншикову никакого отвѣта.

Въ этомъ же засѣданіи рѣшена была на первое время участь Александра Даниловича. Баронъ Остерманъ сочинилъ докладъ «о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ, къ нему близкихъ» и резолюція заранѣе была рѣшена такъ: «Меншикова лишить всѣхъ чиновъ и орденовъ и сослать въ дальнее имѣніе его Ораніенбургъ».

XII.

Во мгновеніе ока по всему Петербургу распространилась вѣсть о паденіи Меншикова. Съ 8-го сентября быстро появлялись и приводились въ исполненіе распоряженія, касающіяся его скорѣйшей высылки къ мѣсту ссылки. Опять караулы гвардіи стояли у всѣхъ входовъ и выходовъ меншиковскаго дома; но не съ той цѣлью уже стояли они, какъ во время пребыванія здѣсь императора.

Меншиковъ упалъ духомъ, смирился и не подавалъ голоса. Письмо къ императору, оставшееся безъ отвѣта, было послѣднимъ актомъ проявленія его сознательной воли. Теперь страшно похудѣвшій и измѣнившійся, состарившійся на десять лѣтъ, опираясь на костыль, бродилъ онъ какъ тѣнь по своему опустѣвшему дому. Много часовъ проводилъ онъ въ спальнѣ жены, у ея постели. Дарья Михайловна лежала недвижима; не вынесла она всего, что случилось въ послѣдніе дни, и вернувшись домой отъ Остермана, не могла даже добраться до своей комнаты: жестокій припадокъ паралича отнялъ у нея ноги. Она тоже казалась теперь, въ своей постели, совершенно спокойною: не плакала, не стонала, не жаловалась—только молилась. Послѣ долгихъ лѣтъ супружеской, далеко не счастливой жизни, несчастіе снова сблизило Данилыча и Дарьюшку. Она—недвижимая, разбитая, и онъ—еле шевелившійся, разбитый не меньше ея, поняли другъ друга, поняли, что только другъ въ другѣ, съ этой поры, они и могутъ имѣть поддержку; только они одни вдвоемъ и были на всемъ свѣтѣ: все отъ нихъ отшатнулось, даже дѣти не могли скрывать своего противъ нихъ раздраженія. И старики поняли, что дѣти, пожалуй, и правы.

А въ домѣ между тѣмъ то и дѣло появлялись должностныя лица, отбиравшія меншиковскія вещи, распоряжавшіяся его собственностью. Прежде всего отобрали у него и повезли во дворецъ андреевскую и александровскую кавалеріи, потомъ стали дѣ-

лать опись всему его состоянію, а состояніе было большое. У него оказалось девяносто одна тысяча душъ крестьянъ и семь милліоновъ тогдашнихъ рублей деньгами и банковыми билетами; но и этимъ, какъ говорили, еще не исчерпывалось все состояніе свѣтлѣйшаго: полагали, что многое онъ успѣлъ во время спрятать въ надежное мѣсто

Невыносимое впечатлѣніе производилъ теперь зтотъ огромный домъ; казалось, что въ немъ происходитъ дѣлежъ наслѣдства послѣ покойника. Но этотъ покойникъ еще былъ живъ: онъ былъ здѣсь и присутствовалъ при дѣлежѣ своего наслѣдства. Онъ былъ живъ и еще такъ недавно подписывался съ такимъ титуломъ: «Мы, Александръ Меншиковъ, римскаго і россійскаго государствъ князь. герцогъ Ижорскій, наслѣдный господинъ Аранибурха і иныхъ, его царскаго величества всероссійскаго первый дѣйствительной тайной совѣтникъ, командующій генералъ фельдъ-маршалъ войскъ, генералъ-губернаторъ губерніи Санктъ-питербурхской и многихъ провинцей его императорскаго величества кавалѣръ Святаго Андрѣя і Слона і Бѣлаго і Чернаго Орловъ. і пр. і пр. і пр.»

Теперь герцогъ Ижорскій былъ простымъ разслабленнымъ старикомъ; вся его жизнь до послѣдняго времени представлялася ему какъ какое-то далекое сновидѣніе, ему казалось, что вотъ только теперь и есть настоящая жизнь—что онъ проснулся.

Поздно вечеромъ, вернувшись изъ спальни жены, Александръ Даниловичъ заперся въ своей комнатѣ и со стономъ опустился на колѣни передъ огромнымъ кіотомъ: онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ силы для молитвы. Никогда, въ самыя тяжкія минуты своей жизни, не прибѣгалъ онъ къ этому средству, и вотъ теперь, когда ничего ужъ не оставалось, онъ вспомнилъ о Богѣ. Минуты шли за минутами: часъ прошелъ—другой, а князь все стоитъ на колѣняхъ, все молится: слезы бѣгутъ изъ глазъ его неудержимо—тихія, никогда неизвѣданныя имъ слезы; крупныя капли пота струятся по высокому блѣдному лбу его, и съ этими слезами все тише становится въ измученной душѣ его. Еще вчера онъ былъ—ужасъ, отчаяніе, злоба и негодованіе, еще сегодня въ безсильной злобѣ проклиналъ онъ враговъ своихъ, а вотъ теперь ему кажется, что никакихъ враговъ нѣтъ, что никакого несчастія не случилось съ нимъ и что, напротивъ того, пришло спасеніе. Онъ вспоминаетъ всю жизнь свою, вспоминаетъ все никому неизвѣстное, даже женѣ неизвѣстное, даже имъ самимъ позабытое, и это неизвѣстное и позабытое встаетъ теперь передъ нимъ. Оно страшно, ужасно—въ немъ грѣхъ и преступленіе! И молится князь Александръ Даниловичъ, и бьетъ себя въ грудь, нелицемѣрно раскаяваясь во всѣхъ темныхъ дняхъ

своего величія, и чудится ему, что тутъ сейчасъ, за его спиной стоитъ огромный, страшный призракъ великаго императора, обманутаго друга.

«Рабъ неблагодарный,— шепчетъ этотъ призракъ!—не я ли вывелъ тебя изъ ничтожества, не я ли возвелъ тебя паче заслугъ твоихъ на верхъ земного величія; не я ли, въ слабости моего сердца, прикрывалъ всѣ твои беззаконія, прощалъ тебѣ многократно, тогда какъ долженъ былъ карать ради Божеской и человѣческой справедливости?! Чѣмъ же заплатилъ ты мнѣ за это? Была ли нелицемѣрна любовь твоя, помышлялъ ли ты непрестанно о благѣ государства, ввѣреннаго въ твои руки? Нѣтъ, ты забывалъ о немъ ты только о себѣ думалъ! И вотъ ты проникъ въ самыя нѣдра моего семейства, ты посѣялъ зло въ дому моемъ, и еще себя же считаешь оскорбленнымъ! Смирись, рабъ лицемѣрный, смирись и моли Господа, чтобы онъ простилъ грѣхи твои; долгимъ раскаяніемъ, тяжелыми днями загладь вины свои!..»

И молится, все молится князь Александръ Даниловичъ, и тише становится шопотъ огромнаго призрака. Вотъ ушелъ этотъ призракъ—нѣтъ никого, только Богъ одинъ слышитъ раскаявающагося грѣшника, и невѣдомая тишина и душевное спокойствіе нисходятъ въ мятежную его душу.

Неузнаваемымъ, обновленнымъ человѣкомъ всталъ Меншиковъ со своей долгой молитвы: не было злобы и не было теперь въ немъ отчаянія. «Все къ лучшему: Богъ вспомнилъ обо мнѣ,—думалъ онъ,—нужно молиться, нужно замаливать грѣхи свои!..» И пошелъ князь къ женѣ, на колѣняхъ сталъ просить прощенья, просилъ прощенья у дѣтей своихъ и вышелъ отъ нихъ совсѣмъ успокоенный. Къ нему пришли и спросили его, не пожелаетъ ли онъ выпросить себѣ что нибудь у государя, потому что на завтра назначенъ его выѣздъ.

— Ничего мнѣ не надо,—отвѣтилъ Александръ Даниловичъ:— спросите жену, спросите дѣтей, быт можетъ, они что-нибудь скажутъ, а я у его императорскаго величества прошу одной только милости, съ великою покорностью прошу я ее: пускай повелѣть изволитъ, чтобы дохтуръ мой и лѣкарь шведской породы, полонѐнный и при мнѣ живущій съ двадцать лѣтъ, со мною былъ отпущенъ.

Государь исполнилъ эту просьбу Меншикова и одновременно съ тѣмъ повелѣлъ, чтобы впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не поминали и чтобы немедленно взяли у Меншикова большой яхонтъ. «Только поскорѣе бы всѣ они уѣхали отсюда!» объявилъ императоръ.

Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, назначенъ былъ отъѣздъ Меншиковыхъ. Княгиня Дарья Михайловна неоснова-

тельно боялась казни мужа. Покуда государь отнесся къ нему весьма милостиво; онъ не хотѣлъ ему зла, онъ хотѣлъ только отъ него избавиться, хотѣлъ знать, что бывшій лютый врагъ далеко, что нечего бояться столкновеній съ ненавистнымъ человѣкомъ и чуть ли не больше еще ненавистной невѣстой.

Къ четыремъ часамъ вокругъ дома Меншикова, по набережной Васильевскаго острова, собрались толпы разнаго люда со всѣхъ сторонъ Петербурга. Давка была страшная: всѣмъ хотѣлось взглянуть на павшаго вельможу и на его домочадцевъ, на царскую невѣсту. Вотъ одна за другой стали подъѣзжать къ большому крыльцу кареты шестернями; вотъ настежъ растворились двери. Кто былъ ближе, тотъ увидѣлъ высокую, согбенную фигуру вчерашняго властелина; за нимъ вели подъ руки почти недвижимую Дарью Михайловну. Свѣтлѣйшій князь сѣлъ съ женою и свояченицею, Варварой Арсеньевой,—раздѣлявшею ихъ участь,—въ первой каретѣ. Онъ ни на кого не взглянулъ, хотя сотни глазъ были устремлены на лицо его; всѣ поразились необычайной перемѣной, происшедшей въ Меншиковѣ. Онъ имѣлъ видъ дряхлаго, изнуреннаго болѣзнью старика, но въ то же время лицо его было совершенно спокойно: на немъ не отражалось ни смущенія, ни отчаянія.

Княгиня Дарья Михайловна тоже ни на кого не взглянула и ежесекундно крестилась.

Ихъ карета отъѣхала на нѣсколько шаговъ и остановилась; за нею къ крыльцу подъѣхала другая. Въ эту карету помѣстился молодой князь Меншиковъ. Онъ прикрылъ плащемъ все свое лицо, такъ что никто его не видѣлъ; съ нимъ вмѣстѣ усѣлась старая, крошечная карлица. Отъѣхала и эта вторая карета. Быстрое движеніе прошло въ толпѣ народа, всѣ разомъ устремились взорами къ дверямъ, изъ которыхъ сейчасъ должна была появиться бывшая царская невѣста. Вотъ и ей подана карета, вотъ и она показалась—но никто не увидѣлъ лица ея; она такъ же, какъ и братъ, его закрыла. Младшая сестра ея, княжня Александра, шедшая за нею, горько плакала, неудержимо всхлипывая какъ ребенокъ. Она не думала закрываться отъ постороннихъ взоровъ, она забыла, что толпы народа смотрятъ на нее. Отъѣхала и третья карета. Въ четвертую сѣлъ братъ княгини Дарьи Михайловны, Арсеньевъ, и другіе приближенные люди. Всѣ, начиная съ свѣтлѣйшаго князя, были одѣты въ черное. Послѣ четвертой катеры стали приближаться экипажи, наполненные слугами и вещами.

Поѣздъ былъ огромный, его сопровождалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ въ сто двадцать человѣкъ. По знаку этого капитана, поѣздъ наконецъ тронулся вдоль набережной и на-

родъ тихо пошелъ за нимъ, переговариваясь, передавая другъ другу свои замѣчанія. Начинали ходить всевозможные слухи. Вотъ въ одной кучкѣ толкуютъ о томъ, что теперь открылись всѣ преступленія и злодѣянія Меншикова; что онъ хотѣлъ совсѣмъ отстранить государя и самому короноваться на престолъ русскій. Говорили, что найдено письмо Меншикова ко двору прусскому, въ которомъ онъ проситъ дать ему взаймы десять милліоновъ, обѣщаясь возвратить вдвое какъ только сдѣлается императоромъ. Въ другой кучкѣ за самое вѣрное передаютъ, что съ недавняго времени началось удаленіе гвардейскихъ офицеровъ для того, чтобъ замѣнить ихъ людьми, преданными Меншикову; толкуютъ о завѣщаніи Екатерины I. Но о завѣщаніи говорятъ уже не въ толпѣ народа, а въ кружкахъ болѣе близкихъ ко двору. Увѣряютъ тутъ же, что герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили цесаревну Елизавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала. «Теперь не сдобровать и голштинскому двору: вонъ ужъ министръ голштинскій какимъ мрачнымъ ходитъ! Ну, а что-жъ Меншиковы? Неужто такъ ихъ и оставятъ въ Ораніенбургѣ на свободѣ? Развѣ это кара за столь великія злодѣянія?» И дальнозоркіе люди отвѣчали на такіе вопросы: — «конечно, не оставятъ. Самого Данилыча вмѣстѣ со свояченицей Арсеньевой, Варварой, сошлютъ въ Сибирь, потому, эта Варвара тоже много мудрила. ну, а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ». Въ концѣ концовъ всѣ такъ полагали, что быть можетъ и никого ужъ не будутъ ссылать въ Сибирь, навѣрно и Александръ Данилычъ, и Дарья Михайловна проживутъ не долго: лица на нихъ нѣтъ, еле шевелятся, не жильцы они на свѣтѣ! И всякій, кто успѣлъ взглянуть на свѣтлѣйшаго и на бѣдную княгиню въ послѣдніе дни, не могъ не согласиться съ вѣрностью этого предположенія.

XIII.

Прошло нѣсколько дней. Пустой, запертой и заколоченный, стоитъ меншиковскій домъ, будто долгіе годы никто не живетъ въ немъ. Тихо вокругъ него, только вѣтеръ осенній гуляетъ по широкому двору, мчится по саду и обрываетъ на лету желтѣющіе листья, и съ жалобнымъ шопотомъ крутятся они и падаютъ на землю. И дальше мчится вѣтеръ, хочетъ забраться въ опустѣвшіе покои; бьется въ окна и дребезжатъ отъ его напора стекла, но туда, во внутрь, ему не прорваться, и съ жалобой летитъ онъ обратно, и опять крутитъ листья, опять клонитъ къ землѣ древесныя вѣтки. Вотъ добрался онъ до садовой бесѣдки—

не намѣрена разставаться съ жизнью. И вѣтеръ свиститъ ей въ ухо: «не плачь, успокойся, проглянетъ тебѣ солнце, опять будешь ѣхать по этой дорогѣ, опять блескъ и шумъ окружатъ тебя и снова услышишь ты льстивыя рѣчи... а все же не надолго, не надолго... и ты уйдешь за ними, за всѣми, не на радость, не на счастье родились вы, безталанныя!».

Дальше мчится вѣтеръ и злобно рветъ онъ все, что попадается ему навстрѣчу... Къ рѣкѣ подлетитъ—вздуются и запѣнятся волны; на дерево наткнется — скрипитъ дерево, трещатъ сучья; тутъ поднимаетъ пыль столбомъ, залѣзаетъ въ глаза пѣшеходу, тамъ врывается въ плохо притворенную дверь бѣднаго жилища и студитъ его, студитъ—и никакъ не выгнать его хозяевамъ. И опять, наскучивъ этими забавами, летитъ осеннiй вѣтеръ ко взморью, къ Невѣ широкой, и опять вьется вокругъ Меншиковскаго заколоченнаго дома и, вздувая Неву, пробирается на другой берегъ, къ Петровскому старому саду, откуда разлетѣлись привозныя птицы...

Придворная жизнь идетъ своимъ чередомъ, оживленно и шумно—всѣ разомъ вздохнули свободно, всѣ рады, что далекъ Меншиковъ. Новыя заботы у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ: Меншиковыхъ нѣтъ, надо дѣлить ихъ наслѣдство — кто же его подѣлитъ? передъ кѣмъ придется снова склоняться, кому уступать дорогу? Хитрый нѣмецъ Андрей Иванычъ — вотъ теперь первое лицо, всѣ это хорошо понимаютъ. Понимаетъ это, конечно, и самъ онъ, но знаетъ, что трудненько держаться. Неразрѣшимый вопросъ стоитъ передъ Андреемъ Ивановичемъ· вѣдь, онъ воспитатель императора, значитъ, нужно хорошо воспитать его, нужно выучить, а Петръ совсѣмъ учиться не хочетъ, хочетъ жить въ свое удовольствiе. Какъ тутъ быть, чтобъ и совѣсть успокоить, да и вреда непоправимаго не сдѣлать?.. При Меншиковѣ даже лучше было. Тогда Остерманъ былъ добрый, снисходительный человѣкъ, особенно рядомъ съ свѣтлѣйшимъ, онъ не налегалъ, какъ тотъ... Ну, а теперь нѣтъ этого сравненiя. Всякое замѣчанiе непрiятно Петру. Вотъ онъ всѣ ночи напролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ, княземъ Иваномъ Долгорукимъ, ложится въ 7 часовъ утра. Заикнется Андрей Ивановичъ о необходимости учиться—Петръ станетъ сумраченъ; раздражать его не годится. Извертывается Андрей Ивановичъ и успокоиваетъ себя своими неутомимыми трудами на пользу государства.

Ну, а другiе? кто же эти другiе?—Конечно, князья Долгорукiе,—ихъ не смущаетъ совѣсть, они знаютъ свое дѣло и дѣло ихъ заключается только въ томъ, чтобы угождать юному императору, чтобъ быть ему прiятными. Они хорошо знаютъ, что только этимъ способомъ и можно имъ удержаться, а не то—

бѣда: явятся враги и спихнутъ ихъ такъ-же, какъ сами они спихнули Меншикова. Вотъ ужъ явились враги; пріѣхалъ знаменитый князь Голицынъ. Опять собрался родственный совѣтъ у Долгорукихъ: какъ быть съ Голицынымъ? Василій Лукичъ объявилъ, что бояться особенно нечего: князь Голицынъ въ фаворѣ не будетъ, не таковъ онъ человѣкъ, онъ ни за что не можетъ отказаться отъ своей самостоятельности, не можетъ смотрѣть въ глаза, постоянно угодничать, да и характеръ у него тяжелый: самъ себѣ повредитъ сразу.

Князю Ивану Долгорукому на этомъ родственномъ совѣтѣ было поручено поскорѣй сообщить императору о томъ, что Голицынъ въ послѣднее время свелъ дружбу съ Меншиковымъ и съ нимъ переписывался. Конечно, Иванъ аккуратно исполнилъ это порученіе и легко добился того, что даже Петръ немного поморщился, когда ему доложили, что князь Михайло Голицынъ явился и ждетъ аудіенціи.

Петръ хорошо зналъ обо всѣхъ заслугахъ Михайлы Голицына и, скрывъ свое неудовольствіе, вышелъ къ нему и встрѣтилъ его очень ласково. Но Василій Долгорукій былъ правъ, говоря, что князь Михайло самъ себѣ повредитъ своимъ характеромъ. Послѣ первыхъ словъ Голицынъ сейчасъ же началъ:

— Много перемѣнъ засталъ я здѣсь, ваше величество, вотъ и свѣтлѣйшаго князя Меншикова нѣтъ!..

Петръ нахмурилъ брови.

— А что-жъ, князь, развѣ тебѣ хотѣлось, чтобы онъ былъ здѣсь?

— Я этого не сказалъ, — отвѣтилъ Голицынъ: — Меншиковъ мнѣ не другъ и не свой, а только по истинѣ, ваше величество, не могъ я не смутиться, узнавъ, что такой заслуженный государственный человѣкъ, помощникъ Петра Великаго, удаленъ такъ скоро, сосланъ безъ суда... Коль есть его вина великая, такъ все на судѣ бы открылось, а безъ суда ссылать человѣка не ладное дѣло.

Юный императоръ ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился съ Голицынымъ.

Долгорукіе торжествовали. Теперь имъ некого было бояться, развѣ что Остермана, но Остерманъ—одинъ, его можно сдѣлать безвреднымъ, а уничтожить, удалить — не годится: на комъ же дѣла тогда останутся? Князья Долгорукіе любятъ пожить въ свое удовольствіе: отъ дѣла не бѣгаютъ, да и дѣла не дѣлаютъ, если можно свалить его на кого другого. А на кого же свалить, какъ не на Остермана, благо работаетъ неустанно: нигдѣ не сыскать такого работника! И рѣшено до времени всячески беречь Остермана.

XIV.

Баронъ Андрей Ивановичъ только что вернулся домой изъ засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ ранняго утра не переставая работалъ онъ и теперь дѣйствительно уже, не притворяясь, чувствовалъ себя уставшимъ. Но дома, въ его скромной семейной обстановкѣ, его ожидало успокоеніе. Заботливая жена къ возвращенію мужа приготовила обѣдъ: сама позаботилась о томъ, чтобы все были вкусныя и любимыя Андреемъ Ивановичемъ яства. Сама она накрыла ему приборъ, поставила серебряную стопку и бутылку англійскаго пива.

Андрей Ивановичъ, переодѣвшись у себя, вошелъ въ столовую и съ удовольствіемъ замѣтилъ заботливыя приготовленія жены. Здѣсь, въ этой маленькой столовой, онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ привыкли его видѣть всѣ его знавшіе. Здѣсь онъ былъ самъ собою, даже лицо его измѣнялось, спадала съ него сдержанность. Онъ не думалъ ужъ больше о томъ, что говорить и какъ держать себя, теперь глаза его, обыкновенно опущенные и рѣдко глядѣвшіе прямо на собесѣдниковъ, искрились и спокойно и ласково обращались къ вѣрному другу—женѣ.

— Охъ, усталъ, мейнъ герцхенъ,—сказалъ онъ:—давай скорѣй обѣдать!

Повторять приказаніе было нечего: все было уже готово. Утоливъ свой аппетитъ, Андрей Ивановичъ покуривалъ трубочку, прихлебывая пиво.

Никто, глядя на него, не призналъ бы въ немъ одного изъ великихъ государственныхъ людей того времени, тонкаго дипломата, искуснаго интригана. Онъ былъ теперь добрымъ, жирнымъ нѣмецкимъ буршемъ, созданнымъ, казалось, для тихой семейной жизни, для трубки и стопки пива — и ничего такъ не любилъ онъ на свѣтѣ, какъ эти рѣдкіе свободные часы, этотъ старый, потертый теплый шлафрокъ, старую трубку и пиво.

— Ну что, какъ тамъ у васъ? — спросила баронесса Марѳа Ивановна, видя, что мужъ отдохнулъ и теперь самъ радъ будетъ побесѣдовать съ нею.

— Да что тамъ, все тоже... Спасибо, что никто въ дѣла не вмѣшивается и вольно мнѣ дѣлать все по своему. Вотъ люди— каждый готовъ утопить меня въ стаканѣ съ водою, а лѣнь у нихъ все же пуще вражды и ненависти: утопятъ, такъ, вѣдь, работать будетъ нужно, а этого они не любятъ. А ужъ какъ ненавидятъ, какъ ищутъ придраться къ чему нибудь,—вонъ намедни Головкинъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «странное дѣло,

говоритъ, Андрей Иванычъ, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ». А почему, говорю, странное дѣло? «А потому, отвѣнчаетъ, что вы человѣкъ не нашей вѣры, да и никакой, кажется».

Марфа Ивановна ничего на это не сказала и сдѣлала видъ, что занята перестанавливаніемъ посуды на столѣ. Она сама не разъ уже подумывала о томъ, какой вѣры ея' добрый мужъ, Андрей Иванычъ Не разъ и она поднимала съ нимъ религіозные вопросы, но всегда какъ-то очень быстро и ловко отдѣлывался онъ отъ подобныхъ разговоровъ и это обстоятельство очень смущало баронессу· «Видно нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго человѣка,—думала она,—все хорошо, а одного чего-нибудь всегда недостаетъ человѣку». И она усердно молилась Богу и просила его, чтобъ онъ простилъ рабу своему Андрею всѣ грѣхи его вольные и невольные.

— Ну, а государькчто теперь дѣлаетъ?—поспѣшила она перемѣнить разговоръ, оторый могъ сойти на непріятную почву и разстроить Андрея Ивановича:—былъ онъ сегодня въ Совѣтѣ?

— Не былъ, матушка, не былъ, когда онъ бываетъ! Въ первыя двѣ, три недѣли послѣ Меншикова пріѣзжалъ, а теперь и глазъ не кажетъ — не тѣмъ занятъ—веселится все. Просто не знаю, что и дѣлать! Знаешь, вѣдь, что вчера было,—хотѣлъ сказать тебѣ, да не успѣлъ —вѣдь, я вчера имѣлъ большое объясненіе съ государемъ—право, сердце у меня не на мѣстѣ, что я за воспитатель! Вотъ вчера, оставшись съ нимъ наединѣ и говорю ему: ваше величество, исполни мою сердечную просьбу—уволь меня отъ должности твоего воспитателя, ибо иначе придется мнѣ строгій отчетъ дать; вѣдь, долженъ я слѣдить за тѣмъ, чтобы ваше величество учились изрядно, а ваше величество только о весельѣ думаете. Отпусти ты меня, Христа-ради, назначь на мое мѣсто кого другого.

— Ну, что-же государь, что онъ сказалъ?—поспѣшно спросила баронесса.

— Очень ужъ онъ изумился. Потомъ заплакалъ, сталъ просить, умолять меня остаться. «Не оставляй меня, говоритъ, Андрей Иванычъ, никого другого, кромѣ тебя, не хочу—да и кого найду? Я тебя люблю сердцемъ и почитаю. Я знаю, что ты имѣешь право быть недовольнымъ мной. Я знаю, что веду себя не хорошо». Вотъ и говорю я ему: такъ если самъ знаешь, государь—отчего не исправишься? У человѣка воля должна быть, твердость. Видишь, что нужно идти направо, зачѣмъ-же идешь налѣво? Смотрю я, государь еще пуще плачетъ. «Прости, говоритъ, меня, Андрей Иванычъ,—исправлюсь, буду учиться.»

— Что-жъ, это хорошо!—сказала баронесса.

— То-есть одно недурно, что еще не успѣли его отвратить отъ меня, любитъ, да и сердце у него доброе, а другого ничего хорошаго нѣтъ, потому хоть и обѣщалъ онъ мнѣ это вчера утромъ, а къ вечеру за старое принялся: не преодолѣлъ искушенія—всю ночь пробѣгалъ по городу съ Долгорукимъ.

— Охъ, ужъ этотъ Долгорукій,—озабоченно покачала головой баронесса.

— Да, нечего сказать,—что ни день, то хуже; просто язва этотъ Долгорукій,—заговорилъ опять Андрей Ивановичъ.—Чай слышала ты, что онъ теперь съ княгиней Трубецкой водится—такъ что̀ теперь вышло, говорить о томъ стыдно. Вѣдь, князь-то Никита Трубецкой не Богъ знаетъ кто: и древняя фамилія, и на виду,—а знала-бы ты какъ съ нимъ обращается этотъ Долгорукій—ни стыда, ни совѣсти! Пьянствуетъ у него въ домѣ, ругаетъ его, даже бьетъ, мнѣ говорили,—а тому что жъ дѣлать? Кто сладитъ съ фаворитомъ? Вѣдь, теперь иначе его ужъ и не называютъ. Пробовалъ я вчера государю о немъ заикнуться, такъ поблѣднѣлъ тотъ даже: «нѣтъ, сказалъ, не говори ты мнѣ, Андрей Иванычъ, ничего дурного про моего друга, онъ мнѣ теперь замѣсто брата, такъ люблю я его, и никому, слышишь ты, говоритъ, Андрей Иванычъ, никому не позволю его обижать». Да развѣ одна Трубецкая,—опять раздражительно заговорилъ Андрей Ивановичъ.—Позоръ, срамъ, что онъ такое творить началъ: ко всѣмъ пристаетъ, никому отъ него нѣтъ спасенья, а за нимъ и другіе молодчики примѣру его слѣдуютъ... Хоть-бы иностранныхъ резидентовъ постыдились! Тѣ ужъ своимъ дворамъ отписываютъ, что въ Россіи честь женская въ такой-же безопасности, какъ во градѣ, взятомъ непріятелями-варварами. До чего онъ дойдетъ, этотъ Долгорукій, помыслить страшно, да и государя совратитъ. Ну, теперь молодъ тотъ еще, а время-то идетъ скоро; годъ, другой пройдетъ, выростетъ—ахъ, Боже мой, право страшно подумать!

Въ это время въ комнату вбѣжала служанка и объявила, что пріѣхала великая княжна Наталья. Остерманъ засуетился, вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ къ себѣ переодѣваться. Баронесса встрѣтила великую княжну поклонами, разсыпаясь въ благодарности за высокую честь, которую она имъ оказала своимъ посѣщеніемъ.

— Очень Андрея Иваныча нужно видѣть, онъ дома?—спросила Наталья.

— Дома, дома, принцесса, сейчасъ выйдетъ.

Андрей Ивановичъ не заставилъ себя дожидаться, а баронесса поспѣшно вышла изъ комнаты, чтобы не стѣснять царевну своимъ присутствіемъ.

— Чѣмъ заслужилъ я, ваше высочество, такую честь?—почтительно говорилъ Остерманъ.

— Какая честь, Андрей Иванычъ,—озабоченно проговорила великая княжна:—поговорить нужно съ вами, да такъ чтобъ никто не зналъ. Вотъ каталась и заѣхала.

— Развѣ случилось что, принцесса?

— А развѣ у насъ проходитъ день, чтобы чего нибудь не случилось? Сегодня утромъ у меня опять было объясненіе съ братомъ. Не могу я смотрѣть на него равнодушно, уморятъ они его,—и великая княжна заплакала и сквозь слезы продолжала:—какъ есть уморятъ! Вѣдь, онъ въ семь часовъ утра теперь спать ложится; гдѣ бываетъ, что дѣлаетъ, не знаю я. Сегодня лица на немъ нѣтъ, блѣдный такой, да посмотрѣла я, и глаза у него красные, точно плакалъ. «Петичка, говорю, ты плакалъ, признайся!» ну, вотъ онъ и признался, что точно плакалъ, и причиной этихъ слезъ цесаревна Елизавета; или съ Долгорукимъ онъ, или у нея. Третьяго дня два раза звать его посылала, а онъ такъ ко мнѣ отъ нея и не вышелъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, на какой конецъ все это? Помоги, посовѣтуй мнѣ, какъ спасти его. Я все терпѣла, все молчала въ послѣднее время, но такія дѣла теперь узнала, что молчать не могу больше!..

— Что же вы узнали такое, принцесса? — тихо спросилъ Андрей Ивановичъ.

— А то, что цесаревна смѣется надъ нимъ, мучитъ его, она вотъ съ Бутурлинымъ его на смѣхъ поднимаетъ, вѣрные люди мнѣ это сказали.

— А Бутурлинъ у ней часто бываетъ?—спросилъ Остерманъ.

— Почти и не выходитъ отъ нея,—отвѣчала Наталья, и глаза ея засверкали.

— Ну что-жъ, это ничего, успокойтесь, принцесса,—ободряющимъ голосомъ заговорилъ Андрей Ивановичъ:—успокойтесь, принцесса, можетъ, въ Бутурлинѣ все наше спасенье. Ужо я все разузнаю и посмотрю, что надо дѣлать. Утрите же ваши свѣтлые глазки, вы совсѣмъ не дурныя вѣсти принесли мнѣ. Сами увидите, все къ лучшему повернется.

— Да хотя бы и такъ, на долго ли?—прошептала великая княжна.

Ну, это другое дѣло!—развелъ руками Андрей Ивановичъ.

Царевна уѣхала и Остерманъ остался опять вдвоемъ съ женою; онъ не разсказывалъ ей о своемъ разговорѣ съ великой княжной, онъ хорошо зналъ, что она и такъ слышала за дверью весь разговоръ этотъ.

— Теперь дѣла принцессы Елизаветы плохи становятся,— замѣтилъ онъ:—нужно ждать перемѣнъ. Вотъ скоро въ Москву

всѣ поѣдемъ для коронаціи, а въ Москвѣ новый человѣкъ есть, бабушка, и человѣкъ этотъ можетъ стать важнымъ человѣкомъ для насъ для всѣхъ. Что-жъ, мейнъ герцхенъ, написала ты старой царицѣ письмо?

— Написала,—отвѣтила баронесса:—вотъ черновое въ карманѣ, прочти, все отписано, какъ ты приказывалъ.—Баронесса подала мужу бумагу. Онъ съ большимъ вниманіемъ принялся читать ее. Марѳа Ивановна Остерманъ писала царицѣ Евдокіи, позабытой до сихъ поръ инокинѣ Еленѣ, о томъ, что вручаетъ себя въ высочайшую ея величества милость и при этомъ увѣряла, что мужъ ея государю и ей, царицѣ, со всякимъ усердіемъ и вѣрно служитъ и служить будетъ.

— Хорошо, хорошо, такъ, такъ и нужно,— одобрительно кивалъ головою Андрей Ивановичъ, читая письмо это.—Ну, а теперь и я, Марѳуша, пойду тоже напишу царицѣ, охъ, нужна она намъ, охъ какъ нужна, вѣдь, все же бабушка родная, кровь заговоритъ! Многое она сможетъ сдѣлать, пуще всего нужно намъ заручиться ея милостью...

Андрей Иванычъ сѣлъ за свой рабочій столъ и принялся писать. Онъ описывалъ старой царицѣ службу, сочиненную на день рожденія государя, прилагалъ рисунокъ фейерверка, въ этотъ день сожженнаго, и манифестъ о коронаціи. Долго писалъ онъ и такъ окончилъ письмо свое: «яко я на семъ свѣтѣ ничего иного не желаю, окромѣ чтобъ его Императорскому Величеству безъ всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямыя и вѣрныя свои услуги показать, такъ и Ваше Величество соизволите всемилостивѣйше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ Вашего Величества высокой особѣ о томъ не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ Его Императорское Величество такъ и ея Императорское Высочество великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ».

— Вотъ такъ ладно!—сказалъ самъ себѣ Андрей Ивановичъ, перечитывая письмо свое.—Охъ, трудно, трудно жить на свѣтѣ: обо всемъ-то надо подумать, все предусмотрѣть, предугадать, а то какъ разъ полетишь въ пропасть и что отъ тебя тамъ останется!..

И Андрей Ивановичъ собрался во дворецъ. На новыя мысли навела его великая княжна Наталья.

XV.

Цесаревна Елизавета вернулась съ прогулки въ свои аппартаменты и отдыхала въ мягкомъ креслѣ. На душѣ у нея было,

какъ всегда, свѣтло и весело, она съ удовольствіемъ осматривала свою любимую комнату, убранную и устроенную по ея вкусу. Комната была довольно обширна, устлана мягкими коврами. По стѣнамъ висѣли портреты родныхъ: Петра Великаго, Екатерины и любимой сестры Елизаветы,—герцогини Анны Петровны. Былъ тутъ также и превосходный портретъ юнаго императора, недавно съ него списанный и подаренный имъ Елизаветѣ. У окна стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, надъ которой по утрамъ работала Елизавета. Много книгъ разложено было въ углу, на большомъ столѣ, покрытомъ тяжелой скатертью. Цесаревна, предаваясь удовольствіямъ, всегда находила время для занятій; она прекрасно рисовала, пѣла, любила читать интересныя и полезныя книги. Теперь она вытянула на бархатную подушку свои маленькія ноги, обутыя въ атласныя туфли, откинула голову и улыбалась сидѣвшему передъ нею Александру Борисовичу Бутурлину. Бутурлинъ былъ красивый, статный молодой человѣкъ, очень любезный и образованный для своего времени. Въ послѣдніе мѣсяцы всѣ замѣтили, что цесаревна обратила на него большое вниманіе, постоянно къ себѣ приглашала, объ этомъ ужъ всѣ говорили. Въ комнату вошла фрейлина и подала письмо Елизаветѣ.

— Ахъ, это изъ Киля,—обрадовалась цесаревна:—отъ Мавры Шепелевой. Что-то она пишетъ?

Елизавета быстро разорвала конвертъ и принялась читать письмо.

Ея прелестное лицо оживилось еще больше, улыбка распространялась по нему и показывала на щекахъ прелестныя ямки.

Бутурлинъ молча любовался ею.

— Что-жъ она вамъ пишетъ, или это тайна?—наконецъ проговорилъ онъ.

— Какая тайна! Пишетъ, что всѣ здоровы. Сестра ѣздила въ саняхъ по Килю и весь городъ дивовался русскимъ санямъ. Балы у нихъ тамъ черезъ день. Особенно веселый балъ, говоритъ Мавра, былъ у графа Бассевича, вотъ какъ пишетъ: «и танцовали мы тамъ до десятаго часа утра и не удоволились въ комнатахъ танцовать, такъ стали польскій танцовать въ поварнѣ и въ погребѣ».

И цесаревна и Бутурлинъ громко засмѣялись.

— Вотъ тамъ какъ веселятся, не нашему чета, — говорила Елизавета:—отъ души веселятся. Послушай, что дальше: «и всѣ дамы кильскія также танцовали, а графиня Кастель старая, лѣтъ пятидесяти, охотница великая танцовать и перетанцовала всѣхъ дамъ—молодыхъ перетанцовала». И еще пишетъ: «Бишофъ очень дурно танцуетъ, а принцъ Августъ и еще того хуже». А вотъ и еще, но вотъ прочти самъ—и цесаревна, краснѣя, передала письмо Бутурлину, указывая на приписку. Онъ прочелъ: «ежели вашему

высочеству не въ противное поздравить съ кавалеріею Александра Борисыча». Цесаревна, все также улыбаясь и краснѣя, взяла письмо обратно у Бутурлина. Онъ съ восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза, нѣжная, бѣлая рука съ письмомъ была такъ близко отъ лица его, что онъ не могъ удержаться и поцѣловалъ эту руку. Елизавета тихонько ударила его письмомъ по лицу и опять засмѣялась.

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался юный императоръ. Онъ осмотрѣлъ всю комнату, пристально взглянулъ на смѣявшуюся, раскраснѣвшуюся Елизавету, потомъ перевелъ свои глаза на Бутурлина, поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Мнѣ кажется, ты никогда не бываешь дѣломъ занятъ,—не сдерживая своего раздраженія, сказалъ онъ Бутурлину:—я тебя еще никогда за дѣломъ не видѣлъ!

— Вотъ дайте мнѣ дѣло, ваше величество, такъ я и буду занятъ,—спокойно отвѣтилъ Бутурлинъ.

— Дамъ, непремѣнно дамъ, а теперь оставь насъ, мнѣ нужно поговорить съ цесаревной.

Бутурлинъ поклонился глубокимъ поклономъ и вышелъ.

Едва заперлась за нимъ дверь, Петръ подбѣжалъ къ Елизаветѣ, схватилъ ее за руку и прошепталъ, задыхаясь отъ волненія:—Лиза, Лиза, зачѣмъ ты меня мучаешь?

Она изумленно на него взглянула.

— Я, я тебя мучаю, скажи на милость, чѣмъ?

— Какъ будто сама не знаешь! Что-жъ это такое? Всякій-то разъ какъ, приду къ тебѣ, непремѣнно у тебя этотъ Бутурлинъ торчитъ, всегда ты съ нимъ!

— А вотъ я слышала, что меня упрекаютъ, будто я всегда съ тобою, что я тебѣ учиться мѣшаю, такъ не знаю, право, что ужъ мнѣ и дѣлать, все не ладно! И потомъ скажи, пожалуйста, государь, съ какихъ это поръ ты сталъ моимъ дядькой? Если ты видишь у меня Бутурлина, такъ что-жъ тутъ мудренаго и дурного? Я очень люблю Бутурлина и всегда рада его видѣть, люблю потолковать съ нимъ: онъ умный, веселый...

— А я не могу допустить этого. я этого не позволю!—волновался императоръ.

— Вотъ какъ!—засмѣялась Елизавета, глядя ему прямо въ глаза своими живыми, свѣтлыми глазами:—вотъ какъ! Мой милый племянничекъ хочетъ подражать Александру Данилычу, моимъ звѣремъ-церберомъ хочетъ сдѣлаться! И чѣмъ тебѣ помѣшалъ Бутурлинъ, за что ты такъ не взлюбилъ его? Самъ еще недавно хвалилъ...

Юный императоръ ничего не отвѣтилъ, только вдругъ его лицо измѣнилось, онъ упалъ передъ цесаревной на колѣни, при-

жался къ ней лицомъ и горько заплакалъ. Она взяла голову его обѣими руками и подняла ее.

— Голубчикъ мой, Петинька, что съ тобой? Зачѣмъ ты плачешь?

— Я все вижу, все...—захлебывался слезами Петръ:—я... я вижу, что ты меня нисколько не любишь, Лиза!

— Ахъ, какой ты, право, ребенокъ! Какъ тебѣ не стыдно? Ты такъ уменъ, такъ благоразуменъ, а вдругъ превращаешься въ самаго маленькаго, глупенькаго мальчика. Какъ тебѣ не стыдно?

— Но по совѣсти, какъ передъ Богомъ, можешь ли ты мнѣ сказать, Лиза, что ты меня любишь?

— Еще бы, люблю, люблю всѣмъ сердцемъ, мой милый, дорогой!—она обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Ну, если это правда, если ты меня любишь,—началъ юный императоръ, вытирая слезы, усаживаясь въ кресло рядомъ съ цесаревной и не выпуская ея руки:—если это правда, такъ докажи мнѣ: согласись быть моей женою...

Цесаревна съ видомъ глубокаго изумленія взглянула на него и высвободила свою руку.

— Ахъ, какой вздоръ это!—тихо проговорила она:—Откуда, право, берутся у тебя такія мысли?

— Почему-жъ это вздоръ?—вспыхнувъ, возразилъ императоръ.

— Потому вздоръ, что вовсе тебѣ теперь еще не слѣдуетъ думать о женитьбѣ. И какая я тебѣ невѣста? Я старше тебя, я твоя тетка.

— Тетка, тетка... и ты тоже, рады вы всѣ, что нашли это слово. Такъ что-жъ, что тетка? Развѣ тебѣ, такой красавицѣ, такой молоденькой, прилично быть теткой? Лучше тебѣ быть невѣстой. И потомъ ты говоришь, что мнѣ рано объ этомъ думать; да какъ же рано, когда ужъ у меня была невѣста... и должна быть непремѣнно, и, вѣдь, моя невѣста была не моложе тебя, а никто тогда не находилъ этого страннымъ!...

— Вотъ оттого, что она была твоей невѣстой и была старше тебя, ты и не любилъ ее. Такъ бы и меня скоро разлюбилъ, еслибъ я согласилась.

— Ты и она, смѣшно даже подумать! Какъ можешь ты себя сравнивать съ нею?—все больше и больше волновался юный императоръ.—Лиза, послушай, согласись, я тебя умоляю, я тебя люблю больше всѣхъ на свѣтѣ, я для тебя все сдѣлаю, что только ты захочешь! Что-жъ, развѣ лучше будетъ тебѣ выйти замужъ за какого нибудь нѣмецкаго принца, уѣхать отсюда, никогда не видѣть ни насъ, ни Россіи? Вѣдь, вотъ, ты сама часто говоришь, что тетушка Анна Петровна несчастна, что такъ она сюда и рвется; что-жъ, ты и себѣ того же хочешь?

— Нѣтъ, я себѣ вовсе этого не хочу, я совсѣмъ не хочу замужъ. Я останусь такою, какова я и теперь, останусь свободной. Зачѣмъ мнѣ мужъ? Не нужно.

— Лиза, умоляю тебя, согласись, развѣ ты не хочешь быть царицей? Вѣдь, вотъ теперь кто нибудь можетъ тебя обидѣть, а тогда никто ужъ не обидитъ.

— Я не знала, государь, что меня можно теперь обижать; я думала, что ты никому меня не дашь въ обиду!—поднялась Елизавета.

— Ахъ, прости, прости, я не такъ сказалъ, — заторопился Петръ:—я не знаю, что говорю, я такъ опечаленъ, такъ несчастливъ... Лиза, голубушка моя, согласись, пожалуйста, я теперь не могу жить безъ тебя...

— Нѣтъ, видно, можешь,—улыбнулась цесаревна:—ты не можешь жить только безъ Ивана Долгорукаго. Вотъ ты меня упрекаешь, что часто бываетъ у меня Бутурлинъ, а посмотри на себя: вѣдь, ты совсѣмъ не отпускаешь отъ себя Долгорукаго; вѣдь, всѣ дни и ночи ты съ нимъ. Ужъ за одно это я бы никогда не согласилась на то, о чемъ ты просишь. Долгорукій дѣлаетъ изъ тебя все, что хочетъ: еслибъ ты и женился когда, вздумаетъ онъ обидѣть твою жену, и ты это ему дозволишь.

— Боже мой, что ты говоришь, Лиза! Иванъ, точно, мой самый лучшій другъ: я его люблю и онъ меня любитъ, но только напрасно ты думаешь, что я позволю ему играть собою. Ахъ, Лиза, да если я всегда съ нимъ, если я стараюсь веселиться, такъ, вѣдь, только, можетъ быть, чтобъ какъ нибудь убить время, чтобъ о тебѣ не думать, ты всему причиной! Скажи одно слово, согласись, о чемъ прошу я, и все будетъ иначе. Лиза, послушай, скажи, что ты меня любишь, что согласна быть невѣстой, и если велишь... если хочешь, я всѣмъ тебѣ пожертвую, и хоть люблю Ивана, а по твоему приказу и съ нимъ не стану видаться, забуду о немъ, обо всѣхъ забуду, Лиза!..

И одно ея слово дѣйствительно могло бы произвести самую неожиданную и огромную перемѣну, но она не сказала этого слова. Она все хорошо видѣла и понимала, знала, что теперь могла бы забрать все въ свои руки, всѣмъ распоряжаться, какъ ей вздумается, могла бы сдѣлаться всемогущей, но для этого нужно было притворяться, лгать, ломать свое сердце, согласиться на то, что казалось ей немыслимымъ, невозможнымъ, противнымъ совѣсти,—и честная, прямая натура Елизаветы возмущалась этимъ. Она была готова отъ всего отказаться, готова была вынести многое, чтобъ остаться свободной въ своихъ поступкахъ и въ своихъ чувствахъ,—и она не выговорила того слова, котораго такъ жадно ждалъ отъ нея маленькій императоръ. Она

встала передъ нимъ. Спокойное, поблѣднѣвшее лицо ея сдѣлалось вдругъ серьезнымъ и даже грустнымъ.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, мой милый Петруша, я не могу согласиться,—тихимъ, ровнымъ голосомъ выговорила она: — я не хочу обманывать тебя, себя и Бога. Я сердечно люблю тебя, но какъ брата, какъ племянника, какъ государя. Никогда я не могу быть твоей женою. Петруша, голубчикъ, и ты не волнуйся, ты самъ потомъ будешь мнѣ благодаренъ, что я такъ говорю тебѣ.

— Такъ это твое послѣднее слово... послѣднее?—блѣдный и дрожащій едва выговорилъ императоръ.

— Послѣднее, Петруша.

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на нее, крупныя слезы готовы были политься изъ глазъ его; онъ, задыхаясь отъ сдавливаемыхъ рыданій и вдругъ собравъ всѣ силы, молча и даже не взглянувъ на Елизавету, вышелъ изъ комнаты. Онъ отправился прямо къ сестрѣ и вошелъ къ ней съ такимъ лицомъ, что она испугалась.

— Что съ тобой, братецъ?

— Ничего. Наташа... Я сейчасъ былъ у Лизы, я предложилъ ей быть моей женой, и она мнѣ отказала...

— Что-жъ, она очень хорошо сдѣлала,—смущенно проговорила княжна.

Цѣлый рой мыслей закружился въ ея головѣ: «Радоваться этому или печалиться,—думала она:—можетъ быть разсердится, не проститъ ей этого, отвернется отъ нея.,. О, какъ бы это хорошо было! но, вѣдь, можетъ быть и наоборотъ, можетъ быть эта неудача только раздражитъ его и онъ больше ее полюбитъ, вѣдь, это бываетъ, я знаю, я понимаю, что оно можетъ быть и навѣрно бываетъ».

— Какъ же она тебѣ сказала?

— А такъ, что ты была права, сестрица, когда говорила, что Лиза хитрая, что она только смѣется надо мною и считаетъ меня ребенкомъ. Да, она сама мнѣ теперь все это сказала: она взаправду только всегда смѣялась надо мною, она меня никогда не любила. Для нея я мальчикъ, ей со мной скучно, ей веселѣе вонъ съ Бутурлинымъ; онъ, видишь ты, уменъ и веселъ!..

«А, Бутурлинъ»,—подумала великая княжна.

— Да, я знала, что такъ все и будетъ,—громко сказала она:—Бутурлинъ ей очень нравится, это я давно замѣчаю.

— Такъ я не попущу этого, не вынесу... Я уничтожу Бутурлина, я сошлю его, я не позволю смѣяться надо мною.

— Братецъ, милый, успокойся,—заговорила царевна:—не хорошо это. Ты долженъ оставить Бутурлина въ покоѣ. Какъ можешь ты становиться съ нимъ на одну доску? Вы не ровня. Онъ не смѣетъ надъ тобой смѣяться. Не за что ссылать его,

пока онъ дѣйствительно не провинился; ты долженъ быть справедливымъ, ты долженъ понять наконецъ Лизу: она тебя не стоитъ. Если она себѣ находитъ друзей, пускай, оставь ее и успокойся. Послушайся меня, береги свое достоинство, держи себя такъ, чтобы всѣ тебя уважали.

Императоръ мрачно слушалъ сестру, его лицо хмурилось все больше и больше

— Да, ты права,—наконецъ прошепталъ онъ:—это правда, что не стоитъ связываться. Я любилъ ее такъ, какъ больше любить невозможно, но если она мѣняетъ меня на всякаго и со всякимъ дружится, такъ я самъ не хочу ее знать... Я забуду ее, Наташа, теперь ты можешь радоваться. Ты боялась, что тебя изъ-за нея позабуду и разлюблю—ну, такъ вотъ видишь, будь теперь спокойна: я не хочу объ ней думать, ея для меня нѣту... Ты одна только у меня... одна только, Наташа!

Петръ вдругъ заплакалъ, бросился на шею сестры и долго они такъ оставались и плакали вмѣстѣ.

По его уходѣ великая княжна даже стала креститься отъ радости и благодарила Бога, что онъ помогъ ей.

Маленькій императоръ очевидно серьезно намѣревался позабыть красавицу-тетушку. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ. Петръ казался оживленнымъ, много танцовалъ и ни разу не подошелъ къ цесаревнѣ. Всѣ сейчасъ же замѣтили это и начались по обыкновенію всевозможные разговоры и предположенія. Но цесаревна ничѣмъ не смущулась, была какъ и всегда весела, привѣтлива; тоже танцовала весь вечеръ и не разъ ходила по заламъ подъ руку съ Бутурлинымъ.

XVI.

Прошло Рождество. Въ Петербургѣ готовились къ переѣзду дворца въ Москву на коронацію. Самъ императоръ торопилъ этой поѣздкой: ему ужъ надоѣлъ Петербургъ: все одно и тоже, да одно и тоже, а въ Москвѣ, говорятъ, столько славныхъ мѣстъ для охоты, чудныя облавы на медвѣдей можно дѣлать. И Андрей Ивановичъ тоже торопитъ отъѣздомъ. Андрей Ивановичъ часто теперь говоритъ о московской бабушкѣ. Никогда до послѣдняго времени ни Петръ, ни Наталья не слыхали объ этой бабушкѣ, даже думали, что умерла она, что ея совсѣмъ нѣтъ, а вдругъ бабушка оказалась живою! Еще раньше, осенью, послѣ ссылки Меншикова, баронъ Андрей Ивановичъ принесъ императору письмо отъ нея и говорилъ ему, что бабушка до сихъ поръ была въ далекомъ монастырѣ, что ее нужно со всякимъ почетомъ перевезти въ Москву и пусть она себѣ выби-

раетъ мѣстожительство. Императоръ сейчасъ же распорядился; бабушкѣ былъ назначенъ штатъ. Она пожелала поселиться въ Дѣвичьемъ монастырѣ: бабушка — монахиня. Вспомнилъ императоръ все, что когда-либо о ней слышалъ—ничего хорошаго не слыхалъ онъ о ней, никто не любилъ ее: всѣ бранили. Говорили, что много она была виновата передъ супругомъ своимъ, Петромъ Великимъ. «Да полно, такъ-ли, нужно ли почитать эту бабушку?»— Спросилъ объ этомъ императоръ у Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ говоритъ, что нужно. А ну, какъ бабушка станетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, будетъ вести себя какъ велъ Меншиковъ?! Меншиковъ тоже всегда говорилъ, что имѣетъ право надъ императоромъ, жаловался на его неблагодарность, выставлялъ свои заслуги. Но Меншиковъ былъ подданный, а если бабушка станетъ во все вмѣшиваться, такъ, вѣдь, ей и не отвѣтишь, пожалуй, что не ея это дѣло. Она родная—значитъ имѣетъ право, особенно теперь, когда никого старшихъ нѣту. Какъ хорошо, что она пожелала поселиться въ Москвѣ! Юный императоръ даже испугался, когда одинъ разъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она между прочимъ писала: «При этомъ просьба: если ваше величество къ Москвѣ скоро быть не изволите, дабы мнѣ повелѣти быть къ себѣ, чтобы мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Дай, моя радость, мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ. Какъ вы родились, не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ». Петръ испугался: «бабушка хочетъ сюда ѣхать, пріѣдетъ, испортитъ все веселье — нѣтъ, пусть живетъ тамъ, въ Москвѣ. Поѣдемъ на коронацію — увидимся». Онъ написалъ старой царицѣ самое любезное письмо, но не звалъ ее въ Петербургъ. «Прошу ко мнѣ отписать, — заканчивалъ онъ письмо: — въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать, еже я вѣрно исполнять не премину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобы васъ видѣть и надѣюсь, что Божіей помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ».

О московской бабушкѣ разсуждали теперь и думали очень многіе. Раньше всѣхъ подумалъ, какъ мы уже видѣли, баронъ Андрей Ивановичъ. Но и Долгорукіе соображали, что на нее слѣдуетъ обратить вниманіе, и они ей писали.

Старая царица благодарила всѣхъ за вѣрную службу ея внуку и всѣхъ увѣряла въ своемъ расположеніи.

Баронъ Остерманъ очевидно окончательно помирился со своею совѣстью, рукой махнулъ на ученье императора и не препятствовалъ въ его забавахъ. Долгорукіе съ каждымъ днемъ получали больше и больше силы. По всему Петербургу ходили преувеличенные разсказы о безчинствахъ, чинимыхъ фаворитомъ.

Великая княжна Наталья нѣсколько успокоилась, здоровье ея поправилось: она перестала кашлять.

Императоръ все сердился на цесаревну Елизавету и старался показать ей это: онъ ухаживалъ то за одной, то за другой изъ красивыхъ дѣвушекъ, дочерей придворныхъ. На святкахъ, во время многочисленныхъ праздниковъ и баловъ, устраиваемыхъ при дворѣ, онъ обратилъ особенное вниманіе на княжну Катерину Долгорукую, которая совсѣмъ выросла и очень похорошѣла въ послѣдніе мѣсяцы. Этому, конечно, способствовалъ и фаворитъ: онъ почти ежедневно находилъ случай такъ или иначе напомнить императору о своей сестрѣ, расхваливалъ ея умъ, толковалъ о добротѣ ея сердца; быть можетъ, главнымъ образомъ, чтобъ только угодить ему,—и любезничалъ съ ней императоръ.

Но Катюша Долгорукая держала себя весьма сдержанно, нисколько не кокетничала и не искала всрѣчъ съ Петромъ. Быть можетъ, еслибы она держала себя иначе, она больше бы ему и понравилась... Братъ не разъ ужъ выговаривалъ ей и даже съ ней ссорился изъ-за этого: до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на маленькую дѣвчонку, но эта дѣвчонка сдѣлалась ему нужна, да и къ тому, вотъ она выросла, похорошѣла. Но онъ все же думалъ, что она не выйдетъ изъ повиновенія, что своего ума у ней нѣту; а она вдругъ ему отвѣчаетъ на всю его науку какъ нужно обращаться съ императоромъ:

— Да что-жъ это, Иванушка, сама я знаю, какъ вести мнѣ себя должно, не доброму ты меня учишь, да и не забыла я судьбу княжны Меншиковой!..

Иванъ Долгорукій раздражался, кричалъ на сестру и скрывался изъ дому или къ императору, или къ многочисленнымъ царицамъ своего сердца.

Меншиковыхъ не оставили въ покоѣ. Въ послѣднее время посланникъ при шведскомъ дворѣ, графъ Головинъ, донесъ объ одномъ письмѣ Меншикова, изъ котораго ясно можно было усмотрѣть измѣну свѣтлѣйшаго князя. Узнавъ объ этомъ, Петръ приказалъ послать къ Меншикову нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами, велѣлъ опечатать все его имѣніе, отобрать всѣ его письма. И вотъ былъ отправленъ къ Меншикову Плещеевъ, которому наказано было допросить Александра Данилыча между прочимъ и о деньгахъ, взятыхъ съ герцога Голштинскаго. «Нельзя оставлять его на свободѣ,—толковали государю приближенные: — надо подальше послать его, а то онъ опять строитъ ковы!..» Была рѣшена послѣдняя, страшная участь Александра Данилыча: его сошлютъ въ Березовъ, а съ нимъ и его семейство!..

Послѣ святокъ императоръ каждый день освѣдомлялся, скоро ли все будетъ готово къ переѣзду въ Москву. О Москвѣ, главнымъ образомъ, напоминали Долгорукіе. У нихъ были свои планы и очевидно, что и государь вошелъ въ нихъ. Какъ-то, на большомъ сборищѣ, онъ во всеуслышаніе толковалъ о томъ, что Москва хорошій городъ и что напрасно дѣдъ совсѣмъ забылъ ее; въ Москвѣ не худо пожить бы подольше. Эти слова императора произвели сильное впечатлѣніе: многіе вельможи были очень довольны. Петровскаго парадиза не долюбливали. Тутъ было столько неудобствъ: страна печальная, болотистая, вѣтры сильные дуютъ, холодные; родовыя деревни далеко, трудно доставлять всѣ необходимые запасы, а въ Москвѣ чрезвычайно хорошо, старое, родное, нагрѣтое мѣсто—и помѣстья ихъ близко оттуда, все легко достать. Но чему радовались русскіе вельможи, отъ того приходили въ ужасъ всѣ, кому дорога была новая Россія и завѣты покойнаго императора. Въ переѣздѣ въ Москву видѣли забвеніе дѣлъ Петровыхъ, удаленіе отъ Европы, предсказывали паденіе Россіи, возвращеніе къ старымъ порядкамъ, къ прежнему варварству. Пуще всѣхъ боялся этого баронъ Андрей Ивановичъ. Всѣми силами въ разговорахъ своихъ съ императоромъ старался онъ его настраивать такъ, чтобы онъ видѣлъ въ поѣздкѣ только необходимость, по старому обычаю, короноваться въ Москвѣ; чтобы онъ не забылъ о настоятельной нуждѣ вернуться снова въ Петербургъ, потому что отсюда только и можно управлять Россіей. Юный императоръ внимательно вслушивался въ слова своего воспитателя. Андрей Ивановичъ говорилъ такъ убѣдительно, такъ разумно, но вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ являлись Долгорукіе—Алексѣй Григорьевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, и тоже очень краснорѣчиво и разумно описывали прелести московской жизни.

Наконецъ, въ началѣ январа 1729 года, дворъ выѣхалъ въ Москву. Оживилась московская дорога, по ней двинулись цугомъ огромныя сани, покрытыя коѣей кибитки съ теплыми мѣховыми полостями.

Унылыя мѣстности тянулись сзади и спереди. Со всѣхъ сторонъ дороги точно были снѣжныя пустыни; изрѣдка попадались хижины и деревеньки. Одни лѣса нарушали эту плоскую безпредѣльность, и стояли эти лѣса, какъ войско великановъ, покрытые снѣгомъ и инеемъ, и маленькій императоръ глядѣлъ на нихъ—и казалось ему, что они грозятъ своими мохнатыми руками. Вотъ ночь проходитъ: почти всѣ спятъ въ царскомъ поѣздѣ. Только одному императору не спится: закутавшись въ свою теплую мѣховую шубу, прикрывшись медвѣжьей полостью, глядитъ онъ снова на этихъ великановъ, и все грознѣе и таин-

ственнѣе машутъ они ему навстрѣчу мохнатыми руками. «Да за что-жъ они мнѣ грозятъ,—сквозь полудремоту думается императору:—что я имъ сдѣлалъ?» И забываетъ онъ о нихъ, и думаетъ о томъ, что ожидаетъ его въ Москвѣ: какія веселья. «Нѣтъ, Андрей Ивановичъ не правъ, а правы Долгорукіе, – зачѣмъ это дѣдушка выстроилъ Петербургъ на такомъ мѣстѣ, зачѣмъ уѣхалъ онъ изъ Москвы?! Въ Москвѣ лучше, да и всегда цари русскіе въ Москвѣ жили. Москва старый, родной городъ, и я тамъ жить буду». И представляется императору Москва—хоть онъ никогда не видалъ ее—представляется тамошняя жизнь въ волшебномъ, сказочномъ видѣ. Онъ открываетъ глаза—и опять передъ нимъ ледяные великаны, и опять они ему грозятся; вотъ будто выступили они со всѣхъ сторонъ дороги, будто не пускаютъ впередъ его царскій поѣздъ. Ему даже слышится въ ледяномъ молчаньи морозной ночи: «Назадъ, назадъ, не пустимъ!..» «Что-жъ, они сговорились, что-ли съ Андреемъ Иванычемъ или пророчатъ недоброе?..» И вдругъ какъ то страшно становится ему: дрожь пробѣгаетъ по его членамъ, плотнѣе закутывается онъ въ свою шубу, но дрожь не проходитъ...

На другой день, подъѣзжая къ Твери, совсѣмъ разболѣлся императоръ. Рѣшено было здѣсь остановиться на нѣсколько дней, ждать его выздоровленія.

А въ это время надъ Петербургомъ носился холодный туманъ. Уныло и сумрачно было по опустѣвшимъ улицамъ Петровскаго «парадиза»: нѣтъ прежняго оживленья, какъ будто и никогда его не бывало, и сѣверный лютый морозъ застудилъ такъ еще недавно кипѣвшую жизнь, уложилъ на вѣчный сонъ все живое. Молчитъ, не шелохнется Нева широкая, закованная льдомъ и побѣлѣвшая; грустно торчатъ мачты недостроенныхъ кораблей; остановились по широкимъ улицамъ недодѣланныя постройки; царскіе сады заперты и голыя деревья ихъ тоже торчатъ какъ мачты, и только вороны иной разъ нарушаютъ своимъ карканьемъ ихъ тишину невозмутимую. Зоколочены ставни дворцовъ, дома вельможъ заколочены – совсѣмъ мертвое, сонное царство. Что-жъ, неужели онъ и впрямь не нуженъ, весь этотъ мрачный недостроенный городъ, возставшій изъ болота!? Вотъ зимняя ночь надвигается на него и еще мертвеннѣе, невозмутимѣе становится тишина, и кажется этотъ городъ какимъ-то призракомъ, будто и нѣтъ его совсѣмъ, будто онъ только сонъ— причудливый сонъ богатыря земли русской, безвременно заснувшаго на берегу Невы, въ каменномъ новомъ соборѣ...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Зимніе ясные и морозные дни стояли надъ Москвой. Густо выпавшій снѣгъ закутывалъ ее и блестѣлъ и переливался на солнцѣ. Покрытыя инеемъ, стояли деревья садовъ московскихъ, лѣсовъ и рощъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ первопрестольную столицу. Рѣка Москва извивалась твердою, бѣлой дорогой и по ней взадъ и впередъ перебирался пѣшій людъ и тянулись многочисленные обозы. Забытая и затихшая въ послѣдніе годы Москва снова оживилась; въ ней обнаружилось необычайное движеніе. Къ Тверской заставѣ то и дѣло подъѣзжали курьерскія тройки; въ Кремлѣ и во дворцахъ нѣмецкой слободы дѣлались приготовленія къ пріему императора и двора. Вѣсть объ императорскомъ пріѣздѣ уже облетѣла весь городъ: передавалось извѣстіе, что дворъ уже выѣхалъ, уже на дорогѣ: потомъ вдругъ другое извѣстіе—императоръ заболѣлъ въ Твери. Прошло нѣсколько дней, говорили: выздоровѣлъ и ѣдетъ. Но, въ ожиданіи торжественнаго въѣзда, глаза жителей московскихъ и ихъ уши обращались къ одной изъ окраинъ города, къ берегу Москвырѣки, на которомъ возвышалась, за широкимъ полемъ, старинная обитель—Новодѣвичій монастырь. Монастырь этотъ построенъ еще въ 1524 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, въ память побѣды надъ казанскими татарами при рѣкѣ Свіязи. Съ тѣхъ поръ эта обитель никогда не забывалась щедротами царей и всякаго русскаго люда; но особенное значеніе и извѣстность пріобрѣла она съ того времени, какъ сюда была заточена царевна Софья Алексѣевна. Теперь при монастырѣ существовалъ пріютъ для содержанія подкидышей—безпризорныхъ дѣвочекъ, и ихъ было болѣе двухсотъ пятидесяти. Онѣ воспитывались въ монастырѣ подъ надзоромъ монахинь до совершеннолѣтія, обучались пряденію голландскихъ нитокъ и плетенію кружевъ. Между

ихъ учительницами было нѣсколько, выписанныхъ Петромъ Великимъ, питомицъ изъ брабантскихъ монастырей.

Въ эту же обитель недавно перевезена была инокиня Елена, всѣми давно позабытая и вдругъ какъ бы воскресшая, вдругъ заставившая говорить о себѣ. Теперь она была уже не инокиня Елена: ее называли «великая государыня Евдокія Ѳедоровна». Тихо, темнымъ вечеромъ, пріѣхала она изъ своего заточенія: никто и не зналъ какъ это было. Теперь же она перестала скрываться; для нея, по приказу изъ Петербурга, отдѣлали помѣщеніе въ одномъ изъ монастырскихъ строеній, направо отъ главныхъ воротъ. Ей отдавались всевозможныя почести.

Московскій людъ валомъ валилъ въ Новодѣвичій, только что раздавался утренній или вечерній колоколъ; всѣмъ хотѣлось взглянуть на старую царицу, вынесшую столько горя и униженій. Всѣ знали, что она не пропускаетъ церковныхъ службъ. Люди, кто повиднѣе изъ старожиловъ московскихъ, ѣздили къ ней на поклонъ, но рѣдко кого она принимала...

Наступилъ уже ранній зимній вечеръ; поблѣднѣлъ розовый свѣтъ на западѣ; мало-по-малу зажглись звѣзды; мѣрно отбивали часы на колокольнѣ Новодѣвичьяго монастыря. Раздался первый звукъ колокола. Толпы пѣшаго люда и возки на полозьяхъ со всѣхъ сторонъ спѣшатъ по Дѣвичьему полю къ обители, такъ что если бы всѣхъ впустить въ церковь, то не хватило бы въ ней мѣста. Но вотъ уже нѣсколько дней какъ почти никого не пускали въ монастырскія ворота, и пришедшіе и пріѣзжіе съ печальнымъ недоумѣніемъ возвращались во свояси, не увидавъ старой царицы.

Должна была ужъ начаться всенощная: монахини и питомицы становились рядами за высокими четырехугольными колоннами, поддерживавшими своды храма, но священникъ еще не начиналъ молитвы: кого-то очевидно ожидали. Наконецъ, неслышно, отворились тяжелыя церковныя двери, ведшія въ крытую галлерею, и показалась старческая фигура въ монашеской одеждѣ, ведомая двумя почтенными матерями. Это была инокиня Елена. Войдя въ церковь, она освободила свою правую руку съ висѣвшими на ней четками, и принялась креститься. Глаза ея были опущены, тонкія, нѣсколько впавшія губы шептали молитву. Медленно прошла она на возвышенное мѣсто, всегда занимаемое игуменьей, а теперь предназначенное для новой монастырской жилицы. Монахини, приведшія ее, глубоко ей поклонились и стали поодаль. Началась всенощная. Старушка сейчасъ же опустилась на колѣни и принялась горячо молиться, вскидывая большими, еще ясными и живыми глазами на образъ Богородицы, вокругъ котораго теплились безчисленныя лампады. Очевидно ни на кого и ни на что

не обращала вниманія Евдокія Өедоровна и горячо молилась; но вотъ она поднялась съ колѣнъ, сѣла въ кресло, покрытое дорогой парчею и осталась недвижима. Ея руки опустились на колѣни: она не отрываясь смотрѣла все на тотъ же, бывшій передъ нею, образъ, но мысли ея носились далеко. Теперь, въ этомъ тихомъ пристанищѣ, обрѣтенномъ ею послѣ долгихъ, безконечно долгихъ лѣтъ мучительной жизни, невольно обо многомъ приходилось подумать царицѣ: позабытыя мысли, позабытыя чувства приходили ей въ голову и стучались въ сердце.

Тихая, торжественная обстановка; почти неумолкаемые звуки церковнаго хора; теплый, ласкающій свѣтъ лампадъ; лики старинныхъ иконъ; душистая атмосфера, разливаемая облаками ходящаго по церкви ладана; полная и благоговѣйная тишина—все это еще больше помогало царицѣ уходить въ міръ прошедшаго,—вся долгая жизнь вспоминалась ей. Вотъ она помнитъ себя молодою дѣвушкой въ старомъ, отцовскомъ, московскомъ домѣ. Она и не грезитъ никогда о томъ, что случится съ нею, она не царица и не царевна, а просто Лопухина—боярышня. Отецъ ея стариннаго рода и старыхъ правилъ. Выросла Евдокія Өедоровна въ четырехъ стѣнахъ своего дѣвичьяго терема; вынянчили ее нянюшки да мамушки, не приходили къ ней учителя заморскіе, не трудили ей голову разнымъ ученіемъ: попросту, по русски воспиталась она и выросла. Прошло дѣтство, наступили годы дѣвичества. Нянюшки и мамушки стали ее захваливать, не иначе называли ее какъ золотой красавицей; сулили ей всякаго счастья видимо-невидимо, сулили жениха знатнаго да красиваго. И радостно слушала она ихъ льстивый шопотъ, частенько стала глядѣться въ зеркальце, сурмила свои брови соболиныя, румянила нѣжныя щеки. Коса у нея ниже пояса, пышный станъ, полныя руки; бѣла, что первый снѣгъ выпавшій. И скоро, скоро убѣдилась Евдокія Өедоровна, что нянюшки и мамушки правы, что она точто вышла красавица, стала задумываться и о своемъ суженомъ, представляла его себѣ въ дѣвическихъ грезахъ. «Знатный да красивый», говорили нянюшки,—конечно долженъ онъ быть знатный и красивый, за иного и не выдадутъ Лопухину боярышню. Но ни льстивыя воспитательницы, ни сама боярышня никогда и въ помыслахъ не имѣли, какой женихъ ей готовится. А въ тѣ поры государыня царица Наталья Кирилловна примѣтила своимъ материнскимъ окомъ Евдокію Өедоровну, и замыслила она взять ее въ жены сыну единому, сыну любимому, государю Петру Алексѣевичу. Не любила царица Наталья Кирилловна откладывать въ долгій ящикъ задуманнаго ею дѣла: сынокъ на возрастѣ—пора ему жениться, не ладно, что государь ходитъ холостъ.—не женатъ, да и внуковъ ужь хотѣлось царицѣ. Угово-

рила она Петра Алексѣевича, тотъ не вышелъ изъ родительской воли, и вотъ, боярышня Лопухина объявлена царской невѣстой. Дымъ коромысломъ стоитъ въ Лопухинскомъ домѣ, вся Москва на поклонъ валитъ, нянюшки и мамушки ужъ и словъ не находятъ величать свою золотую красавицу; любимыя подруги всѣ такъ почтительно и умильно на нее смотрятъ: разомъ полюбили ее во сто разъ пуще прежняго. Весело и радостно боярышнѣ. Государь-женихъ глядитъ на нее привѣтливо; хоть и рѣдко они видятся, по старымъ обычаямъ. Робость не малая беретъ невѣсту отъ женихова взгляда орлинаго; чуденъ онъ ей очень, а сердце все же къ нему такъ и рвется—и не потому только, что онъ государь, что сдѣлаетъ онъ ее царицей, возведетъ на верхъ земныхъ почестей, а и потому, что писанный онъ красавецъ: росту высокаго, молодецъ, богатырь: темные волосы кудрями на плечи падаютъ; брови надъ глазами дугой сводятся, а глаза,—Боже ты мой милостивый, глаза, что у молодого сокола! Хорошъ онъ, чудно хорошъ, а все же какъ-то при немъ жутко—и опять-таки не потому, что онъ государь и владыка земли, и не потому даже, что говорятъ люди будто онъ нравомъ крутенекъ, горячъ больно, а потому, что совсѣмъ не похожъ на другихъ молодцовъ, какихъ видала Евдокія Ѳедоровна: и говоритъ не такъ, и не о томъ думаетъ; все учится да и учится, себя не жалѣючи, работаетъ, какъ будто и не царь, а простой крестьянинъ, до всего самъ доходить хочетъ, все своими руками дѣлать пробуетъ; даже и руки у него не царскія—большія, мозолистыя, грубыя рабочія руки.

Быстро идетъ время,—вотъ и день, назначенный для свадьбы—страшный, торжественный день. Вотъ и онъ прошелъ, и Евдокія Ѳедоровна стала царицей. Чудное было время, свѣтлые дни, да скоро они улетѣли: государь, сначала добрый и ласковый, нѣжный, какъ только могъ быть онъ нѣжнымъ, видимо нашелъ, что не вѣкъ миловаться молодцу съ молодой женой, пора опять за дѣло приниматься, за черную великую работу. И ушелъ онъ въ свою работу, и по цѣлымъ днямъ безъ него оставалась молодая царица. Скучно ей стало, начала она жаловаться Натальѣ Кирилловнѣ, а та ласково смѣется. «Постой, погоди,—говоритъ,—скоро скучать перестанешь, будетъ другая у тебя забота!» И явилась эта забота, стала матерью Евдокія Ѳедоровна, родился у нея сынокъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ. Молодой государь былъ радостенъ: приходилъ и заглядывалъ въ колыбельку новорожденнаго, и склонялся надъ этой колыбелькой, и улыбался маленькому мальчику, щекоталъ его своимъ грубымъ пальцемъ. «Ишь крохотный, выростай поскорѣй, будь работникомъ—мнѣ помощникомъ!»—шептали его губы.

Конечно, ребенокъ бралъ много времени у царицы, развлекалъ

ее, занималъ и заботилъ, но все же оставалась она недовольною долгими да частыми отлучками государя Петра Алексѣевича и не разъ встрѣчала его жалобами на свое одиночество, слезами да робкими попреками. И сдвигались отъ словъ этихъ и слезъ густыя царскія брови, молчалъ онъ и выходилъ отъ жены хмурый и недовольный.

Усталый, запыленный, съ новыми мозолями на рабочихъ рукахъ возвращался онъ домой отдохнуть немного; хорошо бы встрѣтить жену веселую, хорошо было бы повѣдать ей все, что сдѣлано; подумать при ней о томъ, что нужно сдѣлать; разсказать объ успѣхѣ какого-нибудь дѣла и увидѣть сочувствіе и радость при вѣсти о такомъ успѣхѣ, - и ничего этого не встрѣчалъ у себя дома Петръ Алексѣевичъ. Молодая жена выходила къ нему навстрѣчу невеселою, безучастно слушала его разсказы и часто даже не понимала зачѣмъ онъ такъ о томъ-то, да и о томъ-то заботится, къ чему это нужно.

— Эхъ, все это новыя заморскія хитрости,—говорила она:— ничего того допрежъ у насъ на Руси не было, а жилось всѣмъ изрядно. Къ чему-жъ новшества, жилъ-бы по старому, какъ искони живали цари великіе, не трудилъ-бы своихъ царскихъ ручекъ, свою голову не ломалъ-бы надъ пустыми заморскими науками, да почаще бы съ женою былъ, посердѣчнѣе бы ласкалъ ее, а то что это такое—иной разъ уйдетъ не простившись. Золотой мой, обо мнѣ подумай! скучно мнѣ безъ тебя, да и по закону не ладно оно выходитъ. Гдѣ это видано, чтобы мужъ съ женой, почитай, что совсѣмъ и не жили! Уйдешь ты—всѣ слезы я безъ тебя выплачу, денечекъ мнѣ кажется за годочекъ...

И начинала плакать царица, и съ каждымъ днемъ все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился Петръ Алексѣевичъ, все нетерпѣливѣе ее слушалъ. Иной разъ не выдержитъ онъ,—хлопнетъ по столу рукой:

— Эхъ, Авдотья, надоѣли мнѣ твои вѣчныя слезы, для тебя только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ, ну а мнѣ это окошко тьмою кромѣшною кажется. Душно мнѣ въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, съ тобой немного высижу. Работать надо, Авдотья, а, кажись, не токмо что одной жизни человѣческой, а и сотни жизней не хватитъ на такую работу, какая передо мною!

— Много ужь ты очень работы себѣ выдумываешь, золотой мой, гдѣ это видано, чтобъ государь такъ работалъ. Что это за государь, самъ онъ и плотникъ, и мастеровой!..

— Эхъ, то-то, то-то!—мрачно замѣчалъ Петръ Алексѣевичъ:— много больно смыслишь ты въ моей работѣ...

И уйдетъ онъ прочь, хмурый и не ласковый, а вслѣдъ ему слышатся докучныя женины слезы.

— Что, никакъ опять съ Авдотьюшкой повздорилъ?—говоритъ Петру Алексѣевичу царица Наталья Кирилловна.

— Никогда я съ ней не вздорю, матушка, а жить она мнѣ не даетъ своими слезами; ну, а сама, чай, знаешь ты, что съ дѣтства не люблю я слезъ этихъ, да и кто ихъ любитъ! Жить хочу я, а съ нею это сонъ какой-то, души замираніе. Эхъ, рано ты меня женила, матушка!

Качаетъ головою и задумывается Наталья Кирилловна: «видно и впрямь рано женила, а то, можетъ, и невѣсту плохо выбрала!.. Да гдѣ было сыскать ему подходящую невѣсту? Онъ что огонь, за нимъ никто не поспѣетъ».

Идетъ старая старуха и утѣшается на внука, и всячески успокоиваетъ невѣстку: совѣтуетъ ей не плакать передъ государемъ, а быть веселой. «Ничего не возьмешь слезами, только хуже сдѣлаешь, оттолкнешь отъ себя мужа». Но не слушается мудрыхъ материнскихъ совѣтовъ Евдокія Өедоровна—не такой у нея характеръ, стоитъ она на своей правдѣ. Въ этой правдѣ воспитала ее родная матушка, нянюшки и мамушки въ боярскомъ Лопухинскомъ теремѣ.

А время идетъ: жалобъ и слезъ все больше, и болше, все дальше и дальше разростается пропасть между мужемъ и женою. Совсѣмъ теперь не понять имъ другъ друга, только и спокоенъ молодой царь вдали отъ жены, выносить не можетъ ея причитаній. Противны становятся ему ея слезы, иной разъ боится онъ, что не совладаетъ съ собою да поучитъ ее хорошенько, по старинному. Недобрыя мысли приходятъ иной разъ въ голову Петру Алексѣевичу и сидятъ онѣ въ ней все упорнѣе—не уходятъ; а уйдутъ, такъ сейчасъ же и опять возвращаются. «Что это за жена,— думается ему:—только жизнь мнѣ отравляетъ; никакой мнѣ радости—одна тоска да досада! Молодъ и неразуменъ былъ я, когда меня на ней женили—да, вѣдь, и женили, а не самъ я женился, неужто-жь такъ мнѣ и пропадать изъ-за матушкиной ошибки? Потерплю еще годикъ, а если будетъ все тоже, такъ не взыщи Авдотья Өедоровна—не умѣешь быть царицей, такъ авось сумѣешь быть монахиней, мои да свои грѣхи замаливать».

Эхъ, пора была, пора взяться за разумъ Евдокіи Өедоровнѣ, хорошенько мужа-государя понять, что не ей съ нимъ бороться, не ей измѣнить его характеръ, его крѣпкую волю, а царица и не думаетъ объ этомъ, все та же, да еще и того хуже.—Нашлись услужливыя пріятельницы, шепнули ей новость: «Ты что, молъ, царица, думаешь, такъ, молъ, по твоему небось государь и не глядитъ безъ тебя ни на одну красавицу, а онъ и красавицу себѣ нашелъ, и съ ней ему не скучно!»

Свѣту не взвидѣла Евдокія Өедоровна, закипѣла въ ея сердцѣ

лютая ревность. Накинулась она на мужа съ новыми упреками, съ новыми слезами. Ну, и не вынесъ Петръ Алексѣевичъ—и царица Евдокія Өедоровна стала инокиней Еленой. И никто за нее не заступился, не нашлось не одного друга, всѣ отшатнулись отъ покинутой жены, отъ бывшей своей царицы.

Тяжкое пришло время: оторвали ее отъ всего ей близкаго и дорогого, оторвали и отъ сына, прахомъ разлетѣлось недавнее величіе... Четыре стѣны мрачной кельи, одинъ день какъ другой въ тишинѣ несносной, та же молитва съ утра до ночи, то же церковное пѣніе, тѣ же лампады передъ иконами, тотъ же ладанъ!.. Рвалась и металась въ первое время царица, даже руки на себя наложить хотѣла, да не рѣшилась: грѣха побоялась. Потомъ пробовала молиться, стояла на колѣняхъ, но и молитва не дѣйствовала. Бушевало въ ней сердце, поднялась въ ней злоба и ненависть: то, что еще недавно любо было, то опостылѣло. И глубоко затаила въ душѣ своей эту ненависть инокиня Елена и конца не было этой ненависти—только ею одной и жила она, только ею и питалась.

Въ долгія безсонныя ночи много разныхъ чудовищныхъ и невозможныхъ плановъ строила она, мести жаждало ея сердце. Но чѣмъ было отмстить ей? Тамъ сила, тамъ воля—а у нея руки связаны; раздавлена она какъ червь и безсильна. А время шло въ тоскѣ и отчаяніи, въ мукахъ ненависти: годы проходили, и ушла быстро и невозвратно молодость. Не лѣта состарили, а состарили часы лютые, поблекли румяныя щеки, вылѣзла коса русая, появились сѣдые волосы, морщинки. Что за жизнь была—да и развѣ можно назвать жизнью это несносное, вѣчное заключеніе! Рѣдко кто навѣщалъ бывшую царицу, рѣдко кого она видала.

Но все же нашелся и у нея другъ. Этотъ другъ былъ маіоръ Степанъ Глѣбовъ. Полная ненависти и жажды мести, привязалась къ нему и полюбила его Евдокія Өедоровна и долго длилась любовь эта. А тутъ выросъ и царевичъ—не забылъ матери, время отъ времени видѣлся съ нею. Передъ сыномъ инокиня Елена выливала всю свою душу; ему жаловалась она на свои лютыя мученія и на своихъ гонителей, его вооружала она противъ отца, подготовляя себѣ въ немъ вѣрное и страшное орудіе своей мести. Но она не ограничилась этимъ, она сумѣла наконецъ набрать себѣ приверженцевъ и осторожно и медленно готовила свои ковы. Только не дала ей судьба достигнуть цѣли: изобличены были вскорѣ враги Петровы, началось длинное, тяжелое дѣло царевича Алексѣя...

И вотъ Елена опять одна—сынъ погибъ, погибъ и Глѣбовъ и погибъ страшной, мучительной смертью, посаженный на колъ;

а сама бывшая царица, въ сопровожденіи карлицы, повара и двѣнадцати солдатъ, отправлена въ Ладогу, въ Успенскій монастырь, гдѣ ее стали содержать подъ самымъ строгимъ присмотромъ, въ нуждѣ, тѣснотѣ и всевозможныхъ обидахъ. О, тутъ была совсѣмъ не жизнь, а каторга. И длилась эта каторга до самаго воцаренія Екатерины, при которой уже одряхлѣвшую Елену перемѣстили въ Шлиссельбургъ и доставили ей нѣкоторыя удобства. Страшно подумать чего натерпѣлась Евдокія Ѳедоровна. Всѣмъ ее обижать было вольно, всѣ издѣвались надъ нею, унижали всячески, лишали необходимаго. Бывали дни, недѣли и мѣсяцы, что каялась она передъ Богомъ въ грѣхахъ своихъ и искренно признавала себя виновной; но все же въ концѣ концовъ просыпалась прежняя гордость, прежній духъ строптивости и упрямства, и смотрѣла инокиня Елена на себя не иначе, какъ на мученицу безвинную...

Все это припоминалось теперь старушкѣ, и даже потъ холодный выступалъ на морщинистомъ лбу ея; отъ иныхъ воспоминаній дрожь пробѣгала по дряхлымъ ея членамъ.

Вотъ она снова упала на колѣни и снова жарко молится передъ иконой Богоматери, ищетъ спастись въ этой молитвѣ отъ страшныхъ призраковъ и невыносимыхъ воспоминаній. Снова кипитъ и горитъ въ ней сердце, снова лютыя муки, снова ненависть къ покойному...

«Прости его Боже, упокой и помилуй», шепчутъ ея губы, но сердце не вторитъ этой молитвѣ. «И какъ только не умерла я до сихъ поръ, какъ еще живу на свѣтѣ,—невольно думаетъ Евдокія Ѳедоровна:—столько вынести... Боже мой, Боже! Вѣдь мѣста живого въ душѣ нѣту, да и тѣло все разбито, вотъ ужъ ноги не слушаются, а все живу... видно такъ нужно, видно смиловался Богъ и готовитъ, хоть на конецъ дней, свѣтлую долю!..»

«Да зачѣмъ она мнѣ теперь?..—съ отчаяніемъ, едва громко не вскрикнула царица:—что теперь я подѣлаю, еслибъ даже власть пришла въ мои руки, на что я похожа и что мнѣ теперь нужно? Постель бы только мягкая, да кусокъ хлѣба... А! слишкомъ поздно... не милость тутъ Божья, а новая кара. Но нѣтъ, нѣтъ, еще есть зачѣмъ жить, вѣдь, они живы... одинъ умеръ, другой остался, живы враги мои лютые; всѣ тѣ, кто позабылъ меня, всѣ тѣ, кто оскорблялъ меня, кто меня мучилъ. Вотъ зачѣмъ надо жить, вотъ зачѣмъ нужна власть.—Ихъ покарать, ихъ казнить, надъ ними теперь посмѣяться!.»

Горятъ глаза царицы, злая усмѣшка кривитъ ея блѣдныя губы, и вдругъ она повергается опять ницъ передъ иконой, и опять начинаетъ молиться, стараясь отогнать отъ себя бѣса-искусителя—но отогнать его не можетъ. Онъ явился, онъ завладѣлъ те-

перь ею, ей не избавиться отъ него и онъ шепчетъ ей соблазнительныя рѣчи и снова рисуетъ ей картины мщенія. Наболѣвшая душа ея разгорается снова, снова раскрываются старыя раны... Да, она должна отмстить,—не умретъ пока не насмѣется надъ ними... и опять она шепчетъ: «да зачѣмъ-же?! Поздно—мнѣ ничего не надо!..» Онъ близко теперь, близко этотъ юный внукъ, сынъ Алексѣя, съ сестрою, съ маленькой Наташей. Она ихъ никогда не видала, не знала... вотъ для чего еще можно было бы жить, вотъ единственная остающаяся ей отрада—любить ихъ, милыхъ внучатъ. Родные явились... никогда родныхъ не было—всѣ оставили, а теперь родные близкіе, кровныя дѣти единственнаго сына, несчастнаго погибшаго Алексѣя—вотъ зачѣмъ жить! Но, вѣдь, отвыкло отъ любви ея сердце—найдется ли въ немъ снова прежняя сила, да и какъ знать, быть можетъ и любить-то придется безнадежно—развѣ они ее полюбятъ, эти внучата? Какая такая бабушка, откуда взялась?... у нихъ была другая бабушка—императрица, а это что такое?... жалкая, дряхлая старуха, измученная, долгіе годы голодавшая, заброшенная, забытая, несчастная монахиня—развѣ они ее полюбятъ такую?! Она и отъ людей-то отвыкла, чай по ихнему и слова сказать не умѣетъ; тамъ новые совсѣмъ люди, новые нравы, Богъ знаетъ какъ и говорятъ-то они! И развѣ когда-нибудь, хоть одинъ человѣкъ сказалъ этимъ внучатамъ про бабушку,—а если и сказалъ кто, такъ съ бранью, съ презрѣніемъ, съ ненавистью. И вотъ теперь, съ воцареніемъ внука, хоть и возвращена ей свобода, а, вѣдь, еслибъ точно хотѣли видѣть, такъ давно-бы ужъ къ себѣ въ Петербургъ выписали. «Можетъ пріѣдутъ да и отвернутся отъ меня и ждать мнѣ новыхъ обидъ и оскорбленій. Вотъ этотъ нѣмецъ, баронъ Андрей Иванычъ, пишетъ такія ласковыя письма, увѣряетъ, что Петруша думаетъ обо мнѣ, заботится и меня любитъ—да какъ мнѣ вѣрить нѣмцу, извѣрилась я, ни отъ кого не жду правды. А хотѣлось бы полюбить ихъ, этихъ дѣточекъ-сиротокъ, охъ! давно никого не любила!..»

Ниже и ниже опускается голова старой царицы, тихія слезы струятся по морщинистымъ щекамъ ея и она рада этимъ слезамъ... многіе годы ужъ не приходили слезы. «Боже, благодарю тебя,—шепчетъ она.—Мати Пресвятая Богородица, милостивая заступница!» И опять, среди горячей молитвы, являются страшные призраки, и опять образы мертвыхъ и живыхъ людей проходятъ передъ глазами. И мертвымъ нѣтъ прощенья въ сердцѣ царицы, а на живыхъ кличетъ она гнѣвъ Божій, и велика ея вражда къ нимъ. И клянется она не оставить ихъ въ покоѣ, и не можетъ ужъ взглянуть на ликъ Богоматери, не слышитъ стройнаго клир-

наго пѣнія, не слышить успокоивающихъ болящую душу словъ святой молитвы...

А кругомъ, изъ темноты, сгущающейся между колоннами, со всѣхъ сторонъ обращены на нее любопытные взоры, сотни глазъ слѣдятъ за малѣйшимъ ея движеніемъ. Быть можетъ, многіе понимаютъ ея волненіе, ея слезы, но никто не въ силахъ понять всю безконечность ея злобы и ея мученій...

II.

Всенощная кончилась, и такъ же тихо, такъ же опустивъ глаза и шепча молитву, прошла Евдокія Ѳедоровна мимо народа. Монахини осторожно свели ее со ступеней паперти, накинули богатую шубу на ея плечи; отъ церкви до крыльца ея былъ разостланъ коверъ. При входѣ въ ея помѣщеніе ее встрѣтили другія монахини и суетились вокругъ нея: снимали съ нея шубу, спрашивали, чего она прикажетъ. Она слабо махнула рукой и прошла въ тихую комнатку, которую выбрала для спальни. Тамъ въ углу стоялъ огромный кіотъ, наполненный образами въ дорогихъ ризахъ; три лампадки теплились передъ кіотомъ. Въ другомъ углу была ея постель, пышно взбитая, покрытая стеганымъ атласнымъ одѣяломъ съ вышитыми на немъ причудливыми узорами. Расписанная изразцовая лежанка далеко отъ себя распространяла теплоту; въ комнаткѣ ужъ поселился тотъ особенный запахъ, какой бываетъ въ кельяхъ набожныхъ старушекъ: пахло ладаномъ, лампаднымъ масломъ. За старой царицей пробралась только одна женщина, ея прежняя прислужница.

— Ну что-жъ, ну что-жъ,—обратилась къ ней Евдокія Ѳедоровна:—нѣтъ вѣстей отъ государя?

— Какъ-же, матушка-государыня, сейчасъ гонецъ былъ—сказываетъ, все еще стоятъ на мѣстѣ. Дня черезъ три, не то четыре, говоритъ, прибудутъ.

Евдокія Ѳедоровна покачала головою.

— Ну, а что я въ Оружейную палату послать наказывала за рукомоемъ, послали?

— Здѣсь рукомой, государыня, судья тотчасъ же выдалъ!

— Гдѣ онъ, гдѣ?—оживилась старушка:—принеси его, Настя.

Прислужница вышла въ сосѣднюю комнату и вынесла оттуда какую то вещь, завернутую въ шелковомъ платкѣ и обвязанную шнурками.

— Поставь здѣсь, вотъ тутъ на столикъ и уйди... мнѣ ничего не нужно:—шепнула царица,—да дверь за собою запри и никого не пускать ко мнѣ. Ничего не нужно, ничего...

Оставшись одна, Евдокія Өедоровна подошла къ столу и дрожащими старческими руками стала развязывать принесенную вещь. Долго шнурки не поддавались, но вотъ наконецъ они распутаны. Въ платкѣ былъ завязанъ золотой рукомойникъ съ такой же лоханью. Царица сѣла передъ столомъ и стала разсматривать рукомойникъ. Вотъ измѣняется все лицо ея, вотъ на глазахъ ея дрожатъ слезы,—что-жъ это значитъ? что особеннаго въ этомъ рукомойникѣ? Отчего она такъ жадно его разсматриваетъ, поворачиваетъ во всѣ стороны и дрожатъ при этомъ ея руки? Рукомойникъ дѣйствительно прекрасной художественной работы, вещь рѣдкая и богатая, хитрымъ узоромъ весь онъ выведенъ, золотой, съ финифтью, и усыпанъ драгоцѣнными каменьями: алмазы, яхонты, изумруды, и счесть ихъ невозможно, всѣхъ около тысячи; а кругомъ надпись. Царица жадно принялась разбирать ее: «*Лѣта 7200*,—медленно, букву за буквой, читала она:—*Генваря въ первый день симъ стоянцемъ и рукомоемъ пожаловала великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня Наталья Кирилловна внука своего благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Алексѣя Петровича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи*». Сильно задрожали руки Евдокіи Өедоровны, чуть не уронила она рукомойникъ; слезы полились изъ глазъ ея.

«Цѣлъ онъ, цѣлъ, ничего не испортился, всѣ камешки цѣлы, вотъ и змѣиная головка, изъ которой вода малыми струйками сочится!» Долгіе, долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла Евдокія Өедоровна въ первый разъ этотъ рукомойникъ, но будто сейчасъ это было. На другое утро послѣ свадьбы своей умывалась она изъ него. Эта вещь была самою любимою вещью Натальи Кирилловны и она, въ видѣ особой ласки, поставила ее новобрачной, но все же не подарила и потомъ взяла себѣ обратно. Каждая минутка, каждое слово того страшно далекаго дня вспоминалось теперь старой царицѣ. Помнила она, какъ мужъ молодой, еще вчера бывшій такимъ далекимъ, такимъ страннымъ, а теперь ставшій такимъ близкимъ, подавалъ ей этотъ рукомойникъ. Помнила она, какъ смѣялись тогда, что такой маленькой и хрупкой казалась эта роскошная вещица въ большой рукѣ государя. Помнила она, что и онъ смѣялся, помнила какъ лилась маленькими струйками вода на ея бѣлыя, нѣжныя руки и сбѣгала съ тонкихъ пальцевъ, и какъ государь, склонившись надъ нею, касаясь своими темными кудрями щеки ея, любовно цѣловалъ ея, еще не вытертыя полотенцемъ, мокрыя руки, и какъ она брызгала въ лицо его оставшимися каплями воды, и какъ онъ жмурился, и какъ она его любила. И вотъ смотритъ теперь невольно Евдокія Өедоровна на свои морщинистыя, старыя руки—

и странно ей, что столько времени прошло съ тѣхъ поръ, да и какого времени? ничего, какъ есть ничего, не осталось отъ того, что тогда было, какъ будто его и совсѣмъ не было, какъ будто оно все пригрезилось только въ какую-нибудь душистую майскую ночку. Не она, не она была та рѣзвая молодая красавица, не можетъ человѣкъ такъ измѣняться, да и онъ, развѣ онъ то былъ тотъ ласковый, смѣющійся, жмурящійся отъ брызгъ, попадавшихъ въ глаза, взмахивающій густыми кудрями красавецъ, развѣ онъ то былъ ея врагъ лютый, ея мучитель?!..

Она теперь хотѣла его представить себѣ такимъ, какимъ видѣла въ послѣдній разъ, видѣла съ ядомъ и ненавистью въ сердцѣ, и никакъ не могла: все вспоминался онъ ей молодымъ, ласковымъ и любимымъ. И вотъ совсѣмъ наклонилась надъ рукомойникомъ старушка, и все плакала, и не замѣчала какъ ея слезы сбѣгаютъ каплями и падаютъ въ узкое горлышко рукомойника, какъ въ урну.

Потомъ стало вспоминаться ей ужь другое время, вспоминался ей сынъ, которому бабушка подарила свой любимый рукомойникъ.

Снова вспыхнули давно позабытыя материнскія чувства къ несчастному царевичу, безвременно и страшно погибшему. Вся вздрогнула Евдокія Ѳедоровна, представила она себѣ Алексѣя крошечнымъ мальчикомъ у груди своей, потомъ вспомнила его блѣднымъ юношей, заглядывавшимъ въ тишину ея заточенія; вспомнила она тихіе часы съ нимъ—тѣ бесѣды, когда вся душа ея кипѣла отъ лютой злобы и жажды мести, когда съ устъ ея срывались ядовитыя рѣчи. Вспоминала она какъ растравляла, и раздражала, и возмущала слабый духъ юноши, какъ вооружала она его противъ отца и противъ всѣхъ дѣлъ отцовскихъ, какъ взывала она къ его сердцу, молила о мести, о заступничествѣ за мать родную. О, онъ долго колебался, но она знала какъ вести дѣло, она сумѣла наконецъ совсѣмъ преобразить его, и вышелъ онъ изъ ея рукъ ненавистникомъ отца, ненавистникомъ его плановъ, ненавистникомъ новой Россіи. И онъ погибъ за эту ненависть — и кто же былъ виною его погибели? Все онъ же, онъ, этотъ звѣрь лютый, этотъ отецъ безъ сердца...

И вдругъ всѣми членами задрожала старая царица, вдругъ, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, что-то прояснилось въ ея мысли и поняла она, что причиною гибели ея дѣтища былъ не отецъ, а только одна она: она приготовила ему эту погибель. Страшно и душно стало Евдокіи Ѳедоровнѣ, и казалось ей, что она видитъ, въ полумракѣ этой теплой келейки, блѣдный, измученный сыновній образъ. Вотъ онъ простираетъ передъ нею свои тонкія, худыя руки — на нихъ ей кажутся слѣды пытки—его блѣд-

ныя, запекшіяся губы, искривленныя страданьемъ, шепчутъ ей: «Матушка, матушка, ты меня погубила!» Обезсиленная, падаетъ на столъ головою Евдокія Өедоровна и уже не можетъ она плакать. Ей страшно, ея сѣдые волосы поднимаются дыбомъ. Вотъ она вскакиваетъ и мечется по комнатѣ. За ней слѣдомъ бѣгутъ и настигаютъ ее призраки, они грозятъ ей: «Ты, ты погубила насъ, ты за насъ отвѣтишь передъ Богомъ!» Сынъ сзываетъ къ себѣ цѣлое полчище и ростутъ эти призраки, и страшнѣе всѣхъ и ужаснѣе призракъ Глѣбова: она ясно видитъ, съ невыразимымъ ужасомъ въ сердцѣ, когда-то любимаго человѣка посаженнымъ на колъ, въ глазахъ ея вотъ онъ извивается, извивается и скрежещетъ зубами, и стонетъ и грозитъ ей: «Ты, ты, виною моихъ мученій!» Не знаетъ куда дѣваться бѣдная старуха отъ этихъ гостей непрошенныхъ, гдѣ ей теперь скрыться... Падаетъ она на полъ передъ кіотомъ и начинаетъ молиться, жарко молится, опять плачетъ и бьетъ себя въ свою изсохшую грудь, и долго не можетъ успокоиться. Нѣтъ, только одно осталось на свѣтѣ—внучата! въ нихъ все спасенье. Любить ихъ, стараться отстранить отъ нихъ все дурное, — вотъ къ чему нужно стремиться, вотъ чего добиваться. Вѣдь, какъ бы то ни было, страшно, страшно ихъ положеніе: ни души родной, кругомъ все чужіе люди, каждый то старается забрать ихъ въ руки ради своихъ корыстныхъ цѣлей, а объ ихъ благѣ никто и не подумаетъ!

И вотъ начинаетъ чувствовать старая царица въ своемъ сердцѣ приливъ давно позабытой нѣжности. Да, она любитъ, горячо любитъ этого маленькаго внука, императора и сестру его. И внучата должны непремѣнно полюбить ее — вѣдь, она своя, родная, бабушка. Пусть вооружали ихъ противъ нея, пусть говорили имъ о ней только одно дурное, но все же!.. она, вѣдь, еще жива, ихъ скоро увидитъ и не совсѣмъ же выжила она изъ ума, сумѣетъ, должна сумѣть повернуть все въ свою пользу, должна сумѣть внушить имъ къ себѣ довѣріе, почтеніе и любовь. Да гдѣ-жъ они, что-жъ они не ѣдутъ, что-жъ томятъ такъ долго?! вѣдь, близко, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда — и все-таки тянется эта разлука. Хоть бы самой къ нимъ поѣхать, да нѣтъ, не желаютъ, нѣтъ, нужно ждатъ ихъ здѣсь, а ждать теперь старой царицѣ съ каждой минутой становится не по силамъ, и вотъ Евдокія Өедоровна велитъ зажечь въ своей келейкѣ восковыя свѣчи, велитъ подать себѣ бумаги и начинаетъ выводить старческимъ, дрожащимъ почеркомъ. Она пишетъ великой княжнѣ Натальѣ: «Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобы мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились—не дали мнѣ про васъ слышать, не токмо что видѣть».

«Пусть сестра поговоритъ ему, убѣдитъ его,—думаетъ

царица: — да напишу и нѣмцу, говорятъ, онъ его слушается».

«За вѣрную вашу службу ко внуку моему, — пишетъ она Остерману:—и къ намъ, я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое, только о томъ васъ прошу, чтобы мнѣ внучатъ своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ не умереть; и ежели бы я съ ними вмѣстѣ была и я бы такія свои несносныя печали всѣ позабыла и такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю, сіе чинится отъ кого».

— Скорѣй, скорѣй!—кличетъ она свою старую прислужницу:— скорѣй вели послать гонца съ этими письмами... да нѣтъ, погоди, постой, дай мнѣ еще бумаги!

Царица опять садится и пишетъ уже самому внуку: «Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видѣть? Или васъ и вовсе мнѣ не видѣть, а я съ печали истинно умираю, что васъ не вижу, дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть, хотя бы я къ вамъ пріѣхала».

Съ этими письмами скачетъ гонецъ въ царскую стоянку, а царица всю ночь не спитъ въ своей роскошной кельѣ; съ боку на бокъ поворачивается она на мягкой перинѣ; ее бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ. Закутывается она въ дорогое, хитро вышитое шелками и золотыми нитками, одѣяло и все ей что-то неловко, все ей тревожно. Бываютъ минуты, что кажется ей будто никакой нѣтъ перемѣны къ лучшему въ ея положеніи. Такъ невыносимо ей это ожиданіе. Тамъ, въ тяжеломъ заточеніи, было спокойнѣе. Подъ конецъ уже сжилась со своимъ горемъ, со своей лютой жизнью старушка. Ничего уже не хотѣла, ничего не ждала и ни на что не надѣялась... Наконецъ забывается она сномъ, но сонъ длится не долго. Вотъ она опять проснулась. Съ изумленіемъ глядитъ кругомъ себя: гдѣ она, что съ нею? Откуда взялась вмѣсто сырой душной кельи эта теплая, спокойная комната? Откуда эта мягкая перина, это роскошное одѣяло? Куда исчезла старая скрипящяя кровать съ грубой простынею, съ изношеннымъ одѣяломъ, которымъ она прикрывала свое коченѣвшее тѣло? И долго ничего не можетъ понять царица, наконецъ вспоминаетъ и все глядитъ кругомъ себя—и не можетъ глазъ отвести отъ драгоцѣннаго рукомойника, на которомъ самоцвѣтные каменья блестятъ и переливаются отъ тихаго лампаднаго свѣта.

III.

Наконецъ, въ февралѣ былъ торжественный въѣздъ императора въ Москву. Петръ окончательно оправился отъ своей простуды. День былъ чудесный, солнечный, съ небольшимъ морозцемъ. Москва производила на юнаго императора волшебное впечатлѣніе. Здѣсь ему все нравилось, но больше всего понравилась встрѣча, приготовленная ему жителями. Весь городъ высыпалъ на Тверскую улицу, всѣ колокола московскіе несмолкаемо гудѣли радостнымъ звономъ. Торжественный царскій поѣздъ медленно подвигался и государь добродушно раскланивался на обѣ стороны. Путь былъ далекій, почти чрезъ всю Москву, но до самой нѣмецкой слободы не рѣдѣли толпы народа, до самаго дворца не смолкали восторженные крики и гулъ колокольный. Духовенство въ богатомъ облаченіи выходило навстрѣчу императору. Все это, вмѣстѣ съ яснымъ и солнечнымъ днемъ, подъ конецъ совсѣмъ растрогало Петра и онъ нѣсколько разъ долженъ былъ утирать слезы.

А бабушка все сидѣла въ своемъ монастырѣ и дожидалась, когда о ней вспомнитъ внучекъ. Внучекъ вспомнилъ въ тотъ же день и собрался навѣстить ее вмѣстѣ съ сестрой. Онъ попросилъ также ѣхать вмѣстѣ съ ними и цесаревну Елизавету.

— Мнѣ то зачѣмъ?—изумленно сказала она:—вѣдь, я ей не родная. Ей будетъ только досадно, она не можетъ любить меня и конечно никогда не полюбитъ. Я только испорчу ея встрѣчу съ вами; разумѣется, я могу и должна къ ней съѣздить, но потомъ, одна.

— Нѣтъ, Лиза, пожалуйста поѣзжай съ нами, я знаю, что дѣлаю,—сказалъ Петръ.

Къ его просьбѣ присоединилась и великая княжна Наталья.

— Да зачѣмъ же, зачѣмъ?—повторяла Елизавета.

— А затѣмъ, — отвѣтилъ императоръ: — что я боюсь, да и Наташа тоже, этого свиданья съ бабушкой. Вѣдь, мы ее не знаемъ, какая она. Вотъ намъ такъ хорошо сегодня, такъ на душѣ радостно, а бабушка навѣрно станетъ плакать, жаловаться. Вотъ говорятъ, что она сердится, отчего до сихъ поръ не видались, зачѣмъ въ Петербургъ ее не выписали. Ну, а при тебѣ, Лиза, она остережется и все сойдетъ какъ слѣдуетъ.

На это объясненіе цесаревна Елизавета не нашлась что возразить, и они отправились всѣ вмѣстѣ.

Подъѣзжая къ Дѣвичьему монастырю, Петръ нахмуривался больше и больше, ему становилось неловко. Еще сейчасъ все было такъ хорошо, такъ весело и радостно, еще сейчасъ онъ чувствовалъ себя свободнымъ, а тутъ снова какое-то стѣсненіе,

точь-въ-точь какъ въ тотъ день, когда онъ ѣхалъ въ Ранбовъ навѣщать Меншикова. Скучная обязанность—необходимость приневоливать себя, притворяться обрадованнымъ свиданіемъ съ бабушкой, тогда какъ въ дѣйствительности ничего кромѣ тоски и скуки не сулитъ это свиданье: никакое чувство не связываетъ внука съ бабушкой. Тоже самое думала и испытывала царевна Наталья; но она обдумывала не только предстоявшую минуту первой встрѣчи, а и послѣдующія отношенія, которыя должны возникнуть между ними и старой царицей. Она больше брата знала о прошломъ бабушки, она подробно разспросила обо всемъ, и ей все разсказали. Она помнила дѣда и любила его, отца не помнила и не любила, а тутъ ей еще извѣстнымъ стало, что не будь бабушки, не было бы и гнѣва Петра Великаго на сына, не возсталъ бы на родителя Алексѣй Петровичъ. Одна цесаревна Елизавета не чувствовала смущенія. Ничего общаго не могло быть у ней съ Евдокіей Ѳедоровной, она сторона, а если та и будетъ косо глядѣть на нее и возненавидитъ даже, такъ что же ей, какое дѣло?! Государь проситъ ее присутствовать при ихъ свиданіи, она исполняетъ эту просьбу и ни къ чему себя не обязываетъ.

Огромная царская карета остановилась у воротъ монастырскихъ. Цѣлый сонмъ монахинь вышелъ встрѣчать императора.

— Гдѣ же бабушка? Ведите меня къ ней!—громко сказалъ онъ.

Ихъ повели. Они вошли въ маленькія сѣни. Императору стало еще неловче.

Царевны Наталья и Елизавета молча за нимъ слѣдуютъ. Вотъ передъ ними сухая старушка въ монашеской одеждѣ, вотъ она вскрикнула и обвила дрожащими руками шею императора.

— Бабушка,—говоритъ онъ:—какъ я радъ васъ видѣть...

— Золотой мой, государь-батюшка, Петруша, ненаглядный!—рыдаетъ надъ нимъ старушка:—голубчикъ, дай взглянуть на тебя, дай насмотрѣться...

Она поднимаетъ къ себѣ его лицо, вглядывается въ него, но слезы застилаютъ ей глаза, она почти его не видитъ. Она креститъ его, шепчетъ молитву надъ нимъ и опять рыдаетъ, и опять прижимаетъ его къ своему сердцу, и опять цѣлуетъ. Съ каждой минутой ему все больше и больше становится непріятнѣе и тяжелѣе. Онъ не можетъ съ удовольствіемъ отвѣчать на ея ласки такими же ласками и поцѣлуями. Ему непріятно, что эта совсѣмъ чужая, какъ ему кажется, старушка такъ обнимаетъ его, ему непріятно чувствовать на своихъ щекахъ ея слезы; но дѣлать нечего, нужно притвориться—кругомъ видятъ - и онъ притворяется.

— Батюшка, золотой мой, думала, что умру, не дождусь тебя, но слава Богу, слава Богу, дожила до такой радости... Голубчикъ

мой, большой какой, какой красавецъ! Только говорили мнѣ, ты боленъ былъ, не бережешься. Охъ, боюсь я за тебя, молодъ!

И вдругъ она вспоминаетъ, что тутъ не одинъ онъ, что рядомъ съ нимъ должна быть внучка, Наташа. Она отрывается отъ него и спѣшитъ къ ней, къ этой внучкѣ. И опять плачетъ, обнимая царевну.

— Наташенька, ангелъ мой, что же ты это такая блѣдненькая да худенькая, посмотри на меня, улыбнись старухѣ. Всякую ночь себѣ во снѣ представляла, только о васъ и думала, дѣточки вы мои ненаглядныя... А это кто же съ вами?

— Цесаревна Елизавета,—отвѣтилъ императоръ.

Евдокія Өедоровна пристально, проницательнымъ взглядомъ окинула Елизавету. Та почтительно поклонилась ей и улыбнулась своей прелестной улыбкой.

— Красавица,—прошептала старушка:—красавица! рада видѣть тебя, матушка, много слыхала о тебѣ, ну и не солгали люди, точно, красавица!..—Старушка осматривала принцессу, оглядывала ее всю, начиная съ прически и кончая мельчайшими подробностями туалета. Этотъ пристальный осмотръ даже нѣсколько смутилъ Елизавету. Она сразу почувствовала что-то злое и враждебное во взглядѣ старой царицы, даже слово «красавица» та произнесла непріятнымъ, насмѣшливымъ тономъ.

Наконецъ, Евдокія Өедоровна окончательно пришла въ себя и приказала всѣмъ выйти, оставить ее одну съ внучатами. Елизавета Петровна подвинулась было тоже къ дверямъ, но Петръ остановилъ ее.

— Лиза, останься съ нами,—громко сказалъ онъ.—Вѣдь, она не можетъ намъ помѣшать?—обратился онъ къ бабушкѣ:—она своя, родная, и другъ нашъ...

Евдокія Өедоровна невольно поморщилась и не нашла что отвѣтить. Она уже ненавидѣла эту красавицу Елизавету, ненавидѣла и за то, что она дочь Петра и Екатерины, и за то, что ее привезли теперь съ собою очевидно для того, чтобъ помѣшать откровеннымъ изліяніямъ. Заныло вдругъ сердце старушки, она почувствовала слабость и едва дошла до кресла.

— Эхъ, стара я стала, дѣточки: ноги подкашиваются, голова кружится, а отъ радости и еще того пуще!—прошептала она, простирая руки къ Петру и Натальѣ.

Они подошли къ ней.

«Ну что-жъ, ну что-жъ,—думала про себя старушка:—ну что-жъ, ну идите ко мнѣ ближе, опуститесь тутъ, по обѣимъ сторонамъ, на колѣни, дайте я обниму васъ обоихъ крѣпко, прижму къ себѣ, дайте разгляжу васъ, поговоримъ же по душѣ». Но она только объ этомъ думала, она только ждала этого и

боялась, что не дождется, и точно: невольнаго, душевнаго порыва не было во внучатахъ. Они подошли къ ней, но не опустились передъ ней на колѣни, не прижались къ ней. Вотъ Петръ пододвинулъ стулъ сестрѣ, потомъ себѣ, и чинно усѣлись они по обѣимъ сторонамъ бабушки, да такъ, что она даже не могла достать ихъ руками. То смущеніе, которое чувствовалъ юный императоръ съ сестрою, теперь передалось и Евдокіи Ѳедоровнѣ. Въ первую минуту встрѣчи она была такъ обрадована, она ничего не видѣла, не замѣчала, она только чувствовала возлѣ себя родныхъ, близкихъ, милыхъ дѣтей, но теперь ей ясно стало, что эти дѣти хоть родныя, но не близкія: принцесса Елизавета стояла между ними и невыносимо было ея присутствіе старой царицѣ Такъ много хотѣлось сказать, а вотъ языкъ не повертывается Развѣ можно такъ говорить, нужно было говорить по душѣ наединѣ со своими кровными, а тутъ эта чужая, ненавистная красавица. «Ну, да чего же еще отчаяваться, ободряла себя царица, знамо дѣло сразу трудно, чтобы все устроилось. Вѣдь, и то правда, откуда имъ было полюбить меня, пусть поосмотрятся и увидятъ, что бабушка точно любитъ и добра желаетъ, ну и сами, авось, Богъ дастъ, полюбятъ, вѣдь, молоды оба, дѣти, самимъ неловко, понятное дѣло... И чего мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на эту писаную красавицу и ее смущаться, если сидитъ здѣсь, и пусть сидитъ, а я о ней забуду и думать». Царица поспѣшно отерла слезы, глаза ея снова блеснули и она ласково переводила ихъ отъ Петра къ Натальѣ.

— Дѣточки мои, что же вы меня какъ будто дичитесь,—тихо, вкрадчивымъ голосомъ, заговорила она:—подвиньтесь ко мнѣ поближе, чтобы я могла хорошенько разглядѣть васъ, вѣдь, вотъ глаза стары, почти, ничего не вижу.

Императоръ и Наташа подвинулись, а бабушка взяла ихъ руки и крѣпко держала.

— Ахъ, Петинька,—говорила она: — не сумѣю я и отблагодарить Господа Бога за ту радость, которую онъ послалъ мнѣ что васъ я, наконецъ, вижу. И никогда, кажется, такого свѣтлаго дня не было въ моей жизни. Ну, да не стану я говорить о моей жизни, будетъ еще время, успѣемъ. Теперь все, все дурное и темное позабыла, одну радость чувствую. Вотъ, Петруша, государь мой, объ одномъ тебѣ теперь моя дума. Молодъ ты, всего тебѣ 12 годочковъ, а ужъ Господь тебя государемъ надъ землей русской поставилъ, такъ непрестанно ты долженъ помышлять объ этомъ; чай знаешь, вѣдь, многому учили, чай знаешь: «кому много дано, съ того много и спросится». Береги себя, Петруша, да и ты, моя золотая Наташенька, береги его, ты старше, ты должна быть благоразумнѣе...

И маленькій императоръ, и царевна упорно молчали.

«Такъ я и зналъ, что начнутся эти разговоры, вотъ и весь день испорченъ! Что-жъ она думаетъ, что тамъ не наслушался всего этого? До тошноты наслушался: все малъ да малъ, когда я, наконецъ, избавлюсь отъ нянюшекъ!..» Онъ хмурилъ свои густыя брови и не глядѣлъ на бабушку. Великая княжна Наталья была тоже недовольна. «Все это правда, что говоритъ бабушка, все это истинно, только зачѣмъ она сразу стала говорить это? Видно, изъ ума старушка выжила. Потерпѣла бы, можетъ быть, Петруша и полюбилъ бы ее, еслибъ иначе говорила, ну, а потомъ и совѣтовать, и учить добру успѣла бы. А теперь только испортила себѣ; такъ я и знала, что это будетъ!»

Между тѣмъ, Евдокія Өедоровна начала говорить,—ей такъ хотѣлось все высказать и, сжимая имъ руки и нѣжно глядя на нихъ,—она продолжала:

— Такъ-то, Петрушенька, такъ-то, золотой мой, не сердись ты на старую бабку, добра она тебѣ хочетъ, и о томъ подумай опять, что одна я у васъ, одна на всемъ свѣтѣ: кто о васъ, кромѣ меня, подумаетъ?! Долго жила я, всего навидалась, людей понимаю, оттого и говорю, что одни вы на всемъ свѣтѣ, мои бѣдныя сиротки. Вотъ узнала я, что совсѣмъ не бережешь себя, все на охотахъ, да на забавахъ разныхъ, не хорошо это, мой голубчикъ. И здоровье свое испортишь, да и отъ дѣла отучишься.

«Эхъ, совсѣмъ все испортила бабушка!»—досадливо подумала царевна Наталья. Принцесса Елизавета дѣлала видъ, будто, ничего не слышитъ, ,а можетъ, и дѣйствительно не слышала. Ей просто было скучно и она разглядывала все, что было вокругъ нея въ комнатѣ. Но императоръ слушалъ очень внимательно. Онъ ужъ раздражился, покраснѣлъ, губы его нервно дрогнули.

— Давно я это слышу, бабушка,—вдругъ сказалъ онъ:—давно слышу, что и дурной я, и лѣнивый, и только о забавахъ думаю. Вонъ, князь Меншиковъ то и дѣло повторялъ мнѣ это!

Старушка поняла, что зашла слишкомъ далеко.

— Ахъ, мой золотой, не говори ты мнѣ о Меншиковѣ,—встрепенулась она:—и какъ тебѣ не грѣхъ приравнять меня къ нему!..— и чтобы поправить дѣло, она ужъ не знала, что и сказать внуку.— Хоть бы ты женился, Петруша, все бы оно лучше было...

— Ну вотъ, а сестра и тетушка Лиза говорятъ, что мнѣ не слѣдъ и думать о женитьбѣ,—отозвался императоръ.—Вотъ видите,—обратился онъ къ царевнамъ:—вотъ и бабушка говоритъ, что лучше мнѣ жениться!

— Да что-жъ, ужъ конечно,—шептала Евдокія Өедоровна:— конечно, лучше по закону, да и жена можетъ попадется путная, такъ отъ всего дурного отучитъ. Ну, здѣсь нѣтъ невѣстъ под-

ходящихъ, такъ въ чужихъ странахъ какая-нибудь принцесса подойдетъ; только не выбирай красавицу писанную, будетъ она думать о красотѣ своей, да о нарядахъ.

Царица бросила невольный и злобный взглядъ на Елизавету. Та просто и откровенно улыбнулась ей. Однако пора было окончить это свиданіе. Петръ заторопился. Бабушка произвела на него, какъ онъ и ожидалъ, дурное впечатлѣніе. Царевны тоже не были ею особенно довольны. Она еще стала удерживать внучатъ, говорила, что еще не успѣла на нихъ наглядѣться, упрашивала ихъ почаще видѣться съ нею. Сказала, что несмотря на старые свои годы и немощь, сама будетъ къ нимъ ѣздить.

— Нѣтъ, бабушка, вы ужъ не безпокойтесь, мы васъ будемъ навѣщать, а вы не ѣздите, не тревожьте себя!—сказалъ Петръ на прощанье.—А я, бабушка, завтра же распоряжусь, чтобъ было у васъ всякое довольство.

И юный императоръ уѣхалъ.

Старушка осталась снова одна и весь вечеръ грустно вздыхала, а ночью опять ей грезились страшные призраки.

Императоръ поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе. 9-го февраля онъ явился въ Верховный Совѣтъ и прямо, даже не садясь на свое мѣсто, объявилъ, что изъ почтенія и любви къ государынѣ, бабушкѣ своей, желаетъ, чтобы ея величество, по своему высокому достоинству, были содержаны во всякомъ довольствѣ, и что пускай члены Совѣта учинятъ надлежащее опредѣленіе и донесутъ ему скорѣй. Такимъ образомъ, рѣшено было назначить слѣдующій штатъ для царицы: ей опредѣлялось по шестидесяти тысячъ рублей въ годъ и волость въ двѣ тысячи дворовъ. Князь Василій Лукичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ были посланы къ ней донести объ этомъ. Къ тому же императоръ приказалъ имъ сказать царицѣ, что если и сверхъ всего этого изволитъ чего потребовать, то онъ, императоръ, по особой своей къ ней любви и почтенію, не преминетъ исполнить всякое ея требованіе.

IV.

7-го марта была торжественно отпразднована коронація императора. За нѣсколько дней передъ этимъ торжествомъ Петръ ѣздилъ въ Сергіевскую лавру говѣть и молиться. Коронація праздновалась въ теченіи нѣсколькихъ дней, да и потомъ вплоть до великаго поста шли балы за балами. Императоръ забылъ и думать о бабушкѣ, сначала онъ еще считалъ своимъ долгомъ приготовить ей помѣщеніе во дворцѣ, но затѣмъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Она осталась въ Дѣвичьемъ монастырѣ и всего разъ

только пріѣзжала къ внуку. Опять при этомъ свиданіи присутствовала Елизавета и старушка вернулась къ себѣ, убѣжденная, что дѣла ея плохи и что, во всякомъ случаѣ, нужно повременить, ожидать, что будетъ. Но покуда трудно было рѣшить о близкомъ будущемъ, покуда всѣ только веселились. Государь началъ съ милостей своимъ приближеннымъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ были назначены членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, а Иванъ Алексѣевичъ—оберъ камергеромъ.

Баронъ Андрей Ивановичъ по-прежнему пользовался неограниченнымъ довѣріемъ маленькаго императора, по-прежнему велъ таинственныя и никому неизвѣстныя интриги. Теперь онъ казался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Долгорукими и въ то-же время старался сблизить Петра съ Бутурлинымъ, дабы ослабить вліяніе фаворита. Императоръ поддавался Остерману, онъ пересталъ ревновать Бутурлина къ Елизаветѣ и снова княжна Наталья съ ужасомъ замѣтила, что онъ окончательно помирился съ красавицей-теткой. Замѣчала она и еще одно, что приводило ее въ большое смущеніе: Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій совершенно открыто и не стѣсняясь началъ ухаживать за Елизаветой. Онъ пользовался всякимъ случаемъ танцовать и говорить съ нею и кончилъ тѣмъ, что не смущаясь толковалъ ей о своихъ чувствахъ, о необычайномъ всемогуществѣ красоты ея. Елизавета сначала возмутилась этимъ, но подъ конецъ стала спокойно принимать его ухаживанье. Она разсудила, что фаворитъ этимъ можетъ только погубить себя, а противъ его гибели, она ровно ничего не имѣла: ужъ черезчуръ зазнался Долгорукій, совсѣмъ овладѣлъ императоромъ...

Во дворцѣ былъ большой балъ. Никогда еще не видѣли московскіе жители ничего подобнаго, да и для петербургскихъ вельможъ все это было новинка. Въ царствованіе великаго императора они не привыкли къ подобной роскоши. Петръ гналъ всякій блескъ. На его ассамблеяхъ была простота. Главное заключалось въ весельи, а большихъ тратъ не допускалъ императоръ; бывало онъ появлялся въ своемъ старомъ поношенномъ платьѣ, въ штопаныхъ чулкахъ и требовалъ, чтобы никто не носилъ дорогого платья, чтобы съ него примѣръ брали; даже обыкновенно преслѣдовалъ молодыхъ модниковъ, вернувшихся изъ-за-границы, смѣялся надъ ними, дразнилъ ихъ, а иногда даже и наказывалъ. Теперь-же было совсѣмъ не то, теперь каждый хотѣлъ перещеголять другого богатымъ костюмомъ; женщины сіяли драгоцѣнными каменьями, удивительными заграничными кружевами; появилось много яствъ и питей новыхъ, вывезенныхъ изъ-за границы. Иностранные резиденты отписы-

вали къ своимъ дворамъ, что во всей Европѣ нѣтъ такой роскоши, какая завелась при дворѣ московскомъ.

Въ числѣ присутствовавшихъ на балѣ находилась между прочимъ и герцогиня Курляндская, Анна Іоанновна, приглашенная на коронацію. Мало кто обращалъ на нее вниманіе, никого не интересовала эта некрасивая, и не имѣвшая никакого вліянія принцесса; даже и Петръ и царевна не считали нужнымъ быть особенно любезными съ нею. Очень скучная бродила она по комнатамъ и помышляла о томъ, что несравненно лучше ей у себя дома, гдѣ она госпожа, гдѣ почтительно къ ней относятся, гдѣ она на первомъ планѣ и затмѣваетъ всѣхъ если не красотой, такъ величіемъ своимъ и значеніемъ. Теперь же она не могла спорить даже съ послѣдней фрейлиной: вонъ какъ всѣ онѣ красивы, какъ всѣ разодѣты, какими важными кажутся, а она и одѣться по-модному не умѣетъ, да и какой нарядъ пойдетъ къ ней: росту она огромнаго, сложеніе почти мужское, лицо смуглое, носъ большой, взглядъ угрюмый. Одному только человѣку и мила она здѣсь, да и того съ собой привезла она изъ Курляндіи. Человѣкъ этотъ Эрнстъ-Иванъ Биронъ, сынъ простого служителя герцоговъ Курляндскихъ, но для нея онъ дороже всѣхъ принцевъ и королей, только съ нимъ и отводитъ она душу, ему передаетъ свои впечатлѣнія, свои замѣчанія, жалуется на свои обиды.

— Потерпите,—шепчетъ ей Биронъ:—все перемѣнится. До сихъ поръ у насъ друзей тутъ не было, а теперь друзья найдутся, я ужъ кой-кого запримѣтилъ, кое съ кѣмъ переговорилъ и даже сблизился; обласканъ Левенвольдомъ, ну, а онъ человѣкъ сильный и насъ не оставитъ—не даромъ сюда пріѣхали.

Уходитъ отъ него спѣшно герцогиня и снова бродитъ по комнатамъ, производя на всѣхъ непріятное впечатлѣніе своей сумрачной, некрасивой наружностью, и конечно ни она, ни другъ ея Биронъ, устраивая свои маленькія дѣла и заручаясь покровительствомъ какого-нибудь Левенвольда, и во снѣ не грезятъ о томъ, что скоро, очень скоро, вернутся они опять въ эти залы и бѣдная, позабытая герцогиня будетъ величаться государыней императрицей Анной Іоанновной, а самъ онъ, Эрнстъ Биронъ, сдѣлается герцогомъ Курляндскимъ и могущественнымъ властелиномъ Россіи.

Но какъ ни грустна, и ни печальна Анна Ивановна, а еще грустнѣе и печальнѣе великая княжна Наталья. Успокоилась она было, видя разрывъ брата съ цесаревной Елизаветой, а теперь та-же кручина, просто тошно глядѣть ей на нихъ; вотъ онъ даже обижать ее сталъ—долженъ былъ начать балъ съ нею, а началъ съ Елизаветой, даже и передъ придворными и ино-

стран[illegible] министрами неприлично и обидно. И скрылась съ бала царевна Наталья, ушла въ свои аппартаменты. Поплакала она сначала, да потомъ и успокоилась, благо нашла себѣ возможность успокоиваться теперь въ грустныя минуты.

Въ чемъ же эта возможность, что свѣтлое мелькнуло передъ слабенькой, больной царевной? Одинъ человѣкъ долго говорилъ съ нею, человѣкъ этотъ—испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія. Не самъ по себѣ онъ ей интересенъ, а интересны его рѣчи. Ужъ не въ первый разъ таинственно заговариваетъ онъ съ нею, а онъ умѣетъ такъ ловко, такъ мило вести разговоры. Сначала все описывалъ онъ ей свою страну—прекрасную Испанію, потомъ сама она не замѣтила какъ это случилось, вдругъ сталъ онъ разсказывать ей про молодого испанскаго инфанта Карлоса, про то, что инфантъ сильно заинтересованъ ею, заочно въ восторгѣ отъ нея, по письмамъ его, герцога Лирія,—и кончилъ испанскій посланникъ тѣмъ, что шепнулъ великой княжнѣ о томъ, какъ хорошо было бы ей выйти замужъ за инфанта Карлоса. Что-жь тутъ такого, ужь не въ первый разъ толкуютъ о ея будущемъ и предлагаютъ ей жениховъ то того, то другого; но никто еще не говорилъ съ нею, какъ испанскій герцогъ, никто еще никогда не сумѣлъ такъ заинтересовать ее, такъ очаровать своими разсказами. Послѣ перваго разговора царевна всю ночь видѣла во снѣ невѣдомую волшебную страну и невѣдомаго волшебнаго принца. Никогда еще не случалось съ ней этого, никогда она не думала ни о какихъ принцахъ, а вотъ теперь думаетъ, и самой ей смѣшно, а все же отъ думъ своихъ отдѣлаться не можетъ. Каждый разъ, встрѣчаясь съ Лирія, ей хочется, чтобы онъ снова заговорилъ объ инфантѣ, и каждый разъ онъ умѣетъ найти случай и сказать ожидаемое слово. Ну, а сегодня что-жъ,—сегодня онъ даже далъ ей, да такъ что этого никто не видѣлъ, миніатюрный портретъ Донъ-Карлоса, только что высланный ему изъ Испаніи. Царевна не хотѣла взять этого портрета, хотѣла снова отдать герцогу, да какъ-то такъ случилось, что не отдала, а взяла его съ собою, и вотъ онъ теперь у нея въ карманѣ. Она одна у себя, никто ее не видитъ. Тихонько вынула она изъ кармана маленькій портретикъ и стала его разглядывать. Какой красавецъ, никогда, никогда она такого не видала! Онъ снился ей, этотъ Донъ-Карлосъ, но и во снѣ былъ хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. «Что-жъ это я такія глупости дѣлаю, такое думаю?!..» краснѣя говоритъ себѣ царевна, а мысли не проходятъ. Въ этихъ мысляхъ забываетъ она свое горе и свое одиночество и все, что смущаетъ ее. Забываетъ она и свою слабость, и мучительную боль въ груди, которая вотъ опять стала возвращаться чаще и чаще...

А въ это время балъ идетъ своимъ чередомъ; оживленныя пары встрѣчаются въ контрдансахъ; императоръ то и дѣло танцуетъ съ Елизаветой; но вотъ онъ усталъ, ушелъ изъ танцовальной залы въ другую, гдѣ и велѣлъ подать себѣ ужинъ. Съ минуты на минуту они должны сюда явиться: и Лиза, и князь Иванъ; но они не являются. Императору становится скучно— онъ одинъ, кругомъ не интересно, все ненужныя люди. Торопливо окончилъ онъ свой ужинъ и вышелъ въ залу. «Что это? Иванъ танцуетъ съ Лизой, онъ наклоняется къ ней, что-то говоритъ ей, даже шепчетъ... Какое у него лицо!» И опять позабытое былое чувство: ревность - стучится въ его сердце, и не сводитъ онъ глазъ съ этихъ двухъ людей, которыхъ такъ любитъ. А они все вмѣстѣ. Вотъ оконченъ танецъ. Долгорукій все же не отходитъ отъ Елизаветы. Петръ не двигается съ мѣста, все смотритъ. Лицо его поблѣднѣло, глаза горятъ, онъ весь — необычайное волненіе. Подходитъ къ нему баронъ Остерманъ.

— Андрей Иванычъ,—шепчетъ императоръ:—съ какой это стати князь Иванъ не отходитъ отъ принцессы?

Остерманъ навострилъ уши и пристально взглянулъ на Петра.

— Какъ не отходитъ, государь? Да вы же сами танцовали съ нею, кажется, подрядъ три контрданса. Что жъ тутъ такого? Вы знаете, какъ принцесса любитъ танцовать, а князь Иванъ хорошо танцуетъ.

Но императоръ внѣ себя, онъ недоволенъ отвѣтомъ Остермана и когда къ нему подходитъ Долгорукій, онъ грозно глядитъ на него и отворачивается.

— За что это?—равнодушно и улыбаясь спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ.—Ахъ, да, понимаю: государь меня ревнуетъ. Ну что-жъ, ничего, поревнуй, посердись, скоро помиримся...

И такой же равнодушный, такой же увѣренный въ своей силѣ и въ томъ, что ничѣмъ онъ себѣ повредить не можетъ, отходитъ Иванъ Долгорукій отъ государя и идетъ въ ту сторону, гдѣ больше молодыхъ красивыхъ женщинъ. Между ними онъ видитъ сестру свою, которая что-то оживленно толкуетъ съ молодымъ племянникомъ австрійскаго посла, графомъ Миллезимо. Между ними онъ видитъ и другую молодую дѣвушку и внезапно поражется ею; она сидитъ въ уголку залы, подальше отъ другихъ. Стройная и чудно-прекрасная, равнодушно-спокойнымъ взглядомъ глядитъ она на окружающее оживленіе и великолѣпіе и, кажется, принимаетъ во всемъ мало участія. О! какъ она хороша. Какимъ образомъ не замѣчалъ онъ этой ея красоты? А, вѣдь, давно онъ знаетъ эту дѣвушку. Онъ подходитъ къ ней и садится рядомъ съ нею.

— Зачѣмъ не танцуешь, графиня? — говоритъ онъ ей.

— Устала, Иванъ Алексѣевичъ, — поднимаетъ она на него свои чудные большіе глаза, опушенные длинными темными рѣсницами.

— Пойдемъ танцовать со мною,—шепчетъ онъ снова.

— Устала, дай отдохнуть, князь.

— Что рѣдко бываешь у матушки, да у сестеръ?—спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нерѣдко бываю, да только тебя никогда нѣту, не видно тебя, ты дома не бываешь,—замѣчаетъ дѣвушка.

— Ахъ, еслибъ я зналъ, когда ты у насъ, то всегда бывалъ бы дома!

Онъ глядитъ ей прямо въ глаза своимъ смѣлымъ, блестящимъ взглядомъ; опускаются ея длинныя рѣсницы, нѣжный румянецъ вспыхиваетъ на щекахъ ея, не то грустная, не то насмѣшливая улыбка трогаетъ ея губы и тихимъ голосомъ она отвѣчаетъ фавориту:

— Побереги твои слова для другихъ, а я имъ все равно не повѣрю,..

Раздаются новые звуки и начинаетъ Иванъ Алексѣевичъ танецъ съ красавицей-дѣвушкой, и все пригожѣе она ему кажется: какъ она танцуетъ, какъ плавно выступаетъ, какая дивная шея, какія руки; а главное есть въ ней что-то такое, что-то тихо-спокойное, содержащее въ себѣ тихую силу. И опять повторяетъ про себя изумленно Иванъ Алексѣевичъ: «какъ могъ я, какъ могъ проглядѣть такую чудную дѣвушку?! Удивительно хороша она, эта красавица—Наталья Борисовна Шереметева».

V.

Съ ранняго утра и до вечера звонили и отзванивали всѣ сорокъ-сороковъ церквей московскихъ, справлялась великопостная служба; народъ православный молился, говѣлъ, исповѣдался и причащался. Затихли и. дворцовыя празднества, но не могъ императоръ удержаться отъ другихъ соблазновъ: то и дѣло уѣзжалъ онъ на охоту, проводилъ по нѣсколько сутокъ за Москвою, возвращался на день, другой, да и опять начиналъ тоже самое. Вотъ и постъ великій кончается, прошла страстная недѣля,—другой уже, веселый благовѣстъ разносится въ весеннемъ воздухѣ. Снѣгъ давно началъ таять, ручьи побѣжали по московскимъ улицамъ, по обширнымъ огородамъ; сбѣгаютъ они съ холмовъ и съ пригорковъ. Изъ подъ талаго снѣга кое-гдѣ земля начинаетъ виднѣться, ростки травы прошлогодней пока-

зываются. Вотъ и совсѣмъ нѣтъ снѣга, только еще мѣстами лежитъ ледокъ хрупкій и прозрачный, и быстро таетъ отъ лучей вешнихъ. Морозная тишина невозмутимая замѣнилась веселымъ щебетаньемъ безчисленныхъ птицъ, невѣдомо откуда налетѣвшихъ; все оживилось и кишитъ новой жизнью и спѣшитъ насладиться недолгимъ теплымъ временемъ. Мало-по-малу опушаются деревья, трава всюду зазеленѣла, цвѣты желтые запестрѣли. День за днемъ идутъ и проходятъ такъ бысто, что оглянуться не успѣешь; цвѣтетъ ужъ черемуха, вѣтки сирени почернѣли и того гляди распустятся, а императоръ все на охотѣ: въ Верховный Совѣтъ уже не заглядываетъ, еще неудержимѣе, чѣмъ зимою, влечетъ его теперь любимая забава. Что въ городѣ? Душно, стѣны давятъ, жизнь тамъ такая скучная: однѣ и тѣ же рѣчи о дѣлахъ различныхъ.

Пусть кому любо это, кому это нравится, тотъ и занимается дѣлами, а молодому мальчику въ лѣсъ теперь хочется, въ широкое свѣжее приволье. Душистый весенній воздухъ такъ и вливается въ грудь и возбуждаетъ въ ней новыя чувства; неясныя, причудливыя, почти безформенныя, но могучія грезы со всѣхъ сторонъ наплываютъ. Куда-то летѣть хочется, хочется чего-то невѣдомаго, блаженнаго, что и близкимъ и далекимъ кажется,—и ничѣмъ ужъ теперь не заманишь Петра Алексѣевича во дворцовые покои, да и некому заманивать. Давно ужъ отступился отъ воспитанника своего баронъ Андрей Ивановичъ и весь ушелъ въ дѣла государственныя, да въ свои дѣла личныя.

Какъ ни хитрилъ, какъ ни обходилъ кругомъ всѣхъ Андрей Ивановичъ, а все успѣлъ онъ поссориться съ молодымъ фаворитомъ Иваномъ Долгорукимъ. Тотъ на него теперь при всякой встрѣчѣ напускается, ни передъ кѣмъ не скрываетъ своей вражды къ нему. Зато съ отцомъ фаворита, Алексѣемъ Григорьевичемъ, большая теперь дружба у барона Остермана. Частенько сталъ заглядывать Андрей Ивановичъ въ палаты Долгорукихъ и всегда тамъ ему радушная встрѣча.

Государь по обычаю на охотѣ; съ нимъ и Иванъ Алексѣевичъ. Но князь Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ не поѣхалъ, понездоровилось ему что-то и остался дома. Сидитъ онъ у себя, въ окно смотритъ открытое, а передъ нимъ Андрей Ивановичъ, толкуютъ, и все о томъ же императорѣ и его фаворитѣ. Жалуется Алексѣй Григорьевичъ на сына.

— Какой онъ мнѣ сынъ!—говоритъ онъ барону.—Онъ моей погибели только хочетъ.

— Ну, ужъ и погибели! Больно ты, князь Алексѣй, на слова невоздержанъ. Какъ можетъ этакое статься? Не погибели твоей

хочетъ, а просто удержу себѣ не знаетъ и ничего съ нимъ сдѣлать невозможно.

— Да, это точно... совсѣмъ отъ рукъ отбился: избаловали его. Вѣдь, вонъ намедни простудился это онъ на охотѣ, разболѣлся, говоритъ; да какое тамъ разболѣлся, просто привередничаетъ, а, вѣдь, государь-то пріѣхалъ, ни на минуту не выходилъ отъ него, такъ и спалъ въ его комнатѣ; вотъ какая у нихъ нынче дружба! Право, сижу это я теперь не при государѣ вотъ, и страхъ беретъ меня, того и жду, что по милости сынка попаду въ немилость...

— Пустое!—опять замѣчаетъ Остерманъ, а самъ думаетъ:— «вотъ глупый человѣкъ, даже сыну завидуетъ!»

А князь Алексѣй Григорьевичъ какъ будто бы отвѣчаетъ на его мысль.

— Право, другъ Андрей Иванычъ, такъ теперь помышляю: хоть бы за что, про что, а возненавидѣлъ бы его государь, удалилъ бы отъ себя, другого кого бы на его мѣсто въ друзья выбралъ, только кто бы тебѣ былъ угоденъ да друженъ съ тобою.

Андрей Ивановичъ благодаритъ князя за такую любовь къ себѣ и собирается прощаться,не втерпежъ ему эти глупыя рѣчи, любитъ онъ съ умными людьми вести компанію, а нѣтъ такихъ, такъ ужъ лучше потолковать самому съ собою... Да и не очень ужъ нуженъ ему теперь Алексѣй Григорьевичъ,—сразу сумѣлъ хитрый нѣмецъ забрать его въ руки; теперь онъ ему милѣе сына родного сдѣлался, не уйдетъ ужъ отъ него; во всякую минуту однимъ словомъ его вернуть къ себѣ возможно. И уходитъ Андрей Ивановичъ. Князь остается со своими тревогами и мыслями о томъ, что, вотъ-вотъ, родной сынъ наговоритъ царю на отца. А сынъ ни о чемъ дурномъ не думаетъ, противъ отца не злобствуетъ: ему бы самому хорошо было, а другимъ онъ мѣшать не станетъ. Иное дѣло баронъ Остерманъ: претитъ ему Андрей Иванычъ, не выноситъ онъ глазъ его хитрыхъ, его мягкихъ кошачьихъ ухватокъ, фальшивый въ немъ человѣкъ ему чудится, а князь Иванъ любитъ русскихъ людей, чтобъ весь былъ на распашку, нѣмцевъ недолюбливаетъ, ему бы хотѣлось совсѣмъ уволить нѣмцевъ, чтобъ не лезли со своими совѣтами, не мѣшались въ дѣла русскія. Хотѣлось бы ему вернуть старую Русь, позабыть совсѣмъ о Петербургѣ, зажить въ Москвѣ широко и весело: пировать да веселиться, о завтрашнемъ днѣ не думать. Искренно онъ любитъ своего государя и друга, а если дурному его учитъ, такъ самъ хорошенько не знаетъ, дурное это или хорошее.

Безпутный человѣкъ Иванъ Алексѣевичъ, а все же душа у него широкая, добрая душа, только дѣйствительно никакого

удержу себѣ не знаетъ. Вотъ онъ вернулся съ охоты, домой пріѣхалъ. Отецъ тотчасъ же на него накинулся: — «Что такъ долго пропадалъ? Ты, молъ, всему причиной. Чай, ни вѣсть, что нажужжалъ въ уши государю, на всѣхъ наговорилъ, только бы тебѣ одному милости, душа твоя ненасытная!».

Пожимаетъ на эти непутныя рѣчи плечами Иванъ Алексѣевичъ. Онъ уже привыкъ къ отцу и не принимаетъ въ серьезное его брань и попреки.

— Да перестань, батюшка,—тоскливо говоритъ онъ:—что я тебѣ дѣлаю, оставь ты меня въ покоѣ!.. или безъ меня наговорился со своимъ Остерманомъ?.. чай, по косточкамъ перебирали меня, ну и удовольствуйся, обнимайся ты съ нѣмецкой клеатурой, а меня не трогай.

— Ну что ты лаешься! — кричитъ на него отецъ:— какъ ты смѣешь такого почтеннаго человѣка, какъ баронъ Андрей Иванычъ, обзывать клеатурой?..

— Давно-ли же ты самъ такъ называлъ его!—смѣется въ отвѣтъ Иванъ Алексѣевичъ.

Этотъ смѣхъ окончательно выводитъ изъ терпѣнія стараго князя; онъ накидывается на сына чуть не съ кулаками. А въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шопотъ.

«Тамъ сестры,—думаетъ Иванъ Алексѣевичъ. — То-то, чай, Катюша радуется, что отецъ на меня накинулся! ненавидитъ она меня, а за что ненавидитъ, ужъ право не знаю. Я вотъ хочу ее царицей сдѣлать, а она меня ненавидитъ; всѣ какимъ-то извергомъ меня считаютъ, человѣконенавистникомъ, за что жъ это, Господи, право ума не приложу!.. Одного желаю, чтобы меня оставили въ покоѣ, чтобы дали по душѣ повеселиться, не мѣшали бы моей жизни, такъ нѣтъ, не оставляютъ».

Отецъ между тѣмъ кричитъ все громче и громче, страшнѣе и страшнѣе его упреки, тоска забирается въ душу Ивана Алексѣевича. Бѣжалъ бы изъ дому, не глядѣлъ бы ни на кого.

— Батюшка, да пощади ты!—отчаяннымъ голосомъ наконецъ проговорилъ онъ:—право послушать тебя, хуже я звѣря лютаго.

— А ты какъ о себѣ думаешь?—кричитъ Алексѣй Григорьевичъ.—Что-жъ ты полагаешь, никто изъ насъ твоихъ продѣлокъ не видитъ, ты полагаешь, мы не знаемъ, что отъ всѣхъ отвращаешь ты государя.

— О, Господи, да когда же? Кто можетъ сказать это, и кто отъ меня видѣлъ что дурное?

— Ты вонъ козни свои строишь теперь барону Андрею Иванычу, а того не сообразишь, что умнѣе и полезнѣе этого человѣка найти невозможно. Глупъ ты, Иванъ, вотъ что, да и золъ къ тому же!

Бѣдный князь Иванъ совсѣмъ въ отчаяніи, ему давно уже надоѣли всѣ эти домашнія сцены, всѣ эти интриги; даже въ разгулѣ съ нѣкотораго времени не находитъ онъ прежняго веселья.

«Эхъ, бросить бы все, уйти бы!» — думается ему.

— Да коли такъ, — почти со слезами отвѣчаетъ онъ отцу: — коли вы точно всѣ обо мнѣ такъ думаете, такъ идите къ царю, обнесите меня какъ-нибудь, чтобъ онъ пересталъ любить меня, чтобъ онъ удалилъ меня отъ себя. Создателемъ клянусь, слова не скажу! Радъ буду бросить все, только чтобъ меня въ покоѣ оставили, только чтобъ не слыхать этихъ вѣчныхъ попрековъ, этихъ обидъ отъ родныхъ своихъ. Оставлю васъ всѣхъ, уйду, если мнѣ мѣста мало между вами!..

Онъ едва можетъ говорить отъ волненія и отчаянія и выбѣгаетъ въ сосѣднюю комнату. Увидѣвъ его, княжна Екатерина отворачивается и выходитъ въ другія двери, даже и встрѣтиться съ нимъ не хочетъ.

Но въ комнатѣ еще кто-то, какая-то женщина. Она подходитъ къ князю Ивану и протягиваетъ ему руку. Она глядитъ ему въ глаза, глядитъ на лицо его блѣдное и читаетъ въ нихъ усталость, тоску и отчаяніе.

— Успокойся, князь, — говоритъ она тихимъ голосомъ: — я все слышала, я понимаю, какъ все это должно тебя мучить и тебя теперь понимать начинаю; вѣрю я, что ты говоришь искренно и что ты совсѣмъ не таковъ, какимъ они тебя изображаютъ.

Странно и отрадно слышать слова эти Ивану Алексѣевичу. Онъ жадно вслушивается въ тихій, ласкающій голосъ, говорящій ему, жадно всматривается въ чудное лицо, которое передъ его глазами. Мгновенно стихаетъ тоска его, онъ схватываетъ протянутую ему руку и прижимаетъ ее къ губамъ своимъ:

— Голубушка, Наталья Борисовна! — шепчетъ онъ: — спасибо тебѣ, что хоть ты за меня заступаешься, спасибо за слова твои добрыя, ими душа моя лѣчится...

Молодая графиня Шереметева опускаетъ глаза, на которыхъ блестятъ невольныя слезы. Хотя и спѣшитъ она прочь отъ князя Ивана, но съ нимъ остаются ея думы. А онъ, по ея уходѣ долго стоитъ неподвижно и самъ не знаетъ, что съ нимъ такое. Никогда не встрѣчалъ онъ подобной дѣвушки, никогда не слыхалъ подобнаго голоса. Что это заголосъ! — ровно пѣсня соловьиная, что это за рѣчи такіе! прямо до глубины души проникаютъ, и не томятъ, не больно отъ нихъ, а словно масло благоуханное по душѣ отъ нихъ разливается и смягчаетъ всѣ сердечныя боли. Чудная дѣвушка!.. И вспоминаются князю Ивану другія, быть можетъ. не менѣе красивыя дѣвушки, вспоминаются князю Ивану всякія его похожденія любовныя, много ихъ у него было, а не-

други и невѣсть что про него разсказываютъ. Охъ правы, правы эти недруги, совсѣмъ не знаетъ удержу своему сердцу князь Иванъ Алексѣевичъ!.. Многихъ дѣвичьихъ слезъ онъ причиной, много грѣха принялъ на свою душу, надъ многими насмѣялся. Но не до смѣху ему, какъ подумаетъ онъ о Натальѣ Борисовнѣ, совсѣмъ на умѣ другое—святою какою-то она ему кажется.

VI.

Не спится графинѣ Натальѣ Борисовнѣ въ тишинѣ стараго отцовскаго дома. Еще недавно спокойно и ровно текла ея жизнь; не задавала себѣ трудныхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ молодая графиня, а вотъ съ нѣкотораго времени стало совсѣмъ другое. сама не знаетъ она какъ это случилось, а только нѣтъ ужъ прежняго спокойствія, тревожно у ней на сердцѣ. Все думаетъ она, думаетъ какъ ей быть и что теперь дѣлать, больно полюбился ей князь Иванъ Долгорукій. Многихъ молодыхъ людей видала графиня, много жениховъ за нее сваталось, но ни одинъ до сихъ поръ не сумѣлъ плѣнить ее, а вотъ князь Иванъ и не сватался, о сватовствѣ можетъ и не думаетъ, а взялъ да и вынулъ ея душу. И что въ немъ хорошаго нашла графиня? Что друженъ онъ съ императоромъ, что въ почетѣ великомъ, такъ, вѣдь, это не можетъ привлекать ее. Ея отецъ всю жизнь былъ въ почетѣ, и ее съ дѣтства при дворѣ ласкаютъ, а богатство у Шереметевыхъ столько, что и не сосчитать его, самою богатою невѣстою слыветъ Наталья Борисовна. Чѣмъ же полонилъ ее князь Иванъ, красотою что ли? Но онъ далеко не красавецъ. Правомъ своимъ, добротою сердца, благороднымъ характеромъ? Но совсѣмъ мало знаетъ его графиня, а слышитъ о немъ только одно дурное. Страшно даже припомнить все, что разсказываютъ про князя Ивана, такое разсказываютъ, что дѣвушкѣ зазорно и слушать, такое, чего при дѣвушкѣ и сказать невозможно. И знаетъ Наталья Борисовна, что если не все въ этихъ разсказахъ, такъ все-же очень многое совсѣмъ вѣрно. Безпутную жизнь ведетъ князь Иванъ, забавы себѣ выдумываетъ все нехорошія, да и не разъ совсѣмъ почти пьянымъ видала его графиня.

Бѣжать-бы подальше дѣвушкѣ отъ такого человѣка, противнымъ долженъ онъ ей казаться, а вотъ любитъ его Наталья Борисовна и ничего съ собою подѣлать не можетъ. Пришла эта любовь внезапно, въ одинъ мигъ какой-нибудь, и знаетъ красавица, что не уйдетъ она, такъ на всю жизнь и останется, два раза любить невозможно. Да, точно, бѣда великая приключилась съ нею. Было ей изъ кого выбрать себѣ суженаго—первые же-

нихи земли русской смотрѣли на нее, какъ на желанную невѣсту, и ожидало бы ее тихое, семейное счастье, жизнь безъ борьбы и волненій, такъ нѣтъ-же, не то судьба ей приготовила и отъ судьбы теперь уйти уже невозможно! Любитъ она его себѣ на погибель, а все-же таки любитъ, и некому разсказать ей про любовь эту: всякій за нее бранить ее будетъ, скрывать ее должна она, а скрывать ужъ скоро не хватитъ силы. Только и жива Наталья Борисовна, какъ мелькомъ увидитъ князя Ивана, только и радость у ней одна—скажетъ онъ ей ласковое слово.

А видѣть его рѣдко приходится; вотъ до сихъ поръ онъ вниманія никакого не обращалъ на нее, у него что ни день, говорятъ, то любовь новая, а жениться, сказываютъ, напримѣтилъ онъ ужъ себѣ невѣсту—цесаревну Елизавету. Что-жъ это такое? Чѣмъ все это кончится? Только нѣтъ, нѣтъ, клевещутъ на него люди, не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ про него сказываютъ. Вотъ, вѣдь, сегодня, вотъ онъ былъ самъ собою! Она никогда не забудетъ его отчаяннаго голоса, никогда не забудетъ словъ его, а какое лицо у него было печальное, какъ онъ благодарилъ ее за участіе! Да, и онъ одинъ на всемъ свѣтѣ, и его никто не понимаетъ; все дурное, что есть въ немъ, такъ это наносное, придетъ другая жизнь, все съ него спадетъ, и слѣда не останется. Останется въ немъ только душа добрая, честная, и какъ ни великъ онъ теперь, какъ ни сіяетъ онъ, а все-же онъ жалкій и несчастливый человѣкъ. Враговъ у него видимо-невидимо, и нѣтъ ни одного истиннаго друга. Что императоръ! императоръ такъ молодъ, ну, теперь любитъ жалуетъ, а мало ли что быть можетъ? Только, вѣдь, однимъ государемъ онъ и держится, а отвернись отъ него Петръ, и всѣ отступятся; мало того что отступятся чужіе—родные, кровные накинутся; погубятъ его, уничтожатъ...

Нѣтъ, видно такъ оно надо, чтобъ полюбила его Наталья Борисовна, чтобъ положила въ него всю свою душу. Когда нибудь можетъ быть несчастный и ненавидимый всѣми, придетъ онъ къ ней и тогда она ему покажетъ всю силу любви своей, спасетъ его отъ погибели, отъ отчаянія. А покуда, покуда пусть никто не знаетъ, что творится въ ея сердцѣ, напрасно и ему то шепнула она сегодня ласковое слово, не стерпѣла, впередъ нужно быть осторожнѣе! Но, Боже, еслибъ теперь какъ-нибудь, чѣмъ нибудь можно было бы его удержать отъ всего, чѣмъ онъ позоритъ свою душу!.. только развѣ есть у ней для этого сила, что она ему? Чай съ глазъ она—ни разу не вспомнитъ про нее князь Иванъ Алексѣевичъ!..

Утомленная такими тревожными, тяжелыми мыслями, заснула наконецъ молодая графиня. А на другой день съ нею случилось

то, чего она никакъ не ожидала. На всю жизнь сохранился этотъ день въ ея памяти. Пріѣхалъ къ нимъ князь Иванъ Долгорукій, а дома никого не было, одна молодая графиня. Такъ ему и доложили слуги. Слѣдовало ему уѣхать, но онъ непремѣнно желалъ видѣть Наталью Борисовну. «Да развѣ это возможно?!—подумала она:—что говорить будутъ!» Но вдругъ какая-то рѣшимость овладѣла ею и она допустила къ себѣ князя.

— Вотъ спасибо большое тебѣ, графинюшка,—сказалъ онъ, входя къ ней:—такъ я и ждалъ, что велишь гнать меня. А, вѣдь, все же напрасно ты это сдѣлала, напрасно меня впустила, вѣдь, отъ меня, какъ отъ чумы, тебѣ нужно бѣгать; тебѣ и говорить то со мною должно быть зазорно!.. Ужели взаправду не боишься ты принимать у себя Ивана Долгорукаго?

Она подняла на него свои большіе глаза, она увидѣла его грустное лицо, и больно сжалось ея сердце.

— Чего-жъ мнѣ тебя бояться?!—тихо сказала она.—Пусть другіе боятся, а я не боюся, я тебѣ вѣрю. Я знаю, слышишь ли, знаю, что ты меня ничѣмъ не обидишь.

На грустномъ лицѣ князя мелькнула свѣтлая улыбка.

— Второй разъ спасибо!—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Эти твои слова я никогда не забуду.

Онъ сѣлъ рядомъ съ графиней.

«Вотъ онъ,—думала она,—давно ожидаемый случай, вотъ когда многое сказать можно, но хватитъ ли силы, какъ начать-то?..»

И она молчала въ смущеніи.

— А, вѣдь, я затѣмъ и ѣхалъ, графиня, чтобъ только взглянуть на тебя и поговорить съ тобою, отдохнуть немного. Никто до сихъ поръ не былъ со мною такъ ласковъ какъ ты, никто не показалъ мнѣ такого участія, не знаю чѣмъ заслужилъ я это, но мнѣ такъ дорого твое участіе, такъ дорого, какъ голодному нищему кусокъ хлѣба!

— Странно мнѣ все это слышать,—отвѣчала Наталья Борисовна:—ты ли говоришь это? Что дома то бранятъ тебя, такъ въ какомъ дому разныхъ ссоръ не бываетъ, а кажись не тебѣ на свою жизнь пенять: живешь ты во все удовольствіе, только и знаешь, что веселишься, забавы себѣ разныя устраиваешь.

— И ты тоже!—махнулъ рукой князь Иванъ.—Да пойми ты, Наталья Борисовна, что нѣтъ мнѣ веселья въ этихъ забавахъ, надоѣли онѣ мнѣ, давно надоѣли: одно и тоже, ничего новаго не придумаешь, одно и тоже, а человѣку мало этого, да и противно къ тому же... все опротивѣло, тошна мнѣ жизнь моя... Иной разъ и страшно за себя становится, за свою душу, многимъ я грѣшенъ. Наталья Борисовна, развѣ не вижу, развѣ не

понимаю, что такъ жить невозможно! Вотъ въ послѣднее время и государь на меня сердится, что отставать начинаю отъ него, рѣдко на охоты съ нимъ выѣзжаю: «Тебѣ, говоритъ, со мною скучно; сказываютъ, ты безъ меня себѣ новыя веселья находишь». А клянусь тебѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ, Наталья Борисовна, не нахожу я себѣ новыхъ веселій! Пусть говорятъ обо мнѣ что хотятъ, мнѣ все равно, только совсѣмъ не для затѣй разныхъ остаюсь я, не ѣзжу я съ государемъ, потому не ѣзжу, что тошно мнѣ глядѣть теперь на то, что тамъ творится. Понялъ я наконецъ какой страшный грѣхъ взяли мы всѣ на свою душу, полонили императора, пріучили его ко всему недоброму. Эхъ, кабы знала ты, что тамъ теперь дѣлается, да нѣтъ, тебѣ нельзя и знать этого! Отецъ, скажу тебѣ, вчера на меня накинулся, все боятся, что я отъ нихъ государя отлучаю, да гдѣ-жъ мнѣ, еслибъ и хотѣлъ, они тамъ теперь сильнѣе меня становятся. Мнѣ тошно глядѣть на дѣла ихъ, за это они и сердятся. Право, иной разъ какъ думать начинаю что нельзя такъ жизни продолжаться, такъ въ ту пору хотѣлъ бы наложить на себя руки!

— Что ты, что ты,—быстро перебила его графиня: побойся Бога, что ты говоришь! Я такъ радостно слушала тебя, а ты вдругъ такимъ непутнымъ кончилъ...

— Эхъ, Наталья Борисовна, вѣдь, всего не выскажешь, а кабы знала ты, что со мной иной разъ дѣется, такъ не изумилась бы моимъ чернымъ мыслямъ. Вѣрно, истину говорю, что позорная жизнь эта мнѣ опротивѣла, а другое... ты не знаешь, не знаешь какъ мало у меня силы, воли надъ собою. Я понимаю дурное, хочу бѣжать отъ него, а не бѣгу, въ старыхъ грѣхахъ своихъ погрязаю, и некому спасти меня.

Онъ печально замолчалъ и опустилъ голову.

Наталья Борисовна съ восторгомъ его слушала. То, что еще вчера ночью казалось ей невозможнымъ и далекимъ, то начинаетъ сбываться: онъ пришелъ къ ней измученный и несчастный, пришелъ и ждетъ отъ нея спасенья. Вотъ онъ поднялъ опять голову и глядитъ на нее, все глядитъ, не отрывается. Какая нѣжность въ его взглядѣ! Графинѣ и отрадно и страшно. Она не можетъ вынести, не можетъ смотрѣть на него, и смущенно, то краснѣя, то блѣднѣя, отъ него отворачивается.

— Зачѣмъ ты такъ на меня смотришь!—въ волненіи шепчетъ она:—мнѣ страшно отъ твоего взгляда, я не знаю что онъ значитъ...

— А!—поднялся князь Иванъ:—и ты меня испугалась, и тебѣ страшно!.. Что-жъ, уйди, уйди, не пристало тебѣ дольше быть со мною, непутный человѣкъ пришелъ въ твой домъ, уйди, тебѣ есть отчего меня бояться! Ну, гляжу я на тебя... и что-жъ, скажу

тебѣ, почему такъ гляжу—гляжу такъ потому, что полюбилъ я тебя, Наталья Борисовна!

Она вздрогнула. Она хотѣла убѣжать, но осталась неподвижною. Ея голова кружилась.

— Да, я полюбилъ тебя, я... и должна быть позорна для тебя любовь моя! Кому только ни говорилъ я о любви своей, кому только ни лгалъ я, и точно также смотрѣлъ на тѣхъ кому лгалъ, и мнѣ вѣрили. И я обманывалъ, и не стыдно мнѣ было отъ моихъ обмановъ, и не жалко мнѣ было слезъ дѣвичьихъ. Бѣги, бѣги, вѣдь, и тебя обману такъ, и надъ твоими слезами посмѣюсь я! Ну что же ты не бѣжишь, бѣги!..

Но она не шевелилась.

— Что ты говоришь, опомнись, князь,—шептала она:—развѣ можно говорить это? Неужели и впрямь ты пришелъ надо мною издѣваться и обижать меня, не могу этому вѣрить!

— Нѣтъ, я не издѣваться пришелъ надъ тобой,—снова заговорилъ онъ:—я самъ не знаю, что со мною... Я не лгу, что полюбилъ тебя, я всю ночь глазъ не смыкалъ, о тебѣ думалъ послѣ твоихъ словъ вчерашнихъ и теперь мнѣ кажется, что еслибъ раньше запримѣтилъ я тебя, еслибъ раньше услышалъ твой голосъ, такъ многаго бы не было. Мнѣ, кажется, что въ тебѣ одной мое спасенье, и вотъ я пришелъ къ тебѣ, какъ безумный, разсказать все это и молить тебя отъ меня не отворачиваться. Полюби меня, Наталья Борисовна, и спаси меня!..

Наталья встала передъ нимъ и взглянула ему прямо въ глаза. Лицо ея было блѣдно, но серьезно и спокойно.

— Князь Иванъ,—сказала она ровнымъ голосомъ:—мнѣ не слѣдъ тебя слушать, а я слушаю; мнѣ не слѣдъ тебѣ вѣрить, а я вѣрю. Еслибъ точно могла спасти я тебя, я спасла бы, но ты долженъ мнѣ доказать, что нуждаешься въ моей помощи и что я могу спасти тебя. Если точно я что нибудь для тебя значу, если точно ты обо мнѣ думаешь и не смотришь на меня такъ, какъ смотрѣлъ до сихъ поръ на всѣхъ, такъ ты долженъ найти дорогу къ моему сердцу. Обмануть меня не трудно; у меня одна только ограда отъ твоего обмана, мое къ тебѣ довѣріе... слышишь ли ты?.. я тебѣ вѣрю!..

Князь Иванъ хотѣлъ броситься къ ней, хотѣлъ взять ее за руку, но она не дала руки и отъ него отступила.

— Оставь, не трогай меня, князь!—сказала она:—пойди къ себѣ, успокойся. Если знаешь грѣхи за собою, если противна тебѣ та жизнь, которую велъ ты до сихъ поръ, такъ найди въ себѣ силу отказаться отъ этой жизни, найди въ себѣ силу уйти отъ грѣховъ своихъ. Знай, что каждый день, когда ты сумѣешь побороть себя, будетъ для меня днемъ счастливымъ, и когда на-

копится нѣсколько такихъ дней, тогда приходи ко мнѣ новымъ человѣкомъ и разскажи мнѣ всю твою душу, и я буду помогать тебѣ, и буду за тебя радоваться. Такимъ, какимъ былъ ты до сихъ поръ, я не могу, не должна, не смѣю любить тебя; если же ты сумѣешь быть другимъ, сумѣешь очиститься, тогда я буду любить тебя... а теперь оставь меня, прощай...

Князь Иванъ не нашелъ ничего сказать ей. Онъ видѣлъ, что она въ рукахъ его, онъ видѣлъ, что она ужъ его любитъ, но онъ не хотѣлъ пользоваться своею властью надъ нею. Онъ взглянулъ на нее съ восторгомъ и, даже не осмѣлившись протянуть ей руку, простился и вышелъ изъ Шереметевскаго дома.

VII.

Баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ занималъ небольшой домъ, недалеко отъ дворца. У него здѣсь все было такъ же просто, какъ и въ Петербургѣ: онъ все еще считалъ себя на бивуакѣ, все еще надѣялся на скорый переѣздъ въ Петербургъ. Но теперь съ каждымъ днемъ все слабѣла и слабѣла эта надежда, каждый разъ, возвращаясь изъ дворца, онъ велъ долгія бесѣды съ женой, и грустны бывали эти бесѣды. Положеніе барона было все такъ-же тяжело: онъ видѣлъ что его вліяніе на бывшаго воспитанника, котораго номинально онъ и теперь считался еще воспитателемъ, окончательно ослабѣло: Петръ совсѣмъ выбился изъ рукъ.—Въ немъ вдругъ произошла быстрая перемѣна къ худшему. Еще недавно, несмотря на лѣнь и страсть ко всевозможнымъ забавамъ, Андрей Ивановичъ часто подмѣчалъ въ немъ любознательность, радовался его прекраснымъ способностямъ, его живому уму, но теперь, подъ вліяніемъ той безсовѣстной компаніи, въ которую попалъ юноша, его горизонтъ сузился. Онъ пересталъ интересоваться тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему интересоваться, помышлялъ только о весельѣ, объ охотѣ, о разнаго рода непозволительныхъ шалостяхъ; сталъ очень любить нескромные разговоры, къ которымъ пріучали его окружавшіе и въ особенности старикъ Алексѣй Долгорукій. Ну, а Андрей Иванычъ не любилъ и не умѣлъ вести нескромныхъ разговоровъ, да и во всякомъ случаѣ ни за что въ мірѣ не позволилъ бы себѣ онъ ихъ при воспитанникѣ; не умѣлъ онъ также говорить и о собакахъ, не смыслилъ въ охотѣ: такимъ образомъ, что-жъ ему оставалось, чѣмъ могъ быть онъ пріятенъ императору?!..

Ненависть къ нему со всѣхъ сторонъ; съ фаворитомъ вѣчныя ссоры. Конечно, онъ все-таки же всѣмъ нуженъ, не могутъ безъ него обойтись, но что-жъ изъ этого? Онъ силенъ един-

ственно разрозненностью своихъ враговъ, а соберись они въ крѣпкую партію,—и ему не удержаться. Съ другой стороны тоже виситъ зло страшное надъ головою: совсѣмъ готовятъ погибель для Россіи враги петровскихъ порядковъ. Очевиднымъ становится, что и помышлять нечего о переѣздѣ двора въ Петербургъ. А если совсѣмъ въ Москвѣ останутся, такъ сущая приходитъ погибель: кажется никогда еще не было такого безначалія какъ теперь, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и окажутся послѣдствія. Вѣдь, подумать страшно, что теперь творится. Никто, какъ есть никто о завтрашнемъ днѣ не думаетъ, заняты только всѣ интригами, безмысленными интригами, не къ чему не ведущими, только чтобы грызться другъ съ другомъ. Всѣ рады, что хорошо и весело живется. Но онъ, баронъ Андрей Ивановичъ, смотритъ дальше, видитъ глубже, видитъ онъ тяжелыя и неотвратимыя вещи. Недолго все это будетъ такъ продолжаться: такая жизнь, какую ведетъ императоръ, скоро, очень скоро, разрушитъ его крѣпкое здоровье, уложитъ его въ могилу: нельзя такъ насиловать природу, никакихъ силъ не хватитъ. Баронъ Андрей Ивановичъ грустно вздыхаетъ, ему вспоминается блѣдное, больное лицо великой княжны Натальи, которая еще вчера жаловалась ему очень на боль въ груди. Онъ давно уже замѣчаетъ, что больна она не на шутку, никакія лѣкарства ей не помогаютъ. Грустно, грустно это, а скоро умретъ царевна. Съ нею вмѣстѣ умретъ и послѣднее доброе вліяніе на юнаго императора: все же теперь, когда онъ ужъ черезчуръ завеселится, она еще можетъ на нѣсколько дней удержать его, все же она направляетъ по временамъ его сердце, избавляетъ его отъ поступковъ несправедливыхъ, парализуетъ злое долгоруковское вліяніе. Пока она жива, Остерману нечего бояться немилости: кто другъ ей, тотъ другъ и императору, умретъ она—и все перемѣнится.

Еще вчера она обѣщала уговорить брата переѣхать въ Петербургъ, и въ этомъ послѣдняя надежда; умретъ царевна, тогда кончено, совсѣмъ забудутъ о Петербургѣ.

Чѣмъ больше думаетъ Андрей Ивановичъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе для него становится, что недолго послѣ нея проживетъ императоръ—совсѣмъ завертятъ его, надорвутъ его силы, уложатъ въ могилу. И кто знаетъ, можетъ все это случится даже очень скоро... чтожъ тогда будетъ? Если никто объ этомъ не думаетъ, такъ онъ, Андрей Ивановичъ, подумать долженъ, чтобы такія событія врасплохъ не застали. На комъ же остановиться? Старая царица Евдокія Ѳедоровна пожалуй возвыситъ голосъ, но, вѣдь, это невозможно—она сама въ гробъ смотритъ, къ тому же съ нею та же Москва, та же погибель. Цесаревна Елизавета?

Съ нею можетъ быть меньше погибели для Россіи, но навѣрное погибель ему, Остерману,—не взлюбила его въ послѣднее время цесаревна, лады ихъ давно кончились; она его своимъ врагомъ считаетъ. Нѣтъ, если сберечь себя онъ хочетъ, такъ долженъ всѣми силами отстранять цесаревну. И онъ все думаетъ и передумываетъ, да такъ ушелъ въ свои мысли, что не слышитъ вопросовъ жены, ничего ей не отвѣчаетъ. Вотъ онъ всталъ, пошелъ въ свою спальню, снялъ съ себя старый, любимый шлафрокъ и одѣлся.

— Куда ты?—спрашиваетъ Марфа Ивановна.

— Къ одной персонѣ,—таинственно отвѣчаетъ Андрей Ивановичъ и уходитъ изъ дому. Онъ идетъ во дворецъ, идетъ задними ходами въ уединенную, дальнюю часть дворцоваго помѣщенія, гдѣ отведено нѣсколько комнатъ для герцогини курляндской, Анны Ивановны.

Анна Ивановна у себя: она рѣдко куда выѣзжаетъ, рѣдко показывается у цесаревны Елизаветы и великой княжны Натальи, въ царскихъ охотахъ тоже не принимаетъ участія. Никому не доставляетъ особеннаго удовольствія ея компанія, а между тѣмъ съ своей стороны она употребляетъ всѣ силы, чтобы нравиться, чтобы заслужить расположеніе. Глазъ не спускаетъ съ императора и царевенъ, не знаетъ чѣмъ и угодить имъ—и всетаки не обращаютъ на нее вниманія. Съ какимъ-бы удовольствіемъ уѣхала она въ свою Митаву, но Биронъ говоритъ, что еще подождать нужно, еще не всѣ дѣла сдѣланы, а безъ рѣшенія дѣлъ ѣхать не стоитъ,—не даромъ-же пріѣзжала...

Герцогиня очень изумилась и обрадовалась приходу Остермана: ее и придворные не баловали своимъ вниманіемъ.

— Какъ это ты обо мнѣ вспомнилъ, Андрей Иванычъ?—сказала она, протягивая ему руку.

— Что это вы, ваше высочество: «какъ вспомнилъ»... да я непрестанно васъ въ мысляхъ своихъ имѣю; вотъ пришелъ узнать не прикажите-ли чего—такъ я все для васъ устрою...

— Чего-жъ мнѣ... всѣмъ я довольна, ничего мнѣ не надо,—заторопилась Анна Ивановна.—Что государь, какъ онъ въ своемъ здоровьи?

— Какое, я думаю, здоровье!—отвѣчалъ Остерманъ:—совсѣмъ не берегутъ его, а самъ о себѣ, конечно, онъ и не думаетъ.

— Ахъ, какъ, вѣдь, это плохо,—печально качала головой герцогиня:—я такъ всѣмъ сердцемъ люблю его величество и такъ мнѣ жалко слышать, что онъ не бережетъ себя... Да и ея высочество великая княжна все такъ нездорова, ахъ какъ это жалко!

— Зато цесаревна хорошо себя чувствуетъ, еще пополнѣла,—проговорилъ Остерманъ, пристально глядя на герцогиню.

— Ахъ да, да, какая она красавица, цесаревна!

И герцогиня тоже стала пристально глядѣть въ глаза Андрею Ивановичу, пытаясь прочесть въ нихъ, почему это онъ заговорилъ о цесаревнѣ и такимъ тономъ. Она такъ боялась попасть въ какой-нибудь просакъ, сказать что-нибудь лишнее, какимъ-нибудь словомъ повредить себѣ! И какъ нарочно съ ней не было ея друга Бирона, который всегда умѣлъ вывести ее изъ затрудненія, что нибудь сказать за нее или незамѣтнымъ образомъ навести ее на отвѣтъ подходящій.

— Ахъ да, Андрей Иванычъ,—вспомнила Анна Ивановна:— прошу васъ, передайте великой княжнѣ, что я ужъ писала въ Митаву насчетъ собакъ, о которыхъ она мнѣ говорила. Можетъ и безъ меня найдутъ ихъ для его величества, а то какъ я пріѣду, такъ сейчасъ все сдѣлаю, чтобы исполнить ихъ желанье, сама искать буду. Пожалуйста-же передайте, Андрей Иванычъ, что я только и думаю о томъ, не могу-ли чѣмъ нибудь быть полезной его величеству и ея высочеству, пожайлуста передайте!

— Да, вѣдь, вы сами, герцогиня, увидитесь съ ними раньше моего, пожалуй.

—Да, да, конечно, но все же хорошо будетъ, если и вы имъ объ этомъ скажете, прошу я васъ,—продолжала она, заглядывая въ глаза Остерману и смущаясь:—ужъ прошу я васъ, добрый Андрей Иванычъ, какъ уѣду, не забудьте обо мнѣ, будьте ко мнѣ милостивы и иной разъ напомните обо мнѣ, скажите за меня доброе слово, а ужъ я, я чѣмъ только могу—да вотъ могу-то я мало,—чѣмъ могу, услужу вамъ за это...

— Ахъ Богъ съ вами, полноте, герцогиня, что это вы, неужели думаете, что меня еще просить нужно. Пожалуйста положитесь на меня, я всегда почту себя счастливымъ, если смогу что нибудь сдѣлать вамъ угодное.

— Не знаю какъ и благодарить васъ!—даже покраснѣла Анна Ивановна:—вы такой добрый человѣкъ.

Въ это время вошелъ Биронъ. Онъ почтительно поклонился Остерману, а тотъ всталъ и дружески протянулъ ему руку.

— Вотъ баронъ Андрей Иванычъ такъ добръ,—обратилась Анна Ивановна къ Бирону:—что не забываетъ, меня навѣщаетъ.

— И я надѣюсь,—проговорилъ Биронъ:—что мы, уѣзжая, оставимъ здѣсь надежнаго друга,—вѣдь, вы позволите, баронъ, такъ назвать себя?!

— Конечно,—сказалъ Остерманъ: —я сейчасъ уже имѣлъ честь доложить герцогинѣ, что все сдѣлаю на ея пользу, что въ моихъ слабыхъ силахъ. Такъ не изволите мнѣ дать никакихъ приказаній, ваше высочество?

— Что-жъ, теперь никакихъ, только не забудьте про собакъ, что я вамъ говорила...

— Какъ можно забыть, не забуду, при первомъ-же свиданьи непремѣнно скажу и царевнѣ, да и государю.

Андрей Ивановичъ почтительно откланялся герцогинѣ, опять пожалъ руку Бирону съ самой добродушной, милой улыбкой, и вышелъ.

По его уходѣ Анна Ивановна подробно, не пропуская ни одного слова, передала Бирону весь свой разговоръ и стала его спрашивать что-бы значилъ намекъ Остермана на принцессу Елизавету.

— Что нибудь да значитъ,—сказалъ Биронъ.—Остерманъ хитеръ, онъ даромъ не скажетъ ни одного слова, да и вообще мы можемъ теперь успокоиться, значитъ дѣла наши не совсѣмъ дурны, если Остерманъ васъ навѣщаетъ. Откуда же бы это взялась такая къ намъ дружба?

— Ну, а что ты? Что новаго?

— Я теперь отъ князя Ивана Алексѣевича, тоже и съ нимъ поладилъ, ласковъ онъ былъ со мною, милостивъ, и ему я обѣщалъ найти у насъ въ Курляндіи хорошую охотничью собачку, такъ онъ за это даже поцѣловалъ меня. Какъ только пріѣдемъ домой, сейчасъ нужно собакъ искать,—много эти собачки намъ помогутъ.

— Ну, и слава Богу!—даже перекрестилась герцогиня...

VIII.

Свѣтлые майскіе дни стоятъ надъ Москвою. Благоуханная тишина въ тепломъ воздухѣ. По Москвѣ рѣкѣ ходятъ лодки и гребцы не знаютъ иной разъ, что имъ и дѣлать, такъ обмелѣла Москва-рѣка. Облитый вечернимъ солнцемъ, стоитъ монастырь Новодѣвичій. Напротивъ его, по ту сторону рѣки, тянутся Воробьевы горы, покрытыя густымъ, зеленымъ лѣсомъ. Съ вышины этихъ горъ во всѣ стороны чудные виды открываются и весь городъ Москва, какъ на ладони: всѣ сорокъ сороковъ церквей ея видны, отъ солнца какъ огни горятъ ихъ золоченые куполы. Длиннѣютъ вечернія тѣни и все тише и тише становится, только гдѣ нибудь на берегу промычитъ корова, да раздадутся тонкіе, жалобные звуки рожка пастушьяго.. Часы на монастырской колокольнѣ все бьютъ минуты за минутами и съ тоскою великою, съ томленьемъ и скукой прислушивается къ ихъ бою царица Евдокія Өедоровна.

Все въ той же она тихой и спокойной спальнѣ, только окно отворено, а подъ окномъ цвѣтетъ кустъ сирени. Длинные, однообразные дни тянутся для царицы, чего бы ей, кажется?—жизнь спокойная, беззаботная, всего у ней вдоволь и людей много, что по первому ея знаку готовы исполнять всѣ ея приказанія, и столъ обильный, и всякаго продовольствія сколько душа пожелаетъ. Въ церковь войдетъ — всѣ ей низко кланяются, священникъ всенародно возглашаетъ ее великой государыней, отвсюду ей почтеніе,— чего-жъ она такъ печальна, чего сидитъ часто подъ открытымъ окошкомъ, смотритъ на дворъ монастырскій и тихонько плачутъ ея глаза старые, съ безнадежнымъ отчаяніемъ шепчутъ жалобы ея блѣдныя губы? Чего ждала она, на что надѣялась,—то не сбылось; чего боялась,—то исполнилось. Только соблюли приличіе, назначили ей содержаніе богатое внучата, а ее позабыли, и за что это? Всего раза три и видѣла она внука. Чѣмъ досадить ему она успѣла? совѣтовала ему поберечь свое здоровье, да жизнь вести разумную, это видно не понравилось? Ну а сестрица его, внучка Наташенька, она-то чего отвернулась отъ бабушки? Да что и думать объ этомъ: отчего, да почему? отчего бы тамъ ни было, а отвернулись отъ нея внучата, и сами къ ней не заглядываютъ, и ее къ себѣ не зовутъ. Все ждала, все надѣялась старушка, что это перемѣнится, да не дождалась. Вотъ и теперь: неможется ей,— послала она записочку императору, пишетъ, что больна и проситъ навѣстить ее, ну и что-жъ? онъ на словахъ велѣлъ отвѣтить, что очень сожалѣетъ, что посылаетъ къ ней дохтура и приказываетъ постоянно извѣщать его объ ея здоровьи, а самъ къ ней быть не можетъ—очень занятъ. Занятіе его извѣстное, на охоту ѣдетъ, оттого и не могъ навѣстить старуху. Думала, хоть внучка пріѣдетъ, анъ и внучки все нѣту—говорятъ сама больна очень, правда-ли, нѣтъ-ли, какъ тутъ узнаешь! Прежде заѣзжалъ хоть нѣмецъ, баронъ Андрей Иванычъ, да и онъ ужъ пересталъ ѣздить... Никому не нужна царица, всѣ поняли, что нечего въ ней заискивать...

Сидитъ она у открытаго окошка и плачетъ; часто плачетъ теперь царица, безсиліе одолѣло ее, только и можетъ, что плакать. Ночь приходитъ. Ложится она въ постель, никакъ заснуть не можетъ, такъ всю ночь и ворочается съ боку на бокъ. Ужъ зазвонили къ заутренѣ; пойти хоть помолиться. Она кличетъ служанку, спѣшитъ одѣться и бредетъ въ церковь. Тамъ становится она на свое мѣсто и поднимаетъ заплаканные глаза къ образу Богородицы. Все такъ-же спокойно и милостиво глядитъ на нее ликъ Пречистой Дѣвы; онъ зоветъ ея душу къ покою и смиренію, но все еще не можетъ обрѣсти этого покоя и смиренія царица. Когда проходитъ тоска и слезы, тогда поднимаются

въ ней другія чувства: снова стучится старая жажда мести, но больше чѣмъ когда-либо, можетъ быть, связаны ея руки,—право, прежде лучше было, ну заточеніе, ну и знала что это значитъ, а теперь, вѣдь, окружили почетомъ и думаютъ, что все сдѣлали, что могутъ на этомъ успокоиться. Да, вѣдь, нѣтъ больше обиды, какую она терпитъ теперь отъ внучатъ своихъ, вѣдь, вотъ не захотѣли помѣстить ее во дворцѣ, все сдѣлали, только чтобъ подальше, чтобъ не видѣть ее, не слышать о ней. Значитъ противна она имъ, значитъ прямо показать ей хотятъ, *какою* ее считаютъ. Всю жизнь всѣ обижали, а эти обиды, подъ старость, ужъ не по силамъ царицѣ. «Что-жъ они, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ? чѣмъ я такъ провинилась передъ ними? Чѣмъ я ихъ опозорила? Лучше меня, что-ли, была ихъ другая бабушка?—той все прощалось; да и сами они какъ живутъ?!.» И недавнее чувство любви къ Петру и Натальѣ замѣняется въ ней почти ненавистью. «Смѣйтесь, смѣйтесь, издѣвайтесь, обижайте!—мысленно грозится она имъ:—погодите, все же я жива еще, еще не умираю, еще можетъ васъ переживу!.. Вонъ внучка, какъ цвѣтокъ вянетъ, къ землѣ клонится, грудь у ней болитъ, кашляетъ, умретъ того гляди... да и ты умрешь тоже скоро, государь мой внучекъ: не хватитъ тебя на эту жизнь разгульную, въ этакіе-то годы! Сами себя погубите: я бы васъ охраняла, я-бы не допустила, я-бы, какъ коршунъ надъ вами стояла, вашихъ враговъ отгоняла; не захотѣли, оплевали старуху, ну, и погибайте!.. Охъ, чуетъ мое сердце, чуетъ, что схороню я ихъ,—думаетъ, глядя на икону, и уже не видя ее, Евдокія Ѳедоровна:—и не пожалѣю! Къ чему жалѣть, развѣ они меня жалѣютъ? Развѣ кто-нибудь когда пожалѣлъ меня?.. Но потомъ... что потомъ, кто сядетъ на престолъ русскій? Неужели она, эта писаная краля, дочь моего мучителя? Нѣтъ, еще подожди ты! Если по немъ стала императрицей вторая жена его, жена при живой-то женѣ! да не своя, а нѣмка, такъ отчего жъ и мнѣ не быть императрицей? Я его законная наслѣдница, я первая вѣнчанная жена его, русская, православная, такъ неужели я уступлю мѣсто это Елизаветѣ? Всю жизнь всѣмъ уступала, пора образумиться хоть передъ смертью... Охъ, что я, о чемъ это я думаю, развѣ тому можно статься?!»

Но мысль ужъ пришла, послѣ первой безнадежности, послѣ долгой тоски и сознанія своего безсилія; мысль пришла дикая, но соблазнительная, и теперь ужъ не уйдетъ она. «Что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, можетъ оно статься, почему знать, можетъ быть все идетъ только къ этому, можетъ такъ самимъ Богомъ назначено?» И никакъ ужъ не въ силахъ отвязаться Евдокія Ѳедоровна отъ этой, внезапно всю ее охватившей, мысли. Она дрожитъ, глаза ея горятъ, ей становится душно, она начи-

наетъ чувствовать невѣдомое волненіе, ей начинаетъ казаться, что сейчасъ, сію минуту должно совершиться исполненіе ея замысловъ, что ужъ никого ихъ нѣтъ, что они умерли. Вотъ ей слышится подъ церковными сводами голосъ священника, онъ возглашаетъ: «Благовѣрную государыню нашу, царицу Евдокію Ѳедоровну». Да, она царица, вѣнчанная царица земли русской! Кругомъ нея, все это ея подданные: въ ея рукахъ и гнѣвъ и милость: всѣ ждутъ съ великимъ трепетомъ ея приказаній, ловятъ ея взгляды. Безумными глазами обводитъ она церковь, ей чудятся знакомыя лица, толпа придворныхъ... все смѣшалось: въ средѣ ихъ и живые и уже умершіе люди. Но ей теперь, кажется, что они еще живы, что они здѣсь, передъ ней... сейчасъ, сейчасъ совершиться должно исполненіе ея замысловъ, сейчасъ насладится ея сердце местью, старой, долгіе годы копившейся местью. Передъ ней онъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, онъ, вѣчный врагъ ея... какую казнь придумаетъ она ему? Нѣтъ, для него казни еще не придумано: колесовать его—мало! На колъ посадить—мало!.. подождетъ она, придумаетъ... За нимъ стоятъ другіе!.. Вотъ они падаютъ передъ ней на колѣни, молятъ о прощеньи, извиваются и пресмыкаются у ногъ ея. А ей смѣшно, она наслаждается ихъ униженіемъ; нѣтъ, не сейчасъ она казнитъ ихъ: это было бы для нихъ мало, она медленно станетъ пытать ихъ, какъ сами они ее пытали. Она станетъ оскорблять ихъ, издѣваться надъ ними, какъ и ее оскорбляли и какъ надъ нею издѣвались. И никого не пощадитъ она, пусть просятъ прощенья, пусть!.. напрасно! Но кто жъ останется? враговъ такъ много, все враги, и ни одного друга!..

Она выпрямилась во весь ростъ свой. Окружающія ее монахини съ изумленіемъ и страхомъ глядятъ на нее, такъ измѣнилась она. Голова ея трясется, лицо багровѣетъ, губы шепчутъ что-то непонятное. И опять ей начинаетъ казаться—ей кажется, что всѣ эти враги лютые, лежавшіе у ногъ ея и молившіе о пощадѣ, поднимаются... ей слышится угрожающій крикъ ихъ: „А! такъ ты хочешь погубить насъ всѣхъ, но мы тебѣ не дадимся! Насъ много — ты одна, хоть и царица, никто за тебя не заступится. насъ много!..» И они кидаются на нее. Вотъ они уже ее окружили, она рвется, мечется, вырывается изъ рукъ ихъ, но они скрутили ей руки... Дикій крикъ огласилъ церковные своды... Всѣ кинулись къ царицѣ: съ багровымъ лицомъ, съ закатившимися глазами, она неподвижно лежала на полу церковномъ.

Бросились за докторомъ. Докторъ объявилъ, что царица еще жива, что нужно ей пустить кровь, что съ ней ударъ. Осторожно принесли ее изъ церкви и дали знать во дворецъ. Но императора тамъ не было, онъ уѣхалъ на охоту съ цесаревной Елиза-

ветой, а великая княжна Наталья сама лежала въ постели, слабая и больная. Одна только герцогиня Курляндская, Анна Ивановна, пріѣхала въ монастырь и весь день провела у больной царицы, и оставила ее только тогда, когда та окончательно пришла въ себя и когда докторъ сказалъ, что опасность миновала.

IX.

По тверской дорогѣ, за селомъ Всесвятскимъ, начинается сосновый лѣсъ и тянется на многія версты, доходитъ до рѣки Химки, идетъ по берегу, перебрасывается на другую сторону и опять тянется. Зимою въ лѣсу этомъ много всякаго звѣря: и волки и медвѣди водятся; лѣтомъ птица дикая кишмя кишитъ по старымъ сосновымъ вѣткамъ. Привольно здѣсь охотиться: птица не напугана, не видала до сихъ поръ человѣка, не слыхала выстрѣла. Тишина невозмутимая жила здѣсь долгіе годы; трава стояла не мятая, и въ травѣ цвѣты прятались. На лѣсныхъ лужайкахъ и вездѣ, гдѣ доступъ былъ солнцу, спѣли крупныя ягоды земляники, черники и костяники, спѣли и осыпались: некому было сбирать ихъ, развѣ кое-когда деревенскія дѣвки изъ селъ окрестныхъ забрѣдутъ сюда съ кузовками, но онѣ ходятъ все больше по опушкѣ: вглубь боятся заглядывать, тамъ страсти: медвѣдь, звѣрь всякій!..

А вотъ теперь и тишина убѣжала изъ сосноваго бора: шумъ великій по немъ слышится, гики, порсканье. То охотники Петра Алексѣевича, то собаки его вверхъ дномъ лѣсную жизнь подняли. Изумленно слушаетъ птица звуки выстрѣловъ и падаетъ мертвою, такъ и не очнувшись, не понявши откуда пришла гибель. Съ утра ранняго охотится государь молодой, заморился совсѣмъ, отдохнуть пора. И возвращаются охотники на широкую лужайку у высокаго рѣчного берега, гдѣ стоятъ шатры, гдѣ готовъ пышный ужинъ. Съ государемъ большая свита: всѣ Долгорукіе, на этотъ разъ и Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ, баронъ Остерманъ, есть и дамы: цесаревна Елизавета со своей фрейлиной, княгиня Долгорукая, Прасковья Юрьевна, съ дочерьми. Совсѣмъ замаялся юный императоръ, едва ноги за собою волочитъ, лицо загорѣлое, потное, за то на сердцѣ у него весело. Возвращается онъ ужинать съ богатой добычей: самъ сколько птицы всякой настрѣлялъ: ягташи полные! Весело и радостно обращается онъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ и начинаетъ разсказывать онъ ей свои охотничьи приключенія, о томъ, какъ застрялъ онъ въ болотѣ, и какъ едва его вытащили, о томъ, какъ чуть въ любимую собаку свою не выстрѣлилъ; много у него разныхъ разсказовъ.

Баронъ Андрей Ивановичъ подходитъ къ императору и своимъ постоянно ласковымъ и почтительнымъ тономъ говоритъ ему, что если онъ попалъ въ болото, такъ навѣрно промочилъ себѣ ноги, навѣрно вода въ сапоги забралась—нужно перемѣнить обувь, не то простудится.

— Пустое!—весело отвѣчаетъ императоръ:—съ чего мнѣ простудиться? теперь—лѣто. Усталъ я, это правда, да вотъ поѣмъ хорошенько, выпью немного, и усталость какъ рукой сниметъ. И не уговаривай меня, Андрей Иванычъ, не стану переодѣваться

Онъ садится ужинать. По одну его сторону—Елизавета, по другую—княжна Катерина Долгорукая. Ужинъ быстро исчезаетъ въ голодныхъ желудкахъ охотниковъ и вина выпито изрядно. У всѣхъ языки развязались, поднялся смѣхъ, начались шутки, всѣ веселы. Не весело только барону Остерману, не весело фавориту Ивану Алексѣевичу, не весело и сестрѣ его Катюшѣ. Сидитъ она рядомъ съ императоромъ, не сама она такъ сѣла, а ее посадили, только зачѣмъ, зачѣмъ это? Еще еслибъ императоръ особенно желалъ этого, благоволилъ-бы къ ней, а то, вѣдь, нѣтъ ничего. Вотъ онъ и вниманія на нее не обращаетъ, почти слова не говоритъ съ нею. Ей гораздо-бы пріятнѣе было сидѣть подальше, вонъ хоть-бы тамъ, на томъ концѣ стола, ея взоры обращаются туда часто, тамъ между молодыми охотниками, спутниками императора, видитъ она красивое лицо съ большими черными глазами. Эти глаза часто встрѣчаются съ нею и она краснѣетъ и опускаетъ рѣсницы. И ужъ не первый день это—давно запримѣтила она молодого графа Милезимо, родственника австрійскаго посланника Вратислава. На балахъ она часто съ нимъ танцовала и ужъ четвертый день, какъ выѣхали они на охоту, онъ пользуется всякимъ случаемъ подойти къ ней, сказать ей нѣсколько словъ и глядитъ на нее такъ нѣжно; совсѣмъ по сердцу пришелся ей этотъ молодой иностранецъ.

Послѣ оживленныхъ разсказовъ Петръ замолчалъ, видимо, утомленный. Онъ отказался отъ предложеннаго ему блюда, откинулся на спинку стула и вытянулъ ноги. У него немного начинала кружиться голова, рѣчи присутствовавшихъ стали сливаться. Вотъ онъ слышитъ, что князь Алексѣй Долгоруковъ говоритъ что-то, вѣрно очень смѣшное, всѣ кругомъ смѣются и онъ улыбнулся, но самъ не знаетъ чему улыбается. Тетушка Лиза нагнулась къ нему и что-то шепнула, онъ не разслышалъ, онъ ловитъ ея руку, но она не даетъ руки. По-прежнему рѣдко съ нимъ ласкова Лиза, то-есть не такъ ласкова, какъ ему-бы хотѣлось. По цѣлымъ мѣсяцамъ, иногда, онъ на нее сердится отъ нея удаляется, почти не говоритъ съ нею, но долго сердиться на нее онъ не можетъ: — влечетъ она его къ себѣ да и

только, какая-то тайная сила у нея есть надъ нимъ. «Ну, а эта что-жъ?—подумалъ онъ, взглянувъ на княжну:—эта, пожалуй, не отвернется, не станетъ сердиться если возьму за руку... а, вѣдь. какая она хорошенькая! Вотъ еще недавно была маленькая совсѣмъ, а теперь вдругъ какъ выросла, большая стала, совсѣмъ большая, ужъ ей шестнадцать лѣтъ...»

И онъ глядитъ на нее съ улыбкой и говоритъ ей:

— Что-жъ ты ничего не кушаешь, Катюша?

— Сыта, государь, вѣдь, я не ходила на охоту.

— Вотъ то-то,—смѣется онъ:—зачѣмъ-же не ходила, теперь бы и кушала много. Завтра непремѣнно отправляйся съ нами. Хочешь мы тебя нарядимъ охотникомъ, дадимъ тебѣ ружье, славный ты будешь охотникъ!

Онъ беретъ ея руку и долго держитъ въ своей, и глядитъ на нее съ нѣжной улыбкой.

Долгорукіе уже замѣтили это, зорко слѣдятъ за каждымъ словомъ, за каждой миной Петра, только дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ.

Катюша не отняла руки, но вся покраснѣла, смутилась и взглянула на императора такимъ испуганнымъ дѣтскимъ взглядомъ, что онъ самъ смутился, вдругъ оставилъ ея руку и отвернулся отъ нея. Ему стало неловко. Онъ думаетъ: «Нѣтъ, лучше какъ Лиза, лучше-бы и она отняла свою руку, а то что проку— не отнимаетъ, а такъ жалобно смотритъ»...

Наконецъ, ужинъ кончили, сейчасъ будутъ запрягать экипажи: императоръ со свитой поѣдутъ въ ближнее село, гдѣ приготовлено помѣщеніе для ночлега.

Вечеръ теплый, душистый. Кто не такъ усталъ, пошли въ рощу погулять немного; императоръ остался съ Остерманомъ и Алексѣемъ Долгорукимъ.

Между высокими деревьями, въ тепломъ полумракѣ лѣтнихъ сумерекъ идетъ грустно задумавшись царевна Елизавета. Она оглянулась и видитъ за собою Ивана Долгорукаго.

— Ну что, любезникъ, опять за мною?—насмѣшливо говоритъ она ему.

— Опять за тобою, принцесса; поговорить мнѣ нужно съ вашимъ высочествомъ.

— Князь Иванъ, иди, оставь меня въ покоѣ, не хочу я рѣчей твоихъ слушать, знаю что говорить будешь. Ужъ очень ты занесся, о себѣ много думаешь, не статочное дѣло затѣялъ...

— Прости меня, принцесса, за мои прежнія глупыя рѣчи, теперь ихъ больше не услышишь. Затѣмъ и иду за тобою, чтобъ сказать это тебѣ.

Она глядитъ на него съ изумленіемъ. Что это такое? онъ говоритъ серьезно и лицо у него такое печальное. Странно...

— Самъ я знаю;—продолжаетъ онъ:—какъ досаждалъ тебѣ своею дуростью, но сердце у тебя золотое... ты зла не помнишь.

— Коли ты это правду говоришь, князь Иванъ, такъ давай руку, я тебѣ зла никогда не желала; только надоѣдалъ ты мнѣ очень. А теперь мнѣ совсѣмъ ужъ не до любезностей и комплиментовъ.

— Знаю, знаю, принцесса...

Елизавета отвернулась отъ него и заплакала. Недавно она дѣйствительно понесла тяжелую утрату: умерла любимая сестра ея: Анна Петровна, и умерла далеко, въ городѣ Килѣ, и не видала ее передъ смертью цесаревна. Съ дѣтства горячая дружба связывала ее съ сестрою; много слезъ пролила она, когда та уѣзжала изъ Петербурга по проискамъ Меншикова. Потомъ дня не проходило, чтобъ не получала цесаревна письма изъ Киля, или отъ самой сестры, или отъ общаго друга ихъ, Шепелевой, уѣхавшей съ герцогиней голштинской. Все ждали сестры свиданія, задумывали его на это лѣто. Веселыя письма одно за другимъ приходили изъ Киля и радостнѣе всего для Елизаветы было извѣстіе, что у сестры ея родился сынъ. Шепелева извѣщала, что здоровье Анны Петровны совсѣмъ хорошо. Императоръ былъ заочно воспріемникомъ новорожденнаго, названнаго Петромъ. Цесаревна много подарковъ послала въ Киль и сестрѣ и племяннику, сама шила ему маленькія рубашечки, вышивала разныя одѣяльца. И вдругъ, въ началѣ мая получено страшное извѣстіе: Анна Петровна скончалась. Шепелева прислала письмо все облитое слезами, разсказывала все подробно:

Въ Килѣ была иллюминація и фейерверкъ по поводу крещенія маленькаго принца; герцогиня непремѣнно хотѣла смотрѣть ихъ и долго стояла у открытаго окошка, а ночь была сырая, холодная. Придворныя дамы и сама Шепелева уговаривали ее отойти отъ окна, хотѣли запереть окно, но она смѣялась надъ ними и хвалилась своимъ русскимъ здоровьемъ. И опять отперла окошко, высунулась въ него и долго дышала ночнымъ сырымъ воздухомъ. Къ утру ужъ чувствовала она себя плохо, а черезъ десять дней скончалась.

Нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго извѣстія, проплакала цесаревна запершись у себя и никого къ себѣ не пуская. Теперь вотъ она выѣхала на охоту, чтобы какъ-нибудь разсѣяться. Забудетъ на часъ свою утрату, оживится, но вспомнитъ снова, и защемитъ ея сердце, и плачетъ она неудержимыми слезами.

— Да, спасибо тебѣ, князь Иванъ,—обратилась наконецъ Елизавета къ Долгорукому, утирая слезы: а еслибъ иначе загово-

рилъ со мною, такъ я, кажется, тебя на всю жизнь бы возненавидѣла. И если ты искренно говоришь, и если ты дашь мнѣ слово, что не будешь больше приставать ко мнѣ, такъ я стану твоимъ искреннимъ другомъ.

— Клянусь тебѣ, принцесса, что и не заикнусь больше.

— Ну ладно, ладно, вѣрю я тебѣ, князь Иванъ. Но вотъ,— сказала она, какъ бы сама съ собою:—отъ одного жениха отдѣлалась, а другой, вѣдь, еще остался на шеѣ. Помоги мнѣ, князь Иванъ,—опять пристаютъ съ графомъ Морицомъ Саксонскимъ, скажи ты имъ, тамъ кому надо, чтобъ оставили меня наконецъ въ покоѣ. Сколько разъ повторяла я всѣмъ, что не хочу замужъ и каждый то Божій день новаго жениха мнѣ навязываютъ. Говорила всѣмъ, умеръ мой женихъ, котораго мнѣ матушка назначила, ну и значитъ не судьба мнѣ, а то что это такое, то одного предлагаютъ, то другого! Право даже смѣшно подумать: что я за предметъ такой для исканій разныхъ нищихъ принцевъ! Да еслибъ и хотѣла я замужъ, такъ за Морица не пошла бы, вѣдь, онъ извѣстенъ повсюду: выгодныхъ невѣстъ себѣ ищетъ. Такъ окажи услугу, помоги мнѣ отъ него отдѣлаться.

Князь Иванъ обѣщалъ все исполнить и цесаревна ушла отъ него, ласково кивнувъ ему головою. Онъ остался одинъ подъ деревьями лѣса.

— Ну вотъ, Наталья Борисовна,—сказалъ онъ самъ себѣ, и блаженная улыбка на мгновеніе освѣтила все лицо его:—вотъ могу теперь къ тебѣ явиться, хоть въ одномъ успѣлъ поладить съ собою! И пусть отсохнетъ языкъ мой, если еще когда-нибудь попрежнему взгляну на принцессу, хоть она и краше солнца небеснаго и хоть еще съ мѣсяцъ тому назадъ, кажется, ни за какія блага въ мірѣ отъ нея бы не отказался. Но, вѣдь, ты краше принцессы, Наталья Борисовна, краше всего свѣта Божьяго! Я пойду за тобою, куда-бы ты ни повела меня, всякая доля съ тобою будетъ для меня счастливой долей!..

X.

«Исполняется годъ, какъ я при этомъ дворѣ и, повѣрьте, этотъ годъ стоитъ двухъ, проведенныхъ въ другомъ мѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ не прожить здѣсь другого»—писалъ герцогъ де-Лирія въ Испанію:—«здѣсь мы живемъ въ полномъ спокойствіи и *отъ скипетра до посоха*, по французской пословицѣ, не думаютъ ни о чемъ, какъ только бы провести лѣто въ сельскихъ развлеченіяхъ».

Другіе иностранные резиденты тоже извѣщали свои дворцы, что и представить себѣ невозможно тѣхъ интригъ, которыми занимаются русскіе придворные. Всѣ эти извѣстія были совершенно справедливы: блестящій мірокъ, окружавшій Петра II, дошелъ до какого-то бѣшенства. При дворѣ поднимались безумныя сатурналіи и въ нихъ метались, прыгали, вертѣлись всякіе люди: старые и молодые, и мужчины и женщины. Каждый заботился только о сегодняшнемъ днѣ, старался единственно о томъ, чтобы извлечь какъ можно больше выгодъ для себя; о настоятельныхъ нуждахъ государства, о бѣдахъ грозившихъ Имперіи, о событіяхъ политическихъ никто и не думалъ. Турки подступили къ границамъ Россіи, Кіевъ находился въ опасности; шведы того и гляди соединятся съ турками; англичане готовятъ свои козни;—но никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Внутри Имперіи тоже всякія безурядицы: народъ недоволенъ, всѣ жалуются, всѣ находятъ, что никогда не бывало такихъ безпорядковъ—точно вернулось смутное время самозванщины, а сановникамъ русскимъ, людямъ держащимъ кормило правленія, не до высшихъ вопросовъ: какъ бы только повеселиться, удержаться въ милости царской, вотъ о чемъ они думаютъ. Одинъ баронъ Андрей Ивановичъ какъ волъ работаетъ, старается уладить и то и другое. Много у него силы, крѣпкая, свѣтлая голова на плечахъ держится, но ему не совладать съ «недостроенной, развинтившейся машиной». Руки у него опускаются и по временамъ общая сатурналія и его захватываетъ, и онъ мечется, вертится и прыгаетъ вслѣдъ за другими, ведетъ интриги: о своей головѣ заботится. Повалили колосса петровскаго, свѣтлѣйшаго Менщикова, думали, дѣло сдѣлали, думали, всѣ вздохнутъ свободнѣе, все пойдетъ безъ него какъ по маслу, анъ не то вышло! И хоть изъ негоднаго матеріала былъ созданъ колоссъ этотъ, но все-же вложена была въ него какая-то могучая, истинная сила, и крѣпко держалъ онъ этой силой на глазахъ его выстроенную машину. Все, что было въ немъ человѣческаго, завѣтнаго, все поднималось, когда думалъ онъ о машинѣ, она была дорога ему.

Но, конечно, никому и въ голову не приходила возможность снова вернуть Меншикова, напротивъ, судьба его окончательно рѣшилась; милостивое сначала рѣшеніе императора было измѣнено, какъ мы уже видѣли. Время отъ времени всплывали на поверхность старые грѣхи Александра Даниловича и раздражали Петра. Вонъ нашли у Спасскихъ воротъ подметное письмо въ пользу Меншикова; вонъ изъ военной и другихъ коллегій и канцелярій подаютъ доношенія, что свѣтлѣйшій взялъ изъ казны деньги и матеріалы, и требуютъ теперь возвращенія взятаго

изъ его пожитковъ. Нельзя же все это такъ оставить. Меншикова сослали въ Сибирь, въ Березовъ, отобрали у него все, и положили ему съ семействомъ по шести рублей въ день кормовыхъ денегъ. Сестру княгини Дарьи Михайловны, Варвару Арсеньеву, женщину хитрую и пронырливую, оставившую по себѣ дурную память, постригли въ Сорскомъ монастырѣ и дали ей полъ-полтины въ день. Самъ князь Александръ Данилычъ, разбитый въ конецъ, пораженный горемъ, еле волочилъ ноги. Про него разсказывали, что онъ наконецъ смирился, что молится Богу, несетъ черную работу и съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Еслибъ зналъ онъ да вѣдалъ о томъ, что творится въ его отсутствіе, о томъ, какой позоръ готовятъ алчные придворные Россіи, еслибъ зналъ онъ, что старые вельможи изъ всѣхъ силъ стараются задержать императора въ Москвѣ, не пустить его въ Петербургъ, заставить его позабыть дѣдовскій городъ, отъ одного этого извѣстія умеръ бы Александръ Данилычъ. Но къ нему не доходили никакія извѣстія...

Москва совсѣмъ пришлась по нраву императору и съ каждымъ днемъ Петербургъ казался все скучнѣе и скучнѣе. Остерманъ былъ въ полномъ отчаяніи, не зналъ что и придумать, чѣмъ убѣдить Долгорукихъ отказаться отъ ихъ плана. Подружился онъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, да разсорился съ фаворитомъ, а въ фаворитѣ, покуда, вся сила.

И вотъ Андрей Ивановичъ себя забываетъ, забываетъ чувство собственнаго достоинства и всячески старается угождать Ивану Алексѣевичу, только чтобъ тотъ съ нимъ примирился, сблизился хоть немного. Иностранные резиденты собираются между собою и съ ужасомъ толкуютъ о томъ, что произойдетъ, если Петербургъ будетъ окончательно оставленъ. Но больше всѣхъ стоитъ за возвращеніе къ берегамъ Невы герцогъ де-Лирія. Это ловкій, умный, краснорѣчивый человѣкъ, сразу сумѣвшій поставить себя на первое мѣсто и заслужить расположеніе всего царскаго семейства: великую княжну Наталью онъ плѣнилъ разсказами объ Испаніи и о прекрасномъ донъ-Карлосѣ; расположеніе Петра снискалъ обѣщаніемъ выписать изъ Испаніи андалузскихъ лошадей и муловъ; придворныхъ веселитъ у себя въ домѣ, задаетъ блестящія празднества, не жалѣетъ денегъ. Одна только прекрасная цесаревна не по душѣ пришлась герцогу: то и дѣло бранитъ онъ ее въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ на родину. Съ Остерманомъ онъ большой другъ и въ то же время другъ Ивана Долгорукаго, который часто приходитъ къ нему, говоритъ съ нимъ по душѣ, жалуется на безобразную компанію, окружающую императора, и чуть не со слезами увѣряетъ, что хочетъ совсѣмъ удалиться, чтобъ только не видѣть,

какъ губятъ молодого монарха. Но и ловкій герцогъ де-Лирія ничего не можетъ придумать: .«не выѣдутъ изъ Москвы, не выѣдутъ!» Конечно, все-же нельзя оставлять этого дѣла, нужно пробовать всѣ средства. Онъ часто навѣщаетъ Остермана и по долгу толкуютъ вдвоемъ, и все-таки никакъ не могутъ столковаться.

Лѣто въ полномъ разгарѣ. Почти всѣ придворные переѣхали на дачи. Жарко. Но герцогъ де-Лирія не смущается этимъ, и въ самый полдень ѣдетъ къ Остерману. Сегодня обо многомъ нужно переговорить. Вотъ вчера былъ у него фаворитъ и объявилъ, что и цесаревна Елизавета и весь дворъ рѣшительно возстаютъ противъ плана относительно Морица Саксонскаго, что она ни за что не хочетъ выходить замужъ. Герцогъ де-Лирія увидѣлъ изъ словъ этихъ, что фаворитъ больше и больше начинаетъ подумывать о собственномъ своемъ бракѣ съ Елизаветой. Непремѣнно весь вчерашній разговоръ нужно сообщить Остерману, и потомъ обо всемъ подробно отписать къ своему двору.

Баронъ немедленно принялъ де-Лирія, но передъ входомъ въ его комнату герцогъ замѣтилъ, что въ другую дверь входилъ князь Алексѣй Долгорукій съ обоими своими сыновьями: Николаемъ и Иваномъ; замѣтилъ онъ также, что Иванъ Алексѣевичъ при взглядѣ на него, покраснѣлъ и смутился.

«Что бы это значило?»

Герцогъ де-Лирія, какъ свѣтскій и любезный человѣкъ, постарался сократить свой визитъ и уѣхалъ. А на слѣдующее утро отправился къ князю Ивану. Долго и наединѣ поговорить имъ не удалось. Князь Иванъ шепнулъ ему только, по поводу вчерашней встрѣчи, что Остерманъ забралъ себѣ въ голову смѣлыя мысли.

— И представьте, герцогъ, вдругъ онъ обращается ко мнѣ и говоритъ, а самъ чуть не плачетъ: я, говоритъ, впредь съ его величествомъ ни о какомъ дѣлѣ толковать не стану больше, развѣ что въ твоемъ присутствіи. Потомъ сталъ просить меня удостоить его моей дружбы!..

Де-Лирія внимательно слушалъ.

— Ну что же, князь, что вы ему отвѣтили?

— Конечно я сказалъ, что очень радъ.

Тутъ вошли посторонніе и разговоръ ихъ прекратился.

«Надо опять ѣхать къ Остерману и узнать въ чемъ дѣло. Это хорошо, что между нимъ и фаворитомъ лады начинаются. Ахъ, если-бы удалось что-нибудь!»

Герцогъ вернулся домой, а тамъ ужъ его ожидалъ посланникъ Бланкенбургъ, который остался у него обѣдать. Послѣ обѣда этотъ посланникъ прямо началъ слѣдующую рѣчь:

— Я знаю, какъ вы желаете добра этой монархіи, герцогъ, и никому кромѣ васъ не могу открыть своего сердца, потому что вы вашимъ вліяніемъ можете много добра сдѣлать. .

Герцогъ молча слушалъ, а посланникъ продолжалъ:

— Вѣдь, сами знаете, что царю непремѣнно нужно возвратиться въ Петербургъ, и не только потому, что тамъ ближе къ другимъ государствамъ Европы, но и потому, что тамъ будетъ на его глазахъ флотъ, котораго ждетъ погибель, если его величество останется здѣсь. А русскіе только и думаютъ о томъ, какъ бы удержать царя въ Москвѣ. Вотъ, можетъ быть, вы могли бы повліять на князя Долгорукаго,— вы, вѣдь, такъ дружны съ нимъ, уговорите его въ необходимости переѣзда въ Петербургъ. Онъ человѣкъ все-же благоразумный, хорошіе резоны понять можетъ. Скажите ему, что такимъ образомъ дѣйствій онъ вѣдь многое заслужитъ себѣ передъ вѣнскимъ дворомъ. Ну понимаете, мало-ли что пообѣщать ему можно ..

Герцогъ де-Лирія отвѣчалъ, что сдѣлаетъ со своей стороны все, чтобы убѣдить Долгорукихъ, какъ только царь возвратится съ охоты въ городъ.

Наконецъ, посланникъ уѣхалъ, а де-Лирія ужъ и не захотѣлъ въ этотъ день отправиться къ Остерману. Онъ теперь все понялъ. Конечно, во время визита Долгорукихъ къ Остерману шелъ разговоръ о возвращеніи двора въ Петербургъ; конечно, Остерманъ представлялъ всѣ свои доводы и кончилъ тѣмъ, что всѣ силы сталъ употреблять, чтобъ сблизиться съ фаворитомъ. Посланникъ Бланкенбургъ, конечно, пріѣзжалъ къ герцогу по порученію Остермана. Да, нужно будетъ всячески постараться. И герцогъ поспѣшно принялся писать донесеніе своему двору обо всемъ случившемся.

И такія сцены повторялись очень часто. Въ этихъ занятіяхъ, разъѣздахъ другъ къ другу, скрываніи другъ отъ друга, шептаньи и переговорахъ проходило все время. Но между тѣмъ дѣло нисколько не подвигалось, все оканчивалось одними разговорами.

Молодой императоръ и слышать не хотѣлъ о возвращеніи въ Петербургъ. А князь Иванъ, съ одной стороны, подъ давленіемъ своего семейства, съ другой стороны по твердо выраженному требованію императора, не смѣлъ ни о чемъ заикнуться. И снова продолжались охоты, и снова придворный міръ метался безсмысленно. Между тѣмъ отовсюду приходили тревожныя извѣстія. При дворѣ толковали, что пріѣхалъ изъ Украйны курьеръ съ вѣстью о томъ, будто татары, въ числѣ пятидесяти тысячъ, готовы подняться и наводнить предѣлы Россіи; что фельдмаршалъ Долгорукій, который долженъ былъ изъ Персіи возвра-

титься въ Москву, пріѣхалъ въ Царицынъ и на пути имѣлъ встрѣчу съ татарами, которая неизвѣстно чѣмъ кончилась. Кромѣ того, въ Астрахани появилась моровая язва, а въ Казанскомъ царствѣ столько разбойниковъ, что нельзя путешествовать безъ многочисленной стражи, и опасаются, что въ непродолжительномъ времени они и въ Москвѣ появятся.

XI.

Вернувшись въ Москву съ охоты послѣ страннаго и неожиданнаго разговора съ Иваномъ Долгорукимъ, цесаревна Елизавета окончательно заперлась у себя и отказывалась сопровождать императора. Онъ пришелъ къ ней, сдѣлалъ ей сцену, но все же ничего не добился. Она говорила ему, что ей теперь не до забавъ, наконецъ, заплакала. Онъ ушелъ раздосадованный и смущенный.

«Ну что-жъ, ну что-жъ, если не хочетъ, такъ и не надо!»— раздражительно повторялъ онъ себѣ. И съ тѣхъ поръ сталъ опять сердиться на красавицу - тетку, не приглашалъ ее на охоты.

Къ концу лѣта она вздумала отправиться на богомолье въ Сергіевскую лавру. Она поѣхала съ небольшой свитой, очень часто выходила изъ экипажа и шла пѣшкомъ много верстъ. Три дня молилась она у мощей св. Сергія, а возвратный путь весь сдѣлала пѣшкомъ, утомилась и теперь лежала больная, никого не принимала. Ея приближенные замѣчали, что со времени извѣстія о смерти сестры, цесаревна стала совѣмъ другая: пропала ея живость и ея беззаботность, даже похудѣла она и поблѣднѣла. И не одно горе, не одна утрата любимой сестры измѣнила цесаревну, вообще всѣ дѣла ея стали идти очень плохо.

Она лежитъ окруженная сгущающимися сумерками, и печально думаетъ... Нѣтъ, ей никакимъ весельемъ характера не помочь видно себѣ: съ каждымъ днемъ все больше и больше враговъ у цесаревны. И откуда они берутся! И что все это значитъ? Ну, еслибъ еще нравъ былъ у нея крутой, еслибъ замышляла она что недоброе, а то, вѣдь, нѣтъ—со всѣми ласкова и привѣтлива, никому ни въ чемъ мѣшать не хочетъ, только чтобы ей жить не мѣшали. Боятся ея вліянія на императора, да что-жъ у нея такое за вліяніе? Что она ради него дѣлаетъ? Во всемъ перечитъ племяннику, никакихъ его нѣжностей не допускаетъ: раза три наотрѣзъ отказалась быть его женою, а все же недовольны. И Наташа сердится, и онъ сердится, и всѣ

враждуютъ. Прежде вотъ Остермана другомъ считала, а теперь видитъ, что и онъ присталъ къ врагамъ ея. Она хорошо замѣчала, что хитрый Андрей Ивановичъ всячески потворствовалъ планамъ Ивана Долгорукаго, когда тотъ забралъ себѣ въ голову жениться на ней: обоихъ ихъ хотѣлось погубить Остерману. Вотъ какъ заплатилъ хитрый нѣмецъ дочери за отцовскія милости! Всячески хотятъ выжить ее изъ Россіи. Проситъ она, молитъ, чтобъ ни о какихъ женихахъ ей не говорили, а они каждый день новаго жениха придумываютъ, то одного предложатъ, то другого. Стала она у себя запираться, ни во что не вмѣшиваться, живетъ тихо, скромно, а все же до нея долетаютъ разные непріятные слухи. При дворѣ толкуютъ о какомъ-то ея дурномъ поведеніи, но ничего дурного не знаетъ за собою цесаревна. Прежде вотъ веселиться любила, наряжалась, пировала, а теперь веселье на умъ нейдетъ, ни на кого бы не смотрѣла. Одинъ человѣкъ только милъ ей — Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Съ нимъ она отводитъ душу. Онъ хорошо ее понимаетъ, умѣетъ отгадывать каждую мысль ея, каждое чувство. Такъ вотъ въ чемъ дурно ея поведеніе, въ ея дружбѣ съ этимъ человѣкомъ. Но что-жъ это, наконецъ, такое? Этакъ нужно отъ всего отказаться, все наперекоръ душѣ своей дѣлать! Да, вѣдь, и тогда лучше не будетъ—найдутъ чѣмъ попрекнуть—всегда найдутъ. И хочется цесаревнѣ, чтобы всѣ ее позабыли, чтобы быть ей простой дѣвушкой и самой распоряжаться своей жизнью. Ничего такъ не любитъ она, какъ простоту и свободу, ну, любитъ еще, можетъ быть, наряды, да, вѣдь, это не грѣхъ великій въ ея годы.

Печальныя мысли цесаревны перебила вошедшая фрейлина. Она доложила ей, что Нарышкинъ, ея гофмаршалъ, желаетъ ее видѣть, что очень ему нужно.

— Еще что? Ахъ, Боже мой, да, вѣдь, я больна. Какъ же могу я принять его! Ну да, впрочемъ, ничего, пусть войдетъ, только дай мнѣ большое одѣяло.

Цесаревна закуталась въ поданное одѣяло и ждала Нарышкина.

— Что тамъ такое? Какія напасти?—встрѣтила она его.

— Истинно, что напасти, ваше высочество; насъ ужъ и Верховный Совѣтъ тѣснить начинаетъ. Обратились ко мнѣ письменно, узнали, вишь, что ваше высочество, имѣя свои доходы и помѣстья, все же получаете столовыя деньги изъ царскаго дома, что ваши счеты очень велики...

— Ну, такъ что-жъ? Я ничего не понимаю.

— Да вотъ, ваше высочество, ужъ не знаю я какъ и быть. Точно, что у насъ хозяйство плохо ведется, всякій тащитъ себѣ,

что хочетъ, вина одного сколько выходитъ, ужасъ! Вотъ они объявляютъ, что безъ моего требованія ничего отпускать не станутъ. А я прошу ужъ васъ, увольте меня, я не стану ни во что мѣшаться.

— Да что-жъ мнѣ самой входить во все это, что-ли? Неужто моимъ гостямъ и людямъ не пить. не ѣсть, а мнѣ каждый кусочекъ усчитывать? Не привыкла я къ этому. Такъ только-то и всего? И затѣмъ-то вы пришли ко мнѣ?

Нарышкинъ пожалъ плечами.

— Это не такъ пусто, какъ вамъ кажется, принцесса.

— Нѣтъ, это очень пусто. Пожалуйста, меня не тревожьте, я нездорова. Придетъ государь, скажу ему и насъ не будутъ безпокоить изъ Верховнаго Совѣта.

Нарышкинъ съ недовольнымъ лицомъ вышелъ, а Елизавета снова погрузилась въ свои мысли.

Изъ оконъ неслись завыванія вѣтра; мелкій дождь зарядилъ; небо—одна туча сѣрая, непроглядная. Все это еще больше раздражаетъ цесаревну! тоска ее давитъ, скучно, душно.

Призовите ко мнѣ дѣвушекъ,—говоритъ она фрейлинѣ:— да сами всѣ придите, пѣсни что-ли мнѣ спойте, тоска такая...

Въ ея спальню собираются дѣвушки-служанки и фрейлины.

— Спойте мнѣ что-нибудь, спойте, да веселое!—потягиваясь говоритъ Елизавета.

Онѣ запѣваютъ пѣсню, но выходитъ не весело—старая знакомая пѣсня, напѣвъ такой тоскливый. Откуда взять иного — нѣту!

— Перестаньте, замолчите!—со слезами въ голосѣ останавливаетъ ихъ цесаревна: — лучше разскажите что-нибудь, какія новости?

Новостей нѣтъ особенныхъ, все тѣ-же. Толкуютъ дѣвушки, что князь Долгорукій, Иванъ Алексѣевичъ, все больше и больше безчинствуетъ. Вишь, теперь въ домъ къ Шереметевымъ повадился, видно съ пути сбить хочется ему молодую графиню.

— Слышала ужъ я это,—тоскливо отзывается Елизавета:— много про него болтаютъ, а разобрать хорошенько, такъ не мало и вракъ окажется. Про меня еще пуще того болтаютъ. Ахъ! Тошно мнѣ, тошно! — мечется на своей постели красавица.— Оставьте меня, уйдите, позовите ко мнѣ Аринушку.

Дѣвушки выходятъ и на мѣсто ихъ появляется старая старуха. Совсѣмъ ужъ въ землю она смотритъ; отъ лѣтъ спина дугой согнулась; лицо, что яблоко печеное, во рту ни одного зуба; изъ-подъ кички рѣдкіе, сѣдые волосы выглядываютъ. Постукивая палочкой, подходитъ она къ постели цесаревны и низко кланяется.

— Государыня моя, матушка, пресвѣтлая моя царевна, что прикажешь? Зачѣмъ звать изволила?

— Присядь-ка ты сюда, Аринушка,—ласково говоритъ ей Елизавета.—Скучно мнѣ нынче, тоска беретъ меня. Думала, дѣвки пѣснями развеселятъ, а онѣ еще пуще скуку нагналъ. Такъ хоть ты, нянька старая, придумай мнѣ забаву какую, чѣми хочешь развлеки меня.

— Ахъ ты, моя сердечная,—шамкаетъ старуха, безпрестанно какъ-бы жуя что-то беззубымъ ртомъ:—свѣтикъ ты мой ясный, чѣмъ я тебя забавлю? Была ты махонькая, такъ сказки тебѣ сказывала...

— Ну вотъ теперь и разскажи, нянька, сказку; хоть дѣтство вспомню счастливое!

И старая Аринушка заученымъ, монотоннымъ голосомъ начинаетъ свою сказку. И начинаетъ она ее все съ того же, что дескать за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ три сына...

Съ дѣтства знакома цесаревнѣ эта сказка, ничего, кажись, нѣтъ въ ней занятнаго, а только съ каждымъ ея словомъ, теперь ей дѣтство вспоминается,—совсѣмъ другое время, жизнь другая и отрадно все это вспомнить Елизаветѣ, и жадно слушаетъ она старую няньку. Вотъ повернулась на своей постели, поближе къ разсказчицѣ, подперла рукой голову и глазъ не спускаетъ со стараго лица, и у самой глаза загораются, а на губахъ мелькаетъ совсѣмъ дѣтская, ясная, беззаботная улыбка. Но сказка кончена, обаяніе милыхъ воспоминаній исчезло: опять тоска и скука. А тутъ нянька еще подгадила: напомнила милую сестру-покойницу, разревѣлась старуха, а съ нею вмѣстѣ плачетъ, рыдаетъ и не можетъ удержаться и царевна. Вотъ и старуха ушла, и опять никого нѣту...

Фрейлина докладываетъ, что Александръ Борисычъ пришелъ справиться о здоровьи принцессы.

— Онъ здѣсь?—оживилась Елизавета.

— Здѣсь, рядомъ.

— Позови его!

«Ну что-жъ, — думаетъ Елизавета: — вѣдь, все равно, Богъ знаетъ, что ужъ говорятъ, пусть скажутъ: въ постели принимаю и Нарышкина, и его, и всѣхъ, пусть говорятъ, мнѣ-то какое дѣло»...

Бутурлинъ вошелъ.

— Сюда, поближе!—шепнула цесаревна, протягивая ему свою прекрасную руку.—Вотъ какъ я непристойно веду себя, Александръ Борисычъ, молодыхъ людей нынче въ постели принимаю явно, у всѣхъ на глазахъ!

— Да зачѣмъ же, я уйду... Въ самомъ дѣлѣ не слѣдъ пищу злымъ языкамъ давать.

— Что ты это, что ты, и ты туда же! Да мнѣ-то, говорю, какое дѣло, вѣдь, не стану я другая отъ этого. Какова есть, такою и останусь. Совсѣмъ я разбита съ дороги, силъ нѣтъ одѣться, а тоска такая, что рада приходу твоему, какъ солнцу небесному. Совсѣмъ меня забижать стали, другъ мой сердечный!..

Она сморгнула слезы.

— Вотъ узнала, что тѣло сестрицы привезутъ скоро, вся душа разрывается. Вспомни, голубчикъ, еще недавно какія веселыя письма получала! Не ждала я, не гадала, что случится такое...

Бутурлинъ спѣшилъ ее всячески успокоить, какъ-нибудь отогнать отъ печальнаго предмета ея мысли, но это было ему не по силамъ.

— Вѣдь, вотъ у другихъ,—говорила она:—близкій человѣкъ одинъ умираетъ, такъ другіе близкіе люди, другіе друзья остаются, а вѣдь, у меня нѣтъ друзей, кто мнѣ теперь послѣ сестрицы остался! Ты, что ли, Александръ Борисычъ, такъ, вѣдь, и тебя, пожалуй, черезъ меня, сживутъ со свѣта, ушлютъ куда-нибудь...

— Ну, это еще посмотримъ, еще не очень то дадимся,—стараясь весело улыбаться, проговорилъ Бутурлинъ.—Ужъ я то, цесаревна, не сгибну съ глазъ твоихъ, кажись съ того свѣта, свистни ты только, и какъ листъ передъ травой явлюсь я передъ тобою!

— Хорошо, хорошо!—улыбалась Елизавета.—Я такъ и знать буду, помни!

Такимъ образомъ, долго они бесѣдовали и мало-по-малу стихала тоска красавицы, и мало-по-малу прежняя радостная улыбка разливалась по лицу ея, и не думала она о томъ, что не подобаетъ царевнѣ жить такъ просто, что глаза острые, языки длинные со всѣхъ сторонъ слѣдятъ за нею и далеко разносятъ молву недобрую. Лишь-бы зла въ сердцѣ не было, лишь бы людямъ несчастья не желала, а другое что проститъ Богъ милостивый...

XII.

Погода разгулялась, дожди прошли и высушило солнце сырую землю. Весело выѣхалъ императоръ на охоту. Только на этотъ разъ въ его свитѣ не было княжны Долгорукой, Катюши. Простудилась она видно: ночью жаръ у ней былъ, ну и оста-

вили ее дома. А уѣхали всѣ—Катюшѣ вдругъ лучше стало. Можетъ и болѣзнь то вся была только хитрость дѣвичья. Ужъ очень не любитъ она этихъ выѣздовъ, а особенно когда въ свитѣ царской нѣтъ молодого графа Милезимо. А что на этотъ разъ его нѣту, про то навѣрно знаетъ княжна.

Часъ уже шестой въ исходѣ. Солнце къ западу склоняется. Скучно одной въ комнатахъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; накинула она атласную, на легонькой ватѣ стеганную куцавейку и сошла въ садъ. Тихо бредетъ по дорожкѣ: на пескѣ, не совсѣмъ еще высохшемъ отъ дождя вчерашняго, остаются слѣды ея маленькихъ ножекъ. Садъ порѣдѣлъ: иныя деревья совсѣмъ осыпались, другія стоятъ желтыя, третьи, ярко-красныя, какъ огонь горятъ на солнцѣ. Листьевъ опавшихъ видимо-невидимо: покрыты ими дорожки. Спускается княжна съ пригорка, подходитъ къ садовой оградѣ, а у ограды садовой ужъ кто-то ее поджидаетъ. «Онъ, это онъ!»—радостно говоритъ себѣ княжна, и съ румянцемъ, ярко на щекахъ вспыхнувшимъ, осматривается она во всѣ стороны... никого нѣтъ, домъ далеко, хоть и порѣдѣли деревья, а все же не видать его за ними. Всѣ уѣхали: батюшка и матушка, сестра и братья, некому подсмотрѣть, и княжна машетъ рукою молодому человѣку, стоящему за оградой. «Перелѣзай, молъ, никто не увидитъ!» Онъ только и ждалъ этого и во мгновеніе ока вскочилъ на рѣшетку и былъ передъ княжною.

Что-жъ это княжна Катюша? давно ли она была маленькой дѣвочкой и о дѣтскихъ забавахъ только думала, а вотъ теперь, ишь какое дѣло дѣлаетъ: родныхъ всѣхъ обманула, больною сказалась, красивому юношѣ свиданье назначила...

Вотъ она протянула ему обѣ руки, вотъ онъ ее нѣжно обнялъ, а она не противится, сама его поцѣловала. Ужъ очень хорошъ онъ, милъ ей: какъ для другихъ—не знаетъ, а для нея на всемъ свѣтѣ нѣтъ милѣе человѣка. И видно, что больно молода княжна Катюша, будь постарше она, такъ пожалуй онъ ей бы не понравился: какъ съ картинки сорвался молодой графъ Милезимо. Росту небольшого, худенькій да тоненькій, черты лица мелкія, усы въ струнку выведены, волосы темные, мелкими кольцами завиваются, самъ онъ почти мальчикъ. Не видно въ глазахъ его мысли строгой, серьезной, ума яснаго, но зато нѣжно такъ и умильно, съ дѣтскимъ счастьемъ улыбается онъ Катюшѣ. Идутъ они рядомъ въ дальнюю аллею и садятся на скамеечку, говорятъ безъ умолку, а что говорятъ, и сами не знаютъ: смѣхъ безпричинный, невѣдомо откуда приходящая радость.

— Какая же ты смѣлая, какая же ты умная, княжна моя милая,—говоритъ Милезимо:—думалъ я: ни за что того не будетъ, не придешь ты.

— Мало ты меня знаешь, мой миленькій,—смѣется и гладитъ его по сердцу своими глазами княжна Катерина:—ужъ если сказала я что-нибудь, то и сдѣлаю, такой мой характеръ!

Но вдругъ она что-то вспомнила, видно грустное, и затуманились ясные глаза ея.

Вотъ мы смѣемся тутъ и радуемся, и любо намъ и весело, а, вѣдь, плохія дѣла наши, мой милый: совсѣмъ житья мнѣ нѣтъ дома, и подслушала я третьяго дня, что точно, во что бы то ни стало, задумали выдать меня за государя.

Милезимо поблѣднѣлъ и испуганно взглянулъ на нее.

— Да что-жъ это такое, такъ значитъ тебя насильно выдавать будутъ? вѣдь, у васъ, въ Россіи, это сплошь бываетъ. Какъ же я то останусь?!..

— Авось, Богъ милостивъ, и потомъ... потомъ есть одно средство: коли ты очень любишь меня, какъ говорилъ мнѣ, такъ все сладится.

— Какъ же, какъ же, научи меня!

— Вотъ,—усмѣхнулась княжна:—всему я тебя должна учить самъ ничего ты не придумаешь. Ну скажи, скажи, какъ тамъ у васъ дѣлается, въ землѣ вашей, если дѣвушку родные не хотятъ выдать за того, кого она любитъ? Неужто-жъ тѣмъ все и кончается, что расходятся они въ разныя стороны... ну, а коли такъ у васъ, такъ у насъ другое: у насъ, если человѣкъ точно крѣпко любитъ, если онъ храбрый и смѣлый, такъ онъ безъ родительскаго согласія увозитъ свою невѣсту, а она идетъ за нимъ Потомъ, какъ обвѣнчаются, тогда ужъ дѣлать нечего, поневолѣ простятъ родные, а коль не простятъ, такъ она и родныхъ забудетъ, съ милымъ другомъ убѣжитъ, хоть на край свѣта!

— Вотъ ты какая, вотъ ты что придумала!—радовался Милезимо, цѣлуя ея руку:—вѣдь, и я объ этомъ думалъ, да боялся сказать тебѣ, не зналъ какъ ты взглянешь. Да нѣтъ, видно ты точно смѣлая, видно очень меня любишь, не обманула.

— Господи, къ чему же мнѣ тебя обманывать, не любила бы тебя, такъ можетъ теперь же ужъ стала бы царской невѣстой....

— Такъ, значитъ, согласна, значитъ и убѣжишь со мною?

— Да, да, сказала разъ, такъ назадъ не пойду.

— Только какъ-же мы это сдѣлаемъ?!—задумался Милезимо.—Охъ трудно, ужъ и не знаю какъ это будетъ. Вѣдь, этакая обида, что сродни мнѣ Вратиславъ: такую они исторію поднимутъ... да и твои тоже, пожалуй, и убѣжать-то не дадутъ намъ, мигомъ догонятъ.

— Конечно трудно, что и говорить,—замѣтила княжна:—да

знаешь ли ты, есть у насъ одна пословица такая: «Волка бояться, такъ въ лѣсъ не ходить». Ну вотъ ты и помни, и помни, заруби у себя на носу!

И она своимъ тоненькимъ, розовымъ пальчикомъ ударила по носу графа Миллезимо. Онъ завладѣлъ этимъ пальчикомъ и сталъ цѣловать его.

— Да, вѣдь, и не сейчасъ это!—снова заговорила Катюша:— еще что-то будетъ, можетъ и такъ обойдется. Авось, женится царь на комъ-нибудь, вѣдь, не нравлюсь я ему, вотъ счастье-то!

Милезимо счелъ своимъ долгомъ заявить о томъ, что у государя весьма плохой вкусъ. Но княжна не обратила никакого вниманія на это замѣчаніе. Она стала разспрашивать молодого человѣка о томъ, какъ имъ жить придется. Онъ говорилъ ей про свою родину и не замѣчали они, какъ шло время. Пора вернуться домой княжнѣ Катеринѣ, не то ее искать станутъ; а пріѣдутъ домой отецъ съ матерью, такъ донесутъ имъ, что сказалась она больною, а сама весь вечеръ гуляла по сырости. Дѣлать нечего, простилась она со своимъ красавчикомъ. Онъ такъже быстро, такъ-же ловко перелѣзъ черезъ заборъ, а она тихонько пошла къ дому, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, оглядывалась по сторонамъ, прислушивалась; все тихо, пусто, никого нѣтъ, никто не подглядѣлъ ихъ, не подслушалъ. А дома ее дожидалась графиня Шереметева.

— Что это, Катюша,—сказала она ей:—говорили мнѣ, что ты больна, въ постели, а тебя и дома нѣтъ, гуляешь по саду. Весь садъ я обѣжала, искала тебя, гдѣ ты пропадала?

— Какъ, ты была въ саду?—невольно покраснѣвъ, спросила княжна.

— Да, была въ саду. Что-жъ ты покраснѣла, что это значитъ?

— Ничего, право ничего, я только удивляюсь, какъ это мы не встрѣтились.

— Нѣтъ, тутъ есть что-то такое! Катюша, не отвертывайся, разскажи мнѣ все скорѣе.

Но Екатерина Алексѣевна стала увѣрять, что ничего ровно нѣту. Она ни за что не повѣдаетъ никому своей тайны. Она проклинала себя за свой глупый вопросъ и съ ужасомъ думала, что вотъ пожалуй Наталья Борисовна какъ-нибудь проговорится при братѣ, станутъ слѣдить за нею и плохо тогда будетъ.

— Наташа, какъ тебѣ не стыдно право, что ты такое подумала, даже въ краску вогнала меня. Вѣдь, вотъ этакъ при комъ изъ нашихъ, да при братѣ еще Иванѣ скажешь что, такъ мнѣ проходу не будетъ.

— Съ какой стати я стану говорить кому-нибудь? Слово даю тебѣ, ничего не скажу.

— Будь другъ, пожалуйста, я и такъ не знаю куда дѣваться отъ брата.

Наталья Борисовна вспыхнула и быстро сказала:

— Что это вы всѣ его такъ не любите, что въ немъ дурного?

Княжна Катерина презрительно улыбнулась.

— Видно, мало ты его знаешь, коли спрашиваешь. Да и не дай Богъ тебѣ знать его. Такого человѣка я и не видала никогда, какъ братъ мой Иванъ. Теперь знаешь ты, чѣмъ они всѣ заняты, а онъ пуще всѣхъ: хотятъ уговорить государя, чтобъ онъ на мнѣ женился, меня хотятъ силой выдать. А самъ Иванъ о принцессѣ Елизаветѣ подумываетъ.

— Нѣтъ, это неправда! это неправда!—то блѣднѣя, то краснѣя, вдругъ даже встала съ своего мѣста Наталья Борисовна.

— Правда, коли я говорю тебѣ. Не стану лгать, давно ужъ своими ушами все слышала.

— Отъ кого слышала, говори, отъ кого?

— Да отъ него же отъ самаго: передъ отцомъ и дядей похвалялся, что будетъ мужемъ царевны.

Наталья Борисовна хотѣла сказать что-то, но языкъ ея не послушался. она поблѣднѣла какъ смерть и, пошатнувшись, опустилась въ кресла.

Катюша такъ была занята своими мыслями и негодованіемъ противъ брата, что ничего не замѣтила.

XIII.

Глубокая осень. Снѣгъ валитъ хлопьями и засыпаетъ равнины, лѣса, деревни. Неподвижно стоитъ густая чаща; ни листка не осталось на вѣткахъ. Не слышно въ нихъ лѣтняго свиста и пѣнія. Далеко разлетѣлись птицы и только изрѣдка по голымъ сучьямъ прыгаетъ бѣлка, отряхаетъ снѣгъ со своихъ лапокъ и спѣшитъ скорѣе въ нору. Внизу, на рыхломъ, едва выпавшемъ снѣгу кое-гдѣ замѣтны слѣды звѣриные, но звѣрей не видно: попрятались они.

На опушкѣ лѣса начинаетъ кружиться мятелица и вздымаетъ снѣжную пыль.

Одинокій, откуда-то забѣжавшій заяцъ попалъ въ эту самую мятелицу и сидитъ прижавъ уши, изумленно посматривая во всѣ стороны. Пушистая шерстка раздувается на немъ и долго не можетъ онъ понять, куда это онъ забѣжалъ, и долго соображаетъ, какъ ему возвратиться.

Снѣгомъ совсѣмъ замело дороги, едва различить ихъ можно.

Тихо, тихо становится, такъ что всякій далекій звукъ несообразно усиливается и измѣняетъ свое значеніе, и потомъ опять тихо, все мертво, все печально.

Но вдругъ понеслись откуда-то разнообразные, странные звуки. Издали слышится какъ что-то ломаетъ сучья; изъ-за частыхъ деревьевъ на бѣлую полянку тяжело и медленно выходитъ медвѣдь. Его дикій ревъ оглашаетъ нѣмую окрестность и бѣдный заяцъ совсѣмъ прижимаетъ уши и готовъ зарыться въ снѣгъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ, и ни съ мѣста. Медвѣдь медленно проходитъ по полянкѣ и опять углубляется въ чащу, а далекіе звуки все ближе и ближе! то не ревъ звѣриный, то крики и гиканье людскіе.

Вотъ за поворотомъ лѣсной дороги показались кони, впряженные въ огромныя пошевни, и много коней, и много пошевней, и все тройки ямщицкія. Изъ всѣхъ силъ коней погоняютъ и мчатся лихіе кони не разбирая дороги, поднимая кругомъ себя столбы снѣжной пыли, залѣпляя этою пылью глаза ямщику и сѣдокамъ.

— Скорѣе! скорѣе!—раздается чей-то голосъ.

Красавецъ юноша съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, съ глазами, покраснѣвшими отъ слезъ, то и дѣло повторяетъ: «скорѣе! скорѣе!»

И мчатся сани, и вылетаютъ изъ лѣса. За первыми пошевнями едва поспѣваютъ другія. Въ нихъ сидятъ охотники и собаки. То въ Москву возвращается императоръ съ охоты. Болѣе недѣли не былъ онъ дома. Охота шла хорошо. Думалъ онъ еще нѣсколько дней остаться...

Отчего-же такъ спѣшитъ онъ въ Москву, отчего, задыхаясь, ежеминутно повторяетъ ямщику: «скорѣе! скорѣе!» Отчего онъ такъ блѣденъ и заплаканы глаза его?

Рано утромъ сегодня прискакалъ къ нему гонецъ отъ барона Остермана. Баронъ пишетъ, что сестра очень плоха, совсѣмъ она умираетъ. И не взвидя свѣта помчался юный императоръ, и тоска разрываетъ его сердце. Не знаетъ онъ что подѣлать съ собою и кричитъ уже совсѣмъ охриплымъ голосомъ: «скорѣе! скорѣе!!»

Уже въѣхали въ городъ, близка нѣмецкая слобода. Вотъ уже и дворцовыя стѣны передъ глазами. Тошно глядѣть на свѣтъ Божій императору.

«Жива ли, жива ли?!—думается ему, и тутъ-же приходитъ мысль:—да развѣ это возможно, развѣ она можетъ умереть, развѣ она умретъ?! Можетъ быть Андрей Ивановичъ ошибся. Но зачѣмъ-же такъ пугать меня, зачѣмъ такъ мучить! а что если умретъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я безъ нея буду?!»

Подъѣхали къ дворцу.

Шатаясь вышелъ Петръ изъ пошевней и. себя не помня, кинулся въ покои. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его. Юный императоръ глядитъ на своего воспитателя и сразу видитъ, что тотъ не обманывалъ его. Остерманъ блѣденъ; уже онъ не скрываетъ глазъ своихъ, а глядитъ прямо, печальнымъ, испуганнымъ взоромъ.

— Ну что, что она?—боясь за отвѣтъ, едва можетъ выговорить императоръ.

— Плоха, государь, всю ночь металась...

— Да какъ же вы раньше-то за мной не послали?—отчаянно схватился за голову Петръ.

— Сами не вѣдали, что такъ плоха: ото всѣхъ царевна скрывала болѣзнь свою... ну, а къ ночи не смогла, застонала.

— Я хочу къ ней!.. Пустите, дайте мнѣ взглянуть на нее!

Но его не пускаютъ. Царевна только что немного заснула, всю ночь не смыкала глазъ. Авось этотъ сонъ подкрѣпитъ ее.

Приходитъ одна страшная мысль императору: что если онъ обманутъ, что если она не заснула, а умерла уже и его оттого не пускаютъ?! И онъ рвется къ ней въ комнату, Остерманъ едва въ силахъ удержать его.

Онъ увѣряетъ, что она точно заснула. У всѣхъ придворныхъ вытянуты лица; всѣ боятся и подойти къ императору. Одинъ только испанскій посланникъ, герцогъ де-Лирія, подошелъ и заговорилъ съ Петромъ Алексѣевичемъ.

— Успокойтесь, ваше величество! Есть одно средство и его наконецъ теперь испробовали, и вотъ царевна заснула.

— Какое-же это средство?

— Я давно уже рекомендовалъ его, давно уже говорилъ, что надо къ нему обратиться. Если бы тогда меня послушали, не было-бы этого. Это вѣрное средство: женское молоко. Вотъ только что выпила царевна, и заснула. Успокойтесь, государь, Богъ дастъ все поправится.

— Ахъ, дай-то Боже! дай-то Боже!—шепчетъ императоръ и сразу вѣритъ въ цѣлебность этого новаго средства, и сразу надѣется, что оно непремѣнно излѣчитъ ему милую сестру.

Но какъ бы ее увидѣть! Ахъ, какъ долго тянутся минуты. Ни за что приняться не можетъ императоръ. Ходитъ онъ по комнатамъ, то погруженный въ какое-то оцѣпенѣніе, то начиная ломать руки и обливаясь слезами.

— Скажите мнѣ въ ту же минуту какъ она проснется, ради Бога! Я не могу такъ оставаться, я долженъ ее видѣть...

Наконецъ она проснулась и ему объ этомъ доложили.

Не долго спала бѣдная царевна, всего съ полчаса какихъ-нибудь.

Петръ, вдругъ поблѣднѣвъ какъ смерть, съ пересохшимъ горломъ и дрожащими руками, вошелъ въ ея опочивальню. Вотъ она на постели. Какъ она блѣдна и какъ горятъ глаза ея!

Онъ только теперь, сейчасъ замѣтилъ ту страшную перемѣну, какая произошла въ ней за послѣднее время. Онъ такъ занятъ былъ весь своимъ весельемъ, своими охотами и придворными пирами, что не смотрѣлъ пристально на сестру, а она давно уже больна. Она такъ страшно измѣнилась. О! какой дурной онъ братъ, какой злой братъ! Глубокое отчаяніе изобразилось на лицѣ его. Онъ протянулъ къ сестрѣ руки, безсильно упалъ на колѣни передъ ея постелью, зарыдалъ неудержимо и безумно, спряталъ лицо въ ея одѣяло, и долго не могъ поднять глазъ на нее. Ему казалось, что встрѣтятъ его эти милые, родные глаза съ нѣмымъ упрекомъ. Онъ чувствовалъ какъ виноватъ передъ нею. Ему уже начинало казаться, что онъ прямо ея убійца.

— Петруша, голубчикъ!—разслышалъ онъ вдругъ у самаго уха ея слабый шопотъ и зарыдалъ еще пуще.—Петруша, успокойся, Господь съ тобой,—снова и еще слабѣе проговорила царевна.—Посмотри на меня.

Онъ взглянулъ, и что же?! Нѣтъ нѣмого упрека въ глазахъ ея и смотрятъ они на него съ безконечной любовью, съ прежней, съ дѣтства памятной, сестриной лаской.

Вотъ она протягиваетъ ему свои прозрачныя, исхудавшія руки и говоритъ ему: «Милый братецъ, посиди со мною. Да не плачь, успокойся, мнѣ лучше, право лучше, Богъ милостивъ я выздоровѣю. Не мучь себя, не то самъ еще заболѣешь!»

О! какъ можетъ она теперь о немъ думать! Какъ можетъ кто-нибудь о чемъ-нибудь думать, кромѣ нея?!

Она успокоиваетъ его, она надѣется. Но, вѣдь, можетъ быть она сама себя не знаетъ, не видитъ, а достаточно взглянуть на нее, чтобы понять какъ тщетны теперь всѣ надежды.

«Ничто теперь не спасетъ ее!» шепчетъ сердце императора, а сердце обмануть не можетъ. Чуетъ оно, чуетъ близкую разлуку. Чуетъ горе страшное, неотвратимое. Но ему нужно удержаться, нужно утереть слезы, не смѣть рыдать, потому что этимъ только еще больше онъ ее тревожитъ, и Петръ напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы удержать непослушныя рыданія, чтобы казаться спокойнымъ.

Никогда еще не зналъ онъ, не понималъ какъ сильно ее любитъ. Онъ не умѣлъ дорожить ею, а вотъ теперь, когда она улетаетъ, теперь все стало понятно, но уже слишкомъ поздно...

Великая княжна Наталья улыбалась брату, старалась его успокоить, показать ему, что она вовсе не такъ больна, что это

только какой-то досадный припадокъ, который пройдетъ скоро, она опять встанетъ и все будетъ хорошо, какъ бывало прежде.

Она забывала о своей слабости, о своей невыносимой боли въ груди и все улыбалась, разспрашивая брата о томъ, хорошо ли было на охотѣ, какихъ звѣрей они убили, что дѣлали.

Разспросы эти невыносимо терзали императора.

Онъ понималъ, что она дѣлаетъ усиліе надъ собою, что она хочетъ обмануть его.

Лицо ея оживилось, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ, она даже привстала съ подушекъ, сѣла на кровать и смѣется.

Боже мой! можетъ, ей и взаправду лучше; можетъ быть взаправду это только такъ, и пройдетъ скоро!

Онъ надѣется, онъ уже почти вѣритъ, онъ совсѣмъ вѣритъ, онъ начинаетъ улыбаться ей. Съ него спадаетъ невыносимо давящая его тяжесть. Ахъ какъ хорошо, авось, все это только сонъ!

Но что же это! она вскрикнула. она схватилась за грудь обѣими руками и, какъ подкошенная травка, упала опять на подушки, опять поблѣднѣла и лежитъ неподвижно.

Что же... что же это? Императоръ снова рыдаетъ и въ отчаяніи. Полный ужаса, бѣжитъ онъ отъ сестры къ себѣ, запирается и никого видѣть не хочетъ, никого не можетъ слышать...

Но вотъ онъ зоветъ Ивана Долгорукаго и говоритъ ему, чтобы черезъ каждыя пять минутъ доносили ему о здоровьи великой княжны.

Долгорукій хочетъ войти къ нему, успокоить, разговорить его, но онъ гонитъ отъ себя и Долгорукаго, онъ никого теперь не можетъ видѣть. никто ему не нуженъ.

XIV.

Прошло еще нѣсколько дней. Великая княжна все лежитъ въ постели и по нѣскольку разъ въ день пьетъ женское молоко. Ей какъ будто сначала стало немного лучше. Императоръ почти не отходитъ отъ нея. Когда она засыпаетъ, онъ по цѣлымъ часамъ прислушивается къ ея дыханію. Когда она просыпается. онъ ловитъ каждый ея взглядъ, каждое ея слово. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея слабой, холодной руки. Теперь она повторяетъ, что ей лучше гораздо: она можетъ уже сидѣть на постели, можетъ спустить ноги на полъ.

Она проситъ его успокоиться, заняться дѣлами или отдохнуть немного, повеселиться.

Назначенъ балъ у графа Вратислава, австрійскаго посланника.

Наталья упрашиваетъ брата, чтобы онъ непремѣнно туда поѣхалъ.

Ей гораздо лучше. Она такъ волнуется, его уговаривая, что ради ея спокойствія онъ рѣшается ѣхать. Его сопровождаетъ принцесса Елизавета. Но теперь онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, онъ уже ни къ кому ее не ревнуетъ, ему нѣтъ до нея никакого дѣла. Онъ весь, всецѣло отдался сестрѣ, думаетъ только о ней, живетъ только ею.

Балъ многолюденъ и роскошенъ. Приглашенныхъ цѣлыя толпы и между ними только и разговоровъ, что о больной принцессѣ. Всѣмъ ясно, что она очень плоха, врядъ-ли поправится. Что у нея за болѣзнь? Доктора говорятъ, что легкія портятся, чахотка. Но великая княжна въ послѣдній годъ почти совсѣмъ не кашляла. Что-то очень странно. Особенно иностранные резиденты подозрительно шепчутся объ этой болѣзни. Герцогъ де-Лирія прямо сказалъ Остерману, что подозрѣваетъ тутъ не худое состояніе легкихъ, а вѣроломство какого-нибудь тайнаго врага, который захотѣлъ погубить великую княжну. Но кто этотъ тайный врагъ, ни герцогъ де-Лирія, ни баронъ Андрей Ивановичъ придумать не могутъ. Остерманъ дѣйствительно озабоченъ и печаленъ. Онъ всегда любилъ великую княжну Наталью, всегда былъ ея искреннимъ другомъ. Къ тому-же ея смерть должна очень повредить многимъ его серьезнымъ планамъ. Какъ-бы только узнать ему вѣроломнаго врага, если такой существуетъ; но онъ не можетъ узнать его и кончаетъ тѣмъ, что не соглашается съ герцогомъ де-Лирія. Царевна всегда была слабаго здоровья и уже три года тому назадъ сильно жаловалась на грудь и много кашляла.

«Вотъ и планы наши насчетъ инфанта Донъ-Карлоса прахомъ разсыпаются!»—печально замѣчаетъ герцогъ де-Лирія, отходя отъ Остермана.

Императоръ не танцуетъ: не влечетъ его никакое веселье, онъ то и дѣло посылаетъ гонца во дворецъ узнать, что съ великой княжной. И вотъ въ началѣ еще бала, въ 10-мъ часу, гонецъ доноситъ ему, что великой княжнѣ опять хуже и императоръ, даже не простясь съ хозяиномъ, уѣзжаетъ съ бала, спѣшитъ къ сестрѣ и застаетъ ее опять съ горящими глазами, съ холоднымъ потомъ на лбу, съ выраженіемъ муки на блѣдномъ лицѣ.

Онъ остается у ея постели, онъ рѣшился такъ провести всю ночь, не отходя отъ нея, но, измученный, утомленный долгой безсонницей, незамѣтно засыпаетъ въ креслѣ. Она прислуши-

вается: онъ спитъ глубоко, она велитъ дежурной фрейлинѣ удалиться и остается одна, съ уснувшимъ братомъ.

Жадно, не отрываясь, глядитъ она на него, точно хочетъ наглядѣться до сыта, и никакъ не можетъ. По временамъ боль въ груди такъ невыносима, что она напрягаетъ всѣ свои послѣднія силы, чтобы не стонать, чтобы этими стонами не разбудить его. Она уже знаетъ, что ей не подняться, знаетъ, что пришли послѣдніе дни, а можетъ быть часы, можетъ быть минуты. Да, она умираетъ и ничто, никакія человѣческія силы не спасутъ ее. Она умираетъ такъ ужасно рано и такъ не хочется ей умирать, такъ жалко разставаться съ жизнью. Хотя бы немного еще пожить; вѣдь, еще совсѣмъ почти что и не жила она, только приготовлялась къ жизни. Все было еще впереди; такъ недавно казалось, что времени такъ много, что и конца ему нѣтъ. А вотъ кончается, кончается жизнь, уходитъ—и ничѣмъ не удержать ее. Страшно, тяжко!

Слезы бѣгутъ по щекамъ бѣдной царевны. Что-же безъ нея будетъ, что будетъ съ братомъ? Онъ будетъ такъ огорченъ, его ожидаетъ такое горе! Но нѣтъ, не то, не то... Онъ молодъ, легкомысленъ, забудетъ ее скоро, поплачетъ, потоскуетъ и забудетъ. А потомъ что-же? Потомъ снова явится Лиза, замѣнитъ ея мѣсто. Долгорукіе совсѣмъ заберутъ его въ свою власть; Иванъ въ конецъ его испортитъ, пріучитъ ко всему дурному. Боже мой! пожалуй, пить еще пріучитъ его!...

«На кого же я оставлю, кому поручу его!» ломаетъ руки несчастная царевна. И ясно, ужасно ясно понимаетъ она, что не на кого его оставить, некому поручить. Ни одного близкаго, ни одного любящаго человѣка! Баронъ Андрей Ивановичъ? Но давно уже хорошо поняла Наталья, что баронъ Андрей Ивановичъ не оплотъ и не защита; онъ любитъ ихъ, истинно любитъ, но все же себя любитъ гораздо больше. Ни отъ чего дурного не остережетъ онъ брата, да еслибы и нашелъ въ себѣ силы остеречь, то не на долго, не будетъ слушаться его Петруша, а Долгорукіе скоро такъ устроятъ, что совсѣмъ удалятъ Андрея Ивановича и будетъ еще тѣмъ хуже. Ужасныя мысли!

«Зачѣмъ судьба такъ немилостива, зачѣмъ мы родились въ царскомъ семействѣ!? Были бы простые люди и было бы лучше!» и Наталья проклинаетъ блескъ величія, съ дѣтства ихъ окружающій. Но къ чему проклинать? Такъ угодно Богу. Совершенно обезсиленная она перестаетъ совсѣмъ думать; какой-то полусонъ, какое-то тихое забытье на нее находитъ; всѣ предметы сливаются передъ глазами; она уже не видитъ брата, ничего не видитъ; ей начинаетъ казаться что-то странное, неопредѣленное, блестящее.

Вотъ она летитъ куда-то, быстро летитъ, несетъ ее вѣтеръ, летитъ она и прилетаетъ въ какую-то дивную страну, гдѣ все свѣтло и ясно, гдѣ вѣчное лѣто... Голубое море плещется о берегъ, а на берегу растутъ цѣлыя рощи душистыхъ лимоновъ, по вѣткамъ порхаютъ пестрыя птицы и поютъ чудныя пѣсни. Далеко за душистыми рощами виденъ большой городъ. Царевна летитъ къ этому городу, летитъ надъ его сверкающими на солнцѣ улицами, влетаетъ въ садъ. Кругомъ журчатъ фонтаны, съ деревьевъ, отъ легкаго дуновенія вѣтра, опадаютъ сотни блестящихъ бѣлыхъ цвѣтовъ, усыпаютъ дорожки. Впереди виднѣется роскошное зданіе, мраморныя ступени, а по бокамъ бѣлыя статуи. И вотъ съ этой широкой мраморной лѣстницы навстрѣчу царевнѣ спѣшитъ прекрасный юноша. О! какъ онъ хорошъ, какъ чудно хорошъ онъ, даже прекраснѣе брата! Онъ беретъ ее за руку и вмѣстѣ съ нимъ идетъ она по широкимъ аллеямъ, и мраморныя статуи киваютъ ей головами, и душистыя деревья склоняютъ надъ ней свои вѣтки, и птицы поютъ ей, и струйки фонтановъ журчатъ ей свои привѣты. Необъятное, дивное счастье наполняетъ ей душу; прекрасный юноша шепчетъ ей сладкія рѣчи. Она не понимаетъ словъ его, но душа и сердце понимаютъ ихъ значеніе и сама она ему отвѣчаетъ и говоритъ, не словами говоритъ, а восхищенной своей душою. И долга ихъ бесѣда, и не замѣчаютъ они времени. Спускается надъ ними тихій вечеръ и еще прекраснѣе становится природа, еще великолѣпнѣе кажется озаренный лучами заката величавый замокъ, еще слаще шопотъ фонтановъ...

«Донъ-Карлосъ!»—шепчетъ царевна:—«Донъ-Карлосъ!»—повторяетъ она уже очнувшись отъ своихъ грезъ. «Донъ-Карлосъ!!» Она глядитъ кругомъ себя. Тихо въ ея опочивальнѣ; братъ крѣпко спитъ, голова его склонилась на грудь и онъ ровно дышетъ.

«Донъ-Карлосъ!» Царевна вынимаетъ изъ подъ подушки маленькій медальонъ, глядитъ на него, и радостная, блаженная улыбка виднѣется на губахъ ея, и уже на яву, въ полномъ сознаніи начинаетъ мечтать она о далекой, никогда не виданной, волшебной странѣ, про которую такъ хорошо разсказываетъ герцогъ де-Лирія, про далекаго, прекраснаго принца, который могъ сдѣлаться близкимъ и могъ принести ей счастіе... И онъ уже приносилъ не разъ ей его, приносилъ въ дѣвическихъ грезахъ. Зачѣмъ же все это проходитъ невозвратно и зачѣмъ не судьба сбыться этому счастію! Зачѣмъ умирать такъ рано! о, Боже, за что?

Другія мысли приходятъ въ голову царевны. Ей вспоминаются годы дѣтства. Вспоминается грозный образъ покойнаго дѣда,

прекрасное лицо бабушки Екатерины. Потомъ хочется ей заглянуть еще дальше, и начинаетъ вспоминатъся совсѣмъ позабытый, нѣжный образъ, склоненный надъ нею. Это образъ ея матери, принцессы Шарлотты. Всѣ они умерли, всѣхъ ихъ нѣтъ, и мы также умремъ, умремъ скоро, всѣ умремъ...

«Боже! да о чемъ же я думаю! Я умираю, умираю, а онъ, вѣдь, живъ, онъ остается. Что же мнѣ показалось, что и онъ тоже умираетъ?!..» Она глядитъ на брата и не можетъ отвязаться отъ какого-то страшнаго чувства, запавшаго ей вдругъ въ сердце.

Все кажется ей, что не одна она умираетъ. «Да, онъ умретъ!— наконецъ рѣшаетъ она:—умретъ и это хорошо, это лучше; пусть онъ умретъ, пусть идетъ вслѣдъ за мною! Тамъ, въ томъ мірѣ, мы снова всѣ будемъ вмѣстѣ... всѣ кого люблю я... всѣ мы соберемся. Да, пусть онъ умретъ, онъ долженъ умереть, это его счастіе. Теперь онъ умретъ еще честнымъ, не загрязненнымъ, добрымъ и благороднымъ, а живъ останется, что изъ него сдѣлаютъ, чѣмъ онъ кончитъ? Нѣтъ, пусть умретъ, пусть идетъ за мною!..»

XV.

Въ ночь на 22-е ноября совсѣмъ стало плохо великой княжнѣ Натальѣ. Нѣсколько часовъ сряду она металась на постели и стонала. Юный императоръ не могъ слышать этихъ стоновъ: они разрывали ему сердце, и въ тоже время онъ жадно къ нимъ прислушивался, ловилъ каждый звукъ и не отходилъ отъ сестры. Наконецъ, она нѣсколько успокоилась, хотя это спокойствіе не предвѣщало ничего добраго. Ея лицо окончательно измѣнилось и всякій, взглянувъ на нее, ясно видѣлъ, что она умираетъ. Она велѣла позвать къ себѣ барона Остермана и цесаревну Елизавету. Оба они были все время въ сосѣдней комнатѣ и немедленно явились на зовъ ея.

— Прощайте,—спокойно сказала имъ Наталья.—прощайте!

При этомъ страшномъ словѣ, раздирающій душу крикъ вырвался изъ груди императора, и онъ почти безъ чувствъ упалъ въ кресло.

— Наташа!—опомнившись, бросился онъ къ ея постели:—Наташа, что ты сказала! Зачѣмъ ты прощаешься?

— Прощай, мой голубчикъ,—тихо отвѣтила она:—теперь все кончено, я умираю...

— Наташа!—стоналъ и метался императоръ:—это неправда! Это не можетъ быть! Ты выздоровѣешь, ты останешься жива. Зачѣмъ ты меня мучишь?

Но она ужъ не могла теперь скрываться, да и не хотѣла этого.

— Лиза,—обратилась она къ цесаревнѣ:—если я въ чемъ была виновата передъ тобою, прости меня,—я тебя очень любила, всѣмъ сердцемъ любила.

Цесаревна ничего не отвѣчала и плакала, склонившись надъ ней.

— Только одно у меня было противъ тебя: я боялась за брата. Лиза, вотъ я умираю и передъ смертью прошу тебя быть его другомъ, другомъ и родною, но никогда не соглашаться выйти за него замужъ.

— Наташа, голубчикъ мой,—всхлипывая шепнула Елизавета:— зачѣмъ ты такъ обо мнѣ думаешь?! Спроси его, онъ тебѣ скажетъ, что я ему всегда отвѣчала, когда заговаривалъ онъ со мною объ этомъ. Ты дурно обо мнѣ думала, Наташа: я никогда не могу быть для него ничѣмъ, кромѣ друга и родственницы.

— Теперь я вѣрю тебѣ, Лиза, вѣрю, и спокойна. Прощай, поцѣлуй меня, не вспоминай обо мнѣ дурно...

Цесаревна нѣжно обняла умиравшую, и горько заплакала.

— Подойдите ко мнѣ, Андрей Иванычъ,—опять едва слышно заговорила Наталья:—подойдите ко мнѣ, другъ мой. Не оставьте его, не уходите отъ него, умоляю васъ, пожалѣйте его, не дайте его врагамъ, вѣдь, вы сами видите, что ищутъ только его погибели, не оставьте его!—Она едва нашла силу поднять свою руку и протянуть ее Остерману. Онъ молча плакалъ и покрывалъ эту холодѣвшую руку поцѣлуями.

— Петруша, голубчикъ мой, ненаглядный,—обратилась Наталья къ брату:—какъ много хотѣла-бъ я сказать тебѣ, да силъ нѣтъ. Не печалься обо мнѣ, Петруша! Вотъ недавно я и сама тосковала, умирать не хотѣлось, а теперь, право, вижу, что такъ лучше, тамъ лучше будетъ, навѣрное! Петруша, только теперь объ одномъ тебѣ я думаю. Поклянись мнѣ, дай мнѣ слово, что исполнишь мою послѣднюю просьбу...

Петръ хотѣлъ говорить, но не могъ: рыданья душили его и онъ безсильно двигалъ губами и не произносилъ ни одного слова.

— Петруша, слушай меня, обѣщай мнѣ... молю тебя... образумься, вспомни что ты государь. Оставь эти вѣчныя веселья, не забывай дѣлъ, бывай въ Совѣтѣ, а главное... главное, сейчасъ, какъ меня похороните, уѣзжай въ Петербургъ, въ Петербургъ... вотъ мой послѣднiй завѣтъ тебѣ, моя послѣдняя просьба, мое послѣднее слово, въ Петербургъ, скорѣй!.. Иначе и ты совсѣмъ погибъ, и погибла Россiя. Обѣщаешь ли ты мнѣ это, обѣщаешь ли?

— Да!—едва слышно выговорилъ Петръ, упадая на колѣни

передъ сестрой. Она положила свои руки на его голову и замолчала. Тишина воцарилась въ комнатѣ, только рыданія присутствовавшихъ по временамъ ее нарушали. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Наталья приподнялась, устремила блестящіе глаза свои въ пространство передъ собою и заговорила что-то, скоро, скоро, и никто не могъ понять словъ ея: она ужъ потеряла сознаніе, она бредила. За послѣдней вспышкой энергіи наступило полное безсиліе. Она снова упала на подушку и осталась неподвижна; ея губы все что-то шептали, но не было звуковъ. Императоръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему страшно было глядѣть на сестру и въ-то же время онъ не могъ отъ нея оторваться. Его глаза такъ и тянуло къ ней, такъ и приковывало.

Баронъ Остерманъ и Елизавета, въ слезахъ, тоже едва выносили зрѣлище этой агоніи. Умиравшая то слабо стонала, то затихала на нѣсколько минутъ, то вдругъ опять порывалась приподняться и не могла, то начинала говорить что-то брату, подзывала къ себѣ Остермана, то забывала ихъ всѣхъ, возвращалась въ какой-то иной міръ, открывавшійся передъ ней. А время шло: былъ ужъ пятый часъ, приближалось утро. Вотъ Наталья успокоилась. Ея порывистое дыханіе стало ровнѣе. Она еще разъ обратилась къ брату и сказала ему слабымъ шопотомъ:

— Петруша, не плачь, я знаю, мы разстаемся не на долго. Мы свидимся скоро, скоро... до свиданья!..

Она слабо приподняла руку и тутъ же ее опустила и вздрогнула. Ея глаза остановились. Петръ наклонился къ ней ближе, охватилъ ея голову и вдругъ отшатнулся съ исказившимся лицомъ, въ страшномъ ужасѣ.

— Умерла,—крикнулъ онъ:—умерла! — и, зашатавшись, безъ чувствъ упалъ на полъ.

Въ эту минуту дверь въ комнату отворилась и на порогѣ показалась небольшая согбенная фигура въ черномъ. Она быстро поглядѣла на всѣхъ, увидѣла императора на полу, а надъ нимъ Остермана и Елизавету, подошла къ кровати царевны, дотронулась рукою до ея неподвижнаго, холодѣвшаго лица, опустилась на колѣни и стала молиться. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ Остерманъ и цесаревна обратили на нее вниманіе. Она все стояла и молилась. Тихія слезы капали изъ ея глазъ и падали на мертвыя, холодныя руки Натальи. Но вотъ она поднялась съ колѣнъ, она взглянула на Остермана и Елизавету. Злоба и ненависть блеснули въ глазахъ ея и скривились блѣдныя старческія губы... Крѣпко упираясь одною рукою на посохъ, она вытянула другую передъ собою, какъ будто всѣхъ отъ себя отстраняя.

— И къ умирающей не позвали, мертвую ужъ застала!—про-

говорила старая царица Евдокія Өедоровна и медленно вышла изъ комнаты.

На другое утро усопшая царевна ужъ лежала въ гробу. Народъ допускался поклониться ея тѣлу. Великій плачъ стоялъ въ траурной комнатѣ. Плакали почти всѣ, кто ни приходилъ сюда, и плакали непритворно, не по одному заведенному обычаю плакать надъ покойникомъ: всѣ любили усопшую царевну, всѣ жалѣли объ ея безвременной смерти, въ одинъ голосъ твердили, что ангелъ во плоти была царевна. Никто дурного слова отъ нея не слыхивалъ, со всѣми бывала ласкова, всѣхъ дарила привѣтомъ и улыбкою.

«Какъ цвѣточекъ прекрасный сіяла она на солнышкѣ и завяла какъ цвѣточекъ»—такъ говорили московскіе жители. Да и рѣчи ближнихъ придворныхъ и сановниковъ мало чѣмъ отличались отъ рѣчей этихъ. Всѣ, какъ есть всѣ, жалѣли царевну. Остерманъ съ женою совсѣмъ были неутѣшны, весь день навзрыдъ плакали; цесаревна Елизавета тоже не осушала глазъ. Объ императорѣ и говорить нечего, онъ весь день метался въ страшномъ отчаяніи, не заснулъ ни на минуту, маковой росинки у него во рту не было, ничѣмъ нельзя было его успокоить. Въ одинъ день онъ страшно измѣнился: все лицо отъ горькихъ слезъ опухло, дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ, иногда даже бормоталъ несвязныя фразы. Его едва увели изъ комнаты умершей сестры, но онъ часто туда возвращался. Придетъ взглянетъ въ лицо ея и съ дикимъ крикомъ и рыданьями опять бѣжитъ прочь, и опять возвращается, и опять кричитъ и плачетъ—просто не знали, что съ нимъ дѣлать.

Вечеромъ, когда уже перестали пускать народъ во дворецъ, и комната, гдѣ стоялъ гробъ, совсѣмъ опустѣла, Петръ снова подошелъ къ тѣлу сестры. Все было тихо, только мѣрно раздавалось чтеніе псалтиря надъ покойницей. Она лежала вся въ бѣломъ, на половину прикрытая драгоцѣнной парчею. Императоръ смотрѣлъ на нее и ужъ не плакалъ: онъ, кажется, выплакалъ всѣ свои слезы. Онъ не метался, не кричалъ, но еще болѣе страшнымъ казался въ этой притихшей скорби. Онъ глядѣлъ на сестру совсѣмъ почти безумными, помутившимися глазами. Еще такъ недавно она могла взглянуть на него, могла ему улыбаться, и вотъ неподвижна, глаза ея закрыты. О! какъ она измѣнилась, какъ худа она, какъ прозрачна, голубыя жилки видны, но тихо и спокойно лицо ея. Онъ все смотритъ, и вотъ ему кажется, что она начинаетъ тихо улыбаться. Но нѣтъ! нѣтъ, эта улыбка неподвижна, съ этой улыбкой она заснула, эта улыбка осталась на лицѣ ея. И вспомнилось ему какъ, умирая, въ послѣднюю минуту она шепнула, что разлука ихъ не

на долго. что онъ скоро будетъ съ нею. «О! когда-бы...—думаетъ императоръ.—Зачѣмъ мнѣ жить? Не хочу! Ничего мнѣ не надо. только-бы съ нею...» И опять страшно ему становится, и опять онъ винитъ себя въ ея смерти: онъ такъ ее мучилъ своимъ дурнымъ поведеньемъ, она такъ за него страдала, такъ плакала, онъ всему виною. Вѣдь, вотъ еще недавно просила она его не ѣхать на охоту, остаться въ Москвѣ, заняться дѣлами, аккуратно посѣщать собранія Верховнаго Совѣта, и онъ даже обѣщалъ ей, но не исполнилъ своего обѣщанія, на другой же день поѣхалъ на охоту и не видѣлъ ее двѣ недѣли. Боже! да развѣ возможно это, онъ точно извергъ какой былъ съ нею!.. Если бъ возможно было вернуть, отъ всего-бы отказался онъ, только бы быть съ нею, только-бы слышать ея голосъ, только бы видѣть ея улыбку...

— Наташа, дорогая, шевельнись, очнись, скажи слово, все для тебя будетъ, все я брошу! Каждую минуточку буду спрашивать чего ты хочешь, и буду только то дѣлать, что ты посовѣтуешь. Наташенька, голубчикъ мой! Но она не слышитъ, она не слышитъ!

Она просила его, умирая, подумать о себѣ, начать новую жизнь. Послѣднее слово ея было, чтобы онъ уѣхалъ изъ Москвы опять въ Петербургъ. Онъ обѣщалъ ей. Онъ уѣдетъ... Да и развѣ можно теперь оставаться въ Москвѣ, развѣ будетъ онъ въ состояніи видѣть этотъ городъ, видѣть этотъ домъ, гдѣ была она, и гдѣ ея больше нѣтъ. Конечно, онъ уѣдетъ... Онъ совсѣмъ измѣнится, его не узнаютъ. Пусть она оттуда, съ неба, глядитъ на него, и останется имъ довольна. Пусть она проститъ его, пусть только проститъ! Да, онъ исполнитъ всѣ ея просьбы, всѣ ея желанья и потомъ будетъ ждать когда наступитъ свиданье, когда исполнится ея обѣщаніе, когда онъ уйдетъ за нею и къ ней...

Послѣ похоронъ великой княжны, императоръ переѣхалъ въ кремлевскій дворецъ. Онъ не могъ оставаться въ томъ домѣ, гдѣ все напоминало ему страшную утрату. Но вмѣстѣ съ нимъ не переѣхала цесаревна Елизавета.

XVI.

А тамъ, далеко, за тысячи верстъ отъ Москвы, за тысячи верстъ отъ всѣхъ волненій московскихъ, тишина великая стояла надъ небольшимъ островомъ, образуемымъ рѣками Сосвою и Вогулкою. Кругомъ страна дикая; горы на сотни верстъ тянутся, лѣса безконечные. На островѣ городокъ—Березовъ.

У самаго берега Сосвы, гдѣ еще недавно пустырь былъ, выросъ вдругъ маленькій домикъ въ четыре комнаты и съ часовенкой. Домикъ этотъ построилъ почти весь своими руками свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Въ одной комнаткѣ помѣстились княжны, въ другой — князь съ сыномъ; въ третьей — прислуга; четвертая комната отведена была подъ кладовую. А гдѣ княгиня Дарья Михайловна? Гдѣ ее помѣстили? Далеко она. Лежитъ она въ могилѣ, въ селѣ Услонѣ, близъ Казани, на берегу рѣки Волги. Не вынесла дороги, а пуще — всякихъкъ му душевныхъ и оскорбленій, бѣдная Дарья Михайловна. Страшная была дорога въ Березовъ. Чего, чего только не натерпѣлись Меншиковы. Когда вышелъ имъ приказъ оставить Раненбургъ, они выѣхали въ рогожной кибиткѣ и въ двухъ простыхъ телѣгахъ. Не проѣхали и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, которому поручено было наблюдать за ссыльными, нагналъ ихъ съ военной командой и всею бывшею княжеской дворней. Грозно и съ бранью приказалъ онъ Меншиковымъ выйти изъ повозки. Солдаты и дворня стали выбрасывать на дорогу княжескіе пожитки. Мельгуновъ объявилъ, что, по приказу Верховнаго Тайнаго Совѣта, онъ долженъ осмотрѣть, не взяли ли Меншиковы чего лишняго противъ описи, и радъ онъ былъ показать власть свою, издѣваться надъ вчерашнимъ властелиномъ земли русской. Все отобралъ онъ, что только можно было.

Молодой князь Александръ Александровичъ взялъ было съ собою нѣсколько мелкихъ вещичекъ, платья пары три запасного, для занятій инженерные инструменты, зеркальце, три гребенки, съ табакомъ жестянку. Совсѣмъ еще мальчикъ былъ князь Александръ, но и его не пожалѣлъ Мельгуновъ — все это у него отнялъ. Замѣтилъ, что у юноши карманъ оттопырился:—«эй, что это у тебя въ карманѣ, сказывай?» Со слезами неудержимыми сталъ прижимать князь Александръ къ себѣ то, что было у него въ карманѣ, ужъ очень выдать не хотѣлось. Но Мельгуновъ силой отнялъ. Это былъ маленькій мѣшечекъ съ полушечками на два рубля. Обратился затѣмъ Мельгуновъ и къ княжнамъ. У нихъ вещей было немного, только кое-что для работъ и рукодѣлій, да теплыя епанечки, шапочки, юбки, чулки.

— Это еще на что? — крикнулъ Мельгуновъ. И солдаты все отобрали. Швырнули сундукъ съ телѣги прочь, посыпались ленты, нитки, лоскутки разныхъ матерій.

Александра Александровна не удержалась и заплакала отъ оскорбленій, а солдаты стали смѣяться, перебрасывать другъ другу съ неприличными шутками ея ленточки. Одинъ сталъ напяливать на себя ея кофточку. Александръ Даниловичъ и Дарья

Михайловна закрылись въ своей кибиткѣ рогожей, чтобъ не видѣть этого позора. Долго шелъ осмотръ, наконецъ, несчастныхъ отпустили. На Марьѣ Александровнѣ оставили только тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ, на головѣ бѣлый атласный чепчикъ, а для зимняго времени зеленую тафтяную шубку. На младшей княжнѣ оставили зеленую тафтяную юбку, бѣлый штофный подшлафрокъ и такую же какъ у сестры шубку, и на головѣ такой же бѣлый атласный чепчикъ.

Вся рухлядь домашняя князей Меншиковыхъ состояла изъ двухъ лопатокъ, котла съ крышкою, трехъ кастрюль мѣдныхъ, двѣнадцати тарелокъ оловянныхъ, да трехъ треногъ желѣзныхъ. Не дали имъ ни ножа, ни вилки, ни ложки.

И поѣхали дальше Меншиковы, и всюду, гдѣ ни проѣзжали они, народъ толпами сходился глядѣть на нихъ, кричалъ имъ вслѣдъ, показывалъ пальцами и плевался.

Вотъ похоронили бѣдную Дарью Михайловну, вотъ ужъ и Сибирь давно; въ Тобольскъ пріѣхали. Ѣдутъ мимо ссыльныхъ, что на дорогѣ работаютъ. Одинъ изъ ссыльныхъ подбирается ближе къ телѣгѣ, гдѣ сидятъ княжны. Онѣ смотрятъ на него и совсѣмъ не понимаютъ, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Онъ нагнулся, набралъ въ горсть комъ грязи и кинулъ его прямо въ лицо княжнамъ.

— Вотъ, на-жъ тебѣ, Александръ Данилычъ,—закричалъ онъ старому князю: — вотъ твоимъ дѣткамъ отъ меня гостинецъ. Упряталъ ты меня сюда, — на-жъ тебѣ! Встрѣтился-таки съ тобою, слава те Господи!

Затрясся старый Меншиковъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно и горько заплакалъ.

— Боже мой! — прошепталъ онъ, и крикнулъ ссыльному:— Въ меня бросай, въ меня бросай, извергъ, а не въ этихъ дѣтей несчастныхъ, ни въ чемъ они передъ тобой не виноваты!

Вотъ какой путь былъ княжескому семейству. Дня не проходило безъ горькихъ обидъ, несносныхъ оскорбленій.

Въ Березовѣ помѣстили ихъ сначала въ острогъ, но скоро поспѣлъ маленькій домикъ. Александръ Даниловичъ всѣ дни надъ нимъ работалъ, только въ этой работѣ и забывалъ свою тоску, свои муки невыносимыя. Поспѣлъ домикъ, перебрались туда Меншиковы. Княжна Марья Александровна принялась хозяйничать съ тремя кастрюлями мѣдными. Страшная жизнь началась, дни томительные: зима пришла лютая, дня почти совсѣмъ нѣту, тьма кромѣшная, тишина невозмутимая. Затеплятъ княжны огонекъ въ маленькой комнаткѣ, подсядутъ къ отцу измученному, съ каждымъ днемъ слабѣющему, и читаютъ ему книги священныя, а онъ разсказываетъ имъ свое прошлое. Поочередно дѣти

записываютъ его разсказы и такъ идутъ дни, недѣли, проходитъ мѣсяцъ—другой.

Вотъ сидятъ они какъ-то, а вокругъ домика вся та-же тьма непроглядная; слышно было какъ завываетъ мятелица, дребезжитъ отъ нея маленькое окошко. Вдругъ стукъ въ дверь. «Кто бы это могъ быть? Часъ такой поздній». Вздрогнули всѣ Меншиковы:—«неужто новое горе, неужто и тутъ не оставятъ ихъ въ покоѣ? можетъ быть на казнь еще повлекутъ, о Боже, хоть бы ужъ поскорѣе!...» Приподнялся было со своего стула деревяннаго, имъ же самимъ и сдѣланнаго, Александръ Даниловичъ, приподнялся, да пошатнулся и опять сѣлъ на мѣсто: ноги не послушались.

Дрожащими руками отперла дверь княжна Марья Александровна, отперла и руки у нея опустились: передъ нею мужчина молодой, въ теплую шубу вверхъ шерстью закутанный, весь въ инеѣ. Но разомъ смекнула княжна несчастная, что не здѣшній это человѣкъ. «Такъ видно и есть,. видно оттуда, изъ Россіи, присланъ намъ на погибель!..»

— Аль не узнали? — раздался молодой и радостный голосъ вошедшаго.—Да не диво, какъ и узнать-то!?..

Онъ сталъ снимать съ себя мѣховую одежду, шапку большую снялъ съ себя, и князь Александръ Даниловичъ и всѣ дѣти его разомъ всплеснули руками.

— Боже мой! Ѳедоръ Васильичъ, какими судьбами? Откудова?

— Изъ Москвы прямехонько.

— Такъ это тебя, тебя твои родичи прислали объявить мнѣ приговоръ смертный?—проговорилъ Александръ Даниловичъ.

— Нѣтъ, ты ошибся, князь!— тихимъ и печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ѳедоръ Васильевичъ Долгорукій, сынъ князя Василья Лукича:—ошибся ты, Александръ Данилычъ. Еслибъ отецъ родной день цѣлый на колѣняхъ стоялъ передо мною, умолялъ бы учинить тебѣ какую-нибудь обиду, словомъ однимъ не обидѣлъ бы я, да и теперь меня самого бы, кажется, на казнь повели, еслибъ узналъ кто, что я здѣсь, въ Березовѣ.

— Что-жъ все это значитъ?—спросили разомъ всѣ, ничего не понимая.

— А вотъ, дайте обогрѣться, дайте придти въ себя—все разскажу по порядку.

Княжны поспѣшили воды согрѣть, сварить что-нибудь для неожиданнаго гостя, а онъ тѣмъ временемъ разглядывалъ ихъ и едва отъ слезъ могъ удержаться, смотря на Марью Александровну.

Искренно погоревалъ онъ о кончинѣ доброй Дарьи Михай-

ловны, передалъ Александру Даниловичу все, что зналъ о дѣлахъ московскихъ, а про себя еще ни слова! не—говоритъ да и только, зачѣмъ отмахалъ четыре тысячи верстъ, пріѣхалъ въ этотъ ужасный Березовъ. Изъ-за вздору какого сюда не пріѣдешь

Наконецъ, пристали къ нему всѣ Меншиковы: говори, да говори, и онъ ужъ не можетъ больше отнѣкиваться. Раскраснѣлось все лицо его молодое, опустились густыя рѣсницы, глазъ поднять не можетъ ни на кого, неловко ему, страшно въ чемъто сознаться.

— Да не томи, Өедоръ Васильевичъ, говори, ради Бога, не скрывайся. Страшную вѣсть какую-нибудь, видно, ты привезъ съ собою, такъ не жалѣй насъ, ко всему привыкли, ничего ужъ теперь, кажись, не испугаемся, — говоритъ Александръ Даниловичъ.

— Можетъ, я и привезъ страшную вѣсть, да не для васъ, а для себя. Но ужъ была ни была, слушайте, всѣ слушайте: вспомни ты, князь мой милостивый, Александръ Даниловичъ, вѣдь, нерѣдко я къ вамъ въ Петербургѣ хаживалъ, и коли ты не былъ ласковъ, такъ ласкала меня добрая Дарья Михайловна, царствіе ей небесное. Вспомните, княжны мои милыя, не разъ я плясалъ съ вами въ веселое времячко. Княжна Александра была тогда еще совсѣмъ махонькая, такъ я все больше съ тобою, Марья Александровна, быть старался. И не даромъ для меня прошли тѣ дни. Ты то, можетъ, и вниманія никакого на меня не обратила, а я съ каждымъ разомъ все больше да больше о тебѣ думалъ, хотѣлъ было посвататься, да зналъ, что толку изъ этого не будетъ.

Всѣ изумленно и внимательно слушали Өедора Васильевича, а княжна, не отрываясь, смотрѣла на него странными, остановившимися глазами. Въ лицѣ ея ни кровинки не было. Она не шевелилась ни однимъ членомъ, точно окаменѣла.

— Да, видѣлъ, что проку никакого не будетъ. Сначала за Сапѣгу тебя сговорили и понялъ я,—охъ, тяжко было мнѣ!—понялъ я, что милъ тебѣ этотъ Сапѣга; ну, и ушелъ, и остался въ сторонѣ. Потомъ стала ты царской невѣстой. Ни душѣ живой не сказалъ я про мое лютое горе, а ужъ горе было такое, что и во снѣ прежде мнѣ не снилось: дня спокойнаго не вѣдалъ, ночи напролетъ не спалъ, слезъ потоки выплакалъ. Но вотъ пришло ваше время лютое; все я зналъ, все чуялъ заранѣе, да что-жъ въ томъ? Мнѣ и слова-то сказать не давали,—ротъ разину, отецъ закричитъ на меня: не твоего ума, говоритъ, это дѣло! Ну и молчалъ себѣ, только мучился. Потомъ, какъ выѣхали вы изъ Петербурга, пробовалъ я забыть тебя, Марья Александровна, во всѣ тяжкія пустился. Эхъ, стыдно сказать даже, но

не потаю, ужъ пьянствовать началъ, да тошно мнѣ стало, душѣ претила такая жизнь. Бросилъ я вино, бросилъ безпутства всѣ, а тоска не проходитъ, ужъ почти-что наяву ты стала мнѣ мерещиться, княжна моя золотая. А время идетъ, въ Москву переѣхали, тамъ мнѣ еще того тошнѣе сдѣлалось. Вотъ слышу: на васъ напасть новая, въ Сибирь, въ Березовъ васъ ссылаютъ, ну и не вытерпѣлъ. Отпросился у отца за-границу, взялъ паспортъ и вотъ, подъ именемъ Ивана Миронова, пробрался за вами сюда,— и здѣсь, какъ видите, и отъ тебя теперь, князь Александръ Даниловичъ, отъ тебя, Марья Александровна, все счастье мое заиситъ. Захотите—погубите однимъ словомъ, однимъ-же словомъ в счастливымъ человѣкомъ меня сдѣлаете...

Александръ Данилычъ ужъ давно сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и тихія слезы стекали по щекамъ его. Княжна Александра Александровна съ братомъ тоже плакали, одна Марья Александровна все попрежнему, неподвижно, не мигая, смотрѣла на молодого Долгорукаго. Вдругъ она порывисто встала съ мѣста, сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и всплеснула руками.

— Боже мой, Боже, нашелся человѣкъ, нашелся, не всѣ еще оставили! Еще не все кончено!!..

Она безумно зарыдала, зашаталась и, потерявъ сознаніе, упала на полъ.

Долгорукій, сестра и братъ кинулись къ ней, но долго не могли привести ее въ чувство.

Кое-какъ постлали гостю постель, спать уложили, но никто во всю ночь эту не сомкнулъ глазъ въ маленькомъ домѣ Меншикова. Княжна Марья Александровна все стояла на колѣняхъ передъ иконой и горячо молилась, и плакала, и металась—странное что-то, непостижимое съ ней творилось. На другой день она вышла къ князю Өедору Васильевичу, обняла его за шею обѣими руками, прижалась головою ему на грудь, рыдала и сквозь рыданья шептала ему:

— Голубчикъ, золотой ты мой, чудо великое сотворилъ ты надо мною!.. Ожесточилось совсѣмъ сердце мое, сокрушило меня горе лютое. Только смерти одной ждала я и желала, знала, что люди всѣ отъ меня отвернулись, знала, что всѣ не любятъ меня, презираютъ, ненавидятъ... И сама я никого не любила, сама всѣхъ ненавидѣла! Но отъ словъ твоихъ нежданныхъ, негаданныхъ, о какихъ я всю жизнь и помыслить-то не смѣла, растопилась, какъ воскъ вся душа моя. Въ мигъ одинъ совсѣмъ другою ты меня сдѣлалъ, сама не узнаю себя. Снова жить хочется и это мѣсто ужасное, эта жизнь безрадостная счастьемъ небеснымъ кажутся, вотъ что ты со мною сдѣлалъ!..

Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. Онъ глядѣлъ на нее и не могъ

наглядѣться, только молчаливыми ласками силился успокоить ея волненіе, но она не успокоилась, она рыдала все громче, и все страстнѣе, все горячѣе лились слова ея.

— Ненаглядный мой, въ одну ночь эту такъ тебя я полюбила, какъ не любила никого еще въ жизни, да думала, что и любить не сумѣю. Краше ты мнѣ теперь солнца небеснаго! Лютыя муки принять за тебя готова! Не отпущу тебя теперь отъ себя, жизнь ты моя, счастье ты мое!

Никогда еще, въ самые ясные дни величія Меншиковыхъ, не было такой радости въ ихъ домѣ, какъ теперь, въ крошечномъ, самодѣльномъ домикѣ на берегу Сосвы. Старикъ то и дѣло, что поперемѣнно обнималъ то дочь, то Долгорукаго, благословлялъ ихъ, плакалъ надъ ними и вспоминалъ жену свою покойную: сокрушался, что не дожила она до такой радости. Поуспокоившись немного, стали думать и судить о томъ, какъ свадьбу устроить. Трудно это было, но въ концѣ концовъ сумѣлъ молодой Долгорукій уговорить стараго березовскаго священника, подарокъ ему сдѣлалъ, свой барсовый плащъ богатый отдалъ, и обвѣнчалъ ихъ тайно священникъ.

Новая жизнь началась въ меншиковскомъ домѣ, нежданное, тихое счастье забралось подъ тесовую крышу. Прошла зима, лѣто наступило, лѣто короткое да жаркое: сибирское лѣто. И часто этимъ лѣтомъ березовскіе жители видали молодую чету, согласно да любовно гулявшую по рѣчному берегу. Неузнаваемой стала Марья Александровна, даже все лицо ея преобразилось. Ушла куда-то прежняя безжизненность, загорѣлись глаза ея темные. небывалый румянецъ на щекахъ вспыхивалъ; на диво похорошѣла она. Взглянувъ на нее теперь, можетъ быть и юный императоръ не сказалъ-бы, что дурна она. Видно и прежде только счастья не доставало, чтобы сдѣлать ее прелестною. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ, съ окладкою изъ серебряной блонды. Это платье подарилъ ей Ѳедоръ Васильевичъ: привезъ онъ его съ собою.

Но непродолжительно было счастье. 12 ноября 1729 года тихо, на рукахъ дѣтей, скончался Александръ Даниловичъ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ то и дѣлалъ, что молился, просилъ у Бога себѣ прощенья, раскаявался нелицемѣрно во всѣхъ старыхъ грѣхахъ своихъ. Съ просвѣтленной улыбкой отдалъ онъ Богу душу. А въ это время новая княгиня Долгорукая, Марья Александровна, готовилась стать матерью. Смерть отца на нее сильно подѣйствовала: она преждевременнно разрѣшилась отъ бремени двойнями и черезъ день умерла; умерли и дѣти. Такъ и похоронили ее въ одной могилѣ съ ними. Было это 26 декабря и въ этотъ день ей исполнилось 18 лѣтъ отъ роду.

Вслѣдъ за ея кончиной явился гонецъ изъ Москвы: Петръ II посылалъ дѣтямъ Меншикова вѣсть объ ихъ свободѣ, дозволеніе имъ жить въ деревнѣ. Слишкомъ поздно пришла эта милость: только Александра Александровна, да юный Александръ Александровичъ воспользовались ею.

Неутѣшный, совсѣмъ растерянный отъ горя, выѣхалъ изъ Березова князь Өедоръ Васильевичъ, и опустѣлъ домикъ, построенный знаменитымъ Данилычемъ, и давно-давно сравнялось и сгладилось мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, и никто во всей землѣ русской не зналъ тайну послѣдняго года жизни царской невѣсты: въ семьѣ хранили ее, не выдавали.

Долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ, столѣтіе цѣлое въ вѣчность кануло и только въ 1825 году, 30 іюля, узнали о томъ, что разсказано здѣсь нами.

Въ Березовѣ стали искать могилу Меншикова: сначала докопались до двухъ маленькихъ гробиковъ, обитыхъ сукномъ алымъ. Раскрыли гробики: увидали кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ, да два шелковыхъ головныхъ вѣнчика. Эти гробики стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ-же алымъ сукномъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Сняли крышку и увидѣли женщину, покрытую атласнымъ зеленымъ покрываломъ. Покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ покойницу, потому, не тревожа ее, разрѣзали атласъ посерединѣ ножницами. Сто лѣтъ тому назадъ похороненная оказалась почти свѣжею: лицо бѣлое съ синеватостью; зубы всѣ сохранились; на головѣ чепчикъ изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанный шелковой лентой; на лбу шелковый вѣнчикъ, шлафрокъ изъ тонкой шелковой матеріи красноватаго цвѣта, на ногахъ башмаки съ высокими каблуками, книзу суживающимися, передки остроконечные, изъ шелковой махровой матеріи. Могила оставалась цѣлый день открытою и къ вечеру лицо Марьи Александровны совершенно почернѣло. Гробъ опять зарыли въ землю.

Въ Березовѣ сохранилось еще одно воспоминаніе о царской невѣстѣ: въ Воскресенскомъ соборѣ тамошнемъ хранится золотой медальонъ, тонкой работы, а внутри его находится, свитая въ кольцо, прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Этотъ медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Өедора Васильевича. Больше ничего не напоминаетъ о Марьѣ Александровнѣ. Есть еще одинъ уголокъ земли русской, гдѣ успокоилась другая страдалица, несчастная Дарья Михайловна. Въ селѣ Услонѣ, на Волгѣ, возлѣ домика сельскаго дьячка разведенъ маленькій садикъ съ огородомъ. Среди полыни и крапивы видна старая надгробная плита

и на ней сохранилась надпись: «Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...».

Пройдутъ еще годы, сотрется старая надпись, расколется въ дребезги, или уйдетъ въ землю, и совсѣмъ забудется могильный камень. Истлѣютъ и свѣтлорусые волосы въ медальонѣ въ березовской церкви, но судьба несчастнаго семейства на вѣки сохранится и въ русской исторіи, и въ разсказахъ народныхъ, какъ великій примѣръ тлѣнности земного величія и надеждъ человѣческихъ.

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня смерти великой княжны Натальи. Первое время императоръ не зналъ куда дѣваться отъ тоски. Приближенные къ нему люди не на шутку боялись за его здоровье: онъ почти ничего не ѣлъ, запирался у себя по цѣлымъ днямъ, плакалъ. Но въ его годы горе не бываетъ продолжительно. Съ первыми весенними днями улыбка снова появилась на губахъ его и онъ снова велѣлъ снаряжать охоту.

Остерманъ началъ напоминать ему о послѣднемъ желанiи покойной, о данномъ ей словѣ. Со свойственнымъ ему краснорѣчiемъ убѣждалъ его спѣшить переѣздомъ въ Петербургъ.

Императоръ молча слушалъ и задумывался.

— Повремени немного, Андрей Ивановичъ,—говорилъ онъ:— уѣду, непремѣнно уѣду, и скоро, только теперь нужно съ Москвой проститься.

О необходимости переѣзда въ Петербургъ сталъ иной разъ поговаривать и князь Иванъ Алексѣевичъ, но зато остальные Долгорукiе толковали противное и говорили, что все это вздоръ и пустяки, будто дѣла стоятъ изъ-за пребыванiя въ Москвѣ,— отсюда точно такъ-же, какъ и изъ Петербурга, Россiею управлять можно. Крѣпко и могуче стояла Россiя и допрежъ Петербурга.

Умѣли князья Долгорукiе успокоивать и насчетъ завѣта покойной Натальи. Они толковали, что великая княжна находилась подъ влiянiемъ нѣмца Андрея Ивановича, а Андрей Ивановичъ, конечно, къ Петербургу тянетъ: не будь уговоровъ Андрея Ивановича, великая княжна сама никогда не помыслила-бы о Петербургѣ. И эти рѣчи были, какъ масло по сердцу, для императора. Онъ слушалъ ихъ радостно, находилъ въ нихъ для себя оправданiе. Но все-же часто, особенно по ночамъ, когда не спалось Петру, вспоминалась ему умершая, вспоминались ему слова ея, его обѣщанiе, и онъ снова плакалъ, и снова рѣшалъ, что,

«нѣтъ, непремѣнно въ Петербургъ ѣхать нужно. Только погодитъ онъ немного, а къ концу лѣта, во всякомъ случаѣ, что бы тамъ ни говорили, а изъ Москвы выѣдетъ».

Долгорукіе, и въ особенности Алексѣй Григорьевичъ, съ каждымъ днемъ забирали все больше и больше власти надъ императоромъ, и онъ не замѣчалъ этого. Некому ужъ было отрезвить его, растолковать ему и то, и другое, не съ кѣмъ было посовѣтоваться, не съ кѣмъ было отвести душу. Нѣтъ Наташи, да и другого друга тоже онъ лишился—красавицы тетушки Лизы. Долгорукіе то и дѣло разсказывали ему про нее дурныя вещи, увѣряли, что она его не только не любитъ, но даже желаетъ ему всякой погибели, ждетъ не дождется его смерти. И повѣрилъ императоръ, и совсѣмъ отвернулся отъ красавицы-тетки.

Алексѣй Григорьевичъ, увидѣвъ, что горе отошло отъ императора, сталъ что ни день придумывать ему новыя развлеченія. Его жена и дочери обязаны были всюду слѣдовать за государемъ, всячески веселить его, да и другимъ, придворнымъ дѣвушкамъ даны были строгія приказанія. Все только и думало о томъ, какъ бы хорошенько, безповоротно забрать въ руки Петра Алексѣевича. Одинъ князь Иванъ оставался попрежнему, только нѣтъ—и онъ измѣнился. Такъ же близокъ онъ къ императору, такъ же любитъ его, такъ же съ нимъ друженъ, но все чаще и чаще начинаетъ ему перечить, ласково, любовно, но все же перечить. Но не сердится на него императоръ: ни что не можетъ поколебать его любви къ старому другу.

Долгорукіе были очень недовольны княземъ Иваномъ. Отецъ то и дѣло на него накидывался, говорилъ о томъ, что это онъ со злобы на нихъ все имъ портитъ: они сдѣлаютъ, а онъ раздѣлываетъ. Иванъ Алексѣевичъ теперь уже спокойно выслушивалъ упреки. Въ немъ произошла большая нравственная перемѣна: оставилъ онъ прежнія баловства свои и затѣи; жизнь велъ трезвую. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы напомнить своему другу и государю о необходимости продолжать занятія науками, даже совсѣмъ помирился съ Остерманомъ. Не разъ приносилъ онъ Петру важныя бумаги, заставлялъ его ихъ прочитывать, растолковывалъ ихъ значеніе, и вмѣстѣ съ нимъ приготовлялъ резолюціи. Онъ старался всегда присутствовать при докладахъ сановниковъ, для того, чтобы какъ-нибудь не подвигнули государя на несправедливость. Однажды, стоя за креслами Петра, и видя какъ тому подносили къ подписанію смертный приговоръ, князь Иванъ, не говоря ни слова, укусилъ государя за ухо. Тотъ даже вскрикнулъ отъ боли, вскочилъ съ креселъ и съ изумленіемъ спросилъ своего друга, что значитъ это.

— Прежде чѣмъ подписывать бумагу,—спокойно отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ:—надо вспомнить, каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову!

Разсказъ объ этой сценѣ въ тотъ же день облетѣлъ всѣхъ придворныхъ: дивились дерзости молодого фаворита, объяснили все лишь тѣмъ, что онъ черезчуръ зазнался. Въ одномъ только мѣстѣ этотъ разсказъ былъ выслушанъ съ необыкновеннымъ восторгомъ: графиня Наталья Борисовна Шереметева даже въ ладоши захлопала отъ радости. Она рѣдко видѣлась съ Иваномъ Алексѣевичемъ,—онъ все время свое отдавалъ государю,—но жадно собирала она всѣ о немъ вѣсточки, все, что только могла добыть. Попрежнему тихо и довольно уединенно жила Наталья Борисовна въ огромномъ шереметевскомъ домѣ. Временами скучно ей становилось. И, кромѣ заботъ о сердечномъ другѣ Иванѣ Алексѣевичѣ, много новыхъ мыслей стало стучаться ей въ голову: жизнь заставляла задумываться. Дѣтскіе годы прошли. Ей скоро семнадцать лѣтъ исполнится, а разумна и учена она не по лѣтамъ; къ тому же и разныя нестроенія домашнія, никому невѣдомыя, учатъ и развиваютъ. Жизнь Натальи Борисовны въ домѣ далеко не веселая. Отецъ ея, знаменитый петровскій фельдмаршалъ, умеръ, оставивъ ее пятилѣтнимъ ребенкомъ. Мать баловала ее, любила безъ памяти, старалась о воспитаніи ея, чтобъ ничего не упустила она въ наукахъ, приставила къ ней *мадаму*, которая обучала ее по-французски, внушала дочери добрыя правила. И Наталья Борисовна, въ свою очередь, всѣмъ сердцемъ любила мать, и старалась ее слушаться, и старалась прилежно учиться. Но и мать пожила не долго. Осталась послѣ нея графиня молодая четырнадцати лѣтъ; братъ годомъ старше ея остался, а другія дѣти маленькія. Братъ сталъ хозяиномъ въ домѣ. Хоть всего ему было пятнадцать лѣтъ, но онъ уже тогда числился поручикомъ въ полку Преображенскомъ. При матери мальчикъ казался послушнымъ и скромнымъ, а почуялъ свою волю, и ухъ, какъ измѣнился! Всѣмъ по своему самъ распоряжается, то и дѣло хозяиномъ себя называетъ, сестру въ грошъ не ставитъ, а о дѣтяхъ маленькихъ ужъ и говорить нечего. Переселилась къ нимъ въ домъ старая бабушка Салтыкова, старуха—ничего, добрая, только стара очень, да и не такого характера, чтобы удержать внука. А тотъ съ каждымъ днемъ все больше и больше себѣ воли забираетъ, иногда тѣснитъ даже сестру; толкуетъ ей о томъ, что всѣ онѣ живутъ по его милости; что все ему принадлежитъ, онъ всему хозяинъ. Вотъ начинаетъ ужъ онъ во всѣ дѣла сестрины вмѣшиваться: говоритъ, то дѣлай, того не дѣлай. Охъ, какъ это тяжко! А и того тяжелѣе, какъ станетъ онъ дѣтей обижать, не выноситъ этого Наталья Борисовна—дѣтки

на ея рукахъ остались: она имъ теперь что мать. Такъ вотъ, какъ же тутъ не приходить печальнымъ мыслямъ, какъ же тутъ не смущаться? Не къ тому себя готовила, не того ждала для себя Наталья Борисовна. Характеръ у нея отъ природы веселый былъ, любила она и нарядиться, и поплясать, и повеселиться всячески, а теперь веселье на умъ нейдетъ, да и опять-таки, ее князь Иванъ больно смущаетъ. Не того бы хотѣлось дѣвушкѣ, что жизнь даетъ ей: хотѣлось бы почаще видѣться съ любимымъ человѣкомъ, хотѣлось бы знать навѣрное, что никто и ничто у нея его не отниметъ. И вѣритъ она въ него, вѣритъ, а все же подчасъ сомнѣнья берутъ: «ну, какъ ошиблась; ну, какъ обманулъ онъ ее; ну, какъ онъ насмѣется надъ нею?» Страшную минуту пережила она, какъ сказала ей Катюша Долгорукая про то, что Иванъ Алексѣевичъ не на шутку думаетъ жениться на принцессѣ Елизаветѣ. Встрѣтилась она какъ-то потомъ съ нимъ, отвернулась отъ него. Онъ поблѣднѣлъ весь, спрашиваетъ, умоляетъ ее сказать ему, за что такая немилость. Она еще не умѣетъ владѣть собой, не выдержала, прямо все сказала.

— Эхъ, а, вѣдь, говорила, что вѣришь мнѣ,—грустно отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ.—Нѣтъ, ты не мнѣ вѣришь, а вѣришь слуху всякому, вѣришь первому встрѣчному, всему что на меня тебѣ наскажутъ. Ну, да тутъ не совсѣмъ такъ; вотъ что я скажу тебѣ: точно, прежде были у меня такія мысли, но онѣ были до тебя, до того дня, знаешь, когда я къ тебѣ пріѣхалъ и открылъ тебѣ свою душу. Не на шутку, Наталья Борисовна. полюбилъ я тебя, а коли разъ такъ полюбишь, такъ какая же тутъ любовь другая? Только о тебѣ я теперь думаю, только и мечтаю о томъ, какъ бы намъ съ тобою всю жизнь прожить неразлучно.

И передалъ онъ ей весь свой разговоръ съ царевной Елизаветой въ лѣсу Всесвятскомъ, и она ему повѣрила и успокоилась.

Но Боже мой, Боже мой, когда же это будетъ, когда же это станется, то, чего такъ ждетъ она, то, о чемъ такъ она молится? Ну и опять: тѣ страхи, возбужденные цесаревной, разлетѣлись, остаются другіе страхи: продолжаютъ толковать о томъ, что безпутную жизнь ведетъ Иванъ Алексѣевичъ, что часто уѣзжаетъ онъ въ имѣніе свое, Горенки, и тамъ предается всякому разгулу. Увидитъ она его, хотѣлось бы спросить, да обо многомъ и спрашивать зазорно: если онъ и непутное дѣлаетъ, такъ не скажетъ ей. Обѣщалъ, что ради нея исправитъ жизнь свою, да кто его знаетъ, совладаетъ-ли съ собою? Но въ послѣднее время все чаще и чаще начинаетъ слышать она о сво-

емъ князѣ такое, отъ чего ликуетъ и радуется ея сердце. И впрямь видно онъ любитъ, и впрямь видно работаетъ надъ собою; сказала она ему, чтобы отъ всего дурного отвращалъ государя, вотъ онъ исполняетъ, и гнѣва его не боится, дѣлаетъ свое дѣло. Такъ какъ же не бить ей въ ладоши, какъ же ей не прыгать отъ радости, когда слышитъ она, что укусилъ онъ Петра за ухо!

Всю ночь послѣ этого извѣстія не заснула графиня, все думала о своемъ миломъ, а къ утру вотъ что даже придумала: придумала она, что очень ужъ много о себѣ мечтаетъ, что заставляетъ его исправляться, чтобы быть ея достойнымъ, а сама-то что-жъ она такая за святая, что за учитель такой безгрѣшный выискался! Можетъ, еще ей это нужно добиваться, чтобъ быть его достойной; у него душа свѣтлая, благородная, надо чтобъ и у нея была такая же. Если онъ умѣетъ принудить себя, отучить себя отъ всего дурного, такъ и она тоже должна умѣть бороться съ собою.

И вотъ Наталья Борисовна рѣшается измѣнить свою жизнь и каждый день достигать большаго и большаго совершенства, умѣнья обуздывать свои порывы, свои желанія. Она воздерживается отъ веселья, почти никуда не выходитъ изъ дому, сидитъ за книгами, учится...

Ужъ съ мѣсяцъ не видала, не встрѣчала нигдѣ князя Ивана Наталья Борисовна, и тоска разбираетъ такъ, что отъ этой тоски дѣваться ей некуда.

Вернулся домой старшій братъ, Петръ Борисовичъ. Спрашиваетъ она его, гдѣ Долгорукіе, на охотѣ, что-ли, или въ городѣ?

— Вернулись,—отвѣчаетъ.

— Ну, такъ я съѣзжу къ нимъ, провѣдаю.

— Ступай, коли тебѣ дома не сидится, — грубо сказалъ братъ.

Но она не обратила вниманія на тонъ его словъ, велѣла закладывать экипажъ и поѣхала.

Долгорукіе точно были дома. Княгиня Прасковья Юрьевна встрѣтила молодую графиню.

— Ахъ, голубушка, очень рада, что ты заглянула, поди къ Катюшѣ, поди, авось съ тобой она развеселится.

— А что съ ней?

— Да ничего, дуритъ дѣвка, просто не глядѣли бы на нее глаза мои. Совсѣмъ въ послѣднее время ни на что не похожа стала. Ужъ я и не знаю, что съ ней, чего ей еще нужно!

Наталья Борисовна отправилась къ княжнѣ и застала ее въ очень дурномъ расположеніи духа.

— Что съ тобою, Катюша?—участливо спросила она ее.

— Ничего!—мрачно отвѣтила Катерина Алексѣевна.

— Ну, не хочешь сказать, такъ я и не навязываюсь. А лучше бы сказала: если бѣда съ тобой какая, али непріятность, вмѣстѣ бы потолковали ты знаешь, что я сердечно люблю тебя.

Наталья Борисовна говорила это такимъ ласковымъ голосомъ, такъ дружески и искренно смотрѣла на Катюшу, что и та наконецъ, взглянула на нее привѣтливѣе.

— Много у меня бѣдъ всякихъ, Наташа,—сквозь навернувшіяся слезы проговорила она ей.—Бѣжала бы я изъ этого дома, а особливо отъ братца моего милаго!

— Опять онъ! Что-жъ онъ съ тобой дѣлаетъ?

— А то, Наташа, что ужъ и не знаю я до чего они доведутъ меня. Теперь, вишь, принуждаютъ всячески прельщать государя, хотятъ, чтобъ вышла я за него замужъ, ну... а мнѣ это ножъ вострый, не могу я этого. И пуще всѣхъ тутъ дѣйствуетъ братъ Иванъ...

И Катюша разсказала Натальѣ Борисовнѣ, что исторія эта началась ужъ давно, а теперь къ концу клонится.

Хотѣла было Наталья Борисовна успокоить ея тѣмъ, что переговоритъ съ ея братомъ, да побоялась, за себя побоялась, ничего ей не сказала, а рѣшилась только непремѣнно переговорить съ нимъ. Случай представился скоро. Она была приглашена во дворецъ, на вечеръ, и хоть часто отказывалась отъ подобныхъ приглашеній, но на этотъ разъ рѣшилась ѣхать. Первый контрадансъ танцовала она съ Иваномъ Алексѣевичемъ.

— Скажи на милость, князь, что это у васъ съ сестрою все нелады такіе, за что она на тебя сердится?

— Эхъ, давно это, Наталья Борисовна, ненавидятъ они меня всѣ дома, ну и сестра тоже лютымъ врагомъ своимъ считаетъ... А какой-же я ей врагъ? Никакого зла ей не желаю!

— Князь Иванъ, отвѣть мнѣ ты сущую правду: вѣрно это или нѣтъ, что ты хочешь насильно ее выдать замужъ за государя?

Князь вздрогнулъ, и даже поблѣднѣлъ немного.

— Кто тебѣ сказалъ, графиня?

— Кто-бы ни сказалъ, видишь, знаю. Зачѣмъ ты это берешь на себя, князь Иванъ? Не хорошо и не ждала я отъ тебя такого дѣла.

— Ну, такъ буду я съ тобой говорить по душѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ. Видишь-ли что, Наталья Борисовна: задумали мы давно ужъ это дѣло и, точно, что мнѣ первому пришла мысль такая; вѣдь, тоже человѣкъ я, думалъ родъ свой возвысить, а теперь и хотѣлъ бы назадъ, да, право, не могу я этого: теперь ужъ не въ моихъ рукахъ это дѣло.

— И это правда, это вѣрно, что ты не уговариваешь государя?

— Ни однимъ словомъ не уговариваю, да и, посуди сама, зачѣмъ мнѣ это теперь? Вѣдь, я одинъ сталъ, всѣ родные противъ меня. Вонъ сама ты знаешь, что сестра ненавидитъ,—вѣдь, если это случится, если государь обвѣнчается съ нею, такъ какого добра могу я ждать отъ нея?!

— Но, въ такомъ случаѣ, ты долженъ сдѣлать все, чтобы помѣшать...

— Охъ, не могу я этого,—печально проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ:—государь попрежнему меня любитъ, но не во мнѣ одномъ теперь сила. Любитъ онъ и отца моего, да, можетъ, побольше, чѣмъ меня. Ихъ много, они люди хитрые, меня ужъ не разъ перехитряли, мнѣ съ ними не бороться, да и надоѣло это такъ, что и сказать не могу. Пусть тамъ дѣлаютъ, что хотятъ, мнѣ-то что до этого? Ну пусть вооружаютъ противъ меня государя. Уйду отъ всего, не разъ говорилъ имъ это, уйду, чтобъ меня только оставили въ покоѣ. Не тотъ я сталъ въ послѣднее время: что любилъ прежде,—разлюбилъ, что манило къ себѣ и радовало,—теперь ненужнымъ кажется...

Тѣмъ и покончился разговоръ у нихъ. Увидѣла Наталья Борисовна, что тяжело на душѣ у ея друга, увидѣла она тоже, что совсѣмъ запутался онъ въ сѣтяхъ домашнихъ и не хватаетъ ему силы изъ нихъ выбраться.

II.

Императоръ увѣрялъ Остермана и молодого Долгорукаго, что вотъ онъ только поохотится немного, попрощается съ Москвою и уѣдетъ въ Петербургъ. Но этому прощанью и конца не было. Проходили дни и даже мѣсяцы, а императоръ все прощался: съ утра запрягали ему экипажъ и князь Алексѣй Григорьевичъ увозилъ его въ свою подмосковную, гдѣ они проводили, иногда вдвоемъ только, цѣлые дни. Какія забавы выдумывалъ для своей жертвы Алексѣй Григорьевичъ, намъ неизвѣстно. Но, видно, эти забавы были разнообразны, онѣ совершенно завлекали и отуманивали бѣднаго юношу. Онъ возвращался домой утомленный, но на другое утро опять повторялась та-же исторія. Долго боролся крѣпкій организмъ Петра съ этой ненормальной жизнью, но никакой физической силы не могло хватить на долго. И вотъ императоръ то и дѣло началъ простужаться, иногда дня на три, на четыре ложился въ постель и не могъ подняться. Природа

дѣлала послѣднія усилія: императоръ очень выросъ, возмужалъ необыкновенно; онъ теперь дѣйствительно казался совсѣмъ взрослымъ, сформировавшимся человѣкомъ. Лицо его перемѣнилось неузнаваемо: дѣтская нѣжность давно исчезла, глаза не были ужъ такъ свѣтлы и прекрасны. Сестра Наташа плакала-бы теперь горькими слезами, еслибъ могла видѣть брата, плакала-бы еще больше, еслибъ могла знать, что онъ ужъ почти позабылъ ее, что его страшное горе, которое всѣхъ такъ напугало, прошло безслѣдно. Окружающіе люди, у которыхъ еще оставалась совѣсть, съ ужасомъ помышляли о томъ, что готовитъ близкое будущее. При дворѣ только и толковъ было, что о поступкахъ князя Алексѣя Долгорукаго съ компаніей. Совсѣмъ ужъ, и окончательно завладѣли они императоромъ, совсѣмъ отдалили его отъ цесаревны Елизаветы, отъ Остермана, отъ всѣхъ, кто прежде ему былъ дорогъ и кто могъ имѣть на него хорошее вліяніе. Для каждаго была ясна цѣль такихъ поступковъ; не даромъ на охотахъ неизмѣнно присутствовали княжны Долгорукія: скоро кончится тѣмъ, что одна изъ нихъ будетъ царской невѣстой. Стала повторяться меншиковская исторія и враги Долгорукихъ утѣшали себя тѣмъ только, что эти замыслы все-же въ концѣ концовъ разрушатся и Долгорукіе приготовятъ себѣ участь Меншиковыхъ. Ненависть къ Алексѣю Григорьевичу и его семейству возростала съ каждымъ днемъ не только въ дворцовыхъ сферахъ, но даже и въ народѣ. Всѣмъ было извѣстно, какъ Долгорукіе злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ, какъ обираютъ казну, творятъ всякія несправедливости. Только за одного Ивана Алексѣевича еще находились заступники: въ войскѣ его любили.

Отлучки государя изъ Москвы, наконецъ, стали принимать изумительные размѣры: иногда онъ уѣзжалъ верстъ за пятьдесятъ, даже за сто и оставался на охотѣ больше мѣсяца.

Алексѣй Долгорукій изъ себя выходилъ, что такъ долго приходится ему возиться и все-же еще не достигать никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. «Ну да ужъ добьюсь-же я, добьюсь!— повторялъ онъ себѣ:—ужъ будетъ Катюша императрицей; такъ или иначе, а дѣло сдѣлаю». Онъ призывалъ къ себѣ Катюшу и начиналъ ей всякія внушенія. Сначала она ихъ молча выслушивала, но въ послѣднее время совсѣмъ отъ рукъ отбилась.

— Эхъ, дѣтками Богъ наградилъ!—кричалъ и топалъ ногами Алексѣй Григорьевичъ.—Да что-жъ вы всѣ съ ума сошли, что-ли? То Иванъ глупость какую-нибудь выкинетъ, а вотъ и ты упрямиться стала, что-жъ это! Очнись, одумайся, глупая!

Княжна Катерина сверкала на отца своими черными глазами и повторяла одно и тоже, что ни за что не станетъ она навязываться. Иной разъ такъ страшно взглянетъ, что Алексѣй

Григорьевичъ и слова не найдетъ, зашипитъ только, плюнетъ и уйдетъ къ себѣ въ сердцахъ.

— Жена! Прасковья!—кричитъ онъ:—да образумь ты дѣвку!

А княгиня только плечами пожимаетъ.

«Да полно, нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь?—догадался, наконецъ, Алексѣй Григорьевичъ:—не завелся-ли у доченьки какой предметъ посторонній?!» Спросилъ онъ объ этомъ княгиню, а та ему и говоритъ:

— Точно, замѣчаю я въ послѣднее время, что есть этотъ предметъ у нея.

— Кто же, кто? Говори...

— Да вотъ, этотъ франтикъ молодой, шуринъ цесарскаго посланника, Миллезимо...

— Такъ что-жъ вы голову съ меня снять, что-ли, хотите? Какъ прежде-то ты мнѣ объ этомъ не говорила?!—закричалъ въ совершенной ярости Алексѣй Григорьевичъ.

— Какъ-же мнѣ было говорить, когда сама я того не знала? Только что замѣтила, вотъ и говорю.

— А! такъ это Миллезимо,—злобно шепталъ Долгорукій:— Миллезимо!.. Ну такъ... во-первыхъ, нога его не будетъ у насъ въ домѣ, это само собою, а во-вторыхъ, проучу я его хорошенько. Ну, а что до доченьки, такъ еще посмотримъ!..

Онъ призвалъ къ себѣ княжну Катерину.

— Ты тутъ, говорятъ, непотребства разныя заводить хочешь—съ австріякомъ амуришься?!...

Княжна поблѣднѣла. Она ли не скрывала отъ всѣхъ своего чувства и своихъ рѣдкихъ тайныхъ свиданій съ молодымъ графомъ,—и вотъ все-таки-же узнали!

— Я не завожу никакихъ непотребствъ,—стиснувъ зубы, вся дрожа, проговорила она:—а кабы и завела что, такъ кто тому виною? Ты самъ, батюшка, меня учишь вести себя не такъ, какъ подобаетъ честной дѣвушкѣ.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся къ дочери съ поднятыми кулаками, но спохватился, удержался, и только глядѣлъ на нее съ ненавистью.

— Ну, что-жъ, батюшка, бей меня, бей, тогда, можетъ, я краше сдѣлаюсь... Можетъ, больше на меня, битую, позарится государь; бей меня, вотъ я вся предъ тобою!

И она, сверкая глазами, подходила къ отцу. Она его вызывала.

Вся кровь поднималась ему въ голову и онъ сжималъ кулаки, но все-же не трогался съ мѣста.

«И какъ это только родятся такіе аспиды!—думалъ онъ.—Такъбы вотъ исколотилъ ее... а нельзя, нѣтъ, нельзя: будетъ царской

невѣстой, будетъ царицей, припомнитъ. Нѣтъ, что это я,—нельзя такъ говорить теперь съ нею».

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе: кулаки его разжались, съ лица пропало злобное выраженіе. Онъ тихо подошелъ къ дочери и положилъ руку свою на плечо ей.

— За кого-же ты меня считаешь, Катюша?! Точно, что ты меня очень разсердила; вѣдь, ты знаешь какъ я люблю тебя, о тебѣ вся моя забота. И тошно мнѣ, что ты не хочешь понять этого, что ты бѣжишь отъ своего счастья! Вѣдь, если я и сержусь теперь, такъ не на тебя, пойми ты, дитя неразумное, а на то, что ты вотъ себѣ гибель хочешь приготовить.

— Приготовлю гибель себѣ, такъ твоими же руками!—мрачно проговорила княжна Катерина и вышла отъ отца такъ величественно, взглянула на него такъ грозно, такъ свысока, что ему показалось будто она и впрямь ужъ его государыня, а онъ ея подданный.

«Но, вѣдь, нельзя-же, нельзя-же оставить это дѣло!—думалъ онъ:—нужно какъ-нибудь свернуть шею проклятому Миллезимо, нужно удалить, чтобъ и духу его здѣсь не было, да какъ это сдѣлать, къ чему придраться? Вѣдь, у мальчишки этого тоже сила не малая—шуринъ графа Вратислава! За него заступятся и другіе иностранные министры, такую исторію поднимутъ, что и не расхлебаешь... А все-жъ-таки нужно попытаться». Случай попытаться скоро представился Алексѣю Григорьевичу.

Версты за четыре отъ Москвы графъ Вратиславъ нанялъ себѣ для охоты участокъ лѣса. Какъ-то выѣхалъ онъ рано утромъ, съ молодымъ Миллезимо, поохотиться. Ѣхали они въ экипажѣ, съ ружьями за плечами, и пришлось проѣзжать имъ мимо дома князя Долгорукаго. Онъ былъ у себя и увидѣлъ ихъ. Внезапная мысль пришла ему въ голову—«ну такъ погоди-жъ, погоди!» шепталъ онъ.

И вотъ зоветъ онъ къ себѣ двухъ гренадеровъ своей гвардіи (у него была ужъ и своя гвардія) и спѣшно отдаетъ имъ какія-то приказанія. Гренадеры отправляются по направленію проѣхавшаго экипажа графа Вратислава.

Охотники у опушки лѣса вылѣзли изъ экипажа и углубились въ чащу. Вотъ скоро раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, потомъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ опять выстрѣлъ. Два гренадера Долгорукаго кинулись въ ту же чащу на выстрѣлы. Смотрятъ, предъ ними графъ Вратиславъ.

«Нѣтъ, это не тотъ,—шепчетъ одинъ другому:—этого оставимъ, пойдемъ въ ту сторону».

И они поспѣшили туда, гдѣ былъ Миллезимо. Онъ стоялъ за деревомъ и осторожно прицѣливался въ птицу. Раздался вы-

стрѣлъ, птица вспорхнула, сдѣлала нѣсколько движеній въ воздухѣ и упала какъ камень въ траву густую. И въ эту же самую минуту четыре крѣпкихъ руки схватали Миллезимо за плечи.

— Что это, что? изумленно—обернулся онъ.

Передъ нимъ два гренадера и крѣпко держатъ они его за руки и не выпускаютъ.

— Оставьте, что такое?—ломанымъ русскимъ языкомъ спросилъ онъ ихъ.

— А то, что отъ его императорскаго величества не приказано здѣсь охотиться, а приказано всѣхъ, кто стрѣляетъ, схватывать и вести къ его величеству.

— Можетъ, это и такъ,—отвѣчалъ Миллезимо, соображая, что вышло только недоразумѣнье:—но все-же меня вы не смѣете трогать, я кавалеръ императорскаго министра. Къ тому-же, эта лѣсная дача нанята моимъ шуриномъ и я имѣю всякое право здѣсь охотиться. Оставьте же меня въ покоѣ, идите своей дорогой.

Но гренадеры не слушались. Самымъ безцеремоннымъ образомъ скрутили они назадъ ему руки и потащили за собой.

— Да постойте, куда вы, наконецъ!—взбѣшенный, кричалъ онъ.—Если вы мнѣ не вѣрите, если вы меня не знаете, такъ отведите сначала къ другому охотнику, вонъ тотъ тоже охотится, слышите выстрѣлы, тогда поймете въ чемъ дѣло.

Но они его не слушали и тащили изъ лѣса. Вотъ его экипажъ; онъ говоритъ, что пускай хоть отпустятъ его, онъ поѣдетъ въ каретѣ. Они и этого слушать не хотятъ: тащатъ его пѣшкомъ. Вотъ они ужъ въ городѣ. Графъ Миллезимо, съ крѣпко связанными назадъ руками, долженъ идти между двумя гренадерами, утопая въ грязи, долженъ идти мимо гауптвахты дворца, откуда на него смотрятъ офицеры и гвардія, идти до самаго дома князя Долгорукаго—всего пути около трехъ верстъ было. Гренадеры не отпускали его ни на шагъ отъ себя и громко ругались. Графъ понималъ русскій языкъ, понималъ, что это такія ругательства, хуже которыхъ и выдумать невозможно. Сначала взбѣшенный и оскорбленный, теперь онъ рѣшился молчать и терпѣливо выносить все это. «Конечно, сейчасъ все разъяснится, глупые гренадеры будутъ наказаны за ихъ поступокъ».

Подошли къ дому Долгорукихъ, вотъ хорошо знакомый ему садъ, вотъ та ограда, черезъ которую перелѣзалъ онъ на свиданья съ княжной. Алексѣй Долгорукій вышелъ на крыльцо, увидѣвъ Миллезимо, нисколько не смутился, но поспѣшилъ отдать гренадерамъ приказаніе развязать ему руки, даже не поклонился молодому графу, не впустилъ его къ себѣ въ домъ, только сказалъ ему изъ дверей:

— Жалѣю, что вы попались въ эту исторію.

— Да помилуйте, князь,—отчаянно кричалъ Миллезимо:—что-жъ это, наконецъ, такое? Прикажите немедленно отпустить меня.

— Васъ взяли по приказанію царя.

— Прекрасно, но, вѣдь, вы-же должны понять, что тутъ недоразумѣніе, меня никто оскорблять не смѣетъ. Я требую, чтобы вы немедленно распорядились наказать этихъ грубыхъ солдатъ, которые не только связали меня, но даже оскорбляли и ругались.

— Нѣтъ, я ихъ не накажу,—сухо отвѣчалъ Долгорукій:—они исполнили свою обязанность. Мнѣ некогда говорить съ вами, графъ, идите своей дорогой.

И князь Алексѣй Григорьевичъ повернулся къ нему спиною, вошелъ въ домъ и заперъ за собою дверь. Солдаты развязали, наконецъ, Миллезимо руки и скрылись. Онъ остался одинъ передъ запертой дверью. Въ первую минуту ему хотѣлось вломиться въ домъ и проучить хорошенько зазнавшагося вельможу, но дверь была заперта на ключъ и онъ тщетно въ нее стучался.

Конечно, въ тотъ-же день поднялась исторія; Миллезимо разсказалъ обо всемъ графу Вратиславу. Тотъ пришелъ въ бѣшенство и такъ разстроился, что даже почувствовалъ себя дурно. Онъ послалъ секретаря посольства къ герцогу де-Лирія сообщить ему о случившемся и просить его принять участіе въ въ этомъ дѣлѣ.

Герцогъ де-Лирія въ свою очередь немедленно отправился къ Остерману. Онъ толковалъ ему о важности оскорбленія, нанесеннаго въ лицѣ Миллезимо цесарскому посольству, о необходимости дать графу Вратиславу надлежащее удовлетвореніе и окончить это дѣло тихо во избѣжаніе публичности. Если Вратиславъ не будетъ удовлетворенъ, онъ пойдетъ дальше, навѣрное, а принимая во вниманіе близкое родство государя съ цесаремъ, можно ожидать весьма непріятныхъ послѣдствій. Остерманъ согласился съ герцогомъ, хорошо понялъ, что нужно всячески удовлетворить графа Вратислава и Миллезимо, даже прежде, чѣмъ они этого будутъ требовать.

Отъ Остермана герцогъ де-Лирія поѣхалъ къ Ивану Долгорукому. Тотъ тоже немедленно обѣщалъ все устроить и послалъ своего секретаря въ австрійское посольство выразить графу Вратиславу сожалѣніе о происшедшемъ и увѣреніе въ томъ, что гренадеры будутъ строго наказаны.

Алексѣй Григорьевичъ глупо задумалъ это дѣло и оно, конечно, ничѣмъ не кончилось. Видя, что ничего не возьметъ, онъ старался повернуть все такъ, что Миллезимо будто-бы на заявленія гренадеровъ о царскомъ указѣ не охотиться на разстояніи

30 верстъ отъ Москвы, сдѣлалъ выстрѣлъ надъ ихъ головами, не попалъ, опять началъ въ нихъ прицѣливаться и обнажилъ на нихъ шпагу. Это объясненіе почему-то вдругъ сталъ поддерживать и Остерманъ. Черезъ день герцогъ де-Лирія уже считалъ и себя оскорбленнымъ: всѣ чуть не перессорились. Глупая исторія положительно начинала грозить перейти въ политическое событіе. Наконецъ, кое-какъ все уладили. Князь Алексѣй Долгорукій извинился передъ графомъ Вратиславомъ. Онъ прислалъ въ цесарское посольство отъ своего имени бригадира, который объявилъ, что князь безконечно сожалѣетъ о случившемся съ графомъ Миллезимо, что гренадеры за то, что не отнеслись къ нему, вопреки даннымъ имъ приказаніямъ, съ должнымъ почтеніемъ, наказаны, какъ того заслужили, и что ихъ накажутъ еще сильнѣе, если будетъ угодно графу Миллезимо и если онъ сочтетъ недостаточнымъ уже данное наказаніе. Графъ Вратиславъ и Миллезимо махнули на все рукой, и покончили дѣло. Слѣдствіемъ его было только то, что Катюша Долгорукая ужъ не могла разсчитывать встрѣтить у себя въ домѣ своего возлюбленнаго: конечно, ему теперь не представлялось никакой возможности появляться къ Долгорукимъ. Онъ успѣлъ обо всемъ написать ей и она стала еще раздражительнѣе и съ нескрываемымъ уже негодованьемъ глядѣла на отца своего. Только о томъ и думала она теперь, чтобъ какъ-нибудь убѣжать изъ дому. Еслибъ другой былъ характеръ у молодого Миллезимо, это бы и случилось непремѣнно, но онъ не умѣлъ ничего устроить, а, можетъ быть, и трусилъ.

III.

Прошло лѣто 1729 года. Наступила осень, ненастная, холодная. Императоръ едва показывался въ городѣ на день, другой и снова уѣзжалъ съ Долгорукими. Теперь онъ поѣхалъ на Сѣтунь, верстъ за 20 отъ Москвы. Поѣхалъ съ одними Долгорукими и не возвращается. Мѣсяцъ прошелъ и другой начался, а его все нѣтъ.

Министры и прочіе сановники безъ государя тоже уходятъ отъ дѣлъ, живутъ на дачахъ, отдыхаютъ. Въ Верховномъ Совѣтѣ дѣла запущены страшно, жалобъ не оберешься. Многимъ не выдаютъ жалованья; невѣдомо куда изъ казны пропадаютъ деньги.

Но вотъ осень. Непогода всѣхъ вернула въ городъ, а государя все нѣтъ; многіе даже навѣрное не знаютъ, гдѣ онъ. Авось хотя ко дню рожденія своего вернется. Къ этому дню дѣлаются большія приготовленія, заготовленъ фейерверкъ, обѣдъ роскош-

ный во дворцѣ. Но императоръ не вернулся,—такъ безъ него и отпраздновали. По всему городу была зажжена иллюминація.

На обѣдѣ во дворцѣ находились всѣ сановники и иностранные министры. Роль хозяина разыгрывалъ Остерманъ, а императорское мѣсто было пусто. Только приготовленный фейерверкъ не сожгли въ этотъ день, а оставили для другого случая.

Срашный ропотъ поднялся по Москвѣ. Всѣмъ, наконецъ, ясно стало что все это знаетъ, отчего не возвращается императоръ. Конечно, князь Алексѣй Григорьвичъ тому единственной причиной: онъ ревнуетъ государя ко всѣмъ, боится потерять его расположеніе, боится, что кто-нибудь наговоритъ на него. Онъ, навѣрное, теперь женитъ императора на своей дочери; она съ ними на Сѣтуни и никого, кромѣ Долгорукихъ, тамъ нѣтъ. Вѣрные люди говорятъ, что уже бракъ этотъ дѣло рѣшенное; навѣрное императоръ вернется въ Москву уже женатымъ: ихъ обвѣнчаетъ ростовскій архіепископъ.

Все убѣждаетъ въ томъ, что затѣянное Долгорукими дѣло не сегодня-завтра совершится. Очевидно, что во дворцѣ приготовляются къ чему-то необыкновенному. Со всѣхъ сторонъ сгоняютъ портныхъ и задаютъ имъ спѣшную работу. Никакого торжества явнаго не приготовляется, слѣдовательно, навѣрное быть свадьбѣ.

Ропотъ сановниковъ и придворныхъ возростаетъ. Всѣ теперь ненавидятъ Долгорукихъ, ни одного друга нѣтъ у нихъ и пуще всѣхъ ненавидитъ ихъ Остерманъ.

Несмотря на всю свою хитрость и умѣнье ладить со всѣми, на высокое мнѣніе о немъ Алексѣя Григорьевича, онъ теперь видитъ, что Долгорукіе обошли его, чго онъ окончательно потерялъ все свое вліяніе на императора и если еще не спихнули его съ мѣста, то только потому, что нуженъ работникъ. Дѣлать нечего—работаетъ Андрей Ивановичъ, ни во что старается не мѣшаться, отъ всѣхъ скрытничаетъ.

Часто къ нему заѣзжаетъ герцогъ де-Лирія, передаетъ то тотъ, то другой слухъ и смущается видимымъ равнодушіемъ Остермана.

— Да, вѣдь, понимаете, баронъ,—горячится де-Лирія:—вѣдь, теперь ничѣмъ не предотвратишь этого ненавистнаго брака, а съ этимъ бракомъ конецъ всему; въ Петербургъ уже не вернуться...

— Да что-же теперь дѣлать?!—пожимаетъ плечами Остерманъ.—Къ тому-же, нѣтъ ничего вѣрнаго.

— Помилуйте, какъ не вѣрно; вѣдь, говорятъ вотъ то-то и то-то. Къ тому же, я знаю, что у Долгорукихъ въ домѣ тоже въ каждой комнатѣ по нѣскольку швей сидитъ; запасаются множествомъ нарядовъ. Вотъ вы же говорите, что Кремлевскій дво-

рецъ отдѣлывается съ величайшимъ великолѣпіемъ. Такъ какъ же нѣтъ ничего вѣрнаго!

— Я не про то,—медленно отвѣчаетъ Остерманъ.—Приготовленія дѣлаются очень большія и тайно и явно, да, вѣдь, и у князя Меншикова все было готово и уже и въ календарѣ заказалъ онъ написать имена и дни рожденія всѣхъ персонъ своего дома, а еще не вышелъ этотъ календарь изъ печатни, какъ тотъ-же князь Меншиковъ и всѣ персоны его дома были по дорогѣ въ Березовъ.

— Ну да... конечно, я не сомнѣваюсь, что Долгорукіе кончатъ такъ же...

И герцогъ де Лирія спѣшитъ къ себѣ подробно отписать обо всемъ своему правительству.

А за 20 верстъ отъ Москвы, въ живописной мѣстности, на берегу рѣки Сѣтуни, возвышаются новыя, необычайно быстро возникшія постройки. Государь пируетъ тамъ съ Долгорукими и не замѣчаетъ, или не хочетъ замѣтить, какъ дико, невозможно жизнь идетъ у нихъ. Да и дѣйствительно трудно понять, что тамъ такое творится. Князь Иванъ на себя не похожъ сдѣлался, мраченъ, другой разъ по цѣлымъ днямъ запирается въ своей комнатѣ, молится. Если бы захотѣлъ, онъ могъ бы однимъ словомъ, можетъ быть, спасти императора отъ угрожающей ему гибели, но онъ не говоритъ этого слова. Хватило у него силы, хватило характера побѣдить свои страсти, свои желанія, а нехватаетъ силы, нехватаетъ характера возстать противъ отца, противъ родни. Иной день по нѣскольку разъ просится онъ, чтобы отпустилъ его въ Москву императоръ, да тотъ не пускаетъ.

Княжну Катерину не поймешь никакъ: то сидитъ она и по цѣлымъ часамъ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова, то вдругъ вспыхнетъ вся, глаза загорятся, она оживится и смѣется, и шутитъ и забавляетъ императора, поетъ ему, играетъ съ нимъ въ карты. Передъ отъѣздомъ на эту послѣднюю охоту написала она письмо Миллезимо, письмо, облитое слезами. Писала ему, что если теперь не спасетъ онъ ее, она, вѣрно, погибнетъ, что онъ долженъ, не мѣшкая, явиться и увезти ее изъ дому. Прошелъ день, другой, отвѣта никакого не было отъ Миллезимо и вотъ увезли ее на Сѣтунь. Оставаясь одна, въ тишинѣ своей спальни, часто плачетъ она и ломаетъ руки.

«Нѣтъ, видно не любитъ онъ меня, не сумѣлъ спасти во-время. И что это за человѣкъ, Боже мой! что за человѣкъ? Это тряпка какая-то! Не любить, а презирать мнѣ его надо. Да, и разлюблю, и возненавижу его, и на зло ему сдѣлаю все!»

Но вспоминаетъ она молодого графа, вспоминаетъ каждое его слово, каждый взглядъ его. Какъ наяву повторяются передъ

нею дѣтскі-невинные и безконечно-милые часы тихаго съ нимъ свиданія и чувствуетъ княжна, что не можетъ презирать его, не можетъ ненавидѣть. Любитъ его ея сердце. И опять она плачетъ и все ждетъ—не будетъ ли ей какъ-нибудь сюда вѣсточки отъ милаго друга. Нарочно часто выходитъ она на дорогу; думаетъ, вотъ явится, вотъ увезетъ ее и спрячетъ такъ, что никто никогда ихъ не сыщетъ. Но никто ее не увозитъ. Ее зовутъ къ императору, а тотъ проситъ поиграть съ нимъ въ карты и она садится и со злобы на своего милаго начинаетъ кокетничать съ Петромъ, нѣжно на него глядѣть, сладко ему улыбаться. Въ иныя минуты приходитъ ей и такая мысль: «а что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ дурно быть царицей? Вотъ тогда-то будетъ своя воля; вотъ тогда-то никто и пикнуть предо мною не посмѣетъ; надъ всѣми я буду властвовать. Отецъ сердитый да грозный руки у меня цѣловать будетъ!»

А тѣмъ временемъ Алексѣй Григорьевичъ додѣлываетъ свое дѣло. Всѣ средства, даже самыя непозволительныя, употребляетъ онъ, чтобы заставить императора сдѣлать предложеніе Катюшѣ: нескромныя рѣчи о ней заводитъ, восхваляетъ красоту ея, всѣ ея прелести. Императоръ уже давно пересталъ быть ребенкомъ, онъ уже давно привыкъ цѣнить красоту женскую и нуждаться въ ея близости, а тутъ никого нѣтъ, кромѣ княжны Катюши, и чуть не каждую минуту ему говорятъ о ней... И совсѣмъ безсознательно начинаетъ въ нее вглядываться императоръ. Ему еще и въ голову не приходитъ мысль о возможности брака съ нею, но онъ уже видитъ въ ней хорошенькую дѣвушку и начинаетъ понимать и чувствовать, что стоитъ ему только протянуть руки къ ней, чтобы взять ее. Его уже пріучили не церемониться; за обѣдами и ужинами Алексѣй Григорьевичъ собственноручно подливаетъ ему вина крѣпкаго и мутится голова у бѣднаго юноши. Совсѣмъ пришла ему погибель, никто не сжалится надъ нимъ, ни одной родной души вокругъ нѣтъ.

Вотъ задался день такой ненастный, вѣтряный, дождливый, что никакъ нельзя поохотиться. Съ утра всѣ сидятъ запершись. Только-что пообѣдали. Обѣдъ былъ обильный, вина много выпили. Въ длинномъ креслѣ протянулся императоръ; возлѣ него на такомъ же креслѣ, въ граціозной позѣ, княжна Катюша; тутъ же Алексѣй Григорьевичъ и Прасковья Юрьевна.

Одного князя Ивана нѣтъ.

Не то дремлется, не то грезится что-то, не то неможется Петру Алексѣевичу. Глаза сами собою смыкаются. Но вотъ онъ открываетъ ихъ и видитъ передъ собою все ту-же Катюшу. Тихо въ комнатѣ, только дождь стучится въ окна да далеко на дворѣ лаютъ охотничьи собаки.

Катюша откинула голову на спинку кресла, мелькомъ взглянула въ глаза Петру и опустила длинныя рѣсницы. На щекахъ ея то вспыхнетъ, то пропадетъ румянецъ. Подняла она свою руку. Широкій рукавъ атласный отворотился; рука нѣжная, бѣлая и сверкаютъ на ней дорогіе каменья.

— Какія у тебя руки красивыя, Катюша!—въ полудремотѣ говоритъ Петръ, опять закрываетъ глаза и опять ихъ открываетъ, и снова смотритъ на Катюшины руки.

Тихо, незамѣтно уходитъ Алексѣй Григорьевичъ съ женою, никого нѣтъ въ комнатѣ.

— Что же это всѣ ушли?— замѣчаетъ юноша.—Скучно что-то, Катюша, разскажи мнѣ что-нибудь.

— Да, вѣдь, и мнѣ тоже скучно, и я бы рада, чтобы мнѣ веселое разсказали!

— Погоди,—вдругъ оживляется императоръ:—я сейчасъ разскажу тебѣ веселое.

Онъ встаетъ, подвигаетъ свое кресло къ дѣвушкѣ и садится рядомъ съ нею. Онъ взялъ ее за руку, разсматриваетъ ея дорогія кольца, разсматриваетъ ея тонкіе, нѣжные пальцы. Вотъ поднесъ эту руку къ губамъ, цѣлуетъ каждый пальчикъ.

— Что же—обѣщалъ веселое разсказать, а не разсказываешь, государь?!—тихо проговорила княжна, не отнимая руки.— Это совсѣмъ не весело, что пальцы мнѣ цѣлуешь.

— Постой, погоди. Что же разсказывать тебѣ?— прямо въ глаза взглянулъ ей Петръ.—Ну, вотъ что: какая ты хорошенькая, какіе глаза славные, большіе, черные, рѣсницы длинныя, щечки нѣжныя, зубки бѣлые. Ну что, весело это?

— Охъ, какъ скучно! Все это знаю давно я сама, все старое.

Самъ не понимаетъ императоръ, что съ нимъ такое. Вдругъ ужасно понравилась ему Катюша; никогда еще такъ не нравилась, какъ будто въ первый разъ онъ ее видитъ. Ему ужасно хочется поцѣловать ее.

— Катюша, поцѣлуй меня!—говоритъ онъ еще ближе подвигаясь къ ней.

— Съ чего это? Не свѣтлый праздникъ: съ чего будемъ мы съ тобою христосоваться?

— Да ну-же, поцѣлуй, пожалуйста, разочекъ!—пристаетъ Петръ.

— Ни за что!

— А, такъ ты вотъ какъ! Ты забыла, что я твой императоръ, что я могу приказывать тебѣ, а ты должна слушаться.

— А я могу не послушаться,—капризно сказала княжна:— я приказаній никогда не слушаюсь. Вотъ еслибы хорошенько попросили меня, ваше величество, ну, тогда бы еще, можетъ быть, послушалась.

— Такъ я прошу тебя, Катюша.

— Мало, не такъ.

— Какъ же мнѣ просить, я и не знаю. Что же мнѣ—стать на колѣни передъ тобою, что ли! Хочешь, я стану?

— Зачѣмъ это? Сейчасъ говорили, что приказать мнѣ можете, а теперь на колѣни...

И все больше и больше нравится Петру Катюша. Еще ближе онъ къ ней придвигается; вотъ взялъ уже обѣ ея руки, сталъ передъ нею на колѣни и обнялъ ее за шею, притянулъ ее къ себѣ, цѣлуетъ. Она отворачивается, а онъ цѣлуетъ еще крѣпче. Вдругъ его самого кто-то обнимаетъ, кто-то и его цѣлуетъ. Онъ обернулся, всталъ съ колѣнъ и видитъ—князь Алексѣй Григорьевичъ весь въ слезахъ, а самъ улыбается; за нимъ Прасковья Юрьевна тоже спѣшитъ обнять императора. Князь Алексѣй Григорьевичъ схватилъ руку Петра, крѣпко поцѣловалъ ее.

«Такъ что-же это?—думается Петру.—Я ждалъ, что они бранить будутъ меня за мою вольность съ Катюшей, а они точно благодарить собираются, рады!»

— Ахъ, государь мой милостивый, ваше императорское величество!—состроивъ радостную и въ то же время растроганную мину и выжимая изъ глазъ слезы, начинаетъ Алексѣй Григорьевичъ:—какъ уже и радоваться, не знаю. Счастіе такое великое привалило, Бога благодарить не умѣю за такую милость. Одно только могу сказать тебѣ, государь мой,— будетъ она тебѣ доброй женой. Ужъ такъ она тебя любитъ, что и сказать невозможно... Давно мы съ княгиней Прасковьей про это знаемъ, да молчали, сокрушались только на нее, бѣдную, глядя. Ну, вотъ и дождались радости!..

Князь Алексѣй снова кинулся обнимать императора, быстро схватилъ его руку, но на этотъ разъ не поцѣловалъ, а вложилъ въ руку княжны Катюши и держалъ ихъ крѣпко, другой рукой крестя Петра.

—Благословляю тебя, государь великій, дорогой сынъ мой. Самъ знаешь всю любовь мою къ тебѣ, а теперь, кажется, еще больше любить буду. Всю душу свою за тебя положу. Благослови и ты ихъ, княгиня!

И княгиня Прасковья Юрьевна тоже подходитъ, тоже обнимаетъ императора и дочь, креститъ ихъ и что-то шепчетъ.

Ни слова не выговорилъ Петръ, ни слова не вымолвила и Катюша. Она была блѣдна, какъ смерть, вдругъ зарыдала и выбѣжала изъ комнаты. Вмѣсто нея явились остальные Долгорукіе и князь Иванъ тоже.

— Сынъ, поздравь государя, онъ женихъ нашей Катюши

Иванъ оглядѣлъ всѣхъ безумными глазами.

— Такъ - ли это, правда ли это?—обратился онъ къ императору.

Тотъ мрачно опустился въ кресло и не могъ ничего отвѣтить. Голова его кружилась, самъ онъ не помнилъ потомъ, какъ въ рукѣ его очутилась золотая стопка и какъ онъ выпилъ ее до дна, а затѣмъ выпилъ еще и еще.

— Правда ли, правда ли?—спрашивалъ князь Иванъ, крѣпко стискивая своими холодными, дрожавшими руками руку императора.

— Видишь, что правда,—слабо отвѣтилъ ему Петръ.

Больше онъ ничего ужъ не помнилъ. У него закружилась голова не то отъ вина, не то отъ волненія. Его бережно снесли въ спальню, раздѣли и уложили.

IV.

Проснувшись на слѣдующее утро, императоръ долго соображалъ, что съ нимъ было наканунѣ. Было что-то, очевидно, было. Онъ чувствуетъ тяжесть какую-то, какъ-то неловко у него на душѣ—непремѣнно было что-то важное и нехорошее. И вотъ онъ все припомнилъ, сердце его болѣзненно сжалось, ему стало вдругъ невыносимо тяжело и Богъ знаетъ что бы далъ онъ лишь-бы не было этого несчастнаго вчерашняго дня.

— Да неужели нельзя все это передѣлать! Тутъ ошибка, ужасная ошибка. Онъ вовсе не хочетъ жениться, онъ вовсе не любитъ княжны Долгорукой. Да и что-же, развѣ сказалъ онъ ей что-нибудь такое? развѣ просилъ ее выйти за него замужъ? Ничего такого не говорилъ онъ. Что-же такое все это значитъ, отчего такъ сразу всѣ накинулись поздравлять его? Но, вѣдь, онъ стоялъ на колѣнахъ предъ княжной, обнималъ ее, покрывалъ поцѣлуями ея щеки. Отецъ и мать вошли, увидѣли и подумали, что онъ навѣрное сдѣлалъ ей предложеніе, иначе не стоялъ бы на колѣнахъ, не цѣловалъ бы.

— Да какъ-же смѣли они это подумать!—вырвалось у императора.—Развѣ я не могу такъ поцѣловать ее?

И вдругъ стало ему за себя совѣстно.

«Конечно, не могу,—подумалъ онъ.—Мы жили вмѣстѣ, были близки другъ къ другу, но, вѣдь, все-же Катюша не какая-нибудь другая дѣвушка, все-же она княжна благородная, и къ тому-же я ничего дурного не замѣчалъ за нею. Не въ первый разъ хотѣлъ я поцѣловать ее, но она всегда отворачивалась, а то такъ и убѣгала совсѣмъ. Я не имѣлъ права насильно цѣловать ее, а

если цѣловалъ, то, значитъ, не съ тѣмъ, чтобы оскорбить, значитъ, Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ право подумать, что я сдѣлалъ ей предложеніе!»

Дѣйствительно, Алексѣй Григорьевичъ разсчитывалъ вѣрно: онъ понималъ императора, понималъ, что, несмотря на всѣ ужасные, отвратительные уроки, какіе онъ-же давалъ ему постоянно, еще не развратился юноша, его сердце осталось попрежнему чисто и благородно, и на эту чистоту и на это благородство онъ и разсчитывалъ и надѣялся.

«Ахъ, какъ теперь быть, что мнѣ теперь дѣлать?—отчаянно думалъ Петръ:—какъ на глаза имъ теперь показаться? Вѣдь, не могу же я, вѣдь, не могу же въ самомъ дѣлѣ жениться на Катюшѣ! Что-же это будетъ!? Вѣдь, опять тѣ-же Меншиковы. Былъ я малъ тогда, глупъ былъ, а все-же сумѣлъ вырваться, а вотъ теперь и старше сдѣлался, а попался, и самъ знаю, самъ понимаю, что виноватъ, некого винить мнѣ. Но какая-же она мнѣ невѣста и почему это вчера такъ она мнѣ мила показалась, почему это я такъ хотѣлъ цѣловать её? Она, точно, красива, очень красива, но не люблю я ее! Не могу подумать, что будетъ она моей женою. Вотъ сегодня она мнѣ и не нравится. Что же это такое?»

А въ спальню уже входилъ Алексѣй Григорьевичъ съ тою-же радостною миною, съ тою-же фамильярною почтительностью.

— Заспаться изволилъ, государь, а невѣста давно встала, тебя дожидается.

Петръ опустилъ глаза. Ему захотѣлось пр[illegible]е высказать Долгорукому, объяснить, что это была ошибка, [illegible]то онъ самъ не знаетъ, какъ все случилось, что онъ, вѣрно, много выпилъ за обѣдомъ.

— Алексѣй Григорьевичъ,—началъ онъ смущеннымъ голосомъ:—послушай, я долженъ сказать тебѣ, что Катерина Алексѣевна...

— Ну вотъ, ну такъ!—быстро перебилъ его Долгорукій:—первое слово о невѣстѣ! Эхъ, и я самъ былъ молодъ, ваше величество, тоже прошелъ черезъ все это, знаю, все понимаю. Чай ноченьку цѣлую о невѣстѣ все думалъ, государь? Ну, что же—дѣло хорошее, дѣло законное.

«Дѣло законное!—невольно повторилъ про себя Петръ.—Ахъ, какъ мнѣ быть! Онъ ничего не понимаетъ, слова сказать не даетъ мнѣ, да и что скажу я ему?!...»

Алексѣй Григорьевичъ заговорилъ снова.

— Вотъ теперь все могу доложить, государь. Вѣдаешь ли,—ужъ такъ насъ вчера съ женою осчастливилъ. Вѣдь, въ послѣднее время просто не знали мы какъ и быть намъ, слезами пла-

кали. Замѣтилъ я, что твое величество давно ужъ нѣжно поглядываешь на мою дочку Катюшу; одинъ разъ мнѣ показалось, что ты поцѣловалъ ее, спросить ее не рѣшился, и такъ мнѣ горько сдѣлалось. Неужто, думаю, государь шутки нехорошія затѣваетъ съ Катюшей? Неужто хочетъ онъ посрамить честный родъ Долгорукихъ? Княгиня моя о томъ-же думаетъ, плачетъ, со мною совѣтуется. Нѣтъ, говорю, не можетъ этого быть! Знаю я государя: сердце у него великое, благородное, не пойдетъ онъ на такое дѣло. А если нравится Катюша ему, такъ не затѣмъ, чтобъ погубить ее, а чтобъ осчастливить. И не ошиблось мое сердце, знаю я моего государя,—да спасетъ тебя Богъ, да продлитъ Онъ жизнь твою на долгія, долгія лѣта, ради счастія земли русской и нашего счастія.

И князь Алексѣй Григорьевичъ, по старинному, земно поклонился молодому государю. У того совсѣмъ опустились руки, онъ сидѣлъ на постели и безнадежно глядѣлъ передъ собою. «Что ему теперь отвѣчать? Какъ сказать этому человѣку, что онъ въ немъ ошибся, что, заглядываясь на Катюшу и обнимая ее, не о бракѣ думалъ государь; стыдно, вѣдь, въ этомъ признаться, стыдно показать себя въ такомъ видѣ. За что такое страшное оскорбленіе нанести Долгорукимъ? Ужъ не за то-ли, что они все для него дѣлаютъ, объ одномъ только томъ и стараются какъ-бы угодить ему? Нѣтъ, нельзя этого. Охъ, какъ страшно, какъ тяжко! И никто не поможетъ теперь, никого нѣтъ».

Не удержался императоръ и заплакалъ горькими дѣтскими слезами.

Алексѣй Григорьевичъ не обратилъ вниманія на эти слезы, будто и не видѣлъ ихъ, только спѣшно вышелъ изъ спальни, сказавъ, что позоветъ камердинера, и повторивъ опять, что государя ждетъ его невѣста.

Но что-жъ во всю эту ночь и во все это утро, пока тяжелымъ сномъ спалъ императоръ, что-жъ дѣлала, о чемъ думала Катюша? Когда Петра унесли въ спальню и убѣдились, что онъ спитъ крѣпко, всѣ кинулись къ ней. Она лежала у себя на постели, зарывшись съ головой въ подушки, и тихо рыдала. Услышавъ, что вошли въ ея комнату, она быстро отерла слезы, выступила впередъ нѣсколько шаговъ и остановилась въ такой величественной, гордой позѣ, что всѣ невольно изумились.

— Ну, что-жъ... ну, что-жъ, государь-батюшка, государыня-матушка, государи-братцы, что-жъ—поздравляйте царицу, цѣлуйте у меня руку!

Она протянула имъ свою руку. Тонкія ея ноздри нервно вздрагивали, на губахъ была странная улыбка. Она чудно хо-

роша была въ эту минуту, но что-то страшное, что-то такое, отъ чего опустились глаза Алексѣя Григорьевича, мелькало въ ея взглядѣ. Мать кинулась было къ Катюшѣ, чтобъ обнять ее, но та ее отъ себя отстранила.

— Хорошо, ловко вы сдѣлали! —снова заговорила она:—такъ ловко, что до сихъ поръ я даже удивляюсь: ни жениха, ни невѣсты не спросились, опомниться не дали. Чтожъ, радуйтесь теперь, веселитесь, родня государева!

Алексѣй Григорьевичъ уже успѣлъ опомниться. Онъ боялся совсѣмъ другой сцены, боялся, что дочь прямо и наотрѣзъ откажется, но она говоритъ не то.

— Катюша,—обратился онъ къ ней:—голубушка ты моя, другъ мой сердечный, великое счастіе тебя посѣтило и только безумецъ одинъ можетъ не понять такого счастія. Обдумай все хорошенько, вѣдь, царицей земли русской ты будешь, императрицей. — И онъ краснорѣчиво началъ описывать ей все, что ее ожидаетъ. Всю свою хитрость, весь умъ свой, хоть его и немного у него было, собралъ онъ, чтобъ соблазнить дочь своими рѣчами, возбудить въ ней честолюбіе. Дорогое, заповѣдное дѣло для него совершалось теперь и красно говорилъ онъ.

Катюша молча его слушала, сначала невнимательно, но потомъ она оживилась, глаза ея снова заблистали, ей вспомнился Миллезимо. «Не успѣлъ ты взять меня,—мучительно подумала она: — не умѣлъ, а вотъ тутъ сумѣли. И нехотя берутъ, а берутъ все-таки».

— Батюшка,—обратилась она къ Алексѣю Григорьевичу:— что ты мнѣ расписываешь? Безъ тебя все знаю. И не бойся ты, я не думаю отказываться. Самъ знаешь, отъ такого счастія не отказываются!.. Только смотри въ оба, чтобъ государь отъ меня не отказался, тогда срамъ и тебѣ и мнѣ будетъ. И тебѣ не прощу я этого срама. Ну вотъ, Иванушка,—обратилась она къ Ивану Алексѣевичу:—поздравь же ты меня, наконецъ; вѣдь, твоихъ рукъ это дѣло, тебѣ первому и поздравлять слѣдуетъ. Поздравь меня, да проси хорошенько, чтобъ новая государыня была къ тебѣ милостива. Очень тебѣ объ этомъ ее просить нужно.

Князь Иванъ взглянулъ на нее равнодушно.

— Ошибаешься, Катерина, не моихъ рукъ это дѣло. И, можетъ быть, много бы я далъ теперь, чтобы совсѣмъ этого дѣла не было. Знаю я твою ко мнѣ ненависть; знаю я, что новая государыня будетъ ко мнѣ немилостива. Ну—да Богъ съ тобой, я не стану просить тебя о милости: мнѣ не нужна она; коли сумѣешь отвратить отъ меня государя, такъ, значитъ, тому и быть слѣдуетъ. Знай только одно: что-бы со мной ни было, какъ бы ты ни терзала меня, какія бы пытки мнѣ ни выдумывала,

знай—никогда я не поклонюсь тебѣ. Мнѣ не нужны ничьи милости.

— О, какъ ты говоришь теперь,—усмѣхнулась княжна Катерина.—Такъ, вѣдь, это только теперь, сгоряча! Потомъ не ту запоешь пѣсню. Смотри, вернешься еще, поклонишься.

Но князь Иванъ уже ее не слушалъ. Онъ вышелъ изъ комнаты.

— Безумецъ, какъ есть безумецъ!—воскликнулъ Алексѣй Григорьевичъ.—Бѣсъ въ него вселился да и только. Слава Богу, что не мѣшаетъ еще намъ.

Странно и тяжело было со стороны глядѣть на жениха и невѣсту, когда они встрѣтились утромъ. Императоръ былъ совсѣмъ блѣденъ. Онъ смущенно подошелъ къ княжнѣ и протянулъ ей руки, не глядя на нее.

— Ну что-жъ, поцѣлуйтесь, дайте на васъ порадоваться,—шепнулъ ему Алексѣй Григорьевичъ.

Петръ съ невольнымъ вздохомъ хотѣлъ было исполнить это требованіе, но княжна отъ него отстранилась.

— Постой, государь,—сказала она.

Родные съ ужасомъ на нее взглянули.

— Постой, я не помню хорошенько, что вчера было между нами, я не помню, что мнѣ говорилъ ты. Не знаю какъ просилъ меня отдать тебѣ мою руку, не знаю я тоже, что сама тебѣ отвѣчала. Можетъ ничего этого и не было, можетъ батюшка съ матушкой ошиблись, не такъ поняли. Можетъ ты вовсе не хочешь, государь, чтобъ я была твоей женой, такъ скажи!

И она пристально глядѣла на императора.

Алексѣй Григорьевичъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. «Боже, ну какъ все рушится!? безумная дѣвка!»

Княгиня тихонько читала молитву.

Мысль за мыслью вихремъ закружились въ головѣ императора.

«Вотъ, вотъ минута, вѣдь, вотъ она спрашиваетъ... Сейчасъ и отвѣтить, что ничего этого не было, что они ошиблись. Вотъ развязался, спасенъ, но развѣ это возможно? Это значитъ прямо сейчасъ въ глаза нанести ей оскорбленіе и имъ всѣмъ».

Совсѣмъ измученный и обезсиленный стоялъ онъ передъ княжной. Хотѣлъ говорить, да языкъ не слушался. Наконецъ, съ видимымъ мученіемъ прошепталъ онъ:

— Если ты меня любишь, княжна Катерина, такъ будь моей женой.

«А вдругъ она скажетъ что не любитъ?!.»—боясь надѣяться на такое счастье, подумалъ онъ.

«А вдругъ она скажетъ что не любитъ?!.»—съ ужасомъ подумали Алексѣй Григорьевичъ съ женой.

— Развѣ я могу не любить моего государя?!—опуская глаза, медленно и спокойно проговорила княжна Катерина.—Я благодарю тебя за великую честь и счастіе, которыми ты почтилъ меня.

Она взяла руку императора и приложилась къ ней губами.

«Ухъ, спасены!»—разомъ подумали Долгорукіе.

«Погибло, все теперь погибло!»—мелькнуло въ головѣ императора.

На него страшно было взглянуть въ это время: такъ былъ онъ блѣденъ.

V.

Вѣсть о помолвкѣ императора быстро облетѣла всю Москву. Всюду, отъ дворца до самаго бѣднаго домика, только и толковали, что объ этой предстоящей свадьбѣ. Ненависть къ Долгорукимъ дошла до послѣдней степени, но теперь не время было проявляться этой ненависти и всѣ ее затаили, всѣ прикрывали ее видомъ любезности и почтительности. Однимъ словомъ, точь въ точь повторялось все, что ужъ было въ послѣдніе дни меншиковскаго величія.

Баронъ Андрей Ивановичъ, не меньше другихъ пораженный и опечаленный рѣшеніемъ императора, теперь зналъ уже навѣрное, что Долгорукихъ ожидаетъ страшная судьба, только еще не могъ придумать какъ произойдетъ она. Онъ удвоилъ знаки дружбы и почтительности къ Алексѣю Григорьевичу, а молодому императору ни о чемъ и не заикнулся, поздравляя его въ самыхъ утонченныхъ выраженіяхъ.

— Андрей Ивановичъ,—проговорилъ Петръ:—что-жъ, ты мнѣ больше ничего не скажешь? Одобряешь мой выборъ? Скажи что-нибудь, Андрей Ивановичъ!

— Ваше величество ужъ вышли изъ тѣхъ лѣтъ, когда мой голосъ могъ и долженъ былъ имѣтъ значеніе при вашихъ рѣшеніяхъ. Вы сами одарены разумомъ, знаете, что дѣлаете, и я только могу принести вамъ мое всеподданнѣйшее поздравленіе.

Ничего больше императоръ не добился отъ Андрея Ивановича.

19 ноября нѣкоторымъ особамъ, въ томъ числѣ канцлеру графу Головкину и Остерману, приказано было явиться въ домъ князя Алексѣя Долгорукаго и тамъ при нихъ Петръ объявилъ о томъ, что вступаетъ въ бракъ съ княжной Катериной. Въ лицѣ его не было кровинки, когда онъ произносилъ страшныя для него слова. Онъ дѣйствовалъ какъ-бы безсознательно, повторялъ словно не свои, а чужія и только заученныя имъ на память рѣчи. Невѣста его тоже не выказывала никакихъ признаковъ счастья и веселья; исполнился обрядъ необходимый—и только.

Государь пробылъ въ домѣ Долгорукихъ еще съ часъ времени и затѣмъ уѣхалъ. Но всѣ ясно слышали какъ передъ отъѣздомъ онъ обратился къ Остерману и сказалъ ему:

— Андрей Ивановичъ, распорядись, сдѣлай милость, чтобъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ былъ отправленъ гонецъ въ Покровское (она послѣдніе мѣсяцы жила въ деревнѣ). Пусть она пріѣзжаетъ сюда, я непремѣнно хочу ее видѣть.

Послѣ этихъ словъ многіе переглянулись. Иные изъ Долгорукихъ даже смутились сильно. Но Алексѣй Григорьевичъ думалъ: «нѣтъ, теперь ужъ кончено, теперь никто не вырветъ его изъ рукъ нашихъ».

Герцогъ де-Лирія, присутствовавшій при этомъ, предположилъ, что царь намѣренъ выдать Елизавету за Ивана Долгорукаго, а если она откажется, то онъ ей предложитъ монастырь. Но герцогъ де-Лирія во время своего пребыванія при дворѣ московскомъ дѣлалъ не мало разныхъ неосновательныхъ предположеній.

Какъ-бы то ни было, царь уѣхалъ изъ дома Долгорукаго, а за нимъ скоро поднялись и всѣ приглашенные.

Прощаясь съ хозяевами, всѣ разсыпались передъ ними въ любезностяхъ, толковали о чувствахъ своего глубочайшаго почтенія и уваженія, ввѣряли себя въ милость новой родни государевой. Когда всѣ разъѣхались, да и сами Долгорукіе разошлись по своимъ покоямъ, къ княжнѣ съ самымъ таинственнымъ видомъ подошла одна изъ ея камеристокъ.

— Княжна, матушка, государыня моя милостивая, нужно мнѣ тебѣ сказать слово одно тайно,—шепнула она.

— Что такое, Любаша?

Любаша боязливо оглянулась во всѣ стороны, но никого по близости не было. И она всунула въ руку княжнѣ маленькую записочку. Та сразу поняла отъ кого эта записка и жадно прочла ее. Графъ Миллезимо въ страшномъ отчаяніи писалъ княжнѣ, что онъ услышалъ невѣроятную, невозможную новость, что не хочетъ вѣрить ей, что непремѣнно, непремѣнно долженъ видѣть княжну, и скорѣй, сейчасъ-же, что онъ ждетъ ее за угломъ сада и будетъ ждать тамъ всю ночь, хоть замерзнетъ.

— Точно онъ тамъ?—спросила княжна Любашу.

— Тамотко, никакъ часа три стоитъ, съ мѣста не трогается. Будетъ, что-ли, отвѣтъ какой, государыня? Я сбѣгаю, снесу.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ въ спальню,—быстро заговорила княжна.—Принеси мнѣ тихонько свою шубку.

Любаша принесла ей шубку, она ее надѣла, закутала себѣ голову и почти все лицо платкомъ, Любашу оставила въ спальнѣ и велѣла ей покрѣпче запереть дверь, а сама тихонько, темными корридорами выбралась изъ дому.

Снѣгъ давно уже выпалъ и въ послѣдніе дни морозило. Ночь была темная, зги не видно. Съ сосѣднихъ дворовъ лаяли собаки. Тихонько, на каждомъ шагу останавливаясь и прислушиваясь, добралась княжна до садовой калитки. Осторожно отворила ее и пустилась по знакомой дорожкѣ. Снѣгъ не расчищенъ, въ башмаки забирается; вѣтеръ уныло свиститъ надъ головою; деревья черныя, какъ мертвецы, стоятъ. Качаются сухіе сучья и стучатъ они другъ о друга словно кости. Да и весь этотъ садъ кладбищемъ кажется: такъ страшно въ немъ, такъ холодно, такъ тоскливо. Но ничего этого не видитъ и не замѣчаетъ княжна Катюша. Спѣшитъ она къ садовой рѣшеткѣ. «А! онъ здѣсь,— думается ей:—онъ пришелъ крадучись, какъ заяцъ какой-нибудь... Только опоздалъ!..»

И она все спѣшитъ, и вотъ, наконецъ, у ограды.

— Здѣсь ты?—шепнула она.

А онъ ужъ разслышалъ въ тишинѣ и темнотѣ ея голосъ. Перелѣзъ черезъ ограду. Онъ съ нею, рыдаетъ, онъ говоритъ ей:

— Дорогая моя, правда-ли, что я слышалъ? Нѣтъ, вѣдь, быть не можетъ. Неужели ты мнѣ измѣнила! Неужели ты промѣняла любовь мою на земное величіе?! Не сама ли сто разъ говорила, что не сдѣлаешь этого, что безъ меня жить не можешь.. Что-жъ это такое? Скажи, ради Бога, скажи мнѣ всю правду. Вѣдь, обманули меня, солгали, вѣдь, ничего этого нѣтъ... не было, не будетъ?

Онъ простираетъ къ ней руки, силится обнять ее, но она его отталкиваетъ.

— Подальше, графъ, подальше, я не твоя, я чужая невѣста...

— Что же это... такъ это правда?

— Да, это правда,—отвѣчаетъ она мрачнымъ голосомъ:— правда. Я выйду замужъ за царя. Я буду царицей, и ты меня никогда больше не увидишь. Пришла я проститься съ тобой...

— Охъ! ужъ лучше бы не приходила. Погубила меня, а теперь еще хочешь посмотрѣть, что со мной сталось, хочешь издѣваться надъ моими муками лютыми. Видно, никогда въ тебѣ не было сердца; видно, ты всегда только смѣялась надо мною и меня обманывала!..

— Нѣтъ, я не смѣялась надъ тобой,—тихо шептала княжна:— я тебя не обманывала. А вотъ ты такъ страшно обманулъ меня. Я тебя любила всей душой своей, я для тебя готова была принести всякія жертвы, отъ всего отказаться, бросить родныхъ, родину, богатство, все бросить, все забыть,—я тебѣ сто разъ, какъ ты самъ говоришь, это повторяла. Я просила тебя, умоляя увезти меня, взять меня съ собою, скрыться. Всякую долю бы приняла я какъ счастье; въ лачужкѣ бѣдной, въ лохмотьяхъ была

бы радостна, жила бы однимъ тобою. Вотъ какъ я тебя любила! А любить тебя такъ не слѣдовало. Ты даже и не понялъ любви моей, и не оцѣнилъ ее. Видно, и взаправду думаешь ты, что лучше и прекраснѣе тебя нѣтъ человѣка на всемъ свѣтѣ, что такъ вотъ мы, бѣдные, и должны по тебѣ сохнуть!..

Проговоривъ это, вся дрожа и задыхаясь, она вдругъ захохотала дико и страшно.

— Господи! за что такія слова ужасныя, или я не любилъ тебя? Я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ подобныхъ упрековъ. Еслибъ знала ты, что теперь со мною дѣлается, не знаю, какъ переживу я это... Что мнѣ за жизнь безъ тебя!.. Убью себя, застрѣлюсь, вотъ чѣмъ я кончу!

— Пустое,—горько отвѣтила Катерина Алексѣевна:—пустое! Не убьешь себя, не застрѣлишься, завтра же успокоишься. На словахъ—да, ты точно любилъ меня, а я, дура, вѣрила. На словахъ все можно, а вотъ какъ до дѣла дошло, что-жъ ты такое сдѣлалъ? Чѣмъ доказалъ мнѣ любовь свою? Еслибъ любилъ ты меня хоть на половину такъ, какъ я тебя любила, такъ давно бы мы были неразлучны съ тобою; давно бы ты нашелъ способъ такъ или иначе отнять меня, увезти меня. Никому бы ты меня не отдалъ. Ну, а... ты что же сдѣлалъ? Вѣдь, я писала тебѣ, что пора пришла, что нѣсколько дней еще, быть можетъ, и все кончено, а ты даже ничего не отвѣчалъ мнѣ.

— Да какъ же? Съ кѣмъ же, что̀ я могъ тебѣ отвѣтить?!..—въ отчаяніи метался графъ Миллезимо:—что могъ я сдѣлать? Какъ увезти тебя? За нами бы погнались, тебя бы, все равно, отъ меня отняли. Я говорилъ шурину. Признался во всемъ ему, просилъ помочь мнѣ, онъ отказался. Онъ сказалъ, что не можетъ ввязаться въ эту исторію, что изъ нея выйдутъ такія послѣдствія, какихъ допустить никакъ невозможно...

— А, такъ ты испугался послѣдствій, ты внималъ совѣтамъ благоразумія! Еслибъ ты любилъ меня, ни о чемъ этомъ ты не подумалъ бы, а только сдѣлалъ бы свое дѣло, а тамъ, что Богъ дастъ. Ну, такъ успокойся же теперь, благоразуміе восторжествовало. Теперь ужъ никакой исторіи не выйдетъ. Успокойся, да и успокой своего шурина. Скажи графу Вратиславу, чтобы онъ ничего не боялся, а я къ вамъ навѣки пребуду благосклонна... И къ тебѣ буду благосклонна, только издали. Теперь ужъ не время мнѣ встрѣчать тебя и говорить съ тобою; я невѣста императора. Совѣтую тебѣ уѣхать на родину, тамъ найдешь себѣ благоразумную невѣсту, а обо мнѣ забудь. Я далеко отъ тебя... и высоко, меня теперь не достанешь!...

Миллезимо стоялъ передъ нею неподвижно, съ опущенною головою. Но вотъ онъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ,—заговорилъ онъ:—нѣтъ, теперь я тебя понимаю, ты меня никогда не любила; чтобъ скрыть измѣну свою, ты теперь вонъ какія хитрыя рѣчи придумываешь: всю вину на меня складываешь. Только мнѣ все ясно! Тебя прельстили почести, ты захотѣла быть императрицей, оттого и отъ меня отказалась, а не захотѣла бы—никто бы тебя не принудилъ: сама, вѣдь, не разъ говорила...

— Ну хорошо, ну да: я захотѣла быть императрицей. Я отъ тебя отказалась, потому что нашла тебя слишкомъ ничтожнымъ; ну, и успокойся на этомъ и прощай!

— Боже мой! Да какъ же я теперь останусь, что я безъ тебя буду?!..—вдругъ зарыдалъ онъ какъ ребенокъ, обнимая ее.

Она снова захотѣла оттолкнуть его, но не нашла въ себѣ силы и сама къ нему прижалась, и сама горько заплакала.

— Отойди отъ меня, уйди, уйди! Оставь меня въ покоѣ. Не растравляй меня, силъ моихъ нѣту,—твердила она, какъ безумная, заливаясь слезами.—Говорю тебѣ, что поздно. Нехватило у тебя силы взять меня, такъ что-жъ теперь? Значитъ, суждено такъ.

Но вдругъ поднялось въ ней прежнее раздраженіе; она остановила свои слезы, оттолкнула отъ себя Миллезимо и снова начала твердымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Ахъ, я глупая, расплакалась! Ну да это въ послѣдній разъ. Устала я, ослабѣла, вотъ и плачу, а не подумай ты, что по тебѣ эти слезы. Нѣтъ! Знай ты теперь, что я ужъ не люблю тебя, потому что ты не стоишь любви моей. Я не могу любить такого человѣка, какъ ты, потому что ты трусъ, ты тряпка, ты не мужчина, ты баба. Моего теперешняго жениха люблю больше. Онъ больше тебя стоитъ любви, въ его рукахъ сила. А я могу любить только сильнаго. Прощай и совѣтую тебѣ позабыть обо мнѣ, какъ я о тебѣ позабуду, прощай... Что-жъ ты стоишь? Уходи отъ меня, уходи...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.

Онъ кинулся за нею, онъ ловилъ ее за полы шубки. Онъ молилъ ее хоть на минутку остаться съ нимъ, простить его, сказать ему, что она его любитъ. Но она его не слушала, она отнимала отъ него свою шубку, она бѣжала отъ него. Онъ стоналъ, онъ волочился за нею, но она вырвалась и побѣжала. И казалось ей, смерть обступила ее со всѣхъ сторонъ. Увидѣла она теперь, что бѣжитъ черезъ огромное кладбище, мертвецы-великаны черные простираютъ передъ нею свои костлявыя руки, стучатъ костями и хохочутъ.

Въ какомъ-то чаду, въ бреду какомъ-то прибѣжала она къ себѣ и въ изнеможеніи бросилась на постель.

VI.

двѣ недѣли. День, назначенный для обрученья им
няжны Долгорукой, приблизался. Государыня-невѣ
везена въ роскошный головинскій дворецъ, гдѣ дол
ебывать вплоть до свадьбы. Петръ съѣздилъ въ Нов
объявить бабушкѣ о своей женитьбѣ. Онъ засталъ ца
ой, больной. Она ужъ не рѣшилась говорить съ нимъ от
енно, давать ему совѣты. Молча выслушала его рѣшеніе,
оздравила его и поблагодарила, что ее не забылъ, самол
вѣстить пріѣхалъ. Петру было сначала очень *неловко*, по
ло грустно, тяжело на сердцѣ. Какое-то мимолетное чу
ькнуло въ немъ къ бабушкѣ. Все же она своя, родная,
лѣднее время, вѣдь, онъ какъ-есть одинокъ, кругомъ вс
. Еще минута, другая,—и, можетъ быть, онъ бросится к
шкѣ на шею, горько заплачетъ и откроетъ ей свою душу.
ристально взглянулъ на нее, но ея старое лицо такъ сух
одно, не видно въ немъ ни любви, ни ласки, чуждъ ей
мператоръ, и она сама показалась ему чуждою, ненужно
казалъ онъ ей ничего и, простясь съ ней, уѣхалъ.

По Москвѣ шли большія приготовленія къ предстоя
празднеству. Всѣ хлопотали о томъ, чтобы какъ нибудь н
рить лицомъ въ грязь, явиться въ полномъ блескѣ; осо
волновались иностранные резиденты: имъ слѣдовало досто
образомъ представить своихъ монарховъ, которымъ они п
по этому случаю длиннѣйшіе счеты и реестры покупок
этой странѣ все невѣроятно дорого, а роскошь здѣсь так
кой никогда еще не видывали въ Европѣ», писали они, оп
вая свои чрезмѣрныя траты.

Въ головинскомъ дворцѣ съ утра и до вечера не затво
двери. Весь городъ спѣшилъ явиться къ новой государевой
и удостоиться чести поцѣловать руку у государыни-невѣ
государыня-невѣста обязана была всѣмъ доставлять чес
Она выходила къ гостямъ спокойно, съ гордой осанкой, и
вала всѣхъ величіемъ и холодомъ. Въ ней невозможн
узнать недавнюю рѣзвушку Катюшу: такъ она измѣнила
вошла въ новую роль свою.

Но несмотря на видимое спокойствіе, тяжелая, мучи
борьба совершалась въ сердцѣ Катюши. Только не впуск
никого въ свой внутренній міръ, ни съ одной живой д

подѣлилась своими муками; вмѣстѣ съ тоскою
даньемъ росла и ея гордость. Она теперь окон
лась сознаніемъ своего превосходства надъ
людьми. Они казались ей такими мелкими, ничто
годились только на то, чтобъ кланяться передъ н
гордые взгляды, каждое ея небрежно брошенное
стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ со своимъ разбиты
невѣдомымъ сердцемъ. Она нашла въ себѣ силу въ т
ній страшный вечеръ оттолкнуть отъ себя графа Милле
жать отъ него, но силы скоро ее оставили. Среди ново
въ которую она попала, среди этого величія, дѣйствовавш
нее какъ-то раздражительно, она понимала все яснѣе и я
что у нея на всемъ свѣтѣ было одно только сокровище, и со
кровище это теперь отнято, уничтожено. Еслибъ можно был
вернуть старое, она никогда бы не оттолкнула отъ себя Мил
зимо. «Что-жъ, что онъ робокъ, нерѣшителенъ, что онъ да
трусъ, можетъ быть; что-жъ такое, все же она его люби
все же въ этой любви только и было ея счастье. И ка
счастье!»

Каждою минутою ей нужно дорожить, каждая минута до
же всего этого блеска. Зачѣмъ она отказалась сама отъ послѣд
ней минуты и неужели никогда она больше ужъ не увидитъ своего друга?! Она оскорбила его, онъ не придетъ. Но нѣтъ, надо вернуть его, надо хоть разъ его увидѣть. Она зоветъ свою вѣрную Любашу, которая цѣлый годъ передавала Миллезимо ея письма.

— Любаша, голубушка!—говоритъ она, и передъ этой простою дѣвушкой нѣтъ въ ней той гордости, нѣтъ той величественности, что трепетомъ и волненіемъ обдаетъ теперь русскихъ сановниковъ, ищущихъ милости будущей государыни.—Любаша,—говоритъ она:—сослужи мнѣ послѣднюю службу...

— Все, что прикажешь, государыня! Сейчасъ хоть умру, знакъ только подай!

— Зачѣмъ умирать! — печально отвѣчаетъ Катюша. — Поди, вотъ, снеси ему записочку и отвѣтъ принеси мнѣ.

И она дрожащей рукой пишетъ:

«Завтра обрученье, все кончено, хочу проститься съ тобою. Любаша скажетъ остальное». А вдругъ оскорбленный, отверженный ею, считающій ее измѣнницей, онъ не придетъ?!

— Отвѣта дождись, Любаша, отвѣтъ мнѣ нуженъ скорѣй... Не доживу, не дождусь тебя я, кажется! Скорѣе, лети какъ вѣтеръ!—и она начинаетъ шептать ей что-то.—Понимаешь, понимаешь, Любаша?!

Любаша киваетъ утвердительно головой и говоритъ:

— Все можно, все сдѣлаю, государыня.

И летитъ она какъ вѣтеръ, но все же далеко это, все же нужна и опаска. Часъ прошелъ, другой начался, нѣту отвѣта. Но вотъ кто-то стукнулъ въ двери. Она, Любаша!

— Что, что?—только глазами спрашиваетъ ее княжна Катерина, а языкъ ее не слушается, не можетъ произнести ни слова.

— Вотъ, государыня, вотъ,—прочти.

Она читаетъ: «буду живой или мертвый».

«Въ полночь, какъ долго еще, какъ страшно долго!»

А тамъ, въ парадныхъ покояхъ ее ждутъ, за ней ужъ посылали. Тамъ снова гости: вавилонское столпотвореніе.

И княжна идетъ, вся сіяя брилліантами и изумрудами, волоча за собою длинный шлейфъ бѣлаго атласнаго платья, затканнаго золотыми разводами. Она проходитъ рядъ комнатъ, царственно кланяется на всѣ стороны; за нею слѣдуетъ шопотъ, но не одинъ восторгъ только слышится въ этомъ шопотѣ. Она знаетъ, понимаетъ, сколько собралось здѣсь тайныхъ враговъ, завистниковъ и завистницъ ея величія. Но некогда ей теперь думать объ этомъ. Ждетъ она не дождется урочнаго часа. Вотъ скоро одиннадцать, скоро всѣ разойдутся и будетъ она свободна.

Она говоритъ матери, что нездорова, что должна лечь. Извѣстіе объ этомъ быстро обѣгаетъ всѣ комнаты. Гости спѣшатъ уѣхать, залы пустѣютъ. Вотъ и родные разошлись, пріѣхавшіе дядья уѣхали. Она простилась съ ними и скрылась въ опочивальнѣ. А тамъ Любаша ужъ ждетъ ее.

— Готово, все устроила. Богъ поможетъ, никто ничего не знаетъ.

— Ну, такъ живѣй, живѣй!

Любаша исчезаетъ. За воротами дожидается ее кибитка. Плотно закутавшись въ шубку и совсѣмъ закрывъ лицо свое, садится она въ кибитку. Кучеръ гаркнулъ на лошадей, онѣ мчатся. Прошло полчаса. Къ той же пустой сторонѣ головинскаго дворца опять подъѣхала та же кибитка, но изъ нея вышли ужъ не одна Любаша, изъ нея вышелъ еще кто-то. Двѣ женщины закутанныя, въ тишинѣ ночи пошли задворками. Сонный сторожъ протираетъ глаза, собаки на нихъ залаяли.

— Ахъ вы полунощницы,—ворчитъ сторожъ:—стыда у васъ нѣту, вотъ запереть ворота, не пустить бы!

— Ну, ну, не ворчи, старый,—шепнула ему Любаша:—вотъ тебѣ, выпей на здоровье.

Она сунула ему въ руку монету. Онъ ощупалъ ее.

«Эге!—подумалъ онъ:—никакъ это рубль серебряный, видно испужалась дѣвка».

И онъ замолчалъ.

Любаша и другая женская фигура поднимаются по лѣстницѣ. Всѣ спятъ въ домѣ, теперь никого не встрѣтятъ, Любаша все устроила, каждый поворотъ высмотрѣла,—хитрам она дѣвка, привычная.

Вотъ узенькій длинный корридорчикъ, тьма въ несчъ,—зги не видно. Любаша идетъ впередъ ощупью, шаги свои ота. итываетъ. Держась за ея шубку, подвигается и другая женщин

— Здѣсь!—шепнула Любаша.

Она тихо стукнула въ стѣну. Вотъ слышитъ она какъ гдѣто близко, близко повернулась ручка двери. Вотъ, легко скрипнувъ, дверь отворилась. Любаша пропустила впередъ свою спутницу, а сама осталась въ темномъ корридорѣ.

Княжна Катерина Алексѣевна стояла у маленькой двери въ большой роскошной комнатѣ, ведшей въ ея опочивальню. Комната эта была совсѣмъ темная, только изъ спальни, черезъ тяжелую полуспущенную портьеру, пробивалась полоска слабаго свѣта.

— Ты это? ты?—шепнула княжна.—Тише, иди за мною.

Спутница Любаши идетъ за нею. Онѣ въ спальнѣ.

— Никто васъ не видѣлъ?

— Никто, никто, — повторяетъ Миллезимо, сбрасывая женскую шубку и платокъ съ головы. — Никто не видѣлъ, моя радость!

Онъ бросается на колѣни передъ Катериной, цѣлуетъ ея руки, плачетъ, смѣется, съ восторгомъ и тоскою глядитъ на нее. И она сама плачетъ, сама смѣется и обнимаетъ его. Кругомъ все тихо. На ключъ заперла она дверь спальни, а оттуда, изъ корридора, никогда никто не ходитъ. Тамъ же за дверью Любаша.

Разноцвѣтныя лампады, зажженныя передъ образами, какъто волшебно озаряютъ комнату. Вся она устлана дорогими мягкими коврами. Золоченая, штофомъ покрытая мебель иностранной работы.

Въ глубинѣ, подъ драгоцѣннымъ балдахиномъ, скрывается высокая кровать княжны Катерины. Никто, кромѣ отца и матери, до сихъ поръ не былъ въ этой комнатѣ: для всѣхъ заперта она какъ святилище. Но не смущается княжна Катерина присутствіемъ молодого графа. Ни минуты не задумалась она, устроивъ это опасное, почти невозможное свиданіе. И что-жъ, вотъ ничего не случилось! Вотъ онъ здѣсь, здѣсь, а, вѣдь, только этого и нужно, а тамъ дальше пусть будетъ что будетъ. Пускай хоть всѣ теперь придутъ сюда, ото всѣхъ сумѣетъ отстоять она его. Никому не отдастъ она послѣдняго часа своего счастья! Вѣдь, завтра смерть, такъ о чемъ же думать! А! вы воображали,

что сумѣли отнять у меня милаго?! Опутали меня, лишили меня воли! Вы теперь спите спокойно? Ну и спите!

И она, обезсиленная волненьемъ, счастьемъ и тоскою, мѣшающимися въ душѣ ея, опускается въ кресло.

Миллезимо на колѣняхъ передъ нею. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея руки.

— Такъ ты меня любишь?—шепчетъ онъ.—Зачѣмъ же ты прогнала меня? Вѣдь, я съ тоски чуть не умеръ, чуть не застрѣлился!

И она ужъ не можетъ смѣяться надъ нимъ, не можетъ спросить его: «почему-жъ не застрѣлился?», не можетъ сказать ему, что, значитъ, не велика была тоска, если «чуть» осталось. Она ужъ и не думаетъ ни о чемъ, и не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ. Можетъ быть даже ей теперь и дѣла нѣтъ до любви его. Она сама его любитъ: вотъ все, что она знаетъ!

— Да, я люблю тебя,—говоритъ она ему:—люблю всѣмъ горемъ, всѣмъ ужасомъ моей жизни. Пойдемъ, пойдемъ, убѣжимъ отсюда. Возьми меня, унеси меня подальше!

— Да какъ же это сдѣлать?—въ недоумѣнiи проговорилъ онъ.

— Какъ сдѣлать? — смѣется она и плачетъ:— какъ? Нельзя этого сдѣлать, да и я сама теперь не пойду съ тобою. Нѣтъ! Все кончено! Люблю я тебя, охъ, какъ люблю, но ужъ и не знаю, право, что больше: любовь моя къ тебѣ или ненависть къ нимъ ко всѣмъ!.. Еслибъ зналъ ты, какъ отвратительны они, какъ жалки, какъ ничтожны! Да ты не знаешь, ты не понимаешь этого. И не нужно, не нужно! Знай только одно, что они ошиблись во мнѣ, что никто изъ нихъ меня не понялъ. Знай только одно, что я смѣюсь надъ ними и до конца посмѣюсь! Они меня продали!.. Можетъ быть, еще раскаются въ этой продажѣ. А онъ, тотъ, который купилъ меня,—онъ точно купилъ какъ вещь какую,—и онъ раскается! Доброй, вѣрной женой буду я ему!

И она опять хохочетъ злымъ, мучительнымъ смѣхомъ и забываетъ она всѣ обстоятельства, при которыхъ купилъ ее тотъ, кому теперь она грозится. Забываетъ она, что онъ ее спрашивалъ—любитъ ли она его? Она знаетъ, какъ тогда ему отвѣтила, знаетъ, что своимъ отвѣтомъ погубила и его и себя, потому что онъ ее не любитъ, потому что безсовѣстно, отвратительно поступили съ нимъ, съ этимъ бѣднымъ, измученнымъ ребенкомъ и ея родные и сама она. Но ничего этого не помнитъ она, не понимаетъ, знать не хочетъ. Ей кажется, что онъ, ни въ чемъ неповинный, прекрасный ребенокъ, врагъ ея и мучитель, и вотъ она собирается мстить ему, и считаетъ себя правою:

видно, въ конецъ помутился ея разумъ. Видно, въ конецъ помутилось ея сердце. Охъ, какъ болитъ оно, какъ рвется на части! И опять она плачетъ, опять прижимаетъ къ груди Миллезимо. И глядитъ на него—не можетъ наглядѣться.

Вихрь какой-то поднимается въ ней и передъ нею. Голова ея кружится. «А! я еще поборюсь съ вами!—мелькаетъ въ ней послѣдняя мысль. — Я еще накажу всѣхъ васъ!» И она опять забывается, чувствуетъ только присутствіе милаго и шепчетъ ему:

— Твоя, твоя, возьми меня!!...

Летятъ, мчатся не то часы, не то минуты. Жизнь ли остановилась, и нѣту ее? Или кипитъ она и разливается полной чашею? Сонъ-ли это, или явь непонятная? Волшебство какое-то... что-то заколдованное......

Но кто это стучится? Что это такое? Ахъ! да это Любаша; видно, долго, видно, много прошло времени.. Утро скоро, пора проститься. Да развѣ возможно это? Теперь... Нѣтъ! нѣтъ, теперь ужъ не отпуститъ она его! Теперь ужъ не отдастъ его никому!

Но Любаша опять стучится.

— Прощай,—шепчетъ княжна:—прощай. Никогда мы больше не увидимся!..

— Нѣтъ, я съ тобой не прощаюсь,—отвѣчаетъ Миллезимо.— Завтра, завтра я тебя увижу!

«Завтра... развѣ будетъ завтра?—думается княжнѣ:—а если и будетъ, такъ не увидитъ онъ меня завтра. Завтра я буду другая. Завтра онъ меня не узнаетъ!»

— Не уходи, останься со мною!—безумно молитъ она и въ то же время гонитъ его, говоритъ, что поздно, что ихъ застанутъ, что его погубятъ...

Наконецъ, онъ уходитъ. Поцѣлуй послѣдній. Послѣднее объятіе... Вотъ онъ ушелъ. Она слышитъ, какъ скрипнула за нимъ дверка. Она кинулась было къ нему, но на порогѣ своей роскошной спальни пошатнулась и упала, безумно рыдая.

VII.

30 ноября 1729 года было назначено обрученіе Петра II съ княжною Екатериной Алексѣевной Долгорукой. На обрученіе были приглашены всѣ сановники съ ихъ семействами и многіе богатые московскіе жители. Собирались въ большой залѣ кремлевскаго дворца.

Императоръ еще не показался. Долгорукихъ тоже не было. Всѣ съ изумленіемъ передавали другъ другу о томъ, что въ

этотъ день караулъ во дворцѣ былъ увеличенъ со 150 на 1200 солдатъ (цѣлый батальонъ гвардіи). Многіе объясняли это тѣмъ, что Долгорукіе боятся какого-нибудь безпорядка. Поговаривали, что солдатамъ приказано стрѣлять по всякому, кто будетъ замѣченъ въ безпорядкѣ и что-нибудь крикнетъ.

Вотъ показался Остерманъ. Многіе кинулись къ нему, прося объясненія, но онъ самъ пожималъ плечами и казался очень удивленнымъ.

Собрались всѣ государственные сановники и знатные русскіе люди и помѣстились по одну сторону залы на парчевыхъ скамейкахъ, а скамейки съ другой стороны заняли иностранные резиденты и ихъ свита.

Въ глубинѣ залы стоялъ балдахинъ, а подъ нимъ два кресла; тутъ же находился и аналой, на которомъ лежало Евангеліе. Вокругъ аналоя размѣстилось духовенство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ.

Наконецъ изъ внутреннихъ покоевъ показался императоръ. За нимъ слѣдовала гренадерская рота, состоявшая изъ ста человѣкъ. Это обстоятельство опять обратило на себя вниманіе. Капитаномъ гренадерской роты былъ князь Иванъ Долгорукій: теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что все дѣлалось по его распоряженію. Императоръ лишенъ имъ свободы, онъ у него подъ карауломъ и не видитъ этого, или не находитъ въ себѣ силы противиться своему фавориту. Петръ казался спокойнымъ и равнодушнымъ. Онъ подошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, каждому сказалъ двѣ-три фразы.

Но вотъ взоры всѣхъ обратились къ дверямъ; поднялся шопотъ. Въ дверяхъ показался Иванъ Долгорукій. Онъ велъ за руку свою сестру, за нимъ слѣдовала княгиня Долгорукая со второю дочерью.

Императоръ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, взялъ руку невѣсты и отвелъ ее подъ балдахинъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ. И такъ неподвижно и молча сидѣли они нѣсколько минутъ.

Княжна Катерина была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно охватывавшей ея нѣжный станъ. Волосы ея были расчесаны на четыре косы и убраны алмазами, на головѣ была надѣта маленькая корона.

Княжна опустила глаза и ни на кого не смотрѣла. Лицо ея было блѣдно, губы сжаты, но во всей ея фигурѣ было замѣтно спокойствіе. Императоръ тоже вдругъ поблѣднѣлъ и не глядѣлъ на свою невѣсту. Онъ разсѣянно перебиралъ серебряное шитье на своемъ свѣтломъ камзолѣ. По временамъ утомленіе и даже тоска выражались на лицѣ его. Ему было неловко, онъ Богъ

знаетъ что бы далъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать отсюда, куда-нибудь скрыться. Но теперь ужъ убѣжать и скрыться некуда. Онъ очнулся, всталъ съ креселъ, подалъ руку невѣстѣ и они подошли къ аналою. Слабымъ, упавшимъ голосомъ объявилъ императоръ, что беретъ княжну себѣ въ жены, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ. Потомъ женихъ съ невѣстой поцѣловали евангеліе. Ѳеофанъ Прокоповичъ прочелъ надъ ними молитву. Императоръ поклонился княжнѣ и они снова сѣли на золоченыя кресла, и опять-таки ни разу не взглянули другъ на друга. Оба все были такъ же блѣдны, такъ же печальны, казались такими же усталыми. И всѣмъ было тяжело и странно смотрѣть на нихъ, всѣмъ казалось это торжество обрученія какой-то печальной церемоніей, предвѣщающей что-то недоброе.

Императоръ подозвалъ къ себѣ Ивана Долгорукаго и сказалъ ему, что желаетъ назначить кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты. Машинально, будто повторяя затверженный урокъ, онъ произносилъ имена и фамиліи, и, окончивъ это, взялъ руку невѣсты.

Всѣ присутствовавшіе кавалеры и дамы одни за другими подходили и цѣловали эту руку.

Княжна все не поднимала глазъ. Ея холодная рука лежала какъ мраморъ, какъ не живая въ рукѣ императора. Но вдругъ она подняла глаза, изъ груди ея вырвался слабый крикъ. Она быстро поднялась съ креселъ и вырвала руку изъ руки императора. Онъ изумился, взглянулъ на нее, потомъ передъ собою и яркая краска залила его щеки. Передъ нимъ стоялъ Миллезимо, а княжна сама протянула ему руку и онъ цѣловалъ ее.

«Что-жъ это такое? Ко всему еще и оскорбленіе!»—подумалъ императоръ, но справился съ собою: онъ теперь ужъ умѣлъ съ собою справляться.

Всѣ сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили, и цѣлованіе руки продолжалось снова. Толпа придворныхъ поспѣшила окружить и спрятать за собою Миллезимо. Его вывели изъ залы, усадили въ сани и увезли. Онъ молчалъ, не отвѣчалъ ни на какіе вопросы и позволялъ дѣлать съ собою все, что было угодно этимъ людямъ. Онъ даже не зналъ и не интересовался: спасаютъ его, или везутъ на погибель. Онъ сдѣлалъ свое дѣло: простился съ Катериной Алексѣевной, исполнилъ данное ей обѣщаніе.

А во дворцѣ все шло своимъ порядкомъ. Церемонія окончилась, духовенство удалилось изъ залы и начался балъ. Императоръ былъ въ первой парѣ съ княжной и она снова была равнодушна, блѣдна и молчалива. Онъ тоже не говорилъ ей ни слова. Ни однимъ звукомъ не замѣтилъ онъ ей, что находитъ стран-

нымъ и неумѣстнымъ ея поступокъ. Онъ спѣшилъ скорѣй кончить танецъ, чтобъ имѣть возможность уйти отъ невѣсты. Еще часъ тому назадъ онъ былъ къ ней только равнодушенъ, а теперь, когда связалъ себя съ нею, новое чувство охватило его. И это чувство было то же самое, какое испыталъ онъ два года тому назадъ къ княжнѣ Меншиковой: невѣста стала ему противна. Онъ помышлялъ теперь о томъ, что зачѣмъ же допустилъ онъ обрученье, что еще можно было отказаться. Что-жъ такое они въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, есть же конецъ дружбѣ! Да и правъ-ли Алексѣй Григорьичъ, точно-ли это нужно? Прежде всего государь долженъ быть свободнымъ человѣкомъ, долженъ располагать самъ собою, а не отдавать свою жизнь и свою радость какимъ-то страннымъ, и врядъ-ли существующимъ необходимостямъ.

Балъ скоро кончился и княжну отвезли въ головинскій дворецъ въ каретѣ императора, на верху которой была корона; конвой сопровождалъ эту карету.

Дома собрались родные поздравить царскую невѣсту, но прежде еще она должна была вынести бурю. Мать ея всплеснула руками и разразилась неудержимымъ потокомъ упрековъ.

— За что ты и себя и насъ осрамила?—говорила княгиня:— что ты сдѣлала! Вѣдь, теперь всякій, вонъ, толкуетъ, что ему вздумается.

— Да что-жъ, вѣдь, правду толковать станутъ! — отвѣтила княжна.

— Ну, скажи на милость, что это сталось съ тобою? Вѣдь, вчера еще ты увѣряла и обѣщалась, что выкинула совсѣмъ изъ головы эту глупость, что забыла и думать объ этомъ Миллезимо. Что-жъ это, наконецъ, такое? О себѣ не думаешь, такъ подумала бы хоть объ императорѣ, вѣдь, ты его срамишь!

— Я и сама не знаю, какъ это случилось, — тихо отвѣчала княжна: — я не думала увидать его, не думала, что онъ придетъ со мной туда проститься. Но онъ пришелъ... и не могла же я того вынести, чтобъ онъ поцѣловалъ мою руку изъ рукъ императора.

— Да говорю тебѣ, подумала бы хоть о государѣ! Вѣдь, его ты осрамила!

— Ну, объ немъ-то я дѣйствительно не очень думаю: ровно столько же, сколько и онъ обо мнѣ.

Но эти послѣднія слова были сказаны такъ тихо, что одна только мать и разслышала ихъ.

Князь Иванъ не вернулся домой. Онъ не хотѣлъ теперь встрѣчаться съ сестрою.

Всѣ ужъ стали расходиться по своимъ комнатамъ, когда слуга доложилъ о пріѣздѣ фельдмаршала Долгорукаго.

Онъ вошелъ своей тяжелой походкой, приблизился къ царской невѣстѣ, обнялъ ее, а затѣмъ, отступивъ на шагъ, почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Поздравляю тебя, — громко сказалъ онъ: — поздравляю васъ, ваше императорское высочество! Вчера я былъ твоимъ дядей, нынче ты моя государыня и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, слава Богу, она очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста. И такъ, если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтелей. Это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю.

Фельдмаршалъ низко поклонился племянницѣ и снова поцѣловалъ ея руку.

На всѣхъ родныхъ эта торжественная рѣчь произвела пріятное впечатлѣніе. Еще вчера старый князь возставалъ противъ задуманнаго родственниками брака, еще вчера толковалъ о томъ, что бракъ этотъ не поведетъ къ добру, что Долгорукіе идутъ по стопамъ Меншиковыхъ и ожидаетъ ихъ одинаковая съ ними участь. Но, видно, старикъ передумалъ, видно, честолюбіе въ немъ заговорило!

Князь Алексѣй радушно обнялъ его и благодарилъ за родственныя чувства и за прекрасную рѣчь, имъ сказанную.

Фельдмаршалъ промолчалъ и скоро уѣхалъ. Онъ не думалъ измѣнять своихъ мыслей, онъ только видѣлъ, что теперь не къ чему ихъ высказывать: все равно все ужъ сдѣлано и ничего не поправишь.

VIII.

Алексѣй Григорьевичъ вернулся домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Онъ еще не зналъ, что будетъ завтра, какое впечатлѣніе произвелъ глупый поступокъ Катерины на императора. Такъ-ли это пройдетъ все, или поднимется буря. Но во всякомъ случаѣ теперь-то ужъ необходимо окончательно уничтожить причину ожидаемой бури. Онъ призвалъ къ себѣ князя Ивана и сталъ толковать съ нимъ о томъ, что немедленно надо ѣхать къ графу Вратиславу и убѣдить его услать куда-нибудь подальше Миллезимо.

— Конечно, это слѣдуетъ,—отвѣчалъ князь Иванъ.—Не для сестры я это сдѣлаю, а для несчастнаго государя. Еслибъ зналъ

я во время, что еще такое вы ему приготовили, такъ не допустилъ-бы этой ужасной свадьбы.

— А, ты опять свое начинаешь!—угрюмо проговорилъ ему отецъ.—Хоть теперь образумься, оставь и насъ, и сестру въ покоѣ. О себѣ думай!

«Да, пора мнѣ о себѣ подумать»—мысленно проговорилъ князь Иванъ, и поѣхалъ къ цесарскому посланнику.

Онъ мучительно обдумывалъ, какъ заговорить о такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Но графъ Вратиславъ предупредилъ его. Ему было ужъ все извѣстно и онъ поспѣшилъ увѣрить князя, что на другой день Миллезимо отправляется къ цесарю съ различными порученіями.

— Говорю это къ тому, князь,—закончилъ Вратиславъ:—что не будетъ-ли отъ васъ какихъ порученій?

Гора съ плечъ свалилась у князя Ивана. Онъ сердечно поблагодарилъ посланника и поспѣшилъ домой, передать своимъ о благополучномъ окончаніи дѣла.

«А теперь мнѣ нужно о самомъ себѣ подумать»—опять мысленно сказалъ онъ. И думалъ онъ о себѣ всю ночь, и рѣшилъ что на завтра, такъ или иначе, а будетъ разъяснена вся судьба его.

На другой день онъ выѣхалъ куда-то торопливо. Лихіе кони его мчались и рослый, толстый кучеръ дикимъ гарканьемъ отгонялъ съ дороги прохожихъ. Встрѣтился на улицѣ князю Ивану экипажъ герцога де-Лирія.

«Куда онъ этакъ мчится?—подумалъ герцогъ.—Навѣрно къ принцессѣ. Я не я буду, если завтра мы не узнаемъ о его свадьбѣ съ Елизаветой!..»

Но испанецъ ошибался. Князь Иванъ повернулъ не въ ту сторону, гдѣ жила цесаревна. Онъ спѣшилъ къ шереметевскому дому.

Навстрѣчу князю вышелъ юный хозяинъ, графъ Петръ Борисовичъ. Конечно, ему было лестно видѣть у себя всемогущаго фаворита,—да еще когда?—на другой день послѣ обрученья княжны Долгорукой съ императоромъ. Онъ не зналъ какъ и благодарить его за это посѣщеніе и только нѣсколько успокоился, когда князь Иванъ сказалъ, что пріѣхалъ по большому дѣлу.

— Какое можетъ быть у тебя дѣло до меня? Чѣмъ могу служить тебѣ? Слово скажи, все исполню!—спрашивалъ юный графъ, подумывая о томъ, что теперь необходимо какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Долгорукими.

— Скажи мнѣ, Петруша, вѣдь, ты теперь хозяиномъ этого дома считаешься, старшимъ Шереметевымъ? Вѣдь, ты теперь глава брату и сестрамъ, такъ, вѣдь?

— Конечно!—самодовольно отвѣтилъ юноша.

— Ну, такъ вотъ, значитъ, тебѣ, безусому, мнѣ приходится въ поясъ кланяться, просить тебя по старому обычаю. Слушай меня, графъ Петръ Борисовичъ, пришелъ я къ твоей милости просить у тебя руку сестры твоей, Натальи Борисовны.

Молодой Шереметевъ не вспомнился отъ изумленія и радости, услыша слова эти. Онъ кинулся на шею князю Ивану, сталъ обнимать его.

— Еслибъ можно было,—радостно говорилъ онъ:—я бы за тебя всѣхъ моихъ сестеръ разомъ отдалъ!

— Такъ, значитъ, ты согласенъ?

— Что-же еще спрашивать: не грезилъ о такомъ счастьѣ!

И онъ опять кинулся цѣловать князя.

— Такъ поди къ сестрѣ, передай о моемъ предложеніи, и если согласна, то пусть меня приметъ.

— Согласна! Вотъ вздоръ какой? Какъ будто можетъ она быть несогласна! Да ее въ этомъ дѣлѣ и спрашивать нечего.

— Я не такъ думаю,—замѣтилъ Долгорукій.—Еслибъ она была несогласна, такъ силой брать не стану.

Шереметевъ хотѣлъ было ему что-то напомнить, хотѣлъ было замѣтить, что не всегда таковы были у молодого князя правила, но воздержался и поспѣшилъ къ сестрѣ.

«Да, вѣдь, не спятитъ же она съ ума,—дорогой подумалъ онъ:—не вздумаетъ же отказаться, а коли вздумаетъ, такъ я съ ней не поцеремонюсь, уломать сумѣемъ».

Наталья Борисовна входила въ свои комнаты, когда ей доложили о приходѣ брата.

— Что тебѣ, братецъ?—изумленно спросила она. Братъ не баловалъ ее своими посѣщеніями, иногда по цѣлымъ недѣлямъ она его не видала.—Да, вотъ, что я скажу тебѣ,—продолжала она, не дожидаясь его отвѣта на первый вопросъ ея:—сходи ты къ бабушкѣ въ комнату, я сейчасъ отъ нея. Совсѣмъ она больна, можетъ, умретъ скоро, о тебѣ спрашивала...

— Экая невидаль! Не въ бабушкѣ теперь дѣло. Слушай ты, сестра, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

И онъ передалъ ей о предложеніи Долгорукаго.

— Гдѣ же онъ, гдѣ, здѣсь у насъ въ домѣ?!—быстро спросила Наталья Борисовна, краснѣя какъ маковъ цвѣтъ и задыхаясь отъ волненія.

— Да, твоего отвѣта дожидается. Если согласна, такъ проситъ принять его.

Наталья Борисовна молчала.

— Что-жъ ты, сестра, говори-же! Вѣдь, нельзя такъ долго его заставлять дожидаться. Согласна ты, иль не согласна? Да, впрочемъ, о чемъ тутъ толковать? Конечно, согласна. Развѣ отъ

такого жениха можно отказываться, а теперь особенно? Что-жъ мнѣ сказать ему отъ тебя?

— Скажи, что я жду его,—тихо шепнула графиня.

Иванъ Алексѣевичъ не заставилъ себя ждать.

Пятнадцатилѣтній, но уже благоразумный, осмотрительный Петръ Борисовичъ не вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, оставилъ ихъ наединѣ.

— Чѣмъ рѣшишь ты судьбу мою, Наталья Борисовна?—спросилъ Долгорукій, кланяясь графинѣ.

Она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ почтительно и съ невольнымъ сердечнымъ трепетомъ.

— Присядь, князь,—сказала она:—потолкуемъ. Прежде всего, благодарю за честь, которую ты мнѣ дѣлаешь...

— Этого могла-бы и не говорить,—перебилъ ее Иванъ Алексѣевичъ.

— Отчего мнѣ не говорить этого, коли я такъ чувствую? Правда это, что ты мнѣ честь дѣлаешь. Хоть по рожденью моему я и не ниже тебя стою, но, вѣдь, ты, князь, теперь такъ высокъ сдѣлался, что могъ разсчитывать на лучшую невѣсту. Всѣ даже и говорили, что ты ужъ приглядѣлъ себѣ цесаревну Елизавету.—Несмотря на все свое волненіе, несмотря на страшную важность рѣшавшагося, на счастье, безмѣрно охватившее душу, Наталья Борисовна все-же не могла удержаться отъ этого упрека.

— Не кори меня цесаревной,—отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ.—Коли прошлымъ корить станешь, много найдется и кончишь ты тѣмъ, что не за честь почтешь мое предложеніе, а за безчестье себѣ не малое.

И онъ грустно глядѣлъ на нее.

— Ахъ, что ты, что ты! Прости меня, глупую, зачѣмъ я это сказала?! Не зачѣмъ было говорить мнѣ: вѣдь, вотъ коли за меня сватаешься, такъ, значитъ, другой невѣсты у тебя нѣту, значитъ прежнія мысли оставилъ. Что-жъ это я тебя упрекнула! Видишь какъ я глупа, можетъ, и впрямь ты найдешь жену поразумнѣе меня, которая-бы тебѣ больше подходила, больше тебя стоила.

А князь ужъ былъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки.

— Радость моя,—шепталъ онъ:—по глазамъ твоимъ вижу, что не хочешь ты погубить меня, не откажешь ты мнѣ. Спасибо, родная, спасибо. Долго не смѣлъ я къ тебѣ появиться. Страшно мнѣ было и прикоснуться къ тебѣ: такимъ недостойнымъ и низкимъ себѣ я казался. Но больше терпѣть нехватило силы. Когда могъ бороть себя, боролъ, ради тебя, помня слова твои, много разъ отъ искушеній разныхъ устаивалъ и зла убѣгалъ. Знаю, что много мрака еще во мнѣ осталось, но не возгнушайся ты

мракомъ моимъ, прими меня, каковъ я есть, и помоги мнѣ чистотою души своей побѣдить врага. Только съ твоей помощью и могу я стать настоящимъ человѣкомъ.

Онъ говорилъ это такъ искренно, онъ глядѣлъ на нее съ такой вѣрой и любовью, что она невольно склонилась къ нему и обняла его шею.

— Не унижай себя предо мной, недостойной, я, можетъ, еще во сто разъ хуже тебя!—шептала Наталья Борисовна.

— Ты не гнѣви Бога, не клевещи на себя, — отвѣтилъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки. — Но знаешь ли: вотъ велико теперь мое счастье, но я все-же готовъ отъ него отказаться при одной страшной мысли...

— Что такое, что? Скажи мнѣ все, всю свою душу!—испуганно спрашивала она.

— Послушай, Наташа, послушай, жизнь моя! Вотъ ты сейчасъ говорила о томъ, что я такъ стою высоко... сегодня—да, но завтра можетъ все перевернуться. Не прочно мое величіе и самъ я это знаю лучше, чѣмъ кто-либо. Всего мнѣ нужно бояться, а пуще всего сестриной ненависти. Знаешь-ли ты, что она меня ненавидитъ? Знаешь-ли ты, что все она сдѣлаетъ, чтобы только погубить меня? И съ чего эта ненависть, не понимаю, но только она существуетъ, да, вѣдь, и ты сама ее видѣла. Такъ послѣ этого сообрази ты какъ непрочно мое величіе. Быть можетъ, скоро, очень скоро, я буду забытымъ, изгнаннымъ человѣкомъ. Мнѣ все равно отъ души говорю, какъ передъ Богомъ истиннымъ, что не стану я на это сѣтовать. Не надо мнѣ ни блеска, ни почестей; много ихъ, да счастья они мнѣ не дали. Вѣдь, не за нихъ же ты меня любишь, а только одна любовь твоя и есть мое счастье. Мнѣ ихъ не надо, я помирюсь со всякой долей, да ты то какъ же! Имѣю ли я право, при такой непрочности моего положенія, звать тебя за собою въ это невѣдомое, быть можетъ страшное будущее?

— Князь Иванъ,—обратилась къ нему графиня, и все ея лицо сдѣлалось такимъ серьезнымъ, такъ измѣнилось: она казалась ужъ не юной, не шестнадцатилѣтней дѣвушкой, а женщиной, много испытавшей: — князь Иванъ, — повторила она какимъ-то вдохновенныъ голосомъ:—дважды любить я не сумѣю. Разъ тебя полюбила—и только одинъ ты и есть у меня, и вся жизнь моя будетъ съ тобою, или совсѣмъ одинока. Если судьба сулитъ намъ счастье — будемъ счастливы, если судьба готовитъ намъ горе, страданья—будемъ горевать и страдать вмѣстѣ. Я не отойду отъ тебя и вѣрю, что и ты меня не оставишь. Я не обману тебя и вѣрю, что и ты меня не обманешь. Князь Иванъ, хочешь—бери меня, бери всю жизнь мою, тебѣ, и одному тебѣ отдаю я ее, и

какъ бы страшно ни было это будущее, о которомъ ты теперь думаешь, я съ восторгомъ и блаженствомъ принимаю его изъ рукъ твоихъ!..

Невольный крикъ вырвался у Ивана Долгорукаго и съ этимъ счастливымъ крикомъ онъ кинулся къ ней, и они снова обнялись крѣпко. И онъ понялъ, какъ много даетъ ему судьба, понялъ, что нашелъ кладъ заколдованный, величайшее земное сокровище.

IX.

Герцогъ де-Лирія долженъ былъ сознаться, что предсказалъ плохо. Вѣсть о помолвкѣ фаворита съ графиней Шереметевой облетѣла Москву такъ же быстро, какъ и вѣсть о царской помолвкѣ. Теперь все, что стремилось въ головинскій дворецъ, стало спѣшить и въ шереметевскія палаты. Тамъ всѣхъ встрѣчала юная невѣста, сіявшая красотой и радостью. И всѣ несли ей свои льстивыя поздравленія, всѣ твердили вокругъ нея: «ахъ, какъ она счастлива!». Искали ея милости; «рекомендовались подъ ея протекцію». Потомъ, вспоминая это время, Наталья Борисовна писала въ своихъ запискахъ: «я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась».

Графиня забыла всѣ свои прежнія печали и сомнѣнья, забыла свои обѣты, воздержаніе отъ веселья и приготовленіе себя къ скукѣ. Она радовалась и веселилась всѣмъ существомъ своимъ, она слушала эти: «ахъ, какъ она счастлива» и сердце ея твердило: «да, я счастлива, и счасливѣе меня нѣтъ на свѣтѣ». О будущемъ она не думала, а думала только о томъ, какъ бы почаще, да побольше видѣть милаго человѣка.

А кругомъ въ богатомъ ихъ домѣ ужъ шли приготовленія къ сговору.

Многочисленная родня Долгорукихъ каждый день подносила невѣстѣ роскошные подарки: серьги бриллiантовыя, часы съ разными фокусами, табакерки, «готовальни и всякую галантерею».

Петръ Борисовичъ Шереметевъ послалъ жениху шесть пудовъ серебра въ подарокъ, кубки да фляши золоченые. Вотъ назначили и сговоръ, приглашена была вся знать, всѣ чужестранные министры; столько гостей, однимъ словомъ, сколько могъ вмѣстить только просторный домъ Шереметевыхъ. Ждали и царскую фамилію. Сговоръ назначенъ былъ въ семь часовъ вечера, и когда стемнѣло, то по всему двору широкому зажжены были смоляныя бочки, освѣщавшія гостямъ дорогу.

Стали собираться: потянулись цугомъ кареты за каретами.

Около ограды дома собралось столько народу, что вся улица была запружена. И кричали въ народѣ: «слава Те. Господи, отца нашего дочка идетъ замужъ за большого человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову». Въ народѣ хорошо еще помнили стараго фельдмаршала Шереметева и память была о немъ добрая. Но все же слышались и такіе голоса, что говорили: «жаль только, что за Долгорукаго выходитъ: въ дурную семью попадетъ». Но эти голоса раздавались тихо, тихо, и никто ихъ не слушалъ.

Скоро пріѣхалъ императоръ, его невѣста и цесаревна Елизавета.

Петръ ласково обнималъ своего любимца Ивана Алексѣевича, поздравлялъ его съ такой красавицей. Ласково бесѣдовалъ съ Натальей Борисовной, говорилъ ей, что она будетъ счастлива, что женихъ ея хорошій человѣкъ, что по немъ она ему, императору, родней становится и онъ радъ сердечно такой новой роденькѣ. И все лучезарнѣе становилась улыбка красавицы-невѣсты. И ничего не замѣчала она, кромѣ своего счастья. Не замѣчала, что ласковый императоръ самъ что-то блѣденъ и печаленъ, что говоря о ея счастьѣ, самъ онъ, женихъ тоже недавній, не похожъ на счастливаго. Но другіе люди, которымъ нечего было ликовать и радоваться, хорошо замѣтили, что императоръ похудѣлъ и измѣнился въ послѣднее время. Замѣтили они много страннаго и въ обращеніи его съ невѣстой. Онъ выражалъ ей большое почтеніе, но отъ этого почтенія вѣяло холодомъ, скукой и тоскою. Онъ, очевидно, радъ былъ отойти отъ нея подальше; вся его любезность, все его оживленіе были напускныя. Потомъ замѣтили, что онъ пристально и любовно взглядываетъ на цесаревну Елизавету. Вотъ онъ подошелъ къ ней и на лицѣ его мелькнула прежняя свѣтлая дѣтская улыбка.

— Лиза, - сказалъ Петръ: — рѣдко видаю я тебя. На людяхъ тогда ты меня поздравила, не могъ я и слова сказать тебѣ. А къ тебѣ поѣхалъ и не засталъ тебя.

— Да, государь,—отвѣтила цесаревна: — рѣдко мы съ тобой теперь стали видѣться, но я-ли тому причиной? А какъ былъ ты у меня, я ѣздила поздравить твою невѣсту, поцѣловать у своей новой государыни ручку.

Но Долгорукіе были ужъ близко. Они ужъ вслушивались въ слова цесаревны и поспѣшили окружить императора, «отвести его отъ опасной персоны».

Въ большой шереметевской залѣ совершено было обрученье. Обручалъ архіерей и присутствовали два архимандрита, и многочисленное духовенство. Перстни, которыми обручались Наталья Борисовна и Иванъ Алексѣевичъ стоили: жениховъ—двѣнадцать тысячъ, а невѣстинъ—шесть.

Во все время совершенія обряда невѣста была спокойна. Она даже забыла, что по старымъ обычаямъ ей слѣдовало, хотя длл видимости, плакать. Она не плакала. Великое счастье разливалось по лицу ея. Съ этимъ счастьемъ глядѣла она на жениха своего, а онъ... забывалъ все, что нужно ему дѣлать, онъ только видѣлъ одну свою милую невѣсту. Безчисленные взоры были устремлены на нихъ и много скрытой зависти, много недоброжелательства заключали въ себѣ тѣ взоры. Но не мало было и такихъ, въ которыхъ свѣтилось истинное участіе. Глядѣлъ императоръ на любимца своего и его невѣсту и думалъ: «вотъ какъ они счастливы, сейчасъ это видно. Есть же, значитъ, на свѣтѣ счастье!» И вспомнилось ему собственное обрученье, бывшее такъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ, и представилась ему огромная разница между этими днями. Никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, такимъ уставшимъ. Въ послѣдніе дни ему положительно не давали придти въ себя: отъ него ни на шагъ не отходилъ Алексѣй Григорьевичъ. Сначала онъ боялся, что императоръ подниметъ *бурю* по поводу поступка Катюши. Но императоръ не сказалъ ему даже ни одного слова. «О чемъ теперь говорить, все ужъ сдѣлано». Да и понялъ-ли онъ, что значила эта вспышка его невѣсты! Можетъ быть не понялъ. Съ нимъ начинало дѣлаться что-то странное. Иногда мысли его останавливались, спутывались...

И государыня невѣста, княжна Катерина Алексѣевна, пристально смотрѣла на брата и Наталью Борисовну. Ей тоже вспомнилось ея обрученье. Она тоже повторяла себѣ: «вѣдь, есть же счастье! И у нея могло быть такое счастье, и она могла такъ глядѣть на жениха своего, какъ глядитъ Наталья Борисовна, еслибъ женихъ этотъ былъ тотъ, кого она любитъ. И гдѣ онъ теперь? Куда услали его? Что съ нимъ сдѣлали? Всѣхъ спрашивала, не отвѣчаютъ». Къ ней приставлена стража великая, какъ звѣря стерегутъ ее родные. «Ну да что, не устерегли, теперь поздно!..»—съ мученьемъ и страшной злобой думала она. И все пуще и пуще всѣхъ она ненавидѣла, но почему-то ея ненависть обращалась, главнымъ образомъ, на тѣхъ, кто мало былъ виновенъ передъ нею. Теперь она ненавидѣла даже Наталью Борисовну, свою прежнюю подругу и пріятельницу, ненавидѣла ее за то, что она такъ счастлива. «Да не долго будетъ ихъ счастье,—успокоивала она свою злобу:—не долго! Меня погубили, а сами хотятъ блаженствовать! Нѣтъ, не дамъ я имъ этого. Я несчастна, такъ всѣ вы будете несчастны, лучшаго вы не стоите!».

Но во всей своей злобѣ великой, во всемъ своемъ мученьи и въ этихъ безумныхъ планахъ мести, обращенныхъ на неповинныхъ, даже ей самой не думалось какого страшнаго не-

счастія будетъ она причиной, до чего доведетъ ее злобное чувство.

— Милый мой,—шепнула Наталья Борисовна жениху, когда послѣ обрученья онъ съ ней подъ руку выходилъ изъ залы и со всѣхъ сторонъ стремились гости приносить имъ свои поздравленія:—милый мой, зачѣмъ-же ты говорилъ мнѣ о страшномъ будущемъ? Развѣ у насъ можетъ быть оно страшно? Посмотри, какъ свѣтло все кругомъ. Посмотри, какое счастье, вѣдь, и во снѣ никогда такого не снилось!

— Ахъ!—такъ-же тихо отвѣтилъ ей женихъ:—зачѣмъ ты вспомнила объ этихъ словахъ моихъ, Наташа? Теперь вотъ ты снова напугала меня. Я ни о чемъ не думалъ, а теперь вдругъ мнѣ кажется, что недолго всему этому счастью нашему продолжаться, и именно потому, что оно такъ полно, такъ волшебно. Не стою я такого счастья! Развѣ что ради чистоты души твоей ангельской получу я его, но боюсь ему вѣрить.

— Что ты, что ты, полно, отгони отъ себя мрачныя мысли, не теперь имъ предаваться!

Они проходили мимо императора, который что-то таинственно говорилъ цесаревнѣ Елизаветѣ. Онъ говорилъ ей:

— Лиза, завтра утромъ жди меня, я къ тебѣ буду.

— Не будешь, государь:—отвѣчала ему Елизавета:—не пустятъ тебя ко мнѣ.

Но она быстро раскаялась, что сказала слова эти. Пристально взглянувъ на племянника, она увидѣла въ лицѣ его такое мученье, что ей стало безконечно его жалко.

— Голубчикъ мой,—прошептала она:—мнѣ кажется, ты боленъ.

— Нѣтъ, я здоровъ. Отчего ты такъ думаешь?

— Да, вѣдь, на тебѣ лица нѣтъ, ты такъ блѣденъ и у тебя видъ такой странный. Такой странный! Ты ужасно измѣнился!—твердила она съ возраставшимъ испугомъ, и все пристальнѣе въ него вглядываясь. Она давно его не видала и теперь не могла не поразиться страшной перемѣной, происшедшей въ немъ.

— Нѣтъ, я не боленъ,—печально сказалъ онъ снова.

— Такъ что съ тобой? что съ тобой?

— Вотъ я и пріѣду сказать тебѣ, что со мною. Теперь развѣ можно? Смотри, ужъ слѣдятъ за нами...

Пированье въ шереметевскомъ домѣ продолжалось. Съ хоръ гремѣла музыка, много роскоши, много блеска разлито было всюду, все имѣло внѣшній видъ беззаботнаго веселья. Но надъ всѣмъ этимъ какъ-будто висѣла какая-то черная туча. Предчувствіе близкаго горя, чего-то недобраго носилось надъ всѣми, и никто не могъ отогнать отъ себя неясной, но страшной мысли.

X.

На слѣдующее утро, когда еще никто изъ Долгорукихъ не показывался во дворецъ, императоръ велѣлъ заложить сани и поѣхалъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Она ужъ ждала его. Она видѣла изъ вчерашняго съ нимъ разговора, изъ того, какъ онъ смотрѣлъ на нее, что теперь онъ непремѣнно пріѣдетъ. Она встрѣтила его со своей всегдашней ласкающей улыбкой.

— Вотъ видишь, я здѣсь съ тобою,—грустно сказалъ онъ.— Давно собирался, да не даютъ мнѣ ни минуты отдыха. Одного не оставляютъ; цѣлый день, то то нужно, то другое. Вѣдь, еще когда, никакъ около мѣсяца, какъ вернулась ты изъ своего Покровскаго, а все-же намъ съ тобою безъ постороннихъ поговорить не удавалось. Ну, что-жъ, Лиза, что ты мнѣ теперь скажешь? Вотъ я и не пристаю къ тебѣ съ моею любовью. Вотъ я невѣсту себѣ нашелъ, жениться собираюсь! Что ты мнѣ скажешь?

Онъ съ нетерпѣніемъ и тоскою ждалъ ея отвѣта.

Она подняла на него свои ясные глаза.

— Что-жъ я могу тебѣ сказать, Петруша? Я ужъ тебя поздравила.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, какъ ты находишь мой выборъ?

— И на это опять ничего не могу сказать тебѣ. Самъ выбиралъ, самъ рѣшилъ дѣло и у тебя свой разумъ.

— Господи!—отчаянно заломилъ руки императоръ:—и ты тоже, ты тоже самое говоришь, что и Андрей Иванычъ! Отъ васъ двоихъ только и ждалъ я путнаго отвѣта, и ничего вы сказать мнѣ не хотите! Развѣ ты ничего не видишь, развѣ ты не замѣчаешь, что я самый несчастный теперь человѣкъ въ мірѣ?!

— Какъ-же могу я что-нибудь видѣть? Все время я не была здѣсь. Ты не видался со мною, ты совсѣмъ отъ меня отвернулся. Я изъ Покровскаго не выѣзжала... ничего я не знаю...

На слова Елизаветы юный императоръ отвѣтилъ.

— Ахъ, Лиза! знаю я, знаю, что ты можешь упрекать меня, знаю, что не правъ передъ тобою. Прости меня, ради Бога! Видишь-ли! сначала мнѣ было такъ тяжело, я такъ любилъ тебя, Лиза, а ты отъ меня отворачивалась, ну, и... сердился я на тебя, конечно. И больно, больно мнѣ было видѣть тебя: при тебѣ мнѣ становилось хуже. А потомъ... потомъ, Лиза, со всѣхъ сторонъ мнѣ про тебя дурное стали говорить, убѣждали...

— И ты повѣрилъ?—грустно усмѣхнулась она.

— Повѣрилъ, Лиза!—смущеннымъ тономъ тихо отвѣтилъ Петръ.

— Я не сержусь на тебя,—сказала она, положивъ руки ему на плечи:—Богъ съ тобою, вѣрь, если хочешь! Сама не знаю, что

дурное дѣлаю, у каждаго свой взглядъ на дурное или хорошее; можетъ, есть гдѣ-нибудь и дурное. Знай только одно, голубчикъ мой Петя, что часто о тебѣ я плакала, часто мнѣ хотѣлось видѣть тебя, поговорить съ тобой, и чего боялась я, то и случилось. Но скажи мнѣ, скажи все не скрывая, можетъ, теперь на всемъ свѣтѣ одинъ только другъ у тебя и есть, это я.

Какъ въ прежніе далекіе дни, придвинулъ императоръ бархатную скамеечку къ креслу Елизаветы, опустился на эту скамеечку и положилъ свою усталую голову на колѣни красавицы-тетушки.

— Страшно мнѣ, Лиза, тяжело мнѣ, не люблю я моей невѣсты. Никогда никого не любилъ я, кромѣ тебя. Помнишь ты княжну Меншикову? Помнишь ты какъ смотрѣлъ я на нее? Ну вотъ и теперь тоже самое. Точно такъ-же противна мнѣ становится моя невѣста...

— Господи! да зачѣмъ-же ты сдѣлалъ ей предложеніе? Вѣдь, никто же силой не заставилъ тебя?!

— Не силой, а заставили.

И онъ подробно разсказалъ цесаревнѣ все, что съ нимъ было. Онъ не винилъ Долгорукихъ, не винилъ и княжну. Онъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что съ ихъ стороны не было ничего заранѣе подготовленнаго, никакого умысла. Но не такъ думала цесаревна. Она ясно поняла въ чемъ дѣло и не могла удержаться отъ слезъ.

— Господи! Еще этого недоставало, — начала она, обнимая Петра.—Голубчикъ мой, но, вѣдь, это дѣло невозможное! Ты не можешь отдаться имъ въ руки, ты не можешь погубить себя. Ты долженъ отказаться отъ невѣсты.

— Какъ это можно, Лиза! Теперь это совсѣмъ невозможно.

— Да отчего-же, отчего же?

И она начала убѣждать его.

Онъ внимательно слушалъ. Многое ему становилось ясно, чего до сихъ поръ не понималъ онъ. Была минута, когда онъ рѣшилъ въ себѣ, что такъ и поступитъ, какъ совѣтуетъ Лиза: сбросить съ себя это ненавистное бремя, еще разъ покажетъ, что онъ свободный человѣкъ и императоръ.

Въ волненіи, блестя глазами, поднялся онъ. Снова вернулась къ нему теперь сила: онъ бодро стоялъ передъ цесаревной. Вотъ онъ сжалъ кулаки и сдвинулъ свои темныя брови.

— Да, ты права! Да, я не могу губить себя, я такъ или иначе развяжусь съ ними.

Но, видно, теперь ужъ всякое волненіе вредно на него дѣйствовало; видно, въ немъ пробудилась не сила, а только послѣднее

подобіе силы и энергіи, онъ пошатнулся и помимо своей воли очутился снова на колѣнахъ передъ Елизаветой.

— Боже мой! что съ тобою?

— Голова кружится, Лиза! теперь часто кружится. Плохо мнѣ что то въ послѣднее время...

Она схватила его за руки: руки какъ ледъ холодныя, лицо блѣдное.

Доброе сердце цесаревны сжалось болью. «Погубили, погубили моего мальчика!» думала она.

— Знаешь, Лиза, иногда весь день брожу я, какъ шальной совсѣмъ, просто разумъ у меня мутится, ничего не понимаю, по ночамъ трясетъ лихорадка. Потомъ все пройдетъ, и нѣсколько дней опять ничего, но теперь... теперь мнѣ все хуже и хуже.

— Такъ зачѣмъ ты не лѣчишься? Я сейчасъ поѣду къ Андрею Иванычу...

— Ахъ, оставь, не ѣзди! Что они могутъ мнѣ сдѣлать?! Ты помнишь, Лиза, какъ умирала сестрица, она тогда говорила, передъ самой своей смертью говорила, что скоро я буду съ нею, къ ней отправлюсь. Знаешь, я слышалъ, что у тѣхъ, кто умираетъ, бываетъ такое просвѣтлѣніе, многое они видятъ и понимаютъ изъ того, что никому намъ не ясно. Я еще вчера вотъ долго объ этомъ думалъ, всю ночь сегодня тоже продумалъ, не спалось мнѣ. Я и пріѣхалъ сказать тебѣ это, Лиза, что скоро меня не будетъ...

Она хотѣла утѣшить его, но словъ не находила. Ей самой теперь казалось, что онъ непремѣнно умретъ скоро. Да и развѣ можно было вынести то, что онъ вынесъ? Еще нужно удивляться, какъ до сихъ поръ силъ хватало. Но нѣтъ же, вѣдь, этого нельзя допустить, онъ такъ молодъ, его жизнь еще не началась почти, развѣ можно ему умирать? Еще есть возможность спасти его, у него такая здоровая природа. Теперь бы ему отдохнуть, поѣхать въ чужія страны, къ тѣмъ водамъ цѣлебнымъ, гдѣ батюшка лѣчился. Цесаревна хорошо помнила, какъ одинъ разъ ея великій родитель уѣхалъ въ Спа совсѣмъ больной, совсѣмъ измученный, а вернулся сильнымъ и бодрымъ.

— Ѣхать тебѣ полѣчиться въ чужія страны!—громко выразила она императору свою мысль.

Онъ махнулъ рукой.

— А развѣ выпустятъ? Скажутъ, что нельзя никакъ, что государство отъ этого страдать будетъ. Да и зачѣмъ? Никуда теперь не тянетъ меня, Лиза, и жизнь мнѣ ужъ надоѣла. Право, умереть лучше, чѣмъ такъ жить, какъ живу я. Прежде, недавно еще, много было радостей, все меня забавляло, все меня веселило: каждую свою охотничью собаку любилъ я, каждая изъ нихъ мнѣ доставляла удовольствіе. Птицу застрѣлю, звѣря затравлю — не знаю куда дѣваться отъ радости, а теперь вотъ не влечетъ и

охота. Что-жъ мнѣ жить-то, Лиза! Кого люблю я, тотъ меня не любитъ; кого не люблю, тотъ всегда со мною. Вотъ ты говорила отказаться отъ невѣсты; подумалъ я сейчасъ, что можно это сдѣлать, а теперь вижу, что нехватитъ у меня на то силы. Да и что-жъ потомъ, хоть-бы даже ушла и эта невѣста? Опять, вѣдь, придетъ другая. Вѣдь, всѣ кричатъ, всѣ только то и твердятъ въ уши, что долженъ я непремѣнно жениться. Ну, годъ пройдетъ, другой, вѣдь, все равно жена будетъ, а гдѣ же я найду невѣсту себѣ по сердцу? Какая принцесса плѣнитъ меня? Лиза, пойми, моя золотая, что никого не люблю я, никого не могу любить.

— Полно, Петруша, не тѣмъ ты теперь былъ занятъ. И мысли, и чувства у тебя по твоему возрасту, а вотъ пройдетъ годъ, другой, и непремѣнно кого-нибудь полюбишь. Вѣдь, человѣкъ ты тоже, а съ человѣкомъ такъ всегда бываетъ.

Императоръ печально улыбнулся.

— Вотъ то-то, Лиза, что мало ты меня знаешь. Не былъ я человѣкомъ, да никогда и не буду: былъ я малымъ ребенкомъ, а потомъ прямо старикомъ сдѣлался. Ну, посмотри на меня хорошенько—развѣ не старикъ я теперь? Какъ есть старикъ старый, разслабленный. И знаешь-ли, какъ у стариковъ все свѣтлое, все хорошее далеко назади осталось, и живутъ они только о немъ вспоминая, такъ и у меня: все, что мило и дорого—далеко. Далеко наше время золотое, помнишь, петергофское время, далеко сестрица Наташа... да и ты далеко. Ты теперь для меня ужъ не прежняя. Знаешь-ли, какъ я любилъ тебя, Лиза? Знаешь ли, что каждую минуточку малую объ одной тебѣ только думалъ? И я ждалъ, что и ты меня полюбишь, ждалъ, что ты будешь моей женою, что мы всю жизнь проживемъ вмѣстѣ, вотъ были мои мечтанья, вотъ было бы мое счастье—ты его не захотѣла.

Елизавета молча плакала.

— Но ты не думай,—продолжалъ Петръ:—не думай, Лиза, что теперь я не люблю тебя; такъ же люблю, какъ прежде, можетъ, еще больше люблю, только ужъ безъ всякой радости, безъ всякой надежды!

Не могла цесаревна его больше слушать, не могла смотрѣть на него. Сердце ея разрывалось. Кругомъ придворные давно уже говорили, что она холодная, честолюбивая дѣвушка, завлекаетъ его, желаетъ забрать въ руки и женить на себѣ, чтобы стать императрицей.

Ни одной минуты она этого не думала, но любила императора нелицемѣрно, какъ милаго младшаго брата. А вотъ теперь такъ первый разъ въ жизни подумала: «Боже мой, какая жалость! Нѣтъ силъ вынести. Нужно спасти его, нужно ему собою пожертвовать».

— Слушай, Петя,—вдругъ взволнованнымъ голосомъ обратилась она къ нему, крѣпко сжимая его руки:—если правда, что ты такъ меня любишь, если правда, что я могу сдѣлать тебя счастливымъ, слушай—я согласна. Я на все согласна. Я буду твоей женою, буду, хоть это противно нашей религіи, буду, хоть бы за это на меня посыпались камни. Только, милый, улыбнись мнѣ, только въ себя приди: отбрось, прогони отъ себя всѣхъ этихъ негодныхъ людей, которые ищутъ твоей погибели, только живи, голубчикъ!..

Императоръ глядѣлъ на нее остановившимися глазами и вдругъ зарыдалъ мучительно, кинулся къ ней на шею, крѣпко ее обнялъ и спряталъ свою голову на груди ея. Долго не могъ придти онъ въ себя, долго не могъ произнести ни слова. Но вотъ рыданья его прекратились, онъ поднялъ голову и пристально взглянулъ въ лицо цесаревны.

Попрежнему чудно прекрасно смотрѣло на него лицо это. Неподдѣльное, искреннее чувство, теплое участіе свѣтилось въ немъ.

— За эти слова, дорогая Лиза, благодарю тебя. Лгали безсовѣстные люди, всѣ лгали—одинъ я правъ былъ, зная тебя, зная твое сердце золотое. Еще разъ прошу простить меня за то, что я былъ такъ глупъ, смѣлъ на тебя сердиться. Но слушай, Лиза! Еслибъ теперь ты на колѣнахъ стала умолять меня о томъ, о чемъ столько разъ просилъ я тебя, еслибъ сейчасъ стала мнѣ клясться Богомъ, что любишь меня такъ, какъ я всегда хотѣлъ, чтобъ ты меня любила, все же, Лиза, изъ этого ничего бы не могло выйти. О, какъ я тебя понимаю! О, какая ты добрая! Тебѣ меня жалко, и вотъ ты хочешь мнѣ пожертвовать собою. Но, Лиза, я не принимаю такой жертвы. Я только благодарю тебя за нее, но не принимаю, не могу принять. Я понялъ, что нельзя тебѣ любить меня, я для тебя мальчикъ, я для тебя братъ маленькій. Прежде не понималъ этого—теперь понимаю.

Цесаревна крѣпко обняла его.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, чтобъ тебя успокоить? Скажи только, все исполню. Хочешь и не отойду отъ тебя? Я буду твоимъ лучшимъ другомъ!!..

— Да, хорошо-бы это было,—прошепталъ онъ:—но меня отъ тебя отнимутъ.

— Стыдись,—вдругъ заговорила она, думая, что есть еще средство возбудить въ немъ энергію:—стыдись быть такимъ малодушнымъ. Ты былъ меньше, ты былъ совсѣмъ ребенкомъ и у тебя хватило силы уничтожить ненавистныхъ Меншиковыхъ, разбить вражескія ковы, распутать себѣ руки. Теперь, теперь ты старше, долженъ быть сильнѣе: жизнь тебя поучила, видѣлъ ты

людей, могъ узнать ихъ. Что-жъ, неужели ты считаешь своими друзьями Долгорукихъ? Еще Иванъ, можетъ быть, тебя любитъ, но тѣ, остальные... Подумай хорошенько, пойми, наконецъ... Это обманщики, плуты. Видно, не знаешь ты, что они дѣлаютъ. Они казну грабятъ и творятъ всякую неправду. На нихъ весь народъ жалуется. Ихъ всѣ ненавидятъ. Они тоже, что Данилычъ... хуже, тотъ, по крайности, дѣлалъ дѣло, голова была золотая, а эти ничего, кромѣ зла, не дѣлаютъ...

— Ну, ты сердита на нихъ! Можетъ быть, ты несправедлива, не такъ ужъ они дурны,—смущенно замѣтилъ Петръ.

— Что-жъ, околдовали они тебя, что ли? Вспомни все хорошенько, вспомни всѣ эти охоты; вѣдь, прежде постоянно я тамъ тоже бывала съ вами, вѣдь я все видѣла! Развѣ вчера, что ли, началось это дѣло съ княжной Катериной? Развѣ Алексѣй Григорьевичъ не всячески старался ее выставлять на глаза тебѣ?!..

— Ахъ, можетъ быть, это и правда,—отчаянно проговорилъ Петръ:—да только знаешь, что я скажу тебѣ! Вотъ сейчасъ, сiю минуту, я все ясно вижу, я все понимаю. Взошли бы они теперь сюда и посмотрѣла бы ты, какъ я ихъ бы встрѣтилъ... а черезъ часъ будетъ совсѣмъ другое. Можетъ быть, точно они меня околдовали—у меня теперь никакой нѣтъ силы, никакой нѣтъ воли, я теперь не знаю, что со мною. Видно, много успѣлъ нагрѣшить я, что Богъ меня такъ наказываетъ!..

На глазахъ изумленной и испуганной цесаревны въ императорѣ произошла перемѣна. Недавно еще отъ волненiя его щеки разгорѣлись, но теперь покрыла ихъ смертная блѣдность, вотъ онъ задрожалъ и испуганно осмотрѣлся во всѣ стороны.

— А, можетъ быть, насъ подслушали? Можетъ, здѣсь гдѣ-нибудь Алексѣй Григорьевичъ? Посмотри, Лиза, пожалуйста, поди къ дверямъ, послушай, послушай!..

— Голубчикъ мой, что, что съ тобою? Ты, право, боленъ, ты бредишь!

— Нѣтъ, я не брежу, Лиза, не брежу. Я знаю, что ни одно мое слово, что ни одна моя мысль не проходятъ такъ, все они знаютъ. Какъ, откуда—не понимаю; Лиза, если тебя будутъ спрашивать о чемъ мы говорили, пожалуйста что-нибудь выдумай!..

Цесаревна до того испугалась этихъ странныхъ, безумныхъ рѣчей, что думала кликнуть кого-нибудь, послать поскорѣй за докторомъ. Она не знала что ей дѣлать, металась по комнатѣ.

— Петичка, ангелъ мой! позволь, я пошлю за своимъ докторомъ, онъ дастъ тебѣ какого-нибудь лѣкарства.

— Ахъ, что ты, что ты!—испуганно бросился онъ за нею и не пускалъ ее отъ себя:—что ты, какъ можно доктора! Какое лѣкарство дастъ онъ мнѣ? Вонъ и такъ принесли мнѣ намедни

лѣкарство, я сказалъ, что выпилъ, а самъ тихонько вылилъ его. Знаешь, Лиза, я тебѣ признаюсь, только ради Бога не говори никому объ этомъ: знаешь, я каждый разъ за обѣдомъ боюсь, что меня отравятъ.

— Да кто тебя отравить можетъ? Кому это нужно?

— Не знаю кто, только развѣ это не бываетъ!? Да, можетъ быть, ужъ и теперь во мнѣ отрава, отчего я такъ боленъ, Лиза, отчего на меня находитъ такая слабость?

Цесаревна видѣла, что онъ дѣйствительно бредитъ. Она дотронулась до головы его—голова горячая, самъ дрожитъ весь.

— Послушай, поѣдемъ, позволь, я довезу тебя. Я провожу тебя, тебѣ надо лечь въ постель, отдохнуть. Ты, вѣрно, простудился...

— Нѣтъ, что ты, что ты! Не ѣзди со мною, тебѣ, вѣдь, сдѣлаютъ за это непріятность.

Но онъ ужъ такъ ослабѣлъ, что ей не трудно было отъ него вырваться. Она приказала скорѣй давать себѣ одѣваться и почти силою увезла его.

Во дворцѣ Долгорукіе уже давно тревожились, не зная куда онъ выѣхалъ: всюду послали развѣдывать.

Алексѣй Григорьевичъ сильно покосился на цесаревну, но, взглянувъ на императора, перепугался. Петра раздѣли и уложили. Созвали докторовъ: тѣ все приписали простудѣ.

XI.

На другой день Петру стало лучше. Простуда прошла, но осталась прежняя слабость, прежнее уныніе и апатія. Елизавета возбудила въ немъ послѣднюю вспышку энергіи и онъ былъ правъ, говоря ей, что положеніе его безнадежно, что никакая сила теперь не спасетъ его, не вырветъ изъ власти Долгорукихъ. Да и какъ ему было вырваться? Онъ не разъ сравнивалъ свое теперешнее положеніе съ временемъ, предшествовавшимъ низверженію Меншиковыхъ. Тогда было другое дѣло, тогда могъ онъ поступить энергически. Онъ возставалъ за свои законныя права, возставалъ противъ человѣка, самымъ незаконнымъ образомъ похитившаго власть и во зло ее употреблявшаго. Тотъ человѣкъ держалъ его въ рукахъ, оскорблялъ его, стѣснялъ всячески, злобствовалъ и тиранствовалъ надъ всѣми. Такого человѣка должно было удалить и уничтожить. Теперь не то, новая родня, «компанья», какъ называли тогда Долгорукихъ, не стѣсняла свободы императора, напротивъ, всячески ему угождала, исполняла ма-

лѣйшія его желанья, только и думала какъ бы забавлять его. Конечно, великое стѣсненіе его воли была помолвка съ княжной Катериной, но, вѣдь, самъ онъ согласился. Никто не принуждалъ его словами и угрозами, самъ онъ во всемъ виноватъ, виновата его безхарактерность.

«Но, вѣдь, права Лиза,—безнадежно думалъ бѣдный императоръ:—что они все это подстроили нарочно, заранѣе все подготовили. Какъ-же смѣли они! Какая-же невѣста мнѣ Долгорукая? Она меня старше, она мнѣ не нравится. Но, вѣдь, самъ я виноватъ, зачѣмъ тогда-же, сейчасъ не отказался. Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ была моя воля? А теперь поздно, поздно!»

Хватило еще разъ у него силы вырваться изъ подъ неусыпнаго надзора Алексѣя Григорьевича и съѣздить тайно къ Остерману, но все ничего не вышло изъ этой поѣздки.

Андрей Ивановичъ, конечно, могъ говорить такъ-же убѣдительно, какъ и Елизавета, можетъ быть, еще убѣдительнѣе, но говорить онъ теперь боялся. Онъ хорошо понималъ, что врядъ ли удастся ему побороть Долгорукихъ, покуда живъ императоръ. Конечно, можно настроить юношу, но нельзя поручиться за продолжительность такого настроенія. Сегодня онъ будетъ поступать по совѣтамъ Остермана, а завтра Долгорукіе опять возьмутъ свое и легко выпытаютъ кто замышляетъ ихъ гибель и въ одинъ день погубятъ самого Остермана. А онъ больше, чѣмъ когда-либо, долженъ сидѣть крѣпко и не подавать голоса. Чувствуетъ онъ, что скоро все перемѣнится. Не надолго торжествуютъ Долгорукіе: пусть повеличаются, пусть побахвалятся. Конечно, тонко и осторожно нужно раздражать противъ нихъ императора и если онъ живъ останется, то, можетъ, черезъ годъ, другой, самъ стряхнетъ съ себя ихъ иго, раскается въ своей женитьбѣ, далеко разошлетъ родню свою незванную, царицу въ монастырь заточитъ. Если-же не выдержитъ, если умретъ скоро, тогда все кончится само собою. Что тогда будетъ, о томъ Осторманъ думаетъ непрестанно. Онъ ужъ рѣшилъ, какую роль ему въ такомъ случаѣ играть надобно. Чаще и чаще становятся его письма въ Митаву, герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ и Бирону. Дышатъ эти письма искренней дружбой и почтеньемъ. Вѣрнымъ и неизмѣннымъ рабомъ подписывается онъ герцогинѣ, вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ подписывается Бирону.

И въ разговорѣ съ императоромъ только вздыхалъ Андрей Ивановичъ, соболѣзновалъ, совѣтовалъ заняться собою, полѣчиться, вести жизнь болѣе регулярную; но про Долгорукихъ не сказалъ ни одного дурного слова.

Не спорилъ онъ и съ герцогомъ де-Лирія, который увѣрялъ его, что государь начинаетъ стряхивать съ себя иго.

Когда кто-нибудь съ ужасомъ объявлялъ Андрею Ивановичу, что Долгорукіе ужъ начинаютъ дѣлить между собою высшія должности: Алексѣй-де хочетъ быть генералиссимусомъ, первымъ министромъ, Иванъ—великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ—великимъ канцлеромъ, Сергѣй Долгорукій—оберъ-шталмейстеромъ, онъ спокойно отвѣчалъ на это:

— Что-жъ, конечно, въ порядкѣ вещей желать имъ себѣ почестей: теперь, вѣдь, близкой родней государю дѣлаются, конечно, имъ первое мѣсто.

И всѣ уходили отъ него, понимая, что съ такимъ осторожнымъ и ничего не выдающимъ человѣкомъ лучше и не разговаривать. Можно только завидовать его разуму и стараться идти по стопамъ его.

Но что бы ни говорилъ Андрей Ивановичъ, всѣмъ было ясно, что если даже государь и не стряхиваетъ съ себя ига, то во всякомъ случаѣ очень холодно относится къ своей невѣстѣ. «И она довольна этимъ, навѣрное. Она неохотно принимала бы нѣжности жениха: вѣдь, не успѣла еще забыть своего милаго, графа Миллезимо». Такъ обыкновенно кончались всѣ подобные разговоры. И поневолѣ приходилось убѣждаться, что сильно заколдовали царя Долгорукіе, если онъ послѣ извѣстной сцены, устроенной невѣстой, отъ нея не отказался.

Княжна Катерина дѣйствительно была очень довольна женихомъ своимъ: еслибъ онъ относился къ ней иначе, еслибъ постоянно требовалъ ея нѣжности и ласкъ, она, можетъ быть, и не выдержала бы. Теперь-же ей предоставлена полная свобода. Но куда дѣвать ее?! Больное, измученное злобой и тоскою сердце жадно проситъ какой-нибудь жизни, хоть въ бурѣ, хоть въ грозѣ страшной готово найти жизнь эту. Но пока нѣтъ ни грозы, ни бури—полное, тяжелое затишье. И вотъ всѣ дни красавицы-княжны проходятъ въ безумныхъ грезахъ. Мчатся, несутся эти грезы въ даль неизвѣстную, въ ту даль заколдованную, куда увлекли отъ нея ея милаго. Иногда кажется ей возможно добыть себѣ зелья, что помогаетъ преодолѣвать всякія преграды. Вотъ чудится ей, что она ужъ обладаетъ сверхъестественной силой, что теперь не для нея созданы неумолимые законы пространства и времени. Мигъ одинъ, и разбиты земныя цѣпи! Ищутъ ее, ищутъ, и не находятъ. Она далеко, гдѣ?—не знаетъ: тамъ, гдѣ ея возлюбленный. Она съ нимъ, и летятъ они за тридевять земель, въ тридесятое царство, въ царство весны вѣчной, благоухающей, въ царство вѣчнаго свѣта и радости, и тамъ новая, чудная жизнь начинается...

И страшно, страшно княжнѣ оторваться отъ грезъ этихъ, замѣнить ихъ печальной дѣйствительностью. Нѣтъ того волшеб-

наго зелья всемогущаго, безсильна она какъ малый ребенокъ, въ крѣпкую тюрьму замуравлена, не выбьется изъ тюрьмы этой.

Проносятся другія грёзы: думаетъ она о томъ, что ждетъ ее въ близкомъ будущемъ. Вотъ совершилось ея вѣнчаніе. Вотъ она царица, еще больше склоняются передъ нею люди. И желаетъ она многаго, мести желаетъ врагамъ своимъ лютымъ, а враги ея—люди кровные: отецъ да братъ, что теперь съ невѣстой любимой счастьемъ упивается. И съ мученьемъ, съ злобной отрадой придумываетъ княжна всѣмъ имъ кару жестокую. Но вотъ и покарала, вотъ и отплатила, а потомъ что-же? Потомъ изъ земель далекихъ возвращается Миллезимо. Вѣдь, это-же можетъ быть, это-же должно быть, это будетъ! Онъ снова съ нею. Ото всѣхъ взоровъ постороннихъ скрываютъ, берегутъ они свое счастье. Да хоть бы и не уберегли, кто смѣетъ противъ нея? она царица. А мужъ—государь? Но не ей его бояться, о немъ она и не думаетъ...

Время идетъ, 6-е января пришло, праздникъ—Крещенье. На Москвѣ-рѣкѣ парадъ назначенъ, водоосвященіе, Іордань устроена. Въ роскошной золоченой каретѣ выѣхала государыня-невѣста. По обѣимъ сторонамъ дороги народу видимо-невидимо, шапки передъ ней ломаютъ, кричатъ свои привѣтствія; войска въ карре построены, командуетъ ими Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Императоръ пріѣхалъ изъ Лефортова дворца, куда теперь переселился. Онъ занялъ полковничье мѣсто. На немъ мундиръ блестящій, вокругъ него большая свита.

Сначала и не взглянула на жениха своего княжна Катерина, только вдругъ нечаянно глаза ея съ нимъ встрѣтились и долго она съ него ихъ не спускала.

«Что это, какъ онъ измѣнился?!» Ушедши въ свой внутренній міръ она совсѣмъ не замѣчала его все это время.

«Ахъ! какая перемѣна, видно, онъ боленъ! А что̀ какъ не на шутку заболѣетъ, что̀ какъ умретъ, пожалуй! Ну, чтожъ, я свободна тогда,—подумала Катерина Алексѣевна:—должна радоваться. Но нѣтъ, нѣтъ, теперь мнѣ не надо этой свободы. Чтожъ тогда будетъ?» Ей стало безконечно дорого еще недавно такъ ненавистное и насильно навязанное ей величіе. Вѣдь, только это величіе ей и осталось въ жизни, вдругъ и его судьба отниметъ?! Прекрасный, измученный юноша, котораго она такъ жестоко обманула и котораго за что-то ненавидѣть хватило у нея силы, теперь сдѣлался ей дорогъ, но все-же не какъ человѣкъ, а какъ вещь многоцѣнная, земное богатство. И она все глядѣла на него, все мучилась видимой въ немъ перемѣной.

Съ парада онъ пріѣхалъ въ Головинскій дворецъ къ невѣстѣ, куда собрались и многіе придворные.

Княжна Катерина поспѣшно подошла къ нему, взяла за руку: рука у него какъ ледъ холодная.

— Что съ тобой, государь?—непривычнымъ ей нѣжнымъ голосомъ спросила она.—Мнѣ кажется, ты нездоровъ. Коли такъ, зачѣмъ выѣхалъ сегодня?

Онъ изумленно взглянулъ на нее.

— А ты только сейчасъ замѣтила, что нездоровъ я?—спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.—Или тебѣ меня жалко?

— Что за слова такія, государь? Кого-же мнѣ и жалѣть, какъ не тебя?!

— Такъ успокойся, моя княжна заботливая, я здоровъ, такъ здоровъ, какъ никогда не былъ. Я здоровъ, здоровъ!

И онъ дико смѣялся, страшно смѣялся.

Она поняла, что дѣло плохо и кинулась къ отцу.

— Батюшка, что-жъ вы ослѣпли всѣ, что-ли! Развѣ вы не видите, что государь боленъ. Какъ можно было выпустить его на воздухъ? Посмотрите что̀ съ нимъ. Онъ на себя не похожъ... У него лихорадка.

Алексѣй Григорьевичъ, а за нимъ и князь Иванъ, поспѣшили къ императору и увидѣли, что княжна права. Въ глазахъ странный блескъ, лицо въ огнѣ, самъ дрожитъ... видно, плохо вылѣчили доктора недавнюю простуду, вотъ теперь она снова вернулась. На Іордани онъ былъ слишкомъ легко одѣтъ и говорилъ много... Скорѣй, скорѣй домой! Докторовъ скорѣе!

Повезли императора. И какъ ни коротка была дорога, а онъ съ каждой минутой все больше и больше расхварывался въ каретѣ, такъ что привезли его совсѣмъ уже больного. Онъ даже и идти самъ не могъ: внесли его.

Собрались доктора. Къ императору никого не впускали, при немъ былъ только Алексѣй Григорьевичъ, да князь Иванъ. Спѣшили приготовить лѣкарство, по всему дворцу шла суета.

Черезъ часъ Долгорукіе вышли изъ спальни Петра.

— Что, что съ нимъ?—спрашивали со всѣхъ сторонъ. Но ни Алексѣй Григорьевичъ, ни Иванъ Алексѣевичъ сразу не могли и отвѣтить: на нихъ лица не было̀, оба они дрожали.

— Да что, что такое?

— Доктора сказали, что у него оспа, что ему худо,—прошепталъ, наконецъ, Иванъ Алексѣевичъ и горько заплакалъ.

XII.

Опять по Москвѣ волненіе великое: молодой государь опасно боленъ. Все, что имѣло какое-нибудь соприкосновеніе съ дворомъ,

стало метаться во всѣ стороны. Многіе ожидали всякихъ случайностей, но, несмотря на это, вѣсть о царской болѣзни всѣхъ поразила. Оказалось, что никто, конечно, кромѣ Андрея Ивановича, и не подумалъ о томъ, что-жъ, наконецъ, будетъ въ случаѣ смерти Петра II? Теперь быстро образовались партіи. Одни находили, что престолъ по праву долженъ принадлежать цесаревнѣ Елизаветѣ, родной, теперь единственной, дочери Петра Великаго. На это возражали всякими вымышленными разсказами о дурномъ ея поведеніи, о томъ, что если она взойдетъ на престолъ, то многимъ слѣдуетъ ждать ея немилости. Другіе полагали, что слѣдуетъ избрать царскую невѣсту. Это мнѣніе особенно распространялъ датскій посланникъ Вестфаленъ, которому три года тому назадъ ужъ удалось отстранить герцогиню Голштинскую Анну Петровну и Елизавету отъ русскаго престола.

До сихъ поръ Вестфаленъ былъ спокоенъ за интересы своего двора, но вотъ опасность возвращается и онъ снова волнуется: ѣздитъ то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Но кого теперь застанешь? Всѣ во дворцѣ! Наконецъ, кое-какъ ему удается наединѣ поговорить съ Василіемъ Лукичемъ.

— Слышалъ я,—говоритъ онъ князю:—что Дмитрій Голицынъ желаетъ учинить наслѣдницею цесаревну Елизавету. Если-же это сдѣлается, то вы сами знаете какъ будетъ непріятно двору нашему: Я дамъ вамъ, если слову моему не вѣрите, письменное въ этомъ удостовѣреніе, вы можете показать его кому хотите.

— Теперь, слава Богу, оспа высыпала,—отвѣчалъ Василій Лукичъ:—и есть большая надежда, что императоръ выздоровѣетъ. Но еслибъ онъ и умеръ, успокойтесь, ужъ приняты мѣры, чтобы потомки Екатерины не взошли на престолъ. Такъ и напишите двору своему объ этомъ дѣлѣ, оно несомнѣнно.

Но Вестфаленъ въ тотъ-же день все-же прислалъ князю свое письменное заявленіе. Вотъ что писалъ онъ:

«Слухи носятся, что Его Величество очень боленъ и если престолъ Россійскій достанется Голштинскому принцу, то нашему Датскому Королевству съ Россіею дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста изъ вашей фамиліи, и можно удержать престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериной Алексѣевной. По знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете».

Князь Василій Лукичъ пріѣхалъ съ этимъ заявленіемъ въ домъ Алексѣя Григорьевича и прочелъ его въ кругу собравшихся родныхъ. Но разсуждать теперь не стали, такъ какъ изъ дворца вернулся князь Иванъ съ радостнымъ лицомъ и извѣстіемъ, что государю гораздо лучше...

Въ это время нѣсколько экипажей стояли у ограды мона-

стыря Новодѣвичьяго. Нашлись люди, вспомнившіе старую царицу и поспѣшившіе къ ней извѣстить ее о серьезной болѣзни внука и въ то же время напомнить ей, что она законная супруга императора Петра Великаго. Ихъ экипажи были замѣчены многими и скоро поднялся говоръ о томъ, что есть еще третья партія—старой царицы Евдокіи Ѳеодоровны. Вотъ она, та минута, о которой не разъ думала въ томительные послѣдніе дни инокиня Елена: «внукъ умираетъ! Загубили-таки его. Нашлись люди, пріѣхали къ ней извѣстить, шепнуть, что наступило и ее время. Да, она должна теперь, наконецъ, поднять свой голосъ. Загнанная, забитая, измученная старуха—завтра можетъ быть русской императрицей!» Загорѣлись глаза ея, сильно застучало сердце. Поднялась она, опираясь на свой посохъ, но вдругъ почувствовала, что все пришло слишкомъ поздно и что теперь ей ничего не нужно: совсѣмъ стара она, одолѣла старость, одолѣли лихія болѣзни, одолѣло великое горе цѣлой жизни. Нѣтъ, не подняться ей, не суждено быть императрицей. Пройдетъ, быть можетъ, нѣсколько дней и не короновать, а погребать ее станутъ.

Но все-же она заторопилась во дворецъ ѣхать, навѣстить внука, а когда пріѣхала, когда ввели ее подъ руки въ покои, близкіе къ императорской спальнѣ, вышедшій отъ Петра докторъ сказалъ ей, что больному стало хуже и что теперь никакъ нельзя его видѣть. За докторомъ выбѣжалъ и Алексѣй Долгорукій и спѣшно уѣхалъ къ себѣ домой. Сейчасъ-же послалъ онъ гонца за родственниками, чтобы съѣзжались какъ можно скорѣе. Блѣденъ былъ Алексѣй Григорьевичъ, ноги его подкашивались, видѣлъ онъ, что страшный часъ пришелъ: теперь или величіе или неминуемая погибель. Все надо сдѣлать, все испробовать! Въ головѣ стараго князя одни за другими роились планы и мысли. Онъ еще не унывалъ духомъ, но ослабѣлъ тѣлесно: не могъ совсѣмъ на ногахъ стоять, легъ въ постель. Въ спальнѣ своей и принялъ онъ родственниковъ. Вотъ всѣ съѣхались.

— Что, что такое?

— Императоръ боленъ, худа надежда, чтобъ живъ былъ, надобно выбирать наслѣдниковъ,—проговорилъ князь Алексѣй, едва ворочая языкомъ.

— Кого-же вы въ наслѣдники выбирать думаете?—спросилъ Василій Лукичъ.

— Вотъ—она! — указалъ пальцемъ на верхъ Алексѣй Григорьевичъ.

И взгляды всѣхъ инстинктивно обратились кверху, какъ будто сквозь потолокъ можно было видѣть княжну Катерину Алексѣевну, которая жила тамъ, въ верхнемъ помѣщеніи. И всѣ молчали. Наконецъ, князь Сергѣй Григорьевичъ прервалъ это молчаніе.

— Нельзя-ли написать духовную, будто его императорское величество учинилъ ее наслѣдницею?

— Эхъ, не ладное дѣло вы затѣваете,—наконецъ, поднялъ свой голосъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ:—гдѣ это видано, чтобъ обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницей! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Не токмо посторонніе, но и я, и прочіе изъ нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчана.

Алексѣй Григорьевичъ бѣшено взглянулъ на него.

— Хоть не вѣнчалась, да обручалась,—проговорилъ онъ.

— Что-жъ такое!—отвѣчалъ, даже не взглянувъ на него, фельдмаршалъ:—вѣнчанье иное, а обрученье иное. Да если бы она за государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы въ учиненіи ее наслѣдницей не безъ сомнѣнія было.

«Это еще что?—отчаянно подумалъ Алексѣй Григорьевичъ:—ужъ и въ роднѣ несогласіе? Но развѣ можно допустить это?»

— Послушайте, други мои,—обратился онъ ко всѣмъ:—все сдѣлать можно, стоитъ только хорошенько приняться за дѣло, и успѣхъ у насъ будетъ. Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына. А если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты, Василій Владиміровичъ, въ Преображенскомъ полку подполковникомъ, а князь Иванъ—маіоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому.

Но Василій Владиміровичъ, изъ всѣхъ Долгорукихъ остававшійся хладнокровнымъ и спокойнымъ, не могъ съ этимъ согласиться.

— Что вы, ребячье, врете!—кричалъ онъ.—Какъ тому можно сдѣлаться, и какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, будутъ не только меня бранить, но и убьютъ, навѣрное.

И, не дожидаясь дальнѣйшаго, Василій Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ, княземъ Михайлою.

— Туда вамъ и дорога!—трясясь отъ бѣшенства и ужаса, прошипѣлъ имъ вслѣдъ Алексѣй Григорьевичъ.—И безъ васъ дѣло сдѣлаемъ. Выручи, Василій Лукичъ, придумай что-нибудь, ради Бога!

Князь Висилій Лукичъ сѣлъ у камина передъ маленькимъ столикомъ, взялъ листъ бумаги и чернильницу и началъ писать духовную. Но скоро онъ остановился и разорвалъ бумагу.

— Моей руки письмо худо; кто бы получше написалъ?—сказалъ онъ.

Писать вызвался Сергѣй Григорьевичъ, только просилъ, чтобы диктовали ему Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Скоро поспѣли два экземпляра.

Въ это время въ спальню отца вошелъ князь Иванъ прямо отъ императора, съ опухшими отъ слезъ глазами, весь даже растрепанный. Онъ сѣлъ на стулъ и поглядѣлъ на всѣхъ въ полномъ отчаяньи.

— Иванъ!—обратился къ нему отецъ:—еще разъ умоляю тебя, помоги намъ. О своей головѣ хоть подумай. Вѣдь, если не уладимъ дѣло, всѣ мы погибли. Мало, что-ли, враговъ у насъ? Лютая смерть ждетъ, подумай!

Князь Иванъ молчалъ.

— Или ты ума-разума лишился!?—тѣмъ-же отчаяннымъ, умсляющимъ голосомъ продолжалъ отецъ.—Ну, насъ не жалѣешь, себя не жалѣешь, такъ пожалѣй хоть невѣсту свою, Наталью Борисовну. Она тебя любитъ пуще жизни, зачѣмъ-же ты ей готовишь гибель?

Князь Иванъ вздрогнулъ. Нашелъ отецъ чѣмъ вывести его изъ неподвижности.

— Да,—едва слышно прошепталъ онъ:—да, ради нея на все готовъ, все сдѣлаю. Что вы тутъ?—духовную пишете, такъ я подпишусь. Не разъ съ государемъ въ шутку писывалъ, умѣю подъ его руку подписываться, такъ что никто и не распознаетъ.

Онъ дрожащей рукой схватилъ перо и написалъ: «Петръ».

Всѣ кинулись къ бумагѣ и въ одинъ голосъ рѣшили, что очень похоже. Положили, чтобъ Иванъ и подписался подъ духовною, если государь, за тяжкою его болѣзнью, подписаться не будетъ въ силахъ.

XIII.

— Господи, что съ тобою? Голубчикъ мой, радость моя, ты какъ смерть блѣденъ!—такъ говорила, испуганно вглядываясь въ жениха, только что пріѣхавшаго къ ней, Наталья Борисовна Шереметева.

Онъ наклонился къ плечу ея и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Государь умираетъ!—едва смогла она разслышать его отчаянный шопотъ

Да быть-же этого не можетъ! Ужъ не ослышалась ли она, точно-ли онъ сказалъ это: государь умираетъ! Еще вчера извѣщалъ ее Иванъ Алексѣевичъ, что государю совсѣмъ лучше и она, было, успокоилась, прогнала отъ себя всѣ мрачныя мысли. И вотъ государь умираетъ...

— Иванушка, такъ-ли это? Неужели нѣтъ надежды? Вѣдь, докторамъ нельзя вѣрить; вотъ въ позапрошломъ году я тоже

была больна сильно: всѣхъ докторовъ съ Москвы созвали и всѣ сказали, что умру непремѣнно, а вотъ выздоровѣла. Можетъ, и теперь такъ оно будетъ, помилуетъ насъ Господь, дастъ государю здоровье.

— Нѣтъ, Наташа, родная моя, не утѣшай ты меня, совсѣмъ ему плохо. Только на секундочку и пріѣхалъ взглянуть на тебя, поплакать съ тобой. Сейчасъ къ нему возвращаюсь, боюсь, въ живыхъ застану-ли...

Онъ говорилъ это такимъ безнадежнымъ голосомъ. Онъ такъ измученно, такъ страшно смотрѣлъ на нее, она поняла, что онъ не ошибается. Да, еще такъ недавно, сейчасъ еще было счастье, ни о чемъ страшномъ не думала молодая невѣста, сейчасъ еще вся жизнь казалась такою радостью, впереди только свѣтъ былъ. И вотъ какъ скоро ночь пришла страшная, ночь непроглядная. Разрывается ея сердце на милаго человѣка глядя, понимаетъ она всѣ его муки, его боль душевную.

Ахъ, какъ судьба къ ней немилостива! Долго-ли счастье длилось, и вотъ она сочла, сколько длилось это счастье, и вышло двадцать три дня съ половиною. Чѣмъ ей утѣшить теперь князя Ивана? Нечѣмъ, нѣтъ словъ такихъ у нея, она можетъ только ласкать его, можетъ только прижать его къ своему сердцу и плакать съ нимъ вмѣстѣ. И она плачетъ и цѣлуетъ его.

— Но поѣзжай, поѣзжай скорѣе,—говоритъ она:—я не держу тебя, поѣзжай скорѣе, тутъ еще больше мучаешься. Можетъ, и полегчаетъ государю. А я хоть буду молиться, какъ только умѣю, авось, дойдетъ до Бога и моя грѣшная молитва.

— Да, молись, Наташа, молись!—глухимъ голосомъ проговорилъ князь Иванъ.—Только нѣтъ, Господь Богъ не смилосердится надъ нами: давно мы всѣ заслужили гнѣвъ Его, возьметъ Онъ къ себѣ эту чистую душу, нами, окаянными, погубленную. А намъ, намъ остается тяжкая кара и здѣсь, на землѣ, и на небѣ!

Не могла слушать рѣчей этихъ Наталья Борисовна. Зачѣмъ онъ и себя съ ними равняетъ и себя къ нимъ причисляетъ. Онъ и они, что мракъ преисподней и свѣтлое небо.

— Ахъ, Наташа, теперь всѣ вины мои стоятъ передо мною. Нѣтъ такого наказанія страшнаго, нѣтъ такой пытки ужасной, не выдумали люди такую пытку, какую я заслуживаю. Все теперь помню, все, въ чемъ повиненъ былъ передъ государемъ. Многому дурному научилъ я его во дни моего неразумія во дни моего окаянства.

— Да, вѣдь, это-же давно было,—прервала его Наталья Борисовна:—вѣдь, ты теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался; вѣдь, знаю я, что, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, ничего не слышалъ отъ тебя императоръ.

— Да что̀ эти добрые совѣты были! Поздно взялся я за

разумъ, голову снялъ, да о волосахъ сталъ плакаться. Нѣтъ, Наташа, ждетъ меня кара, и я самъ пойду на нее!

Онъ отшатнулся отъ Натальи, онъ съ ужасомъ взглянулъ на нее и схватилъ себя за голову.

— А передъ тобой-то, передъ тобой-то какъ я виновенъ! Зачѣмъ я погубилъ тебя-то, зачѣмъ связалъ твою свѣтлую жизнь съ моей безпутной, черной жизнью!? Наташа, слушай меня, слушай: торжественно, передъ Богомъ заклинаю тебя: уйди отъ меня! оставь меня! Я отказываюсь отъ тебя! Слышишь? Отказываюсь. Ты мнѣ больше не невѣста! Я не загрязню тебя, я не заставлю тебя идти за мною въ мое страшное будущее. Слышишь, Наташа? Я отъ тебя отказываюсь!

Онъ дрожалъ, онъ смотрѣлъ на нее какъ помѣшанный.

Она схватилась за сердце, крикнула отчаяннымъ голосомъ и кинулась ему на шею.

— Ты отъ меня отказываешься?—говорила она, глядя на него съ мукой и любовью:—ты отъ меня отказываешься, и ты можешь отъ меня отказаться? Хорошо, отказывайся, если меня не любишь, да я-то не откажусь отъ тебя! Никто, никакая сила человѣческая тебя отъ меня не отниметъ теперь. Ты мой, слышишь? Ты мой, на всю жизнь! На счастье, на муки, на радость и горе, всюду пойду я за тобою. Отказывайся, бѣги отъ меня. Я настигну тебя гдѣ бы ты ни былъ. Достану тебя на глубинѣ моря, всюду достану. Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня, твоя судьба будетъ моей судьбою. Я покажу тебѣ, что умѣю любить только разъ въ жизни! Я покажу тебѣ какъ вѣрна въ любви я; я покажу это всему свѣту. Бѣдный, милый Иванушка, гдѣ-же твой разумъ-то? Сообразить не можешь, что въ счастьѣ великомъ могла бы я тебя еще оставить, а въ горѣ какъ-же я тебя кину? Неразумную вещь ты придумалъ: теперь-то я и нужна тебѣ. Спѣши же, спѣши скорѣе, немедленно иди къ императору.

Она крѣпко, крѣпко его поцѣловала. Она перекрестила его, благословила, убѣжала къ себѣ въ спальню, заперла на ключъ дверь и стала горячо молиться.

Себя не помня, пріѣхалъ Иванъ Алексѣевичъ во дворецъ и кинулся къ спальнѣ императора.

— Что онъ, что?

— Взгляни, ужъ безъ памяти,—прошепталъ въ отвѣтъ ему Алексѣй Григорьевичъ, не отходившій отъ кровати Петра.

Императоръ дѣйствительно лежалъ безъ памяти. Онъ метался, воспаленные глаза его глядѣли на присутствовавшихъ и никого не видѣли.

— Что-жъ онъ говорилъ что-нибудь? Звалъ кого-нибудь?— спрашивалъ князь Иванъ.

— Зоветъ Андрея Иваныча, да не знаю я: пускать-ли? Пускать не слѣдуетъ.

— Какъ? И теперь, и теперь еще его мучить? Кто-нибудь! скорѣе зовите барона Остермана!—обратился Иванъ Алексѣевичъ къ окружавшимъ.

Никто не шевельнулся. Тогда самъ князь Иванъ отворилъ двери и позвалъ барона.

— Андрей Иванычъ, гдѣ ты?—раздался слабый голосъ императора.

— Здѣсь я, здѣсь, государь, здѣсь... или ты меня не видишь?

— Кто говоритъ это? Это не твой голосъ, Андрей Иванычъ, тебя нѣту, приди же ко мнѣ, тебя не пускаютъ, тебя у меня отняли. Гдѣ ты, Андрей Иванычъ?

И тщетно Остерманъ старался увѣрить больного, что онъ здѣсь, тщетно бралъ его за руку—императоръ смотрѣлъ на него, но ничего не видѣлъ. Вотъ онъ совсѣмъ замолчалъ. Всѣ притаили дыханье... «можетъ заснетъ». Но это былъ не сонъ, а забытье тяжкое. Наступило безсиліе и долго длилось оно.

Полночь давно пробило. Еще часъ прошелъ—все недвижимъ императоръ.

— Иванушка, ты здѣсь?—наконецъ раздался опять слабый голосъ.—Поди ко мнѣ поближе, или нѣтъ, остановись, встань только такъ, чтобы я могъ тебя видѣть. Не подходи ко мнѣ, вѣдь, у меня оспа, я могу заразить тебя. Ахъ, страшно, вѣдь, это! Подальше уйди, подальше. Ты долженъ беречь себя: у тебя невѣста, вѣдь, на лицѣ знаки останутся, подурнѣешь ты, князь Иванъ... Послушай, я лежалъ вотъ и мнѣ слышалось, что кто-то сказалъ, будто я совсѣмъ умираю. Иванушка, правда ли это?

— Неправда, неправда!—едва сдерживая рыданія, говорилъ князь Иванъ:—неправда, государь, ты выздоровѣешь, потерпи немного...

— Да, я хочу выздоровѣть. Я не хочу теперь умирать. Мнѣ жить хочется, я встану и другимъ сдѣлаюсь. По новому все начнется. А гдѣ она, моя невѣста? Прошу, чтобы ее не впускали, да, впрочемъ, и сама не придетъ: побоится испортить красоту свою. Ну, и хорошо, я не могу ее видѣть! Я не хочу ее видѣть, слышишь Андрей Иванычъ? Не хочу, ни за что не хочу!..

Алексѣй Григорьевичъ, еслибъ только можно было, зажалъ бы ротъ умиравшему. «Вѣдь, вотъ-таки позвали этого Остермана! Теперь вотъ сидитъ и каждое слово въ своей памяти записываетъ. Потомъ изъ всякаго слова сдѣлаетъ исторію; за звукъ одинъ погубить насъ сумѣетъ!..»

Онъ кинулся къ Остерману и ужъ не зналъ что и придумать, чтобъ только какъ-нибудь удалить его изъ спальни.

Но сознаніе вернулось къ больному.

— Оставь его, Алексѣй Григорьевичъ,—строго проговорилъ онъ.—Не уходи, будь со мною, Андрей Иванычъ. А гдѣ Лиза? Какъ бы хотѣлъ я ее видѣть. Гдѣ Лиза, и ее не пускаютъ?! Пошлите за нею сейчасъ, чтобъ непремѣнно она пріѣхала. Я хочу ее видѣть, хочу, слышите! Лиза, гдѣ ты, моя добрая, милая Лиза? Посмотри, какъ я боленъ: говорятъ, я умираю. Вѣришь-ли ты, что я умираю?

И онъ ждалъ отвѣта, но никто не отвѣчалъ ему: цесаревны не было. Ее рѣшительно не впускали, представляя въ резонъ, что она можетъ заразиться. Но теперь и за нею послалъ Алексѣй Григорьевичъ.

«Къ чему было не впускать?—думалъ онъ:—если и заразится, тѣмъ лучше,—пускай сама заболѣетъ, пускай умретъ, хоть съ этой стороны не будетъ напасти».

Прошло еще нѣсколько минутъ и снова императоръ потерялъ сознаніе... онъ сталъ бредить. Вотъ и сестру вспомнилъ, вотъ ему кажется, что передъ нимъ она, что онъ говоритъ съ нею.

— Наташа, чего ты такъ долго не приходила, зачѣмъ меня одного оставила? А безъ тебя что было со мной, какія муки, какое горе! Прости меня, Наташа, я грѣшникъ великій, да, я преступилъ свою клятву, тебѣ данную: здѣсь, въ этой ужасной Москвѣ остался и Богъ наказалъ меня! Боленъ я, тяжко мнѣ! Наташа, зачѣмъ ты меня оставила? Наташа, не отворачивайся отъ меня, прости меня. Послушай, не вѣрь имъ, никому не вѣрь, если тебѣ скажутъ, что я люблю ее, что я самъ хотѣлъ всего этого. Не вѣрь, никому не вѣрь: насильно, противъ моей воли все это сдѣлалось. И все оттого, что тебя не было. Я ждалъ тебя, ждалъ, а ты не приходила...

Волосы дыбомъ становились на головѣ у Алексѣя Григорьевича. Онъ Богъ знаетъ что бы далъ теперь, чтобъ никого, кромѣ него, не было въ спальнѣ.

Остерманъ сидѣлъ съ наклоненной головою, ото всѣхъ пряча лицо свое.

Князь Иванъ ни о чемъ не думалъ, даже, можетъ быть, не понималъ смысла словъ умиравшаго своего друга. Онъ только терзался тоскою, только чувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, что еще минута-другая—и все будетъ кончено...

Медленно отворились двери и тихо, едва держась на ногахъ, въ спальню вошла царица Евдокія Ѳеодоровна. Она снова явилась мрачнымъ привидѣніемъ, какъ и тогда, въ послѣднія минуты жизни внучки своей Натальи. И какъ тогда никто не обратилъ на нее вниманія, такъ и теперь тоже. Императоръ уже не могъ ее видѣть, о ней не думалъ, а видѣлъ теперь только тѣхъ, кто былъ въ его сердцѣ.

Снова тишина водворилась въ спальнѣ. Слышно было тяжелое дыханіе умиравшаго. Докторъ наклонился надъ нимъ, взялъ его за руку и печально покачалъ головой.

Вдругъ все лицо Петра преобразилось. Съ широко раскрытыми, блестящими глазами приподнялся онъ съ подушки.

— Иванъ, Иванъ! скорѣй запрягайте сани... хочу къ сестрѣ ѣхать!..

Онъ силился еще сказать что-то, но вмѣсто словъ послышались одни хриплые, непонятные звуки. Онъ къ кому-то простеръ руки и вдругъ упалъ навзничь. Его руки опустились.

XIV.

На другой день рано утромъ въ палатахъ Верховнаго Совѣта назначено было собраніе. Туда съѣхались всѣ сановники, а также и высшее духовенство.

Началось предварительное совѣщаніе о томъ, кого теперь выбрать на престолъ Россійскій. Всѣ были въ сборѣ, одного Остермана не было: онъ находился при тѣлѣ государя и въ Совѣтъ не поѣхалъ. Многіе уговаривали его, но онъ рѣшительно отказался. И покидать тѣло любимаго монарха нѣтъ у него силы, да и въ Совѣтѣ ему дѣлать нечего: онъ иностранецъ и приметъ общее рѣшеніе.

Но все же рано утромъ надъ тѣломъ царственнаго покойника Остерманъ уже успѣлъ переговорить съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ. Теперь онъ могъ оставаться спокойнымъ, онъ зналъ къ чему будетъ клониться рѣшеніе Верховнаго Совѣта.

Въ Совѣтѣ же былъ шумъ великій и долго никто не могъ понять другъ друга.

Все, что говорилось еще наканунѣ про разныя партіи, теперь оказалось вздоромъ, никакихъ партій не было; всѣ явились ни къ чему неприготовленными, пораженными смертью единственнаго внука Петра Великаго, по мужской линіи, и потому все шло вразбродъ. Сильнѣе всѣхъ и отчаяннѣе говорилъ и требовалъ вниманія князь Алексѣй Долгорукій. Онъ сразу объявилъ, что престолъ долженъ принадлежать его дочери, показывалъ всѣмъ завѣщаніе Петра II, но никто не обращалъ на него вниманія.

Еслибъ могъ князь Алексѣй взглянуть теперь вокругъ себя хладнокровно, онъ увидѣлъ бы ясно, что дѣло его проиграно. Въ семьѣ Долгорукихъ единства не было: онъ остался одинъ со своимъ подложнымъ письмомъ, на которое никто и глядѣть не хотѣлъ.

Имя царицы Евдокіи Өеодоровны пронеслось было по собранію, но сейчасъ же и замолкло. Старая, умирающая монахиня, что-жъ это будетъ? Царица на два дня, а потомъ опять тоже! Цесаревну Елизавету даже какъ будто совсѣмъ позабыли.

Одинъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ упорно молчалъ. Онъ выжидалъ время, когда всѣ успокоятся настолько, что станутъ его слушать, и вотъ, выбравъ удобную минуту, онъ всталъ со своего мѣста и заговорилъ ровнымъ, громкимъ голосомъ о томъ, что домъ Петра I пресѣкся съ смертью Петра II и по справедливости необходимо перейти къ старшей линіи, то есть къ линіи царя Ивана Алексѣевича. Старшую дочь его, царевну Екатерину, выбрать трудно, она замужемъ за герцогомъ мекленбургскимъ, а вторая дочь, Анна, герцогиня курляндская—вдова, свободна и одарена всѣми способностями, необходимымидля монархини.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся было къ нему, ему хотѣлось задушить его, самъ онъ и не вспомнилъ про бѣдную курляндскую герцогиню и вообразить не могъ, что она явится соперницей его дочери, но князь Алексѣй удержался. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ всѣ собираются кругомъ Голицына, какъ всѣ кричатъ: «такъ, такъ! Конечно, и разсуждать больше нечего! Выбираемъ Анну». Анна! Анна!—только и слышалось въ засѣданіи Верховнаго Совѣта.

Тяжелыя двери растворились и на порогѣ залы показалась полная, блѣднолицая фигура барона Андрея Ивановича Остермана.

— И я подаю свой голосъ за герцогиню курляндскую!—проговорилъ онъ. — У одной у нея, по мнѣнію моему, законное и неоспоримое право владѣть русскимъ престоломъ.

Алексѣя Долгорукаго родственники должны были вывести изъ залы засѣданія: самъ онъ ужъ идти не могъ. Онъ безумно глядѣлъ на всѣхъ и шепталъ слова непонятныя.

А въ это время «разрушенная царская невѣста» гнала всѣхъ отъ себя, никого къ себѣ не впускала: сидѣла запершись въ своихъ комнатахъ. Какія муки вынесла она, какія мысли прошли въ головѣ ея, никто о томъ не вѣдалъ, да и никто теперь о ней и не думалъ больше. Каждый былъ занятъ своимъ личнымъ горемъ, своими опасеніями и стонъ стоялъ по Москвѣ отъ этого личнаго горя.

Не избѣгъ его и домъ Шереметевыхъ: въ этомъ домѣ въ гробу парчевомъ лежала покойница: бабушка Натальи Борисовны.

И не знала бѣдная невѣста Ивана Долгорукаго о чемъ ей больше печалиться: о смерти-ли доброй бабушки или о смерти

императора. Чуяло сердце Натальи Борисовны, что бѣды только еще начинаются, что впереди одно горе. Плакала она и стонала день цѣлый и никто не могъ ее утѣшить. Она хорошо предвидѣла, что не оставятъ теперь въ покоѣ ея друга милаго, что погибъ онъ. Родные ее уговаривали, представляли ей, что она еще человѣкъ молодой и нечего такъ безразсудно сокрушать себя. Можно этому жениху отказать, если ему худо будетъ; мало-ли жениховъ у нея найдется. Но она съ ужасомъ просила родныхъ молчать и не заикаться ей о такомъ позорномъ дѣлѣ; не для славы, богатства и почестей рѣшилась она выйдти за князя Ивана.

— Не могу я согласиться такому безсовѣстному совѣту! — твердила она.—Одному отдала свое сердце, чтобъ жить и умереть вмѣстѣ, а другому ужъ нѣтъ участія въ любви моей. Нѣтъ у меня той привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого!—и снова она плакала, и конца не было слезамъ ея.

«Онъ-то что теперь, онъ-то, несчастный, какъ мучится?—думала она.—Хоть бы на минутку его увидать!».

Но князь Иванъ не показывался: онъ былъ при гробѣ императора.

Вотъ и день пришелъ страшный. Сейчасъ повезутъ мимо дома Шереметевыхъ государя. Съ опухшими глазами, измученная, на себя непохожая, подошла къ окошку Наталья Борисовна, къ стеклу прильнула и замерла. Видитъ она, по улицѣ ужъ медленно подвигается торжественная процессія. Вотъ проходятъ духовныя особы: множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину. Потомъ несутъ государственные гербы, кавалеріи, ордена разные, короны. Вотъ и гробъ. А передъ гробомъ идетъ князь Иванъ Алексѣевичъ, несетъ на подушкѣ кавалеріи. Двое людей какихъ-то ведутъ его подъ руки, «самъ, видно, ослабѣлъ совсѣмъ, бѣдный». Слезы застилаютъ глаза ея, грудь давитъ отъ рыданій, но все она смотритъ, не отрываясь смотритъ на своего несчастнаго друга. Епанча на немъ траурная, предлинная: флеръ на шляпѣ до земли, волоса распущены, самъ такъ блѣденъ. «Никакой въ немъ нѣтъ живости».

Вотъ поровнялся онъ съ окномъ, изъ котораго она глядитъ, взглянулъ на нее опухшими отъ слезъ глазами—и махнулъ рукою. Все закрылось передъ Натальей Борисовной. Со стономъ упала она на окошко и лишилась чувствъ.

Съ этой минуты кончилась ея прежняя жизнь, веселая жизнь дѣвичья, кончилось ея счастье мимолетное, началась новая жизнь, страшная, такая страшная, что еслибъ она могла всю ее предвидѣть, молила бы объ одномъ только Бога: взялъ бы Онъ ее поскорѣе.

Вслѣдъ за воцареніемъ императрицы Анны Іоанновны началось преслѣдованіе мнимыхъ и явныхъ враговъ ея: конечно, прежде всѣхъ, Долгорукихъ. Обвинили ихъ въ томъ, что они не берегли здоровье государя и были причиною его ранней смерти. И повторилась надъ Долгорукими судьба Меншиковыхъ. По той же дорогѣ пошли они и кончилось ихъ странствіе тяжелыми испытаніями, всякими обидами и мученіемъ, окончилось тѣмъ же далекимъ сибирскимъ островомъ, гдѣ стоялъ домикъ, построенный Александромъ Даниловичемъ.

Графиня Наталья Борисовна, несмотря на всѣ мольбы и даже угрозы родныхъ своихъ, не отказалась отъ жениха, и всей своей долгой страдальческой жизнью доказала свѣту, что въ любви вѣрна она. Дальнѣйшая исторія Долгорукихъ можетъ составить предметъ многихъ разсказовъ, но со смертью Петра II нашъ разсказъ оконченъ. «Разрушенная невѣста» была причиною окончательной гибели родныхъ своихъ и въ томъ числѣ брата. Она отомстила имъ, какъ давно о томъ мечтала. Сама она, во все время царствованія Анны Іоанновны, находилась въ тяжелой ссылкѣ. Но императрица Елизавета вернула ее въ Россію, окружила прежнимъ блескомъ и величіемъ. Катерина Алексѣевна вернулась ко двору постарѣвшею, измѣнившеюся, но неизмѣннымъ оставалось ея гордое сердце. Она вышла замужъ за графа Брюса и скоро умерла отъ сильной простуды. Послѣднія слова ея передъ кончиной были: «сожгите всѣ мои платья и наряды— не хочу, чтобъ кто-нибудь носилъ ихъ послѣ меня!».

Смутное переходное время русскаго общества, вызваннаго къ новой жизни геніемъ Петра Великаго, создало цѣлый рядъ страшныхъ драмъ. Передъ нами проходятъ вереницы виновныхъ и невинныхъ жертвъ общественнаго разлада, и невольно сжимается сердце, вспоминая судьбу иныхъ чистыхъ и свѣтлыхъ людей, безвременно погибшихъ. Среди этихъ образовъ стоитъ и юный императоръ. Природа богато одарила его; въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, при другомъ воспитаніи, изъ него, можетъ быть, вышелъ бы достойный преемникъ великаго дѣда. Но судьба рѣшила иначе, и онъ долженъ былъ погибнуть.

Долгорукіе вполнѣ заслужили свою кару. Одинъ только изъ нихъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, искупилъ всѣ грѣхи своей юности. Строго судить мы его не можемъ. Мы видимъ его впослѣдствіи добрымъ и честнымъ мужемъ, истиннымъ, терпѣливымъ христіаниномъ. Приговоренный къ четвертованію, онъ встрѣтилъ эту страшную казнь съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ. Твердымъ голосомъ началъ читать онъ послѣднюю молитву въ то время, какъ отрубили ему руку, и кончилъ молиться лишь тогда, когда голова его отдѣлилась отъ туловища. И его мы

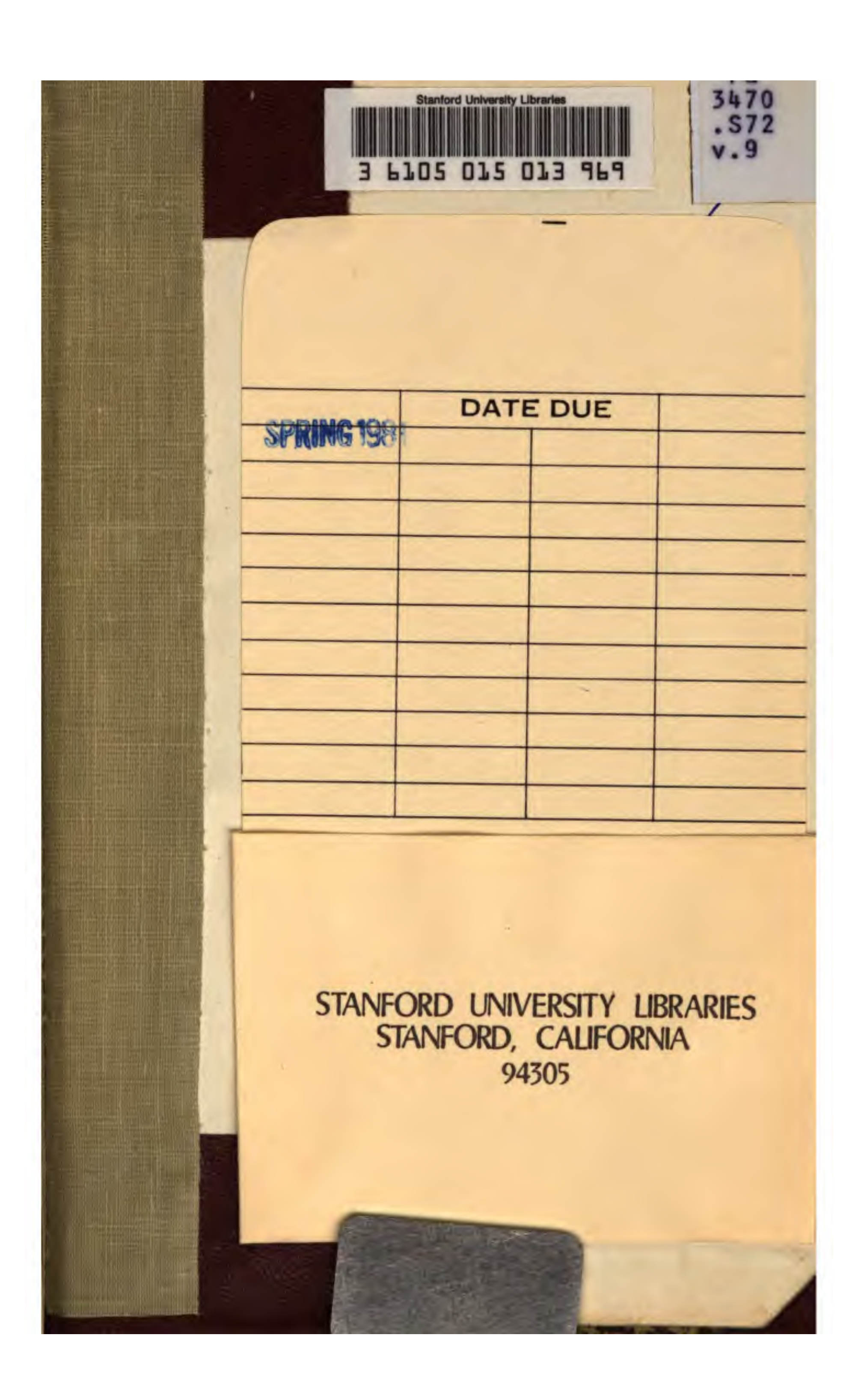
должны причислить къ безвиннымъ жертвамъ страшнаго времени.

Но послѣднее слово наше принадлежитъ женѣ его, Натальѣ Борисовнѣ, печальная судьба которой хорошо знакома русскому народу. Она осталась въ памяти народной свѣтлымъ идеаломъ чистой душою женщины, жены, матери и христіанки. Всю жизнь свою терпѣла она горе за горемъ; скончалась въ Кіевѣ монахиней. Послѣднія слова ея, записанныя ею передъ кончиной, были: «оставшіе по смерти моей пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь. Всякаго христіанина прошу сказать, вспомня меня: слава Богу, что окончилась ея жизнь, не льются ужъ токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея».

Ея тѣло погребено при самомъ входѣ въ кіевопечерскую лавру, рядомъ съ гробомъ ея младшаго сына, ранняя смерть котораго была послѣднимъ ея горемъ. Надписи на могильной плитѣ теперь не существуетъ. Много людей проходятъ надъ прахомъ многострадальной женщины не зная, что здѣсь ея могила, но ея имя не умретъ—оно заслужило безсмертіе.

Конецъ.

1877 г.


Stanford University Libraries
3 6105 015 013 969
3470
.S72
v.9
DATE DUE
SPRING 198
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305